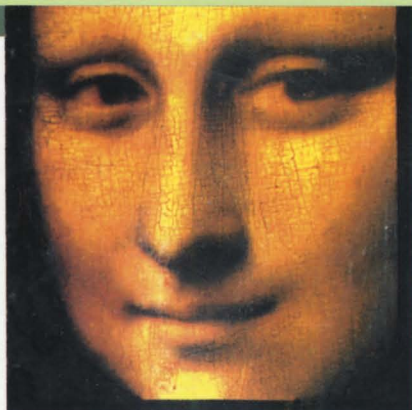

ТАЙНЫ

Век XVI

М. Линдау

ЗЛОЙ ГЕНИЙ
КОВАРСТВА

ИСТОРИИ

в романах, повестях и документах

ТАЙНЫ ИСТОРИИ

Век XVI

М. Линдау

ЗЛОЙ ГЕНИЙ КОВАРСТВА

Роман

Перевод с немецкого

МОСКВА
«ТЕРРА» — «TERRA»
1996

ББК 84.4 Г
Л59

Составитель С. ЕРМОЛАЕВ

Оформление художника
Р. АЮПОВОЙ

М. Линдау
Л 59 Злой гений коварства / Пер. с нем. — М.: ТЕРРА, 1996. — 495с. — (Тайны истории в романах, повестях и документах).

ISBN 5-300-00393-X

Произведение, предлагаемое читателю, живо и ярко воссоздает быт и нравы Европы эпохи средневековья. Но великолепие исторических декораций лишь подчеркивает масштаб и значимость образов людей того времени — политиков, отцов церкви и великих гуманистов Возрождения.

Л 4703010000-168
A30(03)-96 Без объявл.

ББК 84.4Г

ISBN 5-300-00393-X

© Издательский центр «ТЕРРА», 1996

ЗЛОЙ ГЕНИЙ КОВАРСТВА

Роман

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Шел 1500 год.

Несмотря на жалкое состояние Италии, несмотря на скверную славу, распространенную про главу католической церкви, великий праздник христианского мира — юбилей тысячелетия Рождества нашего Спасителя — привлек в Рим невероятное количество паломников со всех сторон Европы. Никто не сомневался, что темные истории, рассказываемые о жестокости, тирании и распутной жизни папы Александра VI¹, были непререкаемой истиной, тем не менее благочестивые пилигримы стремились получить от него благословение и полное отпущение грехов, которого должны были удостоиться все верующие, собравшиеся во град святого Петра. Раскаяние в совершенных преступлениях, безутешное горе, неутоленные душевные муки, страхи, суеверия и грезы мечтательной грусти привлекли из множества стран тысячи богомольцев, пожелавших присутствовать на торжествах по случаю знаменательного юбилея.

Быть может, сознание опасности придавало благочестивому рвению воинственных народов особую прелесть.

Никогда еще в продолжение своего бурного существования Италия не была так опустошена и потрясена нашествием внешних врагов и внутренними междуусобицами, как в тот момент, когда начинается наш рассказ. На юге за обладание Неаполем и Сицилией сражались французы, испанцы, турки и неаполитанцы и заливали своей кровью эти восхитительные места. На севере французы и венецианцы опустошали Ломбардию. Милан в ряде следовавших одна за другой революций терял и снова приобретал свою независимость; многочисленные небольшие государства, среди которых выделялись утонченное герцогство Феррара и республики Пиза, Лукка и Сиена, с трудом боролись про-

¹ Александр VI, Родриго Борджиа (1431—1503) — римский папа с 1492 г.; из знатной семьи испанского происхождения.

тив завоевательных поползновений своих могущественных соседей. В Тоскане флорентийцы, разделенные на многочисленные партии, несмотря на поддержку французов, едва могли разрушить честолюбивые замыслы папского могущества, какими они были охвачены со всем коварством, хитростью и бессердечной энергией, чем особенно отличался, превосходя даже всех католиков и полководцев, генералиссимус церкви Цезарь Борджиа¹.

Эпоха возрождения в Италии много потеряла бы в своей красочности и выразительности, если бы на фоне ее не было фигуры Цезаря Борджиа; он одновременно был ее злым и добрым гением, душою всех заговоров и родоначальником тех людей, которые осуществились лишь в наше время.

Цезарь был незаконнорожденным сыном папы Александра VI и уже в двадцать три года получил кардинальский сан, будучи назначен кардиналом Валенсийским. Но это высокое звание не удовлетворяло честолюбивого человека. Он мечтал о бранной славе, а вместо того должен был совершать богослужения. Его манил меч военачальника, а между тем служба подавал ему кадьницу. Он мучился завистью к старшему брату, герцогу Джованни Гандийскому, который был хоругвеносцем папы. Ему казалось, что имя Цезаря дано ему не просто так, но что в этом заключается скрытый смысл, пророчество, что он станет вторым Цезарем в Италии и, как его знаменитый тезка, добьется императорской короны.

Для осуществления этих тайных замыслов Цезарь прежде всего задумал отделаться от брата и занять его место. Он пригласил герцога Гандийского к себе на ужин, а на другое утро того нашли на берегу Тибра пронзенным девятью ударами шпаги. Виновником этой трагической гибели герцога Гандийского народная молва назвала Цезаря, и это тем более вероятно, что Цезарь после этого занял место брата и сбросил с себя ненавистное ему духовное звание.

Тогда перед Цезарем открылась широкая дорога. Став во главе папского войска, он сразу проявил себя умным, талантливым полководцем, сумев к тому же заключить со-

¹ Цезарь (Чезаре) Борджиа (1475—1507) — сын папы Александра VI, человек выдающихся способностей, гибкий политик, талантливый военачальник, получил блестящее образование (изучал каноническое право в Перудже и Пизе). Он был поклонником и покровителем искусств; поражал современников своей необыкновенной физической силой. Мечтал объединить Италию, подчиняя с этой целью многие государства, встав во главе хорошо обученного в основном наемного войска.

юз с французами. За эти политические и военные доблести папа дал ему герцогство Романья.

Став герцогом, Цезарь начертил себе грандиозный план. Вся Италия в то время разделялась на мелкие республики и королевства, и Цезарь решил объединить отдельные государства под своим владычеством. Он задумал то, что осуществилось лишь спустя триста лет при короле Викторе Эммануиле¹. С этой целью он начал уничтожать представителей родового дворянства, которое имело огромное влияние в феодальных государствах Италии и в самом Риме, а также пользовался каждой междуусобицей, чтобы вмешаться во внутренние дела отдельных итальянских республик.

Для достижения своих замыслов Цезарь не брезговал и не отступал ни перед какими средствами. Кинжал, яд, открытая война — все применялось им в полной мере.

Два могущественных римских рода — Орсини и Колонна, — благодаря взаимному соперничеству, продолжавшемуся в течение нескольких поколений, были враждебны друг другу. Цезарь с нетактичной и недальновидной помощью первых изгнал из страны Колонна и конфисковал все их имущество. Затем в двух походах, отличавшихся вероломством и предательством, он сломил могущество почти всех значительных родов в Романье. Тем временем Александр подавил мятежный дух церкви изгнанием, свержением или смертью значительного числа кардиналов, выступивших против его тирании главным образом вследствие неудовольствия, возбужденного неисполнением им своих обещаний, благодаря которым он попал на папский престол.

Уничтожая таким образом могущество дворянства, Цезарь приобрел если не любовь, то, по крайней мере, расположение народных масс, вводя вместо неограниченного произвола их бывших правителей правление, которое, несмотря на свой гнет, было все же лучше в сравнении с прежним. Таким образом, поддерживаемый французами, Цезарь довольно удачно шел к намеченной цели. Но Орсини и другие более или менее могущественные аристократические фамилии пришли в конце концов к убеждению, что, заключив с ним союз против своих врагов, они тем самым стали орудием своей собственной гибели. Признаки недовольства умножались с каждым днем, и, когда союзники

¹ Виктор Эммунил II (1820—1878) — король Сардинского королевства в 1849—1861 гг. и первый король объединенной Италии с 1861 г.

Цезаря французы потерпели в Ломбардии поражение, против него составилась открытый союз.

Жестокость и разнузданность французов вызвали возмущение побежденных; Милан восстал, прогнал зарвавшихся пришельцев и радостными криками встретил своего несчастного предводителя Лудовико Сфорца.

Французы, вовсе нерасположенные поддерживать Цезаря в его планах против Тосканы, не только отозвали от него свои войска, но еще потребовали, чтобы он сам немедленно присоединился к ним со своими силами.

Между тем союз против Борджиа креп; изгнанные дворяне собирали на границах Романьи значительное войско, а государство Феррара, Милан, Пиза, флорентийцы и венецианцы вошли с ними в соглашение; французы, как полагали все, были крайне раздражены вероломством Цезаря и, отброшенные к подножию Альп, с трудом удерживали свои позиции. Казалось, Борджиа не могли избежать своего падения, и со всех сторон открыто раздавались требования низвержения папы Александра. Сам Цезарь одно время, казалось, был побежден оказанным ему сопротивлением и после нескольких чувствительных поражений старался вступить в переговоры.

Между тем в союзе было немало элементов для разногласия, и здесь-то хитрость Борджиа могла с успехом развернуться. Венецианцы и флорентийцы соперничали друг с другом; взаимная вражда дворян была забыта только на время, вследствие грозившей им опасности. Бентиволи ненавидели Монтефельтри, Малатеста — Сфорца, Колонна — Орсини, Эсте — Перуччи и т. д., и козни Цезаря не замедлили оказать свое действие. Флорентийцы отправили к нему послов для переговоров о всеобщем мире; Феррара заключила с ним перемирие, а ее герцог д'Эсте охотно выслушивал предложения папы Александра относительно помолвки дочери последнего, Лукреции¹, с наследником его древнего и знаменитого рода. Одновременно разнеслась молва, что Цезарь снова привлек на свою сторону Орсини обещанием отдать руку Лукреции наследнику этой могущественной фамилии, Паоло Орсини, сыну герцога Гравина.

Лукреция является второй замечательной фигурой ранней эпохи Возрождения. Она была сестрой Цезаря и дочерью Александра VI. Отличаясь замечательной красотой, она, не достигнув еще тринадцати лет, была уже обручена со знатным испанским грандом, но в 1494 году папа Алек-

¹ Лукреция Борджиа (1480—1519) — дочь папы Александра VI. В третьем замужестве — герцогиня Феррары.

сандр VI выдал ее замуж за герцога Сфорца, с которым затем она была разведена, чтобы вступить в брак с герцогом Бишельи, или Салернским, незаконным сыном неаполитанского короля из Арагонской династии. Слабая, безвольная, она стала игрушкой в руках отца и сына, которые пользовались ее красотой как орудием для осуществления своих политических замыслов, а также и для удовлетворения своих низменных побуждений. До сих пор, правда, не установлен точно факт, принадлежала ли Лукреция своим отцу и брату как наложница, но многое говорит за это. Так, спустя несколько лет после трагической смерти второго мужа Лукреции, герцога Салернского, которого убил Цезарь, у Лукреции родился ребенок, которого папа Александр VI в одном духовном завещании признает своим, а в другом приписывает отцовство Цезарю.

Прежние историки видели в Лукреции развратную Мессалину¹, но на основании новейших данных ее скорее следует признать бесхарактерной женщиной, которая с детства не получила никаких нравственных устоев и плохо разбиралась в добре и зле, в особенности живя бок о бок с такими людьми, как Цезарь Борджиа и его отец.

Кроме того, следует принять во внимание и весь характер той бурной эпохи, когда старые боги уже были свергнуты, а новые еще не явились, и не только народ, но и передовые люди метались, точно лишенные руля ладьи, потеряв способность отличать добро от зла. Недаром же эта эпоха породила Макиавелли², которого наш век считает олицетворением коварства, а в то время он высказывал лишь то, что люди совершали в действительности, и, по своим воззрениям, не казался выходящим из ряда обыкновенных смертных.

Что касается третьего героя настоящего повествования, то он является блестящим представителем католического духовенства того времени.

Католическое духовенство широко пользовалось тогда своей огромной властью и еще более огромными доходами. Баснословные церковные богатства манили к себе всех ал-

¹ Мессалина (род. около 25 г.) — третья жена римского императора Клавдия, одна из наиболее известных развратниц эпохи Империи. Снискала репутацию распутной, властной, коварной и жестокой женщины. В 48 г. казнена Клавдием за организованный против него заговор.

² Макиавелли Никколо (1469—1527) — выдающийся итальянский политический мыслитель и писатель. Видел главную причину бедствий Италии в ее политической раздробленности. Ради упрочения государства считал допустимыми любые средства. Отсюда — термин «макиавеллизм» для определения политики, пренебрегающей нормами морали.

чущих и жаждущих, но приобретали их, конечно, не самые благочестивые, а наиболее энергичные, смелые и умные. Достигнув известной власти и упрочив свое положение, эти пастыри церкви сбрасывали с себя одежду монахов и являлись в своем истинном виде. Аббаты, кардиналы, епископы, архиепископы и даже сами папы не стеснялись предаваться совершенно открыто самому безудержному разврату и другим непотребным и несовместимым с духовным саном делам. Храмы превращены были ими в публичные торжища, где молящихся едва ли не грабили. Одним словом, жизнь католического духовенства накануне реформации была сплошной вакханалией.

И вот в это-то время во главе римско-католической церкви стал папа Александр VI Борджиа. До своего вступления на папский престол он был юристом, потом военным и наконец, как и многие другие, пришел к выводу, что, если есть где возможность нажиться и удовлетворить ненасытное честолюбие, так только на духовном поприще. Энергия и талантливость дали возможность Родриго Борджиа выдвинуться из рядов духовенства, и после смерти Иннокентия VIII конклав¹ избрал его папой. Время его управления католической церковью было временем самого возмутительного произвола, вероломства и небывалого еще разврата. Историки говорят, что это был самый развратный из пап. Путем коварства, с помощью яда и кинжала он устранял своих многочисленных врагов и ставил на их место своих ближайших родственников. Его преступлениям нет числа. Один из предшественников реформации², Савонарола³, не раз восставал против Александра VI и громил его в своих страстных и резких проповедях, но это, по-видимому, не влияло на совесть папы, который по-прежнему про-

¹ Конклав (от лат. *conclave* — запертая комната) — с 1274 г. собрание кардиналов, созываемое после смерти папы для избрания нового. Происходит в изолированном от внешнего мира помещении.

² Реформация — широкое общественное движение в Западной и Центральной Европе XVI в.; носило в основном антифеодальный характер, приняло форму борьбы против католической церкви как главной идеологической опоры феодального строя. Реформация положила начало протестантизму.

³ Савонарола Джироламо (1452—1498) — настоятель монастыря доминиканцев во Флоренции. Выступал против тирании, обличал папство, призывал церковь к аскетизму, одновременно осуждая гуманистическую культуру (организовал сожжение произведений искусства). В 1494 г. способствовал установлению во Флоренции республиканского строя. В 1497 г. отлучен от церкви и казнен. Оставил после себя много философских трудов.

должал вести расточительный и развратный образ жизни. К тому же за папу стоял простой народ. Римская толпа привыкла к тому, что духовенство ведет непотребную жизнь, и особенного внимания на это не обращала. Она выходила из себя и ненавидела только тех кардиналов и епископов, которые притесняли ее. Между тем при Александре VI народу жилось довольно свободно. Гнет папской власти сильнее чувствовали на себе высшие классы, духовенство и аристократия. В их-то кругах и образовалась оппозиция против него.

Грозные тучи со всех сторон облетали горизонт Италии.

В то время как французы, испанцы и турки со своими союзниками — швейцарцами, бургундцами, немцами и маврами — и сама Италия напрягали все усилия, чтобы захватить эту чудную страну, пираты опустошали ее берега, разбойники грабили ее города и чума уносила бесчисленные жертвы.

И вот среди этого мрачного хаоса, как юный день из бурного океана, в спокойном великолепии поднималось искусство. Леонардо да Винчи¹ создавал свои лучшие произведения, Микеланджело² основывал во Флоренции свою школу, Рафаэль³ и Джулио Романо⁴ рисовали свои первые безыскусственные произведения и молодой Челлини в золоте и серебре запечатлевал свои дивные фантазии. Но грубые народы Западной Европы смотрели на Италию только как на школу военного искусства, и большинство паломников, спешивших в Рим на юбилейные празднества, чтобы получить так легко расточаемое отпущение, намеревались вознаградить себя на обратном пути каким-нибудь разбойничьим набегом за лишения и труды, понесенные ими в пути.

¹ Леонардо да Винчи (1452—1519) — гениальный итальянский скульптор, живописец, архитектор, инженер и ученый, автор многочисленных открытий, проектов, экспериментальных исследований в области математики, механики, естественных наук. Идеал женской красоты воплотил в портрете Моны Лизы («Джоконда», 1503 г.).

² Микеланджело Буонарроти (1475—1564) — итальянский скульптор, живописец, архитектор, поэт. Основные работы: «Оплакивание Христа», «Давид», «Моисей», «Страшный суд», роспись свода Сикстинской капеллы в Ватикане. С 1546 г. руководил строительством собора св. Петра, созданием ансамбля Капитолия в Риме.

³ Рафаэль Санти (1483—1520) — итальянский живописец и архитектор, автор «Сикстинской мадонны», проектировал собор св. Петра.

⁴ Джулио Романо (1492 или 1499—1546) — итальянский архитектор и живописец.

К этому классу, по-видимому, принадлежали также предводители вооруженного отряда, медленно огибавшего к вечеру глубокую пропасть на склоне Апеннин, где они спускаются в долины Умбрии¹.

II

Отряд состоял приблизительно из двадцати человек, ехавших верхом на прекрасных лошадях и вооруженных по обычаю того времени. Грудь и спину защищал стальной панцирь, голову прикрывал стальной шлем. У каждого имелись копье и меч, а у седла висел с одной стороны топор, с другой — мушкет со всеми принадлежностями для стрельбы — фитилем и кремнем. Судя по грубому виду вооружения и крепкому, мускулистому телосложению, эти люди были, по-видимому, варвары, как итальянцы еще называли все народы, живущие на севере за могучими Альпами. Судя по дроку на шлеме, опытный глаз сразу узнал бы в них англичан, так как цветок дрока был цветком английских королей, державшимся до падения последнего Плантагенета — Ричарда III². Кроме этого значка, на плащах у солдат было вышито сияющее солнце с девизом посредине: «Oh! mon le Beaufort!»³.

Предводители отряда ехали впереди на значительном расстоянии, командование же было передано младшему офицеру; последний, очевидно, не принадлежал, впрочем, к дворянству, так как у него не было рыцарского оружия. По вооружению он немного отличался от других солдат, только на конце копья у него развевался небольшой флаг.

Предводителей было трое.

Старшему было лет под сорок. Он ехал на муле и, судя по платью, был священником. У него были острые черты лица и почти лысая голова. Но этот недостаток возмещался

¹ Умбрия — область в Центральной Италии, административный центр — гор. Перуджа. Название происходит от итальянского племени умбров — исконных обитателей Северной и Средней Италии. В III—II вв. до н. э. умбры покорены римлянами.

² Автор допускает некоторую неточность. Последним королем из династии Плантагенетов (правил с 1154 по 1399 г.) был Ричард II (1367—1400), английский король с 1377 по 1399 г. Затем английский престол занимала династия Ланкастеров (1399—1461) — боковая ветвь Плантагенетов. Ланкастеров сменила династия Йорков (1461—1485) — вторая боковая ветвь Плантагенетов, последним представителем которой был Ричард III (1452—1485), английский король с 1483 г.

³ «О, мой Лебофор!» (фр.)

длинной, густой бородой, как у патриарха; его глаза отличались живостью, и по веселому лицу его можно было скорее признать юношей Анакреонта¹, чем почтенным монахом-августинцем².

Другому его спутнику не могло быть больше тридцати лет; его высокая, статная фигура была облечена в одеяние рыцаря иоаннитского ордена. Длинная черная мантия с вышитым на левой стороне белым восьмиугольным крестом почти совсем закрывала его. Свой шлем он отдал одному из свиты, а его белый капюшон для защиты от солнечных лучей был спущен почти на глаза; но та часть лица, которую можно было видеть, поражала красотой и серьезным благородством, с некоторым налетом глубокой грусти и гордости. Его черные волосы, короткими локонами спускавшиеся у висков, дополняли впечатление благоговейной строгости, которой дышали его гордые черты. Это выражение как нельзя лучше соответствовало его двойственному призванию священника и воина, которое принимали на себя иоанниты³.

Третий предводитель был очевидно много моложе иоаннита и, судя по его золотым шпорам и оружию, принадлежал к тому же классу, хотя и числился в светском ордене. Великолепный серебряный панцирь, покрывавший его с головы до ног, обрисовывал фигуру необыкновенной силы и подвижности, хотя и не такого высокого роста, как у иоаннита, с мрачным одеянием которого его воинственный вид составлял отрядный контраст. Звание рыцаря солнца, которое он, по-видимому, носил, согласно гербу на щите, подтверждалось на деле его блестящим вооружением. Оно сверкало, как сияющая чешуя только что пойманной рыбы,

¹ Анакреонт (Анакреон) (ок. 570—478 гг. до н. э.) — выдающийся греческий поэт-лирик, воспевавший наслаждение чувственными радостями жизни.

² Августинцы — члены основанного в XIII веке католического нищенствующего монашеского ордена. Свое название этот орден получил потому, что его устав был написал на основе сочинений Блаженного Августина (см. примечание на стр. 38).

³ Орден иоаннитов (госпитальеров) был древнейшим духовно-рыцарским орденом и возник в начале XII в. в Иерусалиме. Его члены делились на три класса: рыцари знатного происхождения — для ведения войны, пресвитеры ордена — для службы в церквах и служащая братия — для ухода за больными и охраны паломников. Орден получил свое название от первой резиденции — госпиталя (отсюда второе название — госпитальеры) св. Иоанна в Иерусалиме. После перенесения резиденции на о. Мальту в 1530 г. иоанниты именовались мальтийскими рыцарями; изгнаны с Мальты в 1798 г. французскими войсками. С 1834 г. резиденция иоаннитов находится в Риме.

и так художественно было украшено на груди сияющим солнцем, что небесное светило казалось словно отраженным в зеркале. На рыцаре была шапочка из серебристой материи с пурпурным цветком дрока, а его открытое, прекрасное и веселое лицо отлично гармонировало с воинственной красотой его одежды. Цвет его лица был, вероятно, когда-то превосходен, а длинные каштановые кудри и голубые улыбающиеся соколиные глаза показывали, что он — уроженец севера. Но горячее солнце Италии обожгло его кожу там, где она не была защищена шлемом, что придало его юношескому цветущему лицу воинственный вид.

Путники уже давно поднимались краем крутого склона по тропинке, вырубленной в чаще леса, причём их лошади то и дело спотыкались о корни и пни, заросшие травой.

Утомленные всадники ехали несколько времени молча. Покрытые белой пеной груди и высунутые языки их лошадей свидетельствовали о большом путешествии, совершенном ими. Английский рыцарь запел было песенку своей родины, где особенно часто повторялись слова: «Robin Hood and the good greenmoor»¹, но удушливая тишина, в которую постепенно погружался вечер, произвела впечатление и на него.

— Мессир Бембо², — проговорил он наконец, обращаясь к священнику на хорошем итальянском языке, но с иностранным акцентом, — я думаю, что замок, про который вы рассказывали нам, должен уже показаться, если он только не исчез под влиянием какого-нибудь волшебства.

— Я уже с полчаса наблюдаю за отцом каноником, — со спокойной, слегка насмешливой улыбкой заметил иоаннит, — он иногда придерживает мула, словно сам не доверяет себе.

— Нет, монсеньор, нет, — смущенно возразил священник. — Правда, прошло уже семь лет с того времени, как я в последний раз приезжал в замок моего доброго друга Савелли, потому что с момента начала войны Феррары³ с его святейшеством у меня не было повода съездить в Рим, но все-таки я готов утверждать, что этот замок с незапамятных

¹ «Робин Гуд и густой зеленый лес» (англ.) — старинная англ. песня.

² Бембо Пиетро (1470—1547) — итальянский гуманист. Получил блестящее классическое образование. Писатель и теоретик литературного языка и стиля эпохи Возрождения. Известен и как поэт. Его стихотворения не оригинальны, но отличаются отточенностью и совершенством формы. (Сборник «Рим», 1530 г.) В 1539 г. сделан кардиналом. Последние годы провел при папском дворе.

³ Феррара — в 1471—1598 гг. герцогство в Северной Италии.

времен венчал ту вершину. Благодаря такому положению замок господствовал над этим проходом, за что неопровержимо говорит то обстоятельство, что все, кто переправлялся через Апеннины, должны были идти этим путем и платить пошлину, чтобы получить от моего друга Джакомо Савелли свободный проход и надежную охрану. С этой целью он построил башню над дорогой, и однажды я собственными ушами слышал, как он приказал спустить подъемную решетку перед отрядом генуэзских купцов потому, что они не хотели дать то, что он от них требовал. Помнится, это было три кроны с головы, бархатное платье для хозяйки и десять прекрасных восковых свечей для часовни замка. Но я более чем уверен, что мы на верном пути, так как вижу вон там белую гору, остроконечной вершиной уходящую в облака.

— Что касается вершины, то вы правы, — сказал молодой рыцарь. — Но, клянусь святым Георгием, замок я вижу так же, как зубцы крепости моего отца в Англии.

— Поедем дальше; стен, может быть, не видно за вершинами, — возразил Бембо, прищипывая своего мула.

— А разве Борджиа при своем последнем опустошительном походе в Тоскану¹ не мог разрушить эту крепость, принадлежащую его заклятому врагу?

— Тогда, мой повелитель, пожалуй, предстоящую ночь нам придется провести гораздо хуже, чем я полагал, — со вздохом ответил священник.

— Как, мессир Пиетро Бембо, вы вечно будете забывать мои строгие приказания и называть меня повелителем, раскрывая тем самым мое инкогнито? — гневно воскликнул иоаннит. — Я вовсе не желаю, чтобы во мне признали Альфонсо д'Эсте, сына герцога Феррарского.

— Да разве это опасно? Ведь Борджиа употребляют теперь все усилия, чтобы угодить нам, — покорно проговорил священник.

— Поэтому-то они и опасны, — ответил иоаннит. — Борджиа вероломны, и, если бы я находился в их власти, они принудили бы меня заключить адский брачный союз с их демонической дочерью.

— Тише!.. Нас легко может услышать кто-нибудь из солдат, а мы можем доверять только одному Вильяму Бемптону, — заметил рыцарь солнца. — Положим, все они — честные ребята и англичане до мозга костей, но они и по-

¹ Тоскана — Великое герцогство тосканское, государство в Центральной Италии в XVI—XIX вв. В 1861 г. присоединено к Итальянскому королевству.

нения не имеют о коварстве этой страны и обманчивое здешнее вино часто принимают за честное пиво.

— Тогда, монсеньор, — простите, я хотел сказать, досточтимый брат, — хотелось бы мне знать, что заставляет вас ехать в Рим? Ведь кто боится волка, тому не стоит прятаться в его логовище! — начал снова Бембо.

— Если вообще для Борджиа есть что-нибудь святое, так это будет предстоящий христианский праздник, — возразил иоаннит. — В бесчисленном множестве паломников наше прибытие останется незамеченным, и, в то время как город будет находиться в их руках, они не допустят такого вопиющего преступления, как оскорбление одного из своих товарищей. Но, — с возрастающей горячностью прибавил он, — никто не знает лучше тебя, Пиетро, что влечет меня в Рим. С тех пор как мой отец настолько ослеплен заботами и политикой, что не хочет верить ужасным историям, рассказываемым об этой современной гарпии¹, Лукреции Борджиа, и желает женить меня на ней, я поклялся собственными глазами увидеть истину; а если он и тогда будет настаивать на своем решении, я дам обет безбрачия, с полным сознанием навсегда облекусь в это святое одеяние и остаток своих дней посвящу борьбе за освобождение святого гроба Господня.

— Ваш брат, монсеньор Ипполит, был бы очень опечален, услышав такие речи, — с улыбкой заметил священник.

— Я ничего не могу возразить на твои слова, дорогой соратник, — серьезно сказал английский рыцарь. — Мне кажется, если не грешно говорить так, что и меня не особенно привлекала бы честь близкого родства с папою, хотя мой род и ниже твоего, несмотря на то, что мы с тобой — двоюродные братья со стороны матери, королевы Маргариты.

— Но поступки этой Лукреции!.. Именно их-то я имею в виду! — с возрастающей горячностью проговорил иоаннит.

— Смотрите пожалуйста, какую убогую мудрость приносят с собою седые волосы! — со смехом воскликнул Бембо. — Ваш батюшка, мудрый герцог Эрколе, дал свое согласие на план вашей милости в надежде, что вы вернетесь сторонником его собственных упований.

¹ Гарпия (греч. *Harpyia*, букв. «похитительница») — в древнегреческой мифологии — крылатая женщина-чудовище, богиня вихря. В мифах гарпии представлены как злобные похитительницы детей и человеческих душ.

— Да, ваш поэт Ариосто¹, сочиняющий сказки, рассказывает такие чудеса о красоте этой женщины, словно она — троянская Елена, — улыбаясь и краснея, но с презрительным видом возразил иоаннит. — Вы, поэты, Бембо, видите только внешность и под розовым кустом не подозреваете змеи. Но если Лукреция Борджиа и прекрасна, как Венера, все же у нее слишком много дурных качеств этой порочной богини, чтобы внушить моему сердцу иные чувства, кроме презрения и ненависти. Женщина, которой я подарю свою любовь, сэр Реджинальд, должна быть чиста как по своим поступкам, так и по имени, с душою такою же чистою, как вот та снеговая вершина, соединяющая свою чистоту с небесной непорочностью!

— Помилуй Бог! Тогда вам нечего искать этого в Италии, — ответил ему Лебофор с многозначительной усмешкой, надвигая набекрень свою шапочку, — по крайней мере, насколько я знаю по опыту.

— Да, так оно и есть, Лебофор! Вечные войны, театром которых вы, варвары, делаете Италию, постепенно развращают благодатный характер этой некогда геройской страны, — с глубоким вздохом сказал иоаннит.

— Где же, по-вашему, должен искать себе монсеньор жену, — с неудовольствием спросил Бембо, — предположив, конечно, что он только на время возложил на себя эти священно-рыцарские одежды?

— Я достаточно долго пробыл у него в Италии, пускай он вернется со мной в Англию! — с воодушевлением воскликнул юный английский рыцарь. — Там он найдет девушек неизмеримо более красивых, чем ваши женщины, обожженные солнцем, и чистых, как те жемчужины, которые они вплетают себе в косы.

— Бесцветные духи не в моем вкусе, — возразил Бембо.

— Бесцветные! Эх, если бы вы увидели мою дорогую кузину Алису, вы не то сказали бы! — воскликнул юноша. — Ее щеки так же румяны, как лепестки алой розы, и я так горячо любил ее, что меня из-за этого отправили в эти итальянские битвы. Ведь Алиса была предназначена для моего брата Генриха, но с тех пор как он погиб от какого-то шотландского копья, меня просят возвратиться на родину, как будто не могут без меня прожить. Пресвятая Дева да спасет душу Генриха, но он сделал меня

¹ Ариосто Лудовико (1474—1533) — итальянский поэт. Автор героической рыцарской поэмы «Неистовый Роланд» (1516) и нескольких комедий.

таким богатым наследником, каким я никогда не смел мечтать.

— Аминь! — заключил священник и перекрестился. — Но вы все-таки не должны так резко выражаться о смуглых итальянках, если хотите получить разрешение на брак со своей кузиной, которая была обручена с вашим братом; ведь, говорят, женщины в Риме имеют большое влияние.

— Это не больше как выдумки пилигримов, — ответил Лебофор, слегка прищипывая коня. — Но ваш замок, мессир Бембо, во всех отношениях, кажется, — воздушный замок!

— Но Лукреция Борджиа — блондинка, не брюнетка, — задумчиво проговорил иоаннит, не обращая внимания на последнее замечание.

— Герцог, ваш батюшка, всегда слыл за мудрого человека, — хитро заметил Бембо. — Я часто слышал, что сама златокудрая богиня Венера не была прекраснее в тот день, когда вышла из моря, а волны при виде ее красоты покраснели от восторга и радости.

— У вас сегодня поэтическое настроение, Пиетро, — печально промолвил иоаннит, — но надо обладать большой находчивостью, чтобы приписать Лукреции Борджиа хорошие качества.

— Клянусь цветком дрока, ни про одну невесту я не слышал столько дурного, сколько про нее! — смеясь воскликнул рыцарь Реджинальд.

— Да, невеста! Ведь я — уже пятый жених, которого эта дама одаривает своим скоропалительным расположением, или, лучше сказать, своею особою, — с иронической усмешкой заметил иоаннит.

— Нет, монсеньор, рыцарь и последователь святого Августина не должен так говорить, — возразил Бембо. — При первых двух помолвках Лукреция была еще ребенком, и я сомневаюсь, видела ли она даже своих женихов, так как она была еще в монастыре; но вдруг ее отец уже нарушил договоры с первыми двумя женихами — богатыми испанскими грандами, найдя их несовместимыми со своим новым положением. Со следующим женихом, Джиованни Сфорца, дело обстояло лучше: его святейшество выдал Лукрецию, свою дочь, замуж за него, но затем между ними произошла ссора, — говорят, это потребовалось его святейшеству папе Александру, — и разрыв был торжественно засвидетельствован и утвержден беспартийным судом. Что касается четвертого жениха — принца Альфонсо Бишельи, герцога Солернского, — то он, бедняга, недолго пользовал-

ся своим счастьем после свадьбы с очаровательной соперницей богини Венеры.

— Убит, убит изменнически, и — кто знает, — может быть, даже с согласия Лукреции! — сказал иоаннит. — Во всяком случае, в Риме не без основания называют ее роковой невестой. И думать, что я соглашусь стать ее пятым женихом? Вот вам образец благодарности Борджиа! Второй жених был сыном кастильского рыцаря, спасшего в битве с маврами жизнь Александру, когда последний еще был воином! Однако, не удовлетвоваввшись позорным разрывом, этот Александр заставил еще старика погубить сына, сделав из него монаха. Третий, — страстно продолжал иоаннит, — опозоренный, разоренный изгнанник; четвертый — замучен и задушен! Нет, избавьте меня от такого счастья!

— Но разве несчастная женщина может быть сама виновна во всех этих ужасах? — строго спросил Бембо.

— Страшные слова Понтано¹ глубоко запали мне в душу! — ответил иоаннит. — Они были в устах мертвой головы, которую мне подали в золотом кубке в тот день, когда мой отец принимал послов Цезаря, явившихся с предложением этого проклятого брачного союза между мною, Альфонсо д'Эсте, и Гарпией — Лукрецией Борджиа.

И глухим голосом, с задумчивым выражением он продекламировал следующее двустиие, предназначенное главным образом для того, чтобы передать потомству отвращение к самому племени Лукреции Борджиа:

«*Lucretia nomine, sed re
Thais, Alexandri filia, sponsa, nurus*»².

III

Некоторое время продолжалось тягостное молчание, пока наконец его не нарушил Бембо.

— Даже святых на небесах не щадит клевета, — медленно произнес он. — Ради чего же стал бы избегать ее

¹ Понтано Джiovанни (1426—1503) — итальянский гуманист, возглавлял неаполитанскую академию, автор многих произведений в прозе и в стихах.

² «Лукреция по имени, но в действительности Таис, Александра дочь, супруга, невестка». (лат.) (Таис — александрийская блудница; Александр — папа Александр VI.) Здесь страшное обвинение Лукреции в том, что она, будучи дочерью папы Александра (Родерико Борджиа), вместе в тем была его супругой и состояла в незаконной связи с братом Джiovанни, что вызывало зависть Цезаря, героя настоящего романа.

лживый неаполитанский поэт, который ради эпиграммы или для того, чтобы придать ей большую резкость, готов про дьявола сказать хуже, чем он того заслуживает, или даже про себя самого.

— Клевета не пощадила даже такого почтенного мужа, как мессир Пиетро Бембо, — с веселым смехом промолвил английский рыцарь. — Но, черт возьми, мессир Бембо, мне сдается, что ваш замок принадлежит фее Моргане и так же будет поглощен скалами, как ее замки были поглощены волнами.

— Здесь, на самой этой вершине, некогда стоял прекрасный замок, какой только могли создать природа и искусство, — ответил священник, с удивлением озираясь вокруг.

Три предводителя достигли теперь возвышенного плато, находившегося на вершине громадной скалы. Солдаты, поднимавшиеся за ними на усталых лошадях, исчезли из вида, и амфитеатр лесов, громоздившихся на противоположных горах, благодаря обманчивой перспективе казался от них всего в нескольких шагах. Пред путниками темными рядами спускались вниз густо заросшие по краям соснами и дубами синеватые скалы, превращаясь внизу в две высокие стены, среди которых протекал горный поток. Шум его ясно доносился снизу, но самого его нельзя было разглядеть во мраке пропасти.

— Вот здесь, пожалуй на этом даже месте, стоял замок Джакомо Савелли! — воскликнул Бембо. — Мне помнится, что эти скалы в своих мечтах я часто принимал за зубцы могущественной крепости.

— И теперь еще заметны следы стен, — сказал иоаннит, — а на полуразрушенном зубце еще осталась сторожевая башня. Опустошитель прекрасно выполнил свою задачу — это похоже на руины, оставшиеся в наследство от римлян.

Иоаннит пришпорил свою лошадь, но Реджинальд внезапно схватил его за узду, воскликнув при этом:

— Пресвятая Дева! Разве вы не видите высокой травы, монсеньор? Это — глубокие пропасти в почве.

— Вы правы! — с испугом ответил рыцарь. — Благодарю вас, брат Реджинальд. Крепость разрушена пороховыми подкопами и вследствие этого здесь разверзлись пропасти.

— Кажется ли мне, или на самом деле это так, но как будто на той красноватой скале я вижу какую-то надпись! — сказал Бембо, указывая на самую высокую скалу, подымавшуюся над безднами.

— Надпись латинская, но и на таком расстоянии ее легко можно разобрать, — промолвил иоаннит. — В Ита-

лии шагу нельзя сделать, чтобы не натолкнуться на следы этого разрушительного зверя Цезаря Борджиа. «Aut Caesar, aut nihil!»¹ — вот его девиз. Но что это там? Ведь это следы более недавнего сражения, чем заросшие травой развалины!

С этими словами он указал копьем на какой-то предмет у подножия скалы. Там лежал труп, судя по вооружению — солдата.

— Может быть, он только спит, давайте позовем его, — сказал священник и испуганным голосом закричал: — Во имя всего святого, отвечайте, друг, кто вы?

— Если он спит, то выбрал для этого очень опасное место, — заметил иоаннит. — Защищать путешествующих — одна из обязанностей ордена, к которому я принадлежу. Я разбудю его! — И, с привычной легкостью соскочив со своего коня, он бросил повод Бембо, который так дрожал от страха, что едва мог удержать его.

— Нет, брат, в таком случае у вас должен быть спутник; эти горы населены бандитами, и это может быть просто ловушка, — проговорил рыцарь солнца, также прыгивая с коня и догоняя иоаннита.

Тогда священник, предоставив своего мула и лошадей самим себе, тоже слез с мула и направился вслед за рыцарями, копыта которых сверкали вдалеке.

Пробиваясь по дороге сквозь густой кустарник, проваливаясь в ямы, полные болотной воды, он понял, каким образом замок почти совсем исчез. Большая часть его, разрушенная взрывом, была сброшена в пропасть, развалины же были скрыты роскошной растительностью. Спеша соединиться со своими спутниками, спотыкаясь на каждом шагу, он с ужасом заметил лежащие под высокими дубами фигуры, неподвижность которых, а также окровавленное платье и вооружение указывали на то, что это были трупы.

Стараясь по возможности не смотреть на это жуткое зрелище, он добрался наконец до рыцарей, стоявших у подножия утеса, на котором красовалась надпись. Почти под нею лежал труп, привлечший их внимание. Он был настолько изъеден волками и воронами, что от лица и незащищенных вооружением частей тела ничего не осталось.

— Может быть, хоть это-то не дело рук Цезаря, — промолвил английский рыцарь. — Вот здесь следы костра и остатки жареного козленка; вероятно, это — путешественники, ограбленные бандитами.

¹ «Или Цезарь, или ничто!» (лат.)

— О, прочь отсюда! — воскликнул Бембо, набожно перекрестившись. — От этих негодяев и сама Пресвятая Дева не защитит нас!

— Можем ли мы быть уверены, что это не дело рук Цезаря? — задумчиво произнес иоаннит. — Видите знак на шлеме этого несчастного? Видите медведя, мессир Бембо, герб Орсини, столь ненавистных ему?

— Этот Цезарь Борджиа — настоящий дьявол, да простится мне, что я произношу его нечистое имя; смотрите, кто это сидит там? — воскликнул Бембо, указывая на расщелину в скале и то бледнея, то багровея от ужаса.

Там сидел ворон, почти седой от старости, и, казалось, с ненавистью смотрел на пришельцев, нарушивших его покой.

— Еще раз прошу: уйдемте отсюда, ради Бога! — снова начал священник. — Ночь надвигается, и, если мы не найдем вскоре пристанища, нас застигнет туман и мы провалимся в пропасть, так что и костей не собрать. Насколько я помню, неподалеку отсюда находится монастырь, которого Борджиа никогда не разрушит, так как это — владение святого престола. Там мы, по крайней мере, найдем себе кров; что же касается еды, то многое я не могу обещать, так как в том монастыре очень строго соблюдают суровые правила ордена.

— А кто-нибудь из добрых инок, может быть, похоронит этих бедняг, — сказал Реджинальд. — Пойдемте, мессир Бембо; мы ничем не сможем помочь мертвецам.

Иоаннит молча кивнул головой, и они вернулись туда, где Бембо оставил коней. Животные спокойно щипали траву. В стороне, взобравшись на высокий холм, стоял Вильям Бемптон и изумленно озирался вокруг в поисках исчезнувших спутников. Отряд расположился на привал, образовав живописную группу.

Передохнувший отряд под предводительством Бембо стал спускаться по крутому склону. По уверению Пиетро, дорога вела вниз к горному потоку, течение которого, как он надеялся, могло указать им дорогу к монастырю, стоявшему на берегу. Вскоре всадники, из опасения сорваться в пропасть, принуждены были слезть с коней и вести их в поводу. Один лишь Бембо остался сидеть на своем муле, больше доверяя его ногам, чем своим.

Опасность увеличилась, когда путников стал постепенно завлакивать густой туман; но все ясней и ясней доносившийся шум горного потока убеждал их, что они находились на верном пути. Наконец, они достигли узкого ущелья, разделенного горным ручьем. Узким проходом ущелье вы-

ходило к реке значительной глубины, стиснутой с обеих сторон высокими скалами вулканического происхождения. В скальной теснине река неслась бурным потоком, грозно шумя и пенясь.

Бембо был немало смущен, так как не мог решить, находился ли монастырь выше или ниже впадения ручья в реку. Но так как он припоминал при этом, что недалеко от монастыря, повыше его, река образовала водопад, то иоаннит предложил следовать по течению, чтобы убедиться, находились ли они выше или ниже водопада.

Отряду был отдан приказ остановиться, а Бембо и оба рыцаря направились вдоль реки. Реджинальд взял рог Бемптона, и лишь по данному им сигналу усталые воины должны были последовать за ними. Так как дорога была усеяна обломками скал, то они пустили лошадей вброд и медленно подвигались по воде вдоль берега.

— Эти ущелья — убежища драконов, сторожащих скрытые сокровища, — со смехом заметил Бембо, стараясь как можно ближе держаться к иоанниту. — Но, несмотря на то что я нахожусь в обществе двух столь благородных рыцарей, мне было бы очень неприятно, если бы откуда-нибудь вдруг показалась голова такого чудовища.

— Сэр Реджинальд рассчитывает выдержать первое нападение. Смотрите, как он прищипоривает свою лошадь! — заметил иоаннит. — Но что там такое? Поистине, это кажется сверкающей спиной дракона, преграждающей нам путь.

— Мадонна! Ведь это — начало водопада! Эй, рыцарь! Шум воды заглушает мой голос, а крепкоголовый варвар знай погоняет своего коня! — с ужасом воскликнул Бембо. — Его разобьет о камни, так как вода падает с такой высоты, что по пути превращается в пыль.

Но иоаннит слышал только первые слова этого предостережения. Дав шпоры коню, он пустился на помощь товарищу по оружию. Отъехав немного, он заметил, что вовсе не безрассудная неосторожность Реджинальда, как казалось со стороны, стала причиной его опасного положения. Его лошадь, испугавшись гула водопада, пришла в бешенство и выбивалась из сил, стараясь вырваться на свободу; при этом она попала в такое место, где спокойное течение реки указывало на большую глубину. Усилия всадника успокоить обезумевшее животное были тщетны, очевидная же опасность погрузиться под тяжестью доспехов в волны удерживала его в седле коня. Гибель его казалась неизбежной. Вдруг, неизвестно откуда, словно посланный свыше, в реку бросился высокий монах в

одежде доминиканца¹, с невероятной силой схватив лошадь под уздцы, отбросил ее назад и после краткой борьбы принудил остановиться.

IV

— Слава Пресвятой Деве! Благодарю, добрый падре! Фу, можно ли оставаться монахом, имея такую тяжелую руку! — воскликнул молодой рыцарь, дыша полной грудью. — Должно быть, моя прелестная кузина молилась за меня, поскольку ты подоспел как раз вовремя.

— Ваша лошадь, рыцарь, — удивительно умное животное: она чувствует надвигающуюся опасность, — резко оборвал его монах. — Шторм, шторм! Крикните вашим спутникам, чтобы они укрылись под скалами с этой стороны; я вижу, что смерч вздымает воду с левого берега.

Как ни странно было это предостережение, однако Лебофор внял повелительному тону монаха и повиновался, как будто действительно уяснил себе надвигающуюся опасность, и громким голосом и жестами приказал друзьям выбираться из реки и следовать за ним к прибрежным скалам. Едва они успели воспользоваться его советом, как налетел ураганный вихрь. Всадники остолбенели от изумления, так как в том месте, где они находились, царила почти полнейшая тишина, между тем как на левом берегу реки ветер с ужасающей силой вздымал громадные волны. Если бы они попали в этот бушующий поток, то неминуемо были бы увлечены им в пропасть. Туман на мгновение рассеялся, и глазам путников на полпути, посредине ущелья, предстал разыскиваемый ими монастырь. Стена, тянувшаяся по краю утесов, да две древние серые башни — вот все, что они успели рассмотреть. Пониже монастыря, на противоположных скалах, находился открытый мост, без перил, представлявший, по-видимому, единственный доступ к монастырю.

— Пройдет несколько часов, и этот ураган будет гулять по морю, — проговорил доминиканец.

— Не сам ли сатана с полчищем ведьм пронесся сейчас мимо нас? — произнес изумленный Лебофор. — Но скажи-

¹ Доминиканцы — члены нищенствующего ордена, основанного в 1215 г. испанским монахом Домиником. В 1232 г. папство передало в ведение доминиканцев инквизицию. После основания ордена иезуитов в 1534 г. значение доминиканцев уменьшилось. В настоящее время — один из самых влиятельных католических орденов.

те, пожалуйста, отче, откуда у вас редкий дар предвидеть такой страшный ураган?

— Ничего подобного! Я обратил внимание на вашу лошадь, а ведь известно, что животные чуют приближение урагана, — резко ответил монах.

— Во всяком случае, я — ваш должник и прошу вас, примите эту золотую цепь как подарок от Реджинальда Лебофора. Не бойтесь, она — не добыча какого-нибудь грабежа, а награда благородного герцога Феррары, которую я получил в тот день, когда его сын и я в Коссамброне в ожесточенной битве с чужестранцами захватили их позиции. Почему же вы не хотите принять ее?

— Я — смиренный доминиканец, — ответил монах, указывая на свое белое одеяние. — Но в этой пустыне обитают картезианцы¹, пожертвуйте свой подарок их святыням. Правда, мою грязную рясу вам не трудно принять за коричневую. Вы говорите — от герцога Феррары? Мне сдается, что ваш итальянский выговор отдает холодным севером. Вы, наверное, из Франции?

— Святой Георгий да сохранит меня от этих негодяев, бегущих при звуке английской трубы, как будто это — труба Роланда! — воскликнул Лебофор. — Я — англичанин. Эти господа — мои друзья, они — храбрые итальянские рыцари и состоят на службе у герцога Феррарского.

— Как? Да ведь один из них — мрачный иоаннит, другой же — священник! — воскликнул монах.

— Действительно, я забыл про это, голова у меня пошла совсем кругом, — в смущении пробормотал рыцарь.

Бембо, тщетно пытавшийся несколько раз прервать их разговор, хотя за шумом потока плохо разбирал, что они говорили, поспешил на выручку Лебофору.

— Святой подвиг влечет всех нас на великие юбилейные празднества, — сказал он. — Но, мне кажется, мы или умрем с голоду, или падем от усталости, или будем убиты разбойниками, если какая-нибудь христианская душа не сжалится над нами и не укажет нам пристанища.

Капюшон духового рыцаря во время поспешного бегства упал с его головы, и доминиканец, казалось, с особым вниманием разглядывал его, между тем как его

¹ Картезианцы (картузианцы) — члены католического монашеского ордена, получившие название по своему первому монастырю, основанному в 1084 г. близ Гренобля, в местности Шартрёз (лат. Cartusia). Малочисленные общины картезианцев сохранились до наших дней, в основном в Италии, Испании и Франции.

собственное лицо было почти совершенно скрыто монашеским куколем¹.

— Я постараюсь сделать все, что можно, брат мой, так как сам ищу того же, — ответил монах. — Тем более, мне показалось, что, несмотря на духовное одеяние, предомною сам принц Феррарский в одежде иоаннита, так как ведь известно, что монсеньор Альфонсо д'Эсте выехал из родной Феррары.

— О, в Италии немало людей, очень похожих на доброго герцога Эрколе, и я никогда не слышал, что он враг прекрасного пола, — поспешно перебил его Бембо. — Но как нам попасть в вон тот монастырь? Мы уже разыскивали один замок, где рассчитывали хорошо поужинать, но «человек предполагает, а Бог располагает», гласит пословица.

— В этих скалах я искал тропинку, которая привела бы меня в долину ниже горного потока, где находится монастырь, как вдруг услышал ржание ваших коней. Но есть и более верная поговорка: «Что Бог ни делает — все к лучшему». Да, великому несчастью одного благородного человека обязаны вы тем, что я явился сюда, чтобы служить вам проводником.

— Что случилось? Говорите! — нетерпеливо воскликнул Бембо.

— Я приношу известие, которое распространит в Риме всеобщую скорбь, — ответил монах. — Благородный господин из фамилии Орсини, с небольшой свитой ехавший здесь с тайным посланием от союзного рыцарства к нашему святому отцу, захвачен разбойниками, свита же его перебита. Возвращаясь вчера вечером из Лоретто, я также подвергся нападению той же самой банды, и она вынуждала меня дать ей отпущение грехов.

— И вы отказали им? — прервал с испугом Бембо.

— Да, — хладнокровно ответил монах, — несмотря на то, что они угрожали на медленном огне поджаривать мои пятки. Увидев, что я непоколебим, они предложили мне свободу с условием, чтобы я отправился в Рим и потребовал за их пленника выкуп в десять тысяч золотых дукатов. Я отказался. Тогда они завязали мне глаза и провели в одну из только им известных пещер, где они держат Орсини. Он прикован к скале, в которой изваяно гигантское распятие. Показав мне его издали, предводитель разбойников или дезертиров, — право, не знаю, кем их считать, — дал мне

¹ Куколь (лат. cucullus) — капюшон, как правило пришивной; в более широком смысле — монашеский головной убор.

торжественное обещание, что несчастный пленник до тех пор не получит ни пищи, ни питья, пока к нему не явится с выкупом посланный, но непременно один.

— Безбожно и бесчеловечно! — воскликнул Бембо.

— Поэтому, брат мой, мы не должны терять ни одной минуты! — сказал иоаннит.

— Они только недавно освободили меня, после того как я тщетно пытался пробудить в них чувство милосердия, — продолжал монах. — Кроме того, я уже говорил вам, что не могу найти дорогу в долину.

— Не можете ли отвести нас на то место, где бандиты ждут выкуп? У меня найдется кое-что в кошельке, — сказал Лебофор.

— Ваши предки часто сражались против сильнейшего врага, это правда, — ответил монах, — но нельзя биться одному против сорока.

— О, нас здесь гораздо больше! — воскликнул Лебофор. — Стоит мне только затрубить в рог, как немедленно появятся двадцать славных молодцов, которые так долго были одеты в железо, что сами сделались железными.

— Все окажется тщетно; разбойники знают в горах каждую тропинку и при вашем приближении могут убить пленника, — сказал доминиканец. — Но у меня родилась счастливая мысль. По какой дороге меня вели в пещеру, я не знаю; в горах разбойники завязали мне глаза, а когда позволили снять повязку, я находился в скалистом ущелье, откуда мог видеть всю пещеру. Но на одном конце я заметил в скалах отверстие и пенящиеся волны, вырывающиеся из него, и их немолчный грохот заставил меня подумать, что пещера находится под водопадом. Кроме того, и распятие пробудило во мне подозрение. Один ученик святого Бруно, основавшего в этих горах монастырь своего ордена, был отшельником и жил в пещере, над которой низвергался этот горный поток. Своими руками он вырубил в твердой скале распятие, и это творение было присовокуплено к тем добрым делам, благодаря которым церковь причислила его к лику святых. Однажды ночью отшельник умер в одиночестве в своей пещере, и, когда пришли картезианцы хоронить его, его тело исчезло, и небесное благоухание разносилось вокруг, как будто здесь были ангелы. Пещера привлекала к себе многочисленных паломников, но так как в нее не знали другого входа, кроме как через водопад, то при безрассудной попытке проникнуть в нее гибло так много людей, что в конце концов паломничество было запрещено папской буллой. Но, по моему убеждению, в пещеру,

несомненно, ведет еще какой-нибудь другой вход, который картезианцы, вероятно, скрыли, так как распространился слух, что святой подвижник был убит вследствие своей чрезмерной строгости. Так вполне вероятно, что разбойники случайно открыли этот ход.

— Поистине чудесная история! — заметил слегка насмешливо Бембо. — Но при таких обстоятельствах я посоветовал бы вам ускорить свой путь в Рим.

— У Орсини имеются веские основания хранить свои сокровища вдали от Рима, и я сомневаюсь, что даже в случае, когда дело идет о спасении наследника этой богатой фамилии, они сумеют достать необходимые десять тысяч крон где-нибудь ближе Венеции. Таким образом, спасение может явиться слишком поздно, так как трудно предполагать, что разбойники будут ждать слишком долго, — ответил монах, не сводя испытующего взора с иоаннита.

— Наследник Орсини! Как, сам синьор Паоло? — с видимым участием воскликнул иоаннит и более холодным тоном прибавил: — Но поскольку Борджиа избрали его своим зятем, то презренные дукаты несомненно будут присланы из Ватикана, хотя бы сумма оказалась в десять раз больше.

Монах рассмеялся, но это была мрачная усмешка без малейшего следа веселости.

— Известно, какую замечательную любовь выказывали Борджиа до сих пор к своим зятям, — проговорил он, — и я не вижу, почему они должны быть менее нежны к тому, кто кроме всего является опорой их врагов и чья хитрость пытается спорить с их коварством.

— Скажите нам ясно и понятно, чего вы хотите? — смущенно воскликнул Бембо.

— Кроме того, герцог Валентино в Фаэнце, где он еще продолжает осаду, а папа уже далеко не так упрям и тверд, как был раньше, и ничего не делает без совета, — ответил монах, видимо, стараясь избежать прямого ответа.

— Разве дон Ремиро, лейтенант Цезаря, этот волк справедливости, почти уничтоживший черные банды, не находится сейчас в Романье? — спросил иоаннит. — Там, где он находится, постоянно текут широкие потоки крови, и не так уж трудно найти его след.

— Сила была бы бесполезна, разбойники исчезнут и унесут свою тайну с собою, — возразил доминиканец. — Между тем там, в ужасной пещере, Паоло борется со смертью, страдая от холода, ужаса и голода. Но я не удивляюсь, что друзья герцога Феррарского готовы дать погибнуть даже такой мучительной смертью сопернику его сына.

— Клянусь слезами Пресвятой Девы, пролитыми Ею у креста Господня, я не покину этих гор, пока не освобожу Паоло Орсини! — с внезапным пылом воскликнул благородный иоаннит.

— А так как мы — плоть и кровь рыцарства, то я не оставляю вас, пока мы не завершим это предприятие, — ответил Лебофор и затрубил в рог, но в эту же минуту с ними поравнялся усталый отряд.

— Это — грешное и языческое искушение Провидения, безбожный обет, от которого я разрешаю вас обоих, — озабоченно воскликнул Бембо.

Однако оба рыцаря, не обращая внимания на его разрешение, просили доминиканца постараться припомнить, не знает ли он какой-нибудь тропинки, по которой они могли бы найти вход в пещеру. Монах только печально покачал головой.

— Ну, тогда мы воспользуемся путем святого и пройдем через водопад, — сказал отважный англичанин.

— Может быть, картезианцы облегчат вам каким-нибудь образом вашу задачу, так как вскарабкаться по водяному столбу — невозможное дело, — возразил доминиканец. — Но наступает ночь, и вам во всяком случае необходимы факелы. Кроме того, вам придется снять свои доспехи, так как для того, чтобы перебраться через эти бездонные пропасти, где каждый неверный шаг грозит гибелью, нужны гибкость змеи и ловкость кошки. Поэтому попытаемся сначала разыскать дорогу в монастырь.

V

Солнце уже почти зашло, и тени гор стали длиннее. Когда путники под предводительством монаха достигли вершины, они увидели, что дорога направляется в лес, покрывший склоны гор. Отсюда тропинка вела мимо ряда утесов над потоком, заканчиваясь образовавшейся в скале площадкой, от которой был перекинут мост. Переход через этот мост, не имевший перил, дрожавший от грохота водопада и недостаточно широкий даже для одного пешехода, был, по видимому, невозможен для всадника. Но Лебофор тотчас же дал шпоры и вскачь помчался на мост. Переправившись на противоположную скалу, он победоносно махнул рукой. Иоаннит последовал за ним, поразив еще большим хладнокровием, так как на середине моста он приостановил коня и спокойно взглянул на водопад. Вода огромными массами

низвергалась на самую высокую группу скал, ниспадала с них на утесы, превращаясь в море пены, и текла дальше сотнями потоков, которые в свою очередь разбивались о скалы. Под выдающимися скалами второго водопада темные впадины указывали вход в пещеру; но внимание иоаннита было приковано красноватым, странным светом, как будто падавшим на бурный поток от горевшего в пещере огня. В следующее мгновение свет снова исчез, и рыцарь не знал, была ли это игра воображения или своеобразное явление, встречавшееся в этой вулканической местности.

Его раздумье прервал Бембо, закричавший ему, чтобы он освободил путь, так как, несмотря на смертельный ужас, он видел, что кроме этого другого пути нет. Его мул твердой поступью вошел на мост, между тем как сам священник, чтобы поддержать равновесие, протянул руки. Из чувства ли подражания, или по какому-нибудь другому поводу мул остановился посредине моста и не двигался с места, пока, наконец, ехавший сзади Вильям Бемптон не ударил упря-мое животное своим копьём. Тогда мул, задрал хвост и закричав от боли, двинулся вперед. Таким образом, они перебрались на другую сторону, причем Бембо не переставал креститься. Всадники друг за другом следовали за ними.

Доминиканец шел позади всех, и так как сумерки уже превратились в ночь, то рыцари с некоторым нетерпением ждали его перехода. Иоаннит и Лебофор видели, как он дошел до середины, но остановился здесь, словно пораженный каким-то видением, и указал им на него. Рыцари взглянули в указанном направлении и снова увидели, как водопад осветился таинственным блеском. Когда они обернулись, монах исчез.

Все заявили, что мост он не перешел, и никто не заметил, чтобы он вернулся или упал в пропасть. Озадаченные рыцари соскочили с коней и возвратились по мосту на другую сторону, разыскивая своего проводника, но его и след простыл. На их громкий призыв отвечал лишь немолчный шум водопада. Если монах упал в пропасть, он неминуемо должен был разбиться, и его искалеченное тело унес с собой бурный поток. Но темная бездна ревниво хранила свои тайны, и единственное утешение, остававшееся еще рыцарям, заключалось в том, что монах, испугавшись затеянного им же самим предприятия и не желая лично участвовать в нем, поспешил спастись бегством. Все чувствовали некоторый суеверный ужас, но никто не хотел сознаться в этом.

Погруженные в мрачные мысли из-за этого приключения, путники выбрались, наконец, снова на дорогу и под

заунывный звон колокола, призывавшего к вечерне, достигли ворот картезианского монастыря. У ворот висел металлический рог, и Лебофор затрубил в него.

Спустя несколько минут заскрипели тяжелые засовы и перед путешественниками появился старый монах в коричневой рясе картезианца, с деревянным крестом на веревке, служившей ему вместо пояса. На просьбу рыцарей о крове он молча указал рукою по направлению монастыря.

Узенькая дорога привела путников к еще более узкой опускной решетке, над которой возвышался монастырь, раскинувшийся между утесов и частью даже вырубленный в них. Рыцари копьями постучали в ворота, и тотчас же в окне башни над опускной решеткой показался монах; он сперва внимательно оглядел паломников и только после этого поднял воротом решетку. Тогда всадники очутились на длинном узком дворе, вырубленном в скалах, где по обе стороны находились искусно сделанные углубления, предназначавшиеся, очевидно, служить стойлами для лошадей паломников. Едва рыцари въехали во двор, как решетка немедленно опустилась за ними и вслед затем сошел с башни привратник.

Он очень вежливо приветствовал путников и выразил сожаление, что не может предложить им большие удобства, так как лучшие помещения заняты большим отрядом, сопровождающим флорентийского посла в Рим. Настоятель, по его словам, находился сейчас у вечерни, по окончании же службы придет приветствовать путников. Затем привратник указал на еще незанятые стойла, рассказал, где найти соломы для лошадей, и пригласил посетителей следовать за ним, после чего привел их в трапезную.

Здесь путешественники встретили общество, с которым им приходилось разделить гостеприимство альпийских монахов. Несколько длиннобородых молчаливых картезианцев были заняты угощением своих гостей; за каменным столом сидело около тридцати человек, на столе были поставлены ячменный хлеб, сыр, молоко, яйца. Около каждого сидевшего лежало копье, почти вдвое длиннее его. Вооружение у всех было солидно и богато. Их шлемы были украшены орлами с распростертыми крыльями и устремленным на солнце взглядом. Круглый щит с острием посередине, короткий меч и тяжелая булава дополняли их вооружение.

По девизу Цезаря Борджиа, окружавшему герб церкви на мантиях сидевших, иоаннит и его спутники угадали, что перед ними находится отряд страшной гвардии, известной всей Италии своей храбростью и жестокостью. Эту гвардию Цезарь составил из воинов различных национальностей, сра-

жавшихся в Италии, и выбрал преимущественно таких людей, которых за жестокость и преступления выбрасывали из рядов этой ужасной армии, и дикие, неукротимые страсти которых он один мог усмирить. Поэтому среди них можно было видеть лица всех цветов, от черных мавров до белокурых немцев, но все отличались высоким ростом и силой.

В кресле, предназначавшемся обыкновенно для настоятеля, сидел человек, которому эта отчаянная гвардия служила свитой. Он был во цвете лет, высокого роста, немного худощав, с резкими, но приятными чертами лица, выдававшими его итальянское происхождение. Его брови, словно от частого размышления, были как-то странно загнуты книзу, вокруг рта лежало страдальческое выражение, но когда черты его лица и глаза просыпались от своего задумчивого покоя, они светились насмешливым живым блеском, и его улыбка заражала своей веселостью.

Казалось, он забавлялся прыжками и гримасами одного из тех несчастных существ, вся обязанность которых состоит только в том, чтобы веселить своих повелителей неожиданными всплесками своей больной фантазии.

Тем не менее, этот дурак или шут был, очевидно, не совсем обыкновенным представителем своего полоумного братства. Несмотря на пестрый шутовской наряд, вся его фигура отличалась удивительным изяществом и гибкостью; будучи среднего роста и не поражая выдающейся силой, он, тем не менее, заставил бы призадуматься любого борца, который пожелал бы схватиться с ним — настолько его движения были ловки и стремительны. Черты его лица, насколько можно было рассмотреть под румянами и белилами, были тонки и почти женственно нежны. Его рот можно было бы назвать прекрасным, если бы в состоянии покоя он не отличался пусть едва заметным, но неприятным кровожадным выражением. Однако самым замечательным были его глаза; они необыкновенно глубоко лежали под крутыми бровями и по своему блеску и постоянной изменчивости цвета уподоблялись бриллиантам. Этот шут играл или, вернее, дразнил двух огромных породистых собак, угрозами и ласками заставляя их громадными лапами доставать из горячей золы печеные каштаны, и был настолько увлечен этой опасной игрой, что почти не заметил прибытия новых гостей. Наконец, звон оружия привлек его внимание, и лишь только он заметил рыцарей, как поднялся с места и поклонился им. Он бросил на них бессмысленный взгляд, затем тряхнул своими рыжими упрямыми вихрами, как будто пришельцы нисколько не заинтересовали его, и снова занялся собаками.

— Неужели мне действительно выпало на долю счастье встретить на моем трудном пути высокочтимого Макиавелли из Флоренции? — воскликнул Бембо.

Он произнес это таким тоном, который далеко не соответствовал его речи, но он видел, что ему не оставалось иного выхода, так как посланник сразу узнал его.

— А если он вашему преподобию не нравится, нам стоит послать за другими, — заметил шут, выразительным жестом указывая вниз, но затем разразился бессмысленным смехом и ударил кочергой по угольям.

— Кого ты подразумеваешь? Дьявола или Цезаря Борджиа? — расхохотался посланник. — Но неужели я действительно вижу перед собой отражение Парнаса¹, квинт-эссенцию учености и остроумия, Геркулеса богословия, в лице мессира Бембо из Феррары? — промолвил он с легким оттенком иронии. — Поистине, не будь мне никакой иной награды за мое путешествие через Апеннины, с меня было бы довольно одной этой встречи. Но ваша партия, дорогой Пиетро, вовсе не в таком фаворе в Риме, чтобы ваше паломничество туда могло быть слишком успешным.

— Я направляюсь туда, синьор, вовсе не для того, чтобы получить какие-либо милости, — сумрачно возразил священник. — Кроме того, вера и добрые дела не совсем еще вышли из моды, чтобы считать мое паломничество в Рим с этими благородными рыцарями таким большим чудом. Но почему тайный секретарь Флорентийской республики едет во вражескую столицу?

— Республика не требует обратно Медичи, и так как все остальные из вас заключают с церковью мир, то мы не видим, почему мы должны быть настолько безумны, чтобы сражаться одним, — ответил посланник. — И вот, чтобы извести о таком решении святого отца, республика отправила к нему прямого человека. Но что нового на севере?

— Я не знаю ничего, кроме того, что еду в Рим только ради своих прегрешений, безо всякого поручения, так как я должен был бы найти случай принести извинение по поводу неотложного путешествия во Францию нашего молодого принца, — ответил Бембо.

— О, если вы несете в Рим свои грехи, — со смехом воскликнул флорентиец, — то где же тогда все красавицы, которые должны были бы сопровождать вас? Но, честное

¹ Здесь слово «Парнас» употреблено в переносном смысле: как мир избранных, мир поэзии и поэтов какой-либо страны, какого-либо народа.

слово, брат Пиетро, у вас в Риме действительно нет другого дела, кроме спасения души?

— Если бы и было какое дело, брат Никколо, я все равно не сказал бы вам о нем, так как слишком долго был вашим товарищем по школе, чтобы запросто разглашать свои секреты, — с искусственной веселостью ответил каноник. — Но я искренне рад, что вы счастливо избежали львиного логовища, как я называю лагерь монсеньора Борджиа.

— А мне жаль, что ваш принц бежал от предложенного ему блестящего союза с сестрой Цезаря, — с печальной миной возразил флорентиец. — Все идет согласно желанию Орсини, и, если их брак состоится, горе Тоскане!

— Да, да, пусть медведь видит, какой куш он отдает своими собственными лапами, — смеясь и кривляясь, сказал шут. — Разве его преподобие лиса не заметил никаких следов на песке от когтей Орсини, когда он выслеживал их, чтобы определить, какой дорогой пошли звери?

— Клянусь Пресвятой Девой, ваш шут удачно попал в цель! — воскликнул Лебофор. — Послушайте, господин посланник, что мы открыли, и судите сами, есть ли хоть какая-нибудь гарантия безопасности для друзей Цезаря!

— Ну, что же это за история, которой предшествует такое жалобное вступление? — с любопытством спросил Макиавелли.

Шут тоже наклонился вперед, но сейчас же снова принял свое привычное положение.

— Послушаем. Но нельзя ли обойтись без упоминания Цезаря Борджиа, так как толками о нем, которые мы слышим на каждом шагу, сыты по горло, — прибавил Макиавелли, бросив мимолетный взгляд на шута, который тряс головой, весело позвякивая нашитыми на шапке колокольчиками.

Только что Бембо хотел было приняться за рассказ об их удивительном приключении, как был прерван появлением настоятеля в сопровождении многочисленной свиты картезианцев, что избавило его от вторичного повторения рассказа. Монахи двигались в торжественном молчании, опустив головы вниз, и сам настоятель был так изможден постом и бдением, что походил на скелет. Только он один приветствовал новых гостей несколькими словами, но произнесен их серьезно и холодно.

Макиавелли не дал Бембо окончить его красноречивую просьбу о гостеприимстве, но, прервав его излияния, потребовал у него рассказа о приключении. Бембо начал весьма пространно излагать всю историю; однако Лебофор, наску-

чив его отступлениями, прервал его на полуслове и в кратких словах изложил суть происшедшего. Он закончил свой рассказ просьбой к настоятелю научить его, как найти дорогу в пещеру, чтобы убедиться, выдуманно или правдиво известие, сообщенное им монахом-доминиканцем.

— А вы все в одно время бредили или один дурак одурачил всех? — сказал шут, презрительно усмехаясь. — Стоит ли, дядя Никколо, везти меня в подарок папе, раз эти господа по собственному побуждению едут в Рим?

— Смотри, шут, вежливый язык сохраняет целостность шкуры, — многозначительно заметил флорентиец.

— Все, что вы рассказали, — невероятно, — произнес наконец настоятель, нахмурившись, — это не что иное, как бред безумного путника. Никто из нас не слышал о другом пути в пещеру святого, кроме как через водопад, но там уже столько верующих нашли свою гибель, что этот путь запрещен.

— Когда я был послушником, — прошамкал дряхлый монах, согнувшийся под тяжестью лет, — я слышал однажды об этом... Падре Амвросий как будто говорил про дорогу... но прошло уже шесть десятков лет, как он скончался. Была суровая зима, а он уже давно мучился кашлем, бедняга, и очень страдал перед смертью. Аминь! Я думаю, его душа у святого Гвидобальда.

— Может быть, в образе того монаха к вам явился дьявол, чтобы ввести вас в искушение сломать себе шею, — серьезно заметил шут.

— Святой отшельник Гвидобальд? Да, уже не первый раз его видение встречалось вблизи пещеры, где почивают его мощи, — сказал старец. — Но он является только великим грешникам, чтобы возвестить им близкую кончину.

— Нет, тот, кто явился нам, был не в картезианском одеянии, а в рясе ученого доминиканца, — с ужасом промолвил Бембо.

— То, что вы приняли за белое одеяние доминиканца, — с упрямой настойчивостью проговорил старый монах, — было не что иное, как саван, который надели на святого, прежде чем явились ангелы.

— Тогда, значит, святому Гвидобальду надоело в его забытой могиле и он хочет, чтобы его останки были перенесены в монастырь и положены в раку, где и стали бы творить чудеса.

— Вы так полагаете, синьор? — воскликнул настоятель, ухватившись, по-видимому, за эту мысль. — И действительно, в последнее время мы ничего не слышали о бандитах, в

особенности с тех пор, как дон Ремиро сделался подестой¹ Романьи и предложил им на выбор: или они должны вступить под знамена герцога, или он их всех перевешает.

— Но мы собственными глазами видели трупы людей Орсини на том месте, где некогда стоял замок Джакомо Савелли! — воскликнул Лебофор.

Игумен недоверчиво взглянул на него, а затем произнес:

— Если это так, тогда подождем до утра, так как иначе разбойники могут оказать сопротивление.

— Нет, сегодня, сегодня! Ни на одну минуту я не хочу откладывать это дело! — порывисто воскликнул иоаннит. — Завтра, может быть, будет слишком поздно. Разбойники могут увести или умертвить своего пленника, Паоло Орсини. Пусть всякий, кто считает себя христианином, возьмет факел и следует за мной!

— Как ты думаешь, шут, не подходит ли это предприятие также и для тебя? — спросил Макиавелли.

— Нет, я посмотрю. Проваливайте вы, молодцы; вы не можете причинить мне никакого вреда! — ответил шут, равнодушно зевая.

— Если вы твердо решились, — сказал настоятель, — тогда наша братия будет помогать вам, насколько это в ее силах; но вы сами убедитесь, что ваше предприятие невыполнимо.

— Итак, в путь, и я даю вам, отче, свое рыцарское слово, что мы ничего невозможного делать не будем, — сказал Лебофор и выхватил из огня горевшую головню.

Даже картезианцы очнулись от своего обычного равнодушия и стали торопливо зажигать факелы, а телохранители посланника смотрели на него, как свора собак на привязи.

— Ну, если уж все христиане должны участвовать в задуманном предприятии, дядя, так отпустите и вы своих негодяев, — промолвил шут, и, словно не нуждаясь в ином позволении, отряд посланника с шумом присоединился к рыцарям.

Все монахи вышли за рыцарями во двор, где английские солдаты задавали лошадям корм, и, таким образом, посланник с шутом остались почти одни в зале.

— Пойдем, дядя Никколо!.. Если другие сошли с ума, будем и мы безумными, — проговорил шут, подумав немного, и, схватив полу мантии посланника, пустился во круг него в какой-то фантастический танец.

¹ Подеста (ит. podesta, лат. podestas — власть) — в XII—XVI вв. высшее административное лицо в государствах Италии, выполняющее судебные и полицейские функции.

Макиавелли, казалось, не обращал внимания на своего спутника, пока они не вышли из монастырских ворот и не заметили свет факелов, то появлявшийся, то исчезающий среди извилин скал. Здесь он остановился и, многозначительно усмехнувшись, обратился к шуту, внезапно перейдя на почтительный тон.

— Что вы думаете, ваша милость, об этом происшествии? — тихо спросил он.

— Я начинаю верить в чудеса, Никколо, хотя и причащен ко всей этой истории, — ответил тот, иронически улыбаясь. — Мигуэлло редко делает свое дело только наполовину; у него всего один порок, который не годится для меня, а именно, он жаден, Никколо, невероятно жаден! Но он — губка, которую я выжму, когда она наполнится; потому что без денег, Никколо, не много можно сделать на этом свете. Пойдем на мост и посмотрим, как эти дураки будут лететь в пропасть. Но где же мои собаки? Эй, сюда, Марий, Сулла!

— Они увязались за другими, — сказал флорентиец, — и, кажется, не узнают вас в вашем шутовском наряде.

— Если бы я знал, что дьявол не узнает меня, я согласился бы лучше умереть в этом платье, чем в рясе монаха, — заметил «шут» и стал свистать и звать своих псов, но тщетно — они не появлялись.

Тем временем Макиавелли не пошел по той дороге, которую указывали факелы, а направился на мост.

VI

Посланник со своим «шутом» едва ли мог выбрать лучшее место для наблюдений, чем мост, дугой поднимавшийся над рекой. Отсюда можно было видеть все происходящее. Правда, из-за несмолкаемого шума потока трудно было разговаривать, но никто, казалось, не был особенно расположен к разговору, так как оба напряженно ждали появления искавших. Внизу в это мгновение было все погружено во мрак, так как слабый свет звезд не мог проникнуть в эти бездонные глубины.

— Пугающая высота, — сказал «шут» после паузы, во время которой он, по-видимому, обдумывал возможность успеха всего предприятия. — Здесь очень легко нечаянно оступиться. Что вы так странно смотрите на меня, Никколо? Я знаю, вы — мой друг.

— Я думаю, благородный господин, что такие шутки, при всей эффектности неожиданности и измены, все же

могут быть опасными, — возразил флорентиец. — Но синьор Паоло был вашим другом; по крайней мере, вы обнимали его и называли своим братом.

— Ну, это он так думал, — спокойно ответил «шут».

— Я не умею объяснить себе глубину этой политики, — снова начал флорентиец. — Какой смысл уничтожать его теперь, когда для вашей милости так важно привлечь к себе Орсини и всю их партию и когда он с мирными предложениями направлялся в Рим?

— Я уничтожу их всех, все равно, силой или хитростью, и это — достаточно благородное оружие против измены и возмущения! — с жаром возразил «шут». — Если бы это было море, я скорее согласился бы по капле вычерпать его, чем сдаться и сложить в отчаянии руки. Да кроме того, что я могу сделать, когда на людей, путешествующих, как они думают, инкогнито и без надлежащей охраны, нападают разбойники и убивают их? Разве вы не знаете, что Паоло ехал в Рим больше по приглашению моего отца, чем по моему желанию? И неужели же я должен спокойно отказаться от награды за все свои труды только потому, что старик стал нерешительным и боязливым?

— Если бы синьорина Лукреция вышла замуж за Орсини, тогда действительно дворяне снова должны были бы получить все свои права, — заметил посол.

— А что стало бы с моим герцогством Романьей? — воскликнул «шут», тряхнув искусственными волосами.

— И где было бы тогда ваше итальянское царство? — добавил с ударением хитрый флорентиец.

— Вы шутите со мной, Никколо! — ответил «шут», дико сверкнув глазами и сжимая руку, словно он уже держал скипетр. — Ах, если бы мне снова встретить старого полусумасшедшего колдуна, который обыкновенно помогал мне в изучении магии еще тогда, когда я мечтательным юношей ходил в Пизе в школу, между тем как мои длиннобородые учителя были убеждены, что я погружен в пыльные сочинения Августина¹ и Бернарда!²

¹ Августин Блаженный Аврелий (354—430) — выдающийся христианский теолог и церковный деятель, основоположник христианской философии, истории, родоначальник многочисленных и разнообразных идей и течений в области богословия, философии, научной методологии, этических взглядов, церковного устройства и мирской дисциплины. Считается одним из первейших вождей человечества. Оставил после себя девяносто три труда, изданных в двухстах тридцати двух книгах.

² Бернард Клервосский (1090—1153) — знаменитый деятель католической церкви. Великолепный оратор и страстный проповедник, автор нескольких религиозных трактатов. Канонизирован в 1174 г.

— А мне помнится, что в зеркале из аметиста он показал вам какое-то видение? — усмехнулся Макиавелли. — По крайней мере, так рассказывает об этом в Италии народ, и говорят, что седобородый мудрец был сам дьявол... Но вот они показались. Смотрите, как сверкает вода при свете их факелов!.. Точно горячий адский поток.

— Скажите, пожалуйста, Никколо, что же, по рассказам народа, показал мне этот кудесник?

— Скелета в короне и царской мантии, вручившего вам скипетр, — ответил посол.

— Это ложь, к черту того, кто говорит так! — с дикой страстью воскликнул «шут». — То была тень в императорской короне и в мантии Карла Великого, каким мы знаем его по изображениям хроники; она вручила мне скипетр и меч, которые были перевиты, как змеи.

— Ваша милость тогда отлично поняли науку, — ответил Макиавелли.

— И, я знаю, ты думаешь, будто мой учитель сумел научить меня, как своего любимого ученика, всем фокусам? — с усмешкой сказал «шут». — Но берегись, чтобы он не оставил для себя одного из них, который в конце концов перехитрит тебя. Но, Никколо, мой хитрый Никколо, если я из моей короны когда-нибудь сделаю нечто большее, чем этот дурацкий колпак, когда действительно стану Цезарем, кем ты будешь для меня?

— Твоим Брутом!¹ — ответил флорентиец.

— Моим Сеяном², ты хочешь сказать, мой дорогой Никколо, — сказал шут с усмешкой, за которой таилась глубокая мрачная мысль. — Ты что-то приводишь все какие-то неудачные сравнения.

Ничего не ответив, Макиавелли полунасмешливо приподнял свою отороченную мехом шапочку и устремил взор вниз, не оставляя в то же время без внимания ни одного движения своего спутника.

То, что происходило внизу, представляло собой оригинальное и живописное зрелище. Рыцари, солдаты и длиннобородые картезианцы перепрыгивали в русле потока со скалы на скалу и, крича друг другу, махали своими факелами. При этом фантастическом освещении

¹ Марк Юний Брут (85—42 гг. до н. э.) был идеалом республиканца. Друг Цезаря, он не задумался стать среди его убийц — как только Цезарь начал угрожать неприкосновенности Римской республики.

² Сеян был наместником римского императора Тиверия, составил заговор против него; заговор был раскрыт, и Сеян погиб в темнице.

водопад вспыхивал всеми цветами радуги и сверкал, как бриллиант.

Но розыски, казалось, были безуспешны, и «шут» разразился громким хохотом, когда разведчики сошлись на отдельных выступах утесов и, по-видимому, совещались. Внезапно Макиавелли и его спутник были невероятно удивлены лучом красноватого света, исходившего из отверстия пещеры. Он сейчас же исчез снова, но был, очевидно, замечен и внизу, так как оттуда слышались громкие крики, слышные даже сквозь неумолчный грохот водопада.

— В пещере совершено убийство, которое будет открыто, — промолвил флорентиец, бросив беглый взгляд на своего спутника.

— Я до сих пор никогда не слышал, чтобы убийство обладало способностью зажигать огонь для того, чтобы привлекать к себе, в свои тайники, людей, — холодно ответил «шут». — Но все равно им непременно придется вернуться, и они старались понапрасну.

— Однако для чего же рыцари снимают с себя доспехи? Что это значит? — недоумевал посол. — Смотрите, угрюмый оруженосец англичанина снимает со своего господина наколенники, а священник ломает руки! Что он сделал со своим факелом?

— Он уронил его в воду; я видел, как тот потух и поток увлек его за собой, — ответил «шут». — Но куда девались мои собаки? Их инстинкта я опасаясь гораздо больше, чем сообразительности этих шутов.

— Клянусь святым Юлианом, безумцы хотят вскарабкаться на эти скользкие утесы! — воскликнул Макиавелли. — Смотрите, они лезут один с этой, другой с той стороны водопада... Ловко прыгнул, дурак солнца!.. Он опередил своего спутника на много. Слышите, как он торжествующе хохочет! Должно быть, не так трудно лазать по этим скалам, как это кажется сверху! Они взбираются словно по лестнице!

— Ха, ха! Глядите-ка, священный рыцарь поскользнулся и падает, он разобьется! Но что это, Никколо? Ах, он ухватился за куст... спасен! — воскликнул «шут», следя за спуском иоаннита.

Между тем последний, поскользнувшись на выступе, ухватился при падении за куст, росший из расселины скалы, а затем, хотя и с большим трудом, ежеминутно подвергаясь опасности быть сброшенным водопадом в бездну, возвратился на прежнее место.

— Где же теперь английский дикарь? — воскликнул «шут».

— Вон он!.. Глядите, он окружен со всех сторон брызгами и пеной; разве вы не видите его?

— Я хотел бы, чтобы тот другой оказался на его месте. Рожа этого иоаннита нравится мне меньше, — сказал «шут». — Да, правда, он хочет последовать за ним, после того как избежал опасности с другой стороны. Но он не так ловок, три раза срывался. Ха, клянусь ключами святого Петра, сумасшедший англичанин стоит перед нами на скале и отряхивается, как мокрая крыса. Еще один прыжок, и он будет в пещере или внизу в пропасти. Честное слово, его безумная смелость почти заставляет меня желать, чтобы его отчаянная решимость увенчалась успехом, хотя бы этим самым был спасен один из представителей ненавистного мне отродья Орсини.

— Скала колеблется под его ногами; он хочет прыгнуть! Это — безумие... Остановитесь, рыцарь, остановитесь, вернитесь назад! — крикнул Макиавелли.

— Не стоит очень сокрушаться о нем, наверное, после него останутся наследники, — принимая обычный тон, проговорил «шут». — Но смотрите, он не решается... Да, конечно, ни один человек, еще не потерявший рассудка, не решился бы на дальнейший путь. Водный поток может опрокинуть его.

Стоящие внизу, очевидно, тоже заметили опасность положения Лебофора и его нерешительности. Картезианцы шумно выражали свои опасения, иоаннит, Бембо и другие кричали ему, чтобы он бросил свою опасную затею. Однако Лебофор махнул торжествующе рукой, словно нашел какой-то выход, которого не видно было снизу, и... прыгнул!

Макиавелли закрыл от ужаса глаза, но сейчас же снова открыл их, так как его спутник вскрикнул, но не от ужаса, а от удивления. Снова появился таинственный свет, и в его блеске показался силуэт рыцаря, словно изваянный в водяной стене, образованной дугой низвергающегося водопада.

— Несомненно, его сейчас же убьют, как только он войдет в пещеру, — со злорадством сказал «шут», — судя по этому свету, можно надеяться, что там кто-то есть, чтобы принять непрошеного гостя.

Рыцарь тем временем исчез.

Последовала снова глубокая, полная таинственного ужаса пауза, а затем стало видно, как иоаннит с азартом принялся карабкаться на утес; за ним следовали английские солдаты, но не так быстро, поскольку тяжелое воору-

жение стесняло их движения. Иоаннит добрался до выступа, откуда его собрат по оружию прыгнул в пещеру.

— Что с ним случилось? Неужели он не решается последовать за Лебофором? — удивился Макиавелли. — Смотрите, он наклоняется вперед, как будто прислушивается к голосам из пещеры.

— Быть может, рыцарь позвал их на помощь, — сказал «шут» и также подвинулся вперед, словно и ему хотелось услышать голоса. — Сдается мне, священник в нем одержал победу над солдатом! Видите, как он несется оттуда, словно за ним гонятся волки!

— Он снова внизу, рядом со своими спутниками, он что-то рассказывает им, смотрите, они все кидаются к утесам с нашей стороны! — объяснял Макиавелли «шуту».

В это мгновение до них донесся лай собак, взявших след.

Путники и монахи, как обезумевшие, кинулись через реку, мелкую в этом месте, и один за другим быстро скрылись в темной расселине среди утесов.

— Голову даю на отсечение, они отыскиали тропу святого в его отшельническую келью! — воскликнул Макиавелли.

— Берегись, Мигуэлото, если ты обманул меня, — пробормотал «шут», а затем, сорвавшись как тигр, ловко перепрыгнул через лежавшего еще на мосту флорентийца и быстро стал спускаться по скале.

Макиавелли поднялся в свою очередь и спокойно пошел за ним. На берегу он наткнулся на Бембо, отряхивавшего свое мокрое платье и певшего благодарственный псалом.

— Что случилось? — воскликнул флоринтиец.

В ответ на это Бембо смог только указать на противоположные скалы, судорожно расхохотался и одновременно вытер мокрые от слез глаза.

«Шут» не стал терять времени на расспросы; перепрыгивая с камня на камень, он добежал до зияющей расселины, где свет факелов, громкие голоса в отдалении и непрерывный лай собак убедили его, что в пещеру обнаружен безопасный путь. Последний образовался, вероятно, вследствие землетрясения и длинным коридором вел прямо в пещеру.

Любопытного «шута» ожидало здесь редкое зрелище. Пещера имела значительные размеры и, будучи освещена бесчисленными факелами, сверкала спускавшимися сверху сталактитами, искрилась поверхностями базальтовых природных колонн и производила волшебное впечатление. На одной из скал виднелось изображение, в котором при известном напряжении фантазии можно было найти некоторое

сходство с распятием, и на нем лежал человек, привязанный обвитыми вокруг тела ремнем, цепью и железным обручем. Вокруг него суетились рыцари, монахи и солдаты, изо всех сил стараясь разорвать державшие его путы. Над пленником тлело несколько головней, которые, по-видимому, и испускали таинственный свет, обративший на себя внимание рыцарей и, судя по его бледному и изможденному лицу, приведший их как раз вовремя, чтобы спасти его.

В некотором отдалении стояли обе собаки, тихо воя и облизываясь.

VII

Макиавелли осторожно и не спеша шел за своим спутником, но цепь, приковавшая несчастного Орсини к скале, была так крепка, что его спасителям еще не удалось разорвать ее, когда он вошел в пещеру.

Флорентиец внимательным взором окинул открывшуюся картину и остановил свой взгляд на пленнике. Орсини был человек во цвете лет; его фигура отличалась более изяществом и соразмерностью форм, нежели силой, но, вероятно, он был гораздо сильнее, чем казался. Черты его лица были строги, но тонки, а их подвижность и непрестанная смена света и теней указывали на сильные страсти, бушевавшие в нем; несмотря на это, они по желанию могли обретать неподвижность мраморного изваяния, с презрением отметававшего любопытные взоры зевак. Цвет лица Орсини можно было сравнить с тем оттенком, который принимает мрамор под влиянием горячих лучей южного солнца. Черные волосы еще больше оттеняли бледность его кожи.

— Они действительно спасли эту непримиримую змею подлого отродья! — вполголоса проговорил «шут» Макиавелли. — Никогда ничего не буду предпринимать в этот день месяца, так как слепой случай разрушил в этот день все, что было предусмотрено так мудро и так дальновидно! Но погодите! Смотрите, в глотке у него пересохло, глоток воды оживит его. Я думаю, если я дам ему чего-нибудь, это будет просто обыкновенным милосердием с моей стороны.

— А чтобы ледяная вода не застудила ему горло, вы хотите прибавить в нее немного восточного порошка, благодаря которому его желудок быстро разогреется? — спросил Макиавелли, вопросительно глядя на «шута». — Но я не усматриваю в этом мудрой политики, — прибавил он. — По моему мнению, каждый правитель, желающий уничтожить

своего врага, не должен пытаться делать это многими способами, а только одним, иначе он рискует подвергнуться опасности вызвать ответное сопротивление, которое уничтожит его. Если вы не можете уничтожить врага, никогда не раньте его; в противном случае вы посеете зубы дракона на собственную погибель; поэтому, пока вы не в состоянии уничтожить весь род Орсини, было бы небезопасно раздражать их гибелью самого значительного члена их семьи; полагаю, едва ли вы ожидаете, что такое событие не возбудит против вас подозрения.

— По вашему же правилу, Никколо, тот, кто хочет утвердить за собою покоренное государство, должен истребить весь род изгнанных государей, — возразил «шут». — Моя же власть вырвана мною у ленников святого престола.

— Вы несомненно избраны орудием, которое уничтожит маленьких тиранов Италии и объединит всю страну, — произнес дипломат. — Точно так же Паоло Орсини, несомненно, один из могущественных, а со времени изгнания Колонна — самый могущественный противник церкви; но тем не менее я не считаю настоящий момент удобным для его уничтожения.

— Никколо, — с презрительной улыбкой сказал «шут», — у тебя больше умения советовать, чем приводить советы в исполнение. Но ты был постоянно моим оракулом, и, кроме того, какой-то внутренний голос подсказывает мне, что и эта неудача, как и все другие, послужит к моему благополучию. Паоло еще может пригодиться мне на то, чтобы пустить его против гордого феррарского франта. С какой стати пожаловал сюда этот Бембо? Что он разносит здесь?

— Я сам стараюсь разгадать это обстоятельство, — ответил Макиавелли.

— Итак, я не стану поить Орсини, — начал снова «шут». — Кроме того, мне необходимо узнать, кто тот изменник, который оставил ему жизнь, так что мне придется еще чем-нибудь угостить его. Но я сомневаюсь, чтобы синьор Паоло, не раз встречавшийся со мною на поле битвы, где взоры проникают прямо в душу, не узнал меня в этом наряде. Да, мне так же трудно скрываться, как солнцу.

— Нет, благородный, господин, кто узнает в этом наряде, в этих рыжих волосах, в этом уродливом облике великого герцога Романы? — возразил Макиавелли. — Если подумать, как вы ненавистны всем, кому придет в голову, что самый тонкий ум нашего времени может допустить глупость искать защиты в переодевании?

Но в это время их разговор был прерван радостными восклицаниями. Под могучими ударами Лебофора распалась наконец тяжелая цепь, и пленник вскочил на ноги. Первым делом он бросился на колени перед распятием, причем во всеуслышание дал торжественный обет выстроить часовню святому Гвидобальду на месте своего чудесного спасения. Затем он поднялся и с живейшим выражением искренней благодарности обнял своих спасителей.

— Мои дворцы, мои поместья, мои сокровища, мое сердце и душа — все к вашим услугам, благородные рыцари! — воскликнул он. — Жизнь, которую вы спасли, принадлежит отныне вам, и, кроме любви к моей невесте, нет ничего, чего бы я не отдал друзьям в благодарность за то, что они сделали для меня.

— Это единственное условие мы не будем оспаривать у вас, благородный синьор, тем более что оно служит, по-видимому, талисманом против несчастья, — с саркастической улыбкой произнес иоаннит. — Но ваша благодарность принадлежит больше милосердному доминиканцу, который привел нас сюда, чем нам, так как это предприятие было для нас всего лишь удовольствием.

— Доминиканец? — с удивлением воскликнул Орсини. — Тогда несомненно это был мой ангел-хранитель, которого послала мне моя Покровительница, Пресвятая Дева в церкви Санта Мария Маджиоре. И Ей я отслужу торжественную мессу и поставлю пятьдесят свечей из турецкой амбры.

— От Санта Мария Маджиоре! — пробормотал шут. — Да, конечно, потому что образ Пресвятой Девы в той церкви так похож на его прекрасную невесту.

— Возможно! Я слышал, что это свое несравненное произведение Леонардо да Винчи писал с вашей матушки, синьоры Ваноццы¹, — прошептал Макиавелли своему спутнику, который дрожал всем телом.

— Замечали ли вы когда-нибудь, дорогой Никколо, как мало похожу я на Мадонну Санта Маджиоре, на мать или на отца, наместника Христа на земле? — спросил «шут». — Мне довольно часто нашептывали раньше, да и сам я мало-помалу пришел к убеждению, что в раннем детстве меня подменили, так как в конце концов папа больше боится меня, чем любит, и сам я питал родственные симпатии к своим близким так же мало, как и они ко мне,

¹ Ваноцца да Катанеис — возлюбленная Родриго Борджиа, затем папы Александра VI, последний имел от нее четырех детей, в том числе Цезаря и Лукрецию

клянусь оковами святого Петра! Его святейшество почти отрекся от меня, назначив меня кардиналом. Я намереваюсь как-нибудь спросить колдунью, да так спросить, чтобы она сказала мне правду, кто породил меня!

«Шут» почти с жаром, почти с бешенством произнес эти слова, словно воспоминание об этой несправедливости глубоко потрясло его. Макиавелли посмотрел на него острым, пронизательным взором, но ответил таким тоном, как будто не придавал его словам никакого значения.

— Мне кажется, благородный господин, что с вашей стороны было бы крайне странно, даже нелепо подтверждать эти слухи, если это вообще слухи.

— Вы ошибаетесь, Никколо, на этот раз вы глубоко ошибаетесь! — возразил «шут» более тихим, но все еще взволнованным голосом. — Клянусь небом, теперь мне хотелось бы быть признанным, законным наследником нищеты моего дряхлого воспитателя, чем оставаться незаконным сыном священника!

— Возможно ли? — воскликнул Макиавелли, недоверчиво взглянув на говорившего, а про себя подумав при этом: «Неужели в этой дьявольской груди есть место для стыда и раскаяния?»

Но, припомнив ужасные слухи, очень распространенные тогда в Италии, он внезапно хитро улыбнулся и сказал:

— Но ведь не станете же вы уговаривать или принуждать вашего воспитателя открыть вам правду, прежде чем вы как Борджиа не утвердитесь в Италии, монсеньор?

— О, брат души моей, наши мысли постоянно совпадают! — воскликнул «шут» недовольным голосом, словно ему было неприятно, что его сокровенные мысли были высказаны так открыто. — Поэтому-то я не могу ничего скрыть от тебя, если бы даже и хотел. Но пойдем, нам необходимо опередить этих болванов, так как я вижу, что драгоценную добычу они выпустили на волю.

После первых горячих изъятий благодарности и радости Орсини, по-видимому, снова обессилел и, поддерживаемый своими спасителями, покачиваясь приближался к выходу. Посол и его спутник поспешили вперед, чтобы не быть замеченными.

У входа в скалистый проход слышался голос Бембо, спрашивавшего, что произошло в пещере, но не решавшегося войти туда. «Шут» стал забавляться, отвечая ему вскрикиваниями и визгом, и его голос, дробясь и отражаясь о каменные стены, переливался причудливым эхом. Когда они вышли из расщелины на реку, Бембо уже исчез.

— Он побоялся встретиться с существом, которое издавало эти звуки, — сказал с ироническим смехом «шут». — Но я никак не могу понять появление доминиканца. Отец сам, против моего желания пригласил Орсини в Рим, пока я не вспомнил, какой опасности подвергается путешественник в это время и что с гибелью Паоло должен погибнуть и весь их союз. Но откуда же его святейшество оказался осведомлен о моих намерениях?

— Следовательно, вы не разделяете мнения Паоло, что само Небо приняло в нем участие и послало своего святого для его освобождения? — спросил Макиавелли.

— Если бы Небо начало печалиться о том, что происходит на земле, то ему не осталось бы времени думать о небесном. Скорее, это — дело рук моего злого демона; у меня есть такой, который разрушает все мои планы! — страстно воскликнул «шут», и Макиавелли заметил, что его лицо сделалось мертвенно-бледным.

— Не хотите же вы сказать, благородный господин, что... — начал снова флорентиец.

— Ведь ты не веришь в духов, во плоти или бесплотных. Но неужели ты не поверил бы своим собственным глазам?

— Им-то я верю меньше всего, мне необходимо знать саму суть, а не оболочку, — ответил посол. — Если бы я поведал своим глазам, я написал бы своей республике, что ваша милость избрала себе братом племянника Медичи, этого Орсини, и что поэтому все подъемные мосты во Флоренции должны быть подняты, как если бы ожидалось нападение врага.

— Союзники и не могут думать иначе; никто не может доверять никому, так что каждой партии, желающей сохранить свое могущество, не остается ничего иного, как войти в союз с другой против третьей. Однако что ты такое толковал там о внешней оболочке? Разве не Лукреций¹ полагает, что духи принимают формы их прежних тел? Если это так, тогда духи умерших сохраняли бы те же положения, в которых они отошли в вечность! Как по-твоему?

— Прошу вас, благородный господин, выражаться более четко, — сказал Макиавелли, ничего не выражающим взором глядя на своего собеседника.

— Я говорю то, что мне приходит в голову, — в мрачном раздумье произнес «шут», — я хочу сказать, что если

¹ Тит Лукреций Кар — римский поэт и философ-материалист I века до н. э. Поэма «О природе вещей» — единственное полностью сохранившееся изложение материалистической философии древности

бы, например, мой покойный брат, герцог Гандийский¹, горькую судьбу которого отец не перестает оплакивать и который действительно был так добр и прекрасен, что люди благословляли его только из-за его восхитительных локонов, когда он проходил мимо, а все женщины поголовно сходили по нему с ума... так вот, если бы он когда-нибудь ночью захотел явиться своему... своему отцу, папе Александру, как ты думаешь, в какой одежде он явился бы ему?

— Своему отцу? — повторил Макиавелли, избегая мрачного взора собеседника. — О, отцы — удивительные люди! Конечно, он явился бы ему не с кинжальными ранами на теле и тибрским илом в золотистых кудрях, которые, как я слышал, его святейшество нежно называл «лучами герцога Гандиа». А если бы он призвал в советники вкус своего отца, то несомненно явился бы ему цветущим юным Антиноєм², как в тот день, когда, будучи назначен хоругвеносцем церкви, он, в белом шелковом одеянии, усыпанном рубинами, ехал на белоснежном коне, украшенном серебром и жемчугом.

— Я всех своих лошадей подкую серебряными подковами, но римляне должны будут забыть это великолепие! — страстно воскликнул «шут». — У меня самого эта картина не так скоро изгладится из памяти, потому что я помню, как лошадь моего брата обдавала меня грязью, когда я в кардинальской мантии плелся сзади него на своем тряском муле. Как он внезапно остановился, чтобы приветствовать свою сестру, донну Лукрецию, — моей я едва ли могу назвать ее. Я был так взбешен, что чуть не задохся от злобы. Мне думалось, что это было сделано нарочно, чтобы унижить меня; послушали бы вы, каким хохотом разразилась чернь!

— О, я слушал... ведь хохотали так громко, что мы могли слышать во Флоренции, — шутливо заметил Макиавелли. — От нас хохот перешел в Мантую и дальше, до

¹ Старший брат Цезаря Борджиа, Джиованни, пользовавшийся неизменным покровительством папы Александра и получивший от последнего герцогство Беневентское, графство Террагина и Понтекарво, а также звание папского полковника и хоругвеносца. Эти успехи Джиованни вызвали зависть Цезаря, бывшего тогда лишь кардиналом, архиепископом византийским, и, стремясь к первенству, Цезарь в 1496 г. якобы устранил Джиованни со своей дороги — труп герцога Гандийского всплыл в Тибре и, как оказалось, был пронзен ударами шпаги. Это случилось на третий день после пиршества, которое устроил Цезарь перед своим отправлением в Неаполь, где он должен был от имени папы возложить корону на короля Федерико.

² Антиной (?—130) — греческий юноша, любимец римского императора Адриана. Утонул в Ниле. Считался идеалом мужской красоты.

королевского двора в Милане, где, несомненно, хохотали точно так же, потому что тогда вас ненавидели и там.

— Меня ненавидят еще и теперь. Но пусть меня ненавидят, кто хочет; мне все равно, служили бы только моим целям. Мне даже доставляет удовольствие видеть, как мои ненавистники льстят мне. Что такое могущество, как не владычество над людьми против их воли? — спросил Цезарь Борджиа и, снова возвращаясь к предыдущему разговору, продолжал: — Следовательно, предположим, что если бы Джованни посетил своего достойного отца, то он явился бы ему в своей лучшей одежде и, несомненно, снял бы ее, если бы решил навестить своего убийцу.

— Здесь, надо полагать, он явился бы в той одежде, с тем же взглядом мучительного страдания, с каким принял смерть, — воскликнул Макиавелли, внезапно просыпаясь от своего обычного равнодушия. — С искаженными от ужаса чертами лица, со страданием и безнадёжной мольбой, с девятью ранами, из которых потоками льется горячая алая кровь, с мертвенно-бледным прекрасным лицом, — да, вот истинный образ безгрешного Авеля¹, умерщвленного над своей благоухающей жертвой.

— Оплакиваемый женой и сестрой!.. Ха!.. — с ужасным хохотом воскликнул Борджиа. — Ну, Абель заслужил свою участь, хотя, быть может, и не от руки Каина, если правы современные богословы. Но мой бедный брат! Ах, что сделал он, кого прогневил, он, такой покладистый, такой мягкий, такой уступчивый и нежный?

— Он был действительно выдающийся, талантливый юноша, богато одаренный прекрасными качествами, — произнес Макиавелли. — Мир душе его, если она у него была! Он достаточно долго пробыл в чистилище, чтобы освободиться от худшего своего порока — слишком большой любви к тому, что Платон называл н е п р е к р а с н ы м.

— А если еще вдобавок подумать, что этот порок был причиной его гибели! — с лицемерным сожалением сказал «шут». — Несомненно, в этот роковой день, четырнадцатого июня, он встретил на своем пути какого-нибудь ревнивого мужа или мстительного любовника.

— Или рассерженного отца, а может быть, разгневанного брата! — продолжал Макиавелли. — У нас во Фло-

¹ Абель — в библейской мифологии второй сын Адама и Евы, «пастырь овец», убитый из зависти старшим братом Каином-земледельцем, когда бог Яхве предпочел дары Авеля. В переносном смысле — невинная жертва жестокости.

ренции рассказывали, что на большом празднестве, данном в вашу честь вашей матушкой, так как вы, будучи тогда еще кардиналом, должны были выехать на следующий день в Неаполь для коронования дона Федерико, — какой-то человек в маске требовал пустить его к герцогу, и, когда его наконец допустили к тому, он передал ему раздушенное письмо. Вскоре после этого герцог, сославшись на нездоровье, удалился, и ваша милость ушли вместе с ним, так как вам необходимо было еще приготовиться к отъезду.

— Мы расстались с ним на лестнице палаццо¹ Сфорца — это уже доказано, — спокойным тоном проговорил Цезарь Борджиа. — В веселом настроении мой брат во что бы то ни стало хотел уговорить меня, чтобы я, как священник, дал ему отпущение грехов, так как он намеревался отправиться к прекраснейшей женщине. Я засмеялся и сказал ему, что сначала он должен согрешить, и он, послав мне приветствие рукой и весело напевая, удалился как триумфатор. Вероятно, он хотел еще проститься со своей сестрой, донной Лукрецией, так как направился к монастырю, где она жила в то время.

— И вы никогда не видели его больше? — внезапно спросил Макиавелли.

— О, как же! Я видел брата, когда его труп вытащили из воды у замка Святого Ангела и когда его хоронили с большим великолепием, — ответил Цезарь. — Мне пришлось распорядиться всем, так как наш отец совсем потерял голову: он заперся у себя в комнате, целых три дня ничего не ел и, конечно, умер бы с голода, если бы мольбы и слезы Лукреции и требования его желудка наконец не победили его. И каких только обетов исправиться не надавал он тогда! Но его святейшество — настоящий Везувий: он или пышет пламенем, или безмолвствует, покрытый снегом.

— Ну, а, по вашему мнению, в каком виде явился бы дух вашего брата своему убийце?

— Как темная тень, бесцветная, безмолвная, без лица и без образа, — ответил Борджиа, с таким выражением обернувшись к своему собеседнику, что тот должен был испугаться, если бы не был истинным дипломатом. — Но, если бы у него и не было всех этих признаков, убийца все равно узнал бы его! Убийца любимца папы не может быть трусом; он не должен страшиться этого явления; но, тем не менее, оно больше раздражало бы его, чем самый ужасный образ, своим молчанием больше возмущало бы его душу, чем самыми

¹ Палаццо (ит. palazzo) — дворец, особняк

страшными проклятиями. И вот, придя в бешенство, он схватился бы за меч, бросился бы на свою жертву и, скрежеща зубами, увидел бы, что перед ним нет ничего, кроме тьмы, но за ней скрывается нечто, что не исчезнет никогда.

— Я не удивляюсь, что вы свое тщетное желание мщения утешаете такими ужасными надеждами на угрызения совести, — сказал флорентиец, — ведь убийцы так давно скрылись и ускользнули от розысков, что трудно надеяться найти их, по крайней мере на земле. Ах, что должны чувствовать вы, брат убитого герцога! Вы играли с ним в детстве, пережили с ним радости цветущей юности; вы, как два прекрасные кипариса, посаженные одной и той же рукою, росли вместе, наслаждались радостями жизни.

— Нет, скорее, как два дуба, причем один по случайной милости солнца рос и тянулся ввысь, а другой хирел, — с горькой усмешкой ответил Борджиа. — Но довольно об этом! Мне необходимо выяснить это появление доминиканца. Мигуэлото не посмеет так шутить с моими приказаниями. Не говорил ли ты мне, Никколо, что мой лейтенант, дон Ремиро, получил недавно без моего согласия от святого престола что-то вроде награды?

— Его святейшество был так изумлен его строгой справедливостью, что за все жестокости, допущенные им при исполнении своих обязанностей, дал ему полное отпущение, — сказал Макиавелли. — Кроме того, его жена — родственница Колонна.

— Как мог я забыть об этом? — задумчиво заметил Борджиа.

— Нет, благородный господин, при совершении суда и расправы вам такой бессердечный человек был просто необходим, — возразил Макиавелли. — И разве он не оправдал вашего доверия уничтожением почти всех разбойничьих шаяк в Романье, так что теперь крестьяне могут сеять хлеб вплоть до Сполето?

— И — что еще больше — собирать его, — сказал Цезарь Борджиа. — Когда я назначал дону Ремиро подестой, я сказал ему, что во всей Италии не должно быть больше ни одного негодяя, кроме меня. Теперь мне говорят, что Ремиро так же нелюбим, как каленое железо, которым мы прижигаем раны, и если при таких обстоятельствах он действовал против моей воли, то я знаю, что народ будет рукоплескать от восторга, когда увидит его восходящим на один из им самим же построенных эшафотов.

— Тогда я одобряю расправу над ним! — шутливо заметил посол. — Никто не имеет права властвовать над дру-

гим против его желания, хотя бы это служило ему на пользу. Но, ради Бога, куда же мы забрели?

— Туда, куда я все время направлял наши стопы, Никколо, потому что и в развлечениях я не забываю своих дел. Я хотел просить вас прислать сюда моего немого слугу Зейда, а эта громадная сосна послужит приметой, по которой он найдет меня.

VIII

— Нет, благородный господин, здесь, в этой сумрачной долине, слишком уныло, особенно после нашего разговора о привидениях, — сказал флорентиец, взглянув из долины на реку, оставленную им далеко позади.

— Бросьте мрачные мысли! Герцог Гандийский хорошо устроился на небе, а для нас осталось больше места на земле, — насмешливо возразил «шут». — Торопитесь, мой добрый Никколо, и пошлите моего Зейда; но смотрите, чтобы его уход не был замечен, и пусть он захватит с собою собак.

— Они здесь, благородный господин, — ответил Макиавелли, указывая на собак, с опущенными головами медленно следовавших за своим господином.

— Бедные животные! — проговорил Цезарь, ласково погладив собак по голове. — Они не привыкли, чтобы таким образом обманывали их ожидания. Но не стоит терять времени, Макиавелли; я останусь здесь, пока не передам приказаний Зейду.

— Еще раз предупреждаю, благородный господин, будьте благоразумны; подумайте, прежде чем замыслите что-нибудь против этого молодого человека, — с легкой боязнью в голосе промолвил Макиавелли и плотнее закутался в плащ, словно ночная прохлада лихорадила его.

— Не беспокойтесь: я просто отправлю Зейда с одним поручением, — нетерпеливо ответил «шут».

Флорентиец, заметив, что его спутник взволнован и раздражен, почтительно поклонился и пошел. Поднявшись по крутой тропинке, ведшей к монастырю, он не смог удержаться от соблазна остановиться на мгновение на вершине, откуда отчетливо видел высокую стену, у подошвы которой сидел Цезарь Борджиа.

— Тиран, убийца, братоубийца! — громко закричал он, словно не мог больше сдерживать свои чувства. — Но также и истребитель тиранов! Будь королем, чтобы сделать ненавистными все формы королевского достоинства, как твой

отец стал священником, чтобы сделать отталкивающими все формы суеверия. Скуй неразрывной цепью разъединенные провинции Италии и, если необходимо, пролей для этой цели море крови! Живи, чтобы объединить Италию, и ты должен будешь умереть, чтобы освободить ее!

И, судорожно сжав клинок кинжала, республиканец шестнадцатого столетия продолжал свой путь.

Но не дойдя до ворот монастыря, он встретил того, кого искал. Зейд только один знал, кто скрывался под личиной шута, но он был только мавр и — жертва восточной жестокости — нем. Однако молчаливость была одним из тех качеств, которые Борджиа особенно ценил, и потому мавр был очень удобен для целей своего господина. Он числился при Борджиа скороходом, но в Риме молва называла его «душителем», и, хотя никто никогда не видел его в этой роли, все же слухи о его «деятельности» носились самые удивительные. Еще более чудесные рассказы ходили о способности Зейда бегать, что очень ценилось в те времена в скороходах. О Зейде рассказывали, между прочим, что он не раз догонял на охоте оленя и без всякого вооружения клал его на месте.

Наружность «душителя» вполне соответствовала рассказам о нем.

В немногих словах, понятных мавру, Макиавелли передал ему поручение его господина, и мавр с такой стремительностью поспешил к Борджиа, что флорентинец готов был поверить, что он свернулся, как перекаати-поле, и скатился в долину.

«Душитель» быстро добрался до указанного места, где его повелитель беспокойно ходил со скрещенными на груди руками взад и вперед.

— Зейд, ты устал, бедный пес, и мне очень не хотелось бы снова посылать тебя в горы, — ласково проговорил Цезарь при виде скорохода. — Но я знаю, что ты любишь меня! Разве не я вымолил тебе жизнь, когда султан Зем занес над тобою саблю и хотел снести твою голову?

Раб фыркнул, как лошадь, почуявшая опасность, и тем выразил свою признательность.

— Ты должен быть еще сегодня ночью в Ронсильоне, — начал снова Цезарь, переходя в повелительный тон. — Там в крепости ты найдешь подесту Романьи, дона Ремиро д'Орко, ожидающего моего прибытия. Возьми это кольцо в доказательство того, что ты пришел от меня, и передай ему мой следующий приказ: он должен немедленно отослать дона Мигуэлото со всеми испанскими солдатами,

которые не нужны для защиты крепости, с таким расчетом, чтобы они могли рано утром присоединиться ко мне.

Зейд низко поклонился, взял перстень и в знак почтения и послушания положил его на свою голову.

— Ступай по течению реки до Нарни, оттуда ты знаешь дорогу, — продолжал Цезарь. Скороход хотел уже идти, но Борджиа быстрым движением удержал его. — Смотри, не теряй времени! Через час луна скроется за горами, и, лишь только исчезнет ее последний луч, я пошлю по твоему следу собак. И, если ты остановишься на дороге, чтобы улечься спать, ты знаешь, кто поднимет тебя.

Со знаками глубокого уважения мавр поклонился еще раз, как будто высказанная мера предосторожности была в порядке вещей, пустился как стрела из лука и почти моментально исчез из вида.

Цезарь решил, по-видимому, исполнить свое обещание, так как остался на месте. Несколько мгновений он стоял, погруженный в свои мысли, а затем снова стал беспокойно ходить взад и вперед по поляне, не обращая внимания на то, что собаки следовали за ним по пятам.

Вдруг животные тихо завывли, вытянули морды по ветру и задрожали всем телом. Цезарь посмотрел на них, а затем взглянул по направлению, откуда собаки опасались, по-видимому, чьего-то появления. Он ожидал увидеть волка, или кабана, или какого-либо другого хищного жителя гор, но несколько времени и его орлиный взор не мог ничего рассмотреть. Неожиданно в некотором отдалении на берегу реки показалась темная фигура приблизительно в человеческий рост, но неопределенных очертаний.

Лицо Цезаря внезапно покрылось бледностью, и он приклонился к дереву, чтобы не упасть. Но в следующее мгновение он уже пришел в себя, поборол свой ужас и бросился вперед, воскликнув громким и твердым голосом:

— Стой, кто идет? Друг или враг герцога Романьи?

— Эй, вы, эхо! Эй, вы, девы! Бросьте со мною шутки в эту ночь! — ответил чей-то глухой голос.

Звук этого голоса окончательно успокоил Цезаря. Его взор еще по-прежнему был направлен на путника, но и тени страха уже не было в нем.

Между тем тот с поразительной медленностью, словно дряхлый старик, не переставая разговаривать с собой, продвигался вперед. Он был неуклюж и сильно горбился, его походка была неуверенна и он все время опирался на палку; лицо же и вся фигура его были закутаны черным плащом, который был привязан у бедер, причем против глаз были

вырезаны две дыры. Это была черная одежда кающегося, которую носили обыкновенно самые отъявленные грешники.

— Добрый вечер, отец! Куда так поздно и в одиночестве? — веселым голосом спросил Цезарь, словно чувствуя себя свободным от охватившего его раньше ужаса.

— Хорошо одиночество, когда на каждом шагу кричит и воет волк! — с жутким смехом ответил кающийся.

— Как будто я уже слышал этот голос? — задумчиво сказал Цезарь. — Ах, ты явился словно по зову! Не старый ли ты мой учитель великого искусства — дон Савватий из Падуи, внушивший мне умную мысль, показав в зеркале из магического камня мое будущее, и, когда инквизиция пожелала поближе познакомиться с тобою, сжегший свои книги и исчезнувший, как блуждающий огонек на болоте?

— Или как те огненные языки вот там на вершинах? — заметил кающийся, непомерно длинной, тощей и сморщенной рукой указывая на отдаленную гору, где виделось довольно обычное в этих вулканических местах великолепное явление.

Казалось, что чьи-то демонические руки подбрасывали вверх горящие факелы.

— Но ведь это — ты? — сказал Цезарь, равнодушно взглянув в указанную сторону.

— Я уже давно был им, — ответил кающийся.

— Да, ты стар, очень стар, и в твои годы тебе необходимы покой и удобство, — нежно промолвил Цезарь. — Теперь я уже не так беден и бессилен, чтобы не быть в состоянии оказать друзьям услугу, как прежде, когда мы в Пизе изучали вместе каббалу. И мне хочется возобновить мои занятия. Поэтому если ты пожелаешь, мой добрый Савватий, поселиться у меня, в замке Святого Ангела, ты получишь одну из башен и сможешь там в таком близком соседстве со святой инквизицией заниматься своим запрещенным искусством, что можешь при желании плюнуть на нее, выглянув из окна. Мы станем тогда делать медные головы, которые говорят, будем изобретать противоядия и изучать растения, дающие такие чудесные яды, что умереть от них — одно удовольствие, и заниматься теми вещами, которые ты так любил тогда, когда я еще был твоим прежним и послушным учеником.

— Да, вы — больше уже не младший брат, — произнес кающийся, насмешливо кланяясь, — и я очень благодарен вам за ваше приглашение; но людям, прожившим более пятнадцати столетий, следует думать о смерти; эти обязанности и меня заставили отказаться от черной науки и по-

слали в Рим, чтобы на этом юбилейном празднике я спас свою душу.

— Пятнадцать столетий! Ты шутишь или сошел с ума, дон Савватий! — испуганно воскликнул Цезарь.

— О, вы еще не знаете, как долго может ненавидеть Него! — с горячностью ответил кающийся. — Уже много столетий миновало с тех пор, как был зажжен огонь великой радости, а тот, кто плюнул в лицо Сыну Божию, когда Тот нес крест на лобное место, все еще одиноко странствует по свету¹.

— Но оставайся у меня; я знаю, ты обладаешь многими великими тайнами, изучение которых разрешает нам даже сама церковь, — льстиво сказал Цезарь. — Разве я не видел, как ты пробудил в образе привидения умершего императора, который вручил мне свой скипетр?

— Какая польза тебе утруждать его еще раз? — спросил кающийся.

— Но если ты можешь пробуждать умерших, разве ты не можешь также успокоить их? Чего ради он своим присутствием будет омрачать мне сияющий день? — воскликнул Цезарь, мучительно сжав руки.

— А разве и тебе мешают мертвецы? — возразил кающийся, и его глаза сверкнули в отверстии плаща саркастическим, дьявольским огнем.

— Ты опытный толкователь загадок, — спокойнее промолвил Цезарь. — Я не могу сказать, что боюсь этого, но оно мешает мне, когда вдруг среди пира или блестящего праздника я, подняв свой взор, вижу того мерзавца перед собою. Но не думай, что я боюсь его; я презирал его при жизни, презираю его и после смерти! Я скажу тебе, дон Савватий, что, когда, возложив в Неаполе в качестве посланника святейшего престола корону на главу дона Федерико, я в первый раз увидел его, я почти не испугался.

— Это — лихорадочный бред, сын мой; вас преследует одно из самых сильных воспоминаний, которое может быть вытеснено только еще более сильным, — с коротким заглушенным смехом ответил кающийся. — Но вы забыли отослать ваших собак, а луна уже далеко зашла за Монте Сомма.

— Разве ты слышал мои угрозы Зейду? — с легким ужасом спросил Цезарь. — Но я никогда не грожу понапрасну. Фью, Марий, Сулла, за ним!

¹ Автор намекает на героя легенды о «вечном жиде» — Агасфере. Когда Христос шел на Голгофу и хотел отдохнуть подле дома башмачника Агасфера, последний будто бы стал отгонять его; Христос сказал: «Я отдохну; ты же ходи, пока я не приду». С тех пор Агасфер будто бы странствует по свету.

С этими словами Цезарь указал на след Зейда собакам, неподвижно лежавшим и все еще дрожащим, словно присутствие незнакомца наполняло их страхом.

Но животные не двинулись с места и снова завывали.

— Без сомнения, я обладаю чарами, мешающими им двигаться. Но я ухожу, — проговорил кающийся со своим обычным хихиканьем.

— Теперь уже поздно; пойдем со мной туда, в картезианский монастырь, — промолвил Цезарь.

Однако кающийся отрицательно покачал головой и насмешливым и в то же время тоскливым тоном ответил:

— До самого Рима я не должен отдыхать под крышей, а тем более осквернять своим присутствием святой дом.

— Тогда я проведу вместе с тобой ночь под этим высоким кровом, — сказал Цезарь, указывая рукой на небо.

— Нет, я не смею медлить, а ты должен возвратиться к своему обществу. Разве у тебя не горят уши? Ведь там говорят о тебе! — произнес кающийся и поднял свой посох, словно намереваясь продолжать путь.

— Так обещай, по крайней мере, навестить меня в Риме. Тебе стоит только явиться в замок Святого Ангела с каким-нибудь знаком от меня к донне Фиакке, такой же последовательнице черного искусства, и ты будешь вернее и безопаснее спрятан, у нее, чем некогда Мерлин при дворе короля Артура¹.

— Дайте мне ваш знак, — после небольшой паузы проговорил мудрец, — об этой женщине и о ее любви к науке я уже слышал.

¹ Мерлин — образ знаменитого в средневековой литературе чародея и прорицателя, одно из красочных порождений кельтского фольклора, был известен едва ли не всем народам Западной Европы от Сицилии до Исландии. Артур — один из самых популярных образов мировой литературы, национальный герой бриттов, возглавивший борьбу против англосаксонского вторжения в конце V — начале VI в. По мнению большинства современных исследователей, Артур — лицо историческое, он был вождем кельтов. Лишь спустя несколько веков в устных преданиях бретонских певцов-бардов его стали называть королем. Легенды о короле Артуре и рыцарях Круглого стола обрели европейскую известность после появления пяти обширных романов в стихах поэта Кретьена де Труа (ок. 1130 — ок. 1191) — ярчайшего представителя французского рыцарского романа. Круглый стол на 150 рыцарей основал именно Мерлин. По его завету рыцари стола поклялись не совершать преступлений и убийств, не творить жестокости или злых дел, бежать от измены, лжи и бесчестия, щадить того, кто просит о пощаде, защищать угнетенных и обиженных, оставлять все свои дела, если хоть одной женщине в мире причинено зло. Ежегодно в день Святой Троицы все рыцари собирались и вновь давали клятву верности заветам Мерлина, преданности королю Артуру и только после этого занимали свои места за столом

— Тогда я тебе отдам мой ядовитый смарагд, который краснеет, если питье опасно; свой перстень я уже отослал по другому делу, — медленно сказал Цезарь, а затем с очевидной неохотой вынул из углубления в палке маленькую свинцовую коробочку, величиной и видом напоминавшую игральную кость, и отдал ее кающемуся. — Если нам суждено увидаться с тобой снова, дон Савватий, то покажи мне тогда наконец свое лицо, которое ты так тщательно скрывал всегда. Тебе нечего бояться, что я из недостатка веры или рассудка предам тебя.

— Никому не верь, никого не бойся! — уныло произнес кающийся. — Но слушай, тебя зовут. Иначе что могут значить эти голоса, раздающиеся с утесов?

— Итак, до свидания в замке Святого Ангела! — сказал Цезарь, подходя ближе, чтобы подать ему на прощанье руку.

Но незнакомец удовольствовался каким-то фантастическим поклоном, высоко подняв свои тощие руки, а в следующее мгновение исчез за уступами скал.

— Гей, шут, шут! — раздался в отдалении голоса.

По-видимому, Макиавелли был озабочен продолжительным отсутствием своего «шута».

Лишь только последователь тайных наук исчез, собаки с обычной живостью подпрыгнули. Цезарь, заметив это, попробовал пустить их по следу Савватия, но тщетно; собаки подняли страшный вой и не двинулись с места. Тогда Цезарь отвел их на прежнее место, к сосне, где его оставил Зейд, и они сейчас же пустились искать его по следу. Когда легкий шум их бега стал неуловим даже для его острого слуха, Цезарь повернулся и направился к монастырю.

IX

Поднявшись на гору, Борджиа очень искусно крикнул по-совиному, и вследствие этого к нему вскоре подошли Макиавелли и несколько солдат. Флорентиец с искусственным неудовольствием сделал ему выговор за беспокойство, причиненное его отсутствием, «шут» же ответил ему, что пытался достать золотую корону, висевшую на небе, а затем стал бессмысленно насвистывать свою песенку. Солдаты тем временем по знаку посланника направились к монастырю.

— Вы знаете, благородный господин, — начал после их ухода Макиавелли, — возможно, что доминиканец был по-

слан вашим батюшкой, так как я слышал, что он еще задолго до того, как синьор Паоло попал в западню, встретил его на пути и уговорил вернуться.

— Как же это может быть? Бандитам довольно трудно сделать моего отца своим сообщником! — сухо возразил Цезарь. — Откровенно говоря, я, право, не знаю, чем объяснить все это. Духовник сестры — доминиканец.

— Знаменитый отец Бруно Ланфранки, ученик Савонаролы? Но почему же ваша сестра...

— Да, нахальный монах, своими поношениями уже давно заслуживший, чтобы ему вырвали язык с корнем! Только глупость Лукреции хранит его! — с ненавистью воскликнул Цезарь. — Во всех делах меня сейчас держат под надзором, но мое время еще придет.

С этими словами они подошли к монастырю; там, в большом зале, они нашли Паоло Орсини и его спасителей, оживленно беседовавших за скудной трапезой о последних событиях. У запасливого Бембо нашлось в тюках несколько бутылок превосходного вина, и пара глотков заметно оживили освобожденного пленника.

— Я только что удивлялся, мессир Никколо, — сказал Орсини, когда посланник занял за столом свое место, между тем как «шут» беззаботно бросился на приготовленный для него пук соломы у огня, — каким это непостижимым образом бандиты проведали, что я намереваюсь пройти через горы с малочисленной охраной, которую они умертвили бы при моем захвате?

— Если бы о вашем намерении знал только папа Александр, а не его коварный сын! И тем не менее, не нужно большого усилия, чтобы вывести заключение, — сказал иоаннит, и на мгновение воцарилось молчание.

— Нет, рыцарь, хотя вы — мой храбрый и благородный спаситель, я все же прошу вас не говорить таких речей! — побледнев, возразил Орсини. — Донна Лукреция так же добра, как прекрасна, и преступление даже в безумии помышлять о таких ужасах.

— Вы счастливы в своем заблуждении, благородный синьор, — холодно промолвил рыцарь.

— Благодеяния донны Лукреции безграничны! — с жаром продолжал молодой дворянин. — По эту сторону По нет ни одного нищего, который не мог бы рассказать о том.

— Ведь это необходимо, дядя Никколо, для того, чтобы прикрыть страшные грехи, — сказал «шут», кидая на посланника ничего не выражающий взор.

— Берегитесь, синьор Паоло, чтобы вон те солдаты не слышали нашей болтовни!.. Они на службе герцога Борджиа, — с заметным беспокойством заметил Макиавелли.

— О, самый хилый из моих англичан свободно положит лучшего из этого пестрого сброда! — презрительно возразил Лебофор. — Да и большинство негодяев спит на сене, кроме того, они, будучи большей частью дикарями, на таком расстоянии поймут немного из того, что мы говорим. Прежде чем жениться на этой женщине, будь она сама Венера, — воскликнул он после небольшого раздумья, что было совсем не в его правилах, — я лучше посватался бы за старшую дочь дьявола с вечным проклятием вместо приданого!

— Нет, если бы донна Лукреция была даже этой дочерью, а смерть — священником, благословляющим наш брак, я с восторгом лег бы в могилу, если бы только она разделяла ее со мной! — страстно воскликнул Орсини.

— Во всяком случае, она должна быть непременно красавицей! — промолвил, взглянув на иоаннита, Бембо.

— Тогда, синьор Паоло, в предательстве по отношению к вам, вероятно, отец и сын протянули друг другу руки, — упрямо проговорил иоаннит.

— Розу понюхать рыцарь хотел,
Розу понюхать он не успел:
Пчелка ужалила рыцаря в нос.
Рыцарь разгневался, рыцарь вскипел,
Выбранил розу и бросил в ручей.
Рыцарь, не слушай ты глупых речей! —

сымпровизировал «шут», бросив на всех бессмысленный взор, как будто бы не понимая, что говорит.

— Нет, рыцарь, такое предательство действительно невозможно! — воскликнул Бембо.

— Разве и он наколосся на шипы, что так горько жалуется? — снова начал «шут», серьезно взглянув на иоаннита, но затем внезапно с выражением почти идиотской глупости перевел взгляд на Орсини, который в первый раз внимательно посмотрел на него.

— Господи Боже мой, разве есть что-либо невозможное для Борджиа? — воскликнул иоаннит, не обращая внимания на молящий взгляд Бембо. — Почему, как говорят, убит герцог Гандийский?

— Один Роланд за одного Оливера. Цезарь стал герцогом Романьи! — со смехом сказал Лебофор, но без своей обычной живости.

— Но позвольте, — сказал посол, — ведь вам известно, синьор Орсини, что в интересы республики вовсе не

входит упрочение мира между вашей партий и Цезарем; но при печальном изменении его обстоятельств у него несомненно были все причины по отношению к вам, как главному деятелю примирения, действовать открыто и честно.

— Кроме того, — сказал Орсини, хватаясь за эту соломинку, — Цезарь в доказательство своей искренности рассказал мне все о тайных переговорах, происходивших между ним и Мерескотти из Болоньи, которые в своей ненависти против Бентиволли хотели выдать ему город.

— Он выдал их, потому что не верил, что они выполнят свое обещание, — ответил неуступчивый иоаннит.

— В таком случае он — позорное пятно рыцарства, недостойный изменник! — с жаром воскликнул Лебофор.

— Хватит ли у вас, рыцарь, мужества высказать это ему в Риме? — спросил Макиавелли.

— Да, или в его логовище!

Незаметный жест «шута» прервал ответ, готовый сорваться с языка Макиавелли.

— Нет, вы не можете винить яйца за то, что из них выходят крокодилы, — проговорил он со своим обычным ничего не выражающим взором, странно противоречившим его полным смысла словам.

— Мне больно слышать, господа, ваши неразумные речи, — сказал Бембо, — так как поистине вы оскорбляете нашу святую мать — церковь, понося таким образом ее высшего земного главу. Кроме того, вы подкапываете самое основание веры, так как может ли быть божественной та религия, которая своим представителем имеет такое чудовище?

— Он избран благодаря симонии¹ и не по праву удерживает за собою власть, пока его не поразит небесный гром! — страстно возразил иоаннит.

— Или союз римского дворянства, который, как я слышал, замышляет это, — проговорил флорентиец.

— Небесное возмездие уже покарало его избирателей за их прегрешение против Святого Духа, и сделало это собственными руками избранника, — продолжал иоаннит. — Кардинал Колонна в изгнании, у Юлиана делла Ровере, Асканио Сфорца и Савелли конфисковано имущество, и они, чтобы спасти свою жизнь, бежали из Рима; старый кардинал ди Капуа отравлен; кардинал Орсини и

¹ Симония — широко практиковавшаяся в средние века продажа и купля доходных церковных должностей. Название получила по имени волхва Симона, просившего, согласно Библии, апостолов продать ему за деньги дар творить чудеса.

архиепископ флорентийский будут уничтожены со своими близкими в очень недалеком будущем.

— И все же возможно, что только такая пылкая и страстная душа, как у его святейшества, могла возвратить церкви ее блеск и отнятое у нее наследие, и что ради этого Небо стерпело его возвышение, — неуверенно заметил Бембо.

— Юрист, солдат и священник! Разве по этому рецепту делают черта, дядя? — спросил «шут». — А ведь Цезарь последовательно был ими.

— И все в такой высокой степени! — возразил флорентиец. — Папе Александру, бесспорно, приписали бесконечно больше дурного, чем он того заслуживает. Его безмерная любовь к могуществу и к своим детям, его стремление к прославлению своего имени, его могучие пылкие страсти, — все это привело его к жестокой тирании; но всем этим действиям он дает такое верное направление, что к ним почти нельзя предъявить обвинение в несправедливости. Кто из его жертв не заслужил своей участи?

— Да как вы можете обвинять папу в симонии, когда во время его избрания ни один святой на небесах не славился столькими божескими и человеческими добродетелями, как он? — поддержал его Бембо.

— Возмутительное лицемерие! — возразил иоаннит. — Но я готов допустить, что его сын — наихудший из двух демонов и подстрекает упрямого старика на ужасные поступки; ведь с тех пор как Цезарь¹ стал пользоваться влиянием, складывается такое впечатление, что Римом словно стал править ареопаг². Говорят, что теперь он по временам даже чувствует угрызения совести; но поток уже однажды захватил его, и он не может удержаться. Александр — безумный тигр, но Цезарь — помесь змеи и тигра.

— Ради вас самих, благородный рыцарь, я дал бы вам совет помолчать в Риме о таких вещах, — очень серьезно сказал посол.

¹ Со времени убийства брата Джованни, герцога Гандийского, Цезарь Борджиа всецело овладел папой Александром, и тот стал подчиняться ему во всех случаях и лишь изредка пытался направить дела по своему усмотрению, как, например, в случае, описываемом в настоящем романе, а именно в вопросе третьего замужества Лукреции, где желанным кандидатом на ее руку являлся для него лично — вопреки желанию Цезаря — Паоло Орсини. Этим и была вызвана попытка Цезаря погубить Орсини на его пути в Рим.

² Ареопаг (гр. Areios pagos — Аресов холм) — высшее судилище по уголовным делам в древних Афинах.

— Мой спаситель будет в Риме под моей защитой, — с горделивым румянцем на бледных щеках воскликнул Паоло Орсини, — а мы, Орсини, не подчинялись там ни папе, ни Цезарю!

— Я знаю, ваш род очень могуществен, благородный синьор, — ледяным тоном ответил Макиавелли, — но как-то странно звучит ваша речь для вассала святого престола.

— Если еще есть такая низость, которой не совершил бы этот Цезарь, хотел бы я знать, как он ее называет на исповеди! — сказал Лебофор. — О, в нашей стране его задушили бы при рождении, если бы можно было прочитывать душу на его лице.

— Почему же тогда вы не умертвили своего короля, горбатого Ричарда¹, точный портрет Цезаря? — сухо спросил Бембо. — Освещало ли когда-нибудь солнце мрачного злодея?

— Не смейте оскорблять короля Ричарда, или, клянусь небом... Впрочем, ведь вы не знаете, что это именно он был тем храбрым королем, который в утро перед битвой у Босфора посвятил меня в рыцари и со своей шляпы отдал мне цветок дрока! — с жаром воскликнул Лебофор.

— Ого, смотрите-ка!.. Какой же великий подвиг совершили вы, рыцарь? Ведь, по моему расчету, тогда вам едва ли могло быть больше двенадцати лет? — спросил Макиавелли. — Скажите мне это, пожалуйста!.. Ведь я знаю, что этот король редко делал что-нибудь без достаточной причины.

— Мой отец, мой брат и их приближенные ночью покинули короля Ричарда, чтобы соединиться с Ричмондом, теперешним королем, — ответил Лебофор, — я же, будучи в полном неведении о злодеяниях Ричарда и восхищен лишь его рыцарской храбростью, потихоньку вернулся в его лагерь. Когда Ричард услышал об этом, он поклялся святым Павлом, что я один стою больше всей моей семьи, и, воскликнув: «О, mon Beaufort, seras le Beaufort!»² — обнажил свой меч и так сильно ударил меня, посвящая в рыцари, что я несколько недель чувствовал на спине это посвящение.

— Поистине, брат Реджинальд, опытный нотариус не мало заработал бы, составив только реестр преступлений Цезаря, — снова начал неугомонный иоаннит.

— Преступлениям, которые приписываются ему, должны бы вы сказать, это было бы справедливее, — с жаром

¹ Английский король Ричард III отличался не только уродливостью, но и исключительной храбростью.

² Игра слов. «О, мой Бофор, ты будешь твердыней!» (фр.)

возразил Макиавелли. — Но что же доказано из преступлений Борджиа? Разве непреложная истина — обвинения их злейших врагов, которых они заставили отказаться от своих несправедливых и наглых притязаний? Папа Александр хочет восстановить права церкви над своими вассалами; они оказывают ему противодействие, он заставляет их подчиниться, и поэтому он — тиран! Князья церкви восстают против своего верховного главы, он отправляет их в изгнание и конфискует их имущество, потому он — угнетатель! Его старший сын падает под рукой неизвестного соперника, — значит, его убил родной брат!

— Зятья папы один за другим погибают от руки убийцы, и молва твердит, что здесь дело не чисто, — насмешливо, подражая Макиавелли, продолжал иоаннит. — Епископ Сельтский отравлен, и в народе идет слух, что его убили, так как он посмел утверждать, что Цезарь возил во Францию буллу, благодаря которой король Людовик мог развестись со своей худошавой кузиной и жениться на пышной вдовушке из Бретани¹. Борджиа ведут войну с римским дворянством и уничтожают его, обращают затем свое оружие против вассалов Романьи, и тут простодушно пытаются уверить, что они на развалинах всеобщей свободы утверждают собственную тиранию.

— Некоторые старые распутники умирают скоропостижно, следовательно, Цезарь отравил их? — начал снова задетый Макиавелли.

— Нет, и молодые умирают также! — возразил иоаннит. — За жизнь своего бежавшего брата Джема султан Баязид² обещал триста тысяч дукатов, и Джем умирает от яда в лагере французского короля, который думал, что он принесет ему пользу в крестовом походе против поганых турок.

— И из этого, конечно, следует, что в его смерти виновны Борджиа? — усмехнулся флорентиец. — Если Бая-

¹ Задавшись целью объединить под своей властью Италию, Цезарь Борджиа, чтобы добыть необходимые средства и людей, решил воспользоваться авторитетом своего отца — папы. Как раз в это время случилось, что французский король Людовик XII захотел развестись со своей хромоногой женой Жанной, принцессой Французской, и жениться на Анне Бретонской. Цезарь выхлопотал у папы этот развод и получил от Людовика герцогство Валентинуа, ежегодные платежи по 20 000 ливров; наконец, Людовик помог ему в 1499 г. жениться на дочери наваррского короля Шарлотте д'Альбрэ.

² Баязид II, восьмой турецкий султан (1447—1512), наследовал престол в 1481 году. Его младший брат Джем сделал попытку свергнуть Баязида с престола, но потерпел поражение и бежал к папе Александру VI, который отравил Джема по просьбе Баязида, подкрепленной денежным даром.

зид за жизнь брата заплатил столь высокую цену, неужели он не мог найти для этой цели другие руки?

— Лучшим ответом на это может быть объяснение Цицерона на вопрос, кто неизвестный виновник преступления: «Cui prodest?»¹ — тот, кому это приносит пользу, — ответил иоаннит. — Кто, как не Цезарь, получил все наследство после молодого турка, его гарем и все его сокровища, которые он после своего неудачного мятежа привез с собою в Италию?

— Государство — законный наследник всех чужестранцев, умирающих на чужбине и не оставляющих после себя наследников, — промолвил Орсини, — и святейший престол был волен передать свои права кардиналу Валенсийскому, каковым являлся тогда Цезарь.

— Вы хотите сказать, благородный синьор, что кардиналу Валенсии угодно было захватить это наследство, а протонотариусу, Джиованни Баттисто Феррара, — передать ему наследство от имени святейшего престола? — возразил иоаннит. — Кардиналу Валенсийскому! Вот почтенный священник!.. Ведь он похитил из монастыря постриженную монахиню, к тому же происходившую из самого благородного в Риме рода — Колонна.

— Простите, рыцарь, Орсини не уступают в благородстве ни одному роду; наши вольные грамоты — самые древние, которые когда-либо представляла церковь, — с надменной резкостью произнес Паоло Орсини, задетый, с одной стороны, едкими замечаниями иоаннита относительно его невесты и ее родни, а с другой — ненавистью и вечным соревнованием, с незапамятных времен существовавшими между родами Орсини и Колонна. — Кроме того, — прибавил он, — уже давно всем известно, что несчастную девушку увлек на вечную погибель принц Джем.

— Неправда! Благородный турок допустил это лишь как предлог, чтобы прикрыть отказ папы Александра разыскать эту монахиню и покарать ее, как предписывают канонические правила, — серьезно сказал иоаннит.

— Скажите, пожалуйста, мессир Бембо, в чем заключается эта кара? — спросил сэр Реджинальд, обращаясь к священнику.

— Ее надлежало бы заживо замуровать в стену, — с серьезным выражением лица ответил Бембо.

— Тогда честь и слава папе Александру и за то, что он не привел этого наказания в исполнение, я от души пью за

¹ «Кому впрок?» (лат.) — юридическая формула римского права.

его здоровье! — воскликнул Орсини, залпом осушая свой стакан.

— Господа, уже поздняя ночь, а так как едва ли наш разговор приведет к добру, то, мне думается, лучше отправиться нам на свои насесты, — зевая, заметил Макиавелли. — Вам же, синьор Паоло, покой необходимее, чем кому-либо другому.

— Но я не хотел бы долго предаваться ему, — возразил Орсини. — Кто знает, что слышали и поняли из нашего разговора солдаты Борджиа и что у них на уме? — И его взор беспокойно упал на шута, уже некоторое время тому назад уснувшего на своем неудобном ложе.

— Ну, так я буду сторожить вас и бодрствовать, шагая взад и вперед, — сказал Реджинальд.

— Мы будем с тобою меняться, брат, — с серьезной улыбкой предложил иоаннит, — а то ты завтра упадешь с седла.

— Это, бесспорно, будет самое лучшее, — заметил Бембо, которому очень хотелось спать и который вместе с тем боялся уснуть. — Если бы я не так устал от тряски на муле, я с удовольствием согласился бы караулить всю ночь один.

С этими словами он устроился насколько было возможно удобнее и быстро заснул, не дожидаясь конца спора, поднявшегося между Орсини и его спасителями, так как Паоло также захотел принять участие в этой, по-видимому, не нужной и лишней охране. Но то, что рассказывалось о коварстве и жестокости Борджиа, произвело на всех такое удручающее впечатление, что такая предосторожность никому не казалась смешной или ненужной.

Х

От испытанных треволнений и беспокойств Паоло Орсини почти всю ночь не сомкнул глаз. Он первый поднялся с восходом солнца и торопил путников к отъезду, чтобы до наступления жары добраться до долины. Его нетерпеливое желание попасть в Рим переходило почти в страсть и приняло даже довольно неприличный характер, когда он потихоньку стал уговаривать Лебофора тронуться в путь, не дожидаясь Макиавелли и его свиты, так как, по его объяснению, они могли только задержать их. Если бы Реджинальд и согласился на такое нарушение приличий, то все равно этот план был расстроен «шутком», который внезапно соскочил со своего ложа и так громко затрубил в лежавший около него рог, что

мог пробудить окаменевшего короля Артура со свитой в уэльской пещере. Действие рога оказалось мгновенным, и Макиавелли, далекий от мысли расстаться с неожиданными попутчиками, протирая глаза, стал упрашивать их не спешить, так как он, со своей стороны, готов был скорее потерять лишний день, чем лишиться их общества.

Во всяком случае, старания Паоло ускорили отъезд. Отслужили обедню, настоятель торжественно благословил всех, и путешественники, щедро одарив монастырь, после довольно скудного завтрака, словно горный поток, гремя доспехами, выехали из монастыря.

Отряд двигался в определенном порядке, насколько это допускала извилистая дорога, то сбегавшая в долину, то поднимавшаяся на утесы, но не уклонявшаяся далеко от реки. Орсини и Лебофор ехали рядом, причем Паоло ехал на лошади одного из английских солдат, который, тем не менее, и пешком не отставал от своих конных товарищей.

Быть может, именно в различии характеров итальянского дворянина и его нового друга крылся залог той симпатии, которую они взаимно почувствовали друг к другу. Открытый, веселый и беззаботный характер англичанина доставлял некоторое удовлетворение мрачному, страстному и подозрительному состоянию духа итальянца. Жизнерадостность и ничем не омраченное добродушие рыцаря солнца совсем не в обычном для того времени свете показывали итальянцу природу человека. Для пресыщенного и утонченного ума было приятно выслушивать простые и безыскусственные рассуждения человека, почти не вкусившего книжной премудрости. В описываемое время английское дворянство выделялось, главным образом, только своим физическим развитием.

Бембо и Макиавелли вели между собой серьезный разговор, при этом оба напрягали все усилия к тому, чтобы скрыть свое истинное мнение и выпытать что-либо стоящее друг у друга. Иоаннит, по-видимому, не слишком вслушивался в разговор, и лишь изредка по его лицу пробегала серьезная улыбка, когда Паоло Орсини расточал чересчур горячие похвалы донне Лукреции. «Шут» носился кругом, словно мотылек, то впереди, то сзади кавалькады; он подшучивал над кем-нибудь из путников, а в следующее мгновение уже гнался за пчелой и снова возвращался из своих хищных набегов, увенчанный репейником и чертополохом. Орсини время от времени беспокойно поглядывал на него, но на подвижном лице «шута» трудно было что-нибудь уловить.

Путешественники почти не встречали людей на этом пустынном пути; лишь изредка им попадался одинокий пи-

лигрим или в отдалении виднелся молящийся отшельник, вышедший из своей пещеры. Путники двигались по извилистой дороге у подножия горы, и Бембо в прекрасном расположении духа развивал перед своими не слишком-то внимательными слушателями научные исторические теории. Вдруг они увидели перед собою разрушенные арки моста, построенного из громадных мраморных глыб и некогда соединявшего обе стороны узкого прохода. На вершине его показались две фигуры: одна — серна, спокойно пасшаяся на краю разрушенной арки, другая, насколько можно было судить по яркому блеску при ее быстром исчезновении, — латник в полном вооружении. За скалистыми утесами под мостом высилась крутая гора, поросшая кипарисами и оливковыми деревьями, среди которых виднелись бесчисленные террасы цветущего города.

В первый момент Бембо пытался убедить себя, что он ошибся, что блестящее вооружение только показалось ему, но, пока он размышлял, в некотором отдалении раздался звук трубы, на который сейчас же отозвался другой, и внезапно из рощи появился отряд всадников в блестящих доспехах с копьями наперевес и развевающимися знаменами. Наши путешественники немедленно остановили лошадей и с изумлением смотрели на приближающийся отряд.

— Может, это паломники, направляющиеся в Рим? — нерешительно заметил Бембо.

— Зачем же они тогда вооружены и повернулись к Риму спиной? — возразил иоаннит.

— Может быть, это — друзья синьора Паоло, пожелавшие видеть своими глазами, как он добрался до цели своего путешествия? — пожав плечами, промолвил Макиавелли.

— Не думаю, чтобы мои друзья решились в таком количестве покинуть Рим, не зная, кого при своем возвращении могут встретить у ворот! — воскликнул Орсини. — Но нет!.. Разве вы не видите? Это же знамя церкви: ключи креста на хребте и меч святого Петра!

— Эй, копьа наперевес! — скомандовал сэр Реджинальд, оборачиваясь к своим людям, но с удивлением увидел, что отряд, окружавший его, состоял из всадников свиты Борджиа, которые тем не менее моментально опустили копьа.

— Берегись, господа, чтобы на вас не напали одновременно сзади и спереди! — тихо предупредил Макиавелли и затем насмешливо добавил: — Зато мы с вами, брат Бембо, можем быть вполне спокойны, так как теперь вы, несомненно, найдете необходимым принять на себя свою настоящую роль посланника герцога Феррарского.

— Приберегите свои остроты до более благоприятного времени, мессир Никколо, — с беспокойством ответил Бембо. — Мы, во всяком случае, — паломники, по обещанию направляющиеся в Рим на святой юбилей. А, может быть, эти люди — просто вассалы какого-нибудь дворянина, объезжающие лошадей, или фуражиры из Ронсильона?

— Смотрите, и шут с ними! Надеюсь, что они ничего дурного не сделают болтуну, но я лично погибну! — со спокойствием отчаяния проговорил Орсини.

— Я, со своей стороны, не покину вас, жених донны Лукреции, и в доказательство искренности своего обещания готов смешать свою кровь с вашей, — сказал иоаннит и, обнажив кинжал, разрезал им себе слегка руку и окровавленное оружие подал затем Орсини.

Синьор Паоло воодушевленно разорвал свой камзол и, сделав кинжалом надрез на груди возле самого сердца, смешал свою кровь с кровью иоаннита. Лишь только он выполнил эту часть торжественного обряда, как сэр Реджинальд схватил, в свою очередь, окровавленное оружие, задумался ненадолго, как лучше ему доказать свою дружбу, а затем, обнажив левое плечо, вырезал на нем небольшой крест. Благодаря этому обряду, считавшемуся у рыцарства самым священным и ненарушимым, три рыцаря стали кровными братьями по оружию. Лишь только обряд завершился, приближавшиеся всадники, гремя оружием, остановились под аркой разрушенного моста.

Худошавые, но высокие и мускулистые фигуры всадников, их камзолы из буйволовой кожи, неимоверно длинные копья, круглые щиты, большие бороды, низкорослые, но горячие кони и масса оловянных образков, висевших на груди, — все это обличало в них испанцев, или, вернее, каталонцев.

Один из всадников — скорее всего предводитель — отделился от отряда и настолько медленно приближался к путникам, что они имели достаточно времени хорошенько рассмотреть его. Черты его лица были резки и грубы, а крупные ноздри, толстые губы, оливковый цвет лица и жесткие волосы выдавали его арабское происхождение. Он был среднего роста, мускулист и подвижен. Выражение глаз было холодно, серьезно и решительно.

Приблизившись к паломникам, незнакомец в знак уважения склонил свое копьё и внимательно, но неугрожающе осмотрел путников. Иоаннит пришпорил лошадь и гордо поднял копьё; незнакомец моментально остановил своего коня, и оба встали как вкопанные.

— Что вам нужно от нас, кондотьеры¹? — спросил иоаннит, убедившись, что у его противника не было золотых рыцарских шпор. — Для чего вы преградили нам путь своими людьми?

— Меня зовут дон Мигуэль де Мурвиедро, обыкновенно же — Мигуэлото; я — полковник и начальник стражи в Ронсильоне, достоуважаемый рыцарь, — ответил каталонец. — Поэтому мне кажется, что я имею некоторым образом право спросить вас, что делает здесь, в Нарни, ваш вооруженный отряд? Я не намерен входить в долгие препирательства, поскольку имею точный приказ своего начальника, подесты Романьи, не терпящий отлагательств и имеющий целью освобождение зятя его святейшества, высокоблагородного синьора Паоло Орсини, которого захватили какие-то неизвестные бандиты и запрятали до выкупа в пещере у Мраморного водопада.

— Тогда спокойно можете повернуть назад, так как я свободен и нахожусь в полной безопасности, — сказал Паоло Орсини, подъезжая к иоанниту и бросая испуганный взор на закованного в железо всадника, пробудившего в его душе какое-то смутное подозрение и напомнившего своим видом, что перед ним человек, которого молва называла одним из самых гнусных орудий Цезаря во всех его кровавых злодеяниях.

— В таком случае, высокоблагородный синьор, я буду иметь честь сопровождать вашу светлость до Ронсильона, — произнес кондотьер, слезая в знак своего почтения с лошади. — Дон Ремиро ожидает вас там и оттуда сам будет сопровождать вашу милость в Рим.

— Благодарю вас, храбрый воин, так же, как и пославшего вас, — ответил Орсини, — но в этом нет необходимости, потому что я нахожусь сейчас в полной безопасности.

— Покорнейше прошу вашу милость не забывать, что я — солдат, который должен повиноваться своему начальству, а подеста строжайше наказал мне доставить вас в Ронсильон, — ответил Мигуэлото таким тоном, в котором слышалась и лесть, и угроза. — После такого происшествия дон Ремиро никому, кроме себя, не доверяет охраны вашей персоны, которая столь важна для государства и так дорога герцогу, его повелителю. За свое же послушание я могу поплатиться жизнью.

¹ Кондотьерами в XIV и XV вв. назывались предводители наемных дружин.

— Не хотите же вы сказать, что намерены захватить этого синьора против его воли? — спросил Лебофор, нетерпеливо взмахнув копьем.

— Я буду обязан исполнять то, что мне приказано заместителем герцога Романьи, рыцарь, — возразил каталонец с улыбкой, которая скорей омрачила, чем осветила его лицо. — И если я не ошибаюсь, то у вас и спереди, и сзади копы, которые принадлежат его светлости герцогу. Поэтому я прошу благородных рыцарей подумать хорошенько; но на этом пути вы не можете и не должны идти иначе, как под моей охраной и только в Ронсильон.

Приведенный таким ответом в бешенство, Лебофор поднял свое копье, но Бембо и Макиавелли поспешно схватились за него, а каталонец, сделав вид, что ничего не заметил, низко поклонился и возвратился к своему отряду.

— Что же делать? — унылым голосом промямлил Бембо. — Сопротивляться немислимо!

— До тех пор, пока один идет против десяти, мои англичане не сдадутся! — воскликнул Лебофор.

— Я советовал бы вам поразмыслить, кто находится впереди и сзади вас, — промолвил Макиавелли.

— Нет, мои храбрые братья, ради меня вы не должны так бессмысленно пасть в неравном бою, — печально произнес Орсини, но, немного погодя, более бодрым тоном прибавил: — Дон Ремиро не слишком враждебно настроен против меня, но вот что касается этого Мигуэлото... Вы, пожалуй, будете смеяться над моей глупостью, но мне сильно сдается, что он и голосом, и фигурой походит на атамана той черной банды, которая захватила меня!

— Так трубите в атаку, и едва только эти негодяи позади нас двинутся с места, как увидят, кто у них в тылу! — горячо воскликнул молодой рыцарь солнца.

— Успокойся, брат, это была бы верная гибель! Но горе мне, если я покину кого-нибудь из моих кровных братьев! — проговорил более рассудительный иоаннит. — Мы будем сопровождать синьора Паоло в Ронсильон, и, может быть, наше присутствие предотвратит злой умысел, если таковой имеется в виду.

— Что иного можно ждать от Борджиа? — проворчал Бембо. — Кроме того, я не раз слышал, что подозрение наталкивает людей на дурное, как нагромождение мешков с песком ведет осаждающих всегда к самому опасному месту.

Но, несмотря на это и другие предупреждения предусмотрительного и трусоватого Бембо, рыцари решили ехать вместе или вместе погибнуть. Орсини должен был сообщить

об этом решении Мигуэлото, Макиавелли выразил согласие следовать вместе, а Лебофор отправился к своим воинам предупредить их на всякий случай.

Вскоре Орсини и Макиавелли возвратились и сообщили, что Мигуэлото согласился принять поставленные ему условия.

Таким образом, дело уладилось к общему удовольствию, и Мигуэлото приказал своим людям ехать вперед в Нарни, а сам со стальным шлемом в руках ждал под аркой, пока не прошли рыцари, посланник и Бембо с английскими латниками. Затем проследовал конвой Цезаря, так что маленький отряд был окружен со всех сторон.

Мигуэлото, вероятно, чувствовал, что его присутствие могло пробудить нежелательные для него воспоминания, и потому держался в некотором отдалении в арьергарде.

Вскоре появился истинный виновник его беспокойных поисков в лице «шута». Свистя и напевая, он добежал до каталонца и с удивительной ловкостью вскочил сзади него на лошадь.

— Вперед! — повелительным тоном приказал он. — Если даже нас и заметят, так сочтут это всего лишь дурацкой выдумкой с моей стороны. Клянусь Мадонной, не малого труда мне стоит расплести все нити, так идиотски глупо спутанные твоей бандой.

— Клянусь бородой святого Яго, благородный господин, я совсем не виноват! — ответил Мигуэлото. — Дон Ремиро так строго наблюдает за всем, что без позволения мои люди никак не могли бы ничего сделать. Но, когда я предъявил ему неограниченные полномочия вашей светлости, у него хватило наглости показать мне приказ, собственноручно подписанный его святейшеством, по которому он под страхом смерти обязан доставить дону Орсини в целости до ворот Рима, или, если бы благородный синьор предпочел свое инкогнито, следить за тем, чтобы по дороге с ним не случилось какого-либо несчастья. Когда я спросил его, как он пришел к мысли, что против синьора Паоло замышляется недоброе, он ответил мне, что его святейшество только опасался, и если мое поручение не касается Орсини, то мне ничто не мешает исполнять приказания вашей светлости.

— Вот как? И больше ничего? — осведомился «шут».

— Нет, государь, поскольку, когда я вынужден был ознакомить его с вашим решением, дон Ремиро битый час спорил со мной, уверяя, что вы не могли умыслить такое предательство, как он назвал это, и наконец заявил, что он — подеста церкви, а не герцога Романьи.

— Ага, он думает так? — воскликнул Борджиа. — Неблагодарная змея! Для того ли охранял я этого кровавого судью, эту гадину от народных проклятий, защищал его от гнева отца, чтобы услышать такую дерзость?

— В Риме, вероятно, найдутся люди, которым будет приятно видеть, какую ненависть против вашего владычества породила безжалостная справедливость подесты в сердцах народа, — сказал каталонец.

— Прекрасно!.. Пусть видят, как я умею пользоваться людьми, чтобы они оказывали мне только добрые услуги, а не служили бы во вред, — воскликнул Борджиа. — Ремиро привел Романью к покорности и к повиновению; что, если я отдам его народу, как козла отпущения?

— Я думаю, ваши друзья не найдут достаточно причин еще любить его; я знаю, что между Ватиканом и Ронсильоном происходит очень оживленная переписка, — проговорил Мигуэлото. — Даже когда я ясно высказал дону Ремиро ваше намерение, он побледнел, как гусиная печенька, и согласился только на то, чтобы я захватил Орсини и спрятал его до тех пор, пока он не услышит вашего желания из собственных ваших уст, то есть, другими словами, пока он найдет время известить об этом Орсини в Риме и Вителли в Каstellо, а в случае моего неповиновения грозил распилить меня.

— Распилить тебя! Этот арагонец учит меня новому роду смерти, какого я еще до сих не знал... хорошая кара для изменника! Разве он к тому же не слишком богат, богат, если принять во внимание недостаток средств у государства и вымогательство у бедного человека!

— Поэтому-то он так усердно стремится к сиянию святейшего отца, — ответил каталонец. — Он больше ненавидит вас, чем любит, и потому повсюду ищет помощи. Свои награбленные богатства он ради безопасности хранит в Ронсильоне.

— Как ты думаешь, можно положиться на этих солдат? — с легкой улыбкой спросил Цазарь.

— Их страх перед Ремиро может преодолеть только ваше личное вмешательство. Я, как известно вашей светлости, — офицер без власти.

— Ну, ну, ты уже на пути к ней, — ответил Борджиа.

— При некоторых обстоятельствах вы дали мне милостивое обещание...

— Говорю тебе, что я не забыл его! Ты сам вредишь себе, напоминая мне про мои обещания, потому что я приберег для тебя гораздо лучшую награду! — с нетерпением перебил его Цезарь. — Разве я не осыпал тебя милостями,

с тех пор как ты помог мне устранить ту тень, которая покрывала меня? Сколько времени прошло, негодяй, как ты покинул Рим?

— Ваши приказания застали меня еще там, монсеньор, — ответил Мигуэлото.

— Ага, тогда я могу узнать новости. Что поделывает мой угрюмый отец? Что он думает о наших последних деяниях?

— Как всегда, ваша милость, он радуется возвышению своего дома и пугается средств, с помощью которых это достигается.

— Нет, это не все! Что сказал он моему посланнику, который принес ему ключи Фаэнцы? — мрачно спросил Борджиа. — «Цезарь делает из меня великана, но великана в цепях»! Ведь так?

— Действительно, его святейшество становится под старость ворчливым и подозрительным, — согласился Мигуэлото.

— Я слышал, что на время юбилейных празднеств комендантом замка Святого Ангела он назначил старого дурака, сиенского кардинала Николомини. Это верно? — резко спросил Цезарь.

— Какое же это может иметь значение, синьор, когда находящиеся в замке немцы и гасконцы до последнего человека преданы вам? Но становится грустно, когда подумаешь, что столь многое зависит от капризов вспыльчивого старика, на которого еще к тому же находят порой угрызания совести!

— Маловерный, ты должен с большим уважением отзываться о наместнике святого Петра! — шутливым тоном воскликнул Цезарь. — А какие вести из Милана? В то беспокойное время, когда я объезжал свои цитадели, я ничего не получал оттуда.

— Вчера в Ронсильон приезжал герольд французского короля из Милана с неприятным, как я опасаясь, посланием от короля его святейшеству и вам.

— Французский король в Милане? Ты шутишь, мой храбрый Мигуэлото! — с удивлением воскликнул Цезарь.

— Как, монсиньор! Неужели же вы действительно не слышали, что французы напали на Милан и уничтожили всех своих противников и что герцог Сфорца вследствие предательства швейцарцев в настоящее время — их пленник?

— Мигуэлото, ты сошел с ума! Этого не может быть! По последним известиям, их фуражиры находились еще в Савойе! — недоверчиво проговорил Цезарь.

Но дальнейшие подробности, сообщенные его наперсником об удивительной победе, одержанной Людовиком XII над миланцами¹ после их вторичного возмущения, не оставляли места никаким сомнениям.

— Вот темя для нравственных размышлений о падении дурных правителей! — оправляясь от своего изумления, проговорил Цезарь. — Такая изобретательная голова, с такой радостью принятый снова своими подданными — как это могло случиться? Может быть, Сфорца слишком дурно платил своим наемникам, или, наоборот, слишком хорошо? Вот загадка, которую ты должен разгадать мне, друг Никколо! Проклятые швейцарцы! Кто теперь станет доверять им?

— Конечно, не ваша милость; и я сомневаюсь, чтобы они забыли кровавую баню, которую вы устроили им в Риме за то, что их братья в войске короля Карла разрушили дом вашей матушки! — ответил Мигуэлото.

— Плохо же ты знаешь людей, если думаешь, что их легковерию есть пределы! — заметил Цезарь.

— Тем не менее его святейшество, по-видимому, не разделяет того же мнения, так как именно тех, кого он своим вмешательством спас от наших мечей, он назначил в личную охрану донне Лукреции, моей повелительнице, — с особенным ударением проговорил Мигуэлото.

— А! — был единственный ответ Цезаря, который тем не менее имел глубокое значение для его наперсника.

— А при известии о счастливом возвращении вашей светлости, — продолжал Мигуэлото, — его святейшество присоединил к ним еще сотню легковооруженных албанских беглецов, которые наводняют всю страну около Непи.

— Непи! Что делает там донна Лукреция? — с напускным равнодушием спросил Цезарь.

— Молится и кается... должно быть, за чужие грехи, — ответил Мигуэлото с кривой усмешкой. — Вероятно, в честь ваших побед и вашего счастливого возвращения его святейшество провозгласил свою дочь герцогиней Непийской. Поэтому она очень часто бывает в Непи, где имеется сильная крепость.

— Не шути со мной, Мигуэлото! — сказал Цезарь таким суровым тоном, что насмешливое настроение его спутника исчезло в один миг, но затем, как будто забыв об этом, он прибавил: — Однако, действительно, этот неожи-

¹ Французский король Людовик XII (1462—1515) предъявил притязания на Миланское герцогство и в 1499 г. взял Милан.

данный успех французов меняет все мои планы! Кто мог бы предположить такую внезапную перемену счастья!

— Ваши враги, благородный господин, теперь повсюду поднимут голову, — озабоченно проговорил Мигуэлото.

— А все-таки из этого обстоятельства можно извлечь некоторую выгоду, — возразил Цезарь. — Я не могу больше рассчитывать на французов, и папа разрешит мне для себя самого собрать итальянское войско, что, несомненно, посоветует ему и Макиавелли.

Мигуэлото с легкой гримасой покачал головой.

— Он скорее заключит мир с семейством Колонна, чем даст вам в руки такую силу.

— Не говорил ли я, что даже эта неудача с Орсини предназначена судьбой к моему же благу? — воскликнул Цезарь. — На всякий случай мне необходим мир с его партией, чтобы не допустить Колонна, и потому я радуюсь его спасению. Но вернемся к нашим новостям. Что поделявает кардинал Борджиа, мой двоюродный братец? Ему что-то нездоровилось, когда он уезжал от меня из Фаэнцы.

— Ах, ваша светлость, он скончался по дороге в Рим от какой-то внезапной болезни, словно это была чума. Прошло уже три дня с его смерти, — с лицемерной грустью произнес Мигуэлото.

— Он не был другом мне, и я только сожалею, что он помер, именно возвращаясь из моего лагеря. Опять начнут говорить, будто я отравил его, тогда как он слишком много ел дынь. Но у тебя найдутся, во всяком случае, лучшие вести о моем дорогом друге, монсеньоре Анвелли, архиепископе Козенцы, секретаре святого престола и вице-легате в Витербо?

— В день моего отъезда из Рима его нашли в постели мертвым, после обильного ужина накануне! — расхохотался Мигуэлото.

— Бедняга, это произошло внезапно! Но ведь такие святые люди постоянно готовы к своему последнему часу, — улыбаясь ответил Цезарь. — А какую же часть его наследства назначил мне отец?

— Как я слышал, оно все целиком предназначено на торжество по случаю вашего приема и на празднества святой недели. Но меня удивляет, что ваша светлость ни разу не спросили о своей царственной супруге.

— Так она еще жива в Риме? — равнодушно спросил Цезарь.

— Я не слышал, государь, что она умерла! — испуганно ответил Мигуэлото.

— Ну, тогда она, бесспорно, жива, а донна Фиамма, должно быть, чертовски раздражена моим браком, — продолжал Цезарь.

— Ваша светлость должны были видеть ее, когда я полгода назад передавал ей ваше письмо из Франции с известием о вашей свадьбе, — проговорил Мигуэлото с легким ужасом, который у человека его натуры имел особое значение.

— Она, поди, металась, кричала и безумствовала, как всякая брошенная девушка? — с презрительной усмешкой воскликнул Цезарь.

— В продолжение нескольких минут, синьор, она не проронила ни звука, а уставилась на меня неподвижным взором; ее лицо побледнело, как мрамор, и искривилось, как у статуи Медузы¹ на Капитолии! — ответил Мигуэлото. — Затем из ее груди вырвался такой вздох, как будто разорвалось сердце, и тем не менее у нее скатилась только одна слеза, большая и тяжелая, как капля расплавленного свинца. Она сейчас же презрительно вытерла ее и дала мне драгоценный перстень — за приятную новость, как она выразилась. Потом расхохоталась, сказала, что день для свадьбы восхитителен, и без чувств упала на пол!

— Я теперь поquitался с ней за султана Джема, — поспешно проговорил Цезарь.

— Нет, ваша светлость, я решительно того мнения, что вы приревновали ее безо всякого повода, — боязливо заметил Мигуэлото.

— Может быть! Может быть, я думаю так же, как и ты, но ты не знаешь, как приятно иметь наготове ответ беснующейся женщине!.. И ты увидишь, как легко уверить эти глупые души, когда они любят, если только дать себе труд сказать несколько ласковых слов и лицемерных обещаний. Сначала женщина будет плакать и безумствовать, но затем она успокоится, как море после бури, когда проглянет солнце. Ведь любовь в сердце женщины даже в то время, когда она раздражена, — то же солнце, лишь омраченное тучами. Стремление ее собственной бури проложит путь золотому лучу, и после пережитых волнений все будет еще спокойнее и лучше. Посмотри, какой дивный ландшафт внизу!

Действительно, путешественники поднялись на возвышение среди гор, образующих долину Нара, и видели от-

¹ Медуза (греч. Medusa — повелительница) — в древнегреческой мифологии старшая из трех сестер Горгон, змееволосая дева, от взгляда которой люди превращались в камень.

сюда тибрские равнины. Внизу долина была покрыта лесами, а посредине протекала знаменитая река, извиваясь словно громадная золотая змея. У подножия горы, на которой находились путники, возвышались освещенные розовым светом колонны римских руин. По другую сторону реки простиралась бесконечная равнина, на которой паслись стада буйволов. Цепь синеватых гор закрывала вид с севера.

— Там Непи! — сказал Мигуэлото, останавливая лошадь и указывая налево, где на вершине крутой горы виднелись серебристые зубцы древнего собора.

— Какую же епитимью¹ исполняет Лукреция в Непи? Может быть, она подражает паломничеству Изабеллы Висконти к святому Марку в Венеции, которое оказалось настолько удачно, что при своем возвращении прекрасная дама должна была отравить своего супруга, чтобы защитить его уши от сплетников? — после краткого раздумья спросил Цезарь.

— Нет! Ведь за донной Лукрецией следит строгий доминиканец, — ответил Мигуэлото, — а это такой человек, который может обуздать Венеру и готов обвинить Диану.

— Ах, доминиканец! Если бы я мог предположить, что Лукреция так высоко ценит Орсини и для его спасения послала монаха, то никакая политика не удержала бы меня, чтобы пощадить его, — сказал Борджиа. — Мне необходимо пролить свет на это дело. А пока... Но вот они въезжают на мост, мы должны решить, что нам делать.

Предоставим на время итальянского полководца и его наперсника своим размышлениям и присоединимся к конному отряду в долине, когда он только что переправился через реку, и Бембо в поэтическом экстазе воскликнул:

— *Vides ut alta stet nive candidum Soracte!* — И, указывая рукой на гору, громадным валом вздымавшуюся на горизонте, перевел стих с латыни своим не понимающим латыни слушателям: — Смотрите, вот возвышается снегом покрытый Соракте!

— Святой Орест! — повторили все и мгновенно обнажили головы перед воображаемым святым.

— Нет, нет, братия! — промолвил озадаченный Бембо. — Впрочем, все равно, потому что, судя по коротким теням деревьев, теперь должен быть полдень, час молитвы

¹ Епитимья (греч. *epitímia* — наказание, кара) — церковное наказание (пост, длительные молитвы, многочасовое стояние на коленях и т. п.), налагаемое на кающегося грешника.

Пресвятой Богородице против турок, и мы помолимся вместе.

С этими словами он остановил своего мула, сложил руки и, возведя очи к горячему синему небу, запел молитвы Пресвятой Деве, прося у нее защиты не только от турок, но от всех врагов, дальних и ближних, к которым он про себя от всей души присоединял всю династию Борджиа.

— Итак, благословясь, дети, смелей вперед!.. Я твердо верю, что в лице нашем или моих спутников, благочестивых паломников, никакой обиды не будет нанесено святой церкви!

В это время приблизился Мигуэлото; он уже избавился от своего седока и с большой дороги повернул отряд в сторону, в печальную вулканическую местность, где на больших расстояниях на высоких, как казалось, почти недоступных вершинах гнездились города и монастыри. Волнистая горная цепь, залитая горячим солнцем, закрывала горизонт со всех сторон.

Роскошная растительность, покрывавшая болото, скрывала бездонные глубины, из которых исходили сернистые испарения. Лишь немолчное кваканье лягушек и крики водяных курочек разоблачали эту предательскую роскошь. Наконец, исчезло и это обманчивое великолепие, и перед путниками простерлась черная, покрытая лавой равнина. Затем пошел темный лес, покрывавший спереди склоны горы.

Вид окружающей местности был не таков, чтобы мог рассеять опасения Орсини, и, казалось, самому Макиавелли было не по себе, так как он предложил снова ехать в Рим прямым путем. Но непродолжительное совещание с Мигуэлото успокоило его опасения, и отряд рыцарей вступил в лес, круто поднимавшийся среди высоких утесов. Путешественники перевалили через вершину на другую сторону и стали спускаться по дороге, обрамленной дубами необъятной величины, и на каждом двенадцатом дереве висел человеческий труп! Судя по платью, несчастные были крепостными какого-нибудь синьора, которому вздумалось пометить их на руках крестом.

Цезарь Борджиа снова присоединился к Мигуэлото, ехавшему теперь впереди отряда; окинув равнодушным взглядом трупы повешенных, отравлявших воздух гниением, он спросил, кем и за что они повешены.

— Доном Ремиро из любви к Колонна! — злоратно ответил полковник из Ронсильона. — Там находится крепость Агапита Колонна, которую он, вопреки приказу

подесты и вашему решению, снабдил продовольственными припасами и вассалами. Но вместо того, чтобы начать без-опасную и легкую осаду, подеста уведомил его, что до тех пор, пока Колонна не согласится сдать крепость, он каждый день будет вешать одного из его крепостных, пока не останется ни одной живой души. И вот результаты. А так как Агапит не сдается, то Бог знает, когда этому придет конец.

— Какой же негодяй этот Ремиро! Он щадит замок только потому, что Агапит — родственник его жены! — с жаром воскликнул Цезарь. — Я скорее простил бы ему, если бы он отправил на тот свет сотню дворян, чем убийство беззащитных рабов! Какая польза мне от этих трупов?

— Подеста — настоящий кровожадный тиран! — сказал Мигуэлото.

— Это верно, — подтвердил Цезарь, — и, прежде чем лишиться столь драгоценного орудия, я должен наверняка убедиться в его измене! Твой замысел слишком ясен, мой Мигуэлото, но не воображай, что я поставлю тебя подестой на его место. Ты мне нужен для других целей. Я хочу управлять народом таким образом, чтобы он преисполнился особой любовью ко мне. Но ты, кажется, говорил мне, что Ремиро при помощи почтовых голубей вел изменническую переписку с моими врагами в Риме?

Мигуэлото вытянул свою сухую жилистую шею, чтобы посмотреть, нет ли кого поблизости, и затем тихонько ответил:

— Нет, благородный господин; я говорил, что он сообщался со своей прекрасной женой, Беатрисой Колонна.

— Лишь только ты дашь знать дону Ремиро, что я прошу его впредь до моих дальнейших распоряжений охранять Орсини и что я тайно уехал в Рим, он, если он действительно предатель, каким я, по твоим речам, должен считать его, несомненно, отправит с этими новостями своих голубей, — сказал Цезарь. — И вот, когда ты тайно доставишь меня в крепость, я заберусь в башню ветров и стану со своим соколом Горобеком, который никогда не упускает своей добычи, ждать отправки доном Ремиро голубя. Ты ведь хорошо ухаживал за Горобеком?

Даже Мигуэлото испугался этого коварного и злобного намерения; но у него не оставалось времени отговаривать Цезаря, если бы он даже захотел. Пушечный выстрел внезапно разбудил дремавшее озеро, к зеркальной поверхности которого они спускались. Направление выстрела и дым, поднявшийся в тихом вечернем воздухе, указывали, что их приближение было замечено из крепости, и их намеревались

встретить с необыкновенным почетом. Это убеждение усилилось, когда при входе в узкую долину появилась группа мужчин, которые, по всей видимости, ожидали путников. Цезарь обменялся еще несколькими словами со своим полковником и затем фантастическими прыжками покинул кавалькаду.

Дон Мигуэлото выехал вперед и вскоре достиг ожидавшей их группы, состоявшей из таких же испанских солдат, как и отряд Мигуэлото. Впереди на белоснежном муле, в мантии и шапочке доктора прав, с длинной золотой цепью, указывавшей в нем подесту, ехал худощавый сгорбленный человек. Думы и заботы избороздили морщинами его чело; длинные седые волосы, серьезное, озабоченное лицо, сумрачный и беспокойный взгляд — таковы были отличительные признаки безжалостного губернатора Романьи, дона Ремиро.

Мигуэлото выразил желание поговорить с подестой наедине, и они поскакали вместе в долину.

Подеста был, очевидно, одурачен известием, принесенным ему ночью африканским скороходом, и с удивлением и страхом слышал теперь, что переодетый герцог соединился с Мигуэлото близ Нарни и приказал ему немедленно принять меры к освобождению синьора Паоло Орсини, и что его светлость, узнав дурные новости из Милана, несколько не сердился на подесту за препятствия, которые тот устроил ему на пути к устранению изменника, но считал необходимым до тех пор задержать Орсини, пока он не убедится воочию, как обстоят дела в Риме, куда он и отправился тайком. Поэтому подеста обязывался задержать Паоло Орсини в Ронсильоне впредь до дальнейших приказаний, со всем почетом, но не спуская с него глаз.

XI

В продолжение этого донесения черты лица подесты приняли свое обычное выражение; его внутреннее беспокойство, правда, не улеглось, но привычка скрывать свои истинные чувства сделала свое. Потом Мигуэлото равнодушно прибавил, что герцог Цезарь устроил таким образом, что один из его слуг, переодетый монахом, указал каким-то паломникам место, где был спрятан Орсини, и те освободили его. Это известие, вероятно, устранило всякие сомнения в душе дона Ремиро, и он ответил, что повиновение приказаниям своего повелителя составляет его радость и обязанность, но при этом его взор устремился с пытливым

недоверием на своего подчиненного, ненависть и честолюбие которого конечно же не составляли для него тайны.

Однако в это время как раз приблизился весь отряд. Подеста обернулся и был немало изумлен, увидев такое многочисленное и знатное общество; но лишь только он узнал Орсини, он слез со своего мула, чтобы приветствовать его; на такую вежливость римский дворянин немедленно ответил тем же. Они пешком пошли друг другу навстречу и, согласно церемониалу того времени, поцеловались в обе щеки. Подеста принял молодого Паоло с горячими приветствиями по поводу его освобождения из лап бандитов, которые, как он узнал, к своему величайшему огорчению, напали на него в пределах его округа и потребовали с него выкуп.

— Не стоит вспоминать об этом, — прервал Орсини, — наши черные банды покушались и на самого императора. Но теперь я в безопасности под верной защитой моих спасителей; притом же не так-то легко сбиться с пути в Рим через Кампанью. Но как я ни рад, дорогой подеста, видеть вас здоровым и невредимым, я тем не менее весьма сожалею, что вы заставили меня сделать столь далекий обход, и, чтобы наверстать потерянное время, я принужден сократить удовольствие нашего свидания, так как думаю провести эту ночь в Сутри или в Непи.

— По слишком длинным теням, лежащим от гор, вы можете видеть, благородный господин, что близок закат, — возразил подеста решительно и даже строго. — Путь, которым вы намерены идти, проходит по болоту, лесам и пустынной местности; ваши лошади измучены так же, как и лошади моих людей. Кроме того, синьор, у меня нет полномочий отпустить в Рим дворянина, о котором известно всему свету, что он восстал против церкви. Поэтому я должен униженно просить вашу милость остаться в Ронсильоне, пока я не получу от его святейшества необходимых приказаний.

— Как, уважаемый подеста? Вы хотите насильно задерживать меня, в то время как я везу в Рим мирный договор? — горячо воскликнул Орсини.

— Я должен исполнить свой долг, — с многозначительным видом заявил подеста, — и наступит время, когда ваша милость узнаете, что я — ваш преданнейший и искреннейший друг, был им, есть и буду всегда.

— И супруг одной из Колонна! — воскликнул Паоло.

— Колонна не любят Орсини, но других зато еще менее! — возразил подеста, и приятное воспоминание о молодой жене заставило его улыбнуться.

— Наш святой отец сам пригласил меня в Рим, а меня насильно засаживают в эти башни! Мои друзья помогут мне, и вам придется умертвить меня перед лицом всей Италии, так как все, что вы совершаете, она будет видеть глазами вот этого синьора, флорентийского посланника.

— Слава пресветлому сенату! — воскликнул подеста, склоняя свою обнаженную голову перед посланником. — Вашим спутникам я должен предложить такое же гостеприимство, — с замечательно просветевшим лицом прибавил он. — И если правда, что вы приглашены его святейшеством, то чего же вам бояться незначительной задержки, пока я получу подтверждение из Рима?

— В таком случае, благородный подеста, дайте нам обещание, что синьор Паоло не будет разлучен с нами, его друзьями, и, когда мы покинем Ронсильон, он будет сопровождать нас, — проговорил иоаннит.

Ремиро очень охотно дал согласие, а так как сопротивление было действительно невозможно, то путешественники были принуждены удовольствоваться этой шаткой порукой.

Таким образом, подневольные гости начали подниматься к воротам крепости. На губах Макиавелли блуждала неопределенная улыбка, так как и он не знал, что может случиться, но чувствовал, что должно произойти несчастье.

Размеры и мощь этой крепости стали заметны только теперь, когда из-за утесов показались во всех направлениях многочисленные башни и зубцы стен. Ее можно было считать крепостью вдвойне, так как за первым кольцом готических укреплений возвышалось строение в сарацинском стиле из белого камня, посредине которого стояла высокая круглая башня с подковообразными бойницами, называвшаяся «башней ветров».

Но внутри крепости везде можно было увидеть новшества, являвшиеся результатом требований времени, так как даже укрепление мрачных Борджиа проявляло повсюду следы роскоши и любви к искусству, пробудившейся в Италии. Комнаты, отведенные гостям, были поистине великолепны, а большой зал, где вскоре после их прибытия был устроен обед, украшали мастерски выполненные живописные фрески. Столовые приборы были из серебра, и среди них имелись уже однозубые вилки.

Рыцари отказались снять оружие, отговариваясь тем, что, согласно данному обету, они обязаны все время находиться в полном вооружении. Бембо с удовольствием заметил, что английских солдат угощали в том же зале, за

отдельным столом. В этом он видел доказательство того, что сейчас не замышлялось никакого предательства, и его эпикурейское сердце было преисполнено радостных ожиданий превосходного обеда.

Стол, наконец, был окончательно накрыт; зажаренный целиком дикий кабан, роскошные окорока, громадные паштеты, обложенные со всех сторон дичью, всевозможные рыбы и на первом плане громадный жареный журавль — вот были главные блюда. Отсутствовал только сам хозяин, который, по словам Мигуэлото, отправился в свои покои, чтобы написать несколько писем. Бембо с голодной жадностью глядел на стол и затем со вздохом перевел свои взоры на озеро, серебрившееся за окном. Он замечтался о старинном предании, утверждавшем, что на дне этого озера покоится большой город, как вдруг его взгляд упал на голубя, вылетевшего из одной башни с чем-то белым на шее. Сначала он летел в прямом направлении на юг, затем вдруг его полет изменился, он стал описывать круги и опустился к озеру.

Бембо с любопытством взглянул наверх и вскоре заметил сокола, в беспредельной высоте казавшегося крошечной черной точкой. Но сокол опускался все ниже и ниже, и голубь, словно предчувствуя неминуемую гибель, сделал последнюю попытку ускользнуть от страшного врага и взлетел ввысь; в ту же минуту хищные когти впились в его трепетавшее тело.

Бембо не успел досмотреть, что произошло с несчастной птицей дальше, так как в зал вошел давно ожидаемый подеста; на его лице был написан такой невообразимый гнев, что это снова наполнило душу Бембо всякими опасениями.

— Кто это, Мигуэлото, позволил себе без моего разрешения выпустить сокола герцога? — с сердцем воскликнул он. — Из-за сокола, вылетевшего сейчас из башни ветров, я потерял лучшего из моих почтовых голубей, и письмо, отправленное мною жене, теперь наверняка пропало.

— Это Угуччионе. Я уже не раз предупреждал его, — ответил Мигуэлото. — Но соколы слишком хорошо выдрессированы и ни один из них не растерзает голубя; поэтому ваше письмо, несомненно, цело.

— Пойди и немедленно приведи негодяя ко мне, — приказал подеста. — Клянусь небом, если он сделал это, я сейчас прикажу повесить его в назидание всяким любопытным канальям, с которыми сладу нет!

Мигуэлото удалился не без удовольствия, а подеста, овладев собою, предложил гостям садиться за стол. Прошло немного времени, и хотя подеста был все еще взволнован,

но гости не обращали внимания и отдавали должное прекрасным кушаньям. Орсини ел только те кушанья, которые ставились перед хозяином.

Еще никто не успел попробовать журавля, как снова вернулся Мигуэлото. Его от природы лукавое и вместе с тем угрюмое лицо так ясно выражало сейчас злобное удовольствие, что и ребенок не мог бы ошибиться в нем. В руках у него было распечатанное письмо, которое он подал дону Ремиро.

— Это сделал не помощник сокольничего, как я думал, — с дьявольской усмешкой сказал он, — а какой-то парень; он явился недавно в крепость и выпустил герцогского сокола; я застал его как раз за чтением вашего письма донне Беатрисе, вашей благодетельной супруге.

— Моей жене! В таком случае, ты также прочитал его, Мигуэлото? — воскликнул подеста бледнея.

— Вашей милости должно быть известно, что в монашеском искусстве я — такой же неуч, как монах — в военном! — возразил Мигуэлото.

— Да, ты часто признавался мне в этом, — промолвил подеста, тяжело дыша, словно с души у него спала большая тяжесть. — Но разве этот любопытный негодяй не прочитал его тебе?

— Клянусь небом, у него не было времени для этого! — ответил Мигуэлото.

— Как, мой превосходный, мой верный Мигуэлото? Разве ты в благородном негодовании на его наглость не воткнул ему кинжал в грудь? — быстро спросил синьор Ремиро.

— Я немедленно арестовал его, но счел своим долгом подождать приговора вашей милости.

— Где ты оставил его, с кем? Тащите его сейчас же на ближайшее дерево! Это, несомненно, шпион наших врагов; иначе зачем ему читать мои письма?

— Он свободный, ваша милость, и как таковой должен быть сначала судим и осужден согласно тем самым законам римского короля, на которые вы так часто ссылаетесь, — возразил Мигуэлото, радуясь затруднительному положению своего начальника.

— Не давайте никому говорить с ним, приведите его связанным сюда, и я быстро вынесу ему свой приговор, — гневно промолвил Ремиро.

— Он здесь, за дверями; вашей милости нет надобности надолго прерывать обед, — ответил Мигуэлото, поспешно направляясь к двери и настежь распахивая ее.

Испуганные взоры пирующих упали на блестящие доспехи и копья стражи флорентийского посла, быстро вступившей в зал. словно по неслышной команде, ряды ее вдруг разомкнулись, и из середины твердым шагом, с горящими гневом глазами, раздувающимися ноздрями и бледным от бешенства лицом вышел... Цезарь Борджиа!

Его неожиданное появление, свирепый взгляд, его черные, как смоль, волосы, змейками выбивавшиеся из-под белой меховой шапочки, даже платье черного бархата, сверкавшее драгоценными камнями, — все могло наводить ужас даже на тех, кто не имел никаких оснований бояться его. Дон Ремиро стоял бледный и неподвижный, как статуя, рыцари вскочили со своих мест, схватившись за мечи, а Бембо творил молитвы и заклинания.

— А, подеста, меня за мою нескромность вы хотели приговорить к повешению! Какого же наказания заслуживает тогда и з м е н а? — загремел грозный полководец и, мгновенно переменив тон на самый вежливый и любезный, обратился к гостям: — Не обращайтесь на это внимания, благородные рыцари, и ты, мой дорогой друг и брат Орсини. Только помогите мне определить, какому наказанию подлежит этот неблагодарный изменник, не только пытающийся раздуть пламя междоусобной войны, которое мы всеми силами стараемся потушить, но еще стремящийся замарать мое доброе имя обвинением в позорнейшем предательстве, возбудить против меня все человечество и даже посеять вражду, подозрение и ненависть между отцом и сыном!

С этими словами он вырвал перехваченное письмо из рук терпеливого подесты и громко прочел его своим не менее терпеливым слушателям.

Отправляя это письмо, дон Ремиро действительно подпал под влияние своего злого гения. После нежных приветствий прекрасной супруге и горьких жалоб на продолжительную разлуку он выражал надежду, что время их взаимного печального одиночества приходит к концу. Затем он уведомлял ее о прибытии Паоло Орсини со своими спутниками в Ронсильон, описывал несчастье, случившееся с ним дорогой, и наказывал ей немедленно по получении письма поспешить в апостолический дворец, назвать пароль, по которому ее узнают там, добиться у папы тайной аудиенции и известить его об этом событии, прибавив, что он, подеста, знает, что все это было устроено герцогом Романьи для того, чтобы умертвить своего будущего зятя, и что если вскоре не явится помощь, то это намерение еще может осуществиться. Чтобы предотвратить

это несчастье, папа должен послать подесте приказ немедленно доставить Орсини в Рим, но чтобы войска и мятежный полковник в Ронсильоне не отказали в повиновении, дать посланному отряд немецких солдат и отряд из воинов Орсини и им же ради безопасности предоставить до их возвращения охрану Фламинских ворот. В приписке влюбленный Ремиро признавался своей жене, что он не может дольше жить без нее, а так как герцог начинает подозревать его в сношениях с папой и, кроме того, сам кровожаднее тигра, коварнее змеи, то он не намерен больше продолжать службу и потому просит ее прислать ему три больших ширококолесных экипажа, чтобы он мог отправить к ней свое имущество и сокровища, прежде чем явится тиран. Среди последних находится ожерелье из жемчуга величиною с голубиное яйцо, конфискованное у одной дамы из Монтефельтро, которая хвасталась, что она может предсказывать будущее и прочила близкую гибель подесты, и он надеется вскоре увидеть это украшение на самой прелестной шейке в Италии.

— Ну, господа и почтенные рыцари, как вы думаете, ошиблась эта дама с жемчугами с голубиное яйцо? — со злобным смехом проговорил Цезарь, прочитав письмо до конца.

— Если в своем любовном излиянии дон Ремиро высказал правду, за что же тогда карать его, герцог? — спросил иоаннит.

Вместо того что прийти от этих слов в ярость, как опасался Бембо, Цезарь прерывающимся от воображаемого огорчения голосом, с глазами, полными слез, разразился трогательными жалобами на суровую судьбу, которая позволила обвинять его в столь незаслуженном подозрении.

— И вы, Паоло, вы также не доверяли мне; иначе почему вы решили ехать тайно по моей области? — с упреком промолвил он, почти обманув этим даже Орсини. — Но, хвала Пресвятой Богородице, у меня есть превосходный ответ на наветы моих врагов и изменников! Разве вы здесь не в моей власти, не окружены моими верными солдатами, не в моем крепком замке, который Орсини и немецкие воины могут безуспешно осаждать долгие годы? Ну хорошо!.. Тебе, Паоло, я предлагаю полнейшее, безграничное подтверждение всех условий мира, заключенного нами в Имоле, а вам всем, господа, я говорю «Добро пожаловать», предоставляю вам верное убежище и хорошее угощение, а завтра с рассветом мы все отправимся в Рим, где вам предстоит разделить со мной

все почести, какими намеревается осыпать меня великодушное правительство.

При этих словах Цезарь с наигранным воодушевлением протянул Орсини руку, а тот несколько мгновений недоверчиво смотрел на него.

— Итак, вы согласны укрепить наш союз этим столь часто предлагающимся образом? — спросил он. — Скажите «да», Цезарь, исполните свое обещание отпустить нас, и мои сомнения рассеются навек!

— По этому пункту должны вынести решение сама донна Лукреция и ваше счастье в любви, — спокойно произнес Цезарь.

— Но вы не станете, по крайней мере, употреблять свое влияние в пользу принца Феррарского? — все еще недоверчиво спросил Орсини.

— Ха-ха, что вы думаете!.. Но мы забыли тайного советника нашего святого отца; убери его, Мигуэлото!

— Сжальтесь, мой повелитель, мой высокий, победоносный государь! Сжальтесь над несчастным преступником! — закричал подеста, бросаясь на колена.

— Сжалиться над тобой, безжалостный изменник? — сказал Цезарь, отталкивая несчастного ногой, когда тот пытался обнять его колени.

Мигуэлото подскочил и ухватил подесту за меховую мантию; но в это мгновение вмешался Орсини.

— Как ни подло, предательски и неблагодарно поступил перед вами этот человек, Цезарь, — обратился он, — я все же не могу забыть, что он принимал некоторое участие во мне, хотя бесцельное и ненужное. Я прошу вас, не карайте его, по крайней мере, смертью.

— Я почтительнейше предложил бы, всемилостивейший государь, предать его связанным народу, которым он управлял, женам и детям тех рабов, которых мы видели висевшими там, на зеленых дубах, — сказал Макиавелли.

— Пусть будет так, — радостно воскликнул Цезарь. — А когда они покончат с ним, пусть его труп тогда распилят пополам и выставят на рынке, чтобы народ знал, что я не любил его жестокости и не соглашался с нею!

При этом безжалостном приговоре сознание покинуло несчастного Ремиро, и он упал на руки Мигуэлото. Воспоминания о жестокостях подесты, виденных незадолго перед тем, могло, вероятно, несколько умерить пыл его защитников. Тем временем Мигуэлото ухватился за свою жертву с хищностью дикого зверя, словно опасаясь, что ее могут отнять у него, и проворно вытащил Ремиро из зала.

ХII

Казалось, что только по окончании своего приговора Цезарь заметил присутствие флорентийского посланника. Он сердечно обнял его, промолвив:

— Итак, в счастливый час мы все сошлись вместе. Ваши высокие правители республики могут теперь убедиться, как необоснованно их подозрение, что мир с Орсини должен непременно заключать в себе невыгодные условия для вашего государства. Вы сами должны будете подтвердить им истину! Мигуэль!.. Где он? Ах да! Принесите мне мой стальной сундучок!

Несколько солдат бросились немедленно исполнять приказание и вскоре возвратились с тяжелым ящиком, который иоаннит, как ему казалось, видел уже среди вещей Макиавелли. Вынув оттуда громадный пергамент, Цезарь стал громко и внятно читать его. Этот документ остается одним из самых замечательных памятников того бурного времени. Он возвращал, с некоторыми исключениями, разоренным вельможам-феодалам их прежнюю власть и права; Колонна также был включен в их число. При этом для церкви здесь была громадная выгода, не предусмотренная союзниками: она заключалась в их согласии на уступку папе всех предоставленных им императорами ленных поместий, при условии, что папа немедленно возвратит их им как свои. Договор предоставлял церкви все права верховной власти и среди них право принуждать ленников нести военную службу.

— Я согласен на эти условия... Но что я говорю? Разве имеет какое-либо значение мое согласие? Ведь я останусь незначительным герцогом! — с неестественным смехом проговорил Цезарь.

— Без поручительства, без залога за точное соблюдение этого мира договор — не что иное, как бездушная кожа! — своим глубоким, строгим голосом произнес иоаннит и, обратив взор на Цезаря, прибавил: — Если ваш святейший отец так желает этого брака, то почему вы не даете торжественного обещания связать вашу любовь алмазными узами, соединив в браке наследника Орсини с дочерью Борджиа?

— Желает мессир Бембо, только что явившийся из Феррары, подписать этот превосходный договор? — спросил Макиавелли, видимо, обеспокоенный таким предложением. — Или, может быть, ваша светлость желаете к чему-нибудь обязать себя, что, пожалуй, будет не чем иным, как тираническим насилием над волей прекрасной Лукреции?

— Пока я находился во Флоренции, у синьора Паоло имелось достаточно времени узнать ее расположение, — испытующим взглядом смотря на Орсини, ответил Цезарь. — Если ты действительно можешь уверить меня, брат, что она дала тебе надежду, тогда я сам сделаю то, чего требует этот воинственный миротворец.

Лицо Орсини омрачилось, между тем как черты лица Цезаря в такой же степени прояснились.

— Я не принадлежу к тем неверным рыцарям, которые хвастаются ласками своих возлюбленных, так что те принуждены стыдиться, — с печальной улыбкой заявил Паоло. — Предоставим это времени, судьбе и огненному пламени страсти, которое может зажечь ответный огонь даже в мраморной статуе.

Цезарь ничего не ответил, но схватил поданное ему перо и неуклюжими буквами подписал договор.

— А теперь давайте пировать! — весело воскликнул он. — Мигуэлото, а где Астор Манфреди, которого я в свой последний приезд назначил своим кравчим?

— Я сейчас найду его, — ответил Мигуэлото. — Он редко выходит из своей комнаты, синьор.

— Выкатите солдатам бочку моего лучшего сицилийского вина; отправьте в Рим курьера, который возвестил бы о заключении этого прекрасного мира и о нашем предстоящем прибытии, и пошлите также к Вителли, в Болонью, а главным образом, к моему дорогому другу Джиованни Франджипани в Фермо!

— Разве вы не знаете, синьор, что случилось с этим престарелым благородным дворянином? — боязливо промолвил Бембо. — Мы услышали об этом во время пути из Феррары.

— Он, вероятно, так же мирно, как и жил, отправился наконец к праотцам? — спросил Макиавелли.

— Нет, он позорно и изменнически убит своим племянником, которого он с детства воспитывал и содержал, как родного сына! — сказал иоаннит. — Во время последнего перемирия он, под предлогом навестить дядю, приехал в Фермо и убил старика в разгар праздничного пиршества, которое тот устроил в честь его приезда!

— Оливеротто — твой друг и союзник, Орсини, и близкий родственник Вителли, — серьезно заметил Цезарь.

— Пусть он постарается сделать как можно больше добра народу, в противном случае ему не придется долго править в Фермо, — задумчиво проговорил Макиавелли.

В это время появился Мигуэлото. За ним несколько человек внесли пурпурный, украшенный золотом балдахин, под которым подеста обыкновенно отправлял правосудие, и поставили его над Цезарем. Мигуэлото ввел, или, вернее, втащил за собою жалкую фигуру, несчастный вид которой сейчас же приковал к себе внимание Бембо. Это был юноша не старше восемнадцати лет; его лицо было когда-то действительно прекрасным, теперь же опущенные глаза выражали полнейшее безумие. Его, очевидно, наскоро вымыли и одели, и роскошное платье висело на нем, как мешок; тем не менее оно когда-то было в пору его прекрасной фигуре, когда он в расцвете сил целый год защищал наследие своих отцов — Фаэнцу — против Цезаря Боржиа.

— У самого Юпитера нет более благородного кравчего, чем у меня! — произнес Цезарь, не замечая еще появления своего кравчего. — Мне доставляет удовольствие пользоваться услугами гордого мальчика. Из него вышел бы превосходный солдат. Эй, Мигуэлото, что это за привидение?

— Это — благородный Манфреди; по приказанию подесты его держали в строгом заключении, так как дон Рамиро опасался, что он сбежит.

— Как это сбежит, когда я дал слово употребить перед святым отцом все свое влияние, чтобы снова возвратить ему его владения?

— Да, подеста опасался, что он убежит, чтобы начать войну с вашей светлостью, — ответил Мигуэлото.

— Шесть месяцев сильно изменили его, — с состраданием сказал Цезарь. — Уведите его, позаботьтесь о нем, я пришлю для него из Рима врачей. Но что это значит, Мигуэлото, почему я не вижу среди вас ни одной женщины? Когда я был в последний раз в Ронсильоне, я видел их немало.

— Тот, которого распилили, в одно прекрасное утро рассудил их, благородный господин, — с отвратительным смешком ответил Мигуэлото. — На него находили этикие припадки правосудия, как он их называл. Но о мертвых не следует говорить дурно! Только если ваша светлость желаете, я возьму с собой дюжину копий и приволоку вам с рынка несколько самых красивых девушек.

— Герцог Цезарь, если замышляется какое-либо насилие над женщинами, то как мои рыцарские обязанности, так и моя религия повелевают мне биться насмерть с теми, кто на это осмеливается! — воскликнул иоаннит, поднимаясь с места и хватаясь за рукоятку могучего меча, готовый броситься на Мигуэлото.

— Мир вашей отваге, благородный рыцарь! Я ведь сам принадлежу к благородному ордену рыцарства, рукою императора возведен в рыцари и точно так же обязан защищать слабых, а что же может быть слабее женщины? — проговорил с иронической усмешкой Цезарь, играя золотыми украшениями ордена, висевшего у него на шее.

Затем по данному им знаку Мигуэлото моментально исчез с молодым Манфреди.

В продолжение всего последующего пира только иоаннит оставался пасмурным и молчаливым, почти не вмешивался в разговор и не притрагивался к пище. Казалось, он не мог забыть так быстро, как веселый, добродушный англичанин, впечатления трагических сцен, свидетелями которых они были недавно, или не умел так ловко, как Паоло Орсини, скрывать его. Однако в характере Цезаря было что-то волшебное, как только он хотел выказать все свои богатые умственные и душевные качества, которым он находил такое ужасное применение. Для одного у него была наготове грубая шутка, для другого — глубокая философская мысль; игра фантазии и остроумия, вдохновение или самое сильное его оружие — насмешки, — словом, буквально все сложные настроения богато одаренной человеческой души оказывались к его услугам.

Время летело, и было уже далеко за полночь, когда Мигуэлото позволил себе заметить, что было бы полезно удалиться на покой, так как герцог с гостями ранним утром намеревался отправиться в Рим. При этом предложении Орсини изменился в лице, что не ускользнуло от наблюдательного взора гостеприимного хозяина. Он не преминул иронически улыбнуться и произнес:

— В мои намерения вовсе не входит в чем бы то ни было нарушать соглашение моего бывшего подесты, и если постели из душистого сена не станут роскошным ложем для вас, зато ваши спутники будут все время находиться около вас. Этот зал мы обратим сейчас в спальню.

Орсини согласился. Несколько полунагих рабов внесли охапки благоухающего сена и постлали его на полу вдоль стен, для каждого отдельно. Единственным преимуществом для предводителей было одеяло из медвежьей шкуры. Но решение Цезаря спать с ними вместе в зале, казавшееся таким благородным и полным доверия, отнимало у путников всякую возможность поделиться впечатлениями о событиях прошедшего дня.

ХІІІ

После долгой, еще более тревожной для Орсини, чем накануне, ночи, забрезжил наконец долгожданный рассвет. Отслужили обедню, плотно позавтракали, а так как герцогу хотелось теперь ехать так же, как и его гостям, то, не теряя понапрасну времени, все вскочили в седла и еще задолго до полудня небольшой отряд покинул Ронсильон. Дорогою он, как лавина, увеличивался примыкавшими к нему толпами и принял довольно грозный вид.

Новые пришельцы были большей частью незначительные дворяне со своими вассалами, ленники святого престола и, кроме того, отряды немецкой конницы. Цезарь был так занят приемом отдельных начальников и выслушиванием донесений, что его гости могли без помехи беседовать друг с другом. Лебофор с добродушным благородством уже был готов составить о герцоге более благоприятное мнение и подсмеивался над подозрениями Паоло, полагавшего, что так таинственно и внезапно исчезнувший шут был не кто иной, как сам Цезарь Борджиа. Во всяком случае, он не решился прямо высказать это предположение и придавал своим словам оттенок недоверия. Но Бембо и иоаннит, казалось, вполне разделяли его мнение. Первый со страхом старался припомнить, что он говорил в картезианском монастыре, между тем как Орсини пытался убедить себя, что Цезарь никак не мог знать о заговоре против него, в противном случае он не оставался бы равнодушным зрителем.

Они переехали необъятную равнину Кампаньи, по которой протекал задумчивый Тибр. Нигде не виднелось ни малейшего следа человеческого жилья! Только полуразрушенные памятники да колонны указывали направление Фламиниевой дороги.

Несмотря на свои значительные силы, Цезарь не пошел напрямик через Кампанью, так как тогда, по его предположению, им пришлось бы проезжать мимо замка Монтерози, принадлежавшего сторонникам Колонна. Поэтому они оставили Непи справа и въехали в бесконечный, старый, густой и тенистый лес. Невыносимый полуденный жар, царивший в долине, в лесу сменился приятной и освежающей прохладой. Внезапно среди расступившихся деревьев показалось пустынное черное болото с островками пышной растительности. Стадо буйволов, пасшихся, как обыкновенно, на некотором расстоянии друг от друга или валявшихся в болотной грязи, были единственными живыми существами. Цезарь при виде животных отдал приказ загнать несколько

штук и убить. Для этой цели отрядили десяток копьеносцев, чтобы они громким криком и остриями копий погнали стадо к лесу, где Цезарю пришлось поджидать их с отрядом избранных конных стрелков, которые уложили бы нескольких животных. При свирепости и невероятной силе буйволов первая часть предприятия была сопряжена с немалой опасностью, что заставило сэра Реджинальда примкнуть к загонщикам. Иоаннит не проявил большого интереса к охоте, но, не желая оставаться с Цезарем, он спокойным шагом последовал за копейщиками.

Чтобы не спугнуть стадо преждевременно, охотники пошли в обход через лес, окружавший болото, и иоаннит, следуя за ними по следам их подков, достиг одного места, где он с изумлением остановил лошадь. Лес спустился в одну из тех глубоких лощин, откуда вздымаются скалы, на которых построено большинство городов Кампаньи. В некотором отдалении на вершине противоположной горы живописно раскинулся обнесенный стеною город, увенчанный крепостью. Окружающие его поля были прекрасно обработаны, гора покрыта виноградниками и оливковыми деревьями, а долина радовала взор богатыми нивами и роскошными лугами. Казалось, сама Церера¹ высыпала на эту счастливую местность весь рог изобилия. Над всем царили такой мир и спокойствие, что иоаннит не мог объяснить себе присутствие этого оазиса в опустошенной области.

Очарованный открывшимся видом, рыцарь решил, что эта местность принадлежит какому-нибудь монастырю, святость которого охраняла его владения от опустошения. Предположение подкреплялось еще более тем зрелищем, которое он мог наблюдать в долине. На опушке сосновой и кипарисной рощ возвышался высокий готический алтарь, построенный над источником и увенчанный крестом, который с тоской обняла коленопреклоненная дева, между тем как какой-то святой в монашеской одежде старался утешить ее, указывая на небо. Вода источника вытекала из львиных голов, венчавших полукруглые ступени. На верхней ступени стоял доминиканец и горячо проповедовал что-то собравшимся богомольцам. Алтарь был окружен многочисленными группами крестьян в грубых, но живописных одеждах. На загорелых лицах горело религиозное воодушевление. Среди них находилось немало паломников, которых можно было узнать по розмариновым веткам; под деревьями стояло несколько солдат.

¹ Церера — древняя италийско-римская богиня полей, земледелия и хлебных злаков, отождествлялась с греческой Деметрой.

Главная же группа окружала даму, по-видимому, очень знатного происхождения, так как она сидела напротив проповедника в золоченом кресле, между тем как несколько священников, принадлежавших, судя по их пышному облачению, к высшему духовенству, с епископом во главе, стояли невдалеке от нее. Также неподалеку находились носилки из пурпурно-красного шелка на золоченых столбах.

Со своего наблюдательного пункта, несмотря на отдаленность, иоаннит мог видеть то царственное достоинство, с каким дама сидела в кресле. Его любопытство было задето еще более, когда он заметил, что, при всем окружавшем ее блеске, на даме было платье из грубейшего холста, которое, тем не менее, не могло скрыть красоту ее фигуры. Ее ноги были босы, а грубый черный шерстяной ковер еще более выделял их мраморную белизну. Длинные локоны распущенных золотистых волос шелковистыми прядями ниспадали на ее тело и вместе с рукою, на которую она в религиозном экстазе склонила голову, почти совсем закрывали ее лицо.

Зрелище было тем замечательнее, что алтарь был украшен по-праздничному, причем на каждом выступе, на каждом украшении висели цветочные гирлянды. Рыцарь увидел перед собою извилистую дорогу, ведущую вниз. Движимый любопытством, он незаметно для себя поехал по ней, как вдруг услышал позади треск и громкий крик. Он обернулся и увидел громадного черного буйвола, который, высоко задрав хвост, несясь с горы, между тем как Реджинальд с хохотом и криком галопом преследовал его. Он, конечно, не подозревал, что сзади него находилось все стадо, которое, спасаясь от загонщиков, неслоь вслед за своим быком. Иоаннит сразу понял, какой грозной опасности подвергаются погруженные в молитву богомольцы в долине. Пришпорив коня, он с криком «Буйволы! Буйволы!» поскакал по дороге.

В толпе произошло паническое замешательство, в особенности когда вооруженный всадник, не будучи в состоянии удержать разгоряченного скакуна, обогнул алтарь и за ним показалось несшееся в бешенстве животное. Крестьяне в паническом ужасе бросились врассыпную; паломники, рабы и священники, не помня себя от страха, кинулись в бегство, и только говоривший проповедь монах остался на месте. Остановив, наконец, лошадь, иоаннит увидел, что безоружный монах стоял перед креслом, с которого поднялась дама, и бледная, словно презирая постыдное бегство, призывала на помощь то Святую Деву, то своих вассалов. Сообразив, что буйвол в своем безумном беге устремлялся прямо на нее, что от неминуемой гибели ее защищала только хилая фигура мо-

наха, иоаннит на своем могучем коне ринулся между буйволом и брошенными на произвол судьбы несчастными.

Буйвол был невероятной величины и силы; африканский бык самой крупной породы, покрытый черной шерстью, с маленькими глазками, налитыми кровью, он несся, как лавина с горы. Навстречу ему устремился иоаннит, но вовсе не с безумным намерением принять на себя разъяренный удар. С ловкостью, редкой даже для итальянских наездников, искушенных в бою быков, он повернул громко ржавшую лошадь и, выждав момент, когда буйвол несся мимо него, с неимоверной силой обрушил свою секиру на шею животного как раз в то место, где позвоночник соединяется с черепом. Буйвол зашатался, и в то же мгновение в его широкую спину вонзилось копые Реджинальда, который скакал с такой стремительностью, что его оружие расщепилось и он сам перелетел через буйвола. Но копые пронзило чудовище, и со страшным ревом, от которого, казалось, задрожала земля, буйвол свалился на землю. Стадо, следовавшее за ним, при этом реве вдруг остановило свой бег и, охваченное паническим ужасом, повернуло назад от своих преследователей.

Реджинальд, не чувствуя после падения боли, вскочил на ноги и бросился на помощь к своему собрату по оружию. Но он увидел, что тот соскочил с лошади и с водою в руках бежал к даме, которую доминиканец вместе с креслом поспешно втащил по ступеням, где она упала в обморок.

Монах, стоя на коленях, держал в руках ее голову и тщетно тер ей лоб, но даже и в это мгновение, когда она бледная и безжизненная, словно мраморное изваяние, лежала перед ним, ее необыкновенная красота приводила иоаннита в восхищенное изумление. Ее грубая холщовая одежда, пришедшая в беспорядок, еще яснее подчеркивала эту красоту, а роскошные очертания форм и белоснежная нежность лица пробуждали в фантазии рыцаря неясные грезы. Он откинул свой капюшон и, склонясь над прелестной фигурой дамы, был так занят приведением ее в чувство, как будто он был Пигмалионом, старавшимся оживить холодный мрамор. Монах из всех сил помогал ему, и Реджинальд поспешно вскочил на лошадь, чтобы привести Бембо, обладавшего изрядными познаниями в медицине.

И возвращение жизни в тело прекрасной кающейся как две капли воды походило на оживление знаменитой статуи. На бледных щеках появился нежный румянец, открылись большие, влажные, темно-синие глаза с длинными ресницами, и горячий блеск их, загоровшийся при встрече с

обычно суровым, но теперь почти женственно-нежным взглядом иоаннита, показал, что сознание вернулось к ней. Грациозным жестом стыдливой нимфы, застигнутой при купании, она прикрыла своим платьем шею, прошептала несколько бессвязных слов благодарности и с усилием приподнялась, опираясь на руки доминиканца. Ее взор упал на чудовище, лежавшее в луже собственной крови, а затем, с удивлением и горячей благодарностью взглянув на рыцаря, она прошептала:

— Синьор, вы не ранены?

Тон ее вопроса показывал, что все свои заботы она перенесла с себя на него. Это, казалось, запалило факел в груди иоаннита — принца Альфонсо д'Эсте.

— Нет, благородная дама, если не считать моего опасения, что человечество могло лишиться столь совершенной красоты, — ответил иоаннит, который мог, по-видимому, быть любезным, когда хотел.

— А мои бедные вассалы и добрый епископ со своей свитой, где они? — со слабой улыбкой обратилась дама к монаху.

— Они предоставили вас, дочь моя, вашей судьбе, предоставьте же их своей! Впрочем, они все в безопасности, — ответил монах. — Но садитесь в свои носилки, потому что вон едут люди, которые, кто бы они ни были, не должны видеть вас в этой одежде, хоть вы и носите ее для совершения святой необходимой епитимьи.

Дама покраснела еще больше и уселась в кресло, а доминиканец сбежал вниз и приказал народу, который вернулся, вооруженный камнями и дубинами, поднять брошенные на землю носилки. Сам же он с поразительной быстротой поднялся по ступенькам и подал кающейся роскошный плащ.

Едва она успела накинуть его поверх своей грубой одежды, как сверху галопом прискакал отряд воинов. Среди них находились Цезарь, Паоло, флорентийский посланник и Бембо, которого потащил за собой Лебофор, не обращая внимания на мучительную тряску, испытываемую им при езде на муле.

Казалось, воинственная лавина привела кающуюся в беспредельный ужас. Со страхом и недоверием, захватившими даже ее спасителя, она приподнялась в кресле, но силы оставили ее, и она упала бы, если бы иоаннит не удержал ее в своих объятиях. Молящим взором она взглянула на сурового воина, на что он ответил ей выражением беспредельного восхищения и сердечного участия, и все,

увидев их в этом положении, должны были согласиться в душе с восклицанием лирика Бембо:

— Марс и Венера!

Но не успел Бембо слезть со своего мула, чтобы оказать услуги, как Цезарь уже соскочил с коня, взлетел по ступенькам и с диким ужасом воскликнул:

— Лукреция! Сестра моя, дорогая сестра моя, ты ранена?

Лишь только Цезарь произнес это роковое имя и его жгучие взоры, в которых вихрем проносились всевозможные чувства, упали на красавицу и на иоаннита, последний высвободил свою руку и отошел в сторону. Лукреция бросила на него изумленный взгляд, побледнела и затем снова покраснела, и не только до корня волос, а покраснела всем телом, так что порозовели даже ее белые ноги. Трудно было не понять выражения ужаса, хотя и мимолетного, отвращения и даже страха, появившихся на благородном и серьезном лице иоаннита. Однако вслед за испугом и изумлением на Лукрецию, казалось, налетел рой мыслей; ее прекрасное лицо на миг оживилось и зарделось румянцем, но затем она снова побледнела и упала в кресло, словно опять потеряла сознание.

Все окружили ее, чтобы оказать посильную помощь, но Цезарь серьезным голосом отдал приказ, чтобы никто не смел подниматься по ступеням, кроме Бембо. Последний взял оброненную паломником ветвь розмарина и, растирая ее листья руками, давал Лукреции вдыхать сильный запах. Благотворное действие не замедлило сказаться. Лукреция протянула монаху руку, промолвив слабым голосом:

— Уведите меня отсюда, отец мой; я не совсем здорова!

— Разве ты не узнаешь меня, Лукреция? Я — твой брат, Цезарь! — воскликнул герцог тоном униженного смирения, совсем не обычного для него.

— Цезарь? В самом дела! — ответила Лукреция, без посторонней помощи поднимаясь с кресла. — Добро пожаловать, брат! Я здорова, совсем здорова, благородный государь, ничуть не ранена. Что угодно здесь вам и вашим солдатам? Знаете ли вы, что своим присутствием вы нарушаете грамоту вольности, которую я получила от его святейшества? Зачем наш мирный праздник нарушен таким образом вашими вооруженными воинами?

— Не волнуйтесь, дочь моя! Опомнитесь! Герцог ведь случайно заехал сюда; солдаты принадлежат вашему брату, — уговаривал ее доминиканец.

— Простите меня, страх совсем лишил меня рассудка! — заливаясь слезами, ответила Лукреция и с истериче-

ским смехом прибавила: — Нет, нет, нам нечего опасаться нападения нашего брата на наше новое владение! Добро пожаловать, синьор! Приветствую вас на родной земле и поздравляю с победами!

— Но простите меня, моя прекрасная сестра!.. Как я мог бы предполагать, что здесь, около Непи, я охочусь в вашей области, когда вы ничего не сообщали мне о своих делах? — сказал Цезарь с своей искусственной беззаботностью. — Но здесь есть некто, для которого, вероятно, найдется у вас более теплый привет, а именно синьор Паоло Орсини!

Он обернулся и легким, почти презрительным жестом указал на молодого римлянина, который, побледнев от волнения и трепеща всем телом, поднялся по ступенькам и преклонил перед Лукрецией колени.

— Синьор!.. Цезарь, это не по-дружески, — с гневным взглядом проговорила Лукреция и холодно протянула Орсини руку, которую тот страстно прижал к губам. — Я не в состоянии оказывать такой прием и с вашего разрешения отправлюсь в Непи, куда, к сожалению, не могу пригласить ваше вооруженное общество, потому что городу святейшим престолом даны некоторые привилегии при условии, что всем солдатам, не состоящим на службе повелителя, будет закрыт доступ в него.

— Но сначала, синьора, простите невежественного виновника этого несчастья, который лучше тысячу раз готов пожертвовать своей жизнью, чем хоть сколько-нибудь повредить несравненной владычице здешних мест! — с горячим воодушевлением промолвил Лебофор, преклонив колено на самой нижней ступени.

— Прощение уже дано вам, прежде чем вы попросили его, и действительно, я думаю, вы ради нашей безопасности рисковали своей жизнью, благородный чужестранец, не меньше, чем тот храбрый рыцарь, — с достоинством произнесла Лукреция, бросив сияющий взгляд на иоаннита. — Но он, как истый великодушный благодетель, по-видимому, уже забыл, что он совершил.

— Благодарите случай, синьора, а не его слепое оружие, — с серьезным спокойствием сказал иоаннит. — Даже этот инок, безоружный, рисковал жизнью, защищая вас! Но если здесь и есть какая-либо заслуга, то припишите ее к счету синьора Орсини, вашего искреннего слуги и рыцаря, который с радостью готов всем пожертвовать для вас. Я же исполнил только свой долг, за который вы удостоиваете меня благодарности, да и то сделал это больше по необходимости, чем по доброй воле.

— Нет, благородный господин и светлейшая донна, мне думается, что только тот настоящий рыцарь, кто совершает такие дела! — воскликнул Бембо, с восхищенным изумлением взирая на знаменитую красавицу. — Поэтому мне кажется, что нет более достойного защитника вашей красоты, чем этот храбрый и неустрашимый герой, мой дорогой друг, самый благородный рыцарь Феррары!

Взгляд Лукреции снова упал на иоаннита, и в ее не то гордом, не то молящем выражении, промелькнувшем на устах и словно слезами затуманившим огонь ее глаз, было что-то неописуемо прекрасное.

— Вы забываете мое одеяние, дорогой каноник, — с удвоенной строгостью ответил иоаннит. — Я — не менее монах, чем рыцарь-воин Христа, службу Которому я не должен осквернять ничем земным! Но здесь дело иное. Ведь если эта дама не жительница неба, что можно было бы предположить по ее красоте, так за кого же мы должны считать ее?

— Ну, если бы в вашем лице сам голубой орел Эсте превратился в монаха, это было бы сказано слишком по-монашески! — пытливо глядя на рыцаря, произнес Макиавелли, намекая на герб герцогов Феррары.

— Макиавелли, величайший гений Италии, сердечно приветствую вас! — с внезапной живостью воскликнула Лукреция, когда флорентиец подошел к ней поцеловать руку, которую она дружески протянула ему.

В эту минуту раздался глубокий печальный голос доминиканца:

— Дочь моя, тебе неприлично в одежде кающейся показываться такому светскому обществу и не согласно с наложенной тобою на себя епитимьей. Носилки ждут тебя, и стража готова.

Все взоры обратились на монаха, так как хотя в его словах не было ничего особенного, но тон их был требователен и даже угрожающ. Художник нашел бы в этом старике прекрасную модель для апостола Павла.

— Но в Риме мы снова встретимся все, и там, рыцарь, сам святой отец будет благодарить вас за спасение жизни, которую он ценит больше, чем она стоит, — сказала Лукреция с подкупающе прелестной улыбкой.

Иоаннит ответил молчаливым поклоном, краска гнева и стыда снова залила лицо Лукреции. Она поспешно спустилась по ступенькам к носилкам, у которых стояли солдаты.

Цезарь хотел было помочь сестре сесть, но она, словно не замечая его движения, протянула руку флорентийскому посланнику, и тот почтительно усадил ее. Казалось, Лукреция

намеревалась уже удалиться без дальнейшего прощания, но вдруг обернулась еще раз и с грацией и величием недоступной богини склонила вновь свою прелестную головку.

Однако среди всех голов в шлемах и перьях, почтительно склонившихся перед ней, ее беглый взгляд искал лишь гордое лицо иоаннита. Затем Лукреция опустила на место; солдаты, по данному монахом знаку, понесли носилки, и вскоре от прерванного праздника не осталось других свидетелей, кроме окровавленного буйвола и украшенного цветами алтаря.

— Ну и скупа же, шурин, на ласку сестрица! — проговорил Цезарь, дружески хлопнув замечтавшегося Паоло по плечу. — Клянусь ключами святого Петра, вы должны быть благодарны, что наш собрат по оружию — столько же монах, сколько рыцарь, а то он мог бы стать опасным соперником!

Паоло рассеянно улыбнулся, но его угрюмый взор с недоверием скользнул по иоанниту. Рыцари снова сели на коней и, оставив в покое буйволов, весь отряд вновь направился в путь.

К общему удивлению, сэр Реджинальд, обыкновенно такой живой и веселый, долго оставался задумчивым и молчаливым. Иоаннит же, напротив, сделался очень разговорчивым, как будто хотел отогнать тревожившие его мысли. Он впервые завязал разговор с Цезарем и, казалось, находил особенное удовлетворение в шумной веселости герцога, говорившего о последнем приключении и сравнивавшего его с подвигами древних паладинов¹, для которых сражение с чудовищами было делом обыденным и нетрудным. Но, когда Бембо в своих поэтических хвалебных гимнах необыкновенной красоте Лукреции перешел всякие границы, когда даже Маккиавелли присоединил свои довольно двусмысленные похвалы, Альфонсо снова впал в прежнюю серьезную молчаливость. Из этого равнодушия его вывело наконец замечание Орсини.

— Хорошо ли вы рассмотрели доминиканца, достопочтенный брат? — спросил он. — Походил он хотя бы немного на странствующего монаха, который навел вас на мой след?

— Мы не разглядели его лица, но его глубокий голос и его фигура навели и меня на эту мысль, — с печальным вздохом ответил иоаннит.

¹ Паладин (фр. *paladin*, от латин. *palatinus* — придворный) — в раннем средневековье — рыцарь из свиты короля, позже — доблестный рыцарь, преданный государю или даме

— Тогда, Цезарь, я могу, пожалуй, льстить себя надеждой, что даже Лукреция не совсем равнодушна к моей судьбе, так как я вынужден предположить, что именно ее духовник встретился мне и предупреждал меня не идти через Апеннины, — проговорил Орсини, выходя из своей печальной задумчивости.

— Ну, а так как вы это предупреждение оставили без внимания, то, вероятно, моя же сестра послала бандитов, чтобы еще чувствительнее наказать вас за недоверие, брат Паоло! — с язвительной улыбкой ответил Цезарь. — Нет, уж предоставьте эту честь духу святого Гвидобальда, в противном случае доброго духовника пришлось бы счесть плутом или дурачком, если он пускается на такие штуки. Не пытайтесь разгадывать эту загадку, иначе вы еще можете прийти к заключению, что моя сестра нарочно послала своего духовника с предупреждением для того, чтобы держались подальше от нее.

Сэр Реджинальд расхохотался при этом намеке, но далеко не так громко и весело, как раньше.

Скоро лес стал редеть, и путники снова очутились на открытой равнине Кампаньи. Солнце палило невероятно, и нигде не было местечка укрыться от знойных лучей. Вдруг Мигуэлото выехал вперед и отдал приказ остановиться, не объясняя причины. Однако последняя выяснилась сама собой, когда блеск копий и знамен в тылу колонны возвестил приближение другого воинского отряда.

XIV

Остановка произошла на вершине холма. Вдали внезапно показались стены и башни Вечного города, а кругом простиралась вулканическая и болотистая пустыня.

Путешественники обернулись и с опасением следили за приближающимся отрядом; но так как Цезарь при остановке принужден был развернуть свои ряды, те также остановились, как будто только теперь заметив, что перед ними находятся столь значительные силы. Через некоторое время Цезарь отдал Мигуэлото приказ выехать навстречу незнакомцам с белым флагом и от имени герцога спросить их, кто они и что им надо. Но почти одновременно из противоположных рядов появился герольд в пестрой одежде, с серебряным жезлом и со спокойной уверенностью, свойственной своему сану, поднялся на разделявшую их возвышенность. Цезарь выехал к нему, и герольд, сейчас же

склонившись перед ним, обнажил голову и произнес ясно и громко:

— Могущественный государь, или кто бы вы ни были, мой повелитель, Вителлоццо Вителли, господин Читта ди Кастелло, благочестивый паломник на святой праздник великого юбилея, желает знать, кому он посылает свой мирный привет, дабы не встретить неудовольствия, если вы думаете иначе.

Среди слушателей немногие были довольны этим приветствием, так как Вителлоццо был главою могущественной фамилии Вителли, мятежных ленников святого престола, самых опасных и сильных благодаря тому, что их громадные владения находились вне римских пределов. В союзе дворян против притязаний Александра VI Вителли представляли наибольшую силу и были, кроме того, родственниками Орсини, а следовательно, и изгнанных из Флоренции Медичи. С последними их связывала еще ненависть, которую испытывал к флорентийцам глава фамилии за смерть брата, командовавшего на флорентийской службе наемным войском и казненного вследствие действительной или предполагаемой измены. Немецкая конница Вителлоццо была главной причиной поражения папских войск в битве при Браччиано, и с тех пор его гордость и высокомерие стали так велики, что он, по слухам, намеревался сместить Алесксандра с папского престола.

Таков был паломник, в сопровождении почти тысячи могучих всадников направлявшийся в Рим на великий юбилейный праздник христианского мира.

Несмотря на неприятное ощущение при этом известии, Цезарь, не задумываясь ни на одно мгновение и ничем не обнаружив своих истинных чувств, воскликнул радостным голосом:

— Слышите, синьор Паоло? Наше счастье достигло своего апогея и наш мир действительно будет выткан алмазами, если благородный Вителли подпишет его или, по крайней мере, приложит к нему свою печать, ибо, насколько мне помнится, он всегда хвалился, что не умеет писать. Но для чего на мирный праздник церкви он захватил такое мощное войско?

— Предоставьте мне, герцог, спросить его об этом и заключить между вами братский и союзный договор! — сказал с готовностью Орсини.

— Союз и братство! Вителли — вассалы святого престола, а я — его полководец! — гордо воскликнул Цезарь, но, осмотрев еще раз многочисленные ряды противника, с веселой улыбкой прибавил: — Что ж, идите, дорогой брат,

но не затягивайте слишком долго переговоров, а то солнце изжарит нас всех.

— Ступайте вперед, герольд! — приказал Орсини и, торжествующе и значительно посмотрев на Реджинальда, отправился вслед за вестником.

— Я не знаю, как мне и быть, — едва слышно прошептал Цезарь наперснику, — у нас несомненное преимущество в численности, но я сомневаюсь, что мы сможем выдержать натиск этих светловолосых варваров. Кроме того, будет бесполезно показать его святейшеству, что мы, несмотря на все, можем еще оказывать государству некоторые услуги. Да и флорийтийцы пусть видят, что наша дружба по меньшей мере лед, который может сковать этот поток, чтобы он не смыл их.

В это время к нему подошел Макиавелли и с саркастическим и вместе с тем недовольным выражением проговорил:

— Ах, герцог, из вашего могущества вы сделаете детскую игрушку, если согласитесь, чтобы это вражеское войско соединилось в Риме с мятежниками Орсини и другими дворянами!

— Успокойтесь, дорогой друг! Что я могу поделать? Мое же время может настать и настанет! Не силой убивают несущегося на вас быка! Разве вы не видите, что эти всадники — дикари с Эльбы и Дуная? Если мы будем побеждены, тогда Вителлоццо действительно может двинуться в Рим и — сохрани Бог! — перед лицом всего христианского мира свергнуть нашего святого отца с престола!

— Паломники ни в коем случае не допустят этого! Они собрались из отдаленных стран и не знают, чем можно было бы оправдать такое поношение Неба в лице Его земного наместника! — улыбаясь ответил Макиавелли.

— Поверьте, дорогой маэстро, я уступаю, как волна, гонимая ветром.

— Рослые ребята, что и говорить! — взглянув на всадников, заметил Макиавелли. — Но почему вы не вербуете своих солдат в Англии? Там люди еще сильнее и крепче.

— Я уже думал об этом, но англичане — такой необузданный народ, что ими не могут управлять даже их короли. Но смотрите, наш миротворец, наш влюбленный миротворец, кажется, выполнил свою миссию удачно, потому что направляется сюда вместе с великаном.

— Меня удивляет, как этот допотопный конь выдерживает его, — с неудовольствием сказал Макиавелли, когда необъятная фигура Вителлоццо появилась невдалеке.

Необъятный полководец был почти семи футов роста и ехал на таком же громадном коне. На его шлеме, более

похожем на бочку, чем на головной убор, развевался черный султан из перьев.

Вителлоццо следовал за Орсини только в сопровождении двух копьеносцев; отъехав на расстояние выстрела от своих всадников, он внезапно остановился, и его громкий голос донесся даже до Цезаря.

— Нет, клянусь святым Павлом, я не сделаю ни шага дальше, пока не увижу своими глазами, что здесь нет никакого подвоха!

Паоло, казалось, стал уговаривать его, но Цезарь, приказав Мигуэлото оставаться на месте, один выехал навстречу своему подозрительному гостю.

Это кажущееся доверие, по-видимому, больше подействовало на Вителлоццо, чем все красноречие Орсини.

— Добро пожаловать, благородный герцог! Клянусь душою, вы одни? — воскликнул он, словно не веря своим глазам.

— Я никогда не верю наполовину, Вителлоццо, — возразил герцог. — А вот мне сдается, что вы не слишком-то доверяете обещаниям нашего святого отца, если берете с собой на юбилей более тысячи копий.

— Наш святой отец обещал защитить только тех, кто сам не может защитить себя, — ответил Вителлоццо, снова принимая свое обычное грубое и упрямое выражение. — Кроме того, мы слышали только о пленении разбойниками нашего дорогого друга Паоло, а не о его освобождении. Одним словом, мы хотели предоставить возможность и нашим болванам принять участие во всеобщем отпущении грехов. А уж как они нуждаются в нем, известно одному Богу!

— Но после того как я сообщил условия нашего договора, а храбрый Вителлоццо принял их, его боевые силы только увеличат ваше войско, Цезарь, — сказал Орсини.

— Пусть так! — ответил герцог с вежливым поклоном, словно не замечая нерешительного выражения лица Вителлоццо.

Великан что-то неразборчиво промычал и затем прибавил:

— Но, как мы слышали, вместе с вами посланник флорентийской сволочи, а у меня — изгнанный князь Пиетро ди Медичи!

Это известие повергло Цезаря в некоторое смущение.

— Так что же? Прекрасно! — после краткого размышления сказал он. — Пиетро — такой же паломник, как вы, и направляется в Рим, и как такового генералиссимус отца

всего христианского мира может приветствовать его, не оскорбляя тем самым ни людей, ни государства.

В это время к ним приблизился высокий, статный рыцарь в полном вооружении, но без шлема. За ним следовал единственный оруженосец с синим знаменем, вышитым золотыми шарами, — гербом Медичи. Случайно в то же мгновение к герцогу присоединился Макиавелли, так что изгнанный князь и посланник республики встали лицом к лицу. Последовала короткая пауза.

— Мессир Никколо Макиавелли, — мягко произнес Медичи, — ученый и храбрый муж? Я рад видеть его.

— Я — посланник Флорентийской республики, синьор, — серьезным тоном ответил Макиавелли. — Но я точно так же рад видеть вас здесь.

— Хо-хо, мессир Никколо, как понравилось вашим согражданам мое последнее посещение Вальдарно? — с мрачным хохотом сказал Вителлоццо.

— Настолько понравилось, что они вскоре ответят на него, — проговорил посланник.

— Я думаю, все казни египетские не могли бы лучше навести порядок в стране, — продолжал великан.

— Нет, нет, вы уж слишком стараетесь из-за одного! Тень вашего убитого брата должна уже быть теперь удовлетворена! — сказал Цезарь, нарочно вызывая воспоминание в его памяти.

— Бывают, герцог, люди, ценящие кровь родного брата так же, как купцы свои товары, — мрачно ответил Вителлоццо. — Имя своего брата я уже вписал на каждой пяди флорентийской земли и надеюсь еще яснее написать его на земле Флоренции!

— Успокойся, успокойся, Вителлоццо! — прервал Медичи своего неполитичного союзника.

— Я не премину поставить об этом республику в известность, — заметил Макиавелли.

— И вы можете еще в таком случае прибавить... — дрожа от гнева, снова громко начал великан.

Но Медичи перебил его:

— Нет, мой добрый Никколо, поезжайте лучше рядом со мной, и мы потолкуем о таких вещах, которые могли бы положить конец этой кровавой распре.

— Да, благородный господин, но, как мы видим, пилюли позолочены, — кидая насмешливый взгляд на знамя, сказал Макиавелли, — однако уверяю вас, что Флорентийская республика тем не менее снова проглотит их!

— Господа, господа! — воскликнул Бембо, присоединяясь наконец к группе. — Когда же мы доберемся до Рима, если проболтаем здесь до захода солнца! Я думаю, не двинуться ли вам всем вместе дальше, а будущее предоставить грядущему.

Так как всем было ясно, что дальнейшая дискуссия не приведет к добру, то все решили последовать предложению Бембо, и Цезарь, как будто не желая стеснять друзей своим присутствием, заявил, что поедет вперед в Рим в качестве их герольда, и, вернувшись к своему отряду, дал приказ трогаться в путь. Прошло некоторое время, прежде чем войско Вителлоццо последовало его примеру.

— Неужели ты думаешь, что я когда-нибудь стану терпеть надменное высокомерие этого Гога и Магога¹, этого быка в полном вооружении? — сказал Цезарь, заметив мрачный взгляд Макиавелли. — А что касается Медичи, то неужели ты думаешь, что я забыл тот день, когда ездил во Флоренцию хлопотать за жизнь одного из моих слуг, нена роком убившего в ссоре флорентийского гражданина? Отец был тогда простым кардиналом, только еще мечтавшим о папской тиаре, а Пиетро Медичи находился в полном блеске своего счастья! Честное слово, Никколо, я целый день ожидал у него в прихожей вместе с его лакеями, а к вечеру он велел передать мне, что занят и не сможет, видите ли, принять меня! Занят, черт возьми! Тогда я уехал, предоставив своего беднягу-слугу его милосердию, а он приказал колесовать его! Колесовать моего самого верного слугу!

При этом страстном восклицании перенесенного оскорбления, которого, как ему было известно, гордость никогда не простит, Макиавелли немного утешился.

Между тем Рим со своими бесчисленными башнями и зубцами все яснее вырисовывался в сверкающем дрожащем мареве. По равнине со всех сторон к городу и группами, и в одиночку тянулись благочестивые пилигримы всех сословий. Казалось, только узкая полоса Тибра отделяла Цезаря и его спутников от цели их путешествия.

— Рим! Рим, мой Никколо! — восклицает Цезарь с воодушевлением, редко выражаемым им. — Вот она, развенчанная царица мира, которая возложит венец на главу рыцаря, когда тот вырвет его из подлых рук, сорвавших его

¹ Гог и Магог — в христианстве и иудаизме — имена предводителя и народа, которые, согласно Апокалипсису, по соблазну дьявола придут с «четырех углов земли» к концу света с целью уничтожения царства Христа, но будут пожраны огнем с небес. Употребляется в выражениях о чем-либо страшном, внушающем ужас, или о влиятельном, важном.

с нее! Клянусь святым престолом, эти кольцевые стены со своими башнями кажутся мне громадной золотой короной, плавающей в воздухе!

— Не гробница ли это Нерона? — холодно спросил Макиавелли, указывая на однурукую развалину.

— Да, и крепость Франджипани! Разве ты не видишь их знамени с преломленным хлебом? Но что означает эта толпа на мосту?

— Как будто это — какая-то процессия, окруженная народом, — ответил Макиавелли. — Но вот идут паломники, которые, несомненно, объяснят нам все.

К ним на мулах приближались два человека, причем на одном были шапочка и облачение епископа; в некотором расстоянии следовало несколько рыцарей, богатое вооружение которых блистало на солнце, как золото.

— Честное слово, это — мой друг Датарий, епископ Мадены и царь финансистов! — воскликнул Цезарь. — А рядом высокопарный дурак, Иоанн Страсбургский, церемониймейстер его святейшества. Если бы врата царства небесного открылись для человечества всего только на полчаса, он стал бы терпеливо ждать, пока очередь по старшинству не дошла бы до него.

Тем временем оба путника подъехали так близко, что их можно было рассмотреть. Датарию было лет под шестьдесят; он был небольшого роста, худощавый и сутуловатый и удивительно походил лицом на лисицу. Другой был очень тучен, причем его широкое, плоское и жирное лицо сияло самодовольством и глупостью, составляя удивительный контраст с острыми чертами епископа. Это был Иоганн Бурхард, папский придворный, дневник которого сохранился до наших дней, подтверждая своим свидетельством некоторые невероятные подробности настоящей правдивой истории.

— Бурчиардо! — воскликнул Датарий, хлестнув своего мула. — Вон герцог!

— Не может быть! Без надлежащей свиты? — сказал церемониймейстер. — И впереди всего своего войска?

— Тем не менее, это так. Во всей Италии нет других глаз, которые сияли бы так же, как эти, — ответил Датарий, понукая мула.

— Вам неприлично торопиться, ваше преосвященство! — сказал Бурхард.

— Каждому человеку, по крайней мере умному человеку, при таком счастливом случае прилично показать свое усердие, — возразил епископ и остановился за шаг от того места, где стоял Цезарь с флорентийцем.

Последовала длинная процедура приветствий, и Датарий сообщил герцогу, что его святейшество повелел встретить его со всеми почестями, и что на Понте-Молле его ожидает процессия.

— Его святейшество приказал также устроить большую иллюминацию и пышные торжества, которые ваша светлость, надеюсь, извинит, принимая во внимание, как мало времени оставалось для их организации, — напыщенно проговорил страсбургский декан. — Кроме того, я должен проводить вашу светлость во дворец Колонна, который его святейшество подарил вам и назначил для вашего пребывания.

— Во дворец Колонна? Разве в Ватикане не нашлось места для простого солдата? — воскликнул Цезарь с мрачным выражением.

— Ваша светлейшая супруга живет во дворце Колонна, и только там света вашей светлости может быть размещена соответствующим образом, — ответил Бурхард, трясаясь всем телом от грозного взгляда. — Святой дворец наполнен высокими паломниками, и завтра туда еще ожидают вашу благородную сестру, донну Лукрецию.

— Донна Лукреция в Ватикане! — воскликнул Цезарь. — Какой скандал! Скажи, пожалуйста, Бурчиардо, случалось ли тебе во всей твоей практике, в твоих изысканиях папских хроник натолкнуться на такой случай, чтобы на глазах всего мира женщина жила во дворце святого Петра?

— Разве вы никогда не слышали о папессе Иоанне?¹ — прошептал Макиавелли; но Бурхард соорудил глупое и испуганное лицо и ничего не ответил.

— Но поскольку святейший отец не может ошибаться, то мы должны подчиниться его воле, отложив дальнейшие изыскания, — с горькой иронией проговорил герцог. — Спешите, почтенный Бурчиардо, и возвестите этим звуком мое прибытие. А ты, дон Мигуэль, — обратился он к своему полковнику, когда папский церемониймейстер отъехал, — поезжай назад и скажи Орсини и его спутникам, чтобы они ехали сюда и как братья приняли участие в моем триумфе. Да, не забудь подробно распространиться по поводу новости, что в доме первосвященника будет жить женщина. Итак, святой отец желает, чтобы между ним и

¹ О папе-женщине, правившей под именем Иоанна VIII, сохранилась лишь легенда. Если женщина и была папой, то церковь вовремя сумела вычеркнуть ее из списков пап, присвоив ее номер папе-мужчине, правившему с 872 по 882 г.

его нежным сыном протекал Тибр? — обратился он к Датарью, когда ускакал его услужливый наперсник.

— Да, и ваша милость не можете переправиться через него без особого разрешения, — с коротким смешком ответил епископ. — Старый Пикколомини, назначенный губернатором города, когда Орсини при известии о несчастьи с синьором Паоло взяли за оружие, назначил в замок Святого Ангела нового полковника.

— Для чего же тогда его святейшество сделал меня пожизненным главнокомандующим? — скрипнув зубами, промолвил Цезарь.

— Сейчас, благородный господин, необходимо, чтобы вы посетили нас, — продолжал епископ. — Его святейшество окружают люди, которые стараются посеять между вами раздор, и все, что бы вы ни сделали, представляют в неблагоприятном свете. Удивительно, как он теперь хлопочет о брачном союзе донны Лукреции с Паоло Орсини, с тех пор как расстроились переговоры о таком же союзе с Феррарой.

— Моя сестра — вдова уже целый год! У его святейшества прекрасные основания! — ответил Цезарь. — Но уж я разделаюсь с этими советниками! Вы не слышали в Риме о веселой комедии, которую я сыграл с синьором Ремиро в Ронсильоне?

Епископ с улыбкой вскинул на герцога свой острый взор и отрицательно покачал головой. Но, когда Цезарь с поистине дьявольской веселостью рассказал ему ужасную историю, у министра финансов сошла с лица краска, словно он готовился сам испытать такую же судьбу, какая выпала на долю Ремиро.

— Ну, что же вы не смеетесь, синьор? — спросил Цезарь бледного министра. — А все же нет ничего приятнее поймать негодяя в его собственной ловушке.

— Охотно верю, ваша светлость, это в высшей степени приятно; но я не знаю, что думает его святейшество, — заметил Датарий.

— Таким вот образом из двойственного политика легко можно сделать двоих, — с иронической улыбкой сказал герцог. — Я представлю такие доказательства его виновности, которые будут достаточны и для духовного суда неверующих иудеев! Но что вы такое говорили! Орсини обнажили свои мечи?

— Весь Рим пришел в волнение; даже Колонна осмелились показаться на свет Божий; Конти, Ченчи, Сальвиати забаррикадировали свои улицы; от ужаса мы все потеряли

голову, только его святейшество оставался спокойным. С балкона Ватикана он уговаривал смущенных паломников и уверял их, что никто из них не был захвачен.

— Взгляните-ка, старые развалины почти заполняются множеством народа, — сказал Цезарь, с удивлением глядя на толпы народа, покрывавшие дорогу от реки до городских стен.

— К сожалению, они невероятно скупы и не хотят ничего пожертвовать в возмещение расточительной благотворительности святого отца, — уныло возразил скупой министр.

— Вот как? — механически произнес Цезарь, очевидно, поглощенный своими мыслями.

Датарий оправился теперь от испуга и рассмеялся, будто вспомнил что-то смешное.

— Вот вы удивитесь, благородный господин, когда увидите лиссабонского кардинала. Он, из всей святой коллегии больше всех любивший пышность, ходит теперь без свиты и почти в лохмотьях. Послушайте, как это случилось. Он думал, что уже близок к смерти, и, чтобы не оставить своих богатств церкви, роздал все своим родным и слугам. Но небо услышало их лицемерные молитвы и в наказание за его обман послало ему исцеление; между тем неблагодарные негодяи из всех его сокровищ не захотели подать ему даже милостыню, и теперь он — нищий. Это — яркий пример для тех, кто собирается обмануть святую сокровищницу!

Пред взорами возвращающегося полководца развертывалось великолепное зрелище. Река кишела раззолоченными гондолами, которые своими разукрашенными носами, пестрыми знаменами и расписными килями тешили взор на золотистых волнах. Над мостом возвышалась триумфальная арка, сооруженная из лавровых ветвей, копий и труб. Здесь собрались знатные особы, назначенные для встречи герцога: кардиналы в красных мантиях верхом на мулах, римские дворяне из менее знатных фамилий в блестящем вооружении и ярких плащах, прелаты в священническом облачении, многочисленные слуги, пажи и лакеи в великолепных ливреях; все это общество окружали ряды испанской папской гвардии. По ту сторону моста вся дорога была забита движущимися во все стороны толпами народа. Тут были дворяне со своими вооруженными приближенными, послы чужестранных государств, с национальными знаменами, в сопровождении герольдов и блестящей свиты; городские цехи со значками, префект города Рима с белым знаменем, а

со всех сторон на стенах, на выступах холмов толпилось множество простых зрителей.

Герцог едва успевал бросить беглый взор на эти приготовления, как к нему подъехали Паоло Орсини с сэром Реджинальдом и дон Мигуэль.

— Вителлоццо просит извинить, герцог, — сказал Паоло. — Он не решается кому бы то ни было передать командование своими варварами.

— Он все еще не доверяет нам, Паоло? — печально спросил Цезарь. — Неужели нет средств, которыми можно было бы убедить его в нашей искренности? Мы будем тогда просить его ехать в город впереди нас и поселиться вблизи дворца Колонна, так как не желаем никакой другой охраны, кроме его храбрых варваров. Идите, дорогой Паоло, и скажите ему это!

— Так, значит, дворец Колонна конфискован? — смущенно спросил Паоло, хотя это указание явно свидетельствовало о полном разорении фамилии, с которой его род так долго вел упорную борьбу.

— Полагаешь ли ты, брат, что было бы разумно оставить гнездо, когда истреблены осы? — возразил Цезарь. — А где благородный иоаннит? Ему следовало бы разделить с нами эту пышную встречу.

— Он остался далеко в арьергарде, чтобы на свободе отдаться своим мрачным мыслям, — угрюмо ответил Паоло и после краткого раздумья поспешно отправился к Вителли.

— Могу ли я просить вас, благородный английский рыцарь, возвестить о нашем прибытии нашим друзьям на мосту? — с такой утонченной вежливостью промолвил Цезарь, что сэр Реджинальд не смог отказаться и, хотя и с неудовольствием приняв на себя обязанности герольда, поскакал к мосту. — О, мой Никколо, не беспокойся, когда-нибудь я отмщу за твоих республиканцев! — прошептал Цезарь и в его глазах засветилось так долго подавляемое бешенство.

— Может быть, ваша светлость прикажете разбить палатку, чтобы ради пышных торжеств одеть какой-нибудь блестящий костюм? — спросил Мигуэло.

— Не знаю, какой из моих нарядов мог бы выделиться среди этого пурпура и блеска, — сказал герцог. — Чтобы здесь быть замеченным, следует одеться попроще. Я одену свое самое плохое платье — черный шелковый камзол, тот самый камзол, который был на мне на похоронах герцога Гандийского. Это — траур по брату, который заткнет болтунам их лживые рты, и все в моей свите пусть будут одеты в траурные костюмы.

Палатка была наскоро разбита в стороне от дороги; тем временем тяжелою рысью проехали всадники Вителлоццо. Пришел ли Вителлоццо, несмотря на свое недоверие к Цезарю, к убеждению, что ему неловко отклонить его просьбу, или, может быть, именно поэтому рассеялись его опасения, но он согласился и несколькими минутами раньше Цезаря проехал через Понте-Молле.

В своем черном шелковом камзоле, украшенном лишь тяжелой золотой цепью, герцог выделялся более, чем это удалось бы ему в его самом блестящем наряде. Берега Тибра, бывшие так часто свидетелями возвращавшихся победителей, снова огласились приветственными криками. Пиетро Медичи с опущенным забралом проехал вместе с Вителлоццо в город, и по сторонам Цезаря ехали только Орсини и Макиавелли. Мигуэлото с тайным поручением был отправлен в арьергард.

Лишь только герцог стал приближаться, церемониймейстер, ожидавший подходящего момента, поклонился особам, которые должны были первыми встретить Цезаря Борджиа, и в ту же минуту три кардинала выехали на своих мулах вперед; первый был человек почтенный, и его спокойное, сосредоточенное лицо импонировало своим благочестием; двое других были еще молоды и оба прекрасно сложены; один выделялся серьезным и гордым достоинством, другой — бурной живостью, более свойственной рыцарю, чем священнику. Первый был кардинал Медичи, впоследствии папа Лев X¹; другой — кардинал Адриан Корнето.

Приветственные клики раздались снова и смолкли, когда кардинал и герцог встретились, и достопочтенный прелат преподал ему благословение церкви, а затем в латинской речи стал прославлять его геройские подвиги. Цезарь Борджиа слушал с обнаженной головой, смиренно склонясь над лошадью, благодаря чему торжественная речь несколько раз прерывалась ее громким ржанием, что вызывало сердитые взгляды церемониймейстера.

Не успел старый кардинал окончить свою речь, как к поезду, несмотря на предупреждения Бурхарда, приблизился почтенный дворянин, пешком, в сопровождении одного кардинала, одного прелата, нескольких кавалеров и двадцати лакеев в красных и белых ливреях с гербами Орсини. Последние слова приветствия были прерваны объятиями Паоло Орсини и его семейства. Почтенный дворянин был его отец, герцог Гравина. Понятие о могуществе этого дома

¹ Лев X, Джиованни Медичи (1475—1521) — римский папа с 1518 г.

можно было составить, если представить, что среди тех Орсини, которые теснились, чтобы приветствовать наследника их главы, находились семь баронов, один кардинал, один архиепископ и множество подчиненных дворян, которые тем не менее все владели вблизи Рима или замками, или укрепленными крепостями. Сморщенные щеки старого Гравина были орошены слезами, несмотря на все его усилия скрыть их, глубокие рыдания потрясли его старческую грудь, когда он прижимал к сердцу сына. Даже Цезарь, казалось, был тронут, так как он отвернулся в сторону, как бы желая скрыть свои чувства, но те, кто внимательно наблюдал за ним, заметили в его чертах скорее иронию, чем сочувствие.

Бурхард предложил посланникам принести свои приветствия, и дипломатический корпус немедленно пришел в движение, причем каждый стремился выехать вперед, церемониймейстер же громким голосом пытался привести в порядок расстроенные ряды. Английский посланник, человек серьезный и представительный, в сопровождении свиты молодых кавалеров выехал вперед с такой стремительностью, что очутился в одно время с послом императора, который по положению имел преимущественное право на первое место.

Произошло всеобщее замешательство, и прочие посланники приблизились к герцогу со своими приветствиями в таком беспорядке и с такой поспешностью, что Цезарь со смехом воскликнул:

— Эй, господа, вы сломаете друг другу шпоры!

— Никто не посмеет коснуться моих шпор, прежде чем разможит мне голову! — с бешенством воскликнул испанский посол.

— Испанцы любят похвастаться! — возразил французский посол, блестящий рыцарь, гордо восседавший на своем коне, и бросил презрительный взгляд на испанца.

— Ах, мой благородный д'Обиньи! — поспешно воскликнул Цезарь, протягивая руку послу могущественной державы, которую он совсем недавно оскорбил. — Никогда вид твоего победоносного шлема не доставлял мне большей радости, так как я вижу, что на нашем мирном торжестве ты являешься в полном вооружении.

— И я не сниму его до тех пор, пока не получу приказ от своего короля из Милана, — гордо ответил француз, и Цезарь отвернулся от него, чтобы приветствовать испанца.

Пока посланники поздравляли герцога, Орсини выискивал в толпе своих спасителей, чтобы представить их отцу. Но Реджинальд, оскорбленный Цезарем, переехал мост, а иоаннит уже давно не показывался. Бурчиардо, предоста-

вив сперва посланникам время для приветствий, нашел нужным закончить их и, вмешавшись в толпу, заявил герцогу, что его царственная супруга уже давно ждет его на другом конце моста.

Супруга Цезаря ожидала его, сидя на иноходце, покрытом белым шелком; два конюха в расшитых золотом ливреях держали его под уздцы. Над нею был раскинут пурпурный балдахин с французскими лилиями и королевской короной, который поддерживали четыре рыцаря. Это была молодая живая француженка, кокетливая и вертлявая, но при виде своего грозного супруга она притихла и побледнела. Ее окружал сонм прекрасных женщин, из которых состояла ее свита, и гордые жены римских патрициев.

— Смотрите-ка, сосед, как он целует у нее руку, а глазами-то рыскает среди придворных дам! — сказал в толпе рыцарь уродливому карлику, который стоял рядом и с улыбкой злобной радости царапал себе голову.

— Так как же иначе-то, сосед! — ответил карлик. — Ведь для него они все — более старые знакомые, чем эта северная девушка. Разве вам не известно, как Цезарь, чтобы избежать скандала, весь свой гарем назначил в свиту своей жене?

В это мгновение шум, поднявшийся в толпе, привлек всеобщее внимание. При переезде через мост посланники затолкали друг друга и, переехав на другую сторону, почти окончательно перессорились; каждый упрямо отказывался уступить дорогу другому. Только с послом императора не вступали в спор из-за первенства, но зато послы Франции, Испании, Англии, Неаполя и Наварры с жаром оспаривали друг у друга первое место. Напрасно Бурхард приводил множество доказательств, по которым ясно было, кому какое место принадлежит в процессии; его голос заглушался общим шумом. Уже обнажились и сверкнули в воздухе мечи; еще немного — и началась бы жестокая сеча. Тогда дряхлый кардинал Сиенский направил своего мула между спорившими и готовившимися вступить в схватку посланниками и воскликнул:

— Разве вы не знаете, безумцы, что отлучение от церкви и вечные проклятия ждут всякого, кто в эти святые дни христианской любви и всепрощения обнажит меч или кинжал или поразит кого-нибудь в слепой вражде копьем?

Эти слова возымели мгновенное действие: поднятые копы опустились, мечи были вложены в ножны, и хотя и неохотно, но, все еще бросая свирепые взоры, рыцари заняли назначенные им места.

Тогда английский посланник заметил принимавшего участие в общей свалке Реджинальда и, радостно приветствовав земляка, пригласил его к себе во дворец. Но в то же мгновение появился Паоло Орсини; он издали услышал голос своего друга и так энергично стал упрашивать его поехать к нему, что Лебофор отклонил предложение посланника и принял гостеприимное приглашение Орсини, в особенности когда узнал, что Паоло нашел Бембо и поручил ему пригласить иоаннита.

Поезд, наконец, тронулся и, несмотря на спускавшиеся сумерки, по-прежнему представлял блестящее зрелище. В тот момент, когда процессия подошла к городским стенам, на всех римских церквах зазвонили колокола, и звон не прекращался, пока процессия двигалась по городу. В то же время на всех семи холмах засияли бенгальские огни и над темными кипарисами, дворцами и руинами загорелись огненные пирамиды. По обеим сторонам Корсо дворцы были украшены драгоценными коврами и знаменами, через улицу были перекинута триумфальные арки с символическими приветствиями.

С Корсо процессия, чтобы попасть к замку Святого Ангела, повернула на площадь Навона. В этом квартале помещалась главная резиденция Орсини — громадное четырехугольное строение, окруженное дворцами самых значительных вассалов этого знаменитого рода, все же улицы были заселены или их ленниками¹, или их клиентами². Здесь же находились их крепость Монте-Джиордано и дворец Массими, их верных союзников и родственников. Квартал тянулся до поворота реки против островов, где на развалинах театра Марцелли возвышалась их мощная крепость, которую они скромно называли палаццо Орсини. Все это являлось укрепленным лагерем, узкие и мрачные улицы которого были заграждены цепями, а на каждом повороте грозили отверстые жерла пушек.

Процессия выехала на площадь. Кругом было тихо, темно и жутко; вдруг заревели трубы; точно по волшебству на середине площади до самых крыш взвивались ракеты и с мостовой, словно из-под земли, выскочили вооруженные люди с гербами Орсини. Цезарь невольно

¹ Ленник — вассал, пользовавшийся леном, — земельным владением, получаемым от синьора на условиях несения службы (главным образом военной).

² Клиент (лат. *cliens*) — в Древнем Риме и Средневековье — неполноценный гражданин или свободный человек, находившийся в зависимости от своего синьора и пользовавшийся его покровительством и защитой.

вздрыгнул в седле и схватился за кинжал, но в следующее же мгновение он убедился, что здесь не было никакой измены, и сам присоединился к раздававшимся крикам: «Орсо! Борджиа! Орсо!»

Несмотря на такой торжественный прием, Цезарь почувствовал облегчение, когда они миновали квартал Орсини и приближались к мосту Святого Ангела. Однако при виде реки он внезапно побледнел и его глаза сверкнули недобрый огоньком. Одни в этой перемене увидели действие воспоминания об ужасном преступлении, потому что как раз перед ним возвышалась гробница одного из бывших властителей мира, куда положили его брата Гандийского после извлечения его из вод Тибра. Другие же, настроенные более дружелюбно, считали это выражением волнения и печали, какими наполнялась его душа при сравнении своего славного триумфа с ужасной судьбой брата.

Но все эти предположения вскоре были вытеснены событиями более важными. Посредине обширной площади, перед мостом, полки Вителлоццо остановились словно в боевом порядке, и Цезарь был чрезвычайно удивлен и раздосадован этой внезапной задержкой. Однако к нему сейчас же подъехал Вителлоццо и с торжествующей миной, но голосом, полным сожаления, сообщил Цезарю, что его немцы отказываются склонить свои знамена перед знаменами церкви, потому что швейцарцы и гасконцы, занимавшие крепость, вывесили свои знамена на нижних валах и поэтому такая честь могла быть принята как привет этим наемникам, что не хотели допустить их немецкие соперники. Гасконцы же грозили, что начнут стрелять, если немцы проедут, не отдав чести.

Лицо Вителлоццо светилось такой злобной радостью, словно он задал генералу церкви неразрешимую задачу, и от острого взгляда Цезаря не укрылось это выражение.

Он на мгновение задумался, но нашел удачный выход.

— Комендант замка Святого Ангела должен явиться ко мне с рапортом; мне сдается, что я — все еще главнокомандующий! Где дон Мигуэлото? — спросил он оглядываясь.

Каталонец ехал во главе старой гвардии Цезаря и, по знаку последнего, моментально очутился около него.

Одновременно с ним приблизился комендант замка Святого Ангела с громадной связкой ключей, которую он, вероятно, предполагал из вежливости поднести главнокомандующему.

— Как? Или мы ошибаемся? — покраснев воскликнул Цезарь, когда перед ним появился толстый швейцарец. —

Перлингер?.. Тот самый, которому я раз и навсегда запретил даже смотреть на римскую землю! Убийца, что ты тут делаешь? — И, внезапно нагнувшись, он вырвал у измученного швейцарца ключи и передал их каталонцу. — Возьми своих людей, — обратился он к Мигуэлото, — и скажи швейцарцам и гасконцам, чтобы они со своими знаменами немедленно присоединились ко мне по ту сторону моста, чтобы сопровождать меня в Ватикан! До тех же пор вы, немцы, никого не пропускайте на ту сторону и, если на вас все-таки нападут, выкручивайтесь как знаете. А ты, Мигуэлото, отныне комендант замка Святого Ангела.

Сверкающий взор Цезаря упал на смущенное лицо Вителлоццо; на последнем было написано теперь такое жалкое выражение, что Цезарь разразился громким хохотом, к которому присоединились и все присутствующие. На устах Макиавелли блуждала насмешливая и вместе с тем печальная улыбка.

Вителлоццо какое-то время находился в нерешительности; он взглянул на Орсини, но те также смеялись. Тогда он перевел взгляд на своих солдат; они усталые сидели на измученных лошадях, и он также расхохотался.

Вдруг раздался привлекший общее внимание страшный взрыв, словно извержение вулкана, и из вершины замка Святого Ангела показалось целое море огня.

XV

Поначалу все подумали, что швейцарцы и гасконцы пришли в бешенство из-за приказа, тотчас переданного им Мигуэлото, и взорвали крепость на воздух. Но ужас превратился в изумление, когда растекавшееся во все стороны пламя вдруг собралось в одно место и образовало огненную пирамиду, основание которой было так же широко, как вершина башни. Затем пирамида, казалось, поднялась на воздух, а из ее основания образовался огненный лавровый венок. Вслед за этим над зубцами внезапно взвилось черное облако, послышались как бы удары грома и кругом засверкали молнии. Постепенно облако посредине становилось все тоньше и все светлее, пока, наконец, сквозь него, словно сквозь кисею, не показалась фигура женщины. Ее лица не было видно, но, судя по очертаниям ее форм, она была красавица. Ее длинные черные волосы развевались по ветру и были украшены серебряной короной. На ней было черное одеяние, вокруг которого обвилась серебряная змея. По-ви-

димому, она занималась колдовством, так как над головой держала золотую ветку яблони с золотым же плодом.

— Спаси нас, Пресвятая Дева! Что это значит? — часто крестясь, сказал Вителлоццо испуганному Перлингеру.

— Несомненно, дело рук волшебницы замка Святого Ангела! — ответил ошеломленный комендант.

— Какой волшебницы, дурак! — свирепо крикнул Цезарь.

— Монахини, заточенной здесь, которая была выкрадена из монастыря языческим султаном, синьор, — заикаясь ответил швейцарец.

— Корона и лавровый венок! Это — Фиамма! — воскликнул Цезарь.

В толпе раздались бурные выражения восторга, и Цезарь, взволнованный роскошным видением, с величием императора, принимающего корону, поклонился народу. Но в ту же минуту его лицо смертельно побледнело, он заскрежетал зубами и дико уставился взглядом в одну точку.

В это время, к счастью, раскрылись широкие ворота замка, и во главе гасконцев и швейцарцев появился Мигуэлото.

Близость опасности, казалось, снова привела в себя Цезаря. Он кивнул коменданту, только что смещенному им, и с хриплым смехом сказал:

— Пожалуй, вы были правы, полковник; легко могло случиться несчастье, если бы вся эта масса всадников направилась через мост. Поэтому можете отправиться к ним и оставайтесь там, пока не получите дальнейших приказов от своего генерала, достопочтенного кардинала Сиенского. Мы же не возьмем с собой нашу царственную супругу, чтобы весь христианский мир видел, что, по крайней мере, мы не введем женщину в апостольский дворец.

Швейцарец изумленно вытаращил на Цезаря глаза и поспешно направился к солдатам, остановившимся на мосту по его команде, но гасконцы устремились вперед и криками радости приветствовали герцога.

— Ха, по крайней мере, мои храбрые наездники из Перигора не позабыли меня! — воскликнул Цезарь и вмешался в ряды солдат, большинство которых он знал по имени.

В это время Паоло Орсини уговаривал Вителлоццо отказать от нападения на швейцарцев, которое взволновало бы весь город и успех которого был еще, кроме того, весьма сомнителен. Вителлоццо мрачно согласился спокойно дожидаться возвращения Паоло, если тот будет так счастлив, что ему удастся вернуться. Таким образом, враждебные отряды были разделены рекой Тибром.

— Ну, что вы видите теперь, едкий сатирик? — спросил иоаннит уродливого карлика, снова очутившегося рядом с ним в толпе.

— Разве вы не видите по его веселому лицу, что он говорит своей жене: «Бог с тобою до следующего свидания»? — ответил урод. — В один прекрасный день он скажет это ей, в противном случае волшебство нашей древней праматери Гекаты¹ потеряло свою силу.

— А почему она не сопровождает его в Ватикан?

— Разве вам не известно, что доступ туда строго запрещен всем женщинам, если только верить древним песнопениям, которые попы называют канонами и буллами?

— А я не говорил тебе, что донна Лукреция будет жить во дворце и, несомненно, с целым штатом своих дам? — резко спросил рыцарь.

— «Ergo, te semper cupiet, Lucretia, Sextus!»² — ответил карлик, хихикая и потирая руки.

Процессия снова двинулась. Иоаннит пришпорил своего коня, чтобы догнать торжественный поезд, и с трудом протиснулся сквозь густую толпу, стремившуюся к площади Святого Петра.

Замок Святого Ангела погрузился в темноту, зато стали вырисовываться светящиеся очертания Ватикана.

Иоанниту было интересно взглянуть на встречу отца с сыном — папы Александра с Цезарем, — но он старался держаться как можно дальше за прелатами и дворянами и, как принадлежавший к процессии, был впущен со всеми в Ватикан. Пышное шествие в стройном порядке направилось в зал Реджиа и вошло туда в тот момент, когда папа спустился по широкой лестнице. За папой следовал бесконечный хвост официалов³ в раззолоченных мундирах, светских и духовных паломников, стоявших на высших ступенях иерархической лестнице, прелатов из отдаленных мест, князей, грессмейстеров значительнейших европейских рыцарских орденов, монахов и личной стражи.

Папа обладал величием Юпитера; его высокий рост, благородные черты лица, деспотический взгляд огненных

¹ Геката — в греческой мифологии богиня мрака, луны, преисподней, а также чародейства, магических таинственных сил природы, повелительница духов и привидений.

² «Следовательно, тебя, Лукреция, постоянно будет желать Шестой».
(лат.)

³ Официал (лат. officialis) — начиная с XIII в. у католиков — сведущий в каноническом праве священник при епископе для ведения духовных тяжб и брачных дел; церковный судья.

глаз — все выдавало в нем благородное происхождение. При более внимательном рассмотрении можно было заметить, что годы уже сделали свое дело, следы горячих страстей наложили на него свой отпечаток, горе, заботы и печаль избороздили его лицо морщинами. Семьдесят лет жизни оставили свой след; но если припомнить бурную жизнь Александра, все перенесенные им испытания, горе и радости, триумфы и поражения, то можно было лишь удивляться силе его души, с таким достоинством нес он тяготы жизни.

Процессия Цезаря моментально остановилась, и Цезарь, под руку с Паоло Орсини, выступил вперед. Он был бледен, но глаза его горели и беспокойная живость представляла собою резкую противоположность серьезной, неподвижной величавости папы. В выражении лица Александра заключалось удивительное смешение разнообразных чувств. Здесь смешивались горе и гордость, подозрительность и нежность, отцовская любовь и опасение монарха, принимающего приветствия опасного подданного, готового бороться с ним за власть.

Три золотые подушки, положенные Бурчиардо на полу на определенном расстоянии перед лестницей, указывали места, где герцог должен был преклонить колени. Он быстро проделал эту церемонию, когда же он поднялся с последней подушки, церемониймейстер вскинул свой жезл, и в зале воцарилась тишина.

— Я явился сюда, святейший отец, — начал Цезарь, — чтобы с благоговейной нежностью облобызать ваши ноги и выразить вам свою горячую благодарность за все почести, за все благодеяния, какими я был осчастливлен во время долгой разлуки; за эти дорогие знаки благодеяния я считаю себя особенно взысканным сыном нашей святой матери-церкви и надеюсь выразить свою вечную благодарность посвящением своей жизни службе апостольскому престолу и святой коллегии.

Последовала небольшая пауза, а затем папа ответил:

— Доныне мы были вполне довольны вашими действиями и принимаем ваши слова, как залог вашей верности и постоянной преданности, которые мы неизменно будем награждать еще большими почестями. Для поддержания своего величия святейший престол не нуждается ни в землях, ни в богатствах, но, чтобы сохранить за ним признание его господства и уважения к нему, мы намерены предоставить вам силу и могущество на страх тем, которые делают тем более дерзкими, чем больше милостей оказывается им!

Последние слова задели многих из присутствующих, и Цезарь бросил многозначительный взгляд на Орсини; затем

он направился поцеловать крест на туфле его святейшества. Но он получил, кроме того, еще поцелуй в щеку — честь, оказываемую почти исключительно владетельным князьям и членам святой коллегии.

После этого Цезарь знаком пригласил Орсини.

— Среди этого собрания, святой отец, нет никого, кого мог бы еще задеть ваш упрек, — промолвил он. — Синьор Паоло находился на пути принесения к вашему престолу покорности и преданности самых могущественных мятежников, когда с ним случилось несчастье.

Молодой дворянин подошел ближе и преклонил колени у ног Александра.

Последний, к величайшему смущению церемониймейстера, немедленно поднял Паоло, поцеловал его в обе щеки и воскликнул с горячностью, которая едва ли могла быть неискренней:

— Приветствую тебя, трижды приветствую тебя, вернувшегося, как пророк Иона из пасти китовой, возлюбленный сын мой! Разве тебе неизвестно, что мы намеревались обнажить меч святого Петра и лично прийти к тебе на помощь? Не впервые мне было бы опоясать себя оружием; неверные гренадские мавры — мои свидетели!

Орсини на эту милостивую речь ответил с подобающим смирением и благодарностью и, испросив затем позволение представить его святейшеству одного из своих спасителей, знаком пригласил Реджинальда. Юный рыцарь с безмолвием последовал этому приглашению.

— Мы слышали, что тот был рыцарем святого Гроба Господня, а это не он? — милостиво проговорил папа. — Подойди ближе, юноша, и прими благословение Неба за христианское деяние!

— Святейший отец, я недостоин его! — смиренно преклонив колени, ответил Реджинальд.

— Тем достойнее, если ты так думаешь. Или ты только так говоришь? Но в твоём выговоре есть что-то заморское! Он, может быть, твой земляк, Бурчиардо?

— Я не знаю, считать ли его саксонцем или французом; мне думается, святой отец, он — ни рыба ни мясо, — ответил церемониймейстер.

— Более рыба, так как я — англичанин, — сказал Реджинальд, причем его бойкость вернулась к нему.

— Ха, а что поделывает ваш король? — воскликнул папа. — Может быть, на этот святой праздник ты явился от него с каким-нибудь поручением? Поистине, я боюсь,

что неизмеримые сокровища, собранные им, словно свинцовая гора лягут на его мятежную душу.

— Рыцарь приехал из Феррары, святой отец, где он долго пробыл, — заметил с ударением герцог.

— Из Феррары? Как поживает добрый герцог? — спросил папа, внезапно переменив тон. — Мне думается, что, раз он исторг у святого престола все свои города и земли, он мог бы почтить нас особым посольством.

— Да вот здесь имеется мессир Пиетро Бембо, — внезапно оборачиваясь, сказал Цезарь и указал на священника, который полагал, что в толпе его не заметят. — Может быть, он уполномочен на такое поручение.

— Святейший отец, — испуганно произнес Бембо, — покорность моего повелителя вашему святейшеству столь неизменна, что лишнее подтверждение ее могло бы возбудить такое же подозрение, как если бы какой-нибудь ювелир, продавая бриллиант, стал уверять, что в нем нет ни единого изъяна.

— Мессир Бембо, вы — поэт и итальянец, я же — человек простой и прирожденный арагонец, — резко произнес Александр, глубоко презиравший итальянцев. — Но мы слышали, что вас сопровождал синьор Вителлоццо ди Кастелло. Где же он?

— Он явился с тысячью ландскнехтов, чтобы получить от вас отпущение грехов, — заметил с особым ударением Цезарь. — И они принудили меня занять замок Святого Ангела моей гвардией и вывести оттуда швейцарцев и гасконцев.

— Что вы говорите! — воскликнул Александр, по-видимому, неприятно пораженный этим известием.

— Немцы — гордые люди. Вителлоццо не мог заставить их склонить знамена перед знаменами швейцарцев, а те пригрозили, что начнут стрелять в нас, — поспешно заявил Орсини.

— Как, и мои швейцарцы поднимают мятеж? Где Перлингер? — спросил Александр, и его мрачный взор предвещал бурю.

— Я сместил этого раба, — быстро ответил герцог, — он принадлежал к числу грабителей... в войске кривоногого короля Карла, хотел я сказать.

— Так, значит, вы не слышали, что я дал ему и его товарищам полнейшее прощение? — спросил папа.

— Может быть, к лучшему, что так случилось. В эти дни замок Святого Ангела должен быть в верных руках! — со значительным взглядом проговорил герцог. — И если напомним

нить старые слова, брошенные им в лагере у Фаэнцы, то, кажется, будет лучше, если он останется по ту сторону реки.

— Да ведь не сам Вителлоццо произнес эти грозные слова, а его горячность, святой отец, и крепкое вино, полный шлем которого он осушил тогда, — быстро вмешался герцог Гравина.

— Господа Орсини действительно достойные свидетели, так как они все были при том, когда Вителлоццо выражал надежду низвергнуть ваше святейшество с престола святого Петра! — примирительным тоном произнес Цезарь.

— Ну, оставим это! — сказал папа. — А теперь, сын мой, поспеши вознести мольбы у престола святого Петра!

— Но прежде, я думаю, необходимо, чтобы Орсини заставили своих друзей отойти от замка Святого Ангела, а я позабочусь о размещении своих войск; в противном случае может произойти несчастье, — сказал герцог.

— У вас много войска, Цезарь? — с видимым беспокойством спросил папа. — Мы просили вас не слишком переполнять город в эти дни, так как мы и без того принуждены открыть свои старые запасные магазины, чтобы верующим в стране обетованной не было недостатка в пище и питье.

— Это главным образом — вельможи из Кампаньи со своими свитами и отряд честных каталонцев, — равнодушно промолвил Цезарь.

— Послушайте, герцог, — после небольшого размышления начал папа, — мы не желаем, чтобы войска были размещены по эту сторону Тибра, и во избежание столкновений отзовем швейцарцев в Ватикан. Об остальном же кардинал Сиенский стоворится с вами.

Герцог поклонился с насмешливой улыбкой.

— Меня радует, — сказал он, принимая огорченное выражение, — что ваше святейшество дает мне в сотрудники человека, честность и прямота которого могут противостоять всем благам, какими дьявол искушал нашего Господа; да, да, ведь действительно тяжело карать изменников. У меня до сих пор обливается сердце кровью при мысли о черной неблагодарности и измене, за которую я вынужден был наказать дона Ремиро, подесты, которого ваше святейшество, святая коллегия и я сам облекли высоким доверием!

— Что с ним случилось? — побледнев, воскликнул папа.

— Он осужден и четвертован, вернее, распилен пополам, — спокойно ответил Цезарь. — Подробности же его измены я должен отложить до тайной аудиенции у вашего святейшества.

Папа был, очевидно, ошеломлен этим известием, но не выдавал волновавших его чувств.

— Такой случай не терпит отлагательства, и мы немедленно желаем выслушать ваши доводы. А вы, синьор Паоло, можете тем временем возвращаться к себе и позаботиться о предотвращении всякого возмущения, приказав швейцарцам явиться сюда и заставить Вителли вернуться со своими немцами в свой лагерь.

Затем он простер свои руки, громко произнес благословение и, сопровождаемый герцогом и свитой, поднялся наверх.

Блестящее собрание быстро разошлось. Иоаннит подождал, пока не удалился Орсини, и поспешил, как он думал, незамеченным покинуть дворец. Но на ступеньках портика внезапно почувствовал, как кто-то осторожно дотронулся до его руки. Это был Бембо, который, тяжело дыша, пошел рядом с ним.

— О, мой высокий господин, — молвил он, — Орсини повсюду ищут вас и желают вашего присутствия в их дворце. Мне поручено привести вас.

— Но в мои намерения вовсе не входит поселиться у Орсини, мессир Пиетро, — ответил принц. — Ты знаешь, у меня есть дело в этом городе — мой обет, привести который в исполнение во дворце жениха Лукреции Борджиа не совсем удобно. Скажи им, что я обязан выполнить священный долг своего ордена, он и в действительности священный. Моему же брату Реджинальду скажи, что даже инкогнито мне не хотелось бы пить вино человека, который, может статься, делается моим врагом, моим соперником!

— Как, вы не хотите идти во дворец Орсини, где мы находились бы в полной безопасности? — печально протянул Бембо.

— Нет, Пиетро, тебя я не хочу лишать удобств, — улыбаясь, возразил рыцарь, — тем более что твое пребывание в этом дворце будет служить моим намерениям. Но ты можешь увидеть меня, когда захочешь, так как свой страннический посох я думаю водрузить вон в той гостинице.

— Итак, предубеждения вашего высочества несколько непоколебимы? — нерешительно спросил Бембо. — О, как прекрасна эта Лукреция!.. Парис, наверное, предпочел бы ее Елене и скорее отдал бы яблоко ей, чем Венере.

— Тем больше это убеждает меня. Нет такой добродетели, нет такой низости, на которые не могла бы заставить решиться подобная красота! — страстно воскликнул принц.

— Но я обязался перед вашим досточтимым батюшкой ни на одну минуту не спускать с вас глаз, принц, — сказал Бембо. — Где вы, там должен быть и я.

— С кем вы имеете дело: с ребенком или со взрослым человеком? — серьезно промолвил принц Альфонсо д'Эсте. — Если вы даже не пожелали воспользоваться гостеприимством Орсини, нам все равно нельзя было бы оставаться вместе, потому что в вас уже подозревают посланника моего отца. Я дал вам приказание, и ваша обязанность повиноваться без возражений. А теперь покойной ночи!

С этими словами иоаннит направился к месту, где оставил своего коня и оруженосца. Бембо тоже сел на своего мула и поехал потихоньку ко дворцу Орсини.

XVI

По валам замка Святого Ангела, близ круглой башни, медленно прохаживались два человека, причем один шел почтительно немного позади, хотя оба вели дружескую беседу. Это были Мигуэлото и Цезарь Борджа.

— Но тем не менее, высокий господин, иллюминация этого замка выходила за пределы человеческого искусства, — сказал каталонец. — Несомненно, донна Фиамма лишь для вида пользовалась услугами ваших верных гасконцев и турецких рабов, но некоторые из них видели страшных, сотканых из света и тьмы духов, которые летали вокруг и повиновались приказаниям донны Фиаммы.

— Все великое народ считает сверхъестественным, измеряя его мерой собственной глупости, — ответил Цезарь. — Но ты увидишь, что и душа Фиаммы, несмотря на то что она обладает великими тайнами, склонится предо мной, словно пламя перед жезлом чародея.

— Клянусь душою, ваша светлость, на что же она может еще надеяться, как не на ваше милосердие?

— Да, а она любит меня, — с иронической улыбкой продолжил Цезарь и более печально прибавил: — И, может быть, только она одна из всех красивых дур, которые говорили мне о своей любви. Поистине, Мигуэлото, я — настоящий платоник: я вечно стремлюсь к идеалу красоты и во всех ее формах нахожу одно разочарование!

— По моему глупому мнению, синьор, — ведь я не ученый, — донна Лукреция в совершенстве подходит к идеалу, — сказал Мигуэлото и с ужасом заметил, что его повелитель остановился, как будто наступил на змею.

— Ты повторяешь традиционные речи, — ответил Цезарь, быстрыми шагами продолжая путь. — Разве она так же знаменита в Италии, как Елена Прекрасная в Греции, даже еще более знаменита, так как, я думаю, тебе известно, Мигуэлото, что добрая слава лежит, а дурная бежит.

— Не удивительно ли, что донна Лукреция должна жить в Ватикане?

— Будет еще удивительнее, если эта мера предосторожности не накличет на нее еще более дурной славы! — ответил герцог. — Где теперь Фиамма? — после паузы спросил он.

— С ужасными сестрами из гетто¹ она совершает какое-то волхвование вон в том мавзолее, — ответил Мигуэлото, указывая на громадную круглую башню. — Я думаю, она варит любовный напиток, чтобы снова приворожить вас.

— Тогда я начну верить в ее науку, — шутливо промолвил Цезарь. — Честное слово, мне сдается, что будто моя старая любовь снова возрождается из пепла. Я думаю, что некогда я любил Фиамму, прежде чем полюбил честолюбие! А не слыхал ли ты про одного человека, которого я пригласил сюда, про волшебника, перед искусством которого фокусы этих баб из гетто и Фиаммы развеются как дым, а именно про некоего дона Савватия?

— Нет, ваша светлость, ведь всего несколько часов, как я — комендант этого замка.

— Мигуэлото, — резко спросил герцог, — как ты думаешь, почему я питаю такую постоянную и непримиримую ненависть к мужьям и женихам своей сестры?

— Потому что... потому что... черт меня возьми, если я знаю почему? Может быть, потому, что вы всех их не считаете достойными вашего будущего величия, — ответил Мигуэлото, задрожав под острым, змеиным взглядом Цезаря.

— Отчасти, да, — довольным тоном ответил Цезарь, — но также и потому, что этот самый книжник, дон Савватий, рядом с ожидающим меня величием императора показал мне тени потомков моей сестры, причем они были увенчаны диадемами, блеск которых, как мне показалось, затмевал сверкание короны Карла Великого². Но потерплю ли я, что венец, который я должен добыть такими неверо-

¹ Обособленный квартал в Риме, где жили только евреи

² Карл Великий (742—814) — франкский король с 768 г., император с 800 г., из династии Каролингов

ятными усилиями, не перейдет к моим потомкам, которых я надеюсь оставить после себя?

— Это было бы неразумно, — согласился комендант. — Но меня удивляет, что его святейшество не устает выдавать донну Лукрецию все время замуж, когда ее мужья так быстро покидают наш бранный мир.

— Видишь ли, эти браки — вовсе не плохое средство опровергать злую молву, а его святейшество дорожит мнением света. Теперешней помолвкой с Орсини ему хочется пустить пыль в глаза всему христианскому миру. Впрочем, здесь кроется, пожалуй, еще более тонкая политика. У его святейшества мне оказали дурные услуги: он очень странно принимал известия от дона Ремиро, а Лукреция... Но что можно сказать про поступки женщины? Пусть народ думает самое худое, но, полагаю, что сам понимаешь, Мигуэлото, — император и папа не могут сидеть на троне в Риме! Ну, ну, я пошутил, — прибавил он, увидев, что его суетливый наперсник нахмурился. — Но вспомни, ведь трон святого Петра был сооружен из самого простого дерева, и я сделал бы только то, чего требовали в последнее время многие христиане. Что ты скажешь, если в советники я возьму себе аскета Ланфранки, который в состоянии смести всю пышность, окружающую папский престол? За такое великое дело небо послало бы нам прощение за многие мелкие прегрешения; кроме того, я лелею мечту освободить Гроб Господен. Кстати, мне пришлось в голову... что случилось с нашим иоаннитом?

— Не знаю, синьор. Я только один раз видел его во время шествия.

— Он — очень молчаливый человек, и мне необходимо побольше разузнать о нем, — задумчиво промолвил Цезарь. — И какой он угрюмый! Ты не заметил, как немилостиво он принял благодарность Лукреции? Ах да, ты видел, как струсил Датарий, когда я рассказал ему про подесту? Он оказал мне немало услуг, но почему же он испугался?

— Может быть, потому, что скрывает в сердце такую же измену, как покойный дон Ремиро. Да вам беспокоиться нечего: ведь наши две аптекарши еще не скоро исчерпают запас своих трав, несмотря на то что этот товар идет ходко.

— Но эти травы опасны, да к тому же предательство, обычно необходимое для того, чтобы кого-либо опохать их соками, обходится слишком дорого, чтобы применять их, когда заблагорассудится. Право же, и крикуны Вителлоццо, и наглые вассалы Орсини не стоят этого. Кроме того, час-

тые случаи внезапной смерти вызывают подозрение. Мне нужны два сильных молодца, которые готовы были бы всадить свой клинок так, чтобы народ приписал убийство пьяной ссоре, или без лишнего шума бросить кого-нибудь в Тибр. Не знаешь ли таких?

— Кардинал Сиенский издал приказ, изгоняющий всех бандитов из Рима, — уклончиво ответил комендант.

— Ну, тогда, выходит, консистория издала приказ, направленный против всех тиранов Романьи! — с ироническим смехом сказал Цезарь. — Скажи, где ты отыскал людей, которые поймали последнего мужа Лукреции на ступеньках собора Святого Петра?

— Дурачье, нанесли ему больше дюжины ран, из которых ни одна не была смертельна, так что мне, жалкому слуге вашей милости, тогда только еще слуге, пришлось под конец прикончить его в постели, — мрачно промолвил каталонец.

— Сколько ран, ты сказал? Его мать, должно быть, горько плакала, получив это известие. Но о чем мы говорили? Да, о твоих старых друзьях, бандитах. Они далеко не все исчезли из Рима, как ты пытаешься уверить меня.

— Возможно, что Джиованни из катакомб скрывается еще где-нибудь в укромном местечке, — неохотно ответил Мигуэлото.

— Ну, это как нельзя лучше. Я хотел только знать, на что я в худшем случае могу рассчитывать... в случае, если папа настоит на своем и браком дочери с главою мятежных вельмож превратит в ничто все мои планы! Ты заметил, как сердечно он принял Паоло Орсини и как подозрительно — меня? Плохую службу сослужили мне люди, окружающие моего отца; несомненно, немало там нашептали на меня. Клянусь Пресвятой Девой, когда он воскликнул: «Приветствую тебя, Цезарь!» — его взгляд был полон воспоминаний о моем брате Джиованни.

— Кое-кто в Риме еще может разыскать Джиованни из катакомб; возможно, что он не знает о приказе относительно изгнания бандитов; ведь он не умеет читать, а предписание составлено по-латыни, — заметил Мигуэлото.

— Этого достаточно, раз мы знаем, где в случае нужды нам найти его, — задумчиво произнес Цезарь. — Как жаль, Мигуэлото, что ты — не ученый!.. Ты мог бы тогда прочесть список, которым снабдил меня Датарий и который содержит все имена и адреса начальников черной банды, явившейся теперь в Риме, чтобы получить себе и своим братьям отпущение всех своих смертных грехов.

— Что пользы мне в этом знании, синьор? — с недоумением спросил Мигуэлото.

— Польза была бы только для меня, потому что теперь я принужден прочитать тебе этот список. Ты должен, видишь ли, узнать, как относятся ко мне все эти религиозные мародеры, в особенности те, которые находятся на службе Орсини или благородных неаполитанцев. Если бы все эти господа отошли в вечность, а ведь даже и лучшие из нас должны умереть в один прекрасный день, они стали бы искать себе новых повелителей; разве худо было бы быть на рынке первым? Ты мог бы, кроме того, напеть им те прекрасные песни, которым я учил тебя, а именно про золотые рыцарские шпоры, гражданские звания и так далее, в особенности же начальникам швейцарцев и немцам, которые настолько тщеславны, что каждый из них, кто только не рыцарь, считает себя обиженным.

— Значит, я должен стараться привлечь на нашу сторону даже приверженцев его святейшества?

— Желает господин комендант получить когда-нибудь более высокий титул? — с досадой спросил Цезарь. — Что ты за трусливый дурак? Неужели ты думаешь, что Датарий, первый министр церкви, стал бы поддерживать мои планы, если бы они не клонились ко благу церкви?

— Следовательно, ваша светлость не питаете недоверия к нему?

— Я сотнями глаз наблюдаю за действиями каждого, — ответил Цезарь. — Это, кстати, напомнило мне, что мне необходим хороший свидетель у Орсини. Бедный Анджело, как видно, погиб.

— Старик Гравина вбил себе в голову, что это он уведомил вас о поездке его сына Паоло Орсини в Рим, и повесил его на флюгере своего дворца.

— Что делать!.. Один умер, надо на его место поставить другого. Что, если бы Джиованни из катакомб напал вблизи дворца Орсини на избранного мною человека, и последний стал искать во дворце спасения, а затем под предлогом благодарности поступил туда на службу?

— Превосходный план, синьор!

— Ах ты умница!.. Ты не лишен сообразительности! — иронически заметил Цезарь. — Не мешало бы поставить наблюдателей и у нашей прекрасной сестрицы.

— Нет, синьор, болтливый отец Биккоццо, который все узнает от духовника донны Лукреции, доминиканца Ланфранки, еще никогда не обманывал нас. Меня удивляет,

как серьезный и мудрый Ланфранки может доверяться такому простодушному болтуну, как этот Биккоццо.

— Эге, да ведь и я делаю то же самое! — испуганно крикнул Цезарь. — Впрочем, нет! Я найду людей, которые будут ползать всюду, где я ни пожелаю. Но чародейство моей прекрасной Фиаммы начинает действовать. Итак, ступай и выставь стражу!.. Я пойду к Фиамме приветствовать ее поцелуем солдата, если она не будет разыгрывать недоτροгу.

Вслед за этим он стал спокойно подниматься по узкой лестнице башни и в сопровождении Мигуэлото вошел в узкую калиточку. Они прошли по многочисленным комнатам, убранным со старомодной пышностью; отсюда вел вниз целый ряд винтовых лестниц и коридоров, которые, в свою очередь, соединялись с другими залами, приспособленными отчасти для жилья, отчасти для тюрем. Все посты у входов и выходов были заняты гвардией Цезаря.

— Кто твои самые важные заключенные? Ты успел расспросить о них? — спросил Цезарь, когда они спускались по этим темным лабиринтам.

— Я не смею считать заключенной донну Фиамму, хотя ее обвиняют в ужасном преступлении, а именно в том, что она, будучи монахиней, сделала любовницей магометанина, — ответил Мигуэлото.

— Ну, отношение к ней будет зависеть от того, что она думает. А кто помещается наверху?

— Джакомо Кантано, апостолический протонотарий¹, брат Николая, убитого по справедливому приговору вашей светлости в Сермонете, — ответил комендант. — Говорят, он сошел с ума и целый день виснет у решетки своего окна, глядя на небо, словно ждет оттуда посещения.

— Пусть его ждет! Но что за музыка раздается слева?

— Это музыкант Томазино; из любви к своей повелительнице, Екатерине Сфорца, он отравленными письмами покушался на жизнь его святейшества. Ему оставили флейту, а так как в его темнице царит почти вечный сумрак, то у него нет другого развлечения, кроме музыки.

— Он с таким безнадежным отчаянием дудит в свою флейту, что было бы милостью отправить его самого на виселицу. Ну, пусть живет, проклятый отцеубийца! Но

¹ Протонотарий — один из двенадцати членов папской коллегии, утвержденной для канонизации святых, сопровождения папы при выездах из Рима, записи воли умирающих кардиналов и прочих целей.

здесь очень темно, Мигуэлото, а, судя по холодному и влажному воздуху, мы находимся у входа в пещеру или на повороте.

— Скоро у нас будет достаточно света, хотя я хотел бы подняться и принести лампу, чтобы вы могли видеть удивительно символические картины на стенах, — с легким содроганием произнес Мигуэлото. — Эта галерея ведет к гробнице императора Адриана¹, где донна Фиамма упражняется в своем черном искусстве и, как говорят, по желанию вызывает дьявола! Некоторые утверждают, что она заставила говорить большую каменную голову в коридоре и вызвала дух императора Адриана из его каменного гроба, крышку которого не могла поднять никакая человеческая сила.

— Дальше, дальше и кончай свои бредни! — презрительно произнес Цезарь, но в глубине души и он ощущал жуть.

Всеобщая вера в волшебство и чернокнижие и в этом удивительном человеке нашла своего верного приверженца.

В то же мгновение его внезапно охватило подозрение, что его комендант замыслил измену и завел его в западню. Он выхватил кинжал, и если бы не заметил почти сейчас же в полу галереи отдаленного круглого, как бы исходящего из колодца, отблеска света, то дон Мигуэль, пожалуй, обратился бы в то же состояние, как дух императора, про которого он только что рассказывал.

— Пойди и принеси факел, этот свет будет мне путевой звездой, — сказал Цезарь, пряча кинжал.

Комендант низко поклонился и исчез в темноте.

XVII

Цезарь осторожными шагами приближался к освещенному месту и видел, как красноватый отблеск постепенно все сильнее озарял высокие стены галереи. Герцог подошел к круглому отверстию в полу, похожему на колодец. Посредине возвышалась массивная гранитная колонна, с которой соединялись сводчатые потолки нижнего зала. Вскоре Цезарь обнаружил, что колонна внутри была полая и в ней находилась винтовая лестница, спускавшаяся в нижний зал, и стал наблюдать удивительное зрелище.

Глубоко внизу помещался просторный зал, по-видимому, вырубленный в скале, являющейся основанием крепо-

¹ Адриан (76—138) — римский император с 117 г

сти Святого Ангела. Его стены, украшенные иероглифами и мистическими египетскими письменами, покоились на головах громадных кариатид¹. За этими безмолвными хранителями тайн смерти, судя по темноте, находились гроты или подземные ходы.

На алтаре, устроенном на лежащих сфинксах, светилось громадное, но, по-видимому, безвредное пламя, так как оно горело в огромном саркофаге невероятно сильным светом без дыма и даже не плавило восковую фигуру, помещавшуюся посреди него. Цезарь улыбнулся, однако же не без тайного беспокойства узнав в фигуре сходство с самим собой.

На груди фигуры лежал череп с каким-то предметом, похожим на свежее сердце человека или животного. Две старые ведьмы занимались поддерживанием огня какими-то странными растениями, охапки которых находились вблизи них.

Кроме того, тут были восточные фиалы с редкими маслами, нефтью и неизвестными теперь жидкостями, большей частью изобретения арабских и греческих химиков, пучки ядовитых растений, растущих на кладбищах и на развалинах, блестящий золотой песок, раздробленные алмазы и еще множество редких предметов, а именно: летучие мыши, сердца голубей, змеи, ящерицы, черепахи, различные части тел пресмыкающихся и хищных зверей, груды предметов, похожих на глаза, и, наконец, множество прекраснейших цветов.

Цезарь сразу же узнал в колдуньях европейских аптекарш из римского гетто, известных под именами Нотте и Морта, что значит «ночь» и «смерть». Обе были высоки и худощавы, обе стары и тем не менее на редкость сильны и подвижны, обе неопишимо безобразны, причем кожа Нотте была удивительно темного цвета, а Морта была так худа, что походила на живой скелет и вполне заслуживала свое прозвище. Их отец был еврей, необычайно искусный врач. Говорят, что своим искусством он был обязан союзу с дьяволом, который по прошествии нескольких лет бросил его, вследствие чего врач впал в нищету. Но более осведомленные люди оспаривали эту сказку и утверждали, что мудрый еврей пристрастился под старость к тайным наукам и, тщетно стараясь постичь их, потерял и рассудок, и состоя-

¹ Кариатида (греч *karyatides* — карийские девы) — в архитектуре — вертикальная опора в виде женской фигуры, поддерживающая балочное перекрытие

ние. Обе дочери были неустанными помощницами в его занятиях и, таким образом, получили свои познания в химии и в распознавании трав, а если верить молве, то и в тайных, запрещенных науках. По всем признакам, отец оставил их в ужасающей нищете, теперь же сестер считали неимоверно богатыми, хотя они продолжали жить в той же нищете, причем никто не знал их настоящих имен.

Удивительно было то обстоятельство, что при таких порочащих их слухах они до сих пор избегали внимания церковного суда, который особенно следил за занятиями черной магией, считавшимися преступлениями. Поговаривали, что у сестер были могущественные, хотя и тайные покровители, которым они помогали совершать отмищения своими тайными знаниями. А так как все преступное связывалось, естественно, с именем Борджиа, то рассказывали, что жадный Датарий уже не раз пытался наложить на сестер свою инквизиторскую руку, но, благодаря вмешательству Цезаря, ничего не мог поделать с ними.

Цезарь почти не удостоил взглядом этих отвратительных созданий. Он обратил свое внимание на фигуру, которая, несмотря на что-то пугающее в своей красоте и на расстроенное лицо, приковала к себе его взгляд. Это была женщина, дивно сложенная, с правильными чертами мраморной статуи и горделивым выражением, свойственным потомкам древних властителей. Но на ней была длинная черная, обвитая серебряной змеей одежда, расстегнутая у ворота, как будто ее бурно вздымавшаяся грудь требовала воздуха. Она лежала на ступеньках саркофага в позе, выражавшей вынужденную покорность и горячее нетерпение, дико водила вокруг глазами, вздрагивала при каждом треске и вспышке пламени и то бранила ведьм за медлительность, то хватала раскрытую книгу, разрисованную фантастическими фигурами, и заунывным голосом начинала читать заклинания. Серебряную диадему она откинула в сторону, и ее длинные черные локоны, падавшие на плечи, резко оттеняли их изящную округлость и белоснежную белизну. Выражение ее лица было одновременно и божественным, и демоническим; безумная страсть, надежда и отчаяние, любовь и ненависть при всей ее необыкновенной красоте придавали ей что-то дьявольское; затем все это сменялось одним и тем же, — по-видимому, обычным для нее — выражением гордости и сверхъестественной скорби павшего ангела.

— Он не идет, он не идет, и вы глумитесь надо мной своей безумной болтовней и бессильными травами! — воскликнула она. — Сейчас он прижимает к сердцу свою же-

ну, клянется ей в любви, жалуется на долгую разлуку с ней, и у него нет ни мысли, ни вздоха, ни единого воспоминания для всеми покинутой Фиаммы! Да и почему бы он пришел? Есть ли у меня какое-либо обаяние, способное снова привлечь его? Какие чары могут быть в красоте, которая надоела ему, прежде чем он покинул меня, чтобы отправиться в проклятую Францию, в красоте, которую разрушили горе, позор, стыд и время, время! Да, да, ведь я состарилась от скорби! Как вы думаете, на сколько лет я старше, чем это царственное дитя из Наварры, Шарлотта д'Альбрэ, ставшая женою Цезаря?

— Нет, дочка, когда ты будешь так же стара, как Нотте, тогда настанет время считать годы! — ответила темнокожая прорицательница, обливая гадюку синеватым маслом, отчего распространился противный запах. — Фу, как эссенция из волчьих костей ударяет в нос!

— Ей только семнадцать лет, а я уже считаю двадцать третью несчастную зиму! — беспокойным тоном промолвила Фиамма. — Не надо больше, не надо больше, дайте мне умереть!.. Для чего мне еще жить?

— Есть смысл пожить на этом свете, уж хотя бы только ради того, чтобы избавиться от того, — свистящим голосом прошептала Морта. — А что касается красоты, то лишь тогда жалуйся на свои исчезнувшие прелести, когда станешь так же худа и безобразна, как Морта!

— Ты — лживая книга и еще более лживый пророк! — воскликнула Фиамма, отбросив таинственный фолиант. — Когда прошло очарование любви, может ли магия помочь восстановлению ее силы? Или изменник думает, что он может попить меня ногами? О, Цезарь, ты сделал из меня демона; берегись, чтобы он не погубил тебя!

Наступило молчание, и Фиамма, опершись горячей щекой на руку, стала смотреть на горящий саркофаг.

— Здесь горит прах гордого императора; чего еще может требовать гордый сын Запада? — уныло промолвила она.

— Я говорила тебе, дочка, что надо было бы взять сердце живого человека, а не мертвого оленя! — сказала Морта, махая длинным костлявым пальцем над содержимым черепа.

— Ты так же безжалостно говоришь, как смерть, имя которой ты носишь! — содрогаясь от ужаса, промолвила Фиамма. — До сих пор мы сделали все, что предписывали нам указания дона Савватия, и книга, которую он мне дал.

— Дон Савватий! О, если бы он, считающий себя большим мастером, мог увидеть тщетные усилия и позор своих обманчивых средств! — воскликнула Нотте.

— Да, сестра, не наша вина, если сегодня ночью Борджиа придет в соприкосновение с Колонна только тем, что вступит в их дворец, в котором Колонна не смеет показаться под страхом смерти, — заметила злобная ведьма.

— Колонна! Колонна! О, если бы в небесах был святой, которого я смела бы молить о милосердии! — воскликнула несчастная Фиамма и плача бросилась на ступени сфинкса.

— Не отчаивайся слишком рано, дочка, — сказала Нотте, тронутая или испуганная этим немым страданием. — Если не действуют чары твоего неизвестного мага, так у нас самих есть еще другие, которые имеются в книгах нашего отца. Будь только терпелива, будь терпелива!

— Нам необходимо горячее человеческое сердце, а не остывшее сердце оленя, — презрительно промолвила Морта.

— Возьмите нож и вырежьте мое, потому что оно пылает в моей груди! — безумно воскликнула Фиамма.

Сестры снова обменялись таинственными взглядами. Наконец, Морта сделала сестре какой-то знак.

— Мы должны теперь сжечь сердце с нефтью и ароматами! Ты, дочка, надень на голову венок из ярко-красных цветов, босиком ходи вокруг саркофага, непрестанно разбрасывая цветы, и сладким завлекающим голосом пой любовные песни, пока мы не велим тебе остановиться. И тогда явится он, или дон Савватий, называющий себя адептом арабской школы, дурак и лжец.

Фиамма равнодушно поднялась и, пока колдуньи бормотали свои заклинания и приготавливали снадобья над горящим саркофагом, безнадежно взяла целый пук цветов и надела на голову венок, как ей предписывали ведьмы. От Цезаря Борджиа не укрылось ни одно движение из этой странной сцены, и хотя страсть, выражаемая пылкой римлянкой, скорее вызвала в нем презрение, чем трогала его, все же деспотический сластолюбец не мог остаться совершенно равнодушным к ее горячей искренности. Тем не менее, он решил позлить волшебниц и доказать ничтожество их искусства, явившись не ранее, чем они исчерпали бы все свои чары и окончательно отчаялись бы в успехе.

Но вот ведьмы окончили свои приготовления; сердце со всех сторон было объято чистым пламенем нефти, и, пока они продолжали подкладывать туда благовония, Фиамма начала ходить вокруг; она рассыпала цветы и пела заклинания прерывающимся голосом, в котором, тем не менее, чувство-

валась горячая гармония, что в связи с искренностью безумия придавало ей вид дельфийской прорицательницы¹. Всеми радостями, которые делила с Цезарем, небом, которое она оскорбила, адом, грозящим ей в вечности, она заклинала Борджиа прийти в ее объятия, призывала служивших ей духов, которые должны были насладиться на него жаркие воспоминания минувших наслаждений, пела о своей первой встрече с Цезарем, о незабвенном мгновении радостных восторгов. Трогательные выражения ее песни, гармонический голос, ее красота, отчаяние и одуряющий аромат — все вместе воспламенило страсть Цезаря. В порыве страсти он забыл свои намерения обмануть старых ведьм, сбежал вниз по винтовой лестнице и вошел в зал в тот самый момент, когда потухла горящая нефть, пение смолкло и Фиамма остановилась, словно превратилась в статую.

Увидев Цезаря, она с диким криком бросилась в его объятия, а колдуньи с восторгом захлопали в ладоши. Тотчас же на него полились потоки слез вместе со счастливым смехом, вздохи, жаркие, страстные поцелуи, восклицания восторга и отчаяния, любви и упреков, объятия и снова поцелуи, поцелуи без конца.

— Неужели ты думала, что нужны были другие чары, чтобы вернуть меня к тебе, кроме воспоминания о твоей красоте и нашем минувшем счастье? — когда улегся первый горячий порыв, спросил Цезарь, осушая поцелуями слезы, не перестававшие катиться по щечкам Фиаммы.

— Нет, Цезарь, нет, я только хотела услышать от тебя, что ты не совсем покинул меня, хотела только знать, что я не одна у бога, обманутого мной! — воскликнула несчастная женщина. — Скажи мне, что ты не презираешь меня, как я сама себя презираю. Вспомни, что я потеряла все, но потеряла ради тебя. Вспомни, что я — дочь Колонна — была Христова невеста, невинна, счастлива и любима. Подумай, кем я была и кем стала, — жалкая, проклятая небом и землей. Небесным Женихом, покинутым мною, отвергнутая семьей, которую я опозорила. Вспомни клятвы, которые ты нарушил!.. Чего только я не вынесла и не потеряла ради тебя! Могу ли я, Цезарь, когда-нибудь простить тебя? Не должна ли я ненавидеть и проклинать тебя всей силой своей измученной души?

¹ Дельфийская прорицательница — жрица-пифия храма Аполлона в Дельфах. Она восседала под расщелиной скалы, откуда поднимались одурманивающие испарения, и под их влиянием произносила бессвязные слова, которые истолковывались жрецами как прорицания, пророчества.

— Проклинай меня, красавица моя, я, со своей стороны, только хочу целовать тебя! — лаская ее, ответил Цезарь. — Но неужели же ты упрекаешь меня моим же собственным несчастьем, так как думаю, что ты негодуешь на меня за мою вынужденную женитьбу на этой глупышке из Наварры?

— Да, неверный изменник, да! — с внезапным порывом воскликнула Фиамма, вырываясь из его объятий. — И ты без стыда, спокойно смеешь говорить об этой беспримерной измене? О, ты, злодей, злодей! Где твои уверения, где твои клятвы сделать меня своей женой, императрицей Италии?

— Я прекрасно помню тот час, прелестная Фиамма, — ласково, но насмешливо сказал Цезарь. — Мы были в винограднике мрачных кармелиток, где замуровали тебя; я был тогда кардиналом Валенсийским, ты — монахиней Маддаленой. Я нес тебя по веревочной лестнице со стены, а ты отбивалась, словно покидала рай, и рыдала. Что же мне оставалось делать, как не сыпать обещаниями? Но могла ли ты поверить, ты, разумом равная почти мужчине, что небо может освятить такую клятву?

— Но ад, по крайней мере, освятит ее, Цезарь! Ты освободился от своих священнических оков, ты на пути к господству, которое я должна была разделить с тобой, а теперь, кажется, его делит с тобой девушка из варварской страны, дочь злейшего врага Италии! — с легким сомнением в последних словах возразила Фиамма.

Это не ускользнуло от внимания Борджиа, но он не подал и вида, что заметил, и продолжал прежним тоном.

— Да, Фиамма, да, душа моя! Своим возвышением я обязан тебе с самого первого момента, — промолвил он, вперив в нее взгляд, полный жгучей страсти. — Неужели ты хочешь теперь низвергнуть меня в бездну отчаяния? Ведь это — только женский каприз, пустая ревность приличная лишь ординарным женщинам, которых твой героический дух превосходит так же, как яркая полуночная звезда — слабое мерцание маяка! Нет, нет, если даже кто-нибудь и владеет сокровищем моей души, то все же самая главная драгоценность ее принадлежит тебе, одной тебе, и, несмотря на всю видимость, я ни одного момента не был неверен тебе!

— Разве ты не женился на этой принцессе? Неужели нам солгали, сообщив о твоём пышном венчании в Орлеане? — возразила Фиамма. — Изменник! Но ты не избежишь моей мести, хотя бы после того мне пришлось погибнуть навеки.

— Что можешь ты сделать, Фиамма? — улыбаясь, проговорил Цезарь. — Если бы я боялся твоей мести и если бы любил свою жену, то неужели, ты думаешь, я не сделал бы распоряжение, чтобы тебя заключили в тюрьму?

— А ты уверен, что твое распоряжение было бы исполнено? Неужели ты, жестокий и бессердечный, думаешь, что я не могла бы освободиться от тебя силой волшебства?

— Клянусь святым Петром, ты действительно обладаешь неотразимыми чарами, — воскликнул Цезарь, заключающая красавицу против ее воли в свои объятия. — А разве я не обладаю чарами над тобой? Разве ты не любишь меня, Фиамма? Разве ты не отказалась от небесного блаженства ради меня? Разве не являешься ты талисманом моего могущества и славы, и разве не оставался бы я без твоей любви и твоей энергии, которая все время прищипывала меня, до сих пор служителем алтаря, проклиная своим служение? Кроме того, дорогая возлюбленная, ты вся принадлежишь мне и не можешь причинить мне страдания, не почувствовав их на себе.

— Неужели ты думаешь, Цезарь, что я боюсь твоего могущества или могущества твоего отца? — возразила Фиамма тоном сверхъестественного отчаяния. — Сам ангел своим огненным мечом разрубил бы узы моей неволи, чтобы я могла, собрав весь Рим, объявить перед святой гробницей Петра о твоём преступлении! Мне поверили бы.

— В чем поверили бы тебе? В этой стране Боккаччо поистине нет ничего невероятного в том, что священник мог заблуждаться, а молоденькая монахиня могла сделать открытие, что кровь у нее в жилах горячее льда, — спокойно сказал Цезарь. — Какая была бы для тебя польза выдвигать против меня эти старые обвинения? Ты же знаешь, что у инквизиции имеется твое письменное показание, подтвержденное языческим султаном, любовницей которого ты объявила себя в присутствии многочисленных свидетелей.

— Да, чтобы защитить тебя от справедливого позора твоего преступления, чтобы отвратить от тебя мщение благородного брата моего покойного отца! О, Просперо и Фабрицио, какую еще более тяжкую кару желали бы вы навлечь на мою невинную голову? О, древний Колонна, мой знаменитый дед, твое проклятие исполнилось! Безнадежные дни и бессонные ночи, раскаяние, ужас и безутешное, одинокое отчаяние — мои постоянные спутники! О, неверный, нужна ли была еще эта последняя измена, чтобы переполнить чашу моих страданий?

— Почему же ты не осталась у своего языческого спасителя, как ты называешь недостойного почитателя Магомета, оказавшего тебе тогда защиту? — побледнев, спросил Цезарь. — По крайней мере, у меня не было бы причин благодарить его за великодушие, за то, что он принял на себя весь позор. Последний нисколько не повредил бы ему, а такая красавица, как ты, стала бы ценным украшением его гарема. Я же должен был бы один перенести всю бурю... И, пожалуй, никто не был бы обманут, кроме меня, глупца, отдавшего свое сокровище на хранение разбойнику.

— Ты говоришь, Цезарь, не то, что думаешь. Нет, нет, ты не смеешь говорить так! — с новой силой воскликнула Фиамма. — И тем не менее, благородный турок умер так же, как все, которых ты ненавидишь! Цезарь, я хотела видеть тебя, чтобы только сказать тебе, как я ненавижу тебя, как презираю и боюсь тебя... чтобы сказать тебе «прощай навсегда»!

— Что, дочка, убрать ли статую, или заключить ее в мрамор, как велел дон Савватий, чтобы сохранить любовь твоего возлюбленного и чтобы он всегда возвращался в твои объятия, как птица в гнездо? — спросила Морта.

— Простите меня, Горгоны, что я до сих пор не обнажил перед вами головы. Но что скажешь ты, моя Фиамма? Что должны сделать страшные ведьмы? — спросил Цезарь, вперив свой взор в прекрасную жертву.

В груди Фиаммы несколько мгновений боролись стыд и страсть, гордость и презрение, а ее лицо то вспыхивало ярким пламенем, то бледнело как мрамор. Затем она упала в объятия изменника, и ведьмам не нужно было никакого другого доказательства. Цезарь изливался в страстных уверениях и нежных упреках сомнениям Фиаммы, а обе сестры посредством незаметного механизма накрыли крышкой саркофаг.

— Ты торжествуешь, Цезарь, ты торжествуешь! Но ты ошибаешься во мне. Отныне я буду только твоим другом, твоей советницей, если захочешь, но никогда больше твоей возлюбленной! — воскликнула Фиамма с новым порывом гнева и стыда. — Теперь уходи, мое сердце натешилось достаточно. Я видела тебя, знаю, что ты ненавидишь меня, и этого довольно. Возвращайся к своей жене, а меня предоставь моему отчаянию, моим одиноким мукам! Я буду стоять на башне и провожать тебя взглядом до твоего дворца, и когда исчезнет в воротах последний факел, я буду знать, что ты думаешь о том, что увидел меня впервые в этих залах моих предков, когда я невинным ребенком си-

дела у ног своего деда и с беззаботным восторгом плела венки на его седую голову, которую я от горя и стыда свела в могилу!

Это печальное воспоминание тронуло даже сердце Цезаря.

— Нет, дорогая, моя первая и единственная любовь, даже при воспоминании о прошлом я не покину тебя, прежде чем ты не поклянешься мне любить меня так же верно, так же горячо, как тогда! — страстно сказал он. — Я же клянусь тебе всеми своими надеждами на власть и мщенье, что в тот момент, когда не будет больше нужды в ненавистных французах, я отправлю им обратно их дурацкую куклу — свою жену и еще теснее привяжусь к тебе. Ты одна станешь моей женой, моей царицей, моей императрицей и разделишь со мной корону Италии!

Фиамма со слезами слушала эти обольстительные речи, но, очевидно, была довольна ими и шепнула несколько непонятных слов суетившимся ведьмам, которые безмолвно кивнули ей и исчезли.

Она бросила нерешительный взор на Цезаря и стала так поспешно подниматься по лестнице в колонне, что он, не привыкший к ее поворотам, вскоре остался далеко позади. Когда же он поднялся наверх, то, к своему изумлению, нашел там Мигуэлото с факелом; Фиамма же исчезла.

— Где донна Фиамма? Ты не видел, она не проходила мимо тебя? — спросил он.

— Нет, ваша светлость, — ответил испуганный комендант, — хотя я почти целый час ожидаю вас здесь.

— Это удивительно! — проговорил Цезарь с суеверным ужасом. — Мне иногда кажется, что она открыла секрет делаться невидимой. И поистине, она обладает волшебным средством, так как в самые безумные дни моей любви я не испытывал к ней такой страсти, как сейчас. Я не уйду из крепости, пока не найду Фиамму!

— Это то же самое, что искать иголку в стоге сена, — ответил каталонец. — А я должен напомнить вашей светлости, что большое общество, ожидающее вас в вашем новом дворце, уже потеряло терпение.

— Государственные дела, государственные дела задержали нас! Дай-ка свой факел! Эта своенравная девчонка не должна играть с огнем, который она зажгла в моем сердце! — нетерпеливо воскликнул Цезарь.

Затем, схватив факел, он долго и усердно искал, но, как и предсказывал Мигуэлото, безуспешно. Не трудно было

установить, что Фиамма не убежала в свои апартаменты, так как никто из часовых, мимо которых она должна была проходить, не видал ее.

— Она действительно нашла средство, которым — знай она его раньше — могла бы удержать меня гораздо дольше, чем это случилось, — сказал, наконец, с досадой Цезарь. — Но позаботься, Мигуэлото, о том, чтобы в следующий раз я увидел ее, или я сочту тебя ее сообщником. Попроси позвать ее или, вернее, моего дона Савватия, так как он, наверно, обладает удивительными знаниями в сокровенных науках.

С этими словами Цезарь, хотя и неохотно, покинул крепость.

XVIII

Тем временем Бембо спешил к дворцу Орсини, с одной стороны, огорченный решением своего молодого повелителя, с другой же — довольный тем, что избежал опасностей, в которые его могли бы вовлечь его предприятия. После уничтожения Колонна род Орсини сделался признанным главой римского дворянства. К ним перешла большая часть владений Колонна. Поэтому неудивительно, что они соперничали с могущественными Борджиа.

Обширный дворец Орсини и весь смежный квартал были полны их вооруженными союзниками. Среди них Бембо нашел Вителлоццо и более подходящее для своего утонченного вкуса общество в лице Пиетро Медичи и Гвидобальдо, герцога Урбино, и их свиты.

Бембо, как один из спасителей Паоло Орсини, нашел в его семье самый горячий прием, но сообщенное им решение иоаннита вызвало искреннее сожаление, хотя Паоло в глубине души не чувствовал особого сожаления.

Главные ветви всей большой фамилии Орсини были представлены герцогом Гравина, его братом, архиепископом флорентийским, и еще двумя сыновьями, кроме Паоло, из которых один был кардиналом, а другой — маленьким мальчиком. Орсини и все их гости были заняты единственной мыслью — о браке Паоло с Лукрецией. Честолюбие и желание уберечь свой дом от хищных намерений Борджиа сделало этот союз господствующим желанием в душе Гравина, а все его союзники смотрели на этот брак, как на единственный залог продолжительного мира и своего собственного могущества.

Поведение сэра Реджинальда, когда он услышал о решении иоаннита, показалось Бембо странным. Лебофор был, видимо, изумлен непоколебимостью решения феррарского принца д'Эсте отказаться от своего предполагаемого брака с Лукрецией и его способностью лишиться такого счастья; он воспевал в таких страстных хвалебных гимнах красоту Лукреции, что Бембо с улыбкой напомнил ему, что в Италии любовь растет не так медленно, как на севере. Рыцарь покраснел, как девушка, и Бембо задумался. Но его мимолетное подозрение снова исчезло, когда он заметил, какую искреннюю дружбу питал добродушный, открытый нормандец к Паоло Орсини.

До праздника юбилея оставалось всего несколько дней, и иоаннит постепенно приходил к убеждению, что его поездка в Рим с намерением собрать доказательства против Лукреции, выясняющие порочность ее натуры, по-видимому, окажется безуспешной. Во всяком случае, и здесь ему приходилось наталкиваться на очень неопределенные слухи; но весь этот мрак, окружавший Лукрецию, казалось, представлял лишь контраст, от которого еще более увеличивались блеск ее красоты и участие, возбуждаемое к ней богатыми сокровищами ее души. Римский народ боготворил ее исключительно за неотразимую красоту и, кроме того, верил, что мягким правлением Александра, заменившим собою жестокую тиранию дворянства, он был обязан исключительно ей. Казалось невозможным найти неопровержимые доказательства или хотя бы только след их; все, что было достоверно известно, говорило в пользу Лукреции.

Иоаннит в продолжение этого времени редко виделся с Реджинальдом, отчасти потому, что так хотел сам, отчасти потому, что Лебофор был усердно занят с Паоло Орсини воинскими упражнениями, так как в числе других развлечений на праздниках должен был состояться турнир, на котором молодой итальянец хотел блеснуть ловкостью и искусством перед обожаемой красавицей. Английские и французские рыцари в этих воинских упражнениях превосходили всех других, и Лебофор, с детства занимавшийся физическими упражнениями, обладал замечательною ловкостью. Иоаннит, принц Альфонсо д'Эсте, был также его учеником и своим искусством был обязан, по большей части, его урокам. Бембо приходил так часто, насколько ему позволял принц, и всегда с новыми доказательствами в пользу Лукреции.

Так, он выяснил, что она была поэтессой, и небольшие стихотворения, которые приписывались ей Пиетро Медичи

и другими гостями Орсини, дышали такой грустью, нежностью и благочестием, что иоаннит не мог поверить, чтобы в столь мрачной душе, какую он предполагал у нее, возникали такие образы.

Альфонсо должен был опасаться, что в толпе чужеземных пилигримов его легко могут узнать, и потому не снимал своего монашеского одеяния, капюшоном которого, не вызывая подозрения, он мог всегда закрыть лицо.

Последние дни перед началом юбилейных празднеств были посвящены паломниками говению и исполнению различных обетов. Ступени храма Святого Петра были все время заняты молящимися, которым нужен был целый день, чтобы подняться на коленях в собор, причем на каждой ступени они читали определенное число молитв. Об испорченности того времени можно было судить по количеству закутанных фигур, направлявшихся целыми днями к исповедальне великого исповедника, назначенного только для выслушивания исповедей великих преступлений, разрешение от которых не могли дать обыкновенные священники.

Для Альфонсо это обстоятельство получило новое и необычайное значение, когда он услышал, что на этот пост был назначен духовник Лукреции, и он основал на этом план достижения своей заветной цели.

Великому исповеднику он хотел открыть наполнявший его душу ужас по поводу слухов о преступных отношениях между Лукрецией, ее отцом — папой Александром VI — и ее братом, Цезарем Борджиа, определяемых латинскими стихами: «По имени Лукреция, но в действительности Тачис, Александра дочь, его же супруга и невеста», желал спросить его, представляет ли его, хотя и невольное, подозрение против папы — преступление против церкви, рассчитывая, что один взгляд и простой жест духовника Лукреции могли бы пролить больше света, чем все слова.

Закутавшись в плащ и спустив на лицо капюшон, иоаннит отправился в собор вечером за день до юбилея.

Великий исповедник находился в подземелье, где помещается гробница святого Петра. Альфонсо стоял в числе кающихся в темном коридоре перед ракой святого апостола, и все, что происходило в исповедальне, было видно ему только тогда, когда открывались тяжелые массивные двери, чтобы впустить или выпустить кающихся. Драгоценный покров был снят с гробницы, и рака освещалась лишь факелами, которые держали в руках монахи различных национальностей, служившие в то же время при необходимости переводчиками великому исповеднику. На самой

гробнице стояла черная мраморная урна, а под ней виднелась алебастровая доска, на которой была выгравирована булла юбилейных празднеств. По громадной куче монет всех европейских стран, насыпанной невдалеке от раки, можно было судить о благочестии собравшихся паломников и их национальности. На простом деревянном стуле совсем рядом с этим сокровищем сидел исповедующийся, с молитвенно сложенными руками и бледным лицом, более мрачным, чем обыкновенно.

В то время как Альфонсо терпеливо ждал своей очереди, внезапно раскрылись двери исповедальни, и оттуда выскользнула женская фигура. Ее лицо скрывала густая вуаль, и Альфонсо, занятый своими мыслями, не обратил бы на нее внимание, если бы не заметил странного, напряженного взгляда, каким доминиканец провожал ее. Ему показалось, что он как будто знает ее, и она, в свою очередь, словно невольно сделала изумленный жест, но почти сейчас же ускорила шаги, направляясь к выходу. Однако иоаннит так заинтересовался этим явлением, что оставил свое первоначальное намерение и последовал за говельщицей¹. Чтобы не возбуждать подозрения, он старался держаться как можно дальше, пока закутанная незнакомка не исчезла в одном из боковых приделов. Подумав, что она хотела помолиться там, он решил подождать ее возвращения у входа. Но, после того как прошло довольно много времени, он потерял терпение и вошел в придел. Посредине его помещался тускло освещенный алтарь, а рядом с ним — гробница Калликста Третьего из рода Борджиа. Нескольким священникам служили у алтаря панихиду, а незнакомка стояла перед ним на коленях, обьятая молитвенным экстазом или другими еще более сильными чувствами, потому что Альфонсо слышал ее подавленные рыдания. Но к нему сейчас же неслышными шагами подошел служка и мягко заявил ему, что донна Лукреция никого не приказала пускать сюда во время заупокойной обедни по ее убитому брату, герцогу Гандийскому.

«Да, она боится, что могут заметить ее безмерное горе, она, грехи которой в ее собственных глазах таковы, что требуют очищения только великим исповедником!» — подумал Альфонсо и, довольный подтверждением своих подозрений, медленно направился к подземелью, чтобы пройти к доминиканцу.

¹ От слова «говеть» — постом, молитвами и посещением церковных служб готовить себя к исповеди и причащению.

Но вдруг он услышал отдаленное пение и увидел посередине храма приближающуюся процессию. При свете факелов несколько доминиканцев несли знамя инквизиции — красный крест на черном поле с надписью: «Сим победиши!»

Среди доминиканцев находился также и Бруно Ланфранки, великий исповедник, и его серьезные, мрачные черты представляли удивительный контраст с круглым, довольным и веселым лицом монаха, который по обычаю религиозных орденов был его особенным спутником.

С еще большим удивлением иоаннит заметил, что к процессии присоединилось немало дворян и высших чиновников, среди которых находились три консерватора, или представителя главного магистрата Рима. У входа в собор процессию ожидали копьеносцы магистрата; они окружили ее, и сопровождаемая огромной толпой процессия направилась к мосту Святого Ангела. Из восклицаний и разговоров зрителей иоаннит узнал, что значит все это.

— Я пойду в гетто и буду слушать, как он проповедует неверным собакам, проклятым иудеям! — кричал один.

— Говорят, он будет проповедовать по-еврейски, потому что он говорит на всех языках! — сказал другой.

— Меня удивляет, — заявил старый нищий, — что святой отец берет на себя труд заботиться об иудейских душах.

— Он способен обратить и черта в аду! — воскликнул в толпе какой-то доминиканец. — О, братие, какая честь, что такой праведник принадлежит к нашему ордену!

— Какая польза проповедовать убийцам нашего Спасителя? — слышался грубый голос. — Я, со своей стороны, спалил бы весь их квартал и стер бы с лица земли!

— Всегда было в обычае говорить им проповеди накануне великих праздников, а что может быть выше и значительнее праздника юбилея! Кроме того, евреи платят значительные налоги, — проговорил чиновник министра финансов.

— Боюсь, что это — сравнение с антихристом! — возразил неизвестный, принадлежавший, судя по платью, к инквизиции.

Тот, кто предложил предать все огню и мечу, повернулся к чиновнику, но едва заметив его одеяние, нырнул в толпу, словно рыба в воду.

У принца Альфонсо не было времени обратить внимание на этот неукротимый порыв христианского рвения, но он все же заметил странность самого явления.

Это был человек старше средних лет, в одежде крестьянина. Его широкая, украшенная пестрыми лентами шляпа была надвинута на лицо, но не настолько, чтобы скрыть отвратительные рубцы; по его рыскающим, подозрительным глазам, по особой манере носить короткий плащ, словно он прятал под ним кинжал, в нем можно было подозревать одного из бандитов, или браво¹, которые, вследствие распушенности тогдашних нравов, наводняли собою Италию и являлись для нее ужаснейшим бичом.

Иоаннит отправился дальше, не замечая, что и он возбуждал не меньшее внимание в этом достойном представителе своей профессии. Альфонсо знал, куда доминиканец направил свой путь, и, чтобы избежать давки, решил нанять лодку и по реке проехать в еврейский квартал. Узкая улица привела его к Тибру; он стал звать лодочника, но ему пришлось неоднократно повторить свой зов, прежде чем появилась старинная ладья со старым перевозчиком.

— В гетто! — лаконично сказал рыцарь.

Лодочник сейчас же погрузил весла, и лодка была уже далеко на середине реки, прежде чем рыцарь заметил в ней еще третьего, который был не кто иной, как крестьянин, находившийся в процессии.

— Чего тебе здесь надо, приятель? — спросил с неприятным изумлением рыцарь. — Я нанял лодку для себя одного.

На грубом диалекте крестьянин ответил, что он просит извинить его дерзость и позволить христианину послушать, как будут посрамлены иудеи, а для этого разрешить ему ехать вместе в ним.

Рыцарь подумал немного; но нерешительный вид его спутника, неясность его подозрений и неуверенность в лодочнике заставили его отказаться от своего первоначального намерения попросту выбросить нового пассажира за борт.

— Но ты не должен ехать даром, — сказал он, найдя превосходное средство отвратить от себя опасность. — Возьми-ка весла и помоги старику, или, говорю тебе, один из нас должен будет променять лодку на волны.

Легкое движение руки под плащом явно подтвердило подозрение иоаннита. Но крестьянин повиновался без явного неудовольствия, и лодка, подгоняемая второй парой весел, быстро понеслась по течению.

Рыцарь не спускал глаз со своих спутников; хотя делал вид, что с любопытством иноземца любит берегами. Луна серебристым светом освещала здания Ватикана.

¹ Браво (итальян. bravo) — наемный убийца

Берега реки постепенно расширялись, и вдали показался остров святого Варфоломея. Вдруг оба лодочника, словно по уговору, бросили весла и начали читать молитвы. Подозрение иоаннита, несмотря на этот благочестивый порыв, приняло бы вполне определенную форму, если бы он не заметил, что оба вдруг остановились и изумленно взглянули друг на друга.

— Разве ты тоже дал ответ святому Варфоломею, брат? — спросил лодочник.

— Нет, брат; но здесь неподалеку находятся городские шлюзы, куда постоянно приплывает много христианских трупов; вот я и подумал, что будет добрым делом помолиться за душу того, кто, может быть, сейчас кончается, — ответил крестьянин, в котором дон Альфонсо теперь более, чем раньше, подозревал переодетого бандита.

— А для меня отсюда началось мое несчастье, потому что с тех пор, как я увидел, как бросали в реку труп герцога Гандийского, меня избегали все, словно чуму, и мне пришлось бы умереть с голоду, если бы святой Варфоломей не посылал мне изредка какого-нибудь чужеземца, — печально промолвил лодочник. — В моей лодке никогда не увидят римлянина; и я делаю это ради того, чтобы убийцы не подумали, что я даю им сигналы, кто едет и богат ли он. А Небу известно, могу ли я догадаться об этом.

— Ты уверен в этом, старик? Его святейшество не пожалеет золота, чтобы заплатить за сведения, которые могли бы направить куда следует его мщение, — на чистом римском диалекте произнес крестьянин, внезапным движением наклоняясь к лодочнику, в то время как его рука снова исчезла под плащом.

Но, прежде чем эта попытка увенчалась успехом, иоаннит могучим усилием выбросил крестьянина за борт.

— Как? Неужели этот человек должен погибнуть? — с ужасом воскликнул лодочник.

— Если он из крестьян речной области, то не погибнет: ведь все они настолько привычны к воде, что чувствуют себя в ней, как рыбы. Если же нет, тогда он — презренный убийца и найдет там много знакомых, им же самим отправленных туда, — ответил иоаннит. — Но что это он здесь оставил? Это твой кинжал, старик?

— О, святой Варфоломей, нет! — воскликнул лодочник, осторожно поднимая кинжал, словно это была змея. — Но мне кажется, что точно такой же я видел на поясе Джиованни из катакомб, прежде чем он и его браво были изгнаны добрым кардиналом Сиенским.

— А знаешь, я хотел бы иметь что-нибудь в руках; ведь негодай вынырнул с головой, а теперь снова нырнул, как утка, словно боится, что его подстрелят! — сказал рыцарь. — Он плывет к камышам. Но так как он тебе не нравится, я решил помочь тебе в гребле. Итак, вперед!

— Ах, синьор, когда-то я не был таким мрачным и не возбуждал ни в ком подозрений, — ответил лодочник. — Но все неудачи обрушились на меня с той самой ночи. И это все оттого, что я тогда так устал, что позабыл помолиться святому Варфоломею.

— Как же это случилось? Расскажи мне всю историю, потому что на севере Италии про нее толкуют по-разному.

— Была вот такая же ночь, как сегодня, только среда, — начал старик. — Я выгрузил дрова на берегу еврейского квартала и лежал в лодке, потому что надо было караулить то, что я выгрузил. Судя по звездам, была, должно быть, полночь; как вдруг — эх, лучше бы я спал! — я увидел двух человек, выходящих из улицы слева от церкви святого Джироламо. По их виду можно было заключить, что они явились только посмотреть, нет ли поблизости кого-либо постороннего.

— Каковы были по виду эти люди? — прервал его иоаннит.

— Клянусь Пресвятой Девой, один был похож на негодая, которого ваша милость бросила в воду! — ответил лодочник. — Другой же, судя по голосу и походке, был, вероятно, испанец; оба были в черных масках. Осмотревшись вокруг и не заметив ни одной живой души, они вернулись в улицу. Вскоре же вслед за ними явились еще двое; они также осторожно осмотрели все вокруг и дали затем сигнал, должно быть, для своего спутника, потому что из улицы выехал всадник на серой лошади в яблоках с трупом человека на седле. Рядом шли двое в масках, которые приходили раньше. Все трое приблизились к реке, между тем как двое других сторожили улицу. И вот как раз против поворота те, что в масках, взяли у всадника труп, схватили его за руки и за ноги и, раскачав изо всех сил, бросили в реку. Всадник спросил, утонул ли труп, но не повернул головы, словно боясь посмотреть. Когда же они ответили ему: «Да, синьор!» — он пришпорил лошадь и повернулся лицом к реке.

— Его лицо! Ты можешь припомнить его? — спросил, не дыша от волнения, рыцарь.

— Я уже говорил вашей чести, что не посмел взглянуть, из боязни, что взгляд всадника, горевший огнем,

встретится с моим! Когда он увидел плывущий по реке плащ покойника, он спросил, что это за черный предмет, и один из спутников ответил ему...

— Что? — с нетерпением воскликнул иоаннит.

— «Ваше преосвященство... плащ!» Впрочем, нет, он, наверное, сказал: «Ваше превосходительство... плащ!» Да, это было превосходительство! — смущенно произнес лодочник. — После этого один из людей стал бросать в плащ тяжелые камни, пока тот не пошел ко дну. Когда на реке не стало видно ни единого круга, они повернули лошадей. Но в это мгновение из улицы с воплем выбежала молоденькая девушка, а за нею две старые женщины. Я не знаю, что ей было нужно, но всадник кинулся ей навстречу и схватил ее за волосы, пока не подоспели старухи. Девушка упала в обморок, старухи унесли ее прочь, а всадник свернул на другую улицу, которая ведет к храму святого Иакова. Вот все, что я знаю об этой истории и видел собственными глазами и что я передавал его святейшеству, нашему святому отцу.

— Но девушка! Девушка! Какова она была с виду? Ее фигура, цвет волос? — воскликнул рыцарь, выпуская от волнения весла из рук.

— Почему я знаю? Девушка такая же, как все другие, — с неудовольствием ответил старик.

— Неужели ты не заметил, какого цвета были ее волосы? Я спрашиваю тебя не из пустого любопытства, а по необходимости, так что ты, пожалуйста, отвечай мне, — с деланным спокойствием сказал рыцарь. — Не были ли ее волосы золотистого цвета? Обладательницы таких волос больше всего склонны к преступлению!

— Я только мельком видел ее, синьор, но так как вы толкуете о волосах, то мне показалось, как будто я заметил у ней на волосах красную ленту с золотыми нитями, какие обыкновенно носят в виде украшения глупые еврейские девушки в гетто. А может быть, это была и кровь... быть может, ранили также и ее.

— И ты все-таки не заметил цвета ее волос, несмотря на то что всадник схватил ее за них?

— Ночью все кошки серы; но мне сдается, что они, должно быть, были черны, потому что рука, схватившая их, казалась неестественно белой, — подумав, ответил лодочник.

— Но почему же ты не поспешил к правителю города сообщить ему, что ты видел, чтобы он мог преследовать убийц по пятам? Ведь я слышал, что труп нашли только в пятницу, — сказал иоаннит.

— С тех пор как я зарабатываю свой хлеб здесь, на Тибре, — с мрачной улыбкой ответил лодочник, — я, по крайней мере, раз сто видел подобные случаи и никогда не слышал, чтобы кто-нибудь говорил об этом. Поэтому я подумал, что и эта история пройдет так же незаметно, и продолжал спокойно делать свое дело, пока не узнал о высоком положении убитого и о том, что это был герцог Гандийский. Тогда мне пришла в голову глупая мысль заработать на этом, и вот таким-то образом я испортил себе все дело из-за пяти крон, которые мне дал герцог Борджиа, тогда еще кардинал. «Этого, — сказал он, — довольно за бред пьяного дурака». Если бы я напал на след убийц, я, может быть, нашел бы свое счастье, потому что святой отец папа и донна Лукреция почти обезумели от горя, причиненного гибелью герцога Гандийского; но у меня не хватило совести обвинять невиновных. Скверно, когда совесть не позволяет человеку нажиться! И все же хорошо, что так случилось, слава святому Варфоломею! Ведь убийцы могли подумать, что я выдаю их, и, прежде чем я успел бы произнести хоть одно слово, они порвали бы мне глотку. Кто знает, кто скрывался под маской!.. Но вот и гетто, и я хочу напомнить вашей милости, что у меня бывают только те пассажиры, которых мне посылает мой святой.

— Кроме хорошей платы, старик, я тебе дам добрый совет, — с тяжелым вздохом произнес иоаннит. — Не рассказывай этой истории всем своим пассажирам, хотя бы то были и чужеземцы. Ты не всегда найдешь таких слушателей, как я! Да, ты можешь встретиться с таким, который, как наш милый товарищ, брошенный нами в воду, будет иметь достаточно оснований заставить навеки умолкнуть тебя.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

Римские евреи имели в то время право жить лишь в одной известной части города, в так называемом «гетто»¹, находившемся у самого подножия Капитолия на низком болотистом берегу Тибра. Гетто со всех сторон окружали высокие стены; сообщаться с городом можно было лишь через тяжелые ворота, которые охранялись городской стражей. С восходом солнца ворота открывались, а с наступлением вечера закрывались вновь, впуская на ночлег уставших сынов Израиля, работавших вне черты гетто. При том отношении к евреям, которое господствовало тогда в Риме, да и во всей Италии, гетто было почти благодеянием для них. Скрытые высокими стенами, совершенно обособленные, евреи были, по крайней мере, защищены от вспышек злобы христиан, видевших в обитателях гетто тех самых евреев, которые когда-то распяли Христа, и потому ненавидевших их всеми силами души. Здесь, в гетто, сыны Израиля имели некоторую возможность охранять от христианского разгрома свое имущество, накопленное вместе с ростовщичеством и тяжелым упорным трудом.

Обитатели гетто представляли, таким образом, как бы совершенно отдельный народ. Еврейские женщины не переступали ворот гетто и не имели ни малейшего представления о том, что совершается вне его.

Многие католики-фанатики разжигали и поддерживали среди населения Рима вражду к евреям, распространяя нелепые слухи о том, что евреи-де для исполнения своих религиозных обрядов употребляют христианскую кровь, для чего воруют маленьких детей. Эти слухи, понятно, возбуждали ненависть к обитателям гетто, но к ненависти примешивалась и зависть, так как много говорилось о несметных богатствах евреев. Легенды о богатстве потомков

¹ Гетто существовали во многих средневековых городах и исчезли только в первой половине XIX в

Авраама упорно держались в народе, хотя при посещениях гетто христиане встречали на каждом шагу вопиющую нищету. Обыкновенно гетто открывалось для христиан три-четыре раза в год, когда папа посылал одного из своих проповедников для распространения христианства среди иноверцев. В остальное время обитатели гетто были предоставлены самим себе при неперемennom условии уплачивать более или менее крупную сумму денег за эту милость.

Каждый год евреи были обязаны представлять папе свои священные книги и прошение о разрешении остаться еще на один год в Риме. Вся эта процедура сопровождалась большими оскорблениями для евреев. Папа или его представитель швыряли еврейскую святыню на пол, к величайшему ужасу и молчаливому негодованию сынов Израиля, а затем папа долго ломался, пока, наконец, давал благосклонное разрешение евреям остаться еще на год в Риме, требуя за это, конечно, известную денежную мзду.

Пользуясь случаем, что евреев нужно известить о предстоящих юбилейных торжествах, папа снова послал опытного проповедника, и ворота гетто широко раскрылись для приема большой толпы христиан. Евреи знали, что последует за этим вторжением, и заблаговременно приготовились к приему враждебных гостей.

Альфонсо был поражен убогим видом гетто. Ряд жалких лачуг тянулся по обеим сторонам необыкновенно узких улиц, настолько узких, что два человека с трудом могли разойтись; на окнах висели грязные мокрые тряпки; отвратительный запах возбуждал тошноту. На большом протяжении от самых ворот гетто до базарной площади не видно было ни одного еврея.

С громким криком и смехом римляне разбрелись по узким улицам гетто, путаясь в них, как в лабиринте; только иоанниту как-то посчастливилось сразу выйти на площадь. Это было обширное свободное пространство, окруженное такими же ветхими лачугами, какие попадались и на улицах гетто. Большинство зданий искусственно поддерживалось подпорками, но зато почти на всех крышах были, по восточному обычаю, разведены сады. Посредине площади находился простой колодец, вокруг которого стояли каменные столы и скамьи; здесь обыкновенно собирался совет старейшин. Теперь почтенные старцы явились сюда по приказанию папы и с болью в душе и униженно-покорным видом были принуждены выслушивать, как издевались над их религией.

Четверо новокрещенных евреев несли передвижную кафедру, с которой папский проповедник Бруно Ланфранки

намеревался держать речь. Далеко не все мужское население гетто собралось на площадь. Многие состоятельные люди откупились более или менее крупными суммами денег от необходимости присутствовать при оскорбительной для них церемонии, а бедные, за известное вознаграждение со стороны своих единоплеменников, принесли себя в жертву и явились представителями гетто.

Вокруг евреев шумела и смеялась христианская чернь, отпуская насмешки и ругательства в адрес обитателей гетто. С редким терпением и покорностью переносили евреи все издевательства. Они боялись дать малейший повод к погрому, который как дамоклов меч висел над их головами.

Площадь освещалась факелами, горевшими в окнах домов, и благодаря этому можно было видеть, что делается внутри их, заметить несколько женских фигур с закрытыми по восточному обычаю лицами.

Вскоре Альфонсо обнаружил исключение из этого общего правила. Стараясь быть незаметным, рыцарь спрятался в глубине ворот одного из полуразрушенных, необитаемых зданий и оттуда следил за развертывавшейся перед его глазами картиной. Налево от него находился ветхий домик с закрытыми ставнями. По вывеске, на которой были нарисованы бутыль и ступка, Альфонсо заключил, что в этом доме проживал аптекарь или другое какое-либо лицо, имевшее дело с медикаментами или врачебным искусством. На маленьком деревянном балконе дома стояла молодая женщина, приковавшая к себе внимание рыцаря. Она поразила Альфонсо не только своей изумительной красотой восточного типа, но необыкновенной бледностью лица и своеобразностью всей фигуры. На молодой еврейке был грязный шелковый плащ, украшенный пестрыми разноцветными бантами и блестящими камнями. Пламя свечи, которое еврейка прикрывала рукой, освещало ее глубоко запавшие глаза, с каким-то странным выражением смотревшие на толпу. Эти глаза и блуждающая улыбка на губах заставили Альфонсо предположить, что молодая женщина находится не в здравом уме. Как-то невольно внимание рыцаря остановилось на монисто из золотых монет, украшавшем черные растрепанные волосы еврейки; он сам не мог дать себе отчета, почему он так заинтересовался этим монисто.

Кафедру наконец водрузили в центре площади. Монах прочел молитву, и затем два раввина поднесли ему свои священные книги, которые должны были подвергнуться жесточайшему осуждению в присутствии всей этой толпы.

Красивая еврейка была замечена не одним Альфонсо. К своему большому огорчению, рыцарь увидел, что у тех же самых ворот, в глубине которых он прятался, остановился какой-то человек в мантии и с посохом паломника, отправляющегося на богомолье. Низко надвинутая на лоб шапка и высокий воротник мантии скрывали почти все его лицо, за исключением необыкновенно блестящих глаз, устремленных на еврейку.

— Да, это она... Но как она изменилась! — вполголоса проговорил паломник. — Однако куда же запропастился тот негодяй? Он заставляет нас ждать слишком долго.

Теперь только Альфонсо заметил человека, к которому обратился паломник. По его простому мундиру и военной фуражке без всякого герба нетрудно было догадаться, что он — солдат одного из гарнизонных полков.

— Да, синьор, это — безумная Мириам! — тихо ответил солдат.

— Да, да, это та самая девка. Однако меня уже начинает беспокоить долгое отсутствие браво. Куда мог деваться твой хваленый достоправный герой? Уж не осмелился ли он ускользнуть от нас?

— Если бы он пошел даже против сатаны, я поручился бы за то, что он не отступит от своего намерения; но когда дело касается этого святого человека, посещающего чумного больного с такой радостью, точно он идет на свиданье с любимой женщиной, — тут ничего нельзя предугадать. Слишком уж много внушает почтения к себе этот монах! По моему мнению, если он непременно должен умереть, то легче покончить с ним там, где он живет, чем здесь, среди многотысячной толпы.

— Нет, это неверно, — возразил паломник, — здесь нетрудно вызвать возмущение и затем прекратить его. Монах будет убит во время мятежа, и его смерть, конечно, каждый объяснит еврейской мстью. Евреи заплатят за него. Никому не придет в голову, что монаха прикончил браво!

— Вот он идет! — воскликнул солдат. — Но в каком же он виде!.. С него течет вода, как с водяной крысы.

В душу принца Альфонсо закралось смутное подозрение, что он видит перед собой герцога Романьи и его наперсника дона Мигуэля. Однако у рыцаря не было времени дать себе отчет в смысле только что услышанного, так как в это время к двум беседовавшим лицам присоединился третий человек, в котором Альфонсо сразу узнал подозрительного крестьянина, выброшенного им в Тибр.

— Ах, Джиованни, как долго нам пришлось ожидать тебя! — воскликнул паломник, нетерпеливо схватив браво за руку. — Почему ты такой мокрый? Что случилось с тобой?

В эту минуту раздался громкий голос проповедника. Он читал еврейские тексты и переводил их на латинский язык. Этот голос заглушил все другие, и потому Альфонсо не мог расслышать, что ответил крестьянин на последний вопрос паломника, который прошел дальше в ворота и очутился так близко от рыцаря, что тот мог теперь слышать каждое его слово.

— Ах ты негодяй, собака! — раздраженно заговорил паломник. — Ты осмеливаешься не повиноваться мне! Разве ты забыл, кто я такой?

— Ах, синьор, я думал, что это был сам ангел в наряде иоаннита, которого Господь послал на землю для того, чтобы помешать моему намерению! — ответил бандит, дрожа от страха и холода.

— Дурак, неужели ты думаешь, что ангел прикоснулся бы к тебе, не уничтожив сразу? — нетерпеливо заметил паломник. — Так ты говоришь, что незнакомец был в одеянии иоаннита? Хорош ангел! Как бы там ни было, я сделаю из тебя черт знает кого, если ты вздумаешь противоречить мне. Скажи, сколько тебе нужно еще заплатить?

— Даже целая груда золота не соблазнит меня! — возразил бандит. — Но я — честный человек и не хочу даром получать вознаграждение. Пусть дон Мигуэль проводит меня в катакомбы, и я верну ему те деньги, которые получил в задаток. Святого монаха оберегает сам Господь Бог...

— Святого, святого! — насмешливо передразнил бандита паломник. — Знаем мы его святость! У него на груди крест, а в сердце дьявол. Разве святой стал бы настраивать жену против мужа? Это он зажег в ее душе ненависть к первому мужу, Сфорца, а теперь мешает свадьбе Орсини. Мы все прекрасно понимаем, что он стережет ее, точно дракон, охраняющий несметные сокровища.

Альфонсо с напряженным вниманием слушал слова паломника, в котором ясно звучала ревность. Он не сомневался больше, что видит перед собой Цезаря Борджиа.

— Я ничего не знаю о драконе и сокровищах, — угрюмо пробормотал бандит, — но клянусь, что никогда не подниму меч на этого святого человека.

— Дурак! — заскрежетав зубами от злости, воскликнул паломник. — Как ты не понимаешь, что убийство этого про-

клятого монаха вызовет такое возмущение, что у тебя и твоих людей, которые рыскают вокруг, явится возможность набрать столько денег, что вы обогатитесь до конца дней своих?

— До конца дней! — нерешительно повторил бандит. — Но, право, я ничего не в состоянии сделать, синьор. Вы же видите, что этот инок окружен почетной стражей с обнаженными мечами. Я ведь думал, что встречу с ним в темной узкой улице. Да и я только что поклялся, что не подниму на него меч.

— Да, ты, Джиованни, поклялся не поднимать на него меча, но ведь ты без промаха подстреливаешь из ружья летящего мимо орла, — быстро проговорил паломник. — Где оно? Ты всегда носил его на плече.

— Я продал его англичанам, — ответил бандит, — так как предпочитаю действовать мечом и дубинкой.

— Мне кажется, я могу доставить тебе оружие, — заметил паломник. — Вон там стоит какой-то путешественник и не отрывает взора от еврейки. Я пойду к нему, а вы оба спрячьтесь в подворотне.

Мигуэло и бандит очутились почти рядом с принцем Альфонсо, но в темноте не заметили его. Рыцарь был очень доволен этим обстоятельством, так как, несмотря на всю свою храбрость, не хотел бы иметь дело с такими противниками.

Человек, на которого указал Цезарь, действительно старался обратить на себя внимание красивой еврейки. Он улыбался ей, кивал головой, делал гримасы. Его четырехугольный лоб и круглый подбородок выражали твердолобое упрямство и жестокость. По костюму его можно было принять за немецкого рыцаря.

— Я замечаю, синьор, что у вас хороший вкус, — обратился Цезарь к немецкому рыцарю, вежливо поклонившись. — Действительно, трудно найти более лакомый кусочек.

— Несмотря на то, что эта еврейка больше похожа на восковую фигуру, чем на живую женщину! — ответил рыцарь на чистейшем итальянском языке.

— Она отравлена запахом лекарственных трав и минералов. Было бы благодеянием вырвать ее из этой среды.

— Я очень желал бы, чтобы в гетто произошел погром, — весело заметил немецкий рыцарь. — Пусть бы брал иудейское золото тот, кому оно нужно, что касается меня, то я ограничился бы этой еврейкой. К сожалению, я ничего не могу сам предпринять: на меня наложено покаяние вот тем строгим монахом.

— Вероятно, вы совершили какое-нибудь преступление, если вам понадобилось заступничество духовного лица?

— Я избавил одного старика от нескольких неприятных месяцев жизни! — равнодушно ответил немецкий рыцарь. — Однако раз ты мне предлагаешь вопросы, то позволь спросить, что заставило т е б я прийти в Рим в качестве паломника? Ты тоже отмаливаешь какой-нибудь грех?

— Говорят, что я убил своего брата! — таким же равнодушным тоном ответил Цезарь.

— А я — только дядю! — весело заявил рыцарь, по-видимому, очень обрадованный тем, что его преступление оказалось даже менее значительным, чем его собеседника. — Правда, дядя воспитал меня, как собственного сына, но нельзя же вечно ждать наследства.

— Понятно, — согласился паломник. — Старики никогда не хотят умирать вовремя. Я вижу, ты — солдат и храбрый малый, а я большую часть своей жизни был священником; тем не менее я выполняю то, о чем ты едва дерзаешь думать.

— А о чем я думаю? — удивленно спросил немец.

— Ты думаешь, как легко можно было бы взобраться на балкон и поцеловать прелестную евреечку, к величайшему ужасу ее проклятых единоверцев.

— Да, говорят, что евреи предпочитают, чтобы им наплевали в лицо, чем взглянули на их жен и дочерей. Однако ты угадал мои мысли!

— А хочешь держать пари, что ты не решишься исполнить свое желание, а я сделаю это! — подзадоривал паломник.

— Эх, еще как бы я решился, если бы не епитимья, наложенная на меня духовником. Он приказал мне не поднимать ни на кого оружия, я имею право сражаться только с язычниками.

— При чем тут оружие? Ведь ты собираешься не убить, а только поцеловать евреечку. Кроме того, разве евреи не язычники? Подержи мой посох, и я на твоих глазах взберусь на балкон и познакомлюсь с красавицей.

— Нет, нет, не смей делать это, по крайней мере раньше меня! — сердито воскликнул рыцарь. — Подержи мое ружье и шлем, пока я взберусь на балкон. Смотри, не вздумай обокрасть меня, не то тебе придется дорого поплатиться за это.

Паломник поспешил ответить, что будет дожидаться внизу, и немец отдал ему шлем, ружье и другие более или менее тяжелые предметы своей амуниции.

Цезарь немедленно присоединился к своим сообщникам.

— Вот тебе ружье, Джиованни, — проговорил он, — пусти его в ход, если не желаешь, чтобы свинец пробил твой собственный череп. Как только поднимется шум из-за того человека, который забрался на балкон, стреляй немедленно. Ты знаешь, кто этот путешественник? Это — Оливеротто ди Фермо, убивший своего дядю, я сразу узнал его. Смотри, какую прекрасную цель для тебя представляет собой монах. Он стоит на кафедре, вытянув вперед руки, точно нарочно подставляет грудь под пулю.

— Он похож на черное распятие, — пробормотал бандит. — Все заметят, когда вспыхнет ружейный фитиль, и если я не успею скрыться, то станет ясно, что евреи тут ни при чем.

— Ты спрячешься среди развалин, а я и Мигуэлото постараемся вызвать в эту минуту возмущение среди народа в разных пунктах гетто и отвлечем от тебя внимание.

В конце концов бандит согласился исполнить страшное желание Цезаря Борджиа. Было решено воспользоваться смятением, которое должно было вызвать поведение Оливеротто. Затем сообщники расстались.

Альфонсо слышал все, что говорили сообщники, и прикидывал, как предупредить несчастье. Если бы дело происходило в другое время и в другом месте, он выступил бы вперед посреди площади и заявил бы о готовящемся злодеянии. Но при данных обстоятельствах смятение, которое вызвали бы его слова, только поспособствовало бы успеху задуманного Цезарем плана. Если бы злоумышленники узнали о присутствии Альфонсо, они просто убили бы его, прежде чем он успел бы произнести хоть одно слово. Альфонсо быстро сообразил все это, терпеливо выждал, пока заговорщики разойдутся, и рассматривал доминиканца с совершенно другим чувством, чем до сих пор.

Монах произносил свою проповедь на древнееврейском языке и все обитатели гетто слушали его с таким вниманием, какого ни разу не проявляли по отношению к христианским проповедникам. Альфонсо показалось, что доминиканец гораздо моложе, чем он думал.

«Какое влияние он должен оказывать на свою духовную дочь!» — пронеслась в его голове ревнивая мысль.

Однако у Альфонсо не было времени долго размышлять по этому поводу. Джиованни повернулся спиной к толпе и, став на колени, начал осторожно добывать из кремня огонь, чтобы зажечь фитиль мушкета. С такой же осторожностью и рыцарь вытащил свой меч.

«Крыса!» — подумал он, но продолжал свое дело.

Сверкнуло пламя и отразилось на латах рыцаря, осветив его фигуру с обнаженным мечом в руках.

Бандит вскрикнул и вскочил на ноги, но в ту же минуту упал навзничь от сильного удара Альфонсо. Он лежал без сознания, обливаясь кровью, а иоаннит, придавив ему грудь ногой, стоял в нерешительности, не зная, убить ли этого человека, или оставить в живых, чтобы заставить его выдать весь план заговора. В это время раздался громкий женский крик и шум в толпе, служивший доказательством того, что Оливеротто успел исполнить свое намерение. Не колеблясь более, Альфонсо наступил всей тяжестью своего тела на грудь бандита, а затем поспешил на площадь.

— Христиане и евреи! — громким голосом закричал он. — Оставайтесь спокойно на своих местах. Я рыцарь Гроба Господня и сумею наказать дерзкого негодяя.

Заволновавшаяся было толпа остановилась, глядя с доверием на высокую фигуру рыцаря, который ловко взбирался на балкон, где кричащая еврейка тщетно старалась вырваться из рук Оливеротто.

— Чего ты так кричишь, моя голубка, ведь я только поцелую тебя! — говорил Оливеротто, в порыве страсти не замечая, что творится вокруг него.

Вдруг сильный удар кулаком в плечо отрезвил его. Оливеротто в бешенстве оглянулся и не успел опомниться, как его схватили за шиворот и сбросили вниз с балкона.

Толпа, находившаяся непосредственно у балкона, состояла преимущественно из христианской черни. Оскорбление еврейки она не считала преступлением и потому громко и весело смеялась над быстрой и ловкой расправой с кавалеристом. Оливеротто, вскочив с земли, лишь слегка прихрамывал и, повернувшись лицом к своему оскорбителю, потребовал, чтобы он сошел вниз и дрался с ним не на жизнь, а на смерть. Народ продолжал добродушно смеяться и не трогал кавалериста. Но вот раздался голос доминиканца, требовавшего, чтобы мятежник был отведен в храм Божий для суда над ним. Оливеротто, как любимый воспитанник Вителлоццо, имел полное основание держаться подальше от церкви, а потому он поспешил убежать, пробираясь через толпу, которая не оказывала ему особого сопротивления. Однако Бруно не так легко было обмануть. Соскочив с кафедры и размахивая серебряным крестом, он ринулся вслед за беглецом в сопровождении рыцарей, паломников и черни.

II

Еврейка убежала в дом, как только Альфонсо вырвал ее из рук Оливеротто, оставив на балконе зажженный факел. Рыцарь поднял его и вошел в большую пустую, полуразвалившуюся комнату, к которой примыкало несколько маленьких, таких же пустых комнат. Там он остановился и начал прислушиваться; везде царил гробовое молчание. Несомненно, испуганная девушка убежала в жилую часть дома, находившуюся, вероятно, в нижнем этаже. Вскоре рыцарь заметил небольшую отвесную лестницу, которая вела вниз. Подойдя к самой лестнице, он громко позвал беглянку, но и внизу стояла та же тишина. Не думая о том, что его, может быть, подстерегает опасность, рыцарь спустился по лестнице и, судя по запаху лекарственных трав и специй, очутился в аптеке или в лавке аптекарских товаров. Лавка, так же как и верхние комнаты, носила печать запустения. По-видимому, уже давно никто не занимался ею. Убедившись, что и здесь нет ни одной живой души и что единственная дверь заперта глухим замком, Альфонсо решил, что красавица все-таки спряталась наверху.

Он только что собрался снова подняться, как неожиданно услышал где-то невдалеке глубокий вздох. В то же время он заметил, что холодный пустой камин слегка освещен тусклым светом. Подойдя поближе, он увидел за камином неплотно прикрытую потайную дверь; сквозь ее щель пробивался свет, который и освещал камин. Альфонсо открыл дверь, предварительно поставив свой факел в камин, и очутился на лестнице, которая спускалась в темную сводчатую комнату в виде погреба. Потухающий огонь топившейся печки слабо освещал это неприглядное помещение. Около печи сидела на корточках молодая еврейка, подняв голову и тревожно прислушиваясь.

Не зная, какое впечатление произведет на беглянку его появление, Альфонсо остановился на последней ступеньке. Вдруг пламя в печи вспыхнуло и отразилось в латах рыцаря; девушка увидела его и громко вскрикнула. Альфонсо, стараясь успокоить беглянку, вошел в комнату. Первые же звуки голоса рыцаря, по-видимому, оказали благотворное действие на Мириам. На ее губах появилась блуждающая улыбка, а затем, в конце концов, она радостно захлопала в ладоши и бросилась навстречу Альфонсо. Подойдя совсем близко к нему, она внезапно остановилась, по-видимому, пораженная его полувоенным-полумонашеским одеянием, и воскликнула:

— Ах, это ты! Как давно мы не видались! Ты так вырос, так вырос, точно высокий кедр. Ведь это — ты?.. Нет, впрочем, нет! Скажи, кто ты такой?

— Я тот, который вырвал тебя из рук грубого солдата. Ты, кажется, ждала кого-то похожего на меня, Мириам? Отчего ты так смотришь на меня? — спросил Альфонсо.

— Нет, нет, это не он, он никогда не придет больше! — тихо проговорила молодая девушка. — Не шути со мной, Джiovанни! Зачем ты нарядился в этот костюм, мой милый? Я никогда ни в чем не упрекну тебя, не скажу тебе, как я мучилась в течение твоего долгого отсутствия. Мой мозг совершенно высох от постоянных дум о тебе; я выплакала все слезы и теперь совсем не могу плакать. Говори, мой Джiovанни! Скажи, ведь ты не рассердился на бедную еврейку? Ведь не потому ты так долго не приходил к ней? Почему ты молчишь, мой дорогой? Тебе нечего бояться, что колдуньи узнают о твоём приходе. Они сказали мне, что ты умер, и больше не придут сюда. Что же ты не отвечаешь мне? Я сейчас принесу огонь и посмотрю на твои щеки. Они раньше были розовые, а потом стали бледные, ох, какие бледные!.. Нет, нет, он умер, он умер!..

«Джiovанни! — подумал Альфонсо, невольно вспомнив убитого герцога Гандийского. — Впрочем, в Италии имя Джiovанни встречается на каждом шагу!» — успокоил он себя.

Мириам отошла к печке, зажгла факел и, держа его в руках, вернулась к рыцарю. Затем она внимательно осмотрела его с ног до головы, печально покачала головой и с глубоким вздохом опустила факел вниз.

— Как видишь, я не тот, которого ты ждала, — проговорил Альфонсо. — Однако скажи мне, за кого ты приняла меня, прекрасная Мириам?

Молодая девушка недоверчиво взглянула на рыцаря, а затем воскликнула:

— Какое тебе дело до него? Его выдали колдуньи красному человеку с бледным лицом. Только вы все ничего не знаете, — с торжествующей улыбкой прибавила она. — Я так хорошо спрятала его, что никто из вас его не найдет. Не смейте трогать Джiovанни, не то я начну так кричать, что мой крик услышит и ваш, и мой Бог. Ваш Бог милосердный, добрый. Ты слышал, что говорил ваш раввин?

Мириам села, подперев рукой подбородок, и задумалась. Казалось, она вспоминает слова доминиканца.

— Наш закон — гора Гореб, — медленно проговорила девушка, — а ваш закон — светлая, чистая вода, струяща-

яся с этой горы. В этой воде люди находят радость и спокойствие. Что такое спокойствие? Смерть? Как спокойно он лежал, когда умер, несмотря на страшные раны, нанесенные кинжалом!..

Мириам замолчала и смотрела какими-то пустыми, ничего не выражающими глазами на рыцаря.

— Ты была так же хорошо одета, как сейчас, когда сюда приходил красный человек с бледным лицом? — нерешительно спросил Альфонсо.

— Он не был здесь, как тебе известно, он оставался наверху, — ответила Мириам, — но потом они принесли его сюда. Впрочем, это все мне только приснилось. Ах, какой страшный сон я видела!.. Я была тогда гораздо красивее, чем теперь; меня все любили, осыпали бриллиантами. Для меня не существовало большей радости, чем наряжаться для Джиованни. Я вплетала драгоценности в свои косы, когда знала, что он приедет.

— Как тебе снился грустный сон, Мириам? Расскажи мне его!.. Я очень люблю печальные истории.

— О нет, я не могу рассказать его ни тебе, ни кому-нибудь другому, не то мои тетки убьют меня. Как это было ужасно! Джиованни схватили и вонзили в его дорогое тело длинные, острые кинжалы. Я закричала изо всех сил: «Убийцы, убийцы, убийцы!» — но моего голоса совсем не было слышно. У меня в ушах стоял такой гул, точно от тысячи лошадиных копыт, как тогда на турнире, когда я в первый раз увидела Джиованни. Твой костюм, рыцарь, — нищенские лохмотья в сравнении с его нарядом! Пока старые колдуньи варили в бутылках свои снадобья, я убежала с Ревеккой на христианский праздник, а старухи думали, что я сижу за прялкой.

— Кто же такой был твой Джиованни, почему он носил такой богатый наряд? Тебе снилось, что его убили твои соплеменники? — спросил Альфонсо притворно равнодушным тоном, чтобы не возбудить подозрения в молодой девушке.

— Да, это все было только сон, ужасный сон! Мне придется кипеть в горячей смоле на том свете за то, что я все думаю о Джиованни! — прибавила она скорбным тоном, и слезы потекли по ее щекам.

Альфонсо терпеливо ожидал конца этого припадка отчаяния, надеясь, что разум вернется к Мириам и он узнает что-нибудь более определенное. Вдруг молодая девушка открыла глаза, быстро вытерла слезы, взглянула на рыцаря с выражением недоверия и страха и внезапно спросила:

— Ты ведь не та змея, которая приходила сюда ко мне и старалась лживыми словами выпытать у меня все о Джиованни? Она, эта змея, шепнула мне, что Джиованни любит другую и чтобы я на эту ночь удержала его у себя, потому что иначе он пойдет на свидание к той красивой даме, которая была королевой турнира. Эта змея была послана моими тетками, и вы знаете, рыцарь, в ту ночь старые колдуньи убили его.

— Джиованни любил другую? Кто же она такая? — воскликнул Альфонсо.

— Она была так прекрасна, что в моем сердце вспыхнула адская ревность, когда я услышала ее имя. Разве ты не знаешь, кто был королевой на турнире, разве ты не слышал ничего о донне Лукреции?

— И твой Джиованни предпочел ее тебе? — спросил Альфонсо, невольно вздрагивая.

— Нет, нет, это была ложь! Он пришел, он пришел ко мне! — с сияющим лицом ответила Мириам. — А ты — дьявол и хочешь оклеветать его. Когда я ему сказала, что нашептывала мне змея, он...

Молодая девушка вдруг остановилась и начала прислушиваться.

— Что же он ответил тебе? — с напряженным вниманием допрашивал рыцарь.

— Тише, слышишь шаги? — испуганно прошептала Мириам.

— Нет, это уголья в печке трещат, — успокоил ее Альфонсо. — Скажи же, Мириам, умоляю тебя, что тебе ответил Джиованни?

— Вот точно такой же был шум, когда они пришли сюда. Я думала, что это — ветер, — встревоженно прошептала девушка. — Хорошо, что ты не спишь, а он спал тогда. Ах, как он был хорош во сне! Мне жаль было будить его рано утром, хотя я знала, что если ведьмы застанут его здесь, то убьют.

— Но ты все-таки не сказала мне, что ответил тебе Джиованни! — повторил рыцарь. — Наверное, он засмеялся?

— О нет, я никак не ожидала, что он может так рассердиться. Он умолял меня, чтобы я на следующий день уехала из гетто в... я не могу вспомнить куда! — с тоской сказала Мириам, проводя рукой по лбу. — Он хотел доказать мне, что не может любить донну Лукрецию, хотя она и была необыкновенно хороша. Он обещал, что убьет негодяя, наговорившего мне этот вздор, когда узнает его имя, а затем... Слышишь, кто-то поднимается по лестнице...

— Что ты говоришь, Мириам? Ведь ты забыла, что мы находимся под лестницей; как же можно на нее подняться, минуя нас? Кто же был твой Джiovанни? Вероятно, какой-нибудь знатный господин? Не был ли это кто-нибудь из семьи Орсини? Их замок примыкает к гетто.

— О, Орсини! — пренебрежительно воскликнула девушка. — Далеко им до него!.. Они недостойны даже завязать шнурок его сапога. Боже, как он был хорош, когда сидел на лошади! Красавец, добрый, храбрый! Улыбка его алых губ была для меня дороже всех драгоценностей в мире, а когда он смотрел в мои глаза, то моя душа таяла от блаженства. Я мечтала о нем давно-давно, гораздо раньше, чем увидела. Ах, нет, это все был сон! Почему он ни разу ничего не сказал мне о себе, кроме того, что его зовут Джiovанни? Впрочем, мне ничего и не нужно было знать!

— Если ты так сильно любила его, Мириам, то почему не отомстишь за его смерть? — спросил Альфонсо. — Разве тебе не тяжело видеть, как твои единовверцы, убившие Джiovанни, с улыбкой вспоминают о кровавой ночи, встречаясь где-нибудь?

— Нет, Джiovанни умертвили нечистые духи, вызванные ведьмами! — задумчиво ответила молодая девушка. — С одного, того красного человека, мой Джiovанни сорвал маску, чтобы показать мне его лицо, такое бледно-серое, точно пепел при дневном свете.

— Ты, наверное, запомнила это лицо?

— Я тебе говорю, что это были черти, — продолжала Мириам. — Они держали меня и смеялись, пока убивали моего Джiovанни.

Альфонсо вспомнил рассказ лодочника о кричащей молодой девушке, за которой следовали две старухи, и у него явилась уверенность, что речь шла именно о Мириам. Кто мог быть таинственным убийцей? Имя Лукреции снова навело его на грустные мысли. Он был почти убежден, что возлюбленный Мириам сделался жертвой не евреев. Вполне можно было допустить, что ревность разгневанной женщины могла вызвать это убийство; может быть, он погиб от руки постороннего соперника, а может быть, зависть к младшему брату довела Джiovанни до смерти. Альфонсо вспомнил обо всех слухах, которые распространялись о Лукреции, о таинственном исчезновении многих даже очень знатных лиц, имевших прежде счастье пользоваться расположением жестокой красавицы. Огромное количество убитых сбрасывали прямо в реку, как в общую могилу.

Мириам между тем рассматривала рыцаря каким-то странным, точно отсутствующим взглядом и наматывала на палец свои длинные черные волосы.

— Куда же они девали труп Джиованни после того, как убили его? — спросил, наконец, Альфонсо.

— О, я сейчас покажу тебе! — живо воскликнула еврейка.

Мириам подбежала к высокому платяному шкафу, закрытому на замок, с некоторым усилием отомкнула его и распахнула обе дверцы шкафа. К величайшему своему удивлению, Альфонсо при свете лампы, которую держала Мириам, увидел, что между домом и глухой стеной находилось нечто вроде колодца, наполненного водой. Со стороны шкафа спускалось несколько ступенек к воде, и больше не было никакого выхода.

— Куда же ведет этот колодец, Мириам? — спросил рыцарь.

— Об этом знают только евреи да водяные крысы! — с хитрой улыбкой ответила девушка.

— Послушай, Мириам, что я тебе скажу, — взволнованно проговорил рыцарь. — Ты могла убедиться на деле, что у меня сильная рука. Твои родственницы уверили тебя, что Джиованни убили черти; это неправда. Твой возлюбленный погиб от руки своего соперника-христианина; может быть, последний сделал это в угоду той красивой даме, о которой тебе говорили. Если бы ты могла найти убийцу в праздничной толпе и показать мне его, то клянусь тебе всем тем, что свято как для евреев, так и для христиан, что я отомщу ему за смерть Джиованни.

— Я не могу сделать этого, я не хожу на праздники, колдуньи не позволяют мне выходить! — ответила девушка.

— Вероятно, через этот колодец существует какой-нибудь тайный выход? — заметил Альфонсо. — Ты знаешь его? Скажи мне, где я могу найти тебя завтра рано утром? Я проведу тебя сквозь веселую толпу, и, может быть, ты найдешь и узнаешь убийцу Джиованни.

— Колдуньи убьют меня, если я уйду из дома, — со вздохом ответила Мириам. — Они говорят, будто я безумная и не должна показываться даже на базарной площади. Некому полюбоваться ни моими драгоценностями, ни моими блестящими глазами, которые сверкали раньше так ярко, а теперь потускнели от слез.

— Но если они говорят, что ты безумная, тогда не будет ничего удивительного в том, что ты ушла из дома, и твоим родственникам не будет причины сердиться на тебя!

— Ха-ха-ха!.. Вот-то будет смешно, когда люди увидят еврейскую девушку рядом с рыцарем! Евреи побегут за нами, начнут кричать и бросать в нас камнями! Так, по крайней мере, говорил Джиованни, — закончила Мириам, переходя от смеха к слезам.

— Кто заметит нас в толпе, Мириам? — спросил Альфонсо. — А если бы даже и случилось так, как ты говоришь, то разве я, как рыцарь, не обязан защищать каждую женщину, какой бы религии она не придерживалась?

— Так ты действительно хочешь отомстить за смерть Джиованни? — недоверчиво спросила девушка. — Да, теперь я припоминаю, что ты вырвал меня из рук солдата, когда я стояла на балконе и искала в толпе Джиованни.

— Ты искала Джиованни?

— Да, синьор. Я подумала, что он увидит меня и пожалеет. Я надеялась, что он по, крайней мере, скажет мне: «Мириам, я не прихожу к тебе, потому что не люблю тебя больше!» — печально проговорила девушка.

— Как же ты рассчитывала найти его? Ведь ты же уверяешь, что он там, откуда никто не возвращается.

Мириам несколько секунд молча смотрела на рыцаря, но вдруг ее лицо исказилось гневом.

— Ах, дьявол, теперь я узнаю тебя! — крикнула она дрожащим голосом. — Хоть ты и пришел в другой личине, а я все-таки узнала тебя. Колдуньи послали тебя ко мне, чтобы выпытать, где мой Джиованни.

Альфонсо был так поражен переменой, внезапно произошедшей с молодой еврейкой, что почти не слышал легкого шепота теперь явно доносившегося откуда-то из недалёка.

— Они идут, они идут! — быстро заговорила Мириам, понижая голос, вероятно, разум вернулся к ней. — Уходи, уходи скорее отсюда, иначе они убьют нас обоих. Сюда идут евреи за своими сокровищами; они спрятали их здесь, чтобы христиане не разграбили их. Когда они увидят тебя, то непременно убьют, чтобы ты не смог рассказать своим о еврейском богатстве.

Приближающиеся голоса становились все громче; слышно было, как наверху закрывают и открывают двери.

— Куда ведет этот странный ход? — спросил Альфонсо, указывая на колодец.

— Ты подплывешь под дворцом Орсини, — торопливо ответила Мириам, — и выйдешь там на берег. Уходи, уходи скорее, они сейчас придут сюда.

— Хорошо, я уйду, но с одним условием: завтра рано утром ты должна быть у форума!

— Да, да, я приду, если потом они даже убьют меня! Клянусь, клянусь тебе! — прошептала Мириам и, собрав всю силу, потянула Альфонсо к выходу.

— Я боюсь, что ты забудешь свое обещание, — сказал рыцарь. — Дай мне слово, что ты вспомнишь о нем, когда подойдешь к этому шкафу!

— Хорошо, хорошо!

Альфонсо взял факел и осветил поверхность воды.

Рыцарь колебался одно мгновение; ему вдруг подумалось, уж не готовится ли для него западня, но, взглянув на встревоженное лицо девушки, на котором ясно выражалось участие к нему, он успокоился. Прижав руку Мириам к своей груди, в виде прощального приветствия, он спустился на одну ступеньку.

— Я возьму твой факел с собой, — улыбаясь, проговорил он, — когда твои родственники начнут бранить тебя за то, что ты потеряла его, ты вспомнишь о своем обещании.

Мириам слегка засмеялась и так поспешно захлопнула дверь шкафа, что Альфонсо не успел договорить последнюю фразу. Он стоял еще на сухой ступени, но следующая уже была покрыта водой, необыкновенно чистой и прозрачной. Когда дверь закрылась за рыцарем, он увидел, что для него не существует никакого выхода из этого водяного пространства. Вернуться обратно было невозможно; он слышал за дверью много сердитых голосов. Прикрыв факел рукой, чтобы свет не проникал в скважину двери, Альфонсо сошел с лестницы и увидел, что вода доходит ему до колен. Ему пришла в голову пугающая мысль, что Мириам умышленно привела его сюда, чтобы он погиб жестокой смертью, так как выхода для него не было ни вперед, ни назад. Он вспомнил о трагической судьбе таинственного Джиованни, и ему почудилось, что труп, брошенный в воду, плывет перед его глазами, роняя в воду капли крови. Иногда ему слышался громкий крик безумной еврейки. «Беги, беги скорее!» — раздавалось в его ушах. Голос Мириам звучал так ясно, что Альфонсо не знал наверно — игра ли это его воображения, или молодая девушка действительно просит его побыстрее уйти.

Как бы то ни было, рыцарь поспешно пошел вперед, но внезапно наткнулся на неожиданное препятствие. По всему протяжению стены из-под воды выступал каменный барьер; обойти его не было никакой возможности. С сильно бьющимся сердцем Альфонсо взобрался на него и был немало удивлен, увидев, что стена за выступом была не глухой, как казалось издали. Она представляла собой нечто вроде

полуоткрытого свода с тесным проходом. Вдали виднелся второй свод, более открытый. Светлый отблеск воды в этом месте позволял предположить, что недалеко от второго свода имеется выход.

Не колеблясь более, рыцарь с большим трудом пролез под низким сводом и очутился, как и предполагал, вне пределов гетто. Сейчас же за вторым сводом потянулся широкий болотистый берег острова, покрытого развалинами и плакучими ивами.

Альфонсо пошел вдоль стены, надеясь достигнуть каких-нибудь ворот. Он решил выйти и снова отправиться в гетто, с целью узнать, какая участь постигла Оливеротто, оскорбившего Мириам. Пройдя пустынное пространство, он попал в предместье города. Альфонсо побродил несколько минут по узким улицам и неожиданно вышел на обширную площадь, куда стекалась с разных сторон большая толпа. Часть площади занимал дворец всемогущего Орсини. Альфонсо начал вслушиваться в говор толпы и понял, что все эти люди вернулись из гетто.

— Скажите, любезный, что произошло там? — спросил рыцарь маленького, стоявшего близ него человечка, оказавшегося портным Паскино.

— Произошло несчастье, — насмешливо ответил урод, — один молодец-христианин хотел поцеловать жидовку, и вот за это его преследуют, как какую-нибудь крысу. Впрочем, вся эта штука не больше как хитрость со стороны евреев: они замыслили искусственно вызвать народное возмущение, загнать нас в свои узенькие улочки и перерезать, как стадо баранов. Знатные господа, составлявшие свиту проповедника, хотели узнать, кто именно освободил еврейку, а потому они направились в ее дом, но никого там не нашли. Они обыскали все щели, совали носы во все аптекарские горшки, но еврейка и ее освободитель как в воду канули. Наконец, показались две страшные ведьмы и заявили, что их племянница безумная и потому, вероятно, убежала из дома. Отец Бруно Ланфранки, заметив, что народ обозлился, взял в руки крест и попросил всех уйти из гетто.

— А молодец, вызвавший всю эту тревогу, конечно, убежал? — спросил Альфонсо.

— Ну, понятно, кому же и бежать, как не виновнику беспорядка! — ответил портной.

— Где же отец Бруно? Он, вероятно, нашел убежище во дворце Орсини?

— Зачем же ему искать убежище? — возразил Паскино. — Говорят, что зависть жестокого брата заставила отца

Бруно уйти из дома и поселиться в развалинах бывших бань на Авентинской горе подобно отшельнику. Выйдя из гетто, он отправился домой, если только эти развалины можно назвать домом.

— Надеюсь, он не один пошел туда? — тревожно спросил Альфонсо, вспомнив о подслушанном заговоре.

— Лучше было бы, если бы он пошел один. На его несчастье, его сопровождает толстый дурак Биккоццо.

— Тогда отец Бруно находится в опасности, — заметил рыцарь. — Не можешь ли ты указать мне дорогу к его жилью?

— Я расскажу вам, как идти, но не смогу сопровождать вас. На подобное путешествие может отважиться лишь тот, у кого имеется для этого крайняя необходимость.

— Ты сделал бы доброе дело; я боюсь, что жизнь бедного проповедника в опасности.

— Нет, нет, я ни за что не пойду к нему. Говорят, что отец Бруно — очень искусный анатом и врач; он, пожалуй, захочет узнать, почему я уродился таким маленьким, а если ваши испанцы берутся за какое-нибудь дело, то проявляют столько милосердия, сколько вороны, выклеывающие глаза у умирающих лошадей.

— Разве отец Бруно — испанец? — с удивлением воскликнул Альфонсо.

— Неужели вы не знаете этого? Если бы он не был испанцем, то не сделался бы правой рукой донны Лукреции.

Последние слова напомнили рыцарю замечание паломника из Кампостеллы об опасности, какую представлял собой этот монах. Он так горячо начал убеждать Паскино проводить его к отцу Бруно, что в конце концов возбудил к себе подозрение в маленьком портном. Вспомнив, что на проповедника косо смотрели в Ватикане, как утверждала молва, и боясь Борджиа больше огня, Паскино поспешил затеряться в толпе.

III

Альфонсо пошел той дорогой, которую ему указал маленький портной. Он, собственно, не знал, что заставляло его идти к отцу Бруно: чувство ли человеколюбия, или любопытство, смешанное с желанием рассеять сомнения. Он прошел к долине между Авентинским и Палатинским холмами, по узкой тропинке; но последняя скоро окончи-

лась, и Альфонсо не знал бы, куда ему идти, если бы не маленький ручеек, который, журча, стремился прямо к развалинам, протекая через темный лес. Паскино рекомендовал рыцарю держаться этого ручейка, и, наконец, Альфонсо подошел к грандиозным развалинам, занимавшим самый центр Авентинской горы. Альфонсо сомневался, найдет ли он жилище проповедника среди этих руин, и уже подумывал вернуться назад, как неожиданно заметил человеческую фигуру, направлявшуюся к нему навстречу. Рыцарь обрадовался, надеясь увидеть слугу доминиканца или кого-нибудь из местных крестьян, которые могли бы указать ему, где живет отец Бруно. Однако человек был настолько погружен в свои мысли или молитвы, что не видел приближавшегося к нему рыцаря. Почти столкнувшись с ним, он вздрогнул, испугался и закричал во все горло. К своему величайшему удивлению, Альфонсо узнал в этом человеке бандита из гетто. Не дав рыцарю произнести ни слова, браво бросился бежать со всех ног. В эту минуту одна из руин осветилась и раздался чей-то испуганный голос:

— Что с тобой, брат мой?

Альфонсо с ужасом подумал, что несчастье, которое он собирался предупредить, уже совершилось. Он подошел к развалинам и при свете факела увидел лицо Биккоццо.

— Говори, кто ты такой? — прохрипел монах, глядя на рыцаря с открытым от удивления ртом.

— Это не относится в делу, отче. Проведите меня к падре Бруно, мне необходимо видеть его. С ним ничего не случилось? Он здоров?

— О, почтенный рыцарь, ведь ты не дьявол в человеческом образе, пришедший погасить светильник божественной премудрости, воплотившийся в лице моего господина? Святой Фома, сохрани нас! Неужели ты пришел затем, чтобы убить отца Бруно.

— Наоборот, я явился сюда для того, чтобы спасти твоего господина от руки убийцы, — ответил рыцарь. — Мне хотелось бы знать, откуда шел тот негодяй, которого я только что встретил?

— Он был на исповеди у отца Бруно.

— Ну, если тот убийца был у Бруно, значит, последний убит! — воскликнул Альфонсо. — Я уверен в этом. Я — рыцарь Гроба Господня, вырвавший еврейку в гетто из лап насильника.

— Пресвятая Дева Мария, Матерь Божия, чем я, великий грешник, заслужил такую милость? — восторженно

проговорил Биккоццо, внезапно склоняясь к ногам удивленного рыцаря. — Убийца уверял нас, что ты — святой Михаил, сошедший с неба для того, чтобы спасти светоч христианской веры, моего господина и брата во Христе.

— Ты с ума сошел, отец Биккоццо, — с невольной улыбкой возразил рыцарь. — Страх заставил бандита потерять разум, а может быть, он умышленно обманул тебя, чтобы получить доступ к твоему господину и убить его. Наверное, отец Бруно теперь купается в собственной крови. Умоляю тебя, проводи меня скорее к нему!

Биккоццо с трудом дал убедить себя, что видит перед собой не святого Михаила, а обыкновенного смертного; успокоившись на этот счет, он вспомнил слова рыцаря и задрожал от страха при мысли, что, может быть, его господин убит. Он смотрел с недоверием на незнакомца и все никак не мог решить, остаться ли ему на месте или броситься бежать. Наконец, не смея более противоречить рыцарю, он повел его к келье доминиканца.

Повсюду среди руин царила мертвая тишина, только совы, испуганные светом факела Биккоццо, с громким криком перелетали с места на место. Наконец, они подошли к полуразрушенным триумфальным воротам, по обеим сторонам которых стояли безголовые бюсты римских императоров. Отсюда начинался лабиринт узких проходов. Полуразрушенная, поросшая травой лестница вела в верхний этаж с рядом пустых комнаток. Биккоццо открыл одну из боковых дверей, и Альфонсо увидел полукелью, полуученый кабинет философа. Высокие, без стекол окна пропускали много света и воздуха. Огонь факела позволял видеть разные анатомические инструменты, химические аппараты, книги, телескопы и рядом с ними распятия, четки, изображения святых и разную домашнюю утварь. Меблировку составляли два стула, опрокинутый ящик вместо стола и две циновки, служившие, очевидно, постелью. Биккоццо подошел к противоположной двери этой своеобразной комнаты и открыл ее. Глазам рыцаря представился открытый четырехугольник, окруженный со всех сторон стенами развалин.

— Отец Бруно, отец Бруно, отзовитесь, ради Бога, если вы живы! — завопил монах. — Матерь Божья, он не отвечает, Господь взял его на небо! — Биккоццо так тяжело вздохнул, точно его сердце готово было разорваться на части. — Думал ли я, когда он поднимался по этой лесенке в свою келью, что он отправляется на тот свет? Пощадите меня, славный рыцарь! Теперь, когда отца Бруно нет боль-

ше на грешной земле, я — песчинка в море. Он был моим наставником, моей опорой!

— О какой лесенке вы говорите? — спросил Альфонсо, прерывая причитания монаха, и взял факел из рук Биккоццо.

Несколько ступенек, скрытых кустарником, вели на одну из высоких башен.

— Его светильник горит, — воскликнул монах, взглянув наверх, — но он сам сделался жертвой козней дьявола. Помилосердствуйте, синьор!.. Имейте сострадание к бедному христианину, который хотя не знает вас, но видит в вашем лице своего единственного покровителя!

— Здесь на ступенях видны следы крови, — заметил рыцарь, указывая на темные пятна.

— Я теперь припоминаю, что браво был ранен, когда шел на исповедь к святому отцу; это, должно быть, его кровь, — произнес монах робко.

— Если ты боишься, оставайся внизу, — предложил рыцарь и стал быстро подниматься по лестнице вверх.

Дойдя до последней ступеньки, Альфонсо привстал на цыпочки и заглянул в проем бывшего когда-то окна. Его сердце сильно билось. Он ожидал увидеть доминиканца плавающим в луже крови, но, к его величайшему удивлению, перед ним предстала совершенно другая картина. Он увидел большую комнату, наполненную разными научными приборами и книгами. Посреди нее находился стол, заваленный свитками, бумагами и разного рода письменными принадлежностями. В углу возвышался алтарь, убранный с большим вкусом, бархатом и цветами в дорогих старинных вазах. Перед золотым распятием стоял на коленях доминиканец Бруно Ланфранки и молился с таким усердием, что, казалось, не услышал бы даже и пушечного выстрела. Он громко благодарил Бога за то, что Господь дал ему силы побороть человеческие страсти. Альфонсо был поражен тем, что монах несколько раз упомянул в своей молитве имя Лукреции. Подождав несколько секунд, он увидел сбоку открытую дверь и храбро вошел в комнату.

— Простите, святой отец, что я нарушаю ваш покой, — проговорил он, — но необходимость заставляет меня сделать это.

Доминиканец вздрогнул и вскочил с колен. Его бледные щеки побледнели еще больше, а правая рука инстинктивно потянулась к поясу, как бы за оружием. Это движение напомнило Бруно о его сане: он спокойно скрестил руки на груди и поднял взор вверх, мысленно обращаясь к Богу.

— Убей меня, — наконец тихо проговорил он, взглянув на рыцаря, — верно, Господу нашему Иисусу Христу угодно освободить от тела мою грешную душу.

— Да разве вы не узнаете меня, отец Бруно? — спросил Альфонсо. — Я — тот самый путешественник, которому вы оказали такую важную услугу у водопада. Я очень рад, что случай дает мне возможность отблагодарить вас за эту услугу.

— Ах, это ты, иоаннит? Являешься ли ты посланником Неба или сатаны? Что привело тебя сюда?

— Я думаю, что скорее меня послало Небо, так как я — верный слуга церкви и хочу оказать вам услугу.

— Говори, в чем дело?

Альфонсо в коротких словах рассказал о заговоре, который он случайно подслушал в гетто. Во время этого рассказа на грустном лице Бруно появилась горькая улыбка.

— Так, значит, это ты был тот вооруженный ангел, о котором мне рассказывал Джiovанни? — живо воскликнул он. — Бандит явился ко мне сегодня не в качестве убийцы, а в роли кающегося грешника. Он сознался в своем намерении и просил прощения. Хотя он и не назвал мне имени того человека, который требовал от него моей смерти, тем не менее не трудно догадаться, кто это такой.

— Bravo сознался в замышляемом преступлении? — удивленно спросил рыцарь. — Чем же вы так обидели того человека, который жаждет вашей крови?

— Он знает, что я считаю его дьяволом, а между тем ему хочется, чтобы все принимали его за человека!

— Судя по его словам, он чувствует себя оскорбленным как муж. По крайней мере, он обвинил вас, святой отец, в том, что вы разлучили мужа с женой из-за дурных целей! — сказал рыцарь, пытливо глядя на монаха.

— Разлучил мужа с женой? Да, это верно. Но когда видишь, что в прекрасной розе завелся ядовитый червь, то весьма понятно желание извлечь его оттуда! — ответил доминиканец, и его бледные щеки слегка порозовели. — Однако если я не ошибаюсь, то человек, говоривший это, не был тем несчастным существом, которого вы называете оскорбленным мужем. Я с гордостью сознаюсь в своем участии в этом деле, но больше не прибавлю ни слова, так как тайна моих духовных детей для меня священна!

«Следовательно, ни Александр, ни Цезарь не виноваты в первом разводе», — подумал Альфонсо.

— Может быть, все-таки следует, падре, — вновь обратился он к монаху, — принять меры для того, чтобы на

ваш счет не распространялись гнусные сплетни. Все говорят, что преступная страсть к женщине заставляет вас вмешиваться в это дело.

— Кто же поверит этому? — воскликнул монах со сверкающими глазами и вспыхнувшим лицом. — Что общего между плешивым, погруженным в заплесневелые манускрипты монахом, вся жизнь которого была сплошным отчаянием, и прекрасной молодой женщиной, полной жизни и радости?

— Но ведь всем известно, падре, что в деле любви женщины гораздо благороднее нас. Их прельщает больше красота духовная, чем плотская. Этим объясняется, что они поддаются сильнее влиянию духовных особ, чем мы, грешные. В своей любви к служителям Бога они не видят ничего дурного; это для них преддверие к любви небесной!

— Да, небесное и земное так перемешаны в человеке, как золото и песок между собой. Что бы ни говорили последователи Платона, но в человеке гораздо больше животного, чем духовного, и животные радости ему доступнее духовных, — с горькой улыбкой промолвил доминиканец. — Духовная любовь может длиться вечно; она чиста, как кристалл, женщины восторгаются ею, но предпочитают любовь плотскую!

— Как счастлив тот, кто пришел к этому заключению путем наблюдения, а не по собственному опыту! — заметил Альфонсо, вполне убежденный, что устами монаха говорит ревность.

— Да, самые счастливые те люди, которые заглядывают в душу человека с беспристрастием врача, — спокойно согласился Бруно. — Впрочем, мы уклонились от темы нашего разговора. Итак, я обязан вам своей жизнью. Если бы я не боялся, что вы сочтете меня неблагодарным, я сказал бы вам, что нисколько не дорожу ею.

— Не говорите о благодарности, святой отец! Я думаю, вы сейчас в состоянии будете вознаградить меня больше, чем я заслуживаю. Действительно, насильственная смерть не может казаться страшной для человека, который ведет такое спокойное, лишенное страстей существование, как вы.

— Вы полагаете, что в жизни отшельника одно спокойствие? — с горькой улыбкой спросил доминиканец. — Вы не знаете, сколько волнений выпадает и на нашу долю! Вы полагаете, что легко видеть у своих ног коленопреклоненную прекрасную женщину и ледяными устами касаться ее лба во время благословения, когда сердце пожирает пламя

страсти? Впрочем, оставим это. Вы говорите, сын мой, что в моей власти вознаградить вас?

— Да, падре. Награда, на которую я рассчитываю, так необычайна, что я не знаю даже, как изложить вам свою просьбу. Во всяком случае, могу ли я надеяться, что этот разговор останется для всех тайной? — спросил Альфонсо.

— Говори, сын мой, твои слова буду знать лишь я один и больше никто на свете.

— Я хотел узнать от вас, не преступно ли предлагать такие вопросы, которые — если вы ответите на них — могут поколебать доверие к церкви?

Монах помолчал несколько мгновений, причем его лицо приняло странное выражение, и наконец произнес:

— Правда — это та незыблемая скала, на которую опирается церковь; поэтому никакая правда не может поколебать доверие к ней. Я слушаю вас, сын мой.

— Должен сказать вам, отец Бруно, — начал рыцарь, — что я тайно послан сюда принцем Альфонсо Феррарским. Король французский, сердечно любящий Альфонсо, желает, чтобы принц женился на дочери Борджиа, а между тем этот брак настолько противен Альфонсо, что он специально послал меня в Рим навести справки о Лукреции и представить ему доказательства ее позорного поведения, о котором так много говорят. Имея эти доказательства в руках, Альфонсо убедит отца, что брак с дочерью Борджиа для него невозможен. Вы являетесь духовником этой дамы; поэтому — если никакая правда не в состоянии поколебать доверие к церкви — вы можете дать нужные мне сведения.

Монах слушал рыцаря с напряженным вниманием; когда Альфонсо изложил свою просьбу, он с удивлением взглянул на него и, встретившись с ним взглядом, быстро потупился. Затем он помолчал несколько минут и наконец проговорил:

— Действительно, странная просьба!.. Но ведь вы видели донну Лукрецию и все-таки не отказываетесь от данного вам тяжелого поручения?

— О, она прекраснее всего в мире, — горячо воскликнул рыцарь, — и если бы она могла опровергнуть возводимые на нее обвинения, Альфонсо Феррарский не мог бы устоять перед ней, точно так же, как и ни один из смертных.

— Ну, этого я не знаю! — резко заметил Бруно. — Вероятно, вам мало известны обязанности духовника, — продолжал он. — Как вы можете рассчитывать, что я вы-

дам вам чужую тайну? Как же вы сами доверились бы мне в таком случае?

— Ваше уклонение от ответа само по себе служит ответом, — с грустью проговорил Альфонсо. — Если бы вы могли сказать только хорошее, то не считали бы, что нарушаете обязанности духовника...

— Я ничего не утверждаю и ничего не отрицаю, — возразил монах. — В чем же вы обвиняете донну Лукрецию?

— Не я, святой отец, а вся Италия, — заметил Альфонсо, не решаясь высказать свое подозрение. — Говорят, что она имеет счастливых поклонников, пользующихся ее любовью.

— Она никого не любит и никогда не любила! — резко проговорил Бруно. — Что касается счастливых поклонников, то это тоже ложь! Всякий знает, что эта женщина обладает какой-то демонической силой, от которой погибает каждый, кто только вздумает приблизиться к ней.

— Эта сила исчезла бы, если бы донна Лукреция вышла замуж за наследника Орсини?

— Этот брак приковал бы ее к Риму! — мрачно ответил монах.

Альфонсо подумал, что Бруно умышленно поддерживает в нем подозрение, из опасения, чтобы мнение принца Феррарского о Лукреции не изменилось в ее пользу и чтобы он не перестал сопротивляться желанию своего отца.

— Между тем папа в предложении, сделанном герцогу Феррарскому, совершенно откровенно дал понять, что был бы весьма доволен, если бы его дочь навсегда покинула Рим!

— О, если бы небо могло спуститься на землю, оно покрыло бы много грехов! — воскликнул монах. — Орсини избежал большой опасности, хотя донна Лукреция не выказала ему ни малейшего расположения и согласилась бы на предполагаемый брак лишь по принуждению.

— Он спасся благодаря вам, падре, — заметил Альфонсо. — Ведь вы, несомненно, тот самый доминиканец, который показал нам пещеру, где находился арестованный Паоло Орсини.

Монах на минуту смутился, но, увидев по глазам рыцаря, что ему известна истина, не стал отрицать своей причастности к освобождению Паоло.

— Я был бы удовлетворен, если бы вы сказали мне, отец Бруно, злоумышлял ли Цезарь против своего будущего зятя, когда увидел, что обстоятельства складываются

так, что им необходимо породниться, — проговорил Альфонсо с сильно бьющимся сердцем.

— Я ничего не могу ответить на ваш вопрос!

— Если я даже скажу вам, что именно Цезарь подсылал к вам убийц, чтобы сегодня вечером лишить вас жизни? — воскликнул Альфонсо, забыв обычную осторожность.

— Если вы все это знаете, то можно поздравить вашего принца: он выбрал для своей цели весьма подходящее лицо! — заметил монах с видимым испугом. — Но, как бы там ни было, я не могу дать вам никакого ответа. Весь свет судит людей по их поступкам, а Бог и церковь считаются с их побуждениями.

— Разрешите, по крайней мере, мое теологическое¹ со-
мнение...

— Не искушайте меня больше! Уходите!

— Ведь я вас не к греху склоняю, а, наоборот, к добро-
му делу, — заметил рыцарь, — может быть, вы в состоя-
нии будете вырвать заблудшую душу из пасти дьявола.

— Если дьявол является в образе ангела, кто может
устоять против него? — проговорил Бруно с отчаянием в
голосе. — Вот вы считаете меня оракулом, но послушайте,
что я вам скажу: я не знаю, что я делаю и кто меня
воодушевляет — Бог или нечистая сила; может быть, поль-
зуясь именем церкви, я веду людей к гибели и вместо блага
сею семена раздора? Я не знаю, реформатор ли я, или
просто разрушитель? Я не знаю, что меня ждет: награда
или смерть за мою проповедь, которую я скажу завтра.

— Вы, значит, не хотите помочь мне очистить от дур-
ной славы имя вашей прекрасной духовной дочери?

— В чем обвиняете вы ее? — повторил свой вопрос мо-
нах, глядя на рыцаря пронизывающим насквозь взгля-
дом. — Вы хотите, чтобы я уверил вас, что эта женщина —
более прекрасная, чем все красавицы, взятые вместе, — жи-
вая в такое развратное время и при таком распущенном дво-
ре, отличается более строгим нравом, чем все другие?

— Я буду доволен, если вы скажете мне, что донна
Лукреция не хуже других женщин! — горячо ответил ры-
царь.

— Если вы укажете мне границы женского легкомыс-
лия, тогда я, пожалуй, в состоянии буду сказать вам, пе-
решагнула ли Лукреция эти границы, или же нет.

¹ Теология (греч. theos — бог, logos — учение) — систематизиро-
ванное изложение вероучения, обосновывающее его истинность и необхо-
димость для человека.

— Что может быть ужаснее этих строк, написанных относительно ее: «Лукреция по имени, в действительности Таис, Александра дочь, супруга, невестка»?

— Вы видели ее и все-таки верите этим словам? — с негодованием спросил монах.

— Я видел ее и потому еще больше верю им!

— Ну, верьте и будете довольны! — воскликнул Бруно, и его обыкновенно спокойное лицо выразило такую муку, такое смятение, что Альфонсо стало страшно за него.

Последняя фраза монаха поразила рыцаря, как удар молнии. Самые страшные подозрения по поводу Лукреции ее духовник подтверждал своей последней фразой. Монах заметил бледность рыцаря и холодно отвернулся от него.

— Вы спасли мою жизнь, а я предоставил вам возможность получить крупное вознаграждение за полученные сведения от вашего великодушного принца, мы с вами квиты! — пренебрежительным тоном проговорил он после некоторого молчания.

Альфонсо употребил всю силу воли для того, чтобы спокойным тоном поблагодарить доминиканца, но никак не мог унять свое волнение. К счастью, он услышал за своей спиной чей-то судорожный смех. Собеседники вздрогнули и быстро оглянулись. Смеялся Биккоццо от радости, что видит своего господина целым и невредимым.

Успокоив Биккоццо, доминиканец обратился к рыцарю с предложением заночевать у него.

— Странствовать ночью по этим пустынным мустам далеко небезопасно, — проговорил он. — Тот негодяй, принявший вас за святого, может встретиться с вами и пожелать убедиться в вашей святости. Я знаю, вы — солдат и не боитесь опасности, а потому прошу вас остаться здесь в качестве моего защитника. Я, правда, плохой хозяин, да к тому же должен окончить прерванную работу, но брат Биккоццо примет вас как желанного гостя.

— Да, мы можем хорошо угостить синьора: донна Лукреция прислала нам много вкусных вещей для завтрашнего праздника, — начал было Биккоццо, но отец Бруно резко оборвал его, приказав принести наверх другую лампу, прежде чем он ляжет спать.

Биккоццо понял намек своего господина и поторопился увести рыцаря вниз. Убедившись, что гость — живой человек, а не архангел, монах начал усердно угощать его.

Трудно было найти более резкую противоположность, чем эти два монаха, жившие вместе. Насколько отец Бруно был молчалив, настолько же Биккоццо любил поболтать.

Доставая разнообразные присланные Лукрецией снеди, он не переставал вести разговор. Он рассказал, с какой симпатией Лукреция Борджиа относится к отцу Бруно, не замечая, что эти сведения не особенно радуют гостя. Тем не менее, Альфонсо поддерживал этот разговор, так как ему очень хотелось узнать, не говорил ли Бруно о Лукреции под влиянием чувства ревности. Наконец, стол был накрыт, и Биккоццо попросил рыцаря утолить голод. Затем он достал для себя кусок хлеба, несколько луковиц, кружку воды и принялся уничтожать свой скудный ужин.

— Нет, так не годится! — воскликнул гость. — Если вы не хотите разделить мою трапезу, то я буду есть то же, что и вы.

— Нет, синьор, этого нельзя. Сегодня пост, мы должны подавать народу благой пример, но что касается вас, то вам незачем мучить себя. Наполните свой кубок этим чудесным хиосским вином, вам не часто придется пить такое. Его прислала нам дорогая донна Лукреция.

Принцу Альфонсо не составило труда убедить монаха выпить с ним вместе. Отказавшись раза два, Биккоццо согласился на уступку, а затем отдал должное закускам и винам, стоявшим на столе. Во время еды он не переставал говорить о Бруно Ланфранки, и Альфонсо узнал много подробностей из его жизни.

Доминиканца все считали выходцем из Испании, а между тем он происходил из старинной итальянской фамилии Ланфранки. Он просто долго жил в Испании, изучая медицину, а затем посещал на юге еврейские школы.

— Во время своего обучения, — рассказывал Биккоццо, — отец Бруно почувствовал вдруг отвращение к мирской суете. Он странствовал по языческим землям и, с благословения Савонаролы, горячим приверженцем которого он являлся, начал проповедовать его учение. Трагическая участь учителя не испугала отца Бруно. От многих опасностей его спасло расположение донны Лукреции. Будучи несчастной в замужестве с Джiovанни Сфорца, она искала утешения и совета у отца Бруно. Вскоре после этого произошел ее развод с мужем, и отец Бруно был назначен ее духовником, несмотря на то что многие духовные лица, старшие по сану, добивались этой чести.

Альфонсо подумал, что, сделавшись духовником Лукреции, Бруно преследовал не только религиозные, но и политические цели. Его еще более убедило в этом утверждение Биккоццо, что Бруно слишком много времени проводил во дворце Борджиа, пренебрегая своими церковными обязан-

ностями. В конце концов духовник Лукреции, вероятно, почувствовал угрызения совести, потому что хотел отказаться от должности духовника. Но его отказа не принимали, и тогда Бруно тайком ушел из Рима и уехал в Иерусалим. Биккоццо сопровождал его во всех странствованиях. Они долго блуждали по Сирии и Палестине, вербовали прозелитов¹ и поддерживали маленькие группы христиан в иноверческих землях. В конце концов они снова вернулись в Рим, как раз в то время, когда Лукреция праздновала свадьбу со вторым мужем, принцем Салернским. Убийство последнего, совершившееся вскоре после этой свадьбы, снова заставило молодую женщину искать утешения в религии. Она лично явилась к доминиканцу и умоляла его сделаться снова ее духовником. Бруно ни за что не соглашался. Он находил, что Лукреция совершила преступление, вступая во второй брак, за что Бог и наказал ее. Неотступные мольбы молодой женщины победили упрямство монаха, и он сделался ее духовником, не оставляя при этом своих публичных проповедей. Количество его учеников увеличивалось с каждым днем. По протекции Лукреции Бруно должен был на следующий день читать свою реформаторскую проповедь в соборе святого Петра в присутствии многочисленной толпы.

Биккоццо испугался, услышав, что на монастырских часах пробила полночь. Он извинился перед гостем за свою болтливость, в то время как рыцарь несомненно нуждается в отдыхе, и начал торопливо готовить для него постель. Альфонсо напомнил монаху о лампе, и тот, рассыпаясь в благодарностях, шатаясь отправился наверх.

Через несколько минут он вернулся и сообщил гостю, что отец Бруно так погружен в молитву, что не слышал его прихода и не заметил другой лампы. После этого веселый монах и Альфонсо улеглись спать.

IV

На утро юбилейного праздника принца Альфонсо разбудили грохот орудий и звон колоколов. Биккоццо стоял у очага и готовил завтрак; Бруно уже ушел, так как хотел видеть процессию монахов своего ордена, и перед

¹ Прозелит (греч. *proselytos* — пришелец) — 1. принявший новую веру; 2. новый и горячий приверженец чего-либо (убеждений в науке, политике, религиозного движения и проч.).

уходом отдал приказ не беспокоить рыцаря. Альфонсо пошел купаться в прозрачной воде ручейка, пока Биккоццо приготавливал завтрак, а когда вернулся, был поражен, до какой степени изменилось настроение монаха. Он уже больше не болтал так, как накануне, и едва отвечал на вопросы гостя. В конце концов Биккоццо признался, что очень озабочен: он боялся, что Бруно вызовет возмущение своей проповедью, вследствие чего, несмотря на сильную протекцию Лукреции, и сам он, и его друзья могут дорого поплатиться. Бруно ушел из дому, ничего не поев, и посоветовал Биккоццо сегодня не сопровождать его; тем не менее монах твердо решил сейчас же после завтрака пойти на розыски своего господина. Альфонсо охотно пошел бы вместе с ним, но, вспомнив о свидании с Мириам, расстался с Биккоццо в том месте, где следовало свернуть к форуму. Собственно, Альфонсо мало рассчитывал на то, что Мириам сдержит свое обещание, да притом уверенность в виновности Лукреции настолько поглотила его, что все остальное казалось ему теперь лишь праздным любопытством.

На форуме собралась уже значительная толпа людей разных сословий и положений, и Альфонсо пожелал в душе, чтобы Мириам не пришла. Прождав напрасно девушку довольно значительное время, он начал разыскивать ее среди праздничной толпы, а когда убедился, что Мириам нет на площади, то решил пойти к ней в гетто. Он вспомнил, что она жила в доме, где помещается аптека, а потому мог войти туда, не возбуждая ничьего подозрения, как будто намереваясь купить лекарство; он рассчитывал на то, что, может быть, ему удастся каким-нибудь образом напомнить молодой женщине о данном ею обещании.

Подойдя к воротам гетто, Альфонсо узнал от часового, что в течение всей праздничной недели ни один христианин не может войти в пределы гетто. Однако Альфонсо не так легко отказывался от раз задуманного намерения. Увидев, что он не может проникнуть через ворота, он пошел в обход, чтобы добраться до дома Мириам таким же путем, каким он вышел оттуда накануне. Но и здесь его ожидало разочарование. Вода в канале стояла так высоко, что совершенно преграждала доступ. Это обстоятельство заставило рыцаря предположить, что евреи узнали о его посещении и умышленно подняли воду в канале. Само собой разумеется, что тревога Альфонсо относительно судьбы Мириам после этого еще усилилась.

С целью узнать что-нибудь о безумной еврейке, рыцарь вернулся на площадь, где собралась толпа со всех концов города. Обедню должны были служить в старом константиновском соборе, но так как последний не мог вместить всех желающих попасть туда, то лишь часть паломников проникла в храм, остальные же стояли на площади и через широко открытые двери собора старались увидеть и услышать то, что происходит в храме. Благодаря своему полумонашескому одеянию и физической силе, Альфонсо удалось сравнительно легко протиснуться сквозь толпу и войти в базилику.

Служба не начиналась, так как папа и его двор находились еще в Ватикане, где Александр VI принимал поздравления от высокопоставленных гостей. Альфонсо с любопытством осматривался вокруг и был крайне поражен, заметив, что на него обращено внимание присутствующих. Как только один из пажей, равнодушно озиравших толпу, увидел иоаннита, он быстро подошел к нему и почтительно спросил, не он ли Альфонсо Равенна. Принц, принявший это имя для того, чтобы оградить себя от любопытства, ответил утвердительно, и паж радостно убежал куда-то. Через несколько минут явился церемониймейстер Бурхард.

— Его святейшество желает видеть вас, — обратился он к Альфонсо. — Следуйте за мной!

Опираясь на свой серебряный жезл, Бурхард пошел вперед, но рыцарь не спешил последовать за ним. Только когда церемониймейстер, дойдя до дверей Ватикана, оглянулся и повелительным жестом вторично пригласил Альфонсо войти, тот не счел возможным отказаться от приглашения.

Широкая мраморная лестница спускалась вниз и вела в огромный зал, где на троне восседал Александр VI. Глазам Альфонсо представилась грандиозная картина. К папскому престолу тянулась непрерывная цепь роскошно одетых знатных особ в духовном и светском платьях. Все подходило по очереди к трону, целовали ногу папы и, поздравив его, отходили назад, где позади трона образовалась уже целая толпа нарядных гостей. Когда Альфонсо вошел в зал, к ногам папы склонялась донна Лукреция, которую сопровождала свита из красивейших знатных дам Рима. Его святейшество поднял молодую женщину, нежно поцеловал ее и посадил рядом с собой с правой стороны. Когда Лукреция откинулась на спинку кресла, ее взгляд встретился со взглядом Альфонсо. Она вздрогнула, и яркая краска залила ее щеки, но в следующее же мгновение побледнела, как

мраморное изваяние. Рыцарь сильно волновался, подходя к трону папы, чувствуя, что на него обращены взоры всех присутствующих. Лукреция тем временем овладела собой. На ее прекрасном лице выражалось удовольствие, в чудных глазах сверкали слезы. Когда Альфонсо склонился к ногам папы, она радостно воскликнула:

— Это он! О, святой отец, если моя жизнь имеет для тебя какую-нибудь ценность, то взгляни на этого благородного рыцаря, спасшего меня!

— Встань и дай обнять тебя, храбрый герой! Даже в героической хронике Диаца эль Кампеалора немного встречается таких подвигов, как твоя борьба с буйволом, — проговорил Александр VI и положил свою украшенную бриллиантами руку на плечо рыцаря. — Я должен поблагодарить тебя также за освобождение Паоло Орсини. Скажи, чем вознаградить тебя?

— Все люди, ваше святейшество, — лишь жалкое безвольное орудие в руках Высшей Силы. Поступают ли они хорошо, или дурно, — их не за что ни вознаграждать, ни карать, и я прошу вас не приписывать мне никакой заслуги. Слепой случай поставил меня на пути взбесившегося животного.

— А я все-таки чувствую себя обязанной вам, синьор рыцарь, так как ваша храбрость, а не случай спасла мою жизнь, — заметила Лукреция с обворожительной улыбкой, слегка краснея, отчего стала еще прелестнее. — В доказательство своей признательности я избираю вас своим рыцарем на предстоящий турнир!

С последними словами молодая женщина сняла со своей шеи серебристую ленту и накинула ее на плечо Альфонсо.

Сердце рыцаря сильно забилося, щеки вспыхнули, и он вдруг осознал, что не в состоянии побороть страстное чувство к этому очаровательному созданию. Но тут его взор встретился с таким сверкающим, бешеным от ревности взглядом монаха, что Альфонсо невольно вздрогнул. Он узнал отца Бруно и вспомнил весь ночной разговор с ним. Усилием воли он подавил волнение и со спокойным видом обратился к Лукреции:

— Вы видите, донна, что мне не подобает сражаться во имя просто земной красоты, — проговорил он. — О, я готов отдать последнюю каплю крови во имя духовной красоты феррарских женщин и думаю, что этим доказываю им, как высоко я почитаю скромность и душевную чистоту, образцом которой является Пресвятая Дева Мария. Земную

же красоту я считаю искушением дьявола, ядом, поднесенным в золотом сосуде.

С этими словами рыцарь так сильно рванул ленту, что в его руках оказалось несколько кусков.

Во время речи иоаннита лицо Лукреции несколько раз меняло свое выражение. Она сначала смотрела на рыцаря с немым удивлением, затем краска стыда и обиды вспыхнула на ее щеках, но в следующее же мгновение ее взор принял гордое выражение и на губах заиграла насмешливая улыбка. Она взяла из рук Альфонсо, стоявшего перед ней на коленях, свою изорванную ленту и обвела взором находившихся вокруг нее молодых рыцарей.

— Во времена Карла Великого и короля Артура к женщинам относились иначе, — с очаровательной улыбкой заметила она, обращаясь к Бембо, — насколько можно судить по сонетам, составленным в честь любви и феррарских женщин. Если не все в Италии забыли эти поэтические сказания, то я надеюсь найти и сегодня человека, который бы согласился быть моим рыцарем, несмотря на то что, по мнению рыцаря святого Иоанна, я — полная противоположность его идеалу женщины.

— Хотя этот рыцарь и из Феррары, донна, но он забыл феррарскую поговорку: «Кто не может есть персики, тот не должен их и нюхать», — несколько смущенно ответил Бембо. — Иоанниты — монахи, и им незачем рядиться в рыцарские доспехи.

— Удостоите меня, донна, этим драгоценным подарком, — проговорил Паоло Орсини, становясь на колени перед Лукрецией и страстно целуя конец ленты.

— Вы были бы, синьор Паоло, моим рыцарем по необходимости, — возразила Лукреция, закусывая губы. — Нет, я надеюсь, что сэр Реджинальд не откажется завоевать для меня первый приз.

Лебофор с сияющим от счастья лицом склонился к ногам красавицы и поклялся святым Георгием, что готов сражаться в ее честь, пока только будет в состоянии сидеть в седле и держать в руках шпагу. Лукреция взглянула на английского рыцаря с такой нежной улыбкой, что Альфонсо почувствовал в сердце острые уколы ревности.

Многочисленные голоса молодежи выразили желание последовать примеру Лебофора.

— Нет, нет, я не хочу отнимать у других дам возможность сделаться королевами праздника, — возразила Лукреция. — Что касается меня, то я жертвую драгоценный венок, если его добудет мне сэр Реджинальд, Пресвятой

Деве Марии, в честь которой воздвигну храм в том месте, где случай спас меня от взбешенного буйвола.

— Не так-то легко оказаться победителем на турнире, гораздо легче заколоть быка, — насмешливо заметил Цезарь Борджиа, с удовольствием видя мрачную тень на лице своего отца. — Осмелюсь заметить вашему святейшеству, — обратился он к нему, — что уже довольно поздно.

— Рыцарь, ты — не полумонах, а монах вполне, — сказал папа принцу Альфонсо, не скрывая своего неудовольствия. — В твои годы я предпочел бы сражаться на десяти турнирах, чем отклонил бы предложение такой очаровательной дамы.

Папа взглянул на свою дочь с необыкновенной нежностью и гордостью, а затем сделал нетерпеливый знак церемониймейстеру; тот легонько оттеснил Альфонсо от трона, чтобы дать место другим, еще не принесшим его святейшеству своих поздравлений.

К трону склонилась могучая фигура Вителлоццо, причем в зале раздался звон его амуниции.

— Это вы, синьор ди Каstellо? — с изумлением воскликнул папа и отодвинул ногу, точно собираясь оттолкнуть от себя вооруженного великана.

— Я явился сюда, чтобы почтительно поцеловать эту святую стопу! — проговорил Вителлоццо.

— Это неслыханное нахальство! — возмутился папа. — Это, вероятно, вы, синьоры Орсини, посоветовали ему искать милости у меня, после того как он грозил свергнуть меня с престола? — гневно обратился он к представителям семьи Орсини.

— Нет, святой отец, синьор ди Каstellо пришел сюда по моему совету, — с горькой улыбкой заявил Цезарь. — Ведь теперь мы все будем братья.

— Скажите, святой отец, что должен я сделать для того, чтобы получить ваше прощение? — спросил Вителлоццо.

— Отпусти своих разбойников и докажи своим вассалам, что христианину не подобает поднимать руку на ближнего, если даже их господин требует этого! — гневно ответил Александр, вставая с места.

Герцог обменялся с Паоло озабоченным взглядом, а Вителлоццо поднялся с колен и стал рядом с Орсини.

Видя дурное настроение папы, церемониймейстер поспешил закончить процедуру поздравлений, а затем весь двор в торжественном шествии отправился в церковь святого Петра.

Желая отвлечь от себя внимание, Альфонсо незаметно ушел из дворца и укрылся в одном из темных углов храма. Вскоре он услышал перезвон колоколов и залпы пушек, возвещающие приближение папского шествия. За несколько минут до его появления раздалось отдаленное грустное и нежное пение. Под роскошным балдахином, олицетворявшим собой небо, усыпанное звездами из драгоценных камней, несли на троне папу, который, вытянув руки вперед, благословлял коленапреклоненную толпу. Папу окружала масса епископов, затем следовала придворная свита, за нею паломники высокого ранга в разнообразных дорожных нарядах, за ними монахи с факелами и монахини с зажженными восковыми свечами. После монахов и монахинь показалась Лукреция в сопровождении придворных дам, затем Цезарь с женой и многочисленной свитой. Альфонсо заметил, что с одной стороны Лукреции шел Паоло Орсини, а с другой — Реджинальд Лебофор. Прекрасный английский рыцарь, одевавшийся всегда очень роскошно, теперь превзошел самого себя.

Но больше всех поражал своей внешностью герцог Романьи. Он был в атласе и парче, расшитой жемчугом и бриллиантами. Герцогская шапка была украшена рубинами, величиной с орех. С его плеч спускалась роскошная пурпурная королевская мантия, отделанная горностаем.

Оставаясь в своем углу, Альфонсо был уверен, что его не заметят главные действующие лица церемонии, но судьбе угодно было распорядиться так, что он оказался прямо напротив Лукреции.

В эту минуту понеслись звуки сотен гармоничных голосов, точно волнуемое море. Папа сошел со своего трона, чтобы лично отслужил обедню. С какими разнообразными мыслями и чувствами ни собрался сюда народ, никто не мог не подпасть под влияние этой торжественной обстановки.

Когда по окончании обедни его святейшество начал благословлять народ, Альфонсо невольно опустился на колени и в ту минуту был так же горячо убежден, как любой паломник-фанатик, что сам Господь благословляет его. Однако это восторженное настроение исчезло, как только рыцарь поднял голову и увидел отца Бруно, сопровождаемого доминиканцами, который готовился взойти на украшенную цветами кафедру, чтобы после проповеди прочесть юбилейное папское послание, оглашения которого с нетерпением

ожидали паломники. На его бледном лице застыло страдальческое и решительное выражение, как у человека, ожидавшего казни, но преодолевшего страх. Взойдя на кафедру, он некоторое время молчал, обводя взглядом толпу. Альфонсо видел, что мужество не изменило монаху, и подумал с некоторым удовольствием о том, какой неприятный сюрприз ожидает папу и его двор. Булла оставалась непрочитанной, — по-видимому, отец Бруно оставил ее для заключения своей речи.

Монах начал с предисловия на латинском языке, описывая в мрачных красках современное состояние христианского общества и религии. Казалось, что вернулся сам Данте и читает отрывки своей «Божественной комедии». Бруно говорил о первых чистых временах христианства, когда идолы исчезали, как дым. Теперь же снова начали поклоняться идолам и, именуя себя христианами, совершают преступления, подобно язычникам.

После этого предисловия монах-аскет нарисовал картину современного ему общества, далеко отошедшего от идеалов христианства. Горячая проповедь монаха уничтожала все на своем пути, как лава вулкана. Он громил тщеславие, жажду славы, плотскую любовь и в ужасном виде изображал нравы современного духовенства.

Изумление присутствующих возрастало с каждой минутой. Так как монах говорил вообще, не касаясь личностей, то папа Александр слушал его с видным благоволением. Эта необыкновенная речь повышала настроение толпы с каждой минутой все больше и больше. Но неожиданно Бруно остановился, как бы собираясь с силами для того, чтобы совершить героический поступок; его глаза, обведившие толпу, точно призывая к вниманию, остановились на Лукреции Борджиа, которая задумчиво смотрела на Альфонсо и даже не заметила, что монах перестал говорить.

Слова, которые собирался произнести Бруно, застряли у него в горле; он судорожно, глубоко вздохнул и продолжал молчать. Лукреция вздрогнула, как бы проснувшись от сна, и подняла удивленный взгляд на проповедника. Бруно снова заговорил, но совершенно неожиданно на другую тему. Он упомянул о милости Божьей к верным слугам церкви и кстати рассказал о том, что на его жизнь покушался человек в маске. Монах расточал необыкновенные похвалы в адрес рыцаря, спасшего его, и Альфонсо боялся, как бы проповедник не назвал имени того, кто нанял убийцу.

Лукреция не смогла удержаться от слез, а в толпе слушателей пронесся шепот одобрения. Монах продолжал свой рассказ с возрастающим воодушевлением. Он говорил так, что можно было предположить, будто он считает Орсини подстрекателем преступления.

— Моей смерти желал один человек, которому было неприятно, что я отрицательно отношусь к предполагаемому браку между двумя высокопоставленными лицами, — сказал Бруно, — но я все же скажу: не следует допускать третий брак после того, как Господь ясно показал, что Он не желает этого. Два первых брака произошли без Божьего благословения, не следует вызывать вновь гнев Творца Небесного, иначе Он немедленно покарает непокорных Ему.

Эти слова произвели на слушателей неодинаковое впечатление. Цезарь улыбался, а папа сердито смотрел на него, как будто считал, что эта проповедь — дело рук Цезаря. Герцог Гравина вскочил с места и схватился за рукоятку шпаги, но Паоло остановил его, прошептав, что не следует принимать намек на свой счет. Лукреция не пыталась скрывать волнение и, закрыв руками лицо, тихо плакала.

В заключение монах объявил, что прощает своих врагов, и перешел на чисто религиозную тему, высказывая необыкновенную преданность и остроумное толкование текстов священного писания.

Окончив проповедь, Бруно взял буллу, сорвал печать и прочел ее громким, внятным голосом.

Наступило глубокое молчание. Слушатели молились про себя в ожидании, когда глава доминиканцев опустится на колени и произнесет благодарственную молитву, как требовалось по уставу службы. Но Бруно стоял неподвижно, погруженный в свои думы.

— Посмотрите, что делается там с этим учеником Савонаролы, — недовольным тоном обратился Александр к одному из своих приближенных, — а благодарственную молитву мы прочтем сами.

Папа поднялся, в сопровождении кардиналов и прелатов подошел к алтарю и сильным, звучным голосом произнес слова молитвы. Вслед за ним последовал и герцог Романья, который по окончании молитвы попросил позволения кое-что пожертвовать в пользу церкви и высыпал из маленькой коробочки много драгоценных камней.

— Вот вполне королевский подарок! — восторженно воскликнул казначей. — Какой прекрасный пример для других!

— Карл Великий давал больше. Вот если я получу корону на западе, то буду поступать так же, как он, — смеясь, ответил Цезарь.

Пример действительно не остался без подражания. Жертвования посыпались со всех сторон.

Альфонсо не переставал смотреть на Бруно, который с бледным, утомленным лицом, опираясь на плечо Биккоццо, спускался теперь с кафедры. Внезапно раздался удар, потрясший всю церковь до основания. В честь юбилейного праздника приказано было звонить в огромный старый колокол базилики. Внезапно язык этого колокола сорвался, и большой кусок железа полетел с высоты башни вниз, проломил потолок церкви и упал непосредственно к ногам папы, раздробив мрамор пола. Куски штукатурки с потолка и осколки мрамора осыпали папу и его приближенных.

Паника обуяла присутствующих. Боялись, что рухнет все здание церкви, все заволновались, бросились к выходу, а тут еще распространился слух, что папа убит. Началось настоящее столпотворение.

В первую же минуту происшествия Лукреция покинула свое безопасное место, с пронзительным криком ужаса бросилась к отцу и упала в его объятия без чувств. Александр со свойственным лишь ему необыкновенным самообладанием положил на пол у своих ног бесчувственную дочь и, несмотря на то что ожидал, что вот-вот разрушится весь храм, громким, спокойным голосом прочитал молитву. Услышав голос папы, толпа мгновенно затихла в торжественном молчании, и могучее «аминь», раздавшееся в конце молитвы, показало, что сердца молящихся бьются в унисон.

С невыразимой нежностью Александр поднял свою дочь, наконец очнувшуюся от обморока, и она покрыла слезами и поцелуями его руки. Альфонсо показалось, что из глаз папы тоже покатались слезы в ответ на излияния Лукреции. Пока приближенные Александра приносили ему поздравления по случаю чудесного избавления от опасности, Альфонсо вышел на середину храма и, скрытый толпой, громко произнес:

— Вершина церкви святого Петра стоит еще, но если ее сейчас же не укрепить и не перестроить всего здания, то скоро от него останутся одни развалины. То же самое, верующие христиане, произойдет и с нами. Укрепим же христианство, исправим его по заветам великого учителя нашего, иначе оно превратится в руины.

— Это хорошо сказано! — воскликнул Цезарь. — Я считаю, что каждый из нас, кто сколько может, должен

пожертвовать на восстановление храма святого Петра. Это было бы поистине христианским поступком. А пока, святой отец, успокойте сердца верных сынов церкви, покажитесь народу, собравшемуся на площади; нужно, чтобы все видели, что ваше святейшество милостью Божьей остались невредимы.

— Мы отправимся торжественной процессией в церковь Пресвятой Богородицы и принесем Царице Небесной благодарственную жертву, — сказал Александр немного утомленным голосом. — Успокойся, моя дорогая! Орсини, помогите Лукреции идти!

На площади раздалось радостное ликование толпы, когда она увидела папу во главе процессии, отправившейся к храму Пресвятой Девы. Альфонсо не последовал за процессией. Церковь быстро опустела, и рыцарь остался один, погруженный в свои мысли. Он думал о страстной любви Лукреции к отцу, о необыкновенном самообладании папы в такой страшный момент, о храбрости доминиканца, не побоявшегося пойти против папы и обвинить Орсини. Альфонсо только не мог понять, почему доминиканец так расхваливал его, между тем как должен был испытывать ревность к нему. Монах видел, что Лукреция оказала предпочтение Альфонсо перед всеми другими. И тут его осенила мысль; он ясно понял, почему Бруно так превозносил его. Он хотел вызвать таким образом ненависть герцога Романьи к принцу Альфонсо и заставить его отомстить ему.

Подняв голову, принц неожиданно увидел доминиканца, стоявшего рядом с Биккоццо у алтаря и рассматривавшего разбитую мраморную плиту. На лице Бруно выражалась бессильная бешеная злоба. Однако, заметив приближавшегося к нему рыцаря, он быстро овладел собой.

— Вы действительно, кажется, считаете свою жизнь скорее несчастьем, чем благом, — иронично обратился Альфонсо к доминиканцу. — По крайней мере, своими неуместными похвалами в адрес лица, спасшего вам жизнь, вы сделали ему врага, что, конечно, сделали умышленно.

— Да, я причинил тебе временное зло, — согласился монах, — а ты навеки сделал меня несчастным.

— Я? — удивленно воскликнул Альфонсо.

— Да, ты! В моей душе боролись два начала — добро и зло. Добро победило. Но вот явился ты — и зло воскресло с новой силой. Ты заставил меня отказаться от моей великой задачи. Ты — второй, но еще более коварный Иуда. Я хотел, — продолжал с горькой улыбкой доминиканец, — заставить всех собравшихся христиан сбросить с

трона Родриго Борджиа, который при помощи дьявола и больших денег повелевает нами под именем Александра Шестого. Его поступки позорят Христа, представителем Которого он является перед народом, бросают тень на всех христиан.

— Уведи своего господина отсюда, он сошел с ума! — обратился Альфонсо к Биккоццо.

— Если бы он съел хоть кусочек чего-нибудь, ему стало бы гораздо лучше; ведь в течение тридцати четырех часов у него во рту не было маковой росинки! — озабоченно заметил Биккоццо.

— Я не голоден и не чувствую никаких физических мучений! — возразил Бруно. — Жгите меня на огне — я не испытаю никакой боли; ведь мои нравственные страдания так велики, что заглушают все другие. Ты не должен сердиться на меня, рыцарь! Я спас тебя, — теперь же для тебя этот город будет самым страшным местом. Ты в большом подозрении у Цезаря, и если останешься здесь, то неминуемо погибнешь. Если же ты все-таки считаешь, что я виноват перед тобой, то приходи ко мне за возмездием.

— Объясните, чем я помешал вам исполнить свой план? — спросил Альфонсо.

— Биккоццо скажет тебе, в чем дело! Я ослаб, я устал, я погиб... я сам не знаю, что говорю, — ответил доминиканец, шатаясь, и вдруг схватился за плечо Биккоццо, чтобы не упасть. — Отведи меня к свету, Биккоццо! — залепетал он. — К свету, к свету! Здесь темнота навеки!

VI

На другой день после открытия юбилейных празднеств, рано утром, едва солнце успело взойти, в одной из комнат нижнего этажа замка Святого Ангела сидели двое мужчин. Свет с трудом проникал сквозь железные решетки окон этой комнаты. По стенам были развешаны разные орудия пытки; для этой же цели к потолку крепились крюки и кольца. Один из мужчин был браво Джиованни, а другой — Мигуэлото.

— Да, мы упустили удобный случай, — проговорил последний, — но все-таки этот проклятый феррарец недолго просуществует!.. Пусть только герцог услышит то, что ты только что рассказал мне. Да вот он и сам идет!

В эту минуту в комнату вошел Цезарь Борджиа в длинном испанском плаще и мягкой шляпе, надвинутой на гла-

за. В этом костюме Цезаря нельзя было отличить от любого горожанина. Герцог так был погружен в свои мысли, что сначала не заметил присутствия бандита. Увидев Джиованни, он отскочил назад и достал из-под плаща свое любимое оружие.

— Ваша светлость, здесь Джиованни; он просит позволения видеть вас! — сказал Мигуэлото, в то время как бандит кланялся до самой земли.

— Ах, это ты, честнейший Джиованни? Вот уж никак не ожидал, что увижу нашего праведника так рано и в обществе Мигуэля! Ты ведь записался в праведники! — насмешливо проговорил Цезарь. — Хорошо, что ты вовремя заговорил, Мигуэль; ведь мой указательный палец уже нажимал пружину этой машинки; еще минута — и отравленная иголка попала бы в глаз Джиованни. Будь здесь двенадцать бандитов — все получили бы свою порцию. — С этими словами герцог показал изящно сделанный парик с воткнутыми в него отравленными иголками, которые при нажатии внутренней пружинки разлетались во все стороны. — Как видишь, праведный Джиованни, со мной шутки плохи. Однако что с тобой случилось? Почему твое лицо имеет такой вид, точно побывало под виноградным прессом? Рассказывай всю правду, иначе придется познакомиться вот с этими штуками, — прибавил Цезарь, указывая рукой на приспособления для пыток.

У бандита не было оснований скрывать истину, и он подробно изложил все происшедшее с ним.

— Да, тебе не повезло, но это могло случиться со всяким! — задумчиво ответил Цезарь.

— Но вашего шпиона, синьор, Джиованни благополучно доставил в замок Орсини! — проговорил дон Мигуэль, желавший задобрить Цезаря.

— Да, но вместо того, чтобы слегка ранить, он перерезал ему горло, как барану. Впрочем, тем лучше: Орсини станет ему еще больше доверять. Ну, спасенная душа, — насмешливо обратился герцог к бандиту, — какое же ты теперь испытываешь чувство по отношению к рыцарю, так разукрасившему тебя? Собираешься ли ты мстить ему или чувствуешь к нему благодарность? А что поделывает монах?

— Отец Бруно — святой человек; я никогда не подниму на него руку, — торжественно заявил бандит.

— Да неужели? В таком случае он очень опасен! Впрочем, после того что он говорил вчера по поводу брака

Лукреции, его можно еще поддержать на земле. Мяуканье кошки действует на нервы, но если она охраняет сало от мышей, то с этим еще можно примириться. Нет, теперь я имею в виду не монаха, а того иоаннита.

— Если вашей светлости угодно, чтобы я наказал его за то, что он сует нос не в свое дело, я к вашим услугам. Но я не возьму с вас ничего за это, так как и сам жажду разделаться с ним! — мрачно ответил бандит.

— Поэтому-то я и позвал тебя. Послушай, Джиованни, никто не смеет коснуться ни одного волоса на его голове; кто тронет его, тот погибнет в страшных мучениях под пыткой. Запомни это хорошенько и держи язык за зубами. Мигуэль, дай ему вдвое больше того, что ему обещано, и пусть он убирается отсюда!

Мигуэль низко поклонился; bravо последовал его примеру, после чего оба вышли со смущенными, недоумевающими лицами.

Цезарь улыбнулся над их смущением и поднялся по темной лестнице на одну из замковых башен.

Сидя в амбразуре окна, Фиамма задумчиво смотрела на небо, подперев голову руками. У ее ног дремали легавые собаки Цезаря.

Герцог неслышными шагами вошел в комнату; собаки подняли головы, но, узнав хозяина, продолжали мирно дремать.

Фиамма так задумалась, что заметила присутствие Цезаря лишь тогда, когда он, склонившись на одно колено, потянул ее руку к своим губам. Лицо молодой женщины прояснилось, когда она увидела своего возлюбленного.

— Вот, дорогая, как рано я пришел к тебе, покинув свою супругу, которой ты так завидуешь, — проговорил Цезарь, нежно обнимая Фиамму. — Ну что, обдумала ты мое предложение, согласна взять на себя предложенную мною роль?

— Ты знаешь, Цезарь, что у меня нет своей воли; я — твоя раба и делаю все, что ты прикажешь мне. Я так низко пала, что сама презираю себя, не чувствую к себе даже жалости. Но говори, говори, мой милый, дай мне возможность забыться. Твои слова звучат для меня как отдаленная райская музыка.

— Скажи, что ты любишь меня. Раньше это слово не сходило с твоих уст, — нежно заметил Цезарь. — А теперь, теперь ты не любишь меня!

— О, если бы я не любила тебя, Цезарь, мы никогда бы больше не увиделись!

— Почему же ты колеблешься, не решаешься помочь мне? Ведь ты видишь, как шатко мое положение! — с укоризной проговорил Цезарь. — Может быть, и ты — союзница Орсини и желала моей гибели?

— Я — союзница Орсини? Боже меня упаси! — воскликнула Фиамма. — Я только не могу понять, почему ты требуешь, чтобы я, изображая твою сестру, сыграла роль развратной женщины!

— Но ведь это — карнавальная шутка! Притом ты изобразишь Лукрецию именно такой, какая она есть на самом деле. Ты нисколько не погресишь против нее. Ведь вся Италия знает, что она за женщина, даже ее самые горячие поклонники.

— Ну мало ли, что говорят, Цезарь!.. Если верить всему, то ведь можно с ума сойти от ужаса! — ответила Фиамма и так взглянула на герцога, что тот даже вздрогнул.

— Если тебе не нравится выступать в роли моей сестры, то не нужно; я придумал для тебя нечто другое. Так как ты хороша, несравненно хороша, то ты примешь главарей черной банды, которых я приглашу на интимный ужин. Я представлю тебя этим веселым молодцам в качестве жены Мигуэля, а он сам, конечно, ничего не должен знать об этом. Почему ты смотришь на меня с таким ужасом?

— Прости меня, но я до сих пор не могу привыкнуть к тому, что я такое! — воскликнула Фиамма, гневно сжимая губы. — Я все вспоминаю старое.

— Господи, на что же я могу рассчитывать, если даже люди, любящие меня, не хотят ни в чем помочь мне! — с грустью проговорил Цезарь. — Ведь я прошу у тебя такой пустяк! Сказать несколько любезных слов на карнавале — вот и все. Но, конечно, если ты считаешь это унижительным для себя, то ничего не нужно! А я-то дурак! Я так надеялся, что ты согласишься доставить мне удовольствие, что заказал для тебя костюм феи Морганы, блестящий от бриллиантов, сотканный из золотой паутины. Я сам хотел сопровождать тебя в костюме черного невольника, как символ преклонения перед твоей красотой!

— О, если ты любишь меня, то, конечно, я сделаю все, что тебе угодно! — воскликнула вдруг Фиамма. — Если от этого зависит твое спокойствие, то я возьму на себя роль твоей сестры, в каком бы виде мне не пришлось изображать ее!

— Ты должна будешь направить все свои чары только на одного. Тебе, может быть, рассказывал Мигуэль о стран-

ном иоанните, человеке твердом и холодном как мрамор. Он все время преследует нас, точно послан свыше для того, чтобы уничтожить всю семью Борджиа.

— Я слышала, что он отказался стать рыцарем Лукреции! — ответила Фиамма.

— Такой красавицы, признанной всем светом! — прибавил герцог. — А она так горячо просила его об этом, позабыв всякую осторожность!.. Недаром говорится, что холодная монахиня, отвергающая любовь мужчины, может заставить позабыть тысячу любящих женщин.

— Мне, вероятно, придется испытать на себе эту поговорку!

— Никогда, никогда, моя дорогая, пока ты сама не разлюбишь меня! — горячо воскликнул Цезарь. — Но вернемся к Лукреции. Она создана для радости, как цветок без солнца, она не может существовать без любви; холод убивает ее, и потому нужно направить все силы на то, чтобы заставить иоаннита заинтересоваться ею. Когда у Лукреции является любовный каприз, она никого и ничего не слушает, и даже увещания отца не имеют для нее тогда значения. Для меня очень важно, чтобы Орсини верили в мое расположение к ним и в желание содействовать им в браке Паоло. Я действительно буду играть им в руку, но только тогда, когда буду убежден, что Лукреция ни за что не согласится стать женой Паоло, а это случится, если она увлечется иоаннитом.

— Но если Лукреция все еще так хороша, как была раньше, то ее любовь недолго останется неразделенной.

— О, ты так думаешь потому, что не видела этого ледяного иоаннита! — весело воскликнул Цезарь. — Во всяком случае, я должен хорошенько узнать, что он за человек, прежде чем использовать его для своей цели. Ты так прекрасно воспринимаешь и передаешь чужие голоса и манеры, что тебя нетрудно будет принять за Лукрецию. Желание моей сестры быть незаметной среди других масок очень облегчает нам исполнение моего плана. Кроме того, нужно будет посмотреть, нельзя ли извлечь пользу от соперничества этого рыцаря с его братом по оружию, английским рыцарем сэром Реджинальдом, который так глазееет на Лукрецию, точно никогда в жизни не встречал ни одной женщины. Однако мне надо послать за твоим костюмом, а также позаботиться о своем. Мы так заболтались, что не заметили, как прошло время, — закончил Цезарь и обнял просиявшую от счастья молодую женщину.

VII

Орсини и их знатные гости занимались приготовлениями к карнавалу; они собирались устроить торжественное шествие в масках, которое должно было сопровождать Лукрецию. Паоло рассчитывал заслужить расположение Лукреции и старался все устроить согласно вкусу красавицы; но незадолго до начала карнавала явился посланный от Лукреции и заявил, что она отказывается от эскорта. Разочарование Орсини было очень велико, но Паоло несколько успокоился, когда посланный прибавил, что Лукреция надеется, что он узнает ее, в какой бы маске она ни была, так как любовь всегда найдет объект своей страсти.

Решено было, что Лебофор будет изображать веселого Ланселота¹, а Паоло — меланхоличного влюбленного Тристана². Герцог взял на себя роль короля Артура, а Урбино — колдуна Мерлина. Вителлоццо непременно хотел быть великаном-язычником; эта роль давала ему возможность быть вооруженным, а без оружия он чувствовал себя не совсем спокойно в Риме.

Маскарад начался в полдень. Альфонсо блуждал по улицам, украшенным флагами и коврами, и сам не знал, куда он, собственно, идет. Из окон домов раздавались смех и музыка. Толпа принимала Альфонсо за ряженого, она думала, что рыцарь нарядился в монашеский костюм для карнавала, и все время приставала к нему. То его окружали дьяволы с факелами в руках и просили у него благословения для того, чтобы отправиться в преисподнюю, подальше от христианского ликования. То он попадал в объятия бородатой дамы-великанши, которая оказывалась немецким солдатом, и так далее. Феи, сатиры, фавны, всевозможные языческие божества на каждом шагу попадались навстречу иоанниту. Тут же на улице давались представления; большей частью изображались сцены из быта отдельных местностей и их нравов. Разные провинции соперничали друг с другом в изобретательности и щегольстве костюмов. Но пальму первенства завоевали римляне.

Во время своего странствования Альфонсо встретил маскарадное шествие Орсини, привлекавшее к себе его внима-

¹ Ланселот — один из знаменитейших рыцарей Круглого стола, тайно влюбленный в супругу короля Артура; образец благородства и справедливости.

² Тристан — герой одной из легенд о рыцарях Круглого стола. Легенда о Тристане и Изольде на века стала прекрасной повестью о любви и смерти.

ние. На блестящих на солнце флагах были нарисованы Рафаэлем Санти романтические сцены. Роскошные костюмы рыцарей, необыкновенно дорогое убранство лошадей вызывали всеобщее удивление. В серебряной, убранный розами колеснице, в которую была впряжена белая как снег шестерка лошадей, сидел Амур, вооруженный луком и стрелами. Как только колесница останавливалась, вокруг нее начинали плясать богини Времени, дочери Зевса и Фемиды, связанные между собой цепью из роз. Непосредственно за колесницей выступала маска Отверженной любви, окруженная Ревностью, Гневом, Страданием и Ненавистью. Все эти чувства воплощались в образе женщин в костюмах мрачных красок. Вслед за этой процессией шла Правда, изумленная, в платье, пропитанном водой, как бы от слез. Правда не отвечала на вопросы и только печально покачивала головой.

Альфонсо почувствовал укол в сердце, когда увидел процессию, ясно намекавшую на поведение дочери папы. На носилках сидела восковая фигура, очень напоминавшая собой Лукрецию; ее окружало большое количество кардиналов в масках; они проповедовали народу о любви, предлагая ему брать пример с главы церкви и его семьи. Непосредственно за этой процессией, извиваясь во все стороны, двигалась маленькая фигурка, изображавшая наполовину змею, наполовину жабу. Весь ее костюм состоял из длинных языков с надписью: «Клевета». Фигурка все время изрекала фразы, позорящие папу, его семью и весь двор. Альфонсо сейчас же узнал в образе змеи маленького портного Паскино.

Погруженный в свои мысли, Альфонсо не заметил, как очутился на главной улице. Он не обращал внимания на встречающиеся маски и процессии, как неожиданно его остановил какой-то необыкновенный шум. Перед ним проходил кортеж, состоявший из многочисленных лиц, одетых в роскошные восточные костюмы; все они играли на тамбуринах, цимбалах и барабанах. За ними ехала дама, одетая в блестящее платье и изображавшая фею Моргану¹. Она сидела на спине слона, убранного золотом и пурпурной тканью; все ее платье было усыпано бриллиантами, точно каплями росы. Огромнейший тюрбан скрывал ее волосы; маска не давала возможности видеть лицо интересной незнакомки.

¹ Фея Морган — злобная волшебница, королева, сестра короля Артура, враждовавшая с ним

— Да здравствует Моргана! — кричали со всех сторон.

По-видимому, фея была очень остроумна, так как вслед за каждым ее словом раздавались смех и аплодисменты. Возле нее стояли корзины цветов и конфет, и она бросала их горстями в толпу. Иногда она произносила фразы на каком-то восточном языке, но, вслушавшись в ее слова, можно было понять, что она говорит по-итальянски и только переделывает окончания слов. Слона вел на палке, украшенной жемчугом, какой-то потомок Магомета; об этом можно было судить по его восточному костюму, представлявшему собой образец царственной роскоши. На его лице была маска негра. Он разгонял обнаженным мечом всех, кто осмеливался ближе подойти к фее Моргане.

Альфонсо хотел пройти мимо этой процессии, так же мало интересуясь ею, как и всеми другими, но вдруг вспомнил, что в Италии был лишь один слон, подарок султана, принадлежавший папе. Желание узнать, кто скрывается под маской феи, было так велико, что Альфонсо пробрался через толпу и очутился возле негра. Увидав рыцаря, тот радостно вскрикнул и тихо сказал несколько слов Моргане. Фея сделала знак остановиться; вся процессия замерла на месте, а Моргана подозвала к себе Альфонсо.

— Что вам угодно, милостивая фея? — спросил рыцарь.

— Это я должна спросить вас, победитель буйвола, что вам угодно от меня? — мелодичным голосом сирены спросила Моргана. — Я — фея Моргана и могу доставить каждому человеку то, чего он желает, например, солдату — военную славу, священнику — духовную власть, поэту — бессмертие. Чего же ты желаешь, рыцарь?

— Нет, не скажу! Ты, фея, так же коварна, как волны твоего дворца. Они заманчивы, изумрудно-блестящи снаружи, а стоит лишь погрузиться в них, как увидишь черную пропасть под собой и пойдешь ко дну. Беда тому человеку, который доверится им! Но раз ты хочешь помочь мне, то скажу тебе, что я ищу одно лицо и вместе с тем не хотел бы найти его.

— Тогда поезжай со мной! Я приехала сюда из страны, где все не так, как здесь. Там мужчины застенчивы и робки, а женщины держат себя свободно. В Риме я хочу набрать гарем для себя и ищу красивых и неразвращенных мужчин. Мне кажется, что ты мог бы занимать в моем гареме первое место. Садись на слона и поезжай со мной! Смотри, он уже сам склонился перед тобой.

Огромное животное, подчиняясь палке негра, действительно опустилось на колени.

— Нет, королева, в твоём королевстве все слишком необычайно, и потому я не решаюсь сопровождать тебя. Даже Цирцея¹ сначала превращала человека в свинью, а уже потом загоняла его в хлев, — возразил рыцарь. — Кроме того, из твоего гарема таинственно исчезало столько людей, что носятся слухи, будто ты держишь у себя змею, убивающую твоих возлюбленных.

— Я до сих пор никого не любила! — проговорила фея.

— Тем хуже! Следовательно, у тебя нет никакого оправдания для твоего поведения. Можно еще извинить некрасивые поступки, если их совершают вследствие безумной любви, тобой же руководит лишь животное, скотское чувство, — резко сказал рыцарь. — Иди своей дорогой, а я пойду своей!

Толпа заплодировала, думая, что рыцарь играет роль и выдерживает ее до конца.

— В таком случае, я поищу кого-нибудь, кто менее мудр и более счастлив, чем ты, — весело засмеялась фея. — Другой не откажется испить чашу радости, несмотря на то что губы других прикасались к ней. Пожалуйста, пошли ко мне своего друга, красивого английского рыцаря! Я уверена, что он не откажется занять предложенное тебе место.

— Хорошо, постараюсь найти его поскорее, чтобы ты не думала, что я завидую ему, — ответил Альфонсо и, рассерженный, направился к смеющейся толпе.

Тотчас же процессия двинулась вперед. Альфонсо был доволен, что ушел от опасной женщины, но не успел он сделать и десяти шагов, как почувствовал, что кто-то потянул его сзади за плащ. Он оглянулся и увидел негра.

— Для того чтобы вы, синьор, охотнее исполнили поручение королевы относительно английского рыцаря, она посылает вам этот браслет с медальоном, — проговорил негр, подавая Альфонсо дорогой браслет, на медальоне которого была изображена Лукреция², жена Тарквиния, закалывающаяся мечом.

— Что это означает? — воскликнул Альфонсо.

¹ Цирцея — волшебница, обратившая спутников Одиссея в свиней. В переносном смысле — обольстительница.

² Лукреция — прекрасная и добродетельная супруга Тарквиния Коллатина, которую опозорил Секст — старший сын последнего римского царя Тарквиния Гордого. Начиная с эпохи Возрождения, самоубийство Лукреции — один из излюбленных сюжетов европейской живописи.

— Каждая медаль имеет свою обратную сторону, — ответил негр, а затем нажал пружинку.

Крышка медальона отскочила, и Альфонсо увидел чудный портрет Лукреции Борджиа.

— Я передам этот портрет, а также поручение вашей госпожи английскому рыцарю, — проговорил Альфонсо с деланным спокойствием. — Пойдите и сообщите ей мои слова.

После этого он пошел назад, в том направлении, где встретил недавно торжественное шествие любви. К величайшему своему удивлению, он сейчас же увидел сэра Реджинальда, который ехал один, без маски и зорко всматривался в каждую группу.

Альфонсо собрал всю силу воли и спокойно спросил английского рыцаря, что означает его одиночество.

— Мы нигде не можем найти донну Лукрецию, — ответил англичанин, — и потому решили разойтись и искать ее по всем улицам.

— Ну, сэр Ланселот, тебе повезло и на этот раз так же, как и всегда! — заметил Альфонсо и рассказал Лебофору о своей встрече с Лукрецией, а также о ее поручении. Заметив краску, разливавшуюся по лицу англичанина, он прибавил: — Торопись, торопись, пока тебя не заменил другой; ведь ты лишь один из многих.

— Если бы мне пришлось перескочить через пропасть, чтобы найти донну Лукрецию, я и тогда не задумался бы ни на секунду! — живо воскликнул Реджинальд.

— А ты не уведомишь своего друга Орсини о счастливой находке, чтобы он мог сопровождать тебя к твоей даме?

— Нет, дон Альфонсо, настоящий рыцарь не должен терять ни минуты для исполнения желания своей дамы, — возразил Лебофор. — Может, она не желает, чтобы ее узнали, а может, хочет дать мне какое-нибудь поручение, о котором никто не должен знать. Ну, прощай, товарищ по оружию, и никогда не бойся утонуть в стакане воды! — иронически прибавил он и, пришпорив лошадь, помчался во весь дух по указанному ему Альфонсо направлению.

Трудно передать ту смесь чувств, которую испытывал Альфонсо, глядя вслед умчавшемуся товарищу. Сострадание, гнев, презрение и ревность настолько поглотили его, что он не видел и не слышал, что делалось вокруг. Страшный Цербер почти касался своей головой лица рыцаря, но тот не замечал его. Огромная Лягушка загородила ему дорогу, спрашивая о чем-то, но Альфонсо не отвечал на воп-

росы. Фурии скакали перед ним, Сирены манили к себе своими чарующими голосами, но все было напрасно. Альфонсо равнодушно взглянул на многоголовую Гидру, протягивавшую к нему свои головы, и с трудом сообразил, что Гидра представляет собой самого папу Александра VI. Покидая Корсо, Альфонсо встретил прелестную, стройную сицилианку, которая грациозно танцевала, держа над своей головой тамбурин¹. Она поманила к себе рыцаря, но Альфонсо прошел мимо и скоро очутился на Капитолийской площади.

VIII

На Капитолийской площади было сравнительно тихо и малоллюдно. Сюда главным образом направлялись те, кого утомил шум Корсо и кто хотел подышать воздухом, сняв маску. День клонился к вечеру. У палаток, где продавались сладости, фрукты и прохладительные напитки, собирались группы людей, весело разговаривавших и смеявшихся. Тут же импровизировались стихи, составлялись эпиграммы, вызывавшие споры, иногда даже и драки. Римская знать прогуливалась отдельно взад и вперед по площади, держа в руках маски и тихо беседуя между собой.

Возбужденный и взволнованный Альфонсо сел у самого родника, и мирный плеск воды постепенно успокоил его напряженные нервы. Он с горечью подумал о событиях прожитого дня. В его прямом характере не было и следа фатовства, тем не менее он не мог не сознаться, что во взглядах Лукреции, устремленных на него, светилось более горячее чувство, чем простая благодарность за спасение от большой опасности. Смелое поведение феи Морганы подтверждало слухи, которые распространялись о Лукреции. Альфонсо невольно вспомнил намек Цезаря об отношениях сестры к духовнику и теперь не сомневался, что в этом намеке была правда; подобная Мессалина наверняка не брезгала никем. Мучительное покаяние отца Бруно тоже могло служить доказательством, что он питал к своей духовной дочери весьма грешные чувства. Альфонсо жалел теперь, что не принял приглашения феи Морганы, то бишь Лукреции. Ему следовало воспользоваться случаем и доказать развратной женщине всю неприглядность ее поступ-

¹ Тамбурин (ит. tamburino) — род небольшого барабана с удлиненным корпусом и с погремущками в прорезях; бубен.

ков. Следовало унижить ее, наполнить ее душу стыдом, а затем с презрением отвернуться от нее.

Звуки тамбурина вывели Альфонсо из задумчивости. Он поднял голову и только тут заметил, что возле родника собралась многочисленная толпа. В центре группы находились какая-то старуха и двое вооруженных полудиких калабрийцев, по-видимому распоряжавшихся уличным представлением. Возле них стояла молодая сицилианка, в которой Альфонсо узнал танцовщицу, встретившуюся с ним на Корсо. По-видимому, она принадлежала к распутным женщинам, которым под страхом самого строгого наказания было запрещено появляться во время христианских праздников с открытыми лицами, вероятно, с целью оградить богомольцев от соблазнов красоты. Безобразная маска скрывала лицо танцовщицы, но ее стройная фигура с прекрасными линиями тела приводила в восхищение всех, кто видел эту сицилийскую девушку. Может быть потому, что Альфонсо думал о Лукреции, ему теперь показалось, что формы тела танцовщицы очень напоминают фигуру Лукреции, причем они были более мягки, женственны, чем у феи Морганы.

Смотря на сицилианку, принц не мог не заметить, что молодая девушка не спускает с него глаз, которые блестели сквозь разрезы безобразной зеленой маски, напоминающей своим цветом и фасоном незрелую дыню.

Вероятно, внимание рыцаря доставило удовольствие танцовщице. Она отделилась от своей компании и быстро подошла к Альфонсо.

— Сегодня праздник, святой рыцарь, — проговорила она нежным голосом, который как музыка прозвучал в ушах Альфонсо, — не соблаговолите ли вы по этому случаю протанцевать тарантеллу с грешной сицилианкой?

— Я не ряженный, как ты, вероятно, думаешь, маска, — ответил принц, — мне не подобает в этой одежде танцевать с тобой!

— Ну может быть, моя музыка развеселит вас! — заметила девушка и окинула взглядом собравшуюся толпу, среди которой находилась и Жаба, изображавшая собой «клевету». Позади Жабы стояли Монах и Сатана. — Моя музыка поднимает на ноги мертвых, — продолжала сицилианка, — она должна расшевелить и тебя, несмотря на то что в твоей душе погасли чувства радости и любви. Мать, дай мне мандолину!

Танцовщица повесила тамбурина на тонкой серебряной цепочке себе на плечо, взяла из рук старухи мандолину и запела необыкновенно красивым, мелодичным голосом лю-

бовный романс, в котором слышались и грусть неразделенной любви, и могучая страсть, и призыв к блаженству.

Чистый, серебристый голос певицы сразу овладел вниманием Альфонсо. Он подумал, что, наверно, так поет Лукреция, у которой был совершенно такой же серебристый голос.

— Неужели ты думаешь, милая певунья, что твоя песенка может внушить мне нежные чувства, навеять любовь? — насмешливо спросил он.

— Да, я вижу, что тебя трудно пронять, — смеясь, ответила танцовщица, — но все же я до тех пор не останавлиюсь, пока не добьюсь своей цели.

Молодая девушка снова запела, произнося страстные слова любви. Во всей ее фигуре и вкрадчивой нежности голоса было столько чарующей прелести, что Альфонсо ощутил, как усиленно забилось его сердце и голова пошла кругом; он вскочил с места и протянул руки к певице, чтобы обнять ее.

— Нет, нет, — остановила его девушка, — ты забыл, рыцарь, что принадлежишь к ордену иоаннитов, хотя сам только что сказал мне это. Однако я вижу, что мое пение имеет успех. Я могу научить тебя многому, мой гордый рыцарь! — смеясь, прибавила певица.

— Но прежде всего сними свою маску. Я не понимаю, зачем ты вообще носишь ее, — проговорил Альфонсо.

— Чтобы доставить удовольствие монсиньору кардиналу Сиенскому! — серьезно-почтительным тоном ответила танцовщица, вызвав громкий смех среди собравшейся публики.

Молодая девушка отложила мандолину в сторону и, ударяя в свой тамбурин, весело запела:

В дни веселья карнавала,
Чтоб монахов не смущать,
Нам приказ от кардинала
Маской лица закрывать.

Последние слова она произнесла так горячо, что Альфонсо еще больше заинтересовался очаровательной незнакомкой.

— Я верю этому, верю! — воскликнул он, с восхищением глядя на певицу.

— Дело идет хорошо! — проговорил стоявший вблизи Черт. — Что там поют эти проклятые? Какие-то псалмы?

— Да это доминиканец затянул было «Laudamus»¹, но слова застряли у него в глотке! — ответила Жаба.

¹ «Хвалите Господа».

— Скажи, что тебе нужно от меня? — обратился Альфонсо к певице.

— Ах, сказать ему хочу, что его я так люблю! — запела молодая девушка вместо ответа.

— Эту песню ты, верно, поешь всем, кто только подойдет к тебе? — проговорил Альфонсо, явно взволнованный. — Однако куда же ты направляешься? Почему уходишь от меня?

— Если ты не хочешь танцевать со мной, то я должна поискать кого-нибудь другого! — ответила танцовщица. — Моя мать и так уже недовольна.

— Ты знаешь, тарантул танцует, когда его ужалит ядовитая пчела. Поцелуй меня, красивая змейка! Может быть, я тоже сойду сума и пойду танцевать с тобой.

— У нас в Сицилии не принято, чтобы мужчины ждали, когда красавица подарить им поцелуй. Обыкновенно они сами берут его! — лукаво возразила певица.

— В таком случае, я должен последовать их примеру! — воскликнул Альфонсо и бросился к молодой девушке.

Однако она грациозно отскочила на несколько шагов, а затем начала кружиться вокруг него, то маня его к себе, то ловко ускользая от протянутых рук.

Рыцарь не оставлял своего намерения поймать очаровательницу и, следуя за нею, невольно исполнял фигуры танца. Громкий смех толпы, следившей за каждым движением танцовщицы и рыцаря в монашеском одеянии, несколько отрезвил Альфонсо. Он подумал о том, какой комичный вид должен сейчас иметь, но решил до конца исполнить свою роль. Делая вид, что он танцует этот «танец любви» по всем правилам искусства, он вдруг остановился, как бы утомленный борьбой. Танцовщица приблизилась к нему, выражая жестами отчаяние, надежду и страстную любовь. Тогда он, как бы в порыве раскаяния, опустил на колени, а она кружилась вокруг него, точно бабочка вокруг цветка. Смотревшая на этот танец толпа не могла сдержать возгласов восторга. Альфонсо с большим трудом подавлял свое желание схватить девушку в объятия; его сердце так усиленно билось, что, казалось, этот стук был слышен на расстоянии. Круг зрителей все сужался, и танцовщица все ближе и ближе подходила к рыцарю. Наконец, наступил давно ожидаемый им момент. Молодая девушка сделала полукруг руками над самой головой своего кавалера, после чего он должен был, по правилам фигуры, подняться с колен и продолжать танец, но вместо этого Альфонсо об-

хватил дрожащей рукой стройный стан танцовщицы и крепко сжал ее в своих объятиях.

— У нас не одинаковые условия во время танцев, а так не годится, — проговорил он, — ты видишь мое лицо, а я твоего не вижу. Сними маску! Во-первых, я хочу убедиться, существуют ли на свете две женщины с такой фигурой, а во-вторых, ты должна быть наказана за то, что соблазнишь иоаннита, и это отучит тебя на будущее искушать людей, посвятивших себя служению Господу.

С последними словами Альфонсо так сильно прижал одной рукой к своей груди танцовщицу, что та слегка вскрикнула, а другой хотел снять маску с ее лица.

— Мать Фаустина, на помощь! — закричала испуганная танцовщица. — Карнавал, карнавал!

Старуха с двумя калабрийцами бросилась к ней. Толпа тоже закричала «Карнавал, карнавал!» и устремила освободить молодую девушку.

— Ради Бога, остановитесь, успокойтесь! — обратилась девушка к толпе, вероятно, опасаясь, как бы рыцарь не пострадал. — Мне не нужна защита... Отпустите меня, благородный рыцарь! — прошептала она Альфонсо. — Я, право, не то, чем вам кажусь; если меня узнают — я погибну. Я принадлежу к числу фрейлин донны Лукреции и затеяла всю эту маскарадную шутку только для того, чтобы узнать, всех ли женщин вы так ненавидите, как мою госпожу.

— Значит, ты похитила всю соблазнительную прелесть своей госпожи, — таким же шепотом ответил принц Альфонсо. — Но этого не может быть! Я непременно должен удостовериться, что ты — не она!

— Пощадите меня, дорогой рыцарь. Вы знаете, что я совершу большой проступок против церкви, если явлюсь среди публики без этой ужасной маски, — продолжала просить танцовщица, стараясь освободиться из рук Альфонсо.

— Если ты действительно не донна Лукреция, то я буду любить тебя больше всех женщин в мире и докажу этим, что ненавижу не весь прекрасный пол. Да, впрочем, это верно, ты — не Лукреция. Вот тащится сюда она, эта дьявольская фея Моргана.

Слегка опустив руки, но все еще держа молодую девушку, Альфонсо с большим смущением смотрел в направлении улицы Корсо, откуда показалась процессия феи Морганы.

— Вот видите, я вовсе не та, за которую вы меня принимали! — воскликнула танцовщица, дрожа всем телом.

— Пусти сейчас девушку! Как ты, служитель церкви, осмеливаешься нарушать распоряжение кардинала? — раздался чей-то хриплый голос, и кулак опустился на плечо Альфонсо.

Рыцарь оглянулся и узнал отца Бруно, который смотрел на него с выражением бешеной злобы.

— Теперь наступила моя очередь освобождать девушек от дерзкого нападения! — проговорил человек высокого роста в позолоченном чешуйчатом костюме, в котором Альфонсо узнал Оливеротто ди Фермо.

— Монах, остановите этого господина, он, кажется, ваш товарищ, а не то я исполню то, что намеревался сделать третьего дня, то есть навсегда уйму этого мерзавца! — воскликнул Альфонсо, вынимая одной рукой меч, а другой продолжал держать танцовщицу.

— Тише, Оливеротто! Ведь это не ряженный, а настоящий рыцарь Гроба Господня, — проговорил монах, силясь оттащить своего спутника в сторону. — Отпустите эту женщину, сын мой, ведь вы нарушаете приказ кардинала! — мягко сказал монах, обращаясь к Альфонсо.

— Я хочу только наказать ее за то, что она пыталась оскорбить мой священный сан, — ответил несколько смущенно рыцарь. — Я думаю, что за это следует снять с нее маску.

— Отче, я должен отомстить ему за те синяки, которые у меня до сих пор болят, и освободить танцовщицу! — воскликнул Оливеротто.

Толпа принимала участие в этих переговорах, становясь то на сторону рыцаря, то на сторону Оливеротто.

— Рыцарь, прошу тебя, отпусти меня! Клянусь, что ты увидишь мое лицо без маски, — прошептала девушка умоляющим голосом. — Я ни за что на свете не хочу, чтобы тот монах узнал меня.

— Чем же ты поклянешься мне? — спросил Альфонсо. — Твоя клятва должна быть настолько крепкой, чтобы даже Лукреция не могла заставить тебя нарушить ее.

— Клянусь тебе своим страстным желанием вновь встретиться с тобой! — ответила танцовщица, глядя на Альфонсо блестящими глазами.

— Скажи же, когда и где я смогу увидеть тебя?

— Будь через три часа у ворот Сан-Себастьяно; мать Фаустина проводит тебя в мою комнату через грот Эгерии¹.

¹ Эгерия — в римской мифологии пророчица, нимфа ручья, из которого весталки черпали воду для храма Весты — богини священного домашнего очага.

— Через грот Эгерии? — с удивлением воскликнул рыцарь. — Но ведь он находится в садах Лукреции Борджиа.

— Да; все любимицы донны Лукреции имеют ключ для свободного прохода; так как я тоже из числа любимых, то и у меня есть ключ. Не бойтесь встретиться сегодня вечером с моей госпожой, она будет совсем в другом месте, можете быть в этом вполне уверены.

В эту минуту раздался крик толпы, тщетно пытавшейся удержать Оливеротто от нападения на рыцаря. Альфонсо оглянулся и выпустил из рук молодую девушку. Однако вместо того, чтобы воспользоваться своей свободой, как можно было ожидать, сицилианка подошла к Бруно и заговорила с ним каким-то странным, измененным голосом. Молодая девушка просила его во имя Бога и закона юбилейного торжества не допускать драки между Оливеротто и рыцарем.

— Ну, негодяй ди Фермо, достань себе оружие, и мы посмотрим, чья возьмет! — воскликнул Альфонсо, размахивая мечем.

— Берегитесь, берегитесь, сюда идет Лукреция со своей свитой! — просила танцовщица каким-то странным, грубым голосом. — Ради Бога, ради папы и святой церкви, не деритесь, не ссорьтесь!

— Да, это донна Лукреция. Тем лучше!.. Будет одним свидетелем больше. Пусть все видят, как достойно ты будешь наказан, убийца! — воскликнул Альфонсо, не опуская своего меча.

— Как? Разве Лукреция там, в той процессии? — удивленно спросил монах и ревниво взглянул на Лебофора, сидевшего с феей Морганой на спине слона.

Вся семья Орсини, окруженная многочисленной свитой, сопровождала фею. Громкая музыка заглушила шум праздничной толпы. Монах пошел вперед, навстречу процессии, а быстроногая танцовщица незаметно скрылась.

Оливеротто несколько испуганно посмотрел на приближавшееся шествие, а затем крикнул иоанниту:

— Раз ты знаешь, кто я такой, то тебе не трудно будет найти меня, и при следующем свидании мы посчитаемся друг с другом, а теперь у меня нет ни малейшего желания встретиться с толпой Борджиа. Впрочем, моя цель достигнута — девушка убежала! Прощай!

Оливеротто удалился, и Альфонсо отнесся к этому спокойно: его гораздо более интересовал вопрос, куда скрылась танцовщица со своими спутниками, чем то, удастся ли ему

еще раз встретиться с ди Фермо или нет. Бруно тоже расспрашивал толпу, в какую сторону ушла девушка, и, не получив ответа на свой вопрос, отправился поспешно вслед за процессией Морганы.

IX

— О, какое сокровище, синьор, вы потеряли из-за пустячной ссоры!.. Вас можно утешить только тем, что уже не в первый раз Марс пугает Венеру, — проговорил Черт, заметив, что Альфонсо ищет в толпе скрывающуюся танцовщицу.

— Говорят, что от черта можно узнать правду, но я до последней минуты сомневался в этом, — улыбаясь, ответил Альфонсо. — Если не ошибаюсь, я имею честь видеть перед собой синьора Никколо из Флоренции?

— Именно его! — ответил Черт, снимая маску.

— Встречали ли вы когда-нибудь эту танцовщицу? Слышали ли что-нибудь о ней? — обеспокоено спросил рыцарь.

— Вам следовало расспросить меня, раньше чем я снял маску! — возразил Макиавелли, весело смеясь. — Хотя мне кажется, что я уже видел ее когда-то, но совершенно не помню, когда и где.

— Представьте себе, что и мне кажется то же самое! — воскликнул Альфонсо. — А заметили вы великолепное шествие донны Лукреции, которая нарядилась феей Морганой? Право, я считаю ее настоящей колдуньей и готов присягнуть, что она одновременно находилась в двух разных местах.

— Которая же это — фея Моргана? Та, что сидела рядом с нашим попутчиком сэром Реджинальдом? Вот настоящий Адонис¹ для современной Венеры! — воскликнул Макиавелли. — Я видел их; они сидели на спине слона и ворковали, как голубки. Ему поразительно повезло!

— Мне кажется... нет, я даже почти уверен, что фея Моргана вовсе не Лукреция! — быстро проговорил Альфонсо.

— Я могу судить об этом только по вашим словам! — улыбаясь, заметил Макиавелли. — Но если это действи-

¹ Адонис — финикийский бог умирающей и воскресающей природы. Поклонение Адонису было широко распространено в Древней Греции и Древнем Риме. Адониса представляли в виде прекрасного юноши, возлюбленного Афродиты (Венеры).

тельно была она, то я больше завидую сэру Реджинальду, чем ангелам на небесах.

— А я предпочел бы находиться среди вашей свиты, синьор Сатана, — проговорила Жаба, вмешиваясь в разговор. — Даже в преисподней прохладнее, чем рядом с донной Лукрецией.

— Ну, Клевета, говори все самое худшее, что ты можешь сказать о Лукреции Борджиа. Мы так настроены, что готовы всякую ложь принять за правду, — воскликнул Альфонсо.

— Самое худшее для нее было бы самое лучшее для другой, — глубокомысленно заметила Жаба. — Ее добродетель безгранична, в этом и состоит ее несчастье. Она только слишком послушная дочь и слишком нежная сестра; кроме того, как чистая христианка, она старается любить всех своих ближних.

— Берегись, жаба, как бы тебе не вырвали язык! — сказал Макиавелли.

— Тогда я удовольствуюсь одними глазами, — возразила Клевета. — Однако пойду лучше туда, где более оценят мои речи. Здесь мне уделяют мало внимания, вон рыцарь спит стоя.

Альфонсо, действительно, так был погружен в свои думы, что не слышал слов маски. Он никак не мог решить, кого изображала Лукреция — фею Моргану или танцовщицу. Последнее казалось мало вероятным; трудно было предположить, что знатная дама решится странствовать среди толпы в маске распутницы. Макиавелли простился с Альфонсо, чтобы погулять еще по улицам, и рыцарь был предоставлен самому себе. Он не мог не сознаться, что очаровательная танцовщица произвела на него неотразимое впечатление, и твердо решил пойти в условленный час на свидание, хотя бы для того, чтобы убедиться, что прекрасная сицилианка — не Лукреция.

Можно себе представить, с каким нетерпением ждал Альфонсо конца вечера. Через три часа он должен был дожидаться у ворот Сан-Себастьяно прихода Фаустины.

«А что, если это — Лукреция? — думал Альфонсо. — Ведь у нее легко может явиться желание отомстить мне за нанесенное оскорбление. Да если еще доминиканец рассказал ей о том, что я говорил ему, если он сообщил ей, что я приехал из Феррары специально для того, чтобы навести справки о ее поведении, то она должна быть страшно зла на меня. Может быть, она нарядилась танцовщицей нарочно для того, чтобы заманить меня в свои сады, а затем

отделаться от меня таким же образом, как она отделяется от всех, становящихся на ее пути! Бог знает, какая опасность ждет меня у ворот Сан-Себастьяно!»

Однако, несмотря на эти мрачные предположения, Альфонсо с нетерпением ждал условленного часа и еще задолго до этого времени проходил уже мимо Авентинской пустыни. Вид руин, где обитал отец Бруно, навел на него грустные мысли, и он невольно замедлил шаг; но неожиданно легкий ветерок донес до Альфонсо душистый запах розы, тот самый запах, которым как будто было пропитано все существо танцовщицы; вспомнив об этом очаровательном создании, рыцарь быстро пошел к воротам Сан-Себастьяно.

Дойдя до условленного места, Альфонсо увидел перед собой чудную картину. У его ног расстигалось необъятное зеленое пространство, покрытое душистыми цветами. Вдали виднелись горы, верхушки которых были освещены мягким лунным светом. Нежное журчание ручейка ласкало слух. На западе еще алела полоска заката, просвечивая сквозь листву высоких деревьев. Величавое спокойствие природы успокоительно действовало на взволнованную душу Альфонсо. Рассудок заговорил сильнее сердца и подсказал, что ему следует уйти; Альфонсо уже собирался последовать мудрому совету рассудка, как вдруг увидел ту старуху, которую танцовщица называла Фаустиной.

— Это вы, синьор? — проговорила старуха, увидев Альфонсо. — Ну, слава Богу! Как рано вы пришли!.. Но это очень хорошо. К сожалению, мне придется разочаровать вас.

Все благие намерения рыцаря рассеялись как дым.

— Разочаровать? — воскликнул он. — Что вы хотите сказать этим, тетушка? Это невозможно! Ведь танцовщица обещала мне показаться без маски, и больше я ничего и не желаю. Мне нужно видеть ее лишь одну минуту, вы можете присутствовать при свидании. Вот деньги, проводите меня к ней!

— Деньги? За кого же вы принимаете меня, благородный рыцарь? Ну хорошо, я возьму их ради праздника и куплю свечи для Пресвятой Девы. К сожалению, я должна разочаровать вас, синьор: вам не придется увидеть сегодня нашу танцовщицу. Дело в том, что герцог Романьи прислал ей мешок дукатов и сообщил, что желает нынче же вечером послушать ее пение.

Альфонсо сразу же заметил несоответствие между словами старухи и тем, что сообщила ему танцовщица отно-

сительно себя. Если она действительно была фрейлиной Лукреции, то герцог никаким образом не мог приказать ей петь!

Фаустина объяснила себе молчание рыцаря тем, что он испугался страшного соперника.

— Где же она будет ждать его? — спросил наконец Альфонсо. — Здесь? Ведь она назначила мне свидание в садах Лукреции Борджиа.

— Что вы говорите? Как она могла сделать это? — с притворным удивлением воскликнула старуха. — Да ведь наша всемилостивейшая повелительница, донна Лукреция, устраивает сегодня здесь бал, и по желанию герцога Романьи наша танцовщица будет петь в его присутствии свои песни. Бал начнется довольно поздно, а пока меня послали во дворец герцога, чтобы сообщить ему, что все будет устроено, согласно его приказанию.

— О, в таком случае не станем терять драгоценное время! — нетерпеливо проговорил Альфонсо. — Ты ступай по своему делу, а я постараюсь повидаться с танцовщицей до начала бала.

С последними словами принц снова сунул в руку старухе крупную сумму денег.

— Право, благородный рыцарь, вы не заслуживаете отказа в своих желаниях, — льстиво ответила Фаустина, — я полюбила вас, как собственного сына или как ту высокопоставленную красавицу, которую вскормила своим молоком. Я знаю, что наша бедная танцовщица так же обрадовалась бы вашему приходу, как мать радуется, когда с войны возвращается ее сын. Но что делать? Ведь вы знаете — с герцогом Романьи шутки плохи.

— Да, я не сомневаюсь, что он — человек опасный, и потому, чтобы не встретиться с ним, я не желаю терять время; я повидаясь с танцовщицей и уйду раньше, чем ты вернешься обратно.

— Воображаю, как ей хочется видеть вас!.. Ведь она, бедняжка, любит вас без памяти! Ради Бога, не говорите ей, что я рассказала вам о герцоге, ей не хотелось бы, чтобы вы были о ней дурного мнения.

— Обещаю не выдавать вас. Да вообще вам нечего беспокоиться, наш разговор будет не долог. Я только хочу убедить танцовщицу, что с ее стороны позорно завлекать в свои сети рыцаря ордена святого Иоанна.

— Господи, что вы говорите! — с громким смехом воскликнула старуха, и ее маленькие глазки как-то странно засверкали. — Право, мне смешно смотреть на вас, благо-

родный рыцарь: вы пришли на любовное свидание и вооружены с ног до головы. Впрочем, тем лучше. Если вас кто-нибудь встретит, то примет за одного из офицеров герцога. Ну, идите с Богом, сын мой! Вот вам ключ от калитки сада. Идите все по дорожке, и она приведет вас к гроту Эгерии.

— Идите и вы к герцогу, а я не стану терять ни минуты, — проговорил Альфонсо. — Когда мы встретимся на обратном пути, я дам вам вдвое больше того, что дал.

Альфонсо был теперь вполне убежден, что танцовщица — Лукреция Борджиа, и торопливой походкой направился к гроту.

Он знал дорогу и скоро дошел до калитки сада. Его сразу охватил аромат цветущих растений. Темно-красные розы с капельками росы на лепестках невольно напомнили ему дивные, нежные губы Лукреции. Где-то в глубине долины слышалось журчание ручейка. Соловьи неустанно выводили свои любовные трели. Во всем парке была какая-то очаровательная запущенность. Казалось, что здесь царствовала одна природа, как будто человеческие руки не решились коснуться ее девственной красоты.

Вскоре Альфонсо очутился на зеленом, покрытом цветами берегу ручья. Луна мягко освещала цветы, смягчая их яркие краски. Поднимаясь вверх, ручей образовал нечто вроде водопада, а над ним, соединяясь между собой аркой из цветов и фруктов, стояли статуи богинь Флоры¹ и Помоны². По другую сторону водопада находился холм, покрытый травой. Отсюда был вход в грот Эгерии.

Альфонсо остановился у грота, не входя в него, и твердо решил исполнить свое намерение, не боясь никакой опасности, но вид этого тихого, необыкновенно красивого уголка настолько поразил его, что он страшился сделать хоть один шаг, чтобы не нарушить очарования.

Грот представлял собой небольшое пространство, все утопавшее в цветах и зелени. Посреди журчал фонтан в виде богини Эгерии, вокруг которой расположились боги любви. Сквозь ветви и густую листву кустарника с трудом пробивался свет, но этот недостаток внешнего освещения вознаграждался большой алебастровой лампой, горевшей внутри грота и спрятанной в зелени. Взор Альфонсо остановился на статуе, и он тотчас же узнал в белоснежном мраморе дивные формы Лукреции. Несомненно, дочь папы

¹ Флора — в римской мифологии богиня цветущей растительности, олицетворение юности.

² Помона — богиня плодов.

позировала для богини Эгерии. Со смешанными чувствами восторга и отчаяния смотрел рыцарь на этот образец скульптуры.

При мягком свете лампы, серебрившей воду фонтана, Альфонсо убедился, что он в гроте один, хотя видны были приготовления для приема гостей. Бутылки вина стояли во льду, на позолоченном столике сверкал дорогой хрусталь. Возле фонтана находилось несколько широких, покрытых цветами дерновых скамеек, которые служили местом отдохновения для земной Эгерии и ее гостей.

Хозяйки грота еще не было здесь, так как, по словам старой Фаустины, она ждала прихода герцога Романьи значительно позже. Альфонсо живо сообразил, что для него представляется прекрасный случай лично убедиться как в тождестве танцовщицы с Лукрецией, так и в справедливости распространяемых о ней слухов. Стоило ему лишь спрятаться, невидимо присутствовать при свидании брата с сестрой — и все его сомнения будут рассеяны. Это был необыкновенно смелый и рискованный план, но Альфонсо ни перед чем не останавливался для выполнения намеченной цели. Он заметил, что скалы грота имеют в некоторых местах ниши, полузакрытые цветами, и, не долго думая, выбрал одну из них, которая одним своим отверстием выходила в грот, а другим — к берегу ручья. Между обоими выходами находилось узкое пространство, представлявшее собой клумбу цветущего ириса. Альфонсо лег прямо на цветы и со своего ложа прекрасно мог видеть всю внутренность грота. Чтобы не быть замеченным, он снял свой белый берет и надвинул на лицо волосы.

Прошло довольно много времени, но напряженный слух Альфонсо не мог уловить ни одного звука. Наконец, издали раздалась какой-то шепот и тихий женский смех, а затем все снова замолкло. Подождав еще несколько минут, Альфонсо слегка приподнялся, чтобы полной грудью вдохнуть воздух, и ясно услышал быстрые, легкие шаги. У входа в грот шаги замерли, как бы в ожидании чего-то, и вслед затем в гроте показалась стройная женская фигура.

По пластичности движений и по изящным формам тела Альфонсо сейчас же узнал сицилианку, хотя на ней не было теперь костюма танцовщицы. Длинный греческий хитон из нежной голубой материи мягкими складками драпировался вокруг классически стройной фигуры. На плечах хитон застегивался коралловыми пряжками, а тонкий стан был опоясан ниткой крупного жемчуга. Руки, плечи и ноги были открыты; лишь серебряные сандалии

скрывали маленькие ступни ног. На распущенных золотистых волосах алеял венок из красных лилий, переплетенных с белыми цветами мирта и блестящими зелеными листьями. Только лицо танцовщицы снова скрывала безобразная маска.

Убедившись, что в гроте никого нет, она подошла к фонтану, села на мраморный край его и, взяв в руки лютню, сыграла несколько аккордов. Затем она отложила инструмент в сторону и взглянула на свое отражение в воде. Тревожно оглянувшись по сторонам, она быстро сняла маску, и Альфонсо увидел дивные черты Лукреции Борджиа.

Рыцарь чуть не вскрикнул от радости, что фея Моргана, бесцеремонно раскрывавшая ему свои объятия, не была Лукрецией, но, вспомнив, что дочь папы пришла на свидание с герцогом Романьи, он снова почувствовал, как больно сжалось его сердце.

Лукреция долго любовалась отражением своего лица в воде, а затем вдруг отстегнула коралловые пряжки на плечах и обнажила молочной белизны грудь, которой могла бы позавидовать сама Венера. С легким шаловливым смехом молодая женщина склонила голову на плечо и, приподняв рукой левую грудь, коснулась ее губами. Продолжая смеяться, Лукреция застегнула платье и, размахивая маской, прошла вдоль грота. Вернувшись к фонтану, она намочила палец в воде и написала на маске какое-то слово — Альфонсо показалось, что это было имя Цезаря, — и накинула маску на лицо нимфы Эгерии. Глаза Лукреции выражали нетерпение; сквозь воздушную ткань ее хитона можно было видеть, как сильно билось ее сердце. Какая-то ночная птичка встрепелась, и лицо Лукреции зарделось; она насторожилась в радостном ожидании гостя. Но вот снова все затихло; разочарованная Лукреция села на одну из дерновых скамеек, прикрыла глаза рукой, и слезы, как крупный жемчуг, покатались вдоль ее пальцев. Вдруг ее отчаяние сменилось выражением гнева и презрения; она встала с решительным видом, откинула назад прекрасные золотистые волосы и пошла к выходу. Шорох листьев под чьими-то осторожными шагами заставил молодую женщину быстро отскочить внутрь грота; она снова села на край фонтана, надела маску и застыла в бесстрастной, спокойной позе.

Ревность и бешенство охватили Альфонсо при виде того, с каким нетерпением ждала Лукреция его соперника. Она напряженным взором смотрела в том направлении, откуда

слышался звук шагов, и тихо запела нежную песню. Можно было подумать, что она не замечает приближающегося гостя, если бы высоко подымавшаяся от прерывистого дыхания грудь не выдавала ее волнения.

У входа в грот показался рыцарь в блестящем мундире, с маской на лице. Он остановился, как бы желая убедиться, что в гроте никого нет, кроме танцовщицы, и по его фигуре, в особенности по демоническому блеску глаз, устремленных на Лукрецию, Альфонсо узнал Цезаря Борджиа.

На одну минуту у принца Феррарского явилось желание сейчас же покончить с ненавистным герцогом Романьи, избавить Италию от этого гнусного человека; он уже схватил свой меч, но крик Лукреции заставил его остановиться. Альфонсо увидел, как Цезарь склонился у ног молодой женщины и взял ее руку.

— Что вам нужно? — воскликнула молодая женщина дрожащим голосом. — Я жду здесь свою госпожу донну Лукрецию, она сейчас придет сюда. Уходите, уходите! Здесь не так уединенно, как вы думаете, сад наполнен моими друзьями. Я ни за что не хочу, чтобы кто-нибудь увидел вас здесь.

— Тише, тише, прекрасная незнакомка! Я видел, как твоя старуха шепталась с иоаннитом, твоим любовником, — возразил Цезарь. — Я слышал, как на твое нежное приглашение он ответил презрительным отказом. Тогда у меня явилась мысль прийти сюда вместо него.

— Презрительным отказом! — с горечью повторила сицилианка. — Это невозможно!.. Впрочем, вероятно, так оно и есть. Что ж, очень рада! Это доказывает, что он презирает всех женщин, не меня одну, то есть не одну донну Лукрецию. Вы видели, как дерзко он отказался быть рыцарем моей повелительницы на турнире; чтобы отомстить ему, донна Лукреция приказала мне завлечь его под видом танцовщицы, а я, как служанка, не смела противиться ее желанию.

— Какой вздор ты говоришь! — резко воскликнул Цезарь. — Как смеешь ты уверять, что вела свою недостойную игру по приказанию донны Лукреции? Если ты еще раз дерзнешь говорить подобную ложь, то я расскажу о твоём позоре всему городу, папе, всем добрым христианам. Порядочная женщина, принадлежащая к лучшему обществу, осмеливается показываться на улицах в костюме куртизанки с целью поймать в свои объятия какого-то чужеземного полурыцаря-полумонаха! Для этого нужно по-

терять всякий стыд! Твое поведение кладет пятно на репутацию донны Лукреции; хотя она и так не слишком блестяща, но может пострадать еще больше. Ну, не дрожи так, красивейшая из дочерей Евы!.. Я не сделаю тебе ничего дурного, не попытаюсь даже сорвать твою маску, только не теряй времени. Тебе незачем отказываться от наслаждений любви из-за того, что тот холодный как лед иоаннит отверг тебя.

— Тебе и незачем срывать мою маску, смотри на меня! — с презрительным смехом воскликнула молодая женщина, открывая лицо, вспыхнувшее от гнева. — Ты теперь знаешь, кто я, — прибавила она, грозно глядя на герцога Романьи, который с притворным изумлением отступил на несколько шагов, — и можешь уходить, если не желаешь, чтобы я позвала сейчас же свою стражу. Можешь где и кому тебе угодно рассказывать о моем «позоре», как ты выражаешься. Предупреждаю тебя, что сад наполнен моими гостями, так как я ждала здесь Паоло Орсини, который намеревался устроить в этот час для меня концерт в саду. Как видишь, твои шпионы могут и сами ошибиться и тебя ввести в заблуждение.

— Вот как? Следовательно, это наша прекрасная сестра возбуждает сплетни по городу и назначает ночью свидание иоанниту? — с невыразимой горечью проговорил Цезарь.

— А если бы и так? Какое ты имеешь право вмешиваться в мои дела? — запальчиво воскликнула Лукреция. — Ведь ты мне не муж, не отец и даже не брат! Помнишь, чудовище, как ты уверял меня, что нас не связывает кровное родство, что ты — подкинутый ребенок!

— Я был безумцем, потерявшим голову от страданий, а ты упрекаешь меня за мои муки! — с страстным негодованием возразил Цезарь.

— Хорошо, оставим это! — кротко заметила Лукреция, и слезы потекли по ее щекам. — Уходи, пожалуйста, сейчас придет рыцарь, которого я жду, и я ни за что на свете не хотела бы, чтобы он узнал во мне Лукрецию Борджиа.

Альфонсо слушал этот разговор с беспокойством, сомнением и, наконец, с радостью, что обвинения против Лукреции не вполне верны; но скоро эта радость сменилась отчаянием.

— Ты, кажется, больше всего боишься, что наш отец узнает о твоих похождениях, прекрасная Лукреция? — со злой улыбкой проговорил Цезарь. — Старые предания и

новые примеры доказывают нам, что в порыве ревности он не щадит даже собственных детей. Вспомни о судьбе Джiovанни, которого ты так страстно любила! Видишь, не мне придется дрожать за свою участь, а тебе и твоему фавориту!

— О, ты чудовище!.. Я даже не знаю, как тебя назвать, когда захочу пожаловаться на тебя отцу! — воскликнула Лукреция. — Твоему преступлению нет имени!

— Жалуйся, моя прелестная сестрица, своему Сатурну. Я знаю, что от тебя зависят гром и молния. Твоя ослепительная красота сделала тебя владычицей нашего земного Юпитера, — возразил Цезарь. — Пусть и его второго сына постигнет такая же внезапная смерть, как и первого. Тебе известно, когда он умер и где? А может, меня ждет участь твоего второго мужа, которого закололи из ревности на ступенях храма Святого Петра?

— Не знаю, с кем или с чем сравнить тебя, Цезарь, — с удивительным самообладанием ответила Лукреция, — назвать тебя зверем нельзя, так как нет зверя, равного тебе по жестокости; одно могу сказать: я убеждена, что ты принимал во всех этих кровавых преступлениях более деятельное участие, чем кинжалы, которые отправили моего мужа и брата на тот свет. Берегись, если хоть один волосок упадет с головы благородного рыцаря, спасшего мою жизнь!.. Я сумею отомстить тебе, в каких бы потемках ты не совершил свое гнусное дело!

— Мне знаком твой мстительный характер, прекрасная Лукреция, но я не сойду так покорно со сцены, как мои предшественники, не стану молчать как рыба. Пусть свет узнает о моих преступлениях, но вместе с тем он увидит, какому чудовищу подчинена Италия. Ты еще не знаешь меня вполне, моя сестрица, не подозреваешь, на что я способен, когда мне грозят местью!..

— Люди не поверят тебе; они признают тебя безумным, да ты таков и есть! — неуверенным, дрожащим голосом проговорила Лукреция.

— Это мы посмотрим. А скажи, милая сестрица, какой вид был у твоего ледяного рыцаря, когда наш отец удостоил тебя чести всенародно заключить в свои объятия? — иронически спросил Цезарь.

— Такой, как будто он поверил лжи и клевете, которые ты распространяешь повсюду. Да, во всем виновата твоя ложь. Пока ты не сделался моим врагом, никто не говорил обо мне дурного слова, — взволнованно ответила молодая женщина и, встретив грозный взгляд герцога, продолжала

почти умоляющим голосом: — Ну, может быть, я слишком строга к тебе, а может, во всем виновата моя несчастная судьба, но оставь меня, ради Бога, в покое!.. Чего ты хочешь от меня? Что, по-твоему, я должна сделать? Возненавидеть своего отца? Лишить его единственной привязанности, оставшейся у него на старости лет? Он сам говорит, что я — единственный светлый луч в его жизни. Клеветайте на меня дальше, и да будет проклят тот, кто верит гнусной сплетне, распространяемой завистливыми людьми, кто осуждает женщину, не имея никаких доказательств в руках, кто сумел из чистой дочерней любви создать грязную клевету об интимной близости между дочерью и отцом!

— Аминь! — смеясь, подхватил Цезарь. — Ты прокляла своего рыцаря, произведшего на тебя такое неотразимое впечатление. Ты, наверное, считаешь его образцом храбрости, а вот видишь, он не посмел прийти сюда.

При этом обвинении в трусости Альфонсо сделал неосторожное движение, отчего зашелестели листья на деревьях; но брат и сестра были так поглощены беседой, что не заметили этого шума.

— Ошибаешься, у него хватило бы смелости прийти сюда, но он не хотел этого, — возразила Лукреция. — Он презирает всех женщин, не только меня.

— А я говорю, что он не придет, отчасти из трусости, отчасти потому, что весело проводит время и без тебя! — с злобным торжеством заявил Цезарь. — Я знаю, что он приглашен феей Морганой сегодня на ужин.

— Если это даже и так, то какое мне дело до этого? Я так устала от всех мирских неприятностей, что с наслаждением посвятила бы свою жизнь пречистой Деве Марии! — с такой скорбью воскликнула Лукреция, что Альфонсо почувствовал себя растроганным.

— Как? Наша юная вдовушка Лукреция Борджиа собирается сделаться монахиней? — насмешливо спросил Цезарь. — Однако если ты действительно считаешь себя оклеветанной, то почему соглашаешься на брак с Орсини, привязывающий тебя к Риму и дающий повод к дальнейшим сплетням? Между тем если бы ты вышла за принца Феррарского, то клевета была бы вырвана с корнем.

— Принц Феррарский считает позорным для себя соединить свою жизнь с развратной женщиной, той женщиной, которую ты, Цезарь, называешь своей сестрой! — ответила Лукреция, очень довольная, что может нанести

удар самолюбия герцога Романьи, несмотря на то что ее ответ прежде всего оскорблял ее самое.

— Я когда-нибудь сверну ему шею за это, — гневно проговорил Цезарь. — Но ты напрасно теряешь время, Лукреция. Если тот ледяной рыцарь отказывается любить тебя, то ты все-таки можешь повлиять на него, чтобы он возобновил переговоры относительно твоего брака с принцем Феррарским. Подействуй на его честолюбие. У каждого человека есть своя слабая струнка. Если он не чувствителен к женской красоте, то, может быть, его ахиллесова пята — тщеславие.

Лукреция замолчала, и Альфонсо подумал, что, может быть, молодая женщина уже придумывает план, как подействовать на его честолюбие. Он сделал по траве такое движение руками, точно кто-то идет.

— Вот он, вот он! — взволнованно воскликнула Лукреция. — Я слышу его шаги. Клянусь тебе, Цезарь, что я хочу только посмеяться над ним, отплатить ему за его пренебрежительное отношение ко мне. Ты мог бы присутствовать при нашем разговоре, но я боюсь, что если он застанет тебя здесь, то между вами произойдет что-нибудь совсем нежелательное.

— Он не придет, — насмешливо повторил Цезарь. — Мудрец не хочет, а трус не может из страха. Но если даже предположить, что это — он, как же я могу пройти мимо него при этом освещении, не будучи замеченным?

— Да это и не нужно, — ответила Лукреция, — спрячься за тот высокий густой кедр, тебя никто не увидит, и ты можешь спокойно слушать нашу беседу. Я обещала ему показаться без маски и должна сдержать свое слово, хотя в темноте он и не увидит моего лица. Эта лампа снабжена тайным механизмом, и все погрузится во мрак, как только он войдет.

— Ах, ты обещала ему показаться без маски? Но он не придет, можешь быть уверена. Это шаги твоей старой наперсницы; она сообщит тебе, как тщетны были ее старания завлечь сюда трусливого рыцаря. Я с удовольствием слушаю, что она скажет! — со смехом проговорил Цезарь и спрятался за дерево.

Альфонсо сильнее зашуршал листьями кустарника, и Лукреция не сомневалась, что он сейчас войдет в грот. Она незаметно нажала пружину, и боги любви распустили свои крылья, прикрыв ими свет лампы, отчего вся внутренность грота очутилась во мраке. Сев на край фонтана, молодая женщина запела.

Альфонсо после всего услышанного не мог больше сомневаться, что Фаустина выдала герцогу свою госпожу и что все сделанные молодой женщиной приготовления, все ее страстное нетерпение относилось вовсе не к Цезарю, а к нему самому. Альфонсо чувствовал себя растроганным, что не особенно благоприятствовало той роли, которую он собирался взять на себя. Он осторожно вышел из своего заточения и неверным шагом направился к фонтану.

— Это вы, благородный рыцарь? — спросила Лукреция, прерывая пение. — Вы достигли храма богини Дианы, и нимфы-весталки приветствуют храброго рыцаря.

— Я думаю, что весталки давно улетели отсюда, раз тут царствует Лукреция Борджиа, — сухо возразил Альфонсо.

— Зачем же тогда рыцарь ордена святого Иоанна пожаловал в этот грот? — насмешливо спросила молодая женщина. — Как бы то ни было, я сдержала свое слово и говорю с вами без маски.

— Может быть, вы и без маски, но здесь такая темнота, что я все равно не могу видеть ваше лицо, — ответил Альфонсо прерывающимся, взволнованным голосом.

— Я исполнила свое обещание буквально, и вы не должны больше ничего требовать от женщины, состоящей на службе у Лукреции Борджиа. Но я слышала, что вы боялись прийти сюда, чтобы не попасть в руки сатаны в образе сицилийской танцовщицы, как это было со святым Киприаном. Ввиду того что страх в темноте усиливается, — да будет свет!

Лукреция снова незаметно нажала пружину, и боги любви моментально сложили свои крылья. Мягкий лунный свет распространился вокруг и осветил танцовщицу, сидевшую на краю фонтана с маской на лице.

— Я обманул посланную вами старуху из предосторожности, — ответил Альфонсо. — Я не боюсь вас, хотя подозреваю, что вы — еще более испорченное существо, чем та женщина в образе дьявола, которая соблазнила святого Киприана. Вы — самое худшее, что можно сказать об особе вашего пола; вы — настоящая Лукреция Борджиа. Но я все-таки пришел сюда, и знаете, с какой целью? Я хотел сказать вам, что, несмотря на вашу несравненную красоту, несмотря на то что вы — самое дивное создание в мире, есть люди, которые отвернутся от вас, так как ваше внутреннее безобразие превышает внешнюю прелесть. Вам бу-

дет полезно узнать, что есть чистые, неиспорченные сердца, которые с презрением оттолкнули любовь Лукреции Борджиа. Я приехал сюда, чтобы воочию убедиться в ее позорном поведении. Я нахожусь в Риме для того, чтобы привезти принцу Альфонсо Феррарскому доказательства безграничной испорченности Лукреции; это необходимо ради того, чтобы он мог оправдать нежелание отдать свое честное имя такой грязной женщине.

Альфонсо показалось, что он услышал за деревом звук торжества; Лукреция молчала и сидела неподвижно, точно статуя. Наступила довольно длинная пауза.

— Вы не помните, что говорите, рыцарь, — сказала наконец молодая женщина. — Вы никогда не посмели бы употреблять подобные выражения, обращаясь лично к донне Лукреции. К вашему счастью, я — не она, клянусь вам в этом всеми святыми. Что касается вашего грубияна принца, то передайте ему, что ему нечего беспокоиться. Поезжайте обратно и скажите ему... Или, впрочем, нет, лучше оставайтесь! Тогда вы сможете, по крайней мере, лично убедиться, что донна Лукреция вышла замуж за наследника Орсини и вашему надутому принцу не грозит с этой стороны никакая опасность.

Эту фразу молодая женщина произнесла с таким достоинством, что Альфонсо почувствовал себя сконфуженным.

— Если вы — не Лукреция, то покажите мне свое лицо, — пробормотал он. — О, если бы на свете существовала действительно еще одна такая женщина, как Лукреция, с ее внешностью, но не с ее характером! — горячо воскликнул рыцарь. — Нет, нет, этого не может быть! Вы — Лукреция. Только у Лукреции голос звучит, как сладчайшая музыка, только от Лукреции веет благоуханием роз.

— Значит, вы не всех женщин презираете, а только Лукрецию Борджиа? — спросила танцовщица.

— Если вы — не Лукреция, то я готов любить вас так, как еще никогда никого не любил! — воскликнул Альфонсо.

— Если бы я была Лукрецией, страшной, злой Лукрецией, неужели, вы думаете, я стала бы спокойно выслушивать ваши оскорбления? Меня очень радует, что она могла быть моей соперницей в вашей чистой любви, если бы она была другой. Какая честь для меня заслужить любовь такого добродетельного рыцаря! Еще не видя моего лица, вы почувствовали ко мне такую любовь, что даже попираете ногами Лукреция Борджиа, перед которой преклоняется

весь мир. Будьте добры, благородный рыцарь, объясните мне, чем прогневала вас в такой степени моя госпожа?

— Вы не предложили бы мне этого вопроса, если бы слышали, что говорила мне Лукреция в образе феи Морганы.

— Право, рыцарь, вы клевете на нее, — быстро воскликнула молодая женщина. — Кто-то подшутил над вами. Фея Моргана — вовсе не Лукреция.

— Я тоже так подумал, когда увидел вас. Но раз вы уверяете, что вы — не Лукреция, следовательно, фея Моргана — она.

— Нет, рыцарь, я должна быть справедливой даже по отношению к своей сопернице, — возразила танцовщица. — Я уже сказала вам, что состою в числе фрейлин донны Лукреции, и могу уверить вас, что она — такая же фея Моргана, как я. Ведь в то время, когда я говорила с вами на Капитолийской площади, процессия прошла мимо нас, и я очень хорошо видела эту фею Моргану.

— Ну, если вы так близки к донне Лукреции и чувствуете ко мне некоторое расположение, то, может быть, ответите мне на некоторые вопросы, касающиеся вашей госпожи?

— С моей стороны было бы не по-христиански осуждать свою госпожу! — ответила танцовщица дрожащим голосом.

— В таком случае, вы сознаетесь, что если говорить о Лукреции правду, то придется сказать только дурное?

— Ну, спрашивайте, я честно отвечу на ваши вопросы. Вы — полудуховное лицо, я — женщина...

— Хорошо, что вы напомнили мне о том, что вы — женщина, — прервал Альфонсо танцовщицу. — Дайте мне клятву, что никому не скажете того, что услышите от меня.

— Не говорите, не говорите ничего такого, что не мог бы слышать самый худший из семьи Борджиа! — воскликнула молодая женщина с большим беспокойством.

Однако Альфонсо словно не хотел замечать ее тревоги и продолжал:

— Можете вы дать мне доказательства вины Лукреции, чтобы я мог, таким образом, выполнить данное мне поручение?

— Зачем вам доказательства? Ведь свет судит эту женщину без всяких доказательств! — с горечью ответила танцовщица.

— Так как вы стоите близко к Лукреции, то можете сказать мне правду: виновата она или нет?

— В чем виновата или нет? Ведь я не сфинкс, не умею разгадывать загадки! — воскликнула молодая женщина.

— Вы, вероятно, слышали о том, что говорят о вашей прекрасной, но ужасной госпоже. Я помню, что вы — женщина, и не могу яснее поставить свой вопрос. Ну, вот скажите, основательны ли эти слухи? Это — во-первых. А во-вторых, не знаете ли вы, от чьей руки погиб герцог Гандийский?

— Я отдала бы сама последнюю каплю крови, чтобы узнать, кто совершил это злодеяние! — горячо воскликнула молодая женщина. — Конечно, я передаю вам слова донны Лукреции! — спохватилась она.

— Неужели никто из окружающих вашу красавицу не внушает подозрения?

— Вы знаете, благородный рыцарь, по собственному опыту, что это подозрение — ничто!

— Совершенно верно. Скажите, вы помните ту ужасную ночь, ночь смерти герцога?

— Вы говорите здесь об опасных вещах, рыцарь! — прошептала молодая женщина, тревожно взглянув на дерево, за которым спрятался Цезарь.

— О, мне нечего опасаться, что в этом уединенном месте меня подслушивает кто-нибудь из убийц Джиованни! — спокойно ответил Альфонсо. — Вы помните его? Говорят, он был очень красивый юноша.

— О, пресвятая Богородица! Бедный Джиованни! — воскликнула молодая женщина со слезами в голосе.

— Говорят, он очень нравился женщинам, — продолжал рыцарь. — Я понимаю, почему вы с такой горечью произнесли его имя. Ваша красота наводит меня на мысль, что этот красивый, влюбчивый юноша не был и к вам равнодушен.

— Я любила его, как дорогого брата, как лучшего друга, как умного, благородного человека! Нежному отцу и любящей сестре только и осталось, что возносить горячие молитвы к Богу об упокоении его души и призывать проклятия на голову неведомого убийцы.

— Любящей сестре! — многозначительно повторил рыцарь. — Говорят — слишком любящей сестре!

Молодая женщина вздрогнула, как будто ей нанесли неожиданный удар.

— Я расскажу вам, что слышала о любви герцога Гандийского к своей сестре, — проговорила она после непродолжительного молчания. — Они были так похожи между собой как по наружности, так и по складу характера, что

если бы не разница пола и возраста, их можно было бы принять одного за другого. Само собой разумеется, что при таком душевном сходстве между ними существовала полнейшая гармония во взглядах и вкусах. Сестра понимала каждое движение души брата, и наоборот; понятно, что при таких условиях их не могла не связывать между собой самая чистая родственная любовь.

— Скажите, пожалуйста, в ту ужасную ночь вы были вместе с Лукрецией? — снова спросил Альфонсо.

— Да, мы были в монастыре Святой Марии Трансверской! — смущенно ответила танцовщица.

— Почему же донна Лукреция не была на балу у своего брата кардинала, теперешнего герцога Романьи? Ведь он давал в ту ночь вечер в честь своей поездки в Неаполь, где должен был короновать дона Федерико.

— Донна Лукреция и герцог поссорились между собой, я не помню из-за чего. Ах да, вспомнила... это был пустой спор из-за какого-то слова! — проговорила молодая женщина и вздрогнула, услышав какой-то шорох за деревом.

— Предположим, что Джиованни погиб от руки тайного соперника, — продолжал Альфонсо, с удовольствием представляя себе волнение Цезаря, стоявшего за деревом, — тогда вполне возможно, что он стал жертвой того же самого убийцы, который убил принца Салернского, второго супруга донны Лукреции, под крышей Ватикана, в собственной постели.

— Это неправда, это неправда, — горячо запротестовала молодая женщина. — Принц Салернский умер от ран, полученных от врагов на площади святого Петра.

— А у нас в Ферраре эту историю рассказывают иначе, — возразил Альфонсо, — говорят, что он вполне оправился от своих ран, и они никоим образом не могли стать причиной его смерти. Уверяют, что донна Лукреция запретила своему мужу входить к ней, и когда он насильно ворвался в их общую спальню, она бросилась к отцу и у него искала защиты от мужа. Папа напомнил дочери об обязанностях послушной жены, и та решила через месяц вернуться к мужу, но накануне этого срока принца Салернского нашли убитым в Ватикане.

— О нет, вы не все знаете, далеко не все, — с отчаянием воскликнула молодая женщина. — Донна Лукреция вышла за него замуж против своей воли, на этом настаивал ее отец. Я не знаю, почему ему так хотелось этого брака; может быть потому, что Лукреция не могла любить своего первого мужа, расслабленного Джиованни Сфорца. Но за-

чем выбор папы пал на принца Салернского, грубого, необузданного малого, внушающего отвращение, — это для меня непонятно. Во всяком случае, нельзя было ожидать иного конца при этом ужасном союзе. То, что произошло, оправдано таким святым человеком, как...

— Отец Бруно! — закончил рыцарь дрожащим голосом. — Он, кажется, содействовал также расторжению брака донны Лукреции с Джиованни Сфорца.

— Сфорца был разведен по приказанию церкви! — тихо ответила Лукреция. — Хотите, я доверю вам одну тайну Лукреции Борджиа? Вы слышали, что говорил отец Бруно о ее браке с принцем Салернским, но вы не знаете, что он внушил донне Лукреции сомнение о законности какого бы то ни было брака с ее стороны. Он говорил, что она не имела никакого права разойтись со своим первым женихом, хотя она никогда не видела его, и что после этого всякий брак является незаконным.

— Вы, конечно, шутите, прекрасная дама! — воскликнул рыцарь. — Дочь главы церкви сомневается в том, что разрешено самим папой? Но если бы это даже было и так, если бы она решила разойтись с Джиованни Сфорца, считая себя связанной словом с первым женихом, как же объяснить ее второй брак с принцем Салернским, этим диким необузданным малым, как вы изволили выразиться?

— Он умер, да простит меня Бог за дурное слово о покойнике, — со слезами проговорила танцовщица, — но вы многого не знаете, благородный рыцарь, а потому не судите так строго Лукрецию Борджиа. Может быть, несчастную женщину заставили выйти замуж в отсутствие духовника, у которого она черпала нравственную силу; а может быть, тут заговорила женская гордость; мало ли, какие обстоятельства вынудили ее пойти против своей совести и желания! Впрочем, я знаю, что мои слова не в состоянии тронуть вас. Ну что ж, пусть будет так! Пусть Лукреция Борджиа нарочно женила на себе влюбленного принца Салернского для того, чтобы убить его, так как для нее не существует большего развлечения, чем проливать человеческую кровь! — с горькой иронией закончила танцовщица.

— Ну, если Лукреция Борджиа не повинна в этих убийствах, то мое подозрение всецело падает на неизвестного соперника, который тайно достает то ключи от церкви святого Петра, то острый меч. Делает он это, конечно, с целью вернуть Лукреции свободу, а еще больше из желания вырвать ее из объятий мужа, в которые невольно сам

толкнул ее, чтобы заставить свет не видеть того, что есть в действительности!

— Кто же этот неизвестный? Вы говорите о нем так, точно знаете, кто он такой! Ведь вы — мужчина и рыцарь; говорите же прямо и откровенно, что вы думаете. Ваши намеки сводят меня с ума! Умоляю вас, скажите, кто, по вашему, убийца? — тихо спросила молодая женщина дрожащим от волнения голосом.

— Нет, я не могу назвать его. Вероятно, тот призрак, который блуждает по комнатам принца Салернского, мог бы открыть вам эту тайну. Может, он и мог бы заодно сказать, кто желает так страстно брака Лукреции с наследником Орсини, для того чтобы она оставалась в Риме, несмотря на то что это противоречит всем требованиям политики! — с горечью проговорил Альфонсо.

— Право, я не знаю, что возразить вам на это! — с отчаянием воскликнула молодая женщина. — Пречистая Дева, Ты одна — заступница у Лукреции Борджиа. Господи, даже эта новая жертва, которую она приносит для того, чтобы спасти свое доброе имя, служит ей в осуждение. Подумайте, жестокий феррарец, что вы говорите? Ведь вы приехали сюда для того, чтобы расстроить брак своего принца с Лукрецией; следовательно, велись переговоры о том, чтобы она уехала в далекую Феррару. Если бы хотели оставить ее в Риме, то вам незачем было бы приезжать сюда и выискивать повода для того, чтобы оклеветать Лукрецию. Я не осуждаю вас за ненависть к Лукреции — так гораздо безопаснее: кто не любит ее, тому нечего бояться. Возвращайтесь в свое негостеприимное отечество и сообщите посланному вас, что вы навели справки и узнали от человека, знакомого с Лукрецией с самого раннего детства, что она — сама порочная женщина, и все слухи, распространяемые о ней, — сущая правда. За эти сведения вы, конечно, получите хорошую награду.

Альфонсо бы расстроган отчаянием молодой женщины, а когда увидел, как по уродливой маске потекли крупные слезы, то почувствовал себя окончательно побежденным.

— Этого признания мне достаточно, совершенно достаточно, — проговорил он, нерешительно подходя к танцовщице, и поднес ее руку к своим губам. — Что касается вас, то ваша горячая, благородная защита донны Лукреции доказывает, что вы достойны истинной дружбы.

Молодая женщина быстро выдернула свою руку и написала на воде слово «дружба», после чего со смехом добавила:

— Видите, как быстро исчезает дружба!

Альфонсо хотел сказать что-то по этому поводу, но не находил подходящих слов. Он сел рядом с молодой женщиной на край фонтана и со смешанным чувством скорби и страсти любовался ее стройной, изящной фигуркой.

— Надеюсь, что мы расстанемся не врагами, — пробормотал он. — Дайте мне взглянуть на ваше лицо или докажите мне чем-нибудь, что вы — не Лукреция, и я стану обожать вас.

— Да, я докажу вам это, но не трогайте мою маску! — с ужасом воскликнула она, когда Альфонсо хотел открыть ее лицо.

В ту же минуту внутренность грота погрузилась во мрак. Рыцарь почувствовал, как две нежные тонкие руки обвились вокруг его шеи и душистые, мягкие, как бархат, губы затрепетали на его губах.

— Вот вам доказательство, что я не Лукреция, — раздался в его ушах мелодичный голос, — разве Лукреция простила бы вам те оскорбления, которые вы высказали в ее адрес?

Альфонсо протянул руки, чтобы заключить в объятия очаровательное существо, но они беспомощно повисли в воздухе, — незнакомка исчезла. Не успел рыцарь прийти в себя от этой неожиданности, как внезапно поднялся вокруг невыразимый шум. Лампа вспыхнула ярким светом, и весь грот наполнился людьми в костюмах нимф, наяд, фавнов, сатиров. У всех зеленых входов появилась стража с внушительными копьями в руках.

— Пан, Пан! — закричала добрая сотня голосов. — Пан, приди сюда и накажи смертного, дерзнувшего посягнуть на твою святыню. Эхо, где Пан?

Вдали, отовсюду слышалось:

— Где Пан?

Альфонсо стоял несколько мгновений как изваяние, не давая себе отчета в том, что происходит вокруг. Внезапно ему пришла в голову мысль, что Лукреция устроила всю эту сцену для того, чтобы сначала повергнуть его в недоумение, а затем, пользуясь его смущением, отплатить ему, и он начал прикидывать, как бы незаметно скрыться, но в эту минуту раздался пронзительный свист, и под звуки этого свиста в грот вошел Пан на козьих ножках в сопровождении многочисленной свиты фавнов.

— Тише! — закричал Пан свистящим фавнам. — Какая нимфа привлекла сюда смертного?

— Эгерия, Эгерия! — воскликнули бесчисленные голоса.

— Ты опять принялась за свои шутки? — строго заметил Пан. — Где же этот смертный?

— Вот он!.. Он — иоаннит, иоаннит! — закричали нимфы в один голос. — Как не стыдно Эгерии!.. Если бы это был сатир, тогда другое дело, а то святой иоаннит!

— Святой иоаннит, святой иоаннит! — со смехом подхватили со всех сторон.

— Действительно, вам остается теперь только потешаться надо мной, — шутливо проговорил Альфонсо, стараясь выйти из неловкого положения, — но если бы вы позвали ко мне завлекшую меня нимфу, то я сумел бы доказать вам, что она заслуживает большего наказания, чем я.

— Вы хотите, чтобы вам доставили удовольствие вместо наказания? — возразили нимфы. — Ну нет, этого не будет. Ведите его к нашей королеве, пусть она судит его!

Альфонсо моментально окружила стража; он не сомневался, что Лукреция жестоко отплатит ему за то, что он высказал ей. Он вспомнил обо всем том, что рассказывали о жестокости Лукреции, но почему-то нисколько не опасался мстительной красавицы. На его губах еще горел поцелуй Лукреции, и он никак не мог представить себе, что она замышляет что-нибудь злое по отношению к нему.

— Здравствуйте, рыцарь! — вдруг услышал Альфонсо за своей спиной чей-то насмешливый голос.

Он оглянулся и увидел герцога Романьи, державшего в одной руке свою маску.

— Не беспокойтесь за свою участь, — продолжал Цезарь, — не думаю, что суд окажется очень строг. Пусть вас проводят к королеве, донне Лукреции; она с моего согласия придумала эту веселую карнавальную шутку. Если вы узнаете ту дамочку, которая завлекла вас под видом Эгерии, то наказание будет не очень строго. Ваша соблазнительница находится теперь у своей госпожи, и конечно без маски.

Услышав тираду герцога, представлявшую собой сплошную ложь, Альфонсо задрожал от негодования, но, быстро овладев собой, беззаботно ответил:

— Ну, раз вы, ваша светлость, ручаетесь, что со мной не произойдет ничего дурного, я смело пускаюсь в путь. Если я найду среди фрейлин донны Лукреции танцовщицу, которая завлекла меня сюда, то при всех скажу, что принял ее приглашение только для того, чтобы отчитать ее как следует за ее недостойное поведение.

XI

Альфонсо, как военнопленный, в сопровождении стражи вышел из грота в лес. На каждом шагу его взор встречал произведения искусства, изображавшие сцены из жизни древней Греции. Фигуры оживали при его приближении. Из воды выскакивали наяды и смеясь направляли на Альфонсо струи душистой влаги. На скале под звуки веселых охотничьих рогов показалась Диана, окруженная своими нимфами, которые стреляли в рыцаря тупыми позолоченными стрелами. Вскоре Альфонсо вошел в широкую аллею из очень высоких вязов, сквозь верхушки которых проникал мягкий лунный свет. Величественная тишина этого места напомнила рыцарю Божий храм. Направо и налево от аллеи тянулись боскеты¹ из цветущих апельсиновых деревьев, наполнявших воздух невыразимо приятным ароматом. Аллея заканчивалась обширным павильоном из голубого мрамора, украшенного золотом. Посреди павильона стоял зеленый трон, на котором сидела дама среди блестящей свиты.

Когда рыцарь, в сопровождении стражи, поднялся на ступени павильона, все общество разразилось громким неудержимым смехом. Альфонсо сейчас же узнал в сидевшей даме Лукрецию. К его величайшему сожалению, дочь папы успела переодеться. На ней красовался теперь роскошный испанский костюм из серебристой парчи; вся грудь была покрыта драгоценными камнями, а на голове сверкала диадема из крупных бриллиантов. Она теперь действительно походила на королеву и не имела ничего общего ни с веселой танцовщицей, плясавшей на Капитолийской площади, ни с нимфой Эгерией, соблазнявшей рыцаря в гроте, ни со страдающей женщиной, только что проливавшей слезы. Только необычная бледность ее лица выдавала внутреннее волнение. Это быстрое превращение неприятно поразило Альфонсо, так как он усмотрел в нем привычку обманывать и притворяться.

Увидев среди публики Паоло Орсини, Лебофора, Бембо и других знакомых, он несколько смутился; все они присутствовали при его отказе стать рыцарем Лукреции на турнире, причем он мотивировал это тем, что ему, как иоанниту, не подобает принимать участие в развлечениях. Теперь же они, по его мнению, вероятно, думали, что он

¹ Боскет (ит. *boschetto* — лесок, рошица) — группа ровно подстриженных в виде стенок деревьев или кустарников.

изменил своему принципу, и, конечно, осыплют его насмешками.

У Орсини был такой мрачный вид, будто он присутствовал на панихиде, а не на веселом празднике, зато лицо англичанина расплылось в блаженной улыбке. Бембо, по всей вероятности, не мог решить, какого тона ему следует держаться, однако, заметив спокойное, серьезное выражение Альфонсо, тоже принял торжественный вид. Да и все как-то сразу перестали смеяться. Можно было ожидать, что Лукреция со свойственным ей остроумием начнет подшучивать над Альфонсо, которого Пан обвинял в том, что он соблазнил целомудренную нимфу; но вместо этого красавица вспыхнула до корней волос и смущенно потупила взор.

— Старайтесь оправдаться, рыцарь, иначе вы погибнете! — воскликнул Цезарь и, чтобы ободрить Альфонсо, дружески похлопал его по плечу.

— Эти обвинения ни на чем не основаны, синьор, — возразил принц. — Если бы у Пана были свидетели, то они сказали бы ему, что я пришел на свидание с нимфой только для того, чтобы доказать ей, до какой степени я презираю ее. Мне не нужны были ни ее нежные слова, ни ласки, так как я явился с целью высказать ей порицание более строгое, чем проповедь самого требовательного духовника. Вероятно, эхо передало Пану лишь тихий звук, настолько тихий, что его не расслышали даже певшие в кустах соловьи, и на основании этого звука Пан построил свое обвинение. Это был звук поцелуя, который нимфа запечатлела на моих губах, хотя я не желал его и не возвратил ей поцелуя. Я очень благодарен за это эху, так как ему я обязан тем, что ко мне явились на помощь свет и сам Пан. Без этого Бог знает до чего могла дойти предприимчивость нескромной нимфы.

Это необыкновенное обвинение вызвало взрыв смеха всех присутствующих, только лицо Лукреции еще ярче зарделось, а Цезарь заметно побледнел.

— Это действительно непростительный проступок нимфы, — после некоторого молчания проговорил он нарочито веселым голосом. — Позовите ее сюда, дорогая Лукреция!.. Пусть она выслушает без маски обвинение рыцаря.

— Нет, нет, — живо возразила Лукреция, — поскольку рыцарь так неблагодарен, что позволяет нам смеяться над влюбленной нимфой, то я считаю, что она уже достаточно наказана, и не хочу конфузить ее еще больше. Это

не значит, что я вполне верю словам рыцаря, однако я не хочу делать очную ставку потому, что она даст возможность строгому иоанниту еще больше оскорбить бедную нимфу, а, очевидно, он только этого и добивается. Это нехорошо, рыцарь, с вашей стороны!.. Я думаю, после вашего поступка каждая женщина побойится довериться вам. Ввиду того что вы никак не можете узнать среди придворных нимфу Эгерию, вы никогда и не увидите ее. В этом будет заключаться ваше наказание.

Альфонсо равнодушно поклонился и отошел в сторону, однако все же успел заметить, что его равнодушие задело Лукрецию.

— А теперь, дорогой синьор Орсини, порауйте меня своей серенадой, — обратилась красавица к Паоло.

Тот весь просиял от ласковых слов Лукреции, быстро вышел и вскоре затем вернулся с роскошной мандолиной. Эта очаровательная музыка производила чрезвычайно приятное впечатление на лоне природы, под мягким светом луны. Лицо Лукреции приняло скорбно-мечтательное выражение, на ресницах заблестели слезы, и Альфонсо почувствовал себя глубоко растроганным и даже виноватым перед нею. Но вот раздался звучный голос Паоло, жаловавшийся в своей серенаде на жестокость красавицы, и все очарование исчезло. По окончании пения дамы сняли букеты цветов со своих корсажей и бросили их к ногам певца. Все присутствующие мужчины, кроме Альфонсо, бросились поднимать их.

После этой баталии все вернулись к трону Лукреции, которая встала со своего места и растерянно смотрела вокруг, точно только что очнулась от сна.

— Ах, я, кажется, забыла бросить свой букет! — с удивлением воскликнула она. — Теперь у всех вас есть кавалеры, — обратилась она к дамам, — каждый кавалер поведет к ужину ту даму, чьи цветы находятся у него в руках. Только рыцарь святого Иоанна остался без букета. Видно, судьбе угодно, чтобы он стал моим кавалером. Дамы и мужчины, идите вперед, в грот Эгерины, где будет сервирован ужин, а я с рыцарем пойду позади всех. Его сан и принципиальное презрение к женщине служат ручательством того, что он для меня не опасен.

Дамы поспешили исполнить приказание своей повелительницы. Реджинальд и Паоло Орсини разгадали хитрость Лукреции, и их лица омрачились, но, во избежание большей неловкости, им все же пришлось предложить руки своим случайным дамам. Процессия двинулась к гроту.

Последняя пара сильно отстала от всей процессии. Лукреция взяла руку Альфонсо, не поднимая на него взора, и они долгое время шли молча. Принц невольно думал о том, что произошло с ним и прекрасной женщиной, опиравшейся на его руку, и не мог подавить чувства нежной жалости к ней.

— Мы теперь одни, синьор, — наконец нарушила молчание Лукреция, — я, конечно же, умышленно не бросила свой букет. Хотя вы слышали ужасные вещи о Лукреции Борджиа, но не опасайтесь меня: я никогда не забуду, что вы спасли мне жизнь. Мне очень хотелось бы сделать для вас что-нибудь приятное, чтобы отблагодарить за оказанную услугу, и, кажется, случай дает мне эту возможность. Ваш друг, синьор Бембо, уверяет, что вы богаты и знатного происхождения; следовательно, с вашей стороны нет препятствий, мешающих вам жениться на девушке, привлекающей вас сюда. Она — тоже очень богатая наследница и принадлежит к самой высшей аристократии Рима. Ваш рассказ о ее проступке доказывает, что она очень любит вас. Неужели же вы откажетесь от ее любви, рыцарь? Святой отец снимет с вас обет, а я буду рада содействовать счастьем двух любящих сердец. Утверждают, будто я сделала очень многих людей несчастными, а потому для меня имело бы особенное значение осчастливить хотя бы двоих.

Альфонсо рассердили ее слова; очевидно, Лукреция высказала это из трусливого желания отклонить от себя подозрение и тем закончить происшедшую сцену.

— Благодарю вас, синьора, и ту даму, которая оказывает мне честь своим расположением, — сухо ответил он, — но, к сожалению, обет, данный мною, настолько крепок, что его не может разорвать даже глава христианской церкви, тем более что он соответствует моему сердечному желанию.

— Я понимаю вас, рыцарь. Ваше сердце уже было занято, когда вы приехали в Рим, — с грустной улыбкой проговорила Лукреция, — и воспоминание о вашей несравненной красавице сделало вас нечувствительным к прелестям римлянок.

— Вы ошибаетесь, синьора! До приезда в Рим я не встречал красоты, которая бы так сильно поразила меня!

— Вы, кажется, говорили, что не видели лица той дамы, на которой я хотела бы женить вас. Повремените принимать какое-либо решение, пока не увидите ее. Кто знает, может быть, тогда и ваш час пробьет! — лукаво проговорила Лукреция.

— Вы, синьора, известны, как несравненный оракул любви, тем не менее, могу уверить вас, что ни одна из самых красивейших ваших фрейлин не опасна для моего сердца!

— Я — оракул любви? Не знаю, какой бог одарил меня таким талантом! Вы плохо понимаете меня, благородный рыцарь. Я знаю, что говорит ваш взор, и не отрицаю, что ищу любви во всех ее видах и формах. Большей частью я не нахожу в себе чувства к тому, кому внушаю любовь, и тогда самые горячие, страстные речи непонятны мне, как будто их произносят на чужом для меня языке. Но это не потому, что я не могу любить... Я ищу настоящее, глубокое чувство, но нигде не нахожу его; я бегу за призраком любви, надеясь наконец найти то, к чему стремится моя душа, и возвращаюсь разочарованной. Неужели меня можно осудить за это? Осудить за то, что я ищу хоть каких-нибудь радостей, которые скрасили бы мою неприглядную жизнь?

— Вам не нужно никаких оправданий. Поступите так, как поступали в старину! Покажитесь судьям во всей своей неотразимой красоте — и вы будете оправданы! — сухо ответил Альфонсо.

— Подобно Фрине, афинской грешнице? Благодарю вас, синьор, за лестное сравнение, — кротко и грустно прошептала Лукреция. — Бог с вами, я не обижаюсь на вас. К чему бороться с судьбой? А мне, видно, суждено терпеть оскорбления.

— Если Лукреция Борджиа недовольна своей судьбой, так что же говорить всем другим?

— Вас может радовать вид сочного прекрасного винограда, когда вы наверняка знаете, что он погибнет от бури, прежде чем вы успеете собрать его? — живо спросила Лукреция.

— Ваше сравнение, синьора, заставляет меня предположить, что у вас очень строгий духовник, рисующий вам будущее в мрачных красках! — возразил Альфонсо.

— Зачем он станет пугать меня моим будущим, когда я строго исполняю все его советы? — проговорила Лукреция. — Впрочем, нет, я действительно совершила один грех, — прибавила она, внезапно побледнев. — Однако мы с вами сильно отстали, рыцарь.

Лукреция ускорила шаг, и вскоре они очутились у грота, потонувшего в глубоком мраке. Лукреция сделала незаметный знак одному из своих слуг, и вдруг весь грот и сад осветились бесчисленными светильниками. Засверкали дра-

гоценные камни на костюмах нарядных гостей, заблестели золотые столы, уставленные изысканными блюдами, заискрилось вино в хрустальных графинах и бокалах. В ближайших кустах раздались звуки нежной райской музыки. Всеобщий шепот восхищения пронесся по всему гроту. Лукреция, приветливо улыбаясь, села рядом с герцогом Романьи, и веселый ужин начался.

Орсини бросил на Альфонсо мрачный взгляд, а англичанин с большим участием смотрел на друга, так как знал, в какое опасное положение он поставил себя своим поведением.

За ужином присутствовали первые красавицы Рима, и тем не менее даже враги Лукреции не могли не признать, что она затмевает их всех своей чарующей прелестью. Всегда уверенная в себе, Лукреция в этот вечер не чувствовала себя лучше других и с некоторым беспокойством смотрела на окружающих ее дам; а затем украдкой следила за каждым взглядом Альфонсо.

С целью отвлечь от себя ревность Цезаря и Паоло Орсини, принц завел оживленную беседу со своей соседкой, напоминавшей фигурой и цветом волос Лукрецию. Он делал вид, что принимает ее за танцовщицу и нимфу Эгерию; его дама отнекивалась, уверяла, что она — жена одного из придворных, сидящих за столом, но Альфонсо притворялся, что не верит ей.

Лукреция заметила эту его оживленную беседу с соседкой, не догадываясь, что Альфонсо лишь играет известную роль. Ее сердце сжималось от ревности, но, опасаясь Цезаря, она не выдавала своего волнения и казалась такой веселой и остроумной, как никогда.

Продолжая беседу со своей дамой, Альфонсо не проронил ни одного слова, сказанного Лукрецией, не упустил из вида ни одного ее движения. От его внимания не ускользнуло, что царица праздника одаривает улыбками Лебофора, который никого не видел и не слышал, кроме Лукреции, и тянулся к ней всей душой. Альфонсо слегка смущала мысль, что англичанин не переставал думать, что похитившая его фея Моргана — это Лукреция.

Цезарь тоже пребывал в чрезвычайно веселом настроении; даже серьезный Макиавелли от души смеялся островам Лукреции, а Бембо прямо-таки расплывался в блаженстве и слабо защищался, когда Макиавелли заявил, что Бембо обещал воспеть донну Лукрецию в стихах, как Петрарка — Лауру.

После ужина Цезарь предложил устроить танцы на лугу перед гротом. Лукреция дала согласие, и блестящее общество разбилось на пары. Конечно, Альфонсо в своем одеянии не мог принимать участие в танцах, зато Паоло был очень доволен: он считался лучшим танцором и надеялся все время не расставаться с Лукрецией. К его величайшему разочарованию, молодая женщина решительно отвергла его приглашение.

— Я сегодня так много танцевала, — вздохнула она, — что совершенно не в силах больше сделать ни одного тура.

Орсини заметил, что иоаннит бросил при этих словах многозначительный взгляд на Лукрецию. Это так подействовало на Паоло, что он, лишь с большим трудом сдерживая негодование, ушел подальше от грота.

Цезарь заметил недовольство и уход Орсини и, не теряя времени, последовал за ним. Услышав за своей спиной чьи-то шаги, огорченный жених оглянулся, увидел Цезаря и остановился, поджидая его.

— Судьба благоприятствует мне, синьор Паоло, — проговорил герцог необыкновенно любезным тоном. — Я давно искал случая поговорить с вами наедине и совершенно не знал, как это устроить. Благодаря Богу, я получил возможность сказать вам, что от души желаю, чтобы нас соединили родственные узы.

— Мне кажется, что этого никогда не произойдет, синьор, — с горькой улыбкой ответил Паоло. — Его святейшество вдруг стал очень холоден со мной, а донна Лукреция явно выражает свое пренебрежение.

— Я думаю, что во всем виноват тот напыщенный иоаннит; это он подействовал на святого отца. Я почти уверен, что хитрый феррарец нарочно показывает свою неприязнь по отношению к Лукреции, чтобы отвести нам глаза, а втихомолку пользуется ее доверием. Сегодня вечером она дала ему аудиенцию, чтобы возобновить переговоры о своем браке с принцем Феррарским.

— Если вы, синьор, так думаете и действительно стоите на моей стороне, то, конечно, немедленно прогоните этого нахального рыцаря к его бессовестному принцу.

— К сожалению, не я — правитель Рима. Кроме того, ведь все переговоры ведутся тайно; в них посвящены только папа и донна Лукреция, а мы должны делать вид, будто ничего не знаем. Скажу вам откровенно, мои интересы тесно связаны с вашими. У меня составлен грандиозный план, но я не могу привести его в исполнение без вашей помощи.

— Скажите, герцог, что вы задумали? Я в высшей степени заинтересован! — оживился Паоло.

— Видите ли, в чем дело, синьор Орсини: я убедился, что моя мечта создать самостоятельное владение в пределах гор Ромула — пустейшая фантазия, и невольно мои мысли обратились в другую сторону. Недавно его святейшество выказал большое неудовольствие Феррарой, так как между нами зашел разговор по поводу земель по течению реки По, которые хотя и отторгнуты от церкви, но так же мало относятся к завещанию графини Матильды, как и поместья у Тибра, которыми владеете вы. Кроме того, эти земли, захваченные Феррарой, соприкасаются с моими владениями, Романьей и Болоньей. Ввиду этого я и подумал, что могу смело рассчитывать овладеть короной Феррары лично для себя, конечно, при вашей благосклонной и могущественной помощи. Я высказал свое намерение его святейшеству и согласился с ним, что ваш брак с донной Лукрецией является желательным во всех отношениях. Раньше, когда я мечтал об ином, я, признаюсь чистосердечно, был против этого брака, так как он нарушал мои интересы.

Орсини был просто изумлен откровенностью Цезаря.

— Теперь настроение папы совершенно изменилось, и это произошло с тех пор, как проклятый феррарец приехал сюда. Со мной папа почти не разговаривает и почему-то все старается оттянуть вашу свадьбу, несмотря на то что вызвал вас в Рим, вероятно, только для женитьбы.

— Его святейшество дает мне время добиться расположения его дочери, сам же он давно согласился на мое предложение, — встревожено ответил Орсини.

— Да? Ну, а как идут ваши дела? Нашли ли вы доступ к сердцу моей сестрицы? Мне кажется, что она встречает вашу любовь так холодно, что та рискует замерзнуть.

Паоло печально кивнул головой в знак согласия.

— Сдержанность Лукреции нельзя объяснить девичьей скромностью, — продолжал Цезарь. — Она, как женщина тщеславная, в жилах которой течет кровь Борджиа, легко может предпочесть суверена Феррары вассалу, хотя бы и очень богатому и могущественному. Ведь мы все заметили, с какой благосклонностью относится она к посланнику правителя Феррары, несмотря на то что он возмущает всех своей грубостью.

— Он оказал большую услугу донне Лукреции; вы помните, ваша светлость, нашу злополучную охоту на буйвола? Правда, эта услуга скорее случайна, чем умышленна, но все-таки донна Лукреция считает себя обязанной иоан-

ниту. Если бы я раньше знал о его предательстве, то расправился бы с ним, — грозно воскликнул Паоло, обнажая свой меч. — Впрочем, и теперь еще не поздно!

— Синьор, он спас вам жизнь, — напомнил Цезарь, ласково удерживая руку Паоло.

— Да, это верно, — сконфуженно согласился Орсини, вкладывая кинжал обратно в ножны. — Но если он отнимет у меня надежду на любовь донны Лукреции, без которой для меня немислимо существование, то его услуга перестанет быть услугой и избавит меня от благодарности.

— Совершенно верно, но, прежде чем решиться на такой ответственный шаг, нужно иметь доказательства его вины в руках, а не действовать лишь по одному подозрению. Я понимаю, что вам будет чертовски тяжело, если феррарский посланник достигнет своей цели, а это легко может произойти, так как его святейшество очень возмущен дерзостью ваших союзников, в особенности Вителлоццо. Да, я думаю, и вам не доставит большого удовольствия держать стремя высокомерного жениха, пока тот будет садиться на лошадь, чтобы ехать венчаться с Лукрецией.

— Вы смеетесь надо мной, герцог! — воскликнул Орсини, и его глаза гневно засверкали.

— Боже меня упаси!.. Я опасюсь лишь, что над нами обоими посмеются другие! — грустно ответил Цезарь.

— Вы — поэт, ваша светлость. Может быть, все эти ужасы — лишь плод вашей богатой фантазии? — пытался успокоить себя Паоло.

— Я уже сказал вам, что лишь подозреваю о намерениях иоаннита, но ручаться ни за что не могу, поскольку не посвящен в это дело. Все давно говорят, что папа очень изменился ко мне, и этого нельзя отрицать. Старик мечтает лишь о блестящем положении для своей любимой дочери, роскошнейшего цветка Италии, как он называет ее, — с горечью прибавил Цезарь. — Мне только кажется странным обращение донны Лукреции с феррарцем. Сегодня она назначила ему тайное свидание в саду, а завтра, вероятно, встретит с ледяной холодностью. Вы сами последите за фактами; я не хочу, чтобы вы составляли мнение, основываясь только на моих словах.

— Донна Лукреция назначила рыцарю тайное свидание в этом саду? — с отчаянием воскликнул Паоло.

— У вас есть полнейшая возможность или сделаться мужем Лукреции, или уступить ее принцу Феррарскому! — проговорил Цезарь, спокойно наблюдая за тем,

какое впечатление производят его слова. — В ваших руках власть и сила, воспользуйтесь же ею! Потребуйте с оружием в руках, чтобы папа немедленно исполнил свое слово, и женитесь, не откладывая дела в долгий ящик. Ваши союзники поддержат вас. Докажите его святейшему, что у вас есть сила и храбрость, иначе вам скоро придется раскаться.

Орсини смотрел с полным доверием на Цезаря и теперь уже не сомневался в его искренности; в особенности его привлекала мысль, что Лукреция может стать в самом ближайшем будущем его женой.

— Вы говорите о свержении старейшего представителя Италии так легко, точно дело идет о том, чтобы сорвать с дерева зрелый плод, — с некоторой нерешительностью возразил Паоло. — Вы забываете, что он находится в тесном союзе с победоносным королем Франции.

— Тем более я считаю его своим врагом. Для того, чтобы вернуть себе расположение французского короля, я принужден был поддерживать план женитьбы принца Феррарского на моей сестре, — этого брака желал Людовик Двенадцатый. Но теперь мне, в угоду этим друзьям, придется отказаться от большей части моего личного имущества, так как его святейство, конечно, пожелает наградить им мужа своей любимой дочери. Само собой разумеется, что такая перспектива не особенно радует меня. Флорентийскую республику тоже поддерживают французы, однако это не мешает друзьям Пиетро Медичи надеяться на его возвращение. Понятно, дорогой Паоло, никто из наших юбилейных гостей не должен ничего знать о нашем разговоре. Если вы верите мне и хотите вступить со мной в союз, то Феррара и все феррарцы в наших руках. Прежде всего, мы посадим во Флоренции Медичи, и тогда его святейство подпишет ваше брачное свидетельство.

Ослепленный любовью, Паоло верил каждому слову Цезаря, который продолжал развивать свой план с такими подробностями, что трудно было усомниться в его искренности. В конце концов ему удалось убедить Паоло стать его союзником.

Когда беседа Цезаря и Паоло подходила к концу, они заметили, что музыка внезапно прекратилась.

— Вероятно, Лукрецию обидело наше долгое отсутствие, — проговорил герцог Романьи, — и она решила окончить бал. Пойдемте скорее! Но прежде чем мы расстанемся, позвольте, Паоло, обнять вас и скрепить нашу дружбу родственным поцелуем.

Орсини принужденно улыбнулся, и новые приятели разошлись в разные стороны, как только приблизились к освещенному пространству.

«А теперь, — радостно подумал Цезарь, глядя с презрением на удалявшегося Орсини, — все карты снова в моих руках. Лукреция ни за что не согласится на брак с Паоло, когда увидит, что ее хотят взять силой. Папа еще не настолько кроток, чтобы при первом грубом требовании поступиться своей властью в пользу мятежников. Вителли заняты в Ареццо; Орсини разгневали французов тем, что хотят снова предоставить власть своему родственнику; Неаполю грозит война, — одним словом, все обстоятельства складываются в мою пользу! Нужно только действовать, действовать, не теряя времени!»

XII

Войдя в грот, Паоло вспомнил слова Цезаря о том, что Лукреция, вероятно, обиделась их долгим отсутствием, и стал тотчас разыскивать ее, но узнал, что она внезапно уехала с частью своей свиты и просила гостей оставаться до тех пор, пока им будет угодно. Ревнивый влюбленный начал искать глазами Альфонсо и, к своему изумлению, тотчас же увидел его на том же месте, на котором он сидел, когда Паоло выходил из грота. Лебофора не было среди гостей, так как Лукреция попросила его проводить ее до носилок.

Для Паоло праздник потерял всякий интерес, и он отдал своим людям приказ собираться домой. Поднявшаяся при этом суета вывела Альфонсо из задумчивости; он быстро поднялся и ушел из грота. Однако не успел он сделать нескольких шагов, как встретился с Лебофором, который возвращался обратно, исполнив почетную обязанность.

— Что же, благоволение красавицы к вам не дошло до такой степени, чтобы пригласить вас в Ватикан? — насмешливо спросил Альфонсо.

— Прошу вас, любезный товарищ, оставить подобные шутки! — недовольным голосом ответил Лебофор.

— Неужели вы не оказали прекрасной даме столь незначительную услугу? Неужели вы не проводили бы ее до самого дворца, если бы она пожелала этого?

— Я отдал бы ей последнюю каплю своей крови, если бы она потребовала этого! — горячо воскликнул англичанин. — Однако не забывайте, что вы говорите о невесте

моего друга. Я, несомненно, счел бы за честь проводить донну Лукрецию до ее дворца, если бы ей не вздумалось посетить своего духовника, куда я не мог отправиться вслед за ней.

— О, какой поздний визит! Ведь теперь уже полночь! Сознайтесь, Реджинальд, вы дорого дали бы, если бы могли сделаться духовником этой красавицы? — с горькой иронией спросил Альфонсо.

— Скорее, роль духовника подходит вам, как рыцарю святого Иоанна, — возразил англичанин, не понимая намека Альфонсо. — Что касается меня, то, клянусь Пресвятой Девой, я был бы счастлив сделаться какой-нибудь вещью, каким-нибудь предметом, находящимся постоянно возле донны Лукреции. С какой радостью я стал бы цветком на ее груди, хотя бы и знал, что к вечеру завяну, или птицей в клетке, висящей в ее комнате, или собакой, лежащей у ее ног и чувствующей прикосновение ее нежной, мягкой руки к своей голове, или подушкой, на которой покоится во сне ее щека!

— Пусть Паоло будет осторожен: я боюсь, что ты задушишь своей страстью его невесту, — произнес Альфонсо. — Скажи откровенно, мой друг, это фея Моргана хотела превратить тебя в цветок, касающийся ее груди, или в подушку, на которой покоится ее голова? Она обещала тебе это?

Лицо Лебофора вспыхнуло.

— Ну, мало ли, что она, в качестве феи Морганы, предлагала разным лицам! — смущенно ответил он. — Она многих приглашала к себе, в том числе и меня.

— А у тебя не хватило мужества напомнить ей о ее обещании? Вероятно, с этой целью она просила тебя проводить ее! — с заметным волнением проговорил Альфонсо.

— Разве можно напоминать такой высокопоставленной даме о том, что говорилось шутя во время маскарада? — возразил англичанин. — Впрочем, она даже заставляла меня сделать это. К моему величайшему изумлению, она потребовала, чтобы я рассказал ей все, что говорила фея Моргана, в чем она была, хотела, чтобы я повторил каждое ее слово, причем мне пришлось порядочно краснеть по временам.

— Неужели же ты — такой новичок в любовных приключениях, что не напомнил ей о ее приглашении?

— Я сам не знаю, как это вышло! Она между прочим спросила, что предсказала вам фея Моргана, и добавила, что собирается исполнить все обещания этой щедрой феи.

— И после этого ты все-таки ушел не солоно хлебавши? — почти с негодованием воскликнул Альфонсо. — Она ведь прямо сказала тебе, чего ей хочется! Ну, имея такого соперника, Орсини может спать спокойно!

— Во всяком случае, если бы меня поцеловала женщина, как вас в гроте Эгерии, можете быть уверены, что я не стал бы рассказывать об этом всему свету!

— Можешь молчать сколько тебе угодно; я и так знаю, что твоя обожаемая Лукреция — далеко не ледяная сосулька! — с трудом скрывая бешенство, ответил Альфонсо. — Ну, ступай к своим друзьям, а я отправлюсь в гостиницу.

Товарищи по оружию разошлись в разные стороны далеко не в таких дружеских чувствах, как бывало раньше. Альфонсо придумал новый план для того, чтобы удостовериться в недостойном поведении Лукреции. Англичанин сказал, что она отправилась к своему духовнику; никто не мешал Альфонсо последовать за ней и, пользуясь уединенностью места и разными скрытыми закоулками, подсмотреть и подслушать, чем вызван этот подозрительный визит.

Когда рыцарь приблизился к развалинам, в которых обитал отец Бруно, он сейчас же увидел носилки Лукреции, освещенные факелами. Приказав остановиться, она надела длинную испанскую мантилью, закрывавшую ее лицо и фигуру, и соскочила с носилок. Ей навстречу выбежал Биккоццо, и в сопровождении его она торопливо вошла в одну из башен. Пользуясь знанием кратчайшего пути к келье Бруно, изученного в первое посещение, Альфонсо теперь намного опередил Лукрецию и Биккоццо. Пока те шли по лабиринту узких проходов, принц храбро подошел к открытому проему, заменявшему окно в келье монаха, и, спрятавшись в высоком кустарнике, видел все, что делается внутри кельи.

Бруно сидел за большим каменным столом, заваленным латинскими и еврейскими рукописями, и писал что-то на огромном листе пергамента. По-видимому, устав от работы, он откинулся на спинку кресла, держа перо в руках. В мертвой тишине, царившей вокруг, до него внезапно донеслись звуки музыки, снова заигравшей перед гротом Эгерии.

— Ее окружает веселье, — тихо проговорил доминиканец, мрачно глядя в одну точку. — Может быть, в этой зачумленной атмосфере загорается ее кровь греховной страстью? Но что мне за дело до этого? — вдруг вскрикнул он, вскакивая с места. — Я опять забываю, что не должен думать о ней, опять совершаю грех! Мне снова мерещится

сатана в образе этой обворожительной женщины! Но, если я даже и грешу, что из того? За прикосновение к ней можно согласиться на вечные ужасные пытки! Господи, спаси раба Твоего от искушения, избави его от этих греховных мыслей! Я — монах, отшельник, для меня должны существовать лишь молитвы да книги, написанные во славу Божию... На чем я остановился?

Бруно опустил на стул, обмакнул перо в чернила и только что приготовился писать, как в келью вошел Биккоццо и доложил, что его желает видеть донна Лукреция.

— Добрый вечер, отец мой, — раздался чарующий голос молодой женщины, появившейся вслед за Биккоццо. — Не пугайтесь! Возвращаясь из своих садов Эгерии, я зашла к вам, чтобы положить на ваш алтарь несколько лучших цветов; кроме того, мне необходимо сказать вам несколько слов наедине. Отец Биккоццо, оставьте нас!

Молодая женщина сбросила мантилью; Биккоццо несколько секунд стоял неподвижно, пораженный ее красотой, а затем повернулся к двери, чтобы исполнить желание красавицы.

— Биккоццо, приказываю тебе оставаться здесь, — сказал Бруно, но затем, точно устыдясь своей слабости, смущенно пробормотал: — Или лучше ступай вниз и смотри, чтобы никто не мешал мне... Ах, это ты, дочь моя? Я тебя не узнал сразу. Что с тобой? Почему эти слезы? Ты совершила какой-нибудь тяжкий грех? Ведь я только вчера исповедывал тебя и отпустил все твои грехи.

— О, святой отец, я тяжко согрешила, — ответила молодая женщина, заливаясь слезами. Она была рада, что Биккоццо ушел, не подозревая, что ее исповедь слушает Альфонсо. — Я согрешила и глубоко раскаиваюсь; я даже сама нашла для себя достойное наказание.

— Ты раскаиваешься в своем поступке или жалеешь, что он не дал тех результатов, которых ты ждала? Женщины часто смешивают эти два чувства. Однако в чем дело, дочь моя? Стань на колени, как полагается!

Лукреция послушалась и опустилась у стула, на котором сидел монах, устремив свой взор на распятие.

— Вы предостерегали меня, святой отец, и, если бы я последовала вашему указанию, мне не пришлось бы испытать такое унижение; во всем виновато мое женское тщеславие, — заговорила Лукреция, заливаясь слезами. — Вы говорили мне, да я и сама знаю, что грешно искушать иоаннита, полудуховное лицо, и вот Бог покарал меня.

Рыцарь открыто, перед всеми, презрительно отвернулся от меня.

— Кто он? О ком ты говоришь, дочь моя? — спросил Бруно, со злобным удивлением посмотрев на Лукрецию.

— О рыцаре святого Иоанна, спасшем мне жизнь!

— Что же случилось с ним? Говори скорее! Твоим нежным щечкам давно пора покоиться на мягких подушках, иначе они завтра не будут так свежи, как их соперницы — розы! — нежно сказал монах.

— Мне трудно говорить о том, о чем даже подумать стыдно, — прошептала Лукреция. — Сегодня во время карнавала...

— Ты играла позорную роль, как я слышал, — прервал ее монах. — Ты держала себя неприлично с этим мальчишкой-англичанином.

— Значит, та фея, которая почему-то хотела казаться мною, ввела и вас в заблуждение, святой отец?! — спросила Лукреция, положив свою нежную руку на корявые пальцы монаха. — Нет, я играла другую роль, еще более худшую, и очень боялась, чтобы вы не узнали меня. Вы видели сицилийскую танцовщицу?

— Да, мне кажется, я встретил это жалкое отродье, сосуд всевозможных пороков на Капитолийской площади, — после некоторого раздумья холодным тоном ответил монах. — Она привлекла к себе внимание грязной, разнузданной черни своими сладострастными движениями; она все время кривлялась перед толпой.

— Нет, вы не правы. Я вовсе не кривлялась. Чем я заслужила такое мнение? — воскликнула Лукреция.

— Ты бредишь, дочь моя? При чем тут ты? — спросил монах, освобождая свою руку из-под ее нежных пальцев.

— О, дорогой падре, выслушайте меня! — умоляющим тоном проговорила Лукреция, насильно овладевая рукой монаха. — Я хотела завлечь иоаннита, чтобы посмеяться над ним в присутствии всего двора, и для этого назначила ему свидание в гроте Эгерии!

— Но он не пришел, и потому ты теперь раскаиваешься в своем поступке?

— О нет, он пришел!

— Пришел? Не шути таким вещами! Ты знаешь, что этим погубишь его. Снова прольется кровь, снова раскроется страшная пасть и проглотит его. Не губи иоаннита. Ты знаешь, что у меня тоже есть основание любить этого человека!

— Это чувство заставило и меня позабыть об опасности! — воскликнула Лукреция. — Я сознаюсь вам во всем. Он пришел... да, да, но выказал мне такое презрение, что я готова была провалиться сквозь землю. Правда, он не знал, кто я, но, говоря с моей воображаемой фрейлиной, он называл позорными именами как ее, так и ее госпожу — Лукрецию. А затем на меня нашло какое-то затмение, и я поцеловала его в лоб, как целую ваши руки.

С последними словами молодая женщина почтительно прикоснулась губами к рукам монаха.

— Ах ты развратница!.. — не помня себя от гнева, закричал Бруно, дико сверкая глазами. — Ты ведешь себя, как последняя продажная женщина. Убирайся отсюда, я не желаю больше ничего слышать! Я могу с ума сойти от того, что услышу в следующую минуту. Уходи прочь, пока я не убил тебя! Я считаю святым долгом удержать тебя от пропасти, куда ты стремишься, а этого можно достигнуть лишь убив тебя собственными руками.

— Что вы говорите, святой отец? — воскликнула Лукреция, густо краснея. — Ваш гнев лучше всего доказывает мой позор. Поверьте, что я еще не совсем потеряла стыд. Я отважилась на этот поцелуй только в глубокой темноте. О, если бы вы знали, как я наказана за свой поступок! Этот рыцарь святого Иоанна перед всем двором посмеялся надо мной, рассказав, что произошло в гроте Эгерии.

— Нельзя верить твоим словам, лживая женщина. Как могла ты поцеловать его в лоб, когда он выше тебя? Он, значит, наклонил голову?

— Разве я сказала «в лоб»? Я хотела сказать «в губы». Я, собственно, намеревалась поцеловать его в лоб, но как-то случилось, что мне подвернулись губы. Ведь дело происходило в темноте! — пробормотала Лукреция потупясь.

— Ну вот это скорее похоже на правду! — с горькой улыбкой заметил монах. — Для того чтобы ты могла поцеловать иоаннита даже в губы, он все-таки должен был наклониться к тебе, то есть сознательно принять участие в твоём позоре.

— Неужели? Значит, он желал моего поцелуя? — с невольной радостью воскликнула Лукреция.

— Он приблизительно одного роста со мной! — проговорил монах, и его лицо приняло какое-то странное выражение.

— Да, только вы опускаете голову, как подобает духовному лицу, а он держит ее высоко, подобно юному Марсу.

Вы прощаете меня, падре, не правда ли? Ответьте на мой униженный поцелуй поцелуем всепрощения.

С последними словами Лукреция прижала руку отца Бруно к своим губам.

— Тебя простить? Ну нет! Ты слишком искушаешь мое терпение. Уходи отсюда, ступай к своему родному отцу!.. Пусть он прощает тебе твои многочисленные грехи. Уходи.

— Что ты о себе воображаешь, Бруно, чего ты бесишься? — внезапно изменила тон Лукреция, вскакивая с колен. — Как ты смеешь издеваться надо мной, после того как я открываю тебе каждый потайной уголок своей души? Не нужны мне ни твоё прощение, ни твоя помощь. Я сама скажу иоанниту, какая опасность ждет его. Во время нашего свидания в гроте за деревом стоял герцог Цезарь и слышал весь наш разговор.

— Герцог Романьи? — с видимым удовольствием воскликнул монах. — Каким образом он попал туда?

— Он действительно поверил или, может быть, сделал вид, что поверил, будто я — странствующая танцовщица. Подслушав мой разговор со старухой, которую я посылала за иоаннитом, он сам явился на свидание, — дрожа всем телом, ответила Лукреция. — Необходимо предупредить феррарца об угрожающей ему опасности.

— Цезарю не за что мстить ему, если ты говоришь правду, что рыцарь с презрением отвернулся от тебя.

— Да, но он потом сказал при всех, что я поцеловала его, а Цезарь никак не сможет перенести этого.

— Ты искренне раскаиваешься в своем поступке? — спросил монах.

— Наложите на меня какое угодно покаяние, но, ради Бога, предупредите феррарца об опасности! — воскликнула Лукреция, опускаясь на колени. — Я даже согласна, если это необходимо, чтобы он уехал из Рима.

— Иоаннит не сделает этого; у меня уже был разговор с ним по поводу опасности, грозящей ему здесь, но он ответил, что ни за что не уедет отсюда, пока не исполнит данного ему поручения, — задумчиво возразил отец Бруно.

— Вы знаете, какое у него поручение? — испуганно спросила молодая женщина.

— Может быть, Господь готовит тебе горькую чашу с целью заставить тебя отречься от мирской суеты, покончить со всеми ужасами, виной которых является твоя красота, и прийти под Его святую защиту. Знаю ли я, зачем

приехал феррарец? Я-то знаю, а вот тебе, должно быть, неизвестно, зачем он явился в Рим.

— Нет, он сам рассказал мне. Его послал принц Феррарский для того, чтобы, чтобы... нет, я это не могу сказать, — прошептала Лукреция, закрывая свое лицо рукой монаха.

— Успокойся, дочь моя, он не в состоянии будет исполнить свое поручение, — нежно и тихо проговорил монах.

— А вы прощаете меня, падре? — спросила Лукреция и, встретив взгляд духовника, отшатнулась в ужасе — так необычно было выражение его лица.

Монах молчал.

— Да говорите же, вы пугаете меня! Пресвятая Дева, он умер!.. Биккоццо, Биккоццо!

— Тише, тише, дочь моя, — слабым голосом остановил ее отец Бруно. — Я немного ослабел от поста и бессонных ночей, но теперь уже все прошло. Уходи отсюда, прекрасный дьявол! Как ты смеешь так искушать меня своим сладострастием! — вдруг хрипло закричал монах.

— Простите меня, святой отец, иначе я навсегда лишусь спокойствия! — просила Лукреция ласковым, умоляющим голосом, вероятно, не подозревая истинной причины волнения Бруно и приписывая все своему проступку.

— Тебя простить, дорогая, дивная Лукреция? О Боже, спаси меня, дай мне какой-нибудь знак, что Ты здесь, что Ты существуешь! Пусть разразится гром, или я с ума сойду...

Альфонсо невольно сделал резкое движение, отчего камень с разрушенной стены скатился в оконный проем кельи монаха и с шумом упал на пол посреди комнаты.

Доминиканец быстро оттолкнул Лукрецию в сторону и бросился на колени перед алтарем.

— Да благословенно будет имя Господне во веки веков! — в экстазе воскликнул он и начал горячо молиться.

Лукреция с удивлением смотрела на монаха. Когда он поднялся с колен, то был поражен, каким чистым, невинным созданием представилась эта женщина!

— Забудь все, что я говорил, дочь моя! — смущенно пробормотал доминиканец. — Твоя душа так дорога мне, что я в отчаянии забыл свою обязанность духовника. Иди с Богом, а я пока придумаю для тебя достойное покаяние.

— А вы исполните просьбу, падре?

— Да, я повторю свое предостережение. Жизнь этого иоаннита имеет и для меня значение! — изменившимся голосом прибавил монах. — Однако не забывай, дочь моя,

что этот феррарец выказал тебе презрение при всем народе, а теперь всеми силами старается найти какие-нибудь доказательства, чтобы покрыть твое имя позором навеки.

— Да, я возненавижу его так же, как он ненавидит меня! — со вздохом ответила Лукреция, закутываясь своей мантилей. — Я никогда не забуду своей собственной глупости и той бессердечной жестокости, с которой он выставил меня на позор перед всеми окружающими. Я его так же презираю, как он презирает меня.

Бруно с горькой улыбкой взял лампу и пошел провожать свою духовную дочь. Все это было сделано так быстро, что Альфонсо едва успел спрятаться.

XIII

На следующий день Орсини устраивали бой быков в своем дворце на площади Равона. Вокруг всей площади были устроены сиденья, покрытые дорогой материей и украшенные флагами. На возвышении стояла палатка, предназначенная для папского двора. Она была сделана из пурпурного шелка, а внутри обита такого же цвета бархатом и белым атласом; а чтобы скрыть папу от взоров любопытной толпы, открытая сторона была завешена золотой сеткой.

Альфонсо, не желая принимать участие в празднике в качестве гостя, последовал за толпой, стремившейся посмотреть торжество. Он был в мрачном настроении, не хотел, чтобы его видели, и все время прятался среди народа. Когда он подошел к площади, почти все места были уже заняты. Свита папы в блестящих мундирах заняла приготовленные для нее ложи. Через золотую сетку павильона Альфонсо увидел папу рядом с Лукрецией, окруженной своими фрейлинами. Из мужчин был лишь один — англичанин Лебофор. Альфонсо спросил стоявших возле него людей, почему рыцарь солнца не принимает участия в бое быков, и ему ответили, что англичанин не обладает нужной для этого ловкостью, а потому отказался от турнира. Этот ответ поразил Альфонсо; он знал, что Реджинальд отличался необыкновенным искусством в этом деле, и ничего так не любил, как опасную борьбу и триумф после победы.

Арена была усыпана белым песком; из большого фонтана все время лилась струя розовой воды и смачивала песок для того, чтобы не было пыли.

Среди всадников, сидевших на горячих лошадях, находились герцог Романьи и Паоло Орсини. На Цезаре был черный бархатный костюм с огненно-красными бантами, а на Орсини — белый (цвет Лукреции), отделанный ярко-красным (цвет дома Орсини) и зеленым. Эти цвета должны были служить символом любви и надежды.

Маршал турнира представил Лукреции шестнадцать всадников и попросил у нее разрешения начать бой быков. Лебофор откинул в сторону золотую сетку, и Лукреция вместе со своими фрейлинами приветствовала героев. Альфонсо заметил, что молодая женщина холодно отнеслась к Орсини, отчего лицо англичанина озарилось радостью.

— Разрешаю вам вступить в борьбу, рыцари, и от души желаю полного успеха, — с обворожительной улыбкой проговорила Лукреция, подавая Орсини большой железный ключ. — Однако почему среди вас нет рыцаря святого Иоанна? Может быть, он боится в борьбе с быками потерять славу, которую приобрел во время охоты на буйволов?

— Вам, донна, вероятно, это лучше известно, — мрачно ответил Паоло. — Что касается меня, то я мало интересуюсь тайными побуждениями иоаннита.

Лукреция высокомерно поклонилась, а Паоло передал маршалу ключ от конюшни, в которой находились быки. Для большего удовольствия публики на арену сразу выпустили четырех быков, самых бешеных. Раздался громкий звук труб и литавр и со страшным ревом по арене завертелись четыре черных как уголь быка. Зрелище казалось настолько интересным, что даже папа высунул голову из палатки и напряженно следил за борьбой. Альфонсо не проявлял никакого интереса к этому зрелищу. Он стоял равнодушно, когда публика громко выражала свои восторги по адресу Орсини, который, несмотря на страшную опасность, схватил быка за рога и обмотал их белыми лентами в честь Лукреции; он смотрел безучастно, когда толпа зааплодировала Цезарю, снесшему одним взмахом кинжала голову самого бешеного животного.

В конце боя трудно было решить, кому принадлежит пальма первенства — Паоло Орсини или герцогу Романьи. Цезарь поспешил великодушно отказаться от награды в пользу своего друга Паоло. Призом был великолепный меч, и, держа этот приз в руках, Паоло опустился на колени перед дамой своего сердца.

Александр VI удостоил похвалой храброго рыцаря, а Лукреция приняла подарок с более благосклонной улыбкой,

чем обыкновенно. Протянув руку, чтобы взять подарок Паоло, она взглянула с чарующей улыбкой на Лебофора и перевела затем взгляд на толпу. На одно мгновение ее глаза встретились со взглядом Альфонсо, но рыцарь поспешил скрыться среди публики.

— Завтра я буду сражаться этим мечом с теми рыцарями, которые не отдают дани благоговения богине любви, в особенности с самым упрямым из них, рыцарем святого Иоанна, — весело сказала Лукреция, обращаясь к Паоло. — Но так как этот меч слишком тяжел для того, чтобы я могла прикрепить его к своему поясу, а вы очень устали, я отдам его на сохранение сэру Реджинальду Лебофору.

С этими словами Лукреция передала меч англичанину и держала его при этом таким образом, что Лебофор вынужден был вместе с мечом взять и ее руку; так, по крайней мере, подумал Альфонсо, видевший эту сцену.

По окончании боя быков на арену вышли четверо герольдов в ярких костюмах и объявили всему народу, что завтра, в честь юбилейного праздника и дня рождения донны Лукреции, состоится турнир в Колизее. Приз его святейшества состоит из бриллиантового венка, стоимостью пятнадцать тысяч золотых дукатов. Этот приз получит тот рыцарь, которого признают победителем все присутствующие дамы, герцог Романьи в качестве председателя турнира, герольды и маршалы.

После этого торжественного сообщения пришли два других герольда с гербами герцога Романьи и пригласили всех жителей Рима, а также приезжих гостей на праздник во дворец к герцогу, где дано будет блестящее представление. После этого толпа разошлась, а двор отправился в палаццо Массими, где Орсини устроили парадный обед.

Альфонсо в удрученном настроении вернулся в свою гостиницу. Всю прошлую ночь он думал о событиях дня. Его мучила мысль, что он жестоко оскорбил Лукрецию, но он старался успокоить себя тем, что, хотя многие его подозрения оказались неосновательными, все же красавица не могла оправдаться в том обвинении, которое главным образом позорило ее. Он припомнил выражение ревности на лице Цезаря, упреки монаха по адресу молодой женщины, рассказ еврейки об убийстве Джованни Борджиа, который, вероятно, погиб от руки ревнивого Цезаря, и его озлобление против Лукреции заглушило чувство раскаяния. Кокетство молодой женщины с англичанином заставляло сердце Альфонсо сжиматься от какого-то горького, неприятного чувства.

Стук в дверь заставил его очнуться от мрачных мыслей.
— Войдите! — недовольным тоном проговорил он.

Дверь открылась, и на пороге показался отец Бруно. На бледном лице монаха отражались следы душевной борьбы, что вызвало у Альфонсо не жалость, а презрение. Рыцарь знал, зачем Бруно пришел к нему. Сначала мысль о том, что Лукреция беспокоится о его судьбе, наполнила душу Альфонсо раскаянием и умилением, но он тотчас же прогнал это чувство, объяснив себе желание Лукреции, чтобы он уехал из Рима, ее страхом за себя перед наблюдательным свидетелем и потребностью избавиться от него.

После обычных приветствий монах заявил, что, чувствуя себя обязанным рыцарю, он считает своим долгом предупредить его о том, что его подстерегает большая опасность, а потому он должен уехать как можно скорее из Рима, если не хочет попасться в руки врагов.

— Вы — монах, Бруно, и вам незнакомы людские страсти, — ответил Альфонсо с тайным намерением уколоть доминиканца, — поэтому вы думаете, что я могу исполнить ваш совет. Нет, солдат и мужчина должен быть именно там, где его ждет опасность. Я обязан быть завтра на турнире, хотя поклонник римской Венеры обещал жестоко отомстить мне и, вероятно, сдержит свое слово.

— Я серьезно опасаюсь, что ваше откровенное презрение к донне Лукреции переполнит чашу терпения этой гордой, безжалостной женщины. Вы и так уже разгневали ее до последней степени!

— Гордая, жестокая, разгневанная до последней степени! — повторил Альфонсо. — Я думаю, падре, что эти опасения напрасны. Ваша Венера так увлечена любовью к юному английскому рыцарю, что, наверно, у нее теперь нет времени заниматься кровавыми ужасами.

Бруно улыбнулся, хотя не мог скрыть внутреннего беспокойства, вызванного словами Альфонсо.

— Вы можете потерпеть поражение на завтрашнем турнире, чем воспользуются ваши враги; или, вернее, ваши враги могут убить вас и все свалить на несчастный случай, который якобы произошел с вами на этом турнире! — проговорил монах после некоторого раздумья. — Я предупредил вас, а потому, если с вами случится что-нибудь — не моя вина. Будьте осторожны!.. Вы знаете, что ненавидящая женщина способна на все, а вы сами, своим поведением вызвали эту ненависть.

Доминиканец ушел, а Альфонсо остался в еще более мрачном настроении при мысли о том, что мимолетное вле-

чение к нему Лукреции превратилось в жажду кровавой мести.

Несмотря на угрозы, невероятную усталость и отвращение ко всем Борджиа, Альфонсо был одним из первых, устремившихся на другой день ко дворцу Колонна.

По разговорам, которые слышались в толпе, Альфонсо убедился, что Цезарь Борджиа превосходно знал характер римлян.

— Как хорошо, что изгнали этих Колонна! — толковала веселая публика, предвкушая удовольствие. — Теперь, по крайней мере, сады открыты для всех. Представление будет из жизни старых римских императоров; это доказывает, что Рим возвращается к своему великому прошлому!

Вид приготовленного угощения привел в восторг толпу. Высокие фонтаны били непрерывными струями вина, которые падали в широкие мраморные бассейны. Бесчисленные столы гнулись под тяжестью разнообразных блюд. На ветвях каштанов висели апельсины, виноград и другие фрукты.

На возвышении был устроен храм богу солнца, куда Цезарь собрал весь Олимп. Навес из бледно-голубого шелка должен был изображать небо. Места для сидения разных цветов напоминали небесные облака. Все приглашенные изображали собою богов и собрались вокруг роскошно сервированного стола.

Только папа Александр VI был в своем обычном одеянии, но его величественная фигура не вносила диссонанса, находясь рядом с мифическими богами.

Цезарь изображал Меркурия. Говорили, что он выбрал эту роль ради того, чтобы угодить папе, так как Меркурий был послушным орудием в руках своего отца.

Альфонсо интересовала только Лукреция, избравшая роль богини любви. На ней было легкое пурпурное платье, стянутое золотым кушаком, на котором висело зеркало в серебряной оправе. Золотые сандалии еле держались на ее стройных, удивительной красоты ногах; венок из роз украшал золотистую головку. Глаза сияли торжеством. Вся она со своим чарующим мелодичным голосом действительно производила впечатление настоящей богини любви.

Возле нее сидел Паоло, в роли ее возлюбленного — Марса, а Урбино с неподражаемым комизмом представлял уродливого мужа Венеры. Лебофор, конечно, был Адонисом, и Лукреция, согласно своей роли, проявляла большую нежность к нему. Вителлоццо изображал Геркулеса и стоял

рядом с Макиавелли, изображавшим бога сплетен Момуса; Бембо нарядился Орфеем и с лютней в руках сочинял сонет в честь богини любви; напротив него стояла мрачная фигура Аллекто¹ с огромной змеиной головой и черной маской на лице.

Альфонсо смотрел на представление, рассчитывая на то, что его не видят олимпийцы. Он не спускал взора с Лукреции, веселость которой казалась ему неприличной, и иногда чувствовал на себе мрачный, пронизывающий насквозь взгляд Паоло Орсини. После обеда олимпийцы поднялись со своих мест и решили отправиться в ту часть сада, откуда были видны Корсо и бег евреев взапуски.

Принцу Альфонсо невольно подумалось о Мириам. Ворота гетто открывались во время бегов, а потому он мог проникнуть туда и, отыскав молодую девушку, привести ее, чтобы та перед всем народом рассказала об убийстве своего друга Джiovанни, герцога Гандийского. У Альфонсо возникло непреодолимое желание убедиться в том, что Лукреция не виновата в этом преступлении; он надеялся, что Джiovанни окажется не герцогом Гандийским, и вместе с тем ему хотелось припугнуть ненавистную семью Борджиа и по поведению папы понять, боится ли он, что нашли убийцу его младшего сына, или нет.

Проводив взглядом блестящую свиту папы, направившуюся к мраморной террасе, откуда открывался вид на Корсо, Альфонсо торопливо пошел к выходу и неожиданно столкнулся с Аллекто. Она держала в руках маску, которую сняла, чтобы подышать воздухом. Иоаннит увидел молодую женщину, мрачная красота лица которой вполне соответствовала ее костюму царицы преисподней.

— Богиня ада, позволите ли вы мне пройти мимо вас? Не считите это за обиду и не мстите мне; ведь вы так хорошо умеете мстить! — проговорил Альфонсо, так как ему казалось невежливым пройти мимо дамы, не обратив внимания на ту роль, которую она исполняет.

— Не стану удерживать вас, рыцарь; вы, вероятно, тоже один из поклонников той красавицы и спешите к

¹ Аллекто — в греческой мифологии — одна из Эриний. Эринии — богини мщения подземного мира, защитницы нравственных устоев; безжалостно карали любую несправедливость, в особенности убийства, наказывая виновных безумием. Часто выступали втроем — Аллекто (Непрощающая), Мегера (Завистница) и Трисифона (Мстящая за убийства). Эринии изображались во внушающем ужас облике, со змеями в волосах, бичами и факелами в руках. В римской мифологии Эринии соответствуют Фурии

ней? — с горькой улыбкой ответила Аллекто. — Она действительно поразительно хороша; я не ожидала, что она так прекрасна.

— Мне очень знаком ваш голос, — заметил Альфонсо, что-то припоминая. — Я убежден, что очаровательная богиня ада была вчера феей Морганой.

— Ну вот еще! — возразила фурия, отворачиваясь от рыцаря. — Вы так же приняли уличную танцовщицу за донну Лукрецию. Одно могу сказать вам: и вчера, и сегодня я — то, чего пожелал один из Борджиа, и это приведет меня к гибели.

Надев маску, незнакомка исчезла; а Альфонсо задумался над ее загадочной фразой.

На Корсо стояли евреи, которые обязаны были для блага своих соплеменников участвовать в бегах ради увеселения христианской публики. Альфонсо быстрыми шагами прошел мимо них. Подойдя к Гиндейской площади, примыкавшей к гетто, он остановился перед огромной толпой, со смехом сопровождавшей фигуру, находившуюся в центре.

На осле, которого вели двое полицейских, сидела верхом женщина со связанными ногами, в роскошном еврейском костюме. Альфонсо сейчас же узнал несчастную Мириам. Она, вероятно, своим больным рассудком объясняла это шествие как нечто необыкновенно приятное для себя. Ее лицо сияло счастьем, несмотря на насмешки и угрозы сопровождавшей ее толпы.

Иоаннит пробрался к полицейским и спросил их, что они хотят сделать с арестованной и в чем ее вина.

— Это — еврейская проститутка, синьор, — ответил один из полицейских. — Несмотря на запрещение, она вышла из гетто, за что должна быть примерно наказана.

— Разорвите на куски эту иудейку, она занесет нам заразу! — кричала какая-то женщина, хотя по одному ее виду можно было смело судить о ее профессии уличной гетеры.

Двое рослых парней, размахивая саблями, кричали:

— Смерть, смерть язычнице!

По-видимому, это были наемные убийцы, посланные каким-нибудь влиятельным лицом.

— Тише, тише! — властным голосом остановил их рыцарь. — Разве вы не видите, храбрые воины, что эта несчастная девушка сошла с ума? — обратился он к полицейским. — Предоставьте ее мне, и я найду какого-нибудь доброго христианина, который проводит ее в гетто, не причинив никакого вреда.

Услышав голос Альфонсо, Мириам оглянулась и, узнав рыцаря, радостно воскликнула, хлопая в ладоши:

— Вот он, вот он!.. Вот видишь, я сдержала свое слово. Отведи меня к нему. Где Джиованни? Я хочу к нему. Если бы я даже была королевой, я предпочла бы стать его служанкой, любящей рабой.

— Ай-яй-яй, — укоризненно произнесла женщина, — красивый мужчина, а возится с иудейкой! Впрочем, его, верно, опоили жида; ведь они умеют делать любовное зелье.

— Смерть ведьме! — кричали со всех сторон.

— Имейте терпение, господа! — с трудом сдерживал Альфонсо разъяренную толпу. — Повторяю вам, что она сумасшедшая, но чтобы удовлетворить вас, я попрошу законного судью разобрать это дело.

Слова «законный судья» магически подействовали на толпу, связывавшую это понятие с чем-то опасным для себя. Она продолжала выказывать свое неудовольствие, но никто не решился подойти к Альфонсо, который разрезал веревки на ногах Мириам и посадил ее боком на спину осла, как сидят обыкновенно женщины.

Альфонсо решил повести Мириам прямо к папе, как бы для того, чтобы попросить у него защиты для несчастной девушки, а в сущности для того, чтобы посмотреть, узнает ли Мириам Цезаря, или нет. Мириам радостно следовала за ним. Она была убеждена, что ее везут к возлюбленному, в его роскошный дворец. Вероятно, умерший обещал ей когда-то что-либо подобное. Перед каждым красивым зданием она хотела остановиться, воображая, что это — дворец ее Джиованни.

— Ведь ты же говорила мне, Мириам, что твоего Джиованни убили в гетто; как же ты надеешься увидеть его здесь? — спросил ее Альфонсо.

— О, это был сон, страшный сон, — ответила молодая еврейка, — мне это приснилось потому, что мой народ хотел убить его за то, что он ходил ко мне. Мы сейчас же узнаем его, он похож на эти цветы!

Альфонсо приходил в отчаяние из-за того, что Мириам никак невозможно было привести в нормальное состояние. Думая об этом, он не обратил никакого внимания на гвардейца, который точно вырос из-под земли и потребовал, чтобы шествие остановилось. Альфонсо беспрекословно исполнил приказание. Толпа тоже остановилась. Часть ее начала объяснять гвардейцу, в чем дело; часть требовала, чтобы колдунью сожгли; часть издавала какие-то дикие

вопли. В общем, стоял такой невообразимый гвалт, что ничего нельзя было разобрать.

— Что за крик? Как вы смеете беспокоить его святейшество? — спросил гвардеец, подходя ближе.

Альфонсо заметил, что гвардеец страшно побледнел, увидев Мириам, но, прежде чем сам он успел ответить на вопрос гвардейца, молодая девушка радостно воскликнула:

— Ах, это вы? Проведите же меня к нему, проведите скорее. Теперь, черный рыцарь, вы можете оставить меня, — обратилась она к Альфонсо. — Этот офицер приходил ко мне от Джиованни. Ну, сын счастливого отца, води меня к нему и ты получишь много-много денег!

— Что это? — пробормотал гвардеец, испуганно оглядываясь.

Сотня голосов закричала что-то, но громогласный голос Альфонсо покрыл этот крик:

— Эта девушка безумна, синьор Мигуэль, но все-таки не настолько, чтобы не сознавать, что в ее присутствии совершено преступление. Я не знаю, совершено ли оно каким-нибудь фанатиком ее племени, или на него решилось какое-либо чудовище, дерзающее называть себя христианином; как бы там ни было, но она имеет право хлопотать о правосудии перед его святейшеством.

— Я вовсе не сошла с ума! Я прекрасно помню этого офицера. Он наверняка пришел теперь за мною, чтобы вести меня к моему Джиованни! — недовольным тоном воскликнула Мириам, глядя в глаза наперсника и пособника Цезаря.

— Каким образом эта еврейка попала сюда? — спросил офицер с искаженным от гнева и страха лицом.

— Она выбежала из гетто вслед за теми евреями, которые участвуют в бегах, в надежде встретить своего возлюбленного, к величайшему стыду этого святого иоаннита! — раздался в толпе насмешливый голос отца Бруно.

— Расскажите, где вы нашли ее? — обратился дон Мигуэль к одному из полицейских.

— Мы встретили ее за пределами гетто, — ответил полицейский, — и арестовали. Но тут подошел к нам этот рыцарь, вероятно, ее хороший знакомый, и потребовал, чтобы еврейку освободили.

— Существует закон, по которому еврейка, осмелившаяся покинуть гетто во время юбилейных празднеств, подвергается смертной казни, в особенности если она занимается проституцией. Идите, рыцарь, своей дорогой и предоставьте эту девушку той участи, которую она заслужи-

да! — воскликнул Мигуэлото. — Гоните ее назад в гетто, добрые люди!

Это распоряжение было встречено полнейшим одобрением толпы. Мириам спокойно, но разочарованно смотрела на дону Мигуэля.

— Господин полковник, этого не следует делать, по крайней мере до тех пор, пока его святейшество не выслушает жалобы несчастной девушки, — еле сдерживая гнев, возразил Альфонсо. — Ее обманули и на ее глазах убили ее возлюбленного, христианина. Это дело нельзя так оставить.

— Это неправда! — возразил Мигуэлото. — Я случайно узнал, как было дело. Эта девка старается оклеветать невинных людей! Во всяком случае, такому святоше, каким вас все считают, не подобает вмешиваться в грязные истории. По-видимому, эта жидовка — ваша возлюбленная. Гоните ее как можно скорее обратно в гетто. Всякий, встретившийся на вашем пути, будет издеваться над вами.

— Я сам обращусь к его святейшеству! — так громко заявил Альфонсо, что его голос услышали на мраморной террасе. — Не заграждайте мне путь! Я скорее соглашусь бороться до последней капли крови, чем позволю восторжествовать вашей злобе против этой девушки.

— Какая же у меня может быть злоба против нее лично? — спросил дон Мигуэль, меняясь в лице под строгим взглядом принца Альфонсо. — Скажи, девушка, разве ты знаешь меня, разве я когда-нибудь видел тебя раньше?

По-видимому, он не заметил, как внимательно Мириам следила за ним, когда он разговаривал с Альфонсо. Вдруг ее лицо исказилось, глаза злобно засверкали, и она закричала диким голосом, разнесшимся по всей улице:

— Убийца, убийца, убийца!

— Стащите ее с осла и разорвите на куски! Закон требует этого и должен быть исполнен! Пощадите безумного рыцаря, но жидовку убейте! — приказал дон Мигуэль и, прищипорив лошадь, хотел уехать.

Однако с быстротой молнии Альфонсо схватил одной рукой лошадь под уздцы, а другой выхватил кинжал. Катаронец тоже взял свой меч, и между противниками завязалась борьба. Испуганная толпа остановилась в оцепенении. Неизвестно, чем окончился бы этот поединок, если бы к дерущимся не подошел Иоанн Страсбургский и не потребовал от имени папы примирения. По приказанию его святейшества все виновники этой истории должны были явиться к нему на суд. Альфонсо снял с осла Мириам и беспрепятственно провел ее сквозь толпу.

— Вспомни хорошенько, как произошло убийство твоего Джиованни, расскажи все его святейшеству и попроси правосудия! — сказал Альфонсо Мириам, поднимаясь с ней на ступеньки террасы.

Молодая еврейка сейчас же закричала:

— Правосудия, правосудия, я хочу правосудия!

Публика смотрела в эту минуту на победителя бегов, который, добежав до цели, в изнеможении упал на землю, потеряв сознание. Однако крик еврейки заставил всех присутствующих сосредоточить свое внимание на ней.

Александр VI сидел в кресле; с одной стороны возле него стоял Цезарь, а с другой — Лукреция. Позади них толпилась блестящая свита. Теперь все присутствующие снова надели маски, чем Альфонсо был очень доволен. Он боялся, что Мириам сразу узнает Цезаря и тот не даст ей возможности рассказать историю убийства герцога Гандийского.

Все были поражены, увидев рыцаря святого Иоанна рядом с еврейкой. Даже папа не смог скрыть свое изумление.

— Что это за женщина? — спросил он, когда Мириам, по восточному обычаю, опустилась перед ним на колени.

— Это — та еврейка, ваше святейшество, которую я, как вам, вероятно, известно, вырвал в гетто из рук насильника, — ответил Альфонсо. — Она явилась к вам, чтобы просить у вас правосудия по одному страшному делу!

— О каком деле вы говорите? Теперь не время и не место для этого! — воскликнул Цезарь, глядя на Мириам таким взглядом, от которого Альфонсо вздрогнул. — Судьи его святейшества заседают в суде, а не здесь.

При звуках этого голоса Мириам прижала руки ко лбу и смотрела на Цезаря с видимым ужасом.

— Формальное судопроизводство тянется слишком долго, — возразил Альфонсо. — Эта девушка хлопочет о раскрытии преступления, которое совершилось три года тому назад.

— Мы все очень хорошо знаем, рыцарь святого Иоанна, что вы специально для того пожаловали в Рим, чтобы собрать сплетни, которые могут набросить тень на его святейшество, даже если они ни на чем не основаны! — резко проговорил Цезарь.

— Три года! — удивленно воскликнул папа. — Это действительно слишком долго. Мы выслушаем вас и, я думаю, в течение часа найдем возможность выяснить это дело. Говори, дитя мое, только покороче!

— Если она жалуется на христианина, то от нее, как еврейки, нельзя принимать жалобу! — снова вмешался Цезарь.

— Если в Риме существует такой закон, то он с нынешнего дня отменяется, — возразил папа со свойственным ему упрямством. — Почему вы боитесь моего суда, герцог? Говори, в чем дело, дочь моя?

— Она пришла рассказать вашему святейшеству об убийстве, тайном, позорном убийстве, совершенном три года тому назад, когда герцог Романьи был еще мирным кардиналом Валенсийским! — ответил за Мириам Альфонсо.

— Три года тому назад? — повторил Александр, и тень от тяжелого воспоминания легла на его лицо. — Клянусь памятью святого Петра, что не пощажу убийцу, кто бы он ни был, даже лицо, близко стоящее к нам!

— Насколько мне известно, ваше святейшество, — продолжал Альфонсо, — возлюбленный этой еврейки был христианин. Она знает о нем только то, что его звали Джиованни, но, судя по описанию, можно смело заключить, что он был очень знатного рода.

— О, это старая история! — воскликнул Цезарь. — Говорят, что евреи убили его и сделали из его трупа солонину.

— Ваша светлость, вы, значит, изволили слышать эту историю? — спросил Альфонсо, с трудом сдерживая свое негодование.

— Да, и очень много других в таком же роде. Тайственная смерть моего несчастного брата заставили меня везде искать его убийцу, и тогда я слышал эту историю! — спокойно ответил Цезарь. — Наведенные справки убедили меня, что это — плод фантазии душевнобольной девушки, которая, по уверению ее родственников, никогда не выходила из гетто.

— Эта душевнобольная девушка лежит у ног вашего святейшества. Умоляю вас, выслушайте ее! Она расскажет вам об ужасном убийстве своего Джиованни. Хотя она действительно не вполне нормальна, так как трагическое событие сильно повлияло на нее, тем не менее ваша опытность поможет вам легко отличить бред больной фантазии от действительности! — горячо проговорил Альфонсо.

— Да, мы выслушаем ее, — мрачно сказал Александр. — Встань, дочь моя, и говори не стесняясь, как с родным отцом. Когда и где убили твоего Джиованни? От чьей руки он погиб? Если это сделали твои единоверцы, не бойся выдать их. Я смогу защитить тебя от их гнева.

Мириам так внимательно рассматривала Цезаря, что почти не слышала вопроса папы. Она вздрогнула, когда Альфонсо прикоснулся к ней, чтобы заставить ее отвечать.

— Говори, Мириам! — воскликнул он. — Кто был тот господин, который велел тебе пригласить Джиованни, чтобы помешать ему пойти на свидание с красивой дамой?

— Где же он? Ах, он уже ушел! — разочарованно произнесла Мириам, тревожно глядя на толпу, в которой скрылся Мигуэлото. — Мне никогда не нравились его черные глаза; я не доверяла ему и сказала об этом Джиованни; я предлагала ему лучше уйти, но мой Джиованни был храбр, очень любил меня и не захотел расставаться со мной. А когда вошла луна и Джиованни крепко уснул, я услышала чьи-то шаги у дверей. Сначала я думала, что это — те две ведьмы, но это пришел он... он! Его прислала та красавица, которая не могла вырвать из рук бедной еврейки прекрасного Джиованни. Я видела на турнире эту даму; она улыбалась какому-то рыцарю, в то время как Джиованни посылал мне воздушный поцелуй. Ах, он был так красив, так красив! Вот такого цвета было его лицо, — прибавила Мириам и, дунув на розу, показала бледно-розовые лепестки.

— Мы долго будем слушать эту любовную чепуху? — иронически спросил Цезарь, пожимая плечами.

— Твой Джиованни был блондин? — спросил папа Александр с видимым волнением и так близко наклонился к Мириам, что коснулся подбородком ее головы. — Какого цвета были его волосы?

— Блестящие, как золото, светлые, как солнечный луч! — ответила молодая еврейка.

Папа с глубоким вздохом откинулся на спинку стула.

— А теперь, Мириам, расскажи его святейшеству все, что ты говорила мне об убийстве Джиованни, — проговорил Альфонсо, — расскажи, как его вырвали из твоих рук, как его длинные волосы заливала кровь, когда убийцы вытаскивали его из комнаты.

Мириам обхватила руками колени папы и со страстным рыданием повторила рассказ об убийстве герцога Гандийского. Альфонсо пристально смотрел на папу и по его волнению ясно видел, что Александр признает в возлюбленном Мириам своего сына.

— Ты говоришь, что убийцы были в масках и в христианском платье? — переспросил папа, когда молодая девушка замолчала. — Скажи откровенно, знаешь ты еще что-нибудь об этом несчастном юноше, кроме того, что его звали Джиованни?

Мириам печально покачала головой.

— Все убийцы были в масках? Помнишь, ты рассказывала мне, что у одного из них маска упала с лица во время борьбы? — спросил Альфонсо и взглянул на Цезаря, который вздрогнул при этих словах.

— Да, у одного маска слетела, у того, что был в пурпурно-красном одеянии! — с ненавистью воскликнула Мириам.

— Прикажите, ваше святейшество, всем снять маски; может быть, несчастная девушка признает в ком-нибудь из присутствующих убийцу! — предложил Альфонсо.

— Это было бы очень опасно, — быстро возразил Цезарь. — Безумная девушка может указать на невинного человека, и это навсегда наложит пятно позора на его репутацию. Она не спускает с меня взора; я уверен, что она потому приписала убийце пурпурное одеяние, что видит такое на мне.

— Это действительно было бы опасно, — тихо прошептала Лукреция, в первый раз вступая в разговор.

— В доказательство того, как ненадежны ее показания, я готов поклясться, что еврейка признает мою сестру своей соперницей, так как все находят ее красивой. Я убежден, безумная станет утверждать, что она пригласила к себе своего возлюбленного для того, чтобы помешать его свиданию с Лукрецией! — презрительно заявил герцог.

Мириам задрожала, откинула назад волосы и гневно закричала, обращаясь к Лукреции:

— Да, да, это ты назначила ему свидание, ты — убийца! Ты заставила убить его за то, что он любил меня больше, чем тебя. Арестуйте ее, благородный судья, это она убила его. Я теперь припоминаю, что человек в красном сказал мне, что убивает моего Джиованни по приказанию важной дамы, которую Джиованни бросил из-за меня. Арестуйте ее!

— Она действительно сошла с ума, а мы слишком долго слушали ее безумный бред, — устало проговорил папа Александр, но Альфонсо заметил, каким подозрительным взглядом папа окинул смущенное лицо Лукреции.

В эту минуту раздался пронзительный крик и, прорываясь через толпу народа, выскочили две безобразные старухи.

— Мириам, Мириам, — кричали они, — пощадите наше дитя, она сумасшедшая, сумасшедшая!

— Это — родственницы иудейки, они пришли за своей идиоткой, — с громким смехом заметил Цезарь. — Эй, вы, отродье сатаны, берите свою заблудшую овцу!

Увидев своих теток, Мириам вся сжалась, точно заяц, затравленный собаками.

— Что это за фигуры, откуда они явились? Выросли из-под земли, или дьявол послал их из своего царства? — спросил Александр, отодвигаясь от старух, которые бросились перед ним на колени.

— Ни то, ни другой! Это просто старые еврейки из гетто, — ответил Цезарь и поспешил успокоить своих союзниц: — Говорите смело, добрые женщины, объясните, что с этой девушкой? Почему она болтает тут о каком-то убийстве, о пролитой крови?

— Мы — две несчастные, бедные старухи, честно зарабатываем свой хлеб, — жалобно затянула одна из евреек. — Мы живем тем, что готовим некоторые лекарства, рецепты которых оставил нам в наследство наш отец, известный доктор. Эта девушка — внучка нашего отца; она сошла с ума от любви. Ее любовником был христианин, бросивший ее, когда оказалось, что она ждет ребенка. Девушка с горя помешалась. Услышав об убийстве благородного герцога Джiovанни Гандийского, она однажды ночью проснулась от страшного сна и начала приставать к нам, двум слабым женщинами, с обвинениями в том, что мы убили ее любовника, который как будто тоже носил имя Джiovанни.

— Назовите мне настоящее имя ее соблазнителя, и если бы все короли мира просили, чтобы я пощадил его, я и тогда не согласился бы на это! — сурово произнес папа.

— Господин и повелитель, он скрыл, кто он такой, страшась вашего справедливого гнева. Даже его возлюбленная знала только имя — Джiovанни, хотя, по всей вероятности, оно было вымышленное! — ответила Нотте.

— По закону христианин, находящийся в любовной связи с еврейкой, наказуется смертью! Вы думаете, ваше святейшество, что таинственный Джiovанни был бы достоин этого наказания? — живо спросил Цезарь.

— Уведите ее! — вместо ответа проговорил папа и, схватившись за сердце, прибавил: — Мне дурно!

— Удалите свое несчастное дитя, добрые женщины! — обратился Цезарь к старым еврейкам. — Несмотря на болезнь, она еще слишком хороша для того, чтобы оставаться среди народа. Хотя ваши труды оказались бесполезны, рыцарь святого Иоанна, тем не менее и его святейшество, и мы все очень благодарны вам за ваше старание найти убийцу несчастного герцога Гандийского. Это — самое горячее желание всей нашей семьи.

Нотте и Морта бросились к Мириам, на лице которой в первый раз за весь день отразился страх. Альфонсо, не обращая внимания на умоляющий взгляд Лукреции, помог Мириам подняться с места и объявил, что сам проводит молодую девушку. Цезарь сделал знак старухам, чтобы они не препятствовали рыцарю, и те, рассыпаясь в благодарностях, пошли вслед за Альфонсо, который заботливо поддерживал Мириам.

Рыцарю нелегко было пробраться с еврейками через густую толпу разъяренной черни; к счастью, ему помог отец Бруно. Дойдя до ворот гетто, старухи снова начали благодарить рыцаря, но по тону, каким произносились слова благодарности, можно было скорее предположить, что они проклинают его. Альфонсо очень хотелось проводить Мириам до самого дома, но он боялся восстановить старых ведьм против их племянницы, а потому ограничился лишь тем, что напомнил старухам о болезни Мириам, и затем пошел с Бруно обратно.

Не успели они отойти на несколько шагов, как монах снова начал уговаривать Альфонсо уехать из Рима.

— Я не знаю, почему вы думаете, что я изменю свое решение, — нетерпеливо возразил Альфонсо. — Наоборот, с тех пор как я увидел, что папа пламенно желает отыскать убийцу своего сына, у меня явился лишний повод остаться здесь.

— Да, вы сегодня стояли на волосок от того, чтобы приподнять завесу ужасной тайны. Но будьте осторожны; помните, что доведенная до крайности женщина бывает более жестока, чем самый злой мужчина!

Этот намек на Лукрецию в соединении с тем, что говорила Мириам, произвел сильное впечатление на Альфонсо. Он вспомнил о встрече еврейки с Мигуэлото и о рассказе об убийстве герцога Гандийского и вдруг почувствовал большое недоверие также и к Бруно.

— Дайте мне только проучить дерзкого англичанина, уверяющего, что ни один итальянец не в состоянии сражаться с ним, и я очищу вам всем путь, если бы он даже был покрыт лилиями и розами; мне самому вы все надоели! — проговорил Альфонсо и посмотрел на монаха так, что тот вздрогнул.

— Нам всем? — смущенно повторил Бруно.

— Да, вам всем, монах! Вы все — одного поля ягоды! Я шажу ваш духовный сан и потому не выражаюсь яснее. Одно могу сказать, что люди весьма удивились бы, узнав, какое у вас было продолжительное совещание с вашей духовной дочерью. Какое счастье, что удар грома, или, вер-

нее, удар камня, брошенный чьей-то рукой, вовремя спас вас от великого греха.

На лице монаха выразилась такая смесь горя, стыда, сомнения и гнева, что даже Альфонсо стало жутко.

— Будьте спокойны, я не выдам вас; но вы также знайте, что я могу побить вас вашим же оружием! — сказал Альфонсо в заключение и поспешно ушел.

XV

Наконец наступил давно ожидаемый день турнира. Праздник начался с того, что Цезарь отправился в Капитолий, чтобы вступить в должность хоругвеносца церкви. Среди зрителей находился и Альфонсо д'Эсте, которому интересно было видеть, как герцог примет то звание, которое принадлежало его убитому брату. Цезарь казался очень спокойным. Из уважения к римскому сенату и народу он шел во время церемонии с непокрытой головой. Вдруг к нему подошла какая-то женщина, изображавшая Судьбу, — никто не знал, кто она такая, — и, предсказав ему блестящую будущность, возложила на его голову лавровый венок. Она объявила, что Цезарь Борджиа вернет Риму прежнее величие, когда сделается императором всего народа, который нуждается именно в нем, чтобы снова подняться на ту высоту, на какой стоял раньше. Цезарь скромно поклонился и в сопровождении сенаторов и высших сановников отправился в Ватикан.

Альфонсо узнал в предсказательнице судьбы бывшую Аллектю — фею Моргану. Несомненно, что она выступила и в этой роли по приказанию герцога Романьи, лелеявшего в душе то, что высказала его наперсница. Альфонсо пожалел, что не может теперь заключить союз с папой, женившись на его дочери. Это было бы лучшим способом помешать Цезарю выполнить его опасный план.

Раздумывая об этом, принц вернулся в гостиницу, чтобы подкрепиться. К его величайшему удивлению, хозяин подал ему блюда и вина гораздо разнообразные и более высокого качества, чем обыкновенно. Окончив завтрак, Альфонсо отправился в свою комнату, чтобы одеться для турнира, но хозяин остановил его и под большим секретом сообщил, что все то, что рыцарь ел во время завтрака, прислано какой-то дамой.

— Я не знаю, кто она такая, — закончил хозяин гостиницы свой рассказ, — но человек, принесший корзину, сказал, что вы сами догадаетесь, какая дама вспомнила о вас.

Сначала Альфонсо был глубоко тронут этим новым доказательством великодушия Лукреции, и в его сердце вновь загорелась надежда на что-то хорошее. Он чувствовал легкую слабость во всем теле; однако постепенно эта слабость начала усиливаться, и вскоре он не в состоянии был держаться на ногах. Тогда ему в голову пришла страшная мысль: его отравили!

«Неужели меня отравила Лукреция?» — не переставал думать Альфонсо, и от этой мысли больно сжималось его сердце.

Он чувствовал, что раньше Лукреция любила его; значит, до какой степени он оскорбил эту молодую женщину, если она так возненавидела его, что решилась отравить! Своей холодностью и небрежным отношением к Лукреции он сам создал себе соперника, который, вероятнее всего, не долго будет бесплодно вздыхать по красавице. Альфонсо мысленно рисовал себе картину турнира, видел торжествующего Лебофора, склонившегося у ног Лукреции, которая приветствовала его нежной улыбкой.

«Мое отсутствие, конечно, будет объяснено трусостью», — с горькой улыбкой подумал Альфонсо, и ему стало жаль себя, жаль своей молодой жизни: он, принц, наследник престола, жаждущий претворить в жизнь самые благородные планы, должен погибнуть из-за ненависти развратницы!

Однако, очевидно, тот, кто приготавливал яд, был плохо знаком со свойством наркотических средств или не рассчитал, какое количество их проглотит Альфонсо. Страшная слабость и сонливость первых минут перешли в необыкновенно возбужденное, лихорадочное состояние, но тем не менее он чувствовал, что не в состоянии будет принять участие в турнире, хотя этого ему хотелось во что бы то ни стало.

Альфонсо начал обдумывать, что предпринять для того, чтобы нейтрализовать действие яда, и решил обратиться за противодействием к теткам Мириам. Думая, что, главным образом, было отравлено вино, он взял его с собой и, оседлав лошадь, быстро помчался в гетто.

Он нашел Морту и Нотте в их лаборатории; они разбирали травы и цветы для своих специй. У их ног сидела Мириам; она занималась тем же, тихо напевая про себя. Старухи, видимо, испугались, когда вошел рыцарь, а Мириам посмотрела на него равнодушно, вероятно, не узнав его.

Альфонсо протянул старухам вино с просьбой посмотреть, нет ли в нем примеси яда; обе торопливо схватили бутылку; Нотте попробовала напиток, плюнула и проговорила:

— Выпей, Морта, можешь выпить хоть все, вреда от этого не будет никакого. Какой дурак приготавливал это питье?

— Сама ты дура! Что за вздор ты мелешь? — возразила Морта. — Это средство предназначалось вовсе не для того, чтобы кого-нибудь умертвить, а лишь заставить его ослабеть. Тот, кто выпьет его, становится настолько слабым, что враг может поразить его своим мечом, чуть прикоснувшись к нему.

«Следовательно, это сделано с целью посрамить меня на поединке!» — подумал Альфонсо с болью в сердце.

— Один из моих друзей как раз выпил большое количество этого напитка, — обратился он к Морте. — Не знаете ли вы какого-нибудь противоядия, которое вернуло бы ему силу хотя бы на несколько часов?

— Вот это поможет, — сказала Морта, подавая ему склянку. — Только смотри, рыцарь, чтобы твоего друга не похоронили живым. После большого возбуждения наступит такой упадок сил, что можно будет подумать, будто он умер.

Альфонсо щедро заплатил старухе, хотя очень сомневался, не будет ли это противоядие опаснее яда Лукреции.

Наступил час, который был назначен для турнира. Хотя Альфонсо с трудом держал в руках меч, тем не менее он поспешно направился к месту ристалища.

Огромное разрушенное здание Колизея было наполнено зрителями снизу до самого верха. На развалинах бывшей императорской галереи были устроены подмости с позолоченными перилами, обитыми пурпурным бархатом. Над колоннами возвышалась крыша, обтянутая небесного цвета материей, с золотыми звездами. Посредине на возвышении сидел папа, а несколько ниже — герцог Романьи в костюме римского консула. Он был председателем судейской коллегии поединка. Вокруг него разместились самые красивые из римских дам — судьи турнира. За папой сидели кардиналы, послы, владетельные князья и знатные гости.

Все остальные ряды до самого верха Колизея были заняты народом. Его любовь к Лукреции выразилась несмолкаемыми криками «виват!», когда молодая женщина появилась на турнире во главе длинного ряда рыцарей. Перед ней герольды несли на красной бархатной подушке роскошный венок из бриллиантов с надписью: «Храбрейшему — прекраснейшая». Лукреция сидела на белой красивой лошади, голову которой украшали белые перья. Седло из белого бархата было роскошно расшито жемчугом; с него ниспадали вниз живописные складки белого атласного платья Лук-

реции. Длиннейший шлейф из красного бархата со звездами из рубинов несли шесть пажей. На золотистой головке Лукреции скромно лежал венок из белых роз. Над ней возвышался балдахин из серебристо-белой парчи, который несли два рыцаря: Орсини и Лебофор.

Вся блестящая процессия остановилась, когда Лукреция вошла на арену и села на приготовленный для нее трон рядом с председателем судейской коллегии. Орсини, весь в белом и прозванный поэтому «белым рыцарем», и Лебофор стали по обеим сторонам ее трона.

Тотчас же после этого маршалы стали по очереди впускать участников турнира, и Лукреция внимательно следила за каждым из них. Наконец она увидела Альфонсо, и он заметил, как молодая женщина вздрогнула и побледнела, точно встретила выходца с того света. Это доказательство ее вины — желание отравить или обессилить его подосланным питьем — так взволновало Альфонсо, что его слабость прошла и он ощутил новый прилив сил. Все рыцари заняли свои места, и в наступившей тишине раздался могучий голос герольда, возвещавший условия поединка. Ввиду того, что желающих участвовать в турнире оказалось слишком много, решили, чтобы каждый рыцарь бился до тех пор, пока не сломает трех мечей, приготовленных заранее.

После этого герольд объявил о штрафах, назначаемых за нарушение условий, и в заключение пригласил всех рыцарей, вдохновленных любовью, получить особенный орден, который вручала царица праздника, донна Лукреция. Рыцари ответили на это оглушительным «виват!»

Паоло Орсини попросил разрешения первым получить орден Любви.

— Хорошо, — улыбаясь ответила Лукреция. — А сэръ Реджинальд будет последним, — прибавила она, принимая из рук англичанина меч, который она передала ему на хранение.

За Орсини последовали другие рыцари; кроме особого ордена Лукреции, они получали, каждый от своей дамы сердца, шарф, бант или что-либо другое в этом же роде.

Толпа стоявших вокруг Альфонсо рыцарей редела, так как все устремились получить орден Любви. Когда же Альфонсо очнулся от задумчивости, он увидел, что кроме него осталось еще два рыцаря, не подходивших к Лукреции. Одного он узнал сейчас же по его могучей фигуре — это был Вителлоццо, а другой сам напомнил о себе.

— Клянусь честью, это вы, иерусалимский рыцарь!.. Так как мы с вами уже поквитались, то теперь я с удоволь-

ствием буду на вашей стороне, против Борджиа, — со странной улыбкой воскликнул Оливеротто ди Фермо.

— Мы не поддадимся этой высокомерной развратнице, — воскликнул Вителлоццо с обычной грубостью, — и тому нежному юноше, запутавшемуся в ее сетях. Смотрите, он стоит перед ней на коленях, а она кладет ему голову на плечо; вот она пишет что-то на его мече. Клянусь честью, красавица, сегодня мы посчитаем ему косточки.

— Она делает вид, что падает в обморок. Боже, что за притворство! — со вздохом пробормотал Альфонсо. — Я очень прошу вас, благородный Вителлоццо, позвольте мне первому вступить с ним в бой.

— Мне очень хочется отнять у него красивый меч, который дает ему Лукреция! — заметил Оливеротто.

— Вот вам меч, дорогой рыцарь; сделайте им несколько ударов сегодня, а затем носите всегда на память обо мне, — сказала в это время Лукреция, действительно передавая Реджинальду дорогой меч.

Лебофор, не помня себя от восторга, поцеловал прекрасную руку с такой страстью, что дамы, видевшие эту сцену, переглянулись между собой; затем он вскочил на лошадь и, размахивая мечом, закричал:

— За Лукрецию против всего света!

— Я принимаю вызов! — громко ответил Альфонсо и так бешено бросился на Лебофора, что тот, не ожидая столь быстрого нападения, едва не свалился с седла.

— Что с вами, товарищ по оружию? — с удивлением спросил он, узнав иоаннита.

— Я хочу доказать вам, рыцарь любви, что рыцари чести храбры не менее вас, — хрипло смеясь, ответил Альфонсо.

Всех сражающихся поставили в два тесных ряда вдоль арены с промежутками в сто шагов, чтобы при нападении был достаточный разбег. В обоих рядах было одинаковое количество людей, только один оказался лишним — Альфонсо. Он умышленно отошел в сторону, чтобы видеть, где станет Лебофор, и потом занять место как раз напротив него. Однако в ту минуту, когда он хотел протиснуться в ряды сражавшихся, его остановил маршал своим жезлом.

— Дайте нам еще одного рыцаря, маршал, так как с Вителлоццо Кастелло нужно сражаться двоим против одного, — пошутил Лебофор.

— Тогда, господин англичанин, берите его себе на помощь, — сердито проворчал Вителлоццо, — так как я хочу испытать свой меч именно на вас.

— Нет, так нельзя, — серьезно ответил на шутку Реджинальда маршал, — председатель, его светлость герцог Романьи, просит рыцаря святого Иоанна подождать вступить в бой, пока кто-нибудь из сражающихся не уйдет с арены, а до тех пор присоединиться к судьям.

Альфонсо молча повиновался, так как не видел другого выхода из создавшегося положения. Чувствуя новый приступ необыкновенной слабости, он безучастно стал возле Цезаря. Вдруг он почувствовал на себе взгляд Лукреции, тревожно следившей за его мертвенно-бледным лицом. Объяснив себе это тем, что Лукреция смотрит на него с целью узнать, какое действие производит подсыпанное ею снадобье, принц снова вспылал к ней гневом и ощутил новый приток сил.

— Добро пожаловать, Рыцарь Печального Образа! — обратился Цезарь к Альфонсо. — Если бы приличие позволило мне сражаться со своими гостями, то я непременно встал бы на вашу сторону из простой ненависти к женщинам, из-за которых я провел немало бессонных ночей. Теперь я понимаю, почему они вчера так смеялись, когда сэр Реджинальд рассказывал о петушиных боях. Посмотрите, ведь этот турнир, в сущности, — тот же петушиный бой из-за кур. Кстати, вы еще не приветствовали наших наседок, сидящих наверху на своем наместе.

— Это было бы совершенно излишней вежливостью, — сухо возразил Альфонсо, — так как они смотрят на поле битвы.

— Вперед, вперед! — раздался громкий призыв герольда, и рыцари ринулись друг на друга.

Альфонсо видел, что среди нескольких десятков рыцарей, слетевших со своих седел, оказался и великан Вителлоццо, упавший на землю от удара англичанина. Реджинальд поскакал дальше, свалил еще трех соперников, и Оливеротто в том числе.

Вителлоццо в бессознательном состоянии унесли с арены.

Оливеротто остался невредим; поднявшись с земли, он снова вскочил на лошадь и бросился к Реджинальду, который, размахивая мечом направо и налево, заставлял падать рыцарей, точно мух.

Толпа восторженно приветствовала англичанина, ставшего в одну минуту ее кумиром. На него нападали со всех сторон. Отмахиваясь от налетевшего на него сзади, Реджинальд оглянулся и увидел Орсини, который тоже уже многих успел свалить на землю. Неизвестно, был ли Паоло ослеплен страстью или непременно хотел заслужить славу

единственного человека, победившего англичанина, но он с бешеной отвагой бросился на Лебофора и так сильно ударил его прямо в грудь, что переломил свой меч пополам. Англичанин зашатался, но удержался в седле и не возвратил удара. Затем он с рыцарской любезностью поклонился Паоло и, поскакав дальше, снова свалил Оливеротто с поразительной легкостью. Это великодушие по отношению к Орсини и необыкновенная отвага вызвали бурю восторга. Лукреция растроганно смотрела на Реджинальда и громко произнесла:

— О, мой Лебофор.

Председатель, с удивлением отмечая необыкновенные подвиги Реджинальда, предложил ему на время выйти из рядов сражающихся, чтобы отдохнуть и собраться с силами; даже Лукреция и ее дамы просили англичанина пощадить себя, но он ответил, что не покинет поле битвы до тех пор, пока не раздробит все три меча. Весь покрытый потом и пылью, он подъехал к дамам, чтобы поблагодарить их за сочувствие.

— С этой минуты я называю вас своим рыцарем; вы действительно рыцарь в полном смысле этого слова, — сказала Лукреция, приветливо обращаясь к Реджинальду. — Не только в Италии, но во всем свете нет равного вам. Возьмите мой платок, вытрите им пыль со своего лица. — И она протянула англичанину дорогой вышитый платочек.

Однако вместо того, чтобы исполнить приказание Лукреции, англичанин сначала прижал платок к губам, а потом обвязал его вокруг своего рукава.

— Ну, теперь я непобедим! — воскликнул он.

Борьба между тем продолжалась своим чередом. Теперь всеобщее внимание привлекал Орсини, показавший чудеса храбрости и ловкости. Он чувствовал, что его удар, направленный на Лебофора, вызвал неудовольствие зрителей, и потому, чтобы привлечь к себе симпатии общества, сражался с отчаянной отвагой.

Но вот герольды возвестили окончание первой части турнира. Оруженосцы бросились к своим рыцарям, чтобы помочь им переодеться, а служители начали приводить в порядок арену для следующей части поединка.

Орсини встретился с Лебофором у ложи дам. Все представительницы прекрасного пола холодно приняли Паоло и были с ним сдержанны.

Тогда он признал необходимым исправить свой поступок по отношению к англичанину.

Подойдя к Реджинальду, он протянул ему меч и проговорил:

— Этот меч отнят вашим учеником специально для вас; пусть он послужит доказательством моего раскаяния за удар вам, который был нанесен по какому-то печальному недоразумению.

— Ваш удар, несмотря на всю его силу, не причинил мне боли, — ответил англичанин, — я страдал лишь от того, что вы нарушили слово. Ведь мы обещали щадить друг друга. Очень рад, что это оказалось недоразумением; в такой суете можно нечаянно напасть даже на своего отца. Буду стараться победить как можно больше рыцарей этим мечом, и, само собой разумеется, что он ни разу не поднимется на того, кто мне его вручил.

Рыцари пожали друг другу руки, и печальный инцидент был улажен.

Лакеи разносили вино и фрукты всем гостям папы. Лукреция заметила, что Альфонсо с ужасом отшатнулся от подноса, хотя по его лицу было видно, что он сильно нуждается в подкреплении.

Пока шли приготовления ко второму туру поединка, Цезарь держал совет с герольдами, маршалами и всеми судьями о том, кого признать победителем. Единогласно пальма первенства была отдана Лебофору, а за ним следовал Орсини. Однако это не лишало их права сражаться и во втором турнире.

Услышав слова Цезаря, Альфонсо заявил о своем желании выступить тоже во втором турнире.

— Если вы находите, что я не имею права на это, потому что отдыхал в то время, как другие тратили силы, то я могу предварительно скрестить свой меч с сэром Реджинальдом Лебофором.

— К сожалению, и в этот раз, уважаемый рыцарь, количество сражающихся равное. Вам придется подождать, пока кто-нибудь выйдет из рядов участвующих, не нарушая своим выходом условий состязания.

— Я уступаю свое место товарищу по оружию, — воскликнул Реджинальд, — и буду вознагражден за это лишение, оставшись здесь.

— Прекрасно! Следовательно, Орсини суждено испытать на себе вашу ломбардскую храбрость, рыцарь святого Иоанна, — проговорил Цезарь.

Альфонсо волей-неволей пришлось согласиться на такую комбинацию, хотя она не соответствовала его цели.

Взгляд, брошенный Лукрецией на его великодушного соперника, снова заставил Альфонсо почувствовать прилив силы, хотя до этой минуты он думал, что ему придется

отказаться от состязания вследствие все увеличивавшейся слабости.

Второй турнир был, собственно, продолжением первого, только участвующие в нем боролись дольше и ожесточеннее. Альфонсо и Орсини, побуждаемые устремленным на них взглядом Лукреции, выказывали почти сверхъестественную силу и ловкость. Только молитвы были у обоих разные. Альфонсо объяснил себе исключительное внимание, которое проявила Лукреция к их борьбе, тем, что она ждет его поражения, и эта мысль выводила его из себя и придавала ему какое-то упорное, отчаянное мужество. Орсини же хотел непременно доказать своей невесте, что он ничуть не хуже Лебофора. Оба, размахивая мечами, заставляли падать с лошадей всех рыцарей, вступавших с ними в борьбу. Наконец, случай свел их друг против друга.

— Держись, иоаннит! — воскликнул Орсини, наскakiвая на Альфонсо. — За Лукрецию и любовь!

— За Пречистую Деву Марию и целомудрие! — возразил Альфонсо, парируя удар Орсини.

В следующий момент Паоло распростерся на песке, а его взбесившаяся лошадь выскочила за пределы арены. Лебофор и оруженосцы упавшего бросились к нему на помощь, но Орсини успел уже подняться и, шатаясь, как пьяный, искал свою лошадь. Альфонсо громко насмешливо засмеялся и с торжествующим видом взглянул на Лукрецию. Публика не одобрила поведения иоаннита, но он не интересовался ничьим мнением; подобно сказочному герою, он побеждал всех, встречавшихся на его пути, и единогласно был признан победителем второго турнира.

Орсини сидел в полном изнеможении в кругу дам и утешался сочувствием Лукреции и своего нового друга — Цезаря. В конце турнира Паоло хотел еще раз сразиться с Альфонсо, который стоял, опираясь на меч, посреди арены.

— Нет, нет, синьор, этого нельзя! — быстро остановила Паоло Лукреция. — Вы успели отдохнуть, а иоаннит еле держится на ногах от усталости. Победа только тогда имеет значение, когда у противников одинаковые силы.

— Наша сестра исполняет христианский долг, и я вполне согласен с нею, — заметил Цезарь, бросая на Орсини многозначительный взгляд.

По правилам турнира все трое победителей не должны были участвовать в третьем состязании. Это распоряжение было вполне целесообразно, так как рыцари имели очень утомленный вид. Когда оруженосец взял под уздцы лошадь

Альфонсо, чтобы вывести ее за пределы арены, все заметили, что иоаннит склонился к голове лошади и с большим трудом выпрямился через несколько секунд. Неизвестно, из чувства ли сострадания, или для того, чтобы закончить свое злодейское дело, Лукреция послала феррарцу кубок вина.

— Пресвятая Дева Мария подкрепит мои силы, и ни в чьей помощи я не нуждаюсь, — неожиданно ответил Альфонсо и вылил вино на песок.

Между тем началось третье состязание и шло чрезвычайно блестяще.

Все три состязания заняли весь день, и Реджинальд с нетерпением смотрел на заходящее солнце. Наконец, рыцари третьего турнира сломали все свои мечи. Из пятисот человек, участвовавших в состязании, осталось только сорок, имевших право претендовать на приз; в число этих сорока вошли Лебофор, Орсини и Альфонсо.

Паоло поспешил к Цезарю с просьбой разрешить завершить турнир не мечами, а шпагами.

— Нет, вы все слишком озлоблены друг против друга, и дело может закончиться убийством. Поэтому, пока у каждого из вас имеются другие противники, вы трое не имеете права сражаться между собой, — решил герцог.

Орсини не мог скрыть своего неудовольствия и пробормотал:

— Вы покровительствуете феррарскому посланнику. Он победил меня не мечом, а потому лишь, что моя лошадь испугалась его черного одеяния.

— Тише, друг мой! — едва слышно шепнул Цезарь. — Посмотрите на этого проклятого иоаннита, он и так еле дышит и ежеминутно меняется в лице; вам нетрудно будет одолеть его, когда настанет время. Кроме того, кто мешает вам приделать к своему мечу острие и проткнуть ему сзади спину, как вы это делаете, охотясь на буйволов?

Дав возможность сражающимся немного отдохнуть, герцог возвестил начало последнего состязания. Все окружающие с напряженным вниманием следили за тем, чем окончится решительный момент, — кто возьмет приз. На высоком пьедестале стоял футляр с венком. Все рыцари собрались на арене, кроме Альфонсо. Уже два раза оруженосец напоминал своему рыцарю, что его вызывают; тогда принц поднял голову, точно очнувшись от сна, и медленно выехал на арену. Борьба началась. На Альфонсо налетел французский рыцарь и сорвал своим мечом шлем с его головы. Ничего не понимаящим взглядом иоаннит осмотрелся вокруг; его лицо, и без того бледное, казалось еще бледнее

от обрамлявших его черных, как вороново крыло, волос. Раздался слабый женский крик. Не надевая шлема, который оруженосец быстро поднял, Альфонсо двинулся вперед и свалил на землю француза и двух других рыцарей.

Лебофор и Паоло превзошли самих себя в героической отваге, но и сопротивление было велико. Куски изорванной одежды, обломки раздробленных мечей и пятна крови покрывали песок. Многие рыцари попадали в полном изнеможении и не в состоянии были дольше бороться. Даже Цезарь несколько раз тревожно приподнимался со своего места, чтобы прекратить состязание. У него был прекрасный повод для этого, так как один рыцарь не имел полного вооружения, что нарушало правила борьбы. Этот рыцарь был Альфонсо. Несмотря на неоднократно повторенные просьбы своего оруженосца надеть шлем, феррарец ничего не слышал и, размахивая мечом, лез в самый центр свалки. Лукреция попросила брата прекратить состязание, и что-то в ее тоне показалось Цезарю настолько забавным, что он разразился громким смехом и из-за этого не успел ничего сказать.

Кроме трех рыцарей, не имевших права сражаться друг с другом, на арене осталось всего шесть человек. Не помня себя от бешенства, они все бросились друг на друга в ожесточенной схватке. После минутного молчания, вызванного всеобщим удивлением, поднялся оглушительный шум, но он затих, когда зрители увидели, что произошло дальше.

Бледное лицо Альфонсо вспыхнуло, глаза засверкали, и звонким голосом он закричал:

— Ну, английский мальчишка, посчитаемся теперь с тобой.

— Нет, ломбардец, я не стану сражаться с тобой; может быть, мой собрат Орсини пожелает проучить тебя! — резким тоном возразил Лебофор.

— Нет, я хочу состязаться только с тобой. У меня есть сила только для тебя. Я уже положил раз Орсини на землю, повторять то же не стоит труда. Но ты, английский рыцарь, ты — трус; говорю это громко, в присутствии твоей возлюбленной. Ты — трус, раб, на которого плюют, который...

Однако Альфонсо не успел окончить фразу, потому что Лебофор, прищипорив свою лошадь, ринулся на него. Англичанин не заметил в пылу раздражения, что Орсини, задетый замечанием феррарца, тоже бросился на рыцаря святого Иоанна. Напрасно кричала толпа, что двое не могут нападать на одного; тщетно маршалы и герольды старались прекратить борьбу, — последний час Альфонсо пробил. Он бессильно свалился с лошади и растянулся на

песке. Его черные волосы окрасились кровью, лившейся струйкой из маленькой раны, нанесенной сзади. Он лежал неподвижно, без дыхания, как мертвец.

XVI

После этого турнира Альфонсо в течение многих дней пребывал в бессознательном состоянии. Ему представлялось, точно в тумане, как его подняли вскоре после того, как он упал, и быстро понесли куда-то. Холодный влажный воздух, какой бывает вблизи реки, несколько освежил его. Затем все снова потонуло во мраке. Несколько раз, когда он открывал глаза, ему казалось, что его окружают какие-то незнакомые лица и среди них закутанная до самых глаз монахиня, смазывающая его раны. Вот все, что осталось в воспоминаниях Альфонсо, когда он окончательно пришел в себя.

С большим удивлением разглядывал он роскошную постель, обитую бархатом, и белые атласные подушки, на которых он лежал. На стенах висели гобелены, на которых были изображены любовные сцены. Потолок украшала великолепная фреска, изображающая Гименея, окруженного амурами, которые бросали цветы на его ложе. Невдалеке от кровати сидел Бембо и сочинял оду, посвященную Лукреции. Заметив осознанный взгляд своего господина, он быстро вскочил с места, подошел к нему и, умоляя Альфонсо поменьше разговаривать, рассказал, что по приказанию папы его перенесли в Ватикан.

— Его святейшество постоянно осведомляется о состоянии вашего здоровья, — продолжал Бембо, — он присылает каждый день четырех хирургов, а перевязки вам делают старшая кормилица донны Лукреции и сердобольная сестра-монахиня, которая посвятила себя уходу за больными и утешению страждущих. Я обязан каждый день докладывать донне Лукреции о том, как вы себя чувствуете. Даже отец Бруно приходил сюда несколько раз, предлагая свою духовную помощь.

Альфонсо выразил подозрение, что Бембо умышленно выдал, кто он такой, но тот так горячо уверял его в противном, что больной не мог не поверить ему.

— А кто из тех двух презренных рыцарей, предательски накинувшихся на меня, получил приз? — спросил Альфонсо с горячностью.

— Нет, мой благородный господин! Сэр Реджинальд плакал, когда увидел, что произошло; все утверждают, что

это нападение двоих на одного было лишь печальной случайностью, а не сделано предумышленно. Как только Лебофор встречает меня во дворце, он говорит о вас с нежностью, как о родном брате. Мне кажется, что и Орсини очень жалеет о вашем несчастье. Что касается приза, то пока никто не получил его; герцог спрятал приз до вашего выздоровления.

— Ты говоришь, что встречаешь англичанина во дворце? Следовательно, он часто навещает донну Лукрецию? Мне кажется, что она смеялась громче всех, когда я упал?

— Она не могла смеяться ни громко, ни тихо, так как с ней моментально сделался обморок.

— Она боялась за своего любимца! — с горькой улыбкой заметил Альфонсо.

— Кто ее любимец, я не знаю, но, несомненно, в ту минуту она беспокоилась только о вас. Она даже распорядилась, чтобы прекратили турнир, пока врачи не сказали, что вы находитесь вне опасности. Маленький грек заявил, что ваше состояние вызвано не сотрясением мозга при падении, а мудрой заботливостью самой природы, так как неподвижное положение было необходимо для быстреего заживления самой опасной раны.

— Удивительно, как проникателен этот врач! — насмешливо заметил Альфонсо, вспомнив о снадобье, подмешанном ему Лукрецией. — Надеюсь, я теперь скоро поправлюсь и, как только расквитаюсь с англичанином, в тот же день мы уедем из Рима, благословляя Бога за то, что отделались еще сравнительно счастливо.

— Тогда лучше уедем сейчас, синьор; вам совершенно не за что мстить сэру Реджинальду! — возразил Бембо.

— Ты в этом уверен? А я, наоборот, думаю, что они смеются между собой, когда вспоминают об этой истории!

— Врачи будут бранить меня за то, что я позволяю вам так волноваться! — проговорил Бембо. — Я слышу шаги; держу пари, что это они идут сюда.

Он ошибся — в комнату входил Бруно.

На бледном лице монаха не было и следа воспоминаний о последнем свидании с Альфонсо — он только боялся встретиться с ним взглядом; во всем же остальном его обращение было проникнуто нежным состраданием. Он сел у постели больного и пощупал его пульс, причем заявил, что обладает некоторым врачебным опытом.

— Пульс еще не совсем спокоен, но видно, что силы возвращаются, — задумчиво проговорил он. — Если я не ошибаюсь, то ваша душевная рана сильнее телесной. Может быть, я могу облегчить ее?

Монах взглядом пригласил Бембо оставить его с больным наедине.

— Нет, падре, я не могу оставить своего друга ни на минуту, — ответил Бембо. — Я обещал это нашей доброй монахине.

— Монахине? Разве за вами ухаживает какая-нибудь монахиня, синьор?

— Да; я же обязан наблюдать за тем, чтобы больному давали только те лекарства, которые сердобольная монахиня приготовляет собственноручно под наблюдение врачей! — ответил Бембо, подозрительно глядя на доминиканца.

— В самом деле? В таком случае, я должен сказать вам в присутствии третьего лица, чтобы вы были крайне осторожны, рыцарь святого Иоанна. О, не доверяйте своих ран неловким, или, вернее сказать, слишком ловким рукам этой женщины. Я знаю случаи, когда совершенно невинные раны становились с ее помощью гангренозными.

— С тех пор как мы виделись в последний раз, святой отец, я убедился, что ваши предупреждения так же верны, как крик ворона, — взволнованно проговорил Альфонсо, приподнимаясь с подушек. — Не удивлюсь, если меня захотят прикончить среди всего этого великолепия; ведь поднесли же мне яд в прекрасных плодах и дорогим вине. Этот яд и стал причиной моего позора.

— Этого не может быть! — быстро воскликнул монах. — По всей вероятности, вам дали сонное питье, чтобы помешать присутствовать на турнире, оберегая вас же. Я что-то слышал об этой истории. Теперь же я умоляю вас как можно скорее уехать из Рима.

— Вам не причиняет боли та мазь, которая лежит на вашей груди, синьор? — спросил принца Бембо, встревоженный словами монаха.

— Ничуть! Наоборот, она так успокоительно действует на меня, точно ее приготовляла сама любовь!

— Вот видите, и от нее удивительно быстро заживают раны! — воскликнул обрадованный Бембо. — Не знаю, что вы говорите о яде, но я готов поклясться, что монахиня, омывающая ваши раны своими слезами, не кто иная, как сама донна Лукреция. Я узнал ее по руке несравненной красоты, а также по дорожному смарагду в кольце, которое она в тревоге забыла снять с пальца.

— Неужели? — воскликнул Альфонсо и вопросительно взглянул на монаха.

— То же самое произошло и с принцем Салернским, я его тоже предостерегал заранее! — ответил Бруно, подни-

маясь с места. — Помни одно, сын мой, что если эта капризная женщина желает во что бы то ни стало восстановить твои силы, то есть некто, который не задумываясь уничтожит тебя.

У входа слышались шаги, и в следующую минуту дверь открылась и у входа показались четыре врача, в том числе и карлик-грек. За ними следовали монахиня, покрытая густой вуалью, и почтенная матрона в черном одеянии, в которой Альфонсо сейчас же узнал Фаустину.

Бруно остановился и устремил на монахиню пронизывающий взгляд; она слегка поклонилась и подошла к постели больного. Маленький грек приказал снять с груди раненого повязку, но, когда монахиня прикоснулась к одеялу, чтобы приподнять его, Альфонсо оттолкнул ее руки и произнес:

— Нет, добрая сестра, не беспокойтесь!.. С тех пор как одна женщина хотела отравить меня, я питаю ужас к прикосновению нежных женских рук.

— Вас хотели отравить, синьор? — испуганным голосом спросила монахиня.

— Если бы не это обстоятельство, я не был бы здесь, — ответил Альфонсо. — Тогда меч союзника Орсини не свалил бы меня и я не сделался бы посмешищем для всех Борджиа. Не прикасайся ко мне, если не хочешь снять свою вуаль! Открой лицо, дабы я мог убедиться, что ты не имеешь ничего общего с моими врагами.

— Рыцарь бредит, — возразила монахиня смущенным голосом. — Наше присутствие вызывает, кажется, лихорадочное состояние. Уйдем, Фаустина!

Бруно показалось, что монахиня зашаталась; он бросился к ней, чтобы поддержать ее, но она гордо выпрямилась и быстро вышла из комнаты, сопровождаемая Бруно.

Врачи сами сделали перевязку и ушли, еще раз напомнив о том, что больной нуждается в полнейшем покое. Однако Бембо был слишком взволнован, чтобы исполнить это приказание. По его просьбе Альфонсо рассказал о том, что он почувствовал, съев фрукты и выпив вино, присланное Лукрецией.

— Неужели под видом такого ангела может скрываться дьявол? — с негодованием произнес Бембо. — Теперь мне понятно то, что сказал Бурхард. «Кто бы подумал, — говорил он, — что через месяц после веселой свадьбы новобрачный будет лежать мертвым на этой самой постели? Его, как оленя, загрызли собаки, тогда как стрела охотника не нанесла ему ни одной смертельной раны».

— Ах, он сказал это? По чьему же приказанию меня положили в эти злополучные комнаты, где был убит несчастный принц Салернский, супруг Лукреции? — произнес Альфонсо.

— По приказанию самой Лукреции, и я считал это большой честью для нас, — ответил Бембо, пугливо оглядываясь. — Я думаю, что это помещение очень удобно для некоторых таинственных целей; вероятно, после того как вы отыскиали еврейку, знающую, как погиб герцог Гандийский, вы вряд ли приятны Цезарю и Лукреции. Дай Бог, чтобы, находясь под крышей Ватикана, мы узнали наконец правду.

— Нельзя ли сделать этого Бурхарда более словоохотливым? — спросил Альфонсо. — Ты говоришь, он часто приходит сюда по поручению папы? Что, если мы предложим ему выпить и закусить вместе с нами?

— Это, во всяком случае, будет не лишней предосторожностью, хотя, может быть, для вас опасно знать слишком много, — ответил Бембо.

— Я хотел бы знать столько, сколько нужно для того, чтобы рассеять мои сомнения.

Вечером у дверей комнаты Альфонсо тихо постучали.

— Войдите! — сказал Бембо.

Дверь открылась, и показался церемониймейстер Бурхард в сопровождении двух пажей, принесших лампы.

— Как вы себя чувствуете, синьор? — добродушно спросил церемониймейстер. — Я пришел не от его святейшества, а от донны Лукреции, которая не хочет, чтобы началась сарабанда, пока она не получит утешительных вестей о вашей болезни.

— Кроме небольшой слабости, я чувствую себя очень хорошо, — веселым тоном ответил Альфонсо. — Прошу вас передать донне Лукреции мою нижайшую благодарность. Если вы не очень спешите, синьор Бурхард, то, может быть, согласитесь доставить мне большое удовольствие побеседовать немного со мной?

— С радостью! Со стороны донны Лукреции это — простая вежливость. Если бы я вернулся немедленно по уходе, то, несомненно, застал бы нашу красавицу танцующей сарабанду с сэром Реджинальдом. Он теперь — кумир дам.

Говоря это, Бурхард взял стул и сел недалеко от Альфонсо.

— Что, Бембо, есть у нас вино, которое пришлось бы по вкусу господину церемониймейстеру?

— Нет, нет, не беспокойтесь, вам нельзя пить ни капельки вина! — возразил Бурхард, сам не отказываясь от предложения.

— О, теперь уже можно! — шутливо заметил Альфонсо. — Бембо знает какое-то магическое слово, по которому мы можем получить все, что нам угодно.

Бембо оправдал доверие своего повелителя, и на столе появился рейнвейн, любимейший напиток церемониймейстера.

— Пью от всего сердца за ваше быстрое выздоровление, почтеннейший рыцарь! — проговорил Бурхард, залпом опорожнив стакан. — Прекрасное вино, точно только что полученное с Рейна! При моей хлопотливой должности иногда необходимо подкрепиться. Ах, вы не знаете, как трудно поддерживать порядок в этом доме. Я буду очень счастлив, господа, если могу быть вам чем-нибудь полезен. Пейте, брат каноник; только, кажется, вы предпочитаете кипрское вино? Может быть, вам что-нибудь угодно, господин рыцарь?

— Нет, благодарю вас, — ответил Альфонсо. — Мне даже слишком хорошо под вашей гостеприимной кровлей. Я боюсь, что изгнал кого-нибудь из этого помещения. Такие апартаменты были предназначены скорее для влюбленного новобрачного, чем для раненого рыцаря.

— Вы и правы и не правы, синьор, — с глубокомысленным видом возразил Бурхард. — Во всяком случае, вы никого не изгнали, так как со дня смерти принца Салернского здесь никто не жил.

— Он был мужем дочери его святейшества? — небрежно спросил Альфонсо.

— Его племянницы! — поправил церемониймейстер.

— Да, но он любил ее, как дочь, и даже гораздо больше! — невинным тоном возразил принц.

— Да, это верно. Его святейшество советуется с ней даже в делах церкви. Нередко в его отсутствие всем управляет донна Лукреция. Нужно сознаться, у нее больше ума, чем у многих кардиналов. Я сам видел, как она плела золотые кружева и управляла городом. Все это прекрасно, но, как хотите, все же скандал!..

Бурхард вообще был разговорчив, а вино еще больше развязало ему язык. Поэтому он стал сыпать анекдот за анекдотом из жизни папы и всего двора. Для Альфонсо было особенно интересно то, что он рассказывал об отношении папы к своей дочери и о предполагаемом браке Лукреции с Орсини; по словам церемониймейстера, желание Александра выдать дочь замуж за главу мятежного

дома служило доказательством неладов между ними и Цезарем.

— Вы думаете, что принца Салернского для того и убили, чтобы освободить место для синьора Паоло? — с деланным спокойствием спросил Альфонсо.

— Какие-то неизвестные лица тяжело ранили принца на ступенях церкви святого Петра! — ответил церемониймейстер, испуганный смелым вопросом. — Но стоит ли говорить об этом? Я думаю, не лишним будет напомнить вам, что в левом крыле этой башни живет донна Лукреция со своими фрейлинами; у женщин, как вам известно, слух очень тонкий.

— В самом деле? Раз известно, что принц убит, — снова начал Альфонсо после некоторого раздумья, — то вы, как человек ученый, конечно, можете ответить, кому понадобилось это убийство.

— Я далеко не так учен, как говорят, — скромно возразил Бурхард, — но все же одно могу сказать вам, синьор: Орсини тут ни при чем. Ему тогда и во сне не снилось стать зятем папы.

— А у нас в Ломбардии рассказывают, что принц Салернский умер не от ран, а был задушен в своей собственной комнате в Ватикане.

— Да, это правда, он умер внезапно. Я сам видел его за несколько минут до смерти вот на этой кровати и не успел оглянуться, как его уже не стало.

— Как же это случилось? Ведь он уже почти оправился от своих ран? — спросил Альфонсо.

— Хе-хе, вы, кажется побаиваетесь того же? — шутливо проговорил церемониймейстер, видя, с какой тревогой ждет Бембо его ответа. — Много рассказывают разных историй по этому поводу, да не стоит всему верить.

— Должен вам признаться, что воспоминание об убийстве принца в этой самой комнате и на этой постели не прибавляет мне спокойствия! — заметил Альфонсо.

— Могу себе представить! Скажу вам только то, что знаю, — доверчивым тоном ответил церемониймейстер, облокотившись на постель Альфонсо. — Я видел сам пять ран на теле молодого принца Салернского, нанесенных стрелами, мечом и острым ножом.

— После этого он прожил еще месяц? — спросил Альфонсо.

— Даже дольше: его ранили за час до захода солнца пятнадцатого июня, а восемнадцатого июля задушили.

— Вы говорите «задушили»? — прервал его Альфонсо.

— Ах, что за вздор я болтаю! — испуганно воскликнул Бурхард, густо покраснев. — Да, так вот, синьор, восемнадцатого июля я пришел к принцу, чтобы по поручению папы узнать, как он себя чувствует. Принц был в очень веселом настроении, так как отец Бруно принес ему привет от донны Лукреции, хотя она сделала это по приказанию папы: сама-то она не очень любила своего супруга; он и впрямь был грубый юноша! Пока Бруно и я разговаривали с принцем, пришел один человек с тайным поручением от его святейшества. Мы с Бруно вышли, а с принцем остались лишь дон Мигуэль и врач-грек. Мы вышли в дверь, ведущую в гостиную, и, чтобы никто не подумал, что мы подслушиваем, отошли в противоположный угол комнаты. Вдруг отец Бруно схватил меня за рукав и спросил, не слышу ли я крика о помощи. Я ответил отрицательно. Тогда он выразил удивление, почему его святейшество избрал для тайного поручения не кого-нибудь из своих придворных, а доверенного герцога. Затем он подошел на цыпочках к двери, чтобы узнать, что с принцем, но несчастный был уже при последнем издыхании. Дон Мигуэль и врач наклонились к нему, чтобы расстегнуть ему воротник; при этом оба были так испуганы припадком принца, что даже не могли позвать нас на помощь. Бруно исчез куда-то, а я был так поражен, что очнулся лишь тогда, когда меня позвали; к этому времени бедный принц был уже мертв.

— Значит, его убил Мигуэль, пешка в руках Цезаря!

— Нет, — испуганно возразил Бурхард, — дон Мигуэль сказал, что передал поручение его святейшества и сейчас же ушел, а доктор-грек подтвердил его слова. Ну вот, очень рад, что рассеял ваши подозрения по поводу смерти принца, — прибавил церемониймейстер, поднимаясь с места. — А теперь позвольте откланяться. Донна Лукреция может спросить, вернулся ли я.

Бембо с большим нетерпением ждал, что скажет его повелитель по поводу разоблачений, сделанных церемониймейстером. К его величайшему изумлению, Альфонсо гораздо больше обвинял в убийстве принца Салернского Цезаря, чем папу, и совершенно исключал участие Лукреции. В доказательство того, в какой мере Лукреция ненавидит своего брата, Альфонсо рассказал Бембо свое приключение в гроте нимфы Эгерии.

Бембо был так поражен всем услышанным, что, перед тем как лечь спать, осмотрел все углы и щели. Однако ночь прошла спокойно; но утром они слышали недобрые вести.

Разнеслись слухи, что в городе поднялось восстание, вызванное приездом одного из семьи Колонна, которому протезировал неаполитанский король; под видом посланника короля Колонна и явился в Рим. Пользуясь случаем, он поднял на ноги всех своих римских приверженцев.

Тотчас же, чтобы поставить папу Александра VI в еще более затруднительное положение, Орсини потребовали, чтобы он немедленно назначил день свадьбы Паоло с Лукрецией.

Убедившись, что Лукреция не принимала участия в убийстве принца Салернского, Альфонсо почувствовал некоторое облегчение, но утром пришел Бурхард от имени Лукреции и снова возбудил целую бурю в душе больного. Церемониймейстер объявил, что донна Лукреция желает полнейшего выздоровления рыцаря святого Иоанна и надеется, что он скоро братски обнимет в ее присутствии Лебофора.

Еле сдерживая свое волнение, Альфонсо спросил, будет ли в тот день прием у папы и собирается ли донна Лукреция присутствовать на нем, а когда получил утвердительный ответ, то по уходе врачей заявил Бембо, что желает присутствовать на приеме. По тону своего повелителя Бембо убедился, что его решение непоколебимо, и не пытался даже отговорить Альфонсо от его затеи. Когда же тот потребовал, чтобы Бембо пошел к Лебофору и сообщил ему о желании Альфонсо повидаться с ним в присутствии папы и всего двора, Бембо начал горячо убеждать своего повелителя не делать этого.

— Не беспокойся, ничего дурного не произойдет! — отвечал Альфонсо на все его просьбы. — Фаворит Лукреции думает, что я нежно обниму его и прижму к своим ранам, которые он нанес. Увы! Ему придется горько разочароваться.

XVII

В то время как Бембо с тяжелым сердцем направился к Реджинальду Лебофору, Цезарь провожал двух закутанных друзей по черной лестнице во дворце Колонна, где он жил. Заперев все двери и спрятав ключ в карман мундира, Цезарь услышал звонок, возвещавший о приходе третьего гостя. Это был дон Мигуэль; его лицо было мрачно, сердито.

— Ну, что хочет моя красавица? — спросил Цезарь. — По твоему кислому лицу, не скажешь, что ты вел любовные переговоры. Я знаю, она наверняка желает, чтобы я посетил ее, — засмеялся Цезарь. — Но это совершенно невозможно. Я делаю ей большое одолжение, не соглашаясь на ее просьбу. Она зашла слишком далеко, желая узнать, настолько ли я люблю ее, чтобы ревновать. Как видишь, я настолько ревнив, что даже не желаю видеть ее.

— Может быть, синьор, было бы лучше для вас, если бы вы вернулись к ней, так как ваша любовь — великое зло для всех наших планов! — решительно ответил Мигуэлото.

— Не знаю, можно ли назвать злом полный успех, — весело возразил Цезарь. — Однако, хотя ты сегодня более дерзок, чем обыкновенно, я не сержусь на тебя и даю тебе новое поручение. Она сегодня же должна уехать из Рима. Я приготовил ей прекрасных лошадей и соответствующий экипаж; все это пойдет в подарок султану вместе с Фиаммой, как тебе известно.

— Это вы делаете для того, чтобы вызвать гнев Колонна? — с удивлением спросил Мигуэлото.

— Да, это вызовет их гнев, и, кроме того, Фиамма почувствует себя настолько оскорбленной, что пожелает мстить мне, а это тоже входит в мои планы. Впрочем, довольно об этом! Скажи, ты не был удивлен, увидев такое избранное общество в замке Святого Ангела?

— Все главари черной банды! Мне непонятно, какая магическая сила помогла вам склонить их на свою сторону?

— Я обладаю такой силой; она действует на многих, между прочим и на тебя. В чем тут секрет, я расскажу тебе когда-нибудь в другой раз. Во всяком случае, результаты уже налицо. Оливеротто возбудил явное неудовольствие; Вителлоццо ничего так не желает, как покинуть поскорее Рим, и с нетерпением ждет, пока окончится сегодняшняя суэта. Меня только удивляет, что Савватий не подает признаков жизни.

— Это — несомненно обманщик. Он, вероятно, боится, что вы накажете его за донну Фиамму, — неуверенно ответил Мигуэлото.

— Однако мне очень хотелось бы повидать его. Я готов отдать тысячу золотых тому, кто его разыщет.

— Можно попытаться, синьор!

— Люди думают, что мое солнце уже заходит, а между тем оно только что показалось на горизонте! — задумчиво проговорил Цезарь. — Я только не понимаю, почему ты

сомневаешься в успехе? Ты, очевидно, считаешь, что для нас все потеряно с того момента, когда на сцена появилась Мириам? Успокойся, еще никогда у нас не было более выигрышного положения.

— Несмотря на то что французы, испанцы, феррарцы, Орсини, Колонна, папа и донна Лукреция поворачиваются к нам спиной? — возразил Мигуэлото, пожимая плечами.

— Все это даже хорошо; уверяю тебя, все они — марионетки в моих руках; стоит мне потянуть ниточку — и они пойдут в ту сторону, в какую я захочу. Испанцы и французы под моим влиянием открыто восстали, я посоветую папе разделить между ними Неаполь; это вызовет кровавые распри, что тоже входит в мои планы. С этой же целью я заставил неаполитанцев прислать сюда Колонна. Орсини совершенно одурачены мной. Сегодняшним требованием они навсегда потеряют связь с папой, и, конечно, браку Паоло с моей сестрицей не бывать никогда. Что касается Лукреции, то она так возбуждена дерзким пренебрежением иоаннита, что во что бы то ни стало хочет влюбить его в себя.

— Следовательно, он должен умереть, синьор?

— Конечно!.. Не может же он жить вечно! Но, во всяком случае, следует выждать, пока Лукреция настолько влюбится в него, что откажется как от брака с принцем Феррарским, так и от всякого другого. Поэтому я и поддерживаю ее фантазию, все время строго следя за тем, чтобы из-за ее каприза не произошло ничего дурного, чтобы он не зашел слишком далеко. В мое отсутствие за ней будет присматривать Фаустина; при малейшем намеке на опасность необходимо тотчас же сообщить папе об истинных намерениях дикого ломбардца; тогда его немедленно вышлют из Рима или другим образом совершенно обезопасят его. Я имею в виду и еще нечто. Нотте и Морта рассказали мне, что Лукреция, напоив феррарца снотворным питьем, хотела помешать ему принять участие в турнире. Мне на руку, что она решила прибегнуть к таким средствам. Постоянно раздражая ее самолюбие рассказами о пренебрежительном отношении к ней иоаннита, можно довести ее до того, что она сама отравит своего рыцаря. Ну, значит, все отлично. Нам осталось устранить только еще одно препятствие с нашего пути, духовника Лукреции. Как я слышал от Фаустины, этот монах настаивает, чтобы моя сестра на покаянии сама призналась папе в своей любви к феррарцу. Лукреция пока упорно отказывается, но я знаю, она не устоит перед продолжительным гневом монаха. Следова-

тельно, нам нужно или отделаться от него, или посвятить его в свои планы. Я предпочитаю первое. Да, мне кажется, и для него будет безопаснее уехать из Рима, так как Орсини донельзя возмущены проповедью Бруно и будут сегодня жаловаться на него папе. Скажи, пожалуйста, как ты думаешь: не любит ли Биккоццо поболтать о своем господине?

— Вы же знаете, синьор, что мы неоднократно получали от него чертовски ценные сведения.

— В таком случае, надо пригласить его в замок Святого Ангела и постараться, чтобы он в присутствии скрытых свидетелей рассказал, что говорит доминиканец о браке Орсини с Лукрецией. Однако пора кончать наш разговор; у тебя есть свои дела, да и у меня их тоже немало.

Отпустив своего наперсника, Цезарь отправился к папе. Он умышленно явился в тот момент, когда весь двор уже был в сборе. Александра VI окружали высшие должностные лица; у огромных позолоченных дверей стояла Лукреция со своими дамами и несколькими благородным рыцарями, среди которых находился Реджинальд Лебофор. Зоркий взгляд Цезаря быстро нашел Альфонсо, затерявшегося среди толпы. Иоаннит сменил свое обычное черное одеяние на ярко-красное; к своему величайшему удовольствию, Цезарь заметил, с какой ненавистью Альфонсо посмотрел на группу, стоявшую возле позолоченных дверей.

Посредине зала заняли место Орсини со своими приверженцами. Прихода Цезаря, очевидно, ждали, и все переглянулись, увидев, как нежно он обнял Паоло.

Когда Цезарь сел на свое место рядом с папой, последний сделал церемониймейстеру знак ввести неаполитанского посланника, Фабрицио Колонна.

Фабрицио вошел один, сдвинув брови и крепко сжав губы; это были единственные признаки, выдававшие его волнение при виде своего злейшего врага.

— Синьор Фабрицио Колонна, — резко проговорил папа, заметив, что посланник долго колебался, прежде чем решился опуститься на колени, — я надеюсь, что поручение, данное вам, окажется более лояльным, чем лицо, которому его вверили.

— Я теперь — только посланник короля неаполитанского, а не Фабрицио Колонна, — ответил храбрый солдат, быстро вскакивая с колен. — Я пришел к вашему святейшеству от имени вашего верного вассала, короля дона Федерико, с жалобой. Вы поддерживаете французов в их намерении овладеть землями, принадлежащими неаполи-

танскому королю. В особенности поощряет французов в этом деле герцог Романьи. Действительно, герцог, вы оставили нас в самом затруднительном положении, тогда как мы рассчитывали на вас, согласно вашему обещанию.

— Я ответственен только перед его святейством за свои поступки, — высокомерно ответил Цезарь. — Считая себя вассалом и другом французского короля, я поеду к нему, как только представится возможность, и лично извинюсь за доставленные ему неприятности.

Последние слова герцога вызвали удивление присутствующих.

— Кроме устного поручения короля неаполитанского, я имею к вашему святейству еще письмо от могущественного испанского короля, близкого родственника моего повелителя. Может быть, по прочтении этого письма герцог Романьи откажется от своей поездки. Синьор Датарий, вы хорошо разбираете любые почерки; пожалуйста, прочтите это письмо вслух.

По знаку герцога, Датарий вскрыл шелковый конверт и прочел содержание послания. Испанский властитель упрекал папу за измену в пользу французов, объявлял, что всеми силами будет защищать интересы неаполитанского короля, и в заключение просил папу Александра сделать Цезаря снова духовным лицом, так как, обладая светской властью, он является виновником всех недоразумений, смут и раздоров.

— Что же тогда будет с моей молодой супругой, если я по желанию испанского короля стану монахом? — серьезным тоном спросил герцог Романьи, чем вызвал общий смех.

— Я стараюсь не забывать, что вы — лишь посланник, синьор Фабрицио; пожалуйста, говорите скорее все, что вам поручено сказать мне! — с трудом скрывая гнев, заметил папа.

— Остальное менее важно, — возразил Фабрицио, — я только обращаюсь к вашему правосудию по двум вопросам. Первый касается женщины, к сожалению, носящей фамилию Колонна; это — Фиамма Колонна, бывшая монахиня; а второй касается наших имений, насильно отобранных у нас.

— Господи, неужели ты, чудовище, еще не насытился кровью, которую твоя партия пьет из каждой поры этой несчастной страны? — воскликнул папа. — Ты жаждешь еще крови, льющейся в жилах несчастного создания? Прочь с глаз наших!.. Уезжай как можно скорей из Рима!.. Ты больше не посланник, а низкий предатель.

— Нет, ваше святейшество, даже мы, Орсини, униженно просим вас вернуть наследникам Колонна отобранное у них имущество! — проговорил герцог Гравина и положил по обыкновению свою руку на эфес меча. — Мы желаем, чтобы вы наложили повязку на раны нашей страны, а Рим истекает кровью от раны, нанесенной Колонна.

Александр был поражен этим доказательством союза между двумя давно враждующими домами и воскликнул:

— Это нечто новенькое: Колонна и Орсини дружески протягивают друг другу руки, союз тигра и волка! Впрочем, я и забыл, что у вас общие интересы. Вам хочется заполучить добычу, хотя бы для этого понадобилось разорвать ее.

— Ваше святейшество, мы просим вернуть Колонна их имущество, имея в виду только их интересы, — вмешался в разговор герцог Урбино. — Что касается нас, то мы желаем только мира с вами, который мы уже заключили с герцогом Романьи. В залог наших добрых отношений мы почтительнейше просим вас немедленно назначить свадьбу донны Лукреции с нашим горячо любящим ее Паоло.

— Лукреция сама ответит вам на вашу просьбу, — возразил Александр и жестом руки подозвал к себе дочь. — Вы полагаете, что можно насильно тащить к венцу женщину?

— Конечно, нельзя требовать, чтобы вы высказались безапелляционно на этот счет! — как бы подчеркивая затаенный смысл грязных слухов о папе и Лукреции, заметил Фабрицо.

Лукреция подошла к отцу с видом разгневанной богини. Она поняла намек Колонна и бросила на него взгляд, полный глубокого презрения.

— Я здесь, святой отец, и всегда готова беспрекословно исполнить каждое твое желание, за исключением того, против которого восстает мое сердце, — проговорила она нежным, но решительным тоном. — Позволь мне, святой отец, удалиться в какой-нибудь монастырь; тогда я, по крайней мере, не буду причинять тебе ни столько забот, ни столько огорчений.

— Если вы пожелаете исполнить эту просьбу, что, конечно, всего лишь шутка донны Лукреции, то дадите нам повод заключить, что вы умышленно подавали нам ложные надежды с целью склонить нас на свою сторону. Без этого брака, на который я имею полное право, согласно данному вами слову, никто из нас — ни Орсини, ни Вителлоццо, ни Урбино — не признаем вашей власти! — воскликнул Паоло Орсини, злобно сверкая глазами.

— Совершенно верно, — подтвердил Вителлоццо. — Вы слишком часто обманывали нас, а потому мы уже давно перестали вам доверять.

— Мы не доверяем вам на основании фактов, которые видим своими глазами, — снова заговорил Паоло. — В вашем присутствии и по вашему приказанию монах читал проповедь против нас. Сама донна Лукреция не станет отрицать, что уже несколько раз назначала тайные свидания посланному из Феррары.

— Что вы скажете в свое оправдание, прекрасная сестрица? — шутливо спросил Цезарь, как бы не придавая никакого значения словам Паоло.

— Молчи, дерзкий мальчишка! Послушаем, что скажет наша племянница, — остановил его папа и устремил пронизывающий, недоверчивый взгляд на Лукрецию.

Красавица изменилась в лице и вся задрожала. Опасения за жизнь иоаннита, который, несомненно, погиб бы, если бы папа узнал об истинной цели его приезда, а еще более о чувствах своей дочери к нему, заставляли молодую женщину признать обвинение справедливым, так как никакого другого исхода у нее не оставалось.

— Действительно, из Феррары приезжал в Рим какой-то посланный с поручением ко мне, но я так мало придавала значения его словам, что даже не сочла нужным беспокоить его святейшество по этому поводу. Синьору Орсини тоже не было никакого основания тревожиться! — смущенно ответила Лукреция.

— Что же это за посланный? Где он? — спросил папа.

Цезарь посмотрел на Орсини так, точно хотел ему сказать: «Видишь, как он умеет притворяться!»

— Я обещала не выдавать этого феррарца, — ответила Лукреция, — но так как о нем спросили меня вы, святой отец, то я расскажу вашему святейшеству, как было дело. Что касается синьора Орсини, то могу сказать для его успокоения, что поручение, данное феррарцу, не достигло и никогда не достигнет цели, как не может ложь оказаться правдой.

— Вам придется удовольствоваться этим, синьор Паоло, — ехидно заметил Цезарь.

— Нет, я не согласен удовольствоваться только этим! — горячо воскликнул Паоло. — Моя душа успокоится лишь тогда, когда я буду обладать тем существом, в которое вложены все мои надежды, мое счастье, вся моя жизнь!

— Зачем вы хотите вывести меня из себя? — грустно проговорила Лукреция. — Ах, как низко пал рыцарский

дух!.. Вы, славный победитель рыцарского турнира, представитель знатного рода, намерены угрозами заставить женщину полюбить вас?!

— Так научите меня, обожаемая донна Лукреция, как мне поступить, чтобы заслужить ваше расположение! — сказал Паоло, склоняясь к ногам красавицы.

— Простите, донна, но этот синьор — не победитель рыцарского турнира, — вдруг вмешался Альфонсо, который слышал разговор Лукреции о феррарском посланнике и объяснил себе ответ Лукреции страхом перед отцом, а не боязнью за его безопасность.

— Как же, синьор? Ведь после того, как вы упали, пальма первенства принадлежала одному из двух оставшихся, и сэр Лебофор признал, что победителем следует считать не его, а Паоло Орсини! — возразила Лукреция, с таким ужасом глядя на Альфонсо, точно видела перед собой призрак.

— В таком случае, если они оба признают, что честно поступили со мной и честно выиграли приз, я называю их лжецами и бросаю им перчатку! — воскликнул принц д'Эсте и с такой силой бросил перчатку, что она пролетела мимо Паоло прямо к ногам папы.

— Успокойтесь, рыцарь! Я — председатель судей турнира и как таковой обещаю вам, что приз будет отдан тому, кого признают победителем беспристрастные французские рыцари, с которыми я посоветуюсь, когда поеду к французскому королю. По возвращении оттуда я решу эту дилемму! — проговорил Цезарь.

— Неужели вы думаете, товарищ по оружию, что я воспользовался вашим несчастным падением для получения приза? — спросил Реджинальд, выступая вперед.

— Я прошу, ваша светлость, передать эту перчатку тому из двух рыцарей, который примет приз, — обратился Альфонсо к Цезарю, не удостоив Лебофора ответом.

— Ради этой перчатки, брошенной нам в лицо, я не отказываюсь от приза! — воскликнул глубоко оскорбленный англичанин.

— Нет, сэр Реджинальд, вы должны дать мне слово, что до моего возвращения из Франции вы сохраните между собой мир! — сказал Цезарь и улыбнулся довольной улыбкой, заметив, каким гневным взглядом обменялись между собой оба соперника.

— Мы, женщины, постараемся, чтобы до вашего возвращения, герцог, рыцарь святого Иоанна оставался пленником в Ватикане, — с искусственной веселостью

проговорила Лукреция и густо покраснела, отчего ее красивое лицо стало еще очаровательнее. — Мы посмотрим, как подействуют на врага женщин красота и любезность моих дам.

— Я не боюсь побитого врага! — ответил Альфонсо с таким презрением, что Лукреция побледнела от оскорбления.

— Слышите, прекрасные дамы, он бросает и вам вызов, — шутливо заметил Цезарь. — Победите этого бунтовщика! Отдаю вам его на хранение и надеюсь, что вы вернете мне его даже в лучшем виде, чем он находится теперь, так как он будет пользоваться вашими милостями.

Альфонсо поклонился и ждал, что папа восстанет против такого решения, но, к его величайшему удивлению, Александр милостиво улыбнулся и благосклонно сказал:

— Мы очень довольны сложившимся положением вещей. Рыцарь недавно выказал такую беспримерную отвагу, что, конечно, нажил себе много врагов; мы опасались за его участь, но раз он остается в Ватикане, то мы можем быть покойны относительно его.

Это предпочтение, оказываемое иоанниту, возмутило Орсини.

— Раз сэр Реджинальд признает меня победителем, — сердито воскликнул он, — то я считаю оскорблением, что мне не отдают выигранного мною приза; этим как будто хотят показать, что действительно считают меня предателем. Пусть у меня отнимают, что хотят, но я никому не позволю задеть мою честь!

— Если вы не хотите настолько рассердить меня, чтобы я навеки отказала вам во всякой надежде заполучить мою руку, то ждите спокойно приговора французских рыцарей! — обратилась к нему Лукреция.

— Будьте довольны, синьор Паоло, если донна Лукреция откажет вам. Вспомните о той крови, которая пролилась в Ватикане, в покоях принца Салернского; кто знает, не дело ли это прекрасных, белых, как лилия, ручек, которых вы так добиваетесь! — проговорил Фабрицио Колонна.

Терпение Александра истощилось.

— Ступай прочь, изменник и бунтовщик, — закричал он, — иначе моя стража выгонит тебя!

— Это — ответ на мою просьбу! — насмешливо сказал Фабрицио. — А что мне передать своему королю?

— Для твоего короля и моего дерзкого вассала, для всех королей вообще у меня существует лишь один ответ: я назначен всемогущим Богом быть главой христианской

церкви и отцом и властителем всех королей. Мне, как отцу, не подобает подчиняться детям; наоборот, они должны исполнять мои приказания. Кто идет против меня, тех я не считаю законными детьми.

— А незаконных детей очень много под покровом святой церкви! — иронически засмеялся Фабрицио.

— Эй, стража! — закричал Александр, побледнев от гнева. — Впрочем, пусть лучше уведет его тот, кто хочет спасти его.

— Мне необходимо еще кое-что сказать вашему святейшеству, — спокойно заявил Фабрицио. — Ввиду того, что вы стараетесь лишь возвеличить своих родственников в утробе святой церкви, король Федерико и король испанский просят передать вам, что, если вы поддержите требования французов, они откажутся признавать вас главой церкви.

— Вот вам благодарность за то, что я уступил испанскому королю половину вновь открытого света! — злобно воскликнул Александр. — Должен вам сказать, что в молодости я изучал римское право и теперь вспоминаю, что по этому праву подаренное имущество может быть отнято обратно, если получивший дар оказывается непочтительным по отношению к сделавшему ему подарок человеку.

— Если бы вы, ваше святейшество, с таким же усердием изучали каноническое право, то вы вспомнили бы, что существуют большие преступления, чем неблагодарность. Тогда ваша дочь не имела бы столько мужей, — возразил Фабрицио. — Однако я вижу, что донна Лукреция дрожит, и лучше промолчу, пока Господь не потребует вас к ответу.

Александр задыхался от злобы, но затем вскочил со своего места и громко закричал:

— Стража, сюда!

На его зов со всех сторон бежался караул, но прежде чем папа успел сделать распоряжение, чтобы Колонна вывели, Лукреция опустилась к ногам отца и умоляла его успокоиться. К ней присоединились кардиналы, Цезарь и посланники.

Благоразумие Александра всегда одерживало верх над его чувствами. Он пришел в себя и нежно сказал дочери:

— Ты права, мое дорогое дитя! Нашему величию не подобает вести споры с мятежниками и бунтовщиками.

С этими словами он взял руку Лукреции и, как разгневанный Юпитер, вышел из позолоченных дверей.

Альфонсо заметил, что Лукреция сделала какой-то знак Лебофору и, подойдя к двери, умышленно уронила платок. Англичанин поднял его и быстро пошел вслед за молодой

женщиной, как будто для того, чтобы передать ей этот платок. Все присутствующие на приеме папы с недоумением переглянулись между собой.

XVIII

Альфонсо д'Эсте был так потрясен всем пережитым в последнее время, что никак не мог разобраться в своих впечатлениях. Он не понимал, каким образом ревнивый папа допускал такую близость англичанина к своей дочери; непонятны ему были также поступки Лукреции. С одной стороны, она очень беспокоилась о его безопасности и заботливо ухаживала за ним, а с другой — настолько ненавидела, что даже хотела лишить его жизни. Он сам не знал, радоваться ли ему или печалиться из-за последних событий, поколебавших власть Борджиа.

Вскоре в Ватикане распространился слух, что герцог Романьи старается помириться с разгневанными феодалами. Судя по тем событиям, которые последовали непосредственно после приема у папы, можно было видеть, до какой степени Борджиа боялись, чтобы власть не ускользнула из их рук. Паоло Орсини внезапно получил титул римского сенатора, и это была честь, которой давно не удостаивался никто из их семьи; затем, согласно жалобе Паоло, патер Бруно был переведен в замок Святого Ангела, в виде наказания за проповедь, в которой он осуждал предполагаемый брак Лукреции с Орсини. Требования Колонна тоже были почти удовлетворены. Фабрицио уведомили, что Колонна получат обратно свои ленные владения, как только будут соблюдены все формальности; донна Фиамма, во избежание разных неблагоприятных слухов, должна была покинуть Рим и, забрав все свое имущество, переселиться в Неаполь. Получив такой ответ, Фабрицио уехал, чтобы посоветоваться со своими изгнанными родственниками, можно ли согласиться на такие условия.

Альфонсо не знал, что Цезарь, пользуясь его присутствием, распространил среди Орсини слух, будто папа ведет с ним тайные переговоры о браке Лукреции с принцем Феррарским; это и вызвало со стороны Паоло требование, чтобы данное ему слово было исполнено немедленно. Услышав о высоком назначении жениха Лукреции, Альфонсо не сомневался, что требование Паоло было удовлетворено, тем более что Вителлоццо покинул Рим вместе со своими приверженцами; а это тоже могло слу-

жить доказательством того, что дело приняло благоприятный для них исход.

В довершение беспокойства Альфонсо вечером в его комнату вошел церемониймейстер Иоанн Бурхард и таинственно сообщил, что его святейшество приглашает его к себе, на половину донны Лукреции, где папа обыкновенно ужинает. Альфонсо не сомневался, что Лукреция в самом непривлекательном виде представила его своему отцу, и был уверен, что оба пламенно желают освободиться от дерзкого обличителя их преступлений. Если бы Альфонсо открыл им свое инкогнито, это могло бы только ухудшить его положение; взвесив все это, он беспрекословно последовал за Бурхардом. Они прошли целый ряд роскошно убранных комнат, которые Альфонсо даже не окинул беглым взглядом. Остановившись у одной из дверей, церемониймейстер приподнял красную бархатную портьеру, и оба очутились в большой комнате, служившей столовой.

По-видимому, приход церемониймейстера с рыцарем не был замечен присутствующими в комнате. Глаза Александра были устремлены на лицо дочери, сидевшей у его ног и напевавшей народную испанскую песенку. Сквозь открытые окна в столовую вливался ароматный воздух; у одного из окон стоял стол, на котором были расставлены фрукты, цветы, конфеты и вино. В почтительном отдалении сидела Фаустина и что-то вязала.

Вероятно, тонкий слух Лукреции уловил шум шагов пришедших; она умолкла, но сделала вид, что не заметила присутствия посторонних.

— Вы, кажется, ваше святейшество, не расположены слушать веселое пение? — обратилась она к папе. — Тогда я лучше спою вам балладу о двух влюбленных, которые должны были расстаться, хотя причиной их разрыва было лишь упрямство.

— Что бы ты ни пела или ни говорила, моя Лукреция, все из твоих уст будет сплошным очарованием! — нежно ответил Александр. — Однако веселая мелодия и впрямь не соответствует моему сегодняшнему настроению.

— В таком случае, вздохи моих влюбленных придется вам по сердцу, мой повелитель! — шутливо заметила Лукреция.

— Нет, Лукреция, не называй меня повелителем, зови меня отцом, любящим тебя отцом! — возразил Александр.

— Да, отец мой, дорогой мой отец, — горячо воскликнула молодая женщина, — отец, заменяющий мне всех на свете! Кроме вас, у меня нет никого, кто любил бы меня,

и вы умеете любить лучше, чем кто бы то ни был. Ах, я и забыла о своей балладе! — И Лукреция затянула своим чарующим, мелодичным голосом грустную песнь о разбитых сердцах. Однако она внезапно прервала ее и воскликнула: — Впрочем, я лучше замолчу, эта баллада навеет на вас, дорогой отец, грустные мысли.

— Я слышал только одно слово — «разлука», и, должен сознаться, оно расстроило меня, — печально ответил Александр. — Где бы ты ни находилась, мое дитя, твоя любовь останется со мной, всегда ты будешь моим ангелом-хранителем и закроешь мне глаза на смертном одре.

— Когда вы так говорите, дорогой отец, мне хочется плакать! — сказал Лукреция, вытирая глаза.

— Что же делать, дитя мое? В семьдесят два года нельзя не думать о смерти; меня она не пугает; единственное, что тревожит меня, так это твоя участь. Ах, если бы я мог быть уверен, что ты будешь счастлива!

— Поговорим лучше о чем-нибудь другом! — воскликнула Лукреция. — Хотите, я спою вам ту песню, которую пела кормилица, когда я была малышкой?

Легкий кашель, от которого не мог удержаться Альфонсо, дал возможность Лукреции объявить папе о его приходе.

— Рыцарь святого Иоанна здесь, — прошептала она, как будто только что заметив его присутствие. — Подойдите ближе, синьор, — обратилась она к Альфонсо. — Я рассказала его святейшеству то, что сама слышала от вашей приятельницы, бывшей в гроте Эгерии. Она сказала мне, что вы приехали в Рим, чтобы навести справки обо мне и о намерениях его святейшества. Для того чтобы облегчить вам задачу, я просила поместить вас во время вашей болезни во дворце, ближе к интересующему вас человеку. Его святейшеству угодно, чтобы вы оставались в Ватикане, так как здесь вы находитесь в безопасности.

Лукреция взглянула на Альфонсо таким умоляющим взглядом, что он смутился, но постарался скрыть свое волнение. Фаустина взяла вязание и ушла из комнаты. Альфонсо проследил за ней мрачным взглядом и, когда она открывала дверь в соседнюю комнату, увидел альков с золотистыми занавесами, на которых были изображены серебряные фигуры апостолов и Богородицы.

— Твоя осторожность, сын мой, вполне оправдана, — начал Александр по уходе Фаустины. — Если герцог Эрколе д'Эсте не отказался от своего давнишнего плана, то оставайся у нас до тех пор, пока мы не выясним вполне

этого дела. Что касается меня, то я всегда относился с большой симпатией к намерению герцога д'Эсте.

Альфонсо чувствовал непреодолимое желание узнать, когда будет свадьба Лукреции с Орсини, а потому тотчас же произнес:

— Герцог Эрколе, ваше святейшество, конечно, очень желает, чтобы его давнишняя мечта осуществилась; но это желание бесплодно, а потому и мое дальнейшее пребывание здесь излишне. Ведь брак ее светлости донны Лукреции с синьором Орсини окончательно решен, и, вероятно, последует очень скоро?

— Ну, после того как я убедился в строптивом, мятежном характере Паоло, после того как он вошел в сношение с Колонна, только крайняя необходимость может заставить меня отдать ему руку моей племянницы. Я только жду возвращения герцога Романьи, чтобы окончательно разделиться с домом Орсини. Попросите своего повелителя яснее выразить его предложение и передайте ему, что вы находитесь у меня в гостях и что я в присутствии своей дочери — да, именно дочери, а не племянницы! — сказал вам, что из всех итальянских принцев считаю достойным для нее мужем только Альфонсо Ферраского. Вы видите несравненную красоту этой женщины, но никто не подозревает, какой клад — ее сердце, как счастлив будет ее муж, которого она окружит своей любовью.

Альфонсо подумал, что в Ватикане раскрыли его инкогнито и папа льстит ему в надежде на помощь феррарцев, которая была бы для него весьма кстати.

— Синьор, — обращаясь к нему, проговорила Лукреция, и ее лицо слегка зарумянилось, — прежде чем говорить о нашей любви к принцу Феррарскому, нужно сначала узнать, любит ли он нас. Я, по крайней мере, слышала, что он всеми силами противится желанию герцога Эрколе.

— В вашем тоне звучит гнев, ваша светлость, — холодно заметил Альфонсо, — а это доказывает, что дом Эсте не пользуется теперь благосклонностью в Риме.

— Вы не можете сомневаться в нашей благосклонности, раз я прошу вас передать своему повелителю, что настолько предан вашему дому, что решаюсь отказаться от единственного утешения на старости лет и отдаю ему редчайшее сокровище на свете! — заявил папа.

— До свиданья, синьор, — проговорила Лукреция, слегка поклонившись Альфонсо. — Господин церемониймейстер, вот все, что хотел сказать вам его святейшество!

Бурхард вышел из зала в сопровождении принца.

Разговор с папой еще более взволновал Альфонсо. Он не сомневался теперь, что Александр действительно искренне желал союза с ним, а тот факт, что Лукреция поместила его во дворец, зная, с какой целью он приехал в Рим, говорил в ее пользу. Непонятным казалось Альфонсо поведение Цезаря. Вдруг его осенила мысль, что герцог Романьи умышленно не противился его пребыванию в Ватикане, чтобы дать посланнику убедиться, в каких отношениях состоит Лукреция со своим родным отцом. Бембо все время боялся покушений со стороны Цезаря на жизнь Альфонсо, и эта боязнь еще усилилась, когда Бурхард передал ему приказание папы, чтобы он не выпускал рыцаря из стен дворца без солидной охраны.

Альфонсо прожил уже много времени почти в полном одиночестве в Ватикане; его раны постепенно заживали. Лукреция, наверное, просто забыла о его существовании, а со стороны он слышал, что она не пропускает ни одного увеселения, везде появляясь в сопровождении Реджинальда Лебофора. Отъезд Цезаря и конец юбилейных торжеств пришлось на один и тот же день. Накануне своего отъезда герцог Романьи устраивал большой бал в честь папы и представителей дома Орсини.

Однажды вечером, когда Альфонсо утешал себя мыслью, что Лукреция вовсе не забыла о нем, а только притворяется, чтобы усыпить ревность своего брата, дверь в его комнату открылась и без всякого доклада вошел Цезарь. Бембо с таким ужасом посмотрел на него, точно увидел перед собой призрак смерти.

— Не бойтесь меня, — проговорил Цезарь, заметив, какое впечатление он произвел на Бембо, — я пришел только для того, чтобы пригласить вашего храброго друга к себе на бал. Кроме того, у меня есть к нему маленькая просьба, но я могу сказать о ней лишь ему лично.

— Желание вашей светлости — закон! — ответил испуганный Бембо, не двигаясь, однако, с места.

— Я вскоре завершу ваш шахматный турнир с тем рыцарем, — улыбаясь, обратился Цезарь к Альфонсо, — еще один-два хода — и игра будет окончена. Скажите, вы не боитесь оставаться один в этих мрачных комнатах?

— Как можно назвать мрачным помещение, достойное самого короля? — в свою очередь спросил Альфонсо.

— Ну, тем лучше для вас, что оно вам нравится. Следовательно, вы не слышали ничего о том, что связано с этими комнатами? — серьезным тоном спросил Цезарь. — Ваше преподобие, — обратился он к Бембо, — не будете

ли вы любезны оставить меня на несколько минут наедине с вашим другом?

Бембо со страхом посмотрел на своего господина.

— Да, брат мой, можешь идти спокойно, — сказал ему Альфонсо, кладя руку на свой меч, — я не чувствую слабости; встань вон у того окна; ты сможешь прийти ко мне на помощь, если я почувствую себя дурно.

— Я хочу говорить с вами об одной женщине, — начал Цезарь, когда Бембо удалился, — а такой разговор требует тайны.

— Меня удивляет, герцог, что вы собираетесь говорить со мной о женщине! Вы знаете, что в этом вопросе я — совершеннейший профан, — удивленно возразил Альфонсо.

— Вот именно, зная ваш строгий взгляд на женскую добродетель, я и решил обратиться к вам с просьбой охранять в мое отсутствие одну женщину, которая очень дорога мне, даже, может быть, слишком дорога. Вы, конечно, догадываетесь, о ком я говорю. Я вполне уверен, что у вас нет никакого основания любить фатоватого англичанина, но, может быть, в память прежней дружбы вы согласитесь предостеречь легкомысленного юношу от той опасности, которая ему угрожает. Этот молодой человек очень красив, нравится женщинам и в мое отсутствие может позволить себе лишнее. С болью в сердце я не могу не согласиться, что многие слухи, распространяемые о близкой мне даме, совершенно верны. Предостерегите несчастного юношу; напомним ему, что у него есть сильный соперник, который ни перед чем не остановится, даже перед убийством.

— Я не понимаю, о какой даме вы говорите и кто такой этот соперник? Мне кажется, ваша светлость, что вы-то, во всяком случае, не допустите никакого соперника! — заметил Альфонсо.

— К сожалению, такой соперник имеется, — со вздохом проговорил Цезарь. — В свою очередь считаю долгом предупредить вас, что вам хотят отомстить и под видом радостного свидания приведут вас к гибели, как это уже сделали с моим несчастным братом. Ах, Боже, я проговорился! Ну, да теперь уж ничего не поделаешь. Вы не представляете себе, рыцарь, на краю какой бездны вы стояли, когда велели безумной еврейке рассказать о смерти герцога Гандийского. Несомненно, вы делали это в угоду папе, но от всей души советую вам не вмешиваться больше в дела подобного рода.

— Неужели я похож на шпиона и предателя, что вы навязываете мне такую роль? — возмущенно спросил Альфонсо.

— О нет, благородный рыцарь, вы не поняли меня! — горячо воскликнул Цезарь. — Я прошу от вас только не-большой чисто христианской услуги. Должен сказать вам, что кормилица Лукреции, Фаустина, по некоторым причинам очень предана мне и сообщает все, что делается при дворе папы. Как видите, я ни в каком шпионе не нуждаюсь. Я только хочу, чтобы вы вовремя остановили безрассудного юношу, вашего бывшего друга, когда наш домашний соглядатай Фаустина доложит вам, что опасный момент наступил.

Это был очень хитрый ход: Цезарь возбудил ревность в Альфонсо и вполне рассчитывал на то, что результатом ее явится ссора между иоаннитом и англичанином; отношения Лукреции к последнему совсем не нравились ему, равно как и ее предполагаемый брак с принцем Феррарским. Чтобы расстроить это, он и придумал новую интригу. Альфонсо попался на удочку. Цезарь внутренне рассмеялся, увидев смущенное молчание Альфонсо, доказывавшее без слов, что он согласен на его предложение. Чтобы не дать ему времени одуматься, он перевел разговор на другую тему и снова повторил свое приглашение.

Однако, ссылаясь на свои еще не вполне зажившие раны, Альфонсо отказался от этого приглашения.

— Простите, пожалуйста, я совершенно забыл о вашей болезни и так долго утруждал вас! — испуганно проговорил Цезарь, поднимаясь со своего места и дружески прощаясь с больным.

Наконец он ушел, успокоив расстроенного до последней степени Бембо.

А в душе Альфонсо снова поднялись муки ревности и гнева по отношению к папе, Лукреции и Реджинальду Лебофору.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

I

Бемптон, старый слуга Лебофора, состоявший в звании оруженосца и командовавший небольшим отрядом вооруженных людей, как будто только и ожидал несчастного исхода турнира, чтобы усилить затруднения молодого рыцаря. Он был приставлен к пылкому юноше скорее в качестве руководителя и дядьки, чем для исполнения обыкновенных обязанностей слуги, однако теперь обнаружил мало такта в выборе момента и способа излить давно накипевшее в нем неудовольствие.

Лебофором успела уже овладеть тайная и, пожалуй, бессознательная страсть, ставшая, благодаря роскошному климату Италии, неодолимой. Воспламененный, с одной стороны, одобрением Лукреции и тем лестным восхищением, которого он удостоился в ее присутствии, а с другой стороны — озлобленный злословием и явной враждебностью Альфонсо, он с затаенной досадой выслушивал наутро после турнира пространную речь своего оруженосца, резко порицавшего иностранок, и в особенности — итальянок. Однако юноша не решился опровергать эти поучения, тем более что Бемптон свел разговор на похвалы кухне и невесте рыцаря, мисс Алисе Бофор, а в заключение сказал, что надо безотлагательно хлопотать о церковном разрешении на этот брак, которого легко добиться при благосклонности папской племянницы.

Эти слова были так справедливы, так внушительно подкреплялись взором старика и собственным сердцем Лебофора, что он обещал немедленно приступить к необходимым хлопотам. Между тем протекло много дней, а Лебофор, хотя и постоянно вращался в обществе Лукреции, не обмолвился еще ни одним словом об этом деле. Правда, каждый раз идя в Ватикан, Реджинальд собирался изложить свою просьбу, но стоило ему попасть туда — и его намерения разлетались прахом. К несчастью, Бемптон сам подавал ему повод действовать таким образом, представляя

влюбленному юноше опасность его дальнейшего пребывания в Италии, после того как он навлек на себя гнев могущественного повелителя Феррары. Реджинальда возмущала мысль удалиться оттуда по соображениям личной безопасности, и он отговаривался различными предложениями, лишь бы оттянуть отъезд из Рима.

Однако в оправдание юноши надо заметить, что после тревожной ночи, последовавшей за прощальным пиром Цезаря, на котором Лукреция явно отличила его, Реджинальд пришел к решению поспешить к ней на следующий день и добиться разговора наедине, чтобы изложить свою просьбу. Он был уверен, что при безграничном влиянии Лукреции можно было скорее достичь успеха этим путем, чем подачей прошения в папскую канцелярию. Однако перед этим ему вздумалось предварительно посоветоваться о своем деле с Орсини. Последний стал убедительно просить его отложить этот план, так как всякое подозрение насчет Реджинальда рассеялось теперь в его душе и он почувствовал к нему прежнее расположение после великодушного поступка молодого рыцаря на турнире. Однако Лебофор упорствовал в своем намерении, так что Паоло, наконец, стал просить его присутствовать на своем бракосочетании с Лукрецией. Свои расчеты на этот брак он основывал на следующем. Дворянство вступало в союз с Цезарем Борджиа и, в то время как последний действовал в Милане, стараясь усыпить подозрительность французов, дворяне хотели собрать свои военные силы под предлогом нападения на Пиомбино с целью вернуть его церкви, долгое время спорившей с родом Аппиани за обладание этой страной. Но в действительности вместо этого союзники намеревались после соединения с Цезарем внезапно напасть на Тоскану, чтобы восстановить в ней господство Медичи. Получив такое подкрепление, папа, как рассчитывал Паоло, должен был уступить желаниям семейства Орсини отдать ему руку своей дочери.

— Когда же моя цель будет достигнута, — со смехом прибавил Паоло, — то замыслы Цезаря против Феррары осуществляются еще не скоро.

Размышления Реджинальда об удивительных хитро-сплетениях итальянской политики вскоре вытеснили иные помыслы более приятного свойства. Молодым людям принесли богато разрисованные арабесками и любовными эмблемами грамоты на звание членов двора любви, основанного Лукрецией. Из числа своих приближенных она выбрала двадцать самых красивых и наиболее талантливых

дам, которые с таким же числом кавалеров, отличавшихся теми же качествами, составили академию, где самой Лукреции предстояло занять председательское кресло. В академии были избраны Паоло Орсини, Лебофор, Бембо, Макиавелли, кардинал Медичи и другие лица, одаренные остроумием и поэтическим талантом. Предполагаемой целью этого учреждения было обратить неподатливого иоаннита к сладостному учению любви. С таким намерением члены академии сговорились собираться в каком-нибудь месте, указанном очаровательной председательницей: или в одном из ее садов Ватикана, или во дворцах друзей, удостоенных столь высокой чести. Собrania должны были происходить по вечерам три раза в неделю. Первые заседания были назначены в винограднике Ватикана, как назывались прекрасные сады, покрывающие теперь холм, но должны были состояться лишь через неделю после отъезда Цезаря, когда иоаннит оправится от своей раны.

Альфонсо нетерпеливо ожидал выздоровления. Он хотел лично убедиться, как далеко простиралась близость между Лукрецией и Лебофором, и вместе с тем для него было истинным блаженством смотреть на нее хотя бы глазами навеки изгнанного духа, который заглядывает через решетку рая. Порою ему казалось, что желанный день никогда не наступит, однако он наступил.

Сборным пунктом для членов академии было назначено дивное место Ватикана. Аркады виноградных лоз, переплетавшихся с ярко-зеленой весенней листвой и роскошными цветами, поднимались уступами на возвышенность и, сходясь вместе, образовывали тем подобие звезды и навеса над густым ковром зеленеющей лужайки, в середине которой бил фонтан. Между аллеями виноградных лоз, а также среди множества розовых кустов и высоких кипарисов открывались великолепные виды на окрестности и на город, благодаря чему эта возвышенность называлась Бельведером¹.

Альфонсо решил присоединиться к гостям, явившимся последними, и, поднимаясь на первую террасу, увидал, что здесь принята предосторожность; все должны были проходить мимо караула из красивых детей, одетых амурами, которые защищали вход своими маленькими серебряными луками; каждый посетитель был обязан отдавать им свое оружие и обещать вести себя со всеми вежливо и миролюбиво. Это показалось подозрительным иоанниту,

¹ От итальянского *belvedere* — прекрасный вид.

но он все же дал такое обещание, нетерпеливо поспешил затем вперед и вскоре очутился среди вновь учрежденной академии.

Перед фонтаном был разостлан круглый, богато затканый цветами и фруктами ковер, вокруг него на зеленых бархатных подушках низких плетеных кресел восседали двадцать избранных членов по обеим сторонам председательского кресла, возвышавшегося на лужайке. На нем сидела Лукреция, увенчанная диадемой из чиртов и роз, а прочие дамы надели на себя только гирлянды из тех же цветов. Лебофор и Орсини помещались справа и слева председательницы, а напротив нее, на самом отдаленном краю круга, было приготовлено место для Альфонсо.

Когда он подошел, Лукреция вела оживленный разговор с Лебофором; в ее игривом кокетстве и даже страстных взорах рыцаря было что-то такое, что успокоило ревнивые опасения влюбленного, но ему не понравилось, что внезапно краска ударила ей в лицо, когда она отвернулась от Реджинальда, чтобы приветствовать его с холодной вежливостью, а также обнаруженная ею тревога, когда она, видимо, преодолевая это чувство, приказала всем присутствующим вменить себе в обязанность нерушимое согласие и приветливость во время заседаний. Устремив на Альфонсо довольно грозный взгляд, Лебофор заявил, что не желает отступать от своих прав; таким же строгим взором и Альфонсо выразил свое согласие. Потом он занял назначенное ему кресло, единственное украшенное цветочными гирляндами.

После того все стали единодушно просить у прекрасной председательницы объяснения, в чем должна заключаться цель основанной ею академии и какого рода услуг ожидает она от тех, кто был удостоен звания ее членов. Не бросив ни одного взгляда на иоаннита, она улыбнулась Лебофору и сообщила, что академия поставила себе задачей обратиться на путь истины такого мрачного и закоренелого противника любви, как феррарский рыцарь, а так как любовь — столь высокое и несравненное благо, что пренебрегать ею могут только люди, не знающие ей цены, то члены академии должны рассказывать на собраниях истории о действии и могуществе любви, счастливые или несчастные приключения, воспевать в стихах или в песнях нежную страсть, стараясь рассеять или опровергнуть любые сомнения, какие могут возникнуть у непокорного, и заканчивать каждое из своих заседаний танцами, музыкой и невинными развлечениями или чем-нибудь иным, способным внушить то див-

ное чувство, против которого восстает только один иоаннит. В заключение председательница предложила, чтобы каждый академик, во избежание скучных формальностей, избрал себе имя, приятное для него, которым он и будет зваться в академии.

Бембо тотчас предложил, чтобы Лукреция, служившая средоточием и солнцем счастья для всех членов очаровательного кружка, называлась просто Светом. Тут она, поспешно обернувшись к Лебофору, спросила, согласен ли он быть ее Подсолнечником, когда же тот охотно принял это имя, Альфонсо заявил, что желает называться Мраком, ввиду того что его мнения противоположны мнениям председательницы. Он не подозревал, насколько повредил себе, резкостью своего поведения невольно обнаружив обуревавшие его чувства; но Лукреция чутким женским инстинктом угадала, что ревность Альфонсо может быть возбуждена.

После того как эти приготовления были закончены, Лукреция предложила Бембо открыть прения. Последний, улыбаясь, заявил, что прежде всего нужно согласиться между собою насчет сущности любви, изложить ее законы и поставить ее себе задачей.

Это предложение было единодушно принято всеми, и затем последовала беседа, которую не мешало бы увековечить на этих страницах за ее блестящее красноречие, если бы она не отличалась сладострастной окраской, допускавшей нравы того века и той страны. Сам Платон был бы, пожалуй, поставлен в тупик хитроумием иных из этих объяснения, а Сапфо¹ невольно бросило бы в краску от чувственного пыла других. Между тем все общество разразилось громким хохотом, когда Лебофор, воображая, что он следует общему примеру, откровенно, но страстно признался в своем чувстве, которое заполнило его сердце. Орсини определил любовь как желание быть воздухом, окружающим Лукрецию, а Макиавелли, осмеяв эту сентиментальность, утверждал, что любовь есть желание попасть в сети Вулкана. Альфонсо, само собою разумеется, сочли неспособным выразить свое мнение по этому предмету, но объяснение самой Лукреции и он нашел резко противоречившим ее характеру. Любовь, сказала она, есть

¹ Сапфо (греч. Psappho) — выдающаяся древнегреческая поэтесса VII—VI в. до н. э. Родилась на о. Лесбос, позже переехала в Сиракузы, где стояла во главе кружка знатных девушек, обучая их музыке, сочинению песен и танцам. В ее лирике — темы любви, нежного общения подруг, красоты природы и женского обаяния.

желание души слиться с другою душой, чтобы избежать одиночества, при котором мир превратился бы в пустыню.

Обсуждение темы продолжалось с неослабевающей живостью до тех пор, пока на темно-синем небе не взошла луна. Тихая прелесть и угасающие краски вечера гармонировали с беседой молодежи, и время пролетело незаметно до прихода посланного с докладом, что папа хочет садиться за ужин. Так как Лукреция всегда ужинала вместе с отцом, то академия решила проводить ее во дворец. Вдруг в начале аллеи, которая вела к башне Борджиа, из кустов неожиданно выскочил монах, пал на колени перед Лукрецией и подал ей письмо.

Вся живость молодой женщины тотчас пропала. Бледная и дрожащая, она отвернулась и вскрыла конверт, приказав монаху встать. Однако тот не поднимался с колен, с мольбою сложив руки.

— Я не могу... не должна... не хочу... — заговорила наконец Лукреция в очевидном смущении. — Передайте Бруно, что никто сильнее меня не сожалеет о его аресте, но исполнить его просьбу я не в силах. Скажите ему, пусть он подождет; в несколько дней могут произойти важные перемены. Скажите ему... Ах, право, не по недостатку сострадания отказываюсь я ходатайствовать за него! Но скажите ему, падре Биккоццо, что его слова оскорбляют меня, и он должен поискать себе другого посредника.

При этих неожиданных речах Биккоццо громко зарыдал, стал умолять Лукрецию и горько сетовать на то, что он своей необдуманной болтовней дал врагам Бруно предлог арестовать его. Однако Лукреция с несвойственной ей суровостью отвергла все его мольбы и приказала страже выпроводить монаха, если он не удалится добровольно. Затем она пошла дальше, явно преодолевая стыд и упреки совести, и стараясь своим видом поддержать гордый и гневный тон своего ответа.

Прошло несколько дней.

Основываясь на личных наблюдениях, Альфонсо не сомневался более, что Лебофор вытеснил его из сердца Лукреции и что его личное несчастье и благополучие его соперника вскоре сделаются полными. Он даже пришел к тому заключению, что при всей невинности первых заседаний новой академии под руководством Лукреции они вскоре перейдут в разнузданность и будут доставлять ей удобные случаи, которыми она, по слухам, умела отлично пользоваться.

Между тем ее чары действовали неотразимо на избранную жертву. Альфонсо был окружен всем, что способно разжигать чувственные страсти; его воображение подстрекалось пылкой поэзией и яркими описаниями, в которых изощрялись рассказчики любовных историй; он находился постоянно под влиянием дивной красоты Лукреции с ее разнообразными приманками, и, таким образом, страсть, пожиравшая его, возрастала ежечасно, несмотря на все его старания преодолеть ее.

Чем более Альфонсо, находясь в близком общении с Лукрецией, понимал редкое сочетание прелести с ее поразительно блестящим, хотя и не лишенным женственности умом, и неистощимое сокровище нежности и кротости, таившееся в ее сердце, тем сильнее становились его ревность и муки отвергнутой любви. Он не мог более сомневаться в том, что им пренебрегли. Холодность красавицы к нему, равно как и поощрение, которое встречал от нее Лебофор, служили ему доказательством этого. С целью утвердиться в своих намерениях он старался воспользоваться своим положением, чтобы собрать против Лукреции улики, которые внушили бы ему отвращение к ней и вооружили бы его против ее чар. Но, как ни подозрительно думал Альфонсо о необычайной нежности, которую обнаруживал папа своим крайним снисхождением к Лукреции, — сейчас же находилось объяснение всему этому: ведь и тайные свидания между ними, и неограниченного влияние Лукреции на Александра VI вызывались опасностями, по-видимому, грозившими могуществу дома Борджиа, а очарованию Лукреции способствовали ее красота, таланты и отвращение к Цезарю.

Да, танцовщица-сицилианка выразилась очень метко, сказав, что там, где отсутствует светлый дух любви, неминуемо явится мрачный. И этот дух нашептывал Альфонсо, как безрассудна была принесенная им жертва, какое великое счастье оттолкнул он от себя из-за призрака, потому что не чем иным, как призраком, было овладевшее им сомнение, ради которого он пренебрег представлявшимся ему блаженством.

«Из-за чего именно ты отказался от прекрасной возлюбленной? Из-за того, что не мог облечь ее священной целомудренной прелестью супруги? Но разве уже слишком поздно? — продолжал нашептывать ему дух. — Ведь Лукреция некогда любила тебя, да еще и теперь в ее взорах загорается порою отблеск прошлого!»

Вдобавок на горизонте появилась новая опасность. Шансы Паоло Орсини на брак с Лукрецией поддерживались

обстоятельствами, которые, по-видимому, обеспечивали за ним успех, но эти обстоятельства были политического свойства, так как холодность Лукреции по-прежнему стояла на точке замерзания. Дело в том, что Цезарь по прибытии в Милан стал во главе церковного войска, как назывались военные силы союзного дворянства, и немедленно произвел нападение на Тоскану, а это давало ему как будто все шансы на восстановление владычества Медичи.

Постепенно под влиянием все разгоравшейся страсти Альфонсо пришел к мысли, что для соперников, так жестоко оскорбивших его, самой горькой чашей был бы его успех у Лукреции. Мало-помалу эти рассуждения перешли в действия, Альфонсо стал с меньшей горячностью опровергать доказательства, приводимые членами академии любви, и Лукреция вскоре заметила общую перемену в его обращении с нею; но она сама относилась к нему так, словно пламенные взоры, выдававшие пыл и нечестивый пламень его сердца, лишь еще более отталкивали и оскорбляли ее. Однако эта целомудренная холодность Лукреции и то гордое презрение, с которым она смотрела на него, только усиливали безумие желаний рыцаря, несмотря на всю их безнадежность. Члены академии, заметив смягчение прежних строгих правил Альфонсо, безжалостно подтрунивали над ним, но он нисколько не обижался на это, не скрывал того, что поддался убеждениям своих новых товарищей, и, хватаясь в своем отчаянии за соломинку, пришел к мысли, что, заявив о своем обращении, он может воспользоваться случаем для любовного признания, пыл которого, пожалуй, вновь зажжет в сердце Лукреции бывшее чувство к нему.

Он не составлял себе определенного плана, не ставил определенной цели, но, в конец измученный равнодушием Лукреции, попросил Фаустину доложить своей повелительнице, что он считает себя совсем обращенным, но желает лишь краткого разговора наедине для разъяснения еще некоторых сомнений, прежде чем заявить перед собранием о своем отречении от прежнего заблуждения.

Трудно представить себе тот восторг, который испытал Альфонсо, когда Фаустина принесла ему ответ, что Лукреция пойдет на другой день под вечер в сады Эгерии и даст ему там аудиенцию перед открытием заседания академии, которая должна собраться в этом месте по ее распоряжению.

Впервые со дня своего прибытия рыцарь снял с себя свою обычную неуклюжую одежду и одел костюм из чер-

ного бархата, с роскошной отделкой из драгоценных кружев и золотого шитья, а к плечу прикрепил шелковый шарф белого цвета, избранного Лукрецией. Затем он тайком оставил Ватиканский дворец и вступил в долину Эгерии, обуреваемый страстями и воспоминаниями, которые отнимали у него не только всякую силу, но всякое желание сопротивляться.

Поджидавшая его Фаустина сообщила ему, что Лукреция отпустила своих приближенных дам, предоставив им забавляться по-своему в саду и собирать цветы для гирлянд. Последние предназначались для круглого храма, сплетенного из ветвей и цветов и стоявшего в центре лабиринта, прозванного Минотавром по античной статуе, служившей ему украшением. Обрадованный Альфонсо надел на палец старой кормилицы дорогое кольцо, сказав, что дарит его в знак благодарности за ее внимание к нему во время болезни, и не чуя под собою ног поспешил вперед. Однако, едва перед ним показалась сквозь просветы листвы увитая розами арка храма, его сердце забилося так сильно, что ему пришлось остановиться, чтобы перевести дух. В этот момент Альфонсо услышал голос, но не Лукреции, и с щемящей болью в груди притаился в кустах, чтобы убедиться, насколько основательно шевельнувшееся в нем познание.

Минотавр, отлитый из бронзы, представлял собою чудовищного быка, лежащего на мраморном полу храма в позе только что сраженного смертельным ударом Тезея, с опущенной к земле головой; его могучая шея и спина образовали удобное сиденье, и Альфонсо увидел, что, полулежа на нем, Лукреция плела гирлянду из цветов, грудой лежавших перед нею. Возле нее, прислонившись к пьедесталу колонны, стоял Лебофор с несколькими венками на руке; он говорил о чем-то тихо и страстно, а Лукреция отвечала ему равнодушным тоном, бойко смеясь и устремив взор на свою работу, вследствие чего глубокое волнение молодого англичанина, по-видимому, не замечалось ею.

Лебофор до настоящего дня не сделал еще никакого дальнейшего шага для разрешения своего брака с двоюродной сестрой; он только сказал Лукреции, что хочет попросить ее о поддержке своего ходатайства перед папой, когда у нее будет время выслушать его. В то утро молодой человек был немало удивлен известием, что она готова принять его в своем саду перед заседанием академии и изложить папе его просьбу по возвращении во дворец. Это сообщение было получено Реджинальдом вместе с советом хранить его

в тайне. Последнее обстоятельство возбудило в нем пылкие надежды и опасения, но он не хотел вдаваться в них и повиновался приказанию Лукреции, решительно отбросив все размышления, чтобы не вызвать нового препятствия — в своей совести.

Альфонсо не догадывался, что Лукреция была уведомлена о его приходе таинственным знаком; но едва он очутился вблизи нее, она нетерпеливо перебила Лебофора:

— Довольно, довольно! Полагаясь на ваше рыцарское слово, я готова поверить, что я прекрасна, как морская пена, если этого будет с вас достаточно; скажите, однако, в чем заключается ваша просьба? Мы получили благоприятные известия из Милана и его святейшество особенно расположен сегодня оказывать милости.

Смущенный Лебофор помолчал, после чего с усилием, которое не осталось незамеченным, в отрывистых словах изложил свою просьбу о разрешении ему жениться на двоюродной сестре, которая была помолвлена раньше с его братом.

— Значит, вы любите англичанку и хотите навсегда покинуть меня? — спросила Лукреция с заблестевшим взором, который пронизал Реджинальда насквозь.

— Да, я люблю, люблю! — ответил он дрожащим голосом, с побледневшим лицом. — Я люблю... нет, я обожаю, боготворю тебя... одну тебя... чудная Лукреция! Прочь все посторонние соображения! Пусть предадут меня самой лютой казни, если я лгу, только бы мне умереть у твоих ног! — И в порыве страсти Реджинальд бросился перед нею на колени.

— Вот вы как раз приняли позу, удобную для примерки венка, который предстоит вам надеть сегодня вечером, — сказала Лукреция, беззаботно смеясь, точно признание Лебофора было самой обыкновенной речью, и шутя наклонилась к нему, чтобы надеть венок.

Вероятно, ее намерением было явно выказать рыцарю свое благоволение, но она не рассчитала силы чувства, превозмогшего в его груди остальные порывы, и внезапно очутилась в объятиях юноши.

Лукреция отскочила назад и воскликнула:

— Так вот какова твоя верность твоей приятельнице, твоя почтительность к дочери Александра! Но нет, я знаю твой честный нрав, — прибавила она, повернувшись к оторопевшему рыцарю, когда послышался шорох в кустах, — и потому согласна принять это за карнавальную шутку и наказать тебя.

Говоря таким образом, молодая женщина бросила цветами в смущенного и пристыженного Реджинальда.

В этот момент показался Альфонсо.

Очевидно, довольный энергичным отпором, который встретил от нее Реджинальд, иоаннит пылко приветствовал Лукрецию, а затем, после церемонного поклона сопернику, напомнил ей, что выпросил себе аудиенцию наедине, чтобы откровенно изложить ей обуревавшие его сомнения.

— Я боялась, рыцарь, что ваши вопросы окажутся слишком трудными, чтобы их могла разрешить неученая женщина, — с поразительной холодностью ответила она, — а потому позвала на подмогу вот этого ученого доктора академии и должна удержать его при себе. Он просветил меня насчет некоторых вещей, о которых я не имела понятия.

Альфонсо стал настолько же мрачен, насколько повеселел Лебофор, однако превозмог себя и произнес:

— Во-первых, я хотел бы знать, может ли истинная любовь до такой степени угаснуть в женском сердце, чтобы от нее не осталось и следа?

— Об истинной любви я не могу сказать это; ведь вам известно лучше, чем всякому другому, что я неспособна к ней; но если поверх грубого и запутанного наброска должна быть нарисована новая и более совершенная картина, то было бы жаль, если бы от прежнего остался след.

Лукреция высказала это с такой явной холодностью и презрением, что Альфонсо был жестоко уязвлен ее словами.

— Тогда я снова впаду во все свои прежние ереси, — с горечью произнес он. — Мне всегда было противно смешиваться с толпой и быть любимым лишь в качестве одного из многих. Если женская любовь такова, тогда ничто не привлекает в ней моей души, и она возвратится к своему прежнему покою.

— От этой мысли на нас веет холодом, несмотря на знойные лучи солнца над нашей головой. Подите сюда, Лебофор, иначе мы превратимся оба в ледяные сосульки.

— Я удалю с ваших глаз зиму, из опасения, чтобы горячность рыцаря не воспламенила также и меня, — горьким тоном заметил Альфонсо и удалился так внезапно, что Лукреция не успела остановить его.

В этом недовольном настроении, в этом отчаянии иоаннит посетил Бембо, сообщил ему свои наблюдения и резко прибавил, что так как влюбленные пришли ко взаимному соглашению, то он не желает быть дольше свидетелем из-

мены Лебофора, чтобы не дать воли своей досаде. Он поручил Бембо извиниться за него в том, что он не может присутствовать на дальнейших заседаниях академии и принимать участие в прочих увеселениях во время продолжавшегося поста, так как из-за них он соблюдал последний недостаточно строго, как это требовало его положение члена духовного ордена.

Бембо ответил, что женщина, подобная Лукреции, опасна для каждого, и охотно взялся исполнить возложенное на него поручение.

К вечеру Альфонсо получил известие, что его отсутствие ничуть не помешало общему веселью и что Лукреция еще никогда не была оживленнее и радостнее, как в этот день. Он оставался запершись у себя в комнате, как будто погруженный в молитвы, а в это время двор задавал все более и более многочисленные и блестящие празднества. Бембо постоянно ворчал о явных доказательствах благоволения Лукреции к Лебофору, и это доставило новую пищу самым жестоким опасениям Альфонсо. В то же время он заметил, что его зорко стерегли, так что у него даже явилось опасение, что он скорее играет роль арестанта, чем гостя в Ватикане.

Между тем возвращение Цезаря, которое должно было освободить участников турнира, постоянно откладывалось, а благодаря успешным действиям Орсини в Тоскане стало очевидно, что они вскоре займут в Риме господствующее положение. Терпение Паоло, казалось, питала преимущественно эта надежда, как вдруг все внезапно переменялось. Союзные дворяне, навлекшие на себя ожесточенную ненависть флорентийцев своими опустошениями, деятельно готовились к осаде столицы, но были неожиданно остановлены могущественными приказами французского короля. Французское войско со своей стороны готовилось выступить против Неаполя, и Цезарь заявил, что должен повиноваться королю, вернувшему ему вновь свою благосклонность, и что церковное войско примкнет к французам согласно воле его святейшества. Его слова произвели действие громового удара при ясном небе. Союзные дворяне увидели теперь, что их ловко перехитрили и что им остается только заодно с партией Борджиа заискивать у французов.

Однако Цезарь и Александр сумели подговорить неаполитанского короля Федерико заключить союз с испанцами, и когда прибыли французские полководцы со своим войском, численность которого, правда, была далеко недостаточна для затеянного предприятия, то после торжественно-

го богослужения в присутствии папы было объявлено о заключении этого союза, в результате которого Неаполь должен был быть разделен между французами и испанцами. Конечно, все это дело приукрасили разными мнимыми предложениями, на несчастного неаполитанского короля возвели разные обвинения, чтобы затушевать интригу папы и Цезаря, однако столь явное предательство участников этой политической комбинации возмутило даже наиболее бессовестных государственных мужей. Французы не могли особенно протестовать, не располагая достаточными военными силами, и примирились с положением, а Борджиа торжествовали.

Все Орсини, и в первую очередь Паоло, чувствовали, что они впутались в игру, в которой потерпели поражение, а нескрываемое торжество партии Борджиа еще усиливало в них чувство унижения. Но им приходилось подавлять свои тревоги и гнев, и они собрались в большом числе, чтобы участвовать в пире, который хотел дать папа в честь французских полководцев. Цезарь сам пригласил Лебофора с иоаннитом и велел передать им, что после совещания с французскими рыцарями он намерен объявить решение судейской коллегии о результатах турнира.

II

Молва о роскоши и великолепии папского двора в какой-то мере подготовила французских полководцев к тому, что они встретят здесь большую изысканность, однако и они были просто поражены, увидев в громадном зале башни Борджиа изумительное зрелище. Блестевшие позолотой потолок, обои и бархатные драпировки, украшенные чудесами искусства эпохи Возрождения, простирались, насколько мог окинуть взор, и заканчивались галереей, откуда ряд террас вел наверх, к восхитительным дворцовым садам, листья которых отливала серебром в прозрачном воздухе. Длинную галерею заполняла прислуга в дорогой одежде, пажи и вооруженные люди, которым предстояло обслуживать во время пира многочисленных гостей, так как папа пригласил к себе весь офицерский корпус французского войска. Посредине галерея образовывала круглый зал, над которым возвышался купол, густо покрытый серебряной пылью и опиравшийся на беломраморные колонны с коринфскими капителями. Это было самое парадное место: тут на возвышении под балдахином восседал глава церкви.

Тут же сидели Лукреция со своим женским штатом, французские полководцы и прочие знатные гости. Тройчатые жезлы архиепископов и епископские посохи перемешивались с копьями, блестящими боевыми секирами и жезлами герольдов, потому что за каждым стулом стоял представитель духовенства в расшитой золото стóле¹ или еще более нарядный герольд, или паж в берете с пером, и все они предназначались для услуг дамам, рыцарям или высоким духовным особам. Античные статуи украшали все простенки. В полированном мраморном полу отражались серебряные вазы великолепной художественной работы, стоявшие в промежутках вокруг зала; в них дивно благоухали цветы. Столы были покрыты камчатыми скатертями, затканными золотом, и уставлены сосудами, украшенными драгоценными камнями.

В последнее время Цезаря сильно сбивали с толку донесения его шпионов, и он не без мучительного подозрения поглядывал на рыцаря Лебофора, статная фигура, цветущее лицо и великолепная одежда которого возбуждали всеобщее внимание, зависть и любопытство, когда было замечено, что Лукреция отличала его своею сияющей улыбкой. Чело Цезаря омрачилось, когда он увидел, как равнодушно отворачивалась она от иоаннита и в какую глубокую грусть был погружен феррарский рыцарь. Цезарь старался подавить свое беспокойство и рассыпался в преувеличенных похвалах Лебофору, представляя его французским полководцам.

Пир происходил с обычной пышной торжественностью. Красота Лукреции вызывала величайшее воодушевление среди французских рыцарей и сияла особенным блеском. Зная слишком хорошо дурную славу, ходившую о ней, молодая женщина старалась опровергнуть ее контрастом увлекательной живости и остроумия, которые слишком редко бывают уделом тех, кого осаждают мрачные мысли, вызываемые сознанием своей виновности в тяжких преступлениях. Правда, Альфонсо не раз по колыханию ее прекрасной груди замечал, что Лукреция вздыхала тайком, даже принимая со смехом поклонение своих новых обожателей. Но ему казалось, что то был вздох сладострастной нежности, предметом которой являлся Лебофор. Сладостное благоухание ароматов, тихая музыка, не ме-

¹ Стóла — принадлежность облачения католического священника — длинная накидка без рукавов (закрывающая shoulders спереди и сзади, а также плечи), обычно перехваченная поясом.

шавшая разговору, и ослепительная прелесть молодой женщины — все возбуждало эту ревнивую мысль и еще усиливало пламень страсти. Веселый смех гостей казался ему каким-то издевательством над его тоской и каждая чрезмерная похвала Лукреции задевала его, как личное оскорбление.

Такое зрелище сделалось, наконец, слишком тягостным даже для притворства Цезаря. Обуреваемый страстью к сестре, он решил, что необходимо хотя бы на время удалить от Лукреции Лебофора, к которому она явно благоволила, и Альфонсо, казавшегося ему тоже подозрительным, а потому, внезапно переменив разговор, произнес:

— Однако мы лишаем себя превосходного развлечения! Мне весьма интересно узнать, моя прекрасная сестрица, и вы, прелестные дамы, насколько вам удалось растопить лед в груди своего пленника. Знайте, господа французы, что этот духовный рыцарь презирает всех женщин и хвалится тем, что способен устоять против всех их соблазнов.

— Рыцарь, — сказал тогда старик де Латремуйль, — если ты не сдался безоговорочно несравненной красоте той дамы, то я не называю тебя больше рыцарем, потому что и небожителям не стыдно поклоняться ей.

— О, — чуть побледнев ответила Лукреция, — мы нашли лед таким крепким, что он только сильнее затвердел, хотя мы все непрерывно озаряли его лучами своего благоволения.

— Тогда узнайте мое решение, — внезапно сказал Цезарь. — Оно было торжественно обсуждено в присутствии господина де Латремуйля и его благородных товарищей. Так как все очевидцы турнира признают благородных синьоров Орсини и Лебофора неповинными в напасти, постигшей их соперника, видят в ней лишь несчастную случайность и приписывают им одинаковые заслуги, одинаковую славу, то мы заявляем, что приз может быть присужден только после бранных подвигов, а потому тот из этих синьоров, который по решению дам превзойдет всех храбростью на ратном поле во время предстоящего завоевания Неаполя, удостоится победного венка. Таким способом мы узнаем, действительно ли дамы чтут истинную доблесть, или же только обманчивое подобие силы и храбрости, которые они находят у тех, кто, обладая этими качествами в избытке, умеет владеть собой.

Все присутствующие, за исключением иоаннита, ответили на эту речь единодушным возгласом одобрения. Воин-

ственный дух проснулся даже в папе, и он громко изъяснил свое согласие.

Лебофор бросил тревожный и страстный взгляд на Лукрецию, которая заметно побледнела. Однако она заметила, что взгляд Цезаря устремлен на нее, и тихо промолвила:

— Рыцарь-иоаннит не находит более нужным оспаривать награду, а потому я надеюсь, что нам, дамам, нет надобности подвергать своего борца столь суровому соревнованию.

Альфонсо был совершенно ошеломлен. Хотя он, будучи стойким приверженцем Франции, чувствовал, что было политической лестью служить таким образом тайно под знаменами французов, однако мысль о безопасности Лебофора заставила его решиться.

— Я принимаю ваш вызов, благородный синьор, — сказал он Цезарю, — тем более что при этом можно избавиться от карающей роли мой меч, острие которого притупляет старые воспоминания.

Глаза Лебофора засверкали, и он был готов дать резкий ответ; однако Лукреция, к удивлению всех присутствующих, прикоснулась к его руке и удержала юношу повелительным взглядом.

— Успокойтесь, успокойтесь, прошу вас всех, — сказала она, внезапно бросив на Цезаря многозначительный взгляд. — Я охотно доверила бы защиту благородного дела мечу английского рыцаря против благороднейших рыцарей Европы, и потому вы не должны удивляться, что я почитаю его, поскольку он как никто иной благоговейно чтит храбрость и наш слабый пол. Но я признаюсь в такой же любви ко всем вам, и если кого-либо из вас постигнет беда, то знайте — я пожалею пострадавшего, а быть может, и отомщу за него.

Эта странная речь так и осталась неразъясненной, потому что предводитель гасконцев, Иво д'Аллегр, воскликнул обидчивым тоном:

— Вы говорите так, точно этот рыцарь непобедим, как сам Георгий Победоносец или древний Ахиллес! Я не смею равняться со столь испытанными мужами, но, право, лучший рыцарь Англии нашел бы, пожалуй, между нами такого, который запретил бы ему хвастаться.

— Если вы удовольствуетесь худшим, благородный синьор, то я к вашим услугам, — с горячностью подхватил Реджинальд. — Надеюсь, я не совсем забыл наставления своего деда, который рассказывал мне, каким образом ему

удалось присутствовать на коронации нашего юного короля Генриха Шестого¹ в Париже.

— Славный ответ! — с добродушным смехом заметил Латремуйль. — Запомните это хвастовство, господа французы, и если улыбка ваших возлюбленных не способна заставить вас отнять славу у этого англичанина с острым языком, то пусть вас побудит к тому воспоминание о его бахвальстве.

Таким образом, затянулся странный спор между тремя славными участниками юбилейного турнира и начал привлекать к себе внимание всех рыцарских дворов в Европе; но он оказался теперь близким к разрешению.

Французское войско провело на своей стоянке лишь несколько дней, и римлянам пришлось полюбоваться еще одним величественным зрелищем, когда оно выступило в поход. Весь папский двор смотрел на него с высоких валов крепости Святого Ангела. Французские военные силы следовало признать несоразмерными затеянному предприятию, как ни кичились французы недавним завоеванием Милана и легкими победами Карла VIII². Их двенадцатитысячная армия состояла преимущественно из отборнейших французских рыцарей и швейцарской пехоты, почти непобедимой в поле благодаря военной выдержке и опыту, а римское дворянство выставило от себя еще около пяти тысяч человек. Когда эта армия двигалась по мосту крепости Святого Ангела, весь папский двор и дамы посылали воинам прощальный привет с крепостных валов, а папа благословлял их; народ ликовал, пушечная пальба сливалась с военной музыкой и барабанным боем.

Не замечая того, что взор Паоло впервые устремлен на него с подозрением, Лебофор появился с разорванным шарфом Лукреции на шее, который был отвергнут раньше Альфонсо. Внимательным наблюдателям показалось, что Лукреция послала воздушный поцелуй английскому рыцарю в отделинности, а Бембо заметил, что, когда скрылся из вида последний штандарт, ее глаза наполнились слезами.

— Кого удостоили вы своего сожаления, прекраснейшая синьора? — полюбопытствовал Бембо нежным тоном.

— Как известно всякому, не в моем характере улыбаться только одному, как и оплакивать одного, — с притвор-

¹ Генрих VI (1421—1471) — английский король с 1422 по 1461 гг. и в 1470—1471 гг.

² Карл VIII (1470—1498) — французский король с 1483 г., из династии Валуа. В 1494—1495 гг. совершил поход через всю Италию на Неаполь.

ной живостью возразила Лукреция. — Мне стало грустно лишь при мысли о том, что не многие из этих воинов возвратятся домой, чтобы порадовать своих матерей и тоскующих невест.

Стены Рима вскоре остались позади удалявшегося войска, вокруг него простиралось теперь пустынное уединение Кампаний.

Дальновидные наблюдатели прозревали уже многое в политике партии Борджиа. Цезарь внезапно обнаружил распоряжение, по которому все владения рода Колонна были объявлены отчужденными, и подстрекал род Орсини занять их в пользу папы или в свою собственную. Еще яснее обнаружили планы этих людей в мероприятиях, к которым прибег папа немедленно после ухода союзных войск, причем подверглись притеснению многие мелкие дворяне, укрепленные замки которых были заняты им под различными предложениями.

Не обращая внимания на великолепные виды, развертывавшиеся кругом, войско вступило в равнину Понтийских болот. Эти места представляли в то время бесконечное болотистое пространство, перерезанное там и сям мрачными лесами и обширными пустошами и горами, на скалистых вершинах которых виднелись укрепленные замки и города. Жаркий, налитый серными испарениями воздух висел над землею, как полог, и даже самым отважным становилось жутко. Солдаты, знакомые с народными сказаниями и пораженные прелестью уединенных оазисов, попадавших здесь в виде зеленых цветущих островов в необозримой пустыне, думали, что попали в заколдованную страну, которая была так богато украшена, чтобы заманивать неосторожных путников.

Между тем слава, за которую собирались сражаться соперники — Альфонсо, Паоло и Лебофор, — словно по какому-то высшему велению убегала от них. Несчастный неаполитанский король, пораженный множеством ополчившихся против него врагов, решил защищаться только в укрепленных городах. Ближайшим из них была Капуя. Цезарь объявил теперь во всеуслышание, что по тайному договору между гарнизонными войсками он возьмет город, как только появится перед его воротами. Было известно, что в гарнизоне Капуи преобладали немецкие наемники, что там недоставало талантливого вождя, что город переполнен напуганными беглецами, и французские полководцы твердо верили обещанию своего хитрого союзника, хотя он и не сообщил им, на чем основывались его расчеты.

А между тем весь его план зиждился на том, что в Капуе находилась его возлюбленная Фиамма. Он послал ее туда для того, чтобы она уговорами и подкупом склонила командиров наемных немецких войск сдать город войскам папы.

План был составлен хитро, но осуществление его произошло не совсем так, как рассчитывал Цезарь.

Войско подвигалось вперед, не встречая ни малейшего сопротивления, и когда достигло спуска с гор, господствующих над равнинною Вольтурно, перед ним открылась Капуя со своими башнями и зубчатыми стенами у подножия высокого холма. Вокруг нее цвел рай Италии, счастливая Кампанья. На каждом склоне зеленели виноградники; рощи померанцевых, лимонных и гранатовых деревьев наполняли воздух благоуханием, блестящая зелень лугов была так густо усеяна цветами, что они казались одинокими садами, тогда как на далеком горизонте виднелись вершина Везувия и синеющая полоса Средиземного моря.

После своих заявлений Цезарь двинулся с итальянцами к городу, чтобы добиться его сдачи, в сопровождении многочисленной свиты военачальников, между которыми находились Альфонсо, Паоло и Реджинальд, смотревшие с неудовольствием на возможность мирного захвата города. Герольд в белом облачении предшествовал им. Дорога окаймлялась с обеих сторон померанцевыми рощами и цветущими липами и вела к роскошным лугам и садам под самыми городскими стенами. Фиалки и жасмин цвели даже в крепостных рвах у подножия земляных валов, и от всего окружающего веяло такой мирной идиллией, что было странно видеть на валах множество вооруженных людей, петарды, пушки и солдат с горящими фитилями в руках. Удивление нападающих возросло еще более, когда на требование герольда над воротами появился вооруженный предводитель и воскликнул:

— Перемирие! Послушаем герцога Болонского!

То был хорошо знакомый голос Фабрицио Колонна.

Повсюду носились слухи, что партия Колонна ушла вместе с войском короля Федериги, и присутствие страшного Фабрицио сулило неудачу плану Цезаря. Однако он бесстрашно опередил на несколько шагов свою свиту, придержал коня и предложил городу сдаться его законному главе, папе.

— Я не удивляюсь вашему требованию, мой любезнейший и учтивый убийца из-за угла, умертвивший родного брата, тиран и притеснитель! Ведь вы воображаете,

что ведете переговоры с предателем Филиппом Маасом, а не с Фабрицио Колонна, который находится в Капуе, чтоб защищать город, принадлежащий его государю, королю неаполитанскому, против целого света, против святого отца и самого дьявола в придачу! — воскликнул Колонна. — По этой причине, сиятельный Борджиа, я принужден отказать вам в приюте, но не в угощении. Вот вам дыни, чтобы утолить вашу жажду после утомительной езды до Капуи.

Тут он кивнул нескольким солдатам; те появились с большой корзиной, подняли ее над насыпью и поставили перед конем Цезаря, где она раскрылась, причем из нее выкатились шесть окровавленных голов. Даже Цезарь побледнел при этом ужасном зрелище и, с трудом успокоив лошадь, устремил взор на окровавленные лица казненных с неподвижными остекленевшими глазами и слипшимися волосами.

— Разве тут не все те подлые негодяи, которые под влиянием твоих происков хотели сдать тебе этот город? Или ты ищешь между ними голову твоей любовницы, чтобы расцеловать ее в уста? — с горьким смехом спросил Фабрицио. — Обожди несколько часов, и я пришлю ее прямо в твою палатку и сердечно поблагодарю тебя за то, что своим последним вероломством ты дал мне возможность смыть ее кровью позорное пятно с фамилии Колонна.

— Как тебе угодно, — ответил Цезарь. — По крайней мере, ты спровадишь ее в рай правоверных турок, и принц Джем будет стоять у входа, чтобы приветствовать свою возлюбленную. Как тебе угодно! А мое равнодушие при этом засвидетельствует миру, насколько были несправедливы твои обвинения.

— Собака! — воскликнул Колонна. — Ведь она грозит мне твоим мщением, только твоим, как ее любовника, если я вырву ее из святилища, куда она скрылась, чтобы оградить себя от моей мести. Но я и вправду сделаю это, если бритые головы не выдадут мне ее до заката солнца!

— Вот я и опровергну твои слова, — возразил Цезарь. — Святилище находится в соборном храме, в центре Капуи, которую я предаю самой грубой ярости солдат, и клянусь, что не пойду ни на какие уступки. Как представитель церкви, я лишаю всяких прав убежища каждый храм, каждую часовню в этих стенах, предаю проклятию весь город и отлучению всех, кто окажет сопротивление нашему повелителю, папе. Итак, ступай и делай что хо-

чешь с изменницей, с языческой прелюбодейкой, со своей племянницей, из-за которой ты нападаешь на меня, чтобы Италия поверила твоей лжи о смерти принца Джема!

— Даю тебе срок, пока догорит этот фитиль, после чего наши пушки очистят воздух от твоего тлетворного присутствия, — ответил Фабрицио, взяв у одного из солдат горящий фитиль.

Цезарь презрительно засмеялся и упрямо погрозил кулаком, однако счел нужным удалиться и неспеша отъехал назад к своей свите.

Фитиль догорел.

— Пли! — загремел Колонна, поддавшись своему бешенству, и швырнул фитиль за насыпь.

Все, бросившие ему вызов, удалились, исключая Лебофора.

— Еще один удар в честь веселой старой Англии! — воскликнул он и, подняв коня в галоп, метнул своим копьем, как молнией, в высокие зубцы городских стен и сам помчался к городу.

В продолжение нескольких секунд только сверкание его меча и его ободряющий клич давали знать, что он еще жив в вихре дыма и пламени, окружившем храбреца. Это зрелище пробудило дух соревнования в рыцарях, и, не дожидаясь ни совета, ни приказа, они решили немедленно идти на приступ. Войско хлынуло к городу, и только одни швейцарцы соблюдали строгую дисциплину, тогда как осажденные осыпали нападавших градом пушечных ядер и стрел со своих укреплений, высота которых почти удваивалась благодаря глубине рвов.

Однако эти преграды не замечались в первом пылу штурма. Некоторые из нападающих очертя голову кидались верхом в ров, чтобы переправиться через него вплавь, другие по приставным лестницам и с помощью осадных приспособлений отчаянно старались взобраться на валы, и только когда много смельчаков утонуло, было пронзено стрелами или раздавлено громадными камнями, сброшенными с валов, люди рассудительные отчаялись в успехе предприятия.

Тем временем пушки французов стали отвечать на неприятельский огонь, и под прикрытием порохового дыма войско подвигалось все ближе для возобновления приступа. Проворно сооружались плоты для переправы через ров, и отряд храбрейших рыцарей ожидал сборки одного из них, чтобы попытаться проникнуть за неприятельские стены, как неожиданное появление колоссальной и тяжеловесной осад-

ной машины, которую везли люди Цезаря под его собственным руководством, привлекло всеобщее внимание. Она состояла из четырех длинных бревен, поставленных стоймя на громадных колесах и снабженных перекладинами, так что они образовали четыре крутых лестницы до вершины, где была устроена башенка с подъемным мостом на цепях, который мог моментально опускаться.

Даже защитники города с беспокойством и удивлением смотрели на это невиданное орудие, поставленное по приказанию Цезаря вне зоны обстрела неприятельских пушек. Рыцари теснились к нему, чтобы узнать цель этого нового изобретения.

— Оно придумано Никколо из Флоренции, — ответил Цезарь. — Эта осадная башня предназначается для таких городов, как этот, с высокими валами и широкими рвами, но, пожалуй, для ее применения понадобятся более смелые люди, чем те, которые находятся между нами. Кто желает последовать за тремя рыцарями — участниками турнира, которые, конечно, готовы подняться в башню, чтобы опустить подъемный мост на крепостной вал и проложить дорогу в осажденный город?

Самые отважные промолчали при этом предложении. Только Лебофор, спрыгнув с коня и ступив на первую перекладину лестницы, воскликнул:

— Мы, англичане, победим!

Он поднялся с большим проворством, несмотря на свои тяжелые доспехи. Орсини моментально оказался возле него. Альфонсо, за которым теснились молодые французские рыцари, поспешил присоединиться к своим соперникам.

В несколько минут башня наполнилась, на лестницах висело множество воинов, рвавшихся в бой, а наплыв желавших разделить их славу был так велик, что машина с величайшим усердием подвигалась вперед; на беду, на откосе она получила сильный толчок, от которого неудержимо покатилась в ров. С оглушительным треском ударилось сооружение в городскую стену, причем его верхняя часть отклонилась от башни. Цезарь тревожно вскрикнул. Но осажденные так оторопели, что могли только смотреть на страшную машину, не двигаясь с места. Пользуясь благоприятным моментом, рыцари выскочили из своей деревянной тюрьмы и с победным кличем напали на бастион у ворот в надежде проложить дорогу своим друзьям.

Сражение возобновилось со всех сторон под грохот пушечной пальбы, стоны и звуки труб. Цезарь обладал не-

заурядными военными способностями и, ободряя своих воинов среди разрушения и адского шума, собственноручно помогал сооружать из лестниц и бревен мост к катапульте во рву, чтобы поддержать победоносных участников штурма.

Однако те, по-видимому, не нуждались в подкреплении. Защитники вала стремительно были загнаны в башню над воротами, защищавшую вход.

Между тем Фабрицио Колонна подоспел к угрожаемому пункту и стал упорно защищать башню против всех атак полуобезумевших осаждающих, которые при своих яростных попытках ворваться в крепость сталкивались друг с другом. Иоаннит и Орсини так сильно столкнулись между собою, что были отброшены в разные стороны и дали возможность Лебофору пробраться к штурмующим. Храбрец, не заметивший в пылу битвы, что его меч сломан, кинулся вперед и, хотя его плащ и верхнее платье были разорваны неприятельскими копьями, ему удалось-таки проникнуть в башню. Но одновременно отряд вражеских копьеносцев выскочил из противоположной башни, с ожесточением напал на штурмующих с тыла и разрубил цепи заслона над воротами, который с оглушительным треском рухнул вниз, едва не размозжив череп иоанниту.

Лебофор очутился среди разъяренных врагов в башне, вход в которую был заперт, тогда как его друзьям, дравшимся снаружи, приходилось теперь самим защищаться против нового нападения. Но пока они в большом смятении готовились к отпору копьеносцам, осажденные собрались на зубцах башни. Там вспыхнуло яркое пламя, и вдруг на головы осаждающих хлынул поток горячей смолы. Объятые пламенем, некоторые из них в беспорядке ринулись вперед и многие были сброшены с вала в ров, где задохнулись под тяжестью своих доспехов. Однако большинство рыцарей выстроилось в боевом порядке и отражало нападение копьеносцев с непоколебимым мужеством. Завязалась жестокая рукопашная схватка на валах, сопровождаемая оглушительным шумом, который производили многочисленные отряды, теснившиеся внизу.

Среди этой сумятицы ужасы кровавой резни достигли своего апогея, и у осаждающих, казалось, была отнята всякая надежда на подкрепление. Ров вокруг их осадной машины внезапно запылал огнем, и пламя принялось бушевать в нем, как будто он был наполнен скипидаром, серою и прочими горючими веществами. Поднялся крик, предупредивший, что подобные приготовления были сде-

ланы вокруг всех валов, охваченные паникой солдаты бежали из крепостных рвов, побросав там свои осадные машины, лестницы и оружие. Услыхав на валах крик и увидав беглецов, штурмующие, теснимые неприятелем, потеряли всякую надежду на победу, они думали только о спасении и, хотя машина Цезаря во рву была объята пламенем, рыцари все-таки спрыгнули на нее и уцепились за бревна.

Однако огненная бездна, пылавшая внизу, не соблазняла находившихся ниже всех спуститься еще глубже. Дон Мигуэль, скакавший верхом рядом с Цезарем, радостно крикнул ему:

— Всем троим пришел конец, и донна Лукреция должна теперь винить только саму себя!

— Смотри-ка, Мигуэль, кто это протягивает иоанниту руку, чтобы отвести его в безопасное место, и ловко увертывается от ударов? — так внезапно и сердито воскликнул Цезарь, что каталонец не на шутку встревожился, и его беспокойство еще усилилось при виде того, как герцог впился в происходившую перед ним сцену яростным взглядом.

— Я вижу только одного; это — Фабрицио, благородный синьор, — ответил Мигуэль.

— Глупец! — с досадой продолжал Цезарь. — Уж не воображаешь ли ты, что зрение обманывает меня? Я различаю его совершенно ясно.

Многочисленный отряд воинов, сгруппировавшихся вокруг Фабрицио, с громким победным кличем схватили несколько бревен, подсунули их под неуклюжую машину и приподняли ее с невероятной силой, чтобы враз уничтожить всех стоявших на ней. Толстые бревна дрожали секунду в равновесии, а потом с такой силой рухнули назад, что почти все стоявшие наверху были сброшены, а многие раздавлены при падении.

После того нападение ограничилось тем, что вытаскивали солдат из полыхавшего рва, восстанавливали порядок и поддерживали артиллерийский огонь с целью предотвращения вылазки неприятеля. Осадную машину Цезаря не было возможности спасти, она была объята пламенем. Множество солдат сгорело и было изуродовано, однако наибольший урон понесли рыцари. Между ними не досчитались Лебофора. Хотя его судьба не была известна в точности, но едва ли оставалось сомнение в гибели молодого англичанина.

Несмотря на неприязнь к нему, сердце Альфонсо опять загорелось былою дружбой, когда он припомнил

блестящие достоинства и печальную участь юноши. Однако это благородное чувство поколебалось вновь, когда старик Бемптон в несвязной болтовне принялся роптать на женщину, предательские обольщения которой довели до гибели его молодого господина. Ярость и горе Орсини были не менее мучительны, и только мщение, которым он угрожал убийцам, удерживало старика от полного отчаяния.

Никаких верных сведений нельзя было добыть, так как Фабрицио не допускал никого ни под каким предлогом приближаться к городским стенам. Тогда французы решили повести правильную осаду.

Однако чтобы полностью обложить Капуу, понадобилось несколько недель. Наконец работа завершилась, после чего город стал подвергаться непрерывному обстрелу французской артиллерии, которая и тогда уже считалась лучшей в Европе. Вскоре было замечено, что город лишь слабо отвечал на неприятельский огонь. Было пробито много брешей, причем осажденные не прибегали к обычным средствам починки этих повреждений, однако осаждающие извели мужество защитников Капуи и потому продолжали расширять бреши, избегая возобновлять приступ, не собравшись предварительно с силами. Но вот однажды все с удивлением заметили, что крепостные валы совершенно покинуты. Французские военачальники опасались военной хитрости со стороны неприятеля, а так как у них не было никакой возможности переправиться через ров, то они отложили всякую попытку напасть на город. Под вечер на бастионе появился Фабрицио с белым шарфом, повязанным на его фельдмаршальском жезле. Увидав иоаннита, который в мрачной задумчивости наблюдал за работами осаждающих, он обратился к нему и ослабевшим голосом попросил его прислать уполномоченных для переговоров о сдаче Капуи, причем добавил, что французские полководцы доставили бы ему большое удовольствие, если бы поручили ведение переговоров о сдаче именно ему, Альфонсо. Поощренный этим, иоаннит в сильном волнении рискнул осведомиться об участии английского рыцаря.

— Скажите Цезарю, — ответил Колонна, — пусть он придет за его трупом, если желает из братской любви отослать его к Лукреции.

Злобная улыбка, сопровождавшая эти слова, до того взволновала Альфонсо, что он предпочел промолчать.

Весть о сдаче вызвала всеобщую радость. Так как во время осады иоаннит дал массу доказательств своего ума и

храбрости, то Цезарь поддержал просьбу Фабрицио уполномочить феррарского рыцаря на ведение переговоров. Кроме того, он любезно просил его добиться выдачи тела английского рыцаря, чтобы похоронить храбреца со всеми воинскими почестями, и с этой целью намеревался сам сопровождать иоаннита с носилками до городских ворот, а потом следовать в погребальной процессии с рыцарями и военачальниками, которые пожелают отдать дань уважения доблестному воину. Эти слова почему-то невольно вызвали тревогу в сердце Альфонсо, однако любые возражения сейчас казались неуместными, и в город был отправлен герольд с известием, что посол готов предстать перед осажденными. Фабрицио ответил, что будет ждать его завтра поутру.

На другой день весь лагерь поднялся рано; однако отправка Альфонсо для переговоров была благосклонно принята лишь предводителями войска, свирепые же и грубые солдаты пришли в бешенство, узнав, что лишаются кровавого торжества и поживы, которую сулил им грабеж богатого города.

Когда Альфонсо тронулся в путь, за ним в некотором отдалении последовал мрачный кортеж, состоявший преимущественно из свиты Борджиа и Орсини. Их значки были из черного бархата, и они волочили за собою свои копыя по земле. Босые монахи из соседнего монастыря сопровождали их с погребальным пением и горящими факелами; за ними следовали два герольда с черным флером поверх пестрой одежды. Бемптон вел под уздцы боевого коня своего господина под черным бархатным чепраком с султаном из перьев. За конем английские стрелки несли носилки, сделанные из двух молодых березок, увитые зеленью кипарисов. Цезарь добился того, что все войско должно было встретить в боевом строю прах павшего героя.

Внимание гарнизона было привлечено всеобщим движением в лагере, и лишь после выяснения этого обстоятельства Альфонсо был допущен в город.

Для него был спущен подъемный мост, который полагалось снова поднять по военным правилам, когда посол минует ворота. Монахи также вошли в город, а Цезарь с людьми, несшими носилки, вдруг быстро кинулся вперед и остановился на мосту, против чего караульный солдат — здоровенный немец — не сделал никаких возражений. Альфонсо меж тем медленно ехал по улице, которая вела к замку, причем приветственные крики народа и потуплен-

ные взоры попадавшихся ему солдат ясно говорили, что произошло какое-то обстоятельство, облегчившее сдачу города Цезарю.

Альфонсо нашел Фабрицио в одной из комнат замка, в нише ока, по всей видимости занятого наблюдением за какой-то работой, производимой на площади или на валах. Пришлось дважды докладывать о прибытии посла, прежде чем Фабрицио обратил на него внимание, так что Альфонсо успел рассмотреть то, что так сильно приковывало его внимание. Напротив окна возвышались башни собора, громадные двери которого были заперты, а все пространство между храмом и замком было битком набито молчаливо стоявшим народом, который, судя по всему, ожидал чего-то необычайного.

— Рыцарь, — заговорил Колонна, внезапно подняв голову, — вы увидали слишком многое, но я рассчитываю на ваше благородство! Перейдем к нашему делу. Не будь этого мятежного сброда и лукавых козней дьявола в образе женщины... Впрочем, это к делу не относится... Итак, начнем!

Альфонсо был крайне удивлен этими речами и всем виденным, однако промолчал и пожалел о положении Колонна. Он искренне желал, чтобы тот не колеблясь принял благоприятные условия, которых ему, конечно, не предложили бы вторично, если бы знали лучше его положение. Предложенные условия сдачи встретили мало возражений со стороны вождя и его офицеров, но Фабрицио прибавил одну оговорку, на которой настаивал с жаром, внушившим подозрение иоанниту: Колонна потребовал, чтобы наказание, которому он вздумал бы подвергнуть заведомых изменников, сносившихся с неприятелем, не было сочтено нарушением условий обоюдного освобождения пленных.

Альфонсо заявил, что французы ни в каком случае не пойдут на столь безрассудную и унижительную уступку.

— Тогда им придется снова прислать мне своих уполномоченных, когда казнь уже совершится и спорить будет больше не о чем, — ответил Фабрицио. — Вы слишком благородны, чтобы доводить меня до крайности. Знайте, я скорее готов погибнуть под развалинами, чем допустить дочь своего брата вновь сделаться любовницей подлого соблазнителя, да, да, дочь родного брата, отвратительную ведьму, которая подбила моих людей к мятежу, а наемных солдат подкупила деньгами, и которая даже теперь, умирая с голоду в соборе, повсюду брызжет своим ядом! Своими пророчествами и безумствами она склонила народ к сдаче города и предвещает, что никакая власть на зем-

де не может противиться военному счастью второго Цезаря. Но я запер ее. Замок и гарнизон еще верны мне, а своими пушками я могу превратить город в груды развалин. И я поклялся, что сделаю это, если мне не выдадут виновной для справедливого наказания, но не допущу, чтобы она после сдачи города вновь попала в развратные объятия Борджиа.

— Этого не может быть, благородный синьор, — возразил Альфонсо. — Я всегда был уверен, что она была любовницей принца-магометанина.

— Тогда тем менее будет страдать Борджиа при виде постигшей ее справедливой кары. Монахи ищут только благовидного предлога для ее выдачи, потому что бдительность моих людей тяготит их. Если вы не сможете договориться относительно этого пункта, то обождите еще немного, и в этом не окажется больше надобности.

Тут Фабрицио гневно распахнул окно, и Альфонсо увидел площадь, наполненную вооруженными людьми, которые медленно и с ропотом сопровождали рыцаря в доспехах, но безоружного и со связанными руками, как будто он был пленником.

— Кто это? — воскликнул Альфонсо, вскакивая с места. — Этого не может быть... а между тем это он, рыцарь Лебофор!

— Ха-ха! — разразился диким смехом Фабрицио. — Если прелестница Борджиа не околдовала и вас, то посмейтесь вместе со мною. Не правда ли, как ловко я раздул ревность ее партии? Я пощадил английского рыцаря за его несравненную храбрость. Неужели вы все еще сомневаетесь? Пойдемте, поздравьте его с освобождением!

III

Альфонсо машинально последовал за Фабрицио; они пришли на площадь и стали пробираться в густой толпе народа. Их сопровождал непрерывный тихий ропот, однако внимание большинства было устремлено на собор, под громадным порталом которого Лебофор разговаривал с несколькими лицами. Он говорил громко, и Альфонсо мог ясно расслышать, как молодой англичанин объявил, что святилище может спокойно выдать изменников, нашедших в нем убежище, так как весь город предан отлучению уполномоченным церкви, герцогом Цезарем Борджиа, а потому все священные места лишены своих привилегий.

Когда Фабрицио и Альфонсо стали подниматься на ступени соборного крыльца, слова Реджинальда, очевидно, успели произвести свое действие; изголодавшиеся стражи святилища, которое было окружено тесным кольцом караульных по приказу Колонна, несмотря на сопротивление толпы народа, открыли массивные двери храма. Тотчас же глазам отсутствующих предстали два бледных и дрожащих инока весьма преклонных лет, изнемогшие от долгого поста и страха; в глубине храма виднелся главный алтарь, а под расписным окном, в углублении, похожем на склеп, сидела женщина. Закутавшись в дорогой плащ, скрестив на груди руки, она опиралась подбородком на колени и смотрела во все глаза, как безумная, на непрошенных пришельцев.

Лебофор очень смутился. Тихий, печальный ропот поднялся в толпе народа, и даже воины, готовые схватить несчастную, боязливо колебались.

— Ах вы, трусливый сброд! — загремел Колонна. — Разве вы не слышали об отлучении, объявленном вашим святейшим отцом в Риме? Следуйте за мною и тащите нечестивую из ее норы, или я начну поругание храма, размножив череп первому, кто окажет сопротивление на пороге!

— Благородный и рыцарский подвиг совершил ты, предав женщину! — крикнул Альфонсо Лебофору и, оттолкнув его, проник за Фабрицио в церковь, однако его сердце забилось от растерянного и негодующего взора, который бросил на него английский рыцарь.

Фабрицио торопливо вошел в храм, монахи, дрожа, следовали за ним, и даже солдаты шли неохотно и боязливо. Когда Лебофор был удален, Колонна хотел ринуться на ступени алтаря, чтобы схватить свою жертву, которая с диким воплем уткнулась в колени своим призрачно-бледным лицом.

— Хватайте ее! — приказал Фабрицио. — О, ты можешь закрывать свое лицо, отвратительная развратница, позорное пятно моего рода, чумная болячка, которую нужно срезать, чтобы зараза не распространялась на всех! Сто золотых тому, кто первый схватит изменницу!

Однако Альфонсо стал увещевать его:

— Благородный синьор, вспомните, что вы собираетесь пролить кровь своего родного брата.

— Неправда! — с дикой яростью возразил Колонна. — Я хочу сжечь ее живьем, как ведьму, как языческую блудницу, как монахиню-отступницу.

— Ну, тогда, Колонна, клянусь святостью этого места, если вы не сжалитесь над несчастной, я удалюсь, сообщу, насколько слаба ваша власть над населением города, и заключу с вами мир на условиях, влекущих за собою вашу гибель.

Однако эти слова не зажгли ни искры надежды в душе несчастной женщины. Она подняла голову, устремила дикий взор на своего заступника, и, несмотря на ужас, искажавший ее черты, Альфонсо узнал в ней когда-то блещущую фею Моргану.

— Нет, рыцарь, не заступайтесь за меня, в особенности потому, что в моих жилах течет кровь моего отца; иначе она закипит и даст себя знать! — воскликнула Фиамма со спокойствием отчаяния. — Я не прошу никакого милосердия у тебя, Колонна. Но тяжчайшее проклятие, чем отлучение Александра, угрожает вам, лукавые монахи, так постыдно предавшие святилище Господне!

— Дочь моя, — возразил один из монахов, — мы чуть не умерли с голода из-за тебя и были принуждены питаться святыми дарами.

— Я пощадила вашу совесть и не участвовала в том, — сказала Фиамма.

— Святилище не поругано, — возразил Альфонсо. — Представитель церкви нарочно наложил отлучение на весь город и отнял у священных убежищ их защитительную силу, чтобы доказать свету, что он не соблазнял тебя и что ты была любовницей не его, а принца Джема.

Фиамма вздрогнула; когда она устремила на говорившего недоверчивый и испуганный взор, его благородные черты и серьезное выражение, казалось, сильно удивили ее.

— Может ли такой человек, каким кажешься ты, лгать не краснея, как самый презренный негодяй? — воскликнула она. — Неужели угрожающая мне смерть недостаточна для вашей мстительности? Но то, что ты сказал, — ложь, ложь!..

Тогда Фабрицио вновь со страшным проклятием повторил свое обвинение.

В чертах Фиаммы отразилось волнение, которое было ужаснее прежнего, вызванного грозившей ей смертельной опасностью.

— Вы лжете, лжете! — закричала она. — Дайте мне только час, только мгновение, чтобы я могла известить его о вашей жестокости, и если он не сравняет с землею стен города для моего спасения, то ад настолько же правдив, насколько он лжив.

— Хватайте ее, говорю я вам, подлые трусы! — завопил Фабрицио. — Топор должен напиться ее крови, прежде чем пламя пожрет тело, которого никогда больше не увидеть ее изменнику!

— Остановитесь, Колонна, — воскликнул Иоаннит, — если не хотите сделать угодное Цезарю, своему закланному врагу! Разве вам не ясно, что он жаждет ее гибели, может быть, потому, что она — поверенная его преступлений, или наскучила ему, или потому, что он хочет устранить ее, как предмет соблазна? Не поддавайтесь на обман, благородный синьор!

Сам Фабрицио, казалось, был поражен этими доводами; однако они вызвали сильнейшую ярость Фиаммы, в пользу которой клонились.

— Еще раз говорю, что ты лжешь! — воскликнула она. — Да может ли человек быть способен на подобное предательство? Нет, ты — дьявол и послан сюда, чтобы увлечь меня с собою в ад.

Только что Фиамма вымолвила эти гневные слова, как внезапно на площади поднялся шум; это был уже не говор взволнованной черни, а крик, вой и топот множества бегущих вперемежку с трубными звуками. Фабрицио испугался открытого бунта простонародья, подумав, что оно, пожалуй, спешит на защиту храма от поругания его убийством Фиаммы, и сделал нерешительное движение, точно собираясь схватить племянницу. Однако Альфонсо уцепился за его руку, а молодая женщина взбежала на ступени алтаря и, схватив один из массивных золотых сосудов, крикнула:

— Спасение! Спасение! Он идет, он идет!

Фабрицио слегка побледнел. Теперь можно было ясно разобрать в оглушительном гаме слова, повторяемые хором:

— Измена... измена! Борджиа! Орсо... Орсо! Мщение... мщение!

— Лукавый рыцарь, ты предал меня! — яростно обратился Фабрицио к иоанниту, хватаясь за кинжал.

— Нет, нет! Но не будьте же так суровы к этой виновной, но тем более несчастной женщине! — И Альфонсо решительно встал между дядей и племянницей.

— Это лишь новая выдумка черни! Я прекращу беспорядок, размножив несколько черепов. Идите со мною, рыцарь! Мне нужен залог вашей верности! — крикнул Фабрицио, озадаченный звуками, ясно выделявшимися из общего шума.

Альфонсо охотно уступил ему, и оба поспешили к выходу из собора, перед которым толпились, выпучив от стра-

ха глаза, солдаты и чернь, тогда как зубцы крепости были полны беспорядочными массами сражающихся, которые то и дело срывались с них и стремглав летели вниз. Орудия палили у ворот, выходивших на дорогу, по которой Альфонсо прибыл в Капую.

Фабрицио обернулся вне себя от ярости на его мнимое предательство и, без сомнения, жестоко расправился бы с ним, если бы Альфонсо не сообразил с первого взгляда, что именно произошло. Он с большим проворством и присутствием духа отступил обратно в собор и запер на засов крепкие двери. Между тем пораженный успехом нападающих, Фабрицио громко скомандовал своим солдатам двинуться вперед и бешено помчался сквозь толпу черни к крыльцу замка. Но в момент его прибытия ворота крепости распахнулись и отряд всадников и пехотинцев хлынул оттуда с криком: «Смерть ему! Смерть ему!». Колонна был тотчас окружен многочисленным неприятелем. Его отеснили в сторону и непременно покончили бы с ним, если бы один из нападающих не прикрыл обреченного на гибель вождя своим щитом. Это был его недавний пленник, рыцарь Лебофор.

Масса победителей катилась вперед, убивая каждого, кто становился на дороге. Толпы народа безжалостно растаптывались конскими копытами и падали под ударами неприятельских мечей. С неослабевающей яростью Цезарь сам руководил резней, тогда как Орсини и английские стрелки, хотя и нашедшие своего предводителя здоровым и невредимым, были охвачены какой-то бешеной жадой разрушения.

Альфонсо не сомневался, что город взят посредством предательского нападения, но мог только догадываться о конечном результате за массивными дверями святилища, которые испуганные монахи снова накрепко заперли. Он не знал, с какой стороны угрожает ему большая опасность. Шум и рев на улице, крик и вой вблизи и вдаль, неоправданное ожесточение, с каким гнали массы народа к соборным дверям, адский топот, слышный при их поспешном бегстве, клич торжества, особенно со стороны французов, — все возвещало победу союзных войск. Эта догадка вскоре подтвердилась, когда послышались мощные удары боевых секир и копий в дверь, а до слуха Альфонсо донесся голос Цезаря:

— Никаких священных приютов! Никакой пощады!

Фиамма, по-прежнему стоявшая на ступенях алтаря, охватив руками массивные сосуды, с выпученными, дико смотревшими глазами, с разметававшимися черными локонами, походившими на гриву испуганной лошади, еще издали

узнала этот голос и принялась оглашать церковные своды своим безумным криком радости:

— Спаси! Я здесь! Цезарь, спаси!

— Эй, вы! Здесь нет никого, кроме Фиаммы и меня, иоаннитского рыцаря! — воскликнул в свою очередь Альфонсо и застучал во всю мочь рукоятью своего меча в двери, чтобы его выслушали.

— Взломайте двери! Убивайте каждого, кого найдете там! — кричал Цезарь. — Убивайте всех... всех! Смерть колдунам! Умерщвлять их — благочестивый подвиг.

Фиамма не слышала этих слов, призывая на помощь тех, кому оказывала столь важные услуги, и сам Альфонсо на какой-то миг счел вздором молву о ее связи с Цезарем. Но едва он услышал решительные приказания Цезаря не щадить никого в священном убежище, как досада и бешенство в его душе разрослись почти до безумия. Он, правда, не сомневался, что будет узнан и принят под защиту некоторыми из числа нападающих, но решил во что бы то ни стало спасти и Фиамму. В надежде, что крепкие двери выдержат удвоенный натиск атакующих, Альфонсо поспешил назад к алтарю, но едва приблизился, как Фиамма подняла один из массивных серебряных сосудов и громко закричала, что швырнет им в своего защитника, если тот сделает еще шаг в ее сторону.

— Я хотел бы защитить вас, — сказал Иоаннит, — иначе вы погибнете. Я слышал, как Цезарь приказывал нападающим убить вас, как колдунью и мусульманскую прелюбодейку.

— Ты лжешь, предатель! — возразила она. — Цезарь не остановится ни перед чем, чтобы спасти меня. На помощь, Цезарь! Спаси свою Фиамму!

Тут с оглушительным треском распахнулись двери собора, и в него ворвался всадник, размахивая саблей; бесчисленные искры брызнули из-под его лошади, ударявшей подковами в каменные плиты пола. Вслед за ним вбежали копьеносцы. Церковь вмиг наполнилась потоком беглецов и воинов. Всадник осадил своего коня и гнал прочих вперед. Однако Фиамма узнала его и хотела прыгнуть со ступеней алтаря, восклицая с ликованием:

— Цезарь!.. Мой Цезарь, я здесь!

Однако Альфонсо кинулся вперед и схватил ее с такой силой, что она не могла вырваться.

— Кто эта женщина? — спросил Цезарь. — Она зовет нас так фамильярно, как свою собачку. Не знаешь ли ты ее, Мигуэлото?

— Правда, ужас и тревога изменили мои черты. Но неужели, Цезарь, ты не узнаешь меня? — произнесла Фиамма с тревожным воплем, заглушавшим шум и гам, наполнявший церковь.

Но в ответ на это раздалось:

— Действительно, ты — моя жена, прелюбодейка. Не правда ли, жена коменданта крепости Святого Ангела? Я — твой супруг, награжденный тобою рогами на потеху карнавала.

Это произнес Мигуэлото, которому Цезарь приказал во что бы то ни стало уничтожить Фиамму. Замахнувшись окровавленной боевой секирой, он подскакал к ступеням алтаря, но не успел достаточно приблизиться к своей жертве, чтобы исполнить злодейское намерение, как как иоаннит загородил ему дорогу и, швырнув свой щит на голову его лошади, поверг на землю и коня, и всадника.

— Слушайте все! Эта женщина теперь моя! — крикнул Альфонсо, а затем, обхватив одной рукой Фиамму, указал своим обнаженным мечом на поверженного каталонца: — Берите себе всю добычу, все, что вам полюбится, но эту оставьте мне. Синьорита, пойдемте со мною, иначе вы погибнете. Солдаты, вы знаете меня!

Однако, несмотря на это обращение к солдатам, на его испытанную силу и храбрость, Альфонсо, пожалуй, пришлось бы плохо, если бы в эту минуту, на его счастье, в собор не прискакали Лебофор, Орсини и французские рыцари, крича:

— Священный приют... Священный приют! Спасайте синьориту!

Этот крик прервал на минуту ужасное избиение, происходившее вокруг и успевшее уже обагрить кровью раки святых мощей и усыпать изуродованными трупами каменный пол.

— Иоаннитский рыцарь здоров и невредим! — тотчас воскликнул Цезарь. — А мы-то все яростно спешили отплатить за его гибель! Теперь действительно наша слава и победа не омрачены ничем, и я прощаю рыцаря Реджинальда за то, что он спас Фабрицио от заслуженной им участи изменника и убийцы.

— Берите же себе, Цезарь, всю эту славу, которую будет оспаривать у вас только ад, — ответил Альфонсо. — Единственным трофеем этой предательской победы, которым я хочу воспользоваться, должна быть... вот эта прекрасная возлюбленная принца Джема.

— Как, благочестивый рыцарь, ненавистник женщин? — воскликнул Цезарь с язвительным и злобным хохотом, раздавшимся на весь собор. — Вы берете себе женщину?

— Да, да, вполне справедливо, что она послужит наградой рыцарю-иоанниту, — воскликнул Орсини. — Вы должны гордиться своим триумфом, синьорита; ведь его не удалось одержать ни одной из наших римских красавиц.

— Вырви меня из когтей этого человека, Цезарь! — вопила Фиамма. — Что значит все это?

— Я хочу только оградить вашу честь, чтобы вы были в безопасности, — воскликнул Альфонсо, — иначе пусть обрушатся на меня эти священные своды. Клянусь, что я намерен с глубоким почтением отвести вас под защиту Фабрицио Колонна, если он не взят под стражу французами.

Однако эти слова как будто еще усилили страх молодой женщины, и она, словно обезумев, бросилась на колени почти под копыта коня Цезаря, который высоко взвился на дыбы.

— Правда, прекрасная синьора, — сказал Цезарь, продолжая заливаться своим дьявольским хохотом, — эта причуда кажется нам весьма странной, но мы не хотим отнимать тебя у священного рыцаря. Впрочем, если ты боишься, то вот тебе мой кинжал.

Тут он насмешливо протянул ей рукоятку острого и окровавленного кинжала. Однако Фиамма, подняв кинжал высоко над своей головой и глядя Цезарю в глаза, крикнула:

— Слушай, изменник, предатель! Я напому тебе предсказание твоего колдуна Саввития, что тебе суждено со временем быть обязанным мне своею жизнью и потерять ее. Говори же, должна ли я ударить в свое сердце, потому что твое собственное тверже стали?

— Она сумасшедшая, — с видимым беспокойством сказал Цезарь. — Голод и страх лишили ее разума. Но нам не следует забывать, что при настоящей великой победе она оказала нам кое-какие услуги. Мигуэлото, отведи ее в замок с прочими пленными женщинами.

— Я один провожу ее, — воскликнул иоаннит, когда Мигуэлото, шатаясь, двинулся вперед.

Рыцари, в особенности Орсини и Лебофор, поддержали его притязания при общем хохоте и ругательствах, и Цезарь уступил как будто без сопротивления. Фиамма полубессознательно позволила иоанниту увести себя прочь, но шла за ним, повернув голову назад и не спуская взора с Борджиа, пока не скрылась за дверями собора.

Капуанский замок оказался во власти победителей. На самых высоких башнях развевались яркие французские флаги с белыми лилиями на голубом поле. Чтобы достигнуть ворот, приходилось пересечь площадь. Здесь вся мостовая была завалена горами убитых, вперемешку с конскими трупами, среди ужасающего опустошения. Нигде не замечалось и следа сопротивления, а за варварской резней последовали грабеж и всякие бесчинства и насилия. Площадь казалась покрытой развалинами, как будто после жестокого землетрясения, такой на ней образовался хаос. Богатейшая утварь, драгоценные камни, ящики с серебряной посудой, тюки шелковых материй были навалены горами вперемешку с самыми простыми предметами домашнего обихода. Двери всех домов были взломаны, а некоторые дома пылали; дорогие вещи беспрестанно швыряли из окон под отвратительный хохот и грубое ликование солдатни. В каждом жилище разыгрывалась своя трагедия, из каждого дома неслись крики испуга, вопли отчаяния, заглушенные диким гамом и ревом победителей. Женщины высокого звания, в роскошной одежде, бились в объятиях самых презренных обозных служителей, тогда как другие избежали этой ужасной участи, лишь бросившись вниз головой с балконов своих домов. Дворцы и храмы были поруганы таким же образом; ничто не встречало пощады, и напрасно монахини зывали к Богу, которому посвятили себя. Папское отлучение, постигшее весь город, опрокинуло единственную преграду, сдерживавшую страсти разнузданных воинов, и каждый из них предался самому отвратительному распутству.

Безграничная мерзость этого зрелища ужаснула даже донельзя напуганную, ожесточенную Фиамму, и она машинально отдалась руководительству своего защитника. Но ее страх еще усилился, когда, вступив в замок, они услышали крик: «Убивайте всех! Не надо пленных! Смерть всем!». Эти крики неслись из галерей и комнат замка, наполненных, как заметил теперь Альфонсо, солдатами Борджиа и Вителли. Сначала он хотел отвести свою пленницу к французским военачальникам и просить у них защиты для угнетенной. Но когда раздался кровавадный крик, а Фиамма завопила: «Не к нему, не к Фабрицио!» — он вспомнил об одинокой башне, куда его ввели в начале его неудачных переговоров с Колонна, проник туда через тесный вход и втащил Фиамму по лестнице в комнату верхнего этажа. Несчастная женщина потеряла тут сознание.

Так как солдаты продолжали кричать, то Альфонсо, опасаясь покушения на жизнь Фиаммы, заперся в своем

убежище как можно крепче, а затем решил попытаться привести в чувство Фиамму. Однако, обернувшись назад, он с ужасом увидел, что она забилась в угол и с дикой недоверчивостью следит за его движениями, сжимая в руке кинжал. «Хотя бы Цезарь был дьяволом, я хочу принадлежать ему и не буду ничьей до последнего вздоха!» — крикнула несчастная, почти задыхаясь.

Почтительно приблизившись к ней, иоаннит выразил опасение, что им обоим грозит беда от восстания, несомненно поднятого Цезарем ради их обоюдной гибели. Но тут Фиамма внезапно бросилась к нему и с такою силой ударила его кинжалом в грудь, что клинок отскочил, встретив крепкую броню, и разломался. Однако это напряжение лишило ее последних сил, и Фиамма без чувств упала к ногам рыцаря.

Альфонсо не мог рассчитывать ни на чью помощь, чтобы привести ее в сознание, а к несмолкаемому шуму в крепости примешивались теперь крики испуга, вероятно, издаваемые жертвами возобновившейся резни. К счастью, рыцарь нашел полуопорожненный кубок с вином, поданный ему Фабрицио при его прибытии, и принялся заботливо ухаживать за юной пленницей.

Вскоре она пришла в себя, приподнялась с судорожным усилием и огляделась вокруг. Иоаннит старался клятвами и просьбами успокоить ее расстроенное воображение, однако ему долго не удавалось внушить ей доверие к себе. Наконец сознание вернулось к ней, и она заговорила. Сумбурный поток ее речей открыл рыцарю, как сильно привязана она к своему неумолимому соблазнителю, Цезарю, и сколько выстрадала ради него. Затем Альфонсо услышал, каким опасностям подвергалась жизнь Фиаммы, когда она подкупала в Капуе наемных солдат, чтобы предать город Цезарю, как она, почти умирая с голода в соборе, наконец склонила немецкого воина впустить войско Цезаря в укрепленный город. Рыцарь едва мог поверить такому вероломству, но в конце концов с отвращением убедился, что Цезарь дал согласие на переговоры с осажденными лишь для того, чтобы вернее и неожиданнее осуществить свой коварный замысел.

Наплыв горьких воспоминаний произвел такое потрясающее действие на молодую девушку, что она разразилась безумным хохотом.

— Теперь я понимаю все! — воскликнула она. — Цезарь отдал меня тебе, изменнику Лукреции. Часть его замысла заключалась в том, чтобы разбить ей сердце и

отделаться заодно от поклонника сестры, к которому она благоволила. Но тем не менее он убьет тебя, убьет нас обоих! О, поспеши перехитрить его постыдную жестокость! Предоставь меня моей участи... ради Бога, предоставь меня ему!

Ввиду того что Фиамма безусловно была основательно посвящена в тайны дома Борджиа, Альфонсо надеялся добиться от нее некоторых объяснений и стал оспаривать справедливость ее последнего довода, указывая на слухи о том, что Лукреция состояла в преступной связи с Цезарем. Фиамма горячо возражала на это, сообщила ему о планах своего возлюбленного относительно брака между Лукрецией и сыном герцога Феррарского, о всей карнавальной интриге, в которой она принимала участие в образе феи Морганы, и, наконец, яростно упрекнула его в том, что он послан из Феррары с целью распространять клевету против приверженцев Борджиа. В ответ на это иоаннит рассказал ей все происшествие в гроте Эгерии.

Подозрение относительно неверности ей Цезаря, вероятно, давно уже таившееся в сердце несчастной жертвы, подтвердилось этими данными, за достоверность которых ручалось благородство феррарского рыцаря. Однако Фиамма все еще не соглашалась с его выводами из всего виденного им и продолжала спор, не обращая внимания на окружавшие их ужасы и опасности.

Альфонсо заметил, что шум прекратился, по крайней мере в крепости, и умышленно затягивал разговор, чтобы не дать Фиамме возможность окончательно обессилеть. Тем временем среди их пылких пререканий наступила темнота, и молодая женщина стала убедительно просить иоаннита удалиться, а ее отпустить, чтобы она могла добровольно предать себя мщению Цезаря, избавив тем своего защитника от той же участи. Рыцарь был глубоко тронут таким самоотвержением, видя, что у несчастной оставалось лишь одно желание, одна надежда — умереть от руки изменника. Поэтому он ответил, что хочет сначала убедиться, утих ли шум, а потом пойдет к французским офицерам, чтобы выпросить у них стражу для ее охраны. Сказав это, он отворил оконный ставень с целью посмотреть, что произошло.

Лучезарное солнце Кампаньи зашло над картиной ужаснейшего разрушения и кровопролития, и теперь ночное небо смотрело на еще более ужасный пир палачей шеститысяч жертв, устроенный посреди еще не остывших трупов убитых. На обширной площади, озаренной светом факелов и горящих смоляных бочек, дьяволы в человече-

ском образе творили омерзительнейшие деяния, причем собственные воины Борджиа, отбросы многих наций, приводили в изумление своими страшными разбойничьими поступками даже своих кровожадных боевых товарищей.

Сам Цезарь был средоточием и первым зачинщиком этого кровавого праздника. Он сидел между грудями богатой добычи, окруженный несколькими из своих свирепейших военачальников, опоражнивал кубки вина и хохотал при воплях ужаса множества пленниц, которых гнали к нему сквозь копья его вооруженных людей, а также множества воинов, вытщенных из потайных мест, где они скрывались от врагов. Цезарь и его страшные сообщники, казалось, выбирали себе жертв в группах этих несчастных, а остальных предоставляли произволу безжалостных солдат, обрекая беззащитных на невыразимые муки.

— Он ищет меня между этими группами, — сказала Фиамма со спокойствием отчаяния. — Цезарь думает, что ты погиб при моей защите. Фабрицио также нашел себе смерть из-за моего преступления. Оставь же меня, добрый рыцарь, ради собственной безопасности, ведь Борджиа скоро убедится, что меня нет среди пленных, начнет искать меня здесь, в замке, и убьет нас обоих.

— Никто не смеет причинить вам вред, пока мой меч годеи на что-нибудь, — ответил Альфонсо. — Но теперь в замке, кажется, все затихло. Эта уединенная комната не возбуждает подозрений, и, конечно, французы прогнали грабителей. Я попрошу рыцаря де Латремуйля дать вам охрану, и наверняка он уважит мою просьбу. Заложите только за мною дверные засовы; их одних достаточно, чтобы защитить вас, если я задержусь дольше, чем рассчитываю.

Фиамма поспешно одобрила этот план, однако к ее глазам подступили жгучие слезы от страха; когда же иоаннит с большой нежностью и участием стал успокаивать ее обещаниями вскоре вернуться, а в то же время вынул меч для своей защиты на опасном пути, это явное противоречие переполнило скорбью ее душу.

— Неужели и ты, великодушный, благородный рыцарь, должен жертвовать собою ради спасения меня, недостойной даже того, чтобы оставаться в живых? — воскликнула она. — Зачем хочешь ты помочь существу, которое не стремится ни к чему, кроме вечного забвения? Прощай! Я не могу принести тебе красноречивую благодарность, потому что слова напрасны. Спаси меня, если хочешь и можешь, спаси для жалких лет непреходящего страха, которые ждут меня впереди, и еще раз прощай.

Альфонсо был искренне тронут; он обнял Фиамму с братской нежностью и поспешно вышел, но, оказавшись за порогом, постоял еще, прислушиваясь, как она задвигала засовы.

В выводившем из башни коридоре рыцарю попались лишь несколько окровавленных трупов, и он не удивился, увидев на них значки Цезаря. Каменная лестница, ведущая в парадные комнаты замка, также была усеяна мертвыми телами, свидетельствовавшими о схватке между грабителями и защитниками, между пленниками и убийцами. Среди них попался один английский стрелок из свиты Лебофора. Двери, которые вели с этой лестницы в крепость, были крепко заперты, и Альфонсо не без большого затруднения добился разрешения на вход от швейцарцев, державших внутренний караул. Сопровождаемый одним из этих стражей, он вскоре предстал перед французскими военачальниками, которые сидели за столом с несколькими рыцарями, не принимавшими участия в ужасном кровопролитии, и со своими пленными. В числе последних находился и Фабрицио Колонна. Лебофор и Орсини сидели с ним рядом, и, как узнал позже Альфонсо, Фабрицио был обязан их храброму заступничеству своим освобождением из рук грабителей Цезаря.

Иоаннит горячо желал доказать Фабрицио, что он несколько не причастен к предательскому нападению, а потому стал горько жаловаться французским полководцам, что на него пало несправедливое подозрение в вероломстве, и потребовал, чтобы резня была немедленно прекращена.

— Цезарю принадлежат вся слава и весь позор этого деяния, — сказал де Латремуйль, — но на войне не придают важности договорам, пока они не подтверждены крестным целованием. Этот кровавый пример сделает ненужными много других. Поэтому предоставим солдатам свирепствовать досыта. Сверх того, о порядке и повиновении теперь нет и помина; значит, если бы мы вздумали сдерживать своих подчиненных, то подстрекнули бы их только к еще худшим беспорядкам, чем тот, который был нами прекращен, потому что герцог сам поощряет их разнузданность. Однако, мне кажется, рыцарь, что вы менее всех имеете повод жаловаться, так как вам досталась прекраснейшая добыча в Капуе.

— Я спас от позора девушку высокого происхождения, благородный синьор, — с неудовольствием ответил Альфонсо, — и пришел сюда просить вашей защиты для нее. Мне хотелось бы привести эту несчастную к вам или к благородному синьору Колонна.

— Приведите ее ко мне! — с яростью воскликнул Фабрицио. — На костер ее, французы, как колдунью и изменницу, иначе она предаст нас всех!

— Она получит охрану, которую я могу ей дать, — ответил де Латремуйль. — Приведите ее сюда! Но если она — особа легких нравов, то, пожалуй, у вас скоро появится здесь соперник.

— Я, по крайней мере, не собираюсь выходить здесь на поединок с иоаннитским рыцарем, — сказал Орсини. — Однако не следует отзываться таким образом о той, которая носит, хотя и недостойным образом, благородное имя Колонна.

— Я помогу вам, феррарский рыцарь, защищать вашу добычу против целого мира, — с благородным жаром подхватил Лебофор. — Или она находится в толпе тех несчастных и ее нужно еще освободить? Если так, то вот мой меч в придачу к вашему, как ни отчаянно это предприятие.

— В этом нет надобности, — ответил Альфонсо. — Дайте мне, однако, немного пищи для проголодавшейся пленницы и факел; я тотчас вернусь.

Лебофор и многие французские рыцари вызвались сопровождать его, лукаво перешептываясь между собою, и Альфонсо согласился на это, чтобы тем успешнее опровергнуть их нескромные предложения. Однако его сердце стеснилось от тревожного предчувствия, когда, поднимаясь по винтовой лестнице, он заметил, что двери уединенной комнаты, где он оставил Фиамму, распахнуты настежь. Вступив в нее, он осветил факелом все углы, но Фиаммы нигде не было. По недоверчивым улыбкам своих провожатых иоаннит догадался, что они подозревают, будто он привел их сюда лишь для отвода глаз, и эта мысль еще более укрепилась в нем, когда Паоло Орсини подошел к окну и, выглянув оттуда на площадь, точно ожидая увидеть внизу изуродованный труп несчастной, тихо сказал Лебофору:

— Не сам ли он сбросил ее туда?

В самом деле, отворенная дверь наводила иоаннита на мысль, что Фиамма, желая ввести его в заблуждение относительно ужасного способа своего самоубийства, нарочно распахнула ее настежь или избрала не менее опасный риск спуститься вниз к осатаневшим пирующим. В обоих случаях попытка выяснить происшедшее оказалась бы напрасной и, вероятно, привела бы его к гибели, если бы он попался Цезарю при таких обстоятельствах. Тем не менее, обманутый в своих ожиданиях и огорченный за Фиамму иоаннит не хотел окончательно отказаться от розысков. Он провел

всю ночь один, тревожно и чутко прислушиваясь ко всему происходившему под окнами на площади, однако не заметил ничего, что могло бы успокоить или усилить его опасения. Наконец постепенно наступившее безмолвие в опустошенном городе, холодный утренний воздух и собственное изнурение заставили его впасть в прерывистый, нарушаемый кошмарными видениями сон.

IV

Второе завоевание Неаполя совершилось так же быстро, как и первое при Карле VIII. Войско французов и папского дворянства переходило от города к городу, и все они сдавались, едва увидев французские знамена. Альфонсо казалось, что он видит сон, когда Неаполь капитулировал на очень невыгодных условиях, и он смотрел через великолепный залив на скалы острова Искьи, куда злополучный король Федерико поспешил как в свое последнее убежище.

Французское войско двинулось дальше, чтобы занять границы, указанные ему в договоре о разделе, а Цезарь готовился со вспомогательным войском выступить обратно в Рим под предлогом довершить завоевание городов, на которые заявил права папа. В виде последней попытки рыцарского состязания де Латремуйль передал командование наступлением на Искию Альфонсо, Паоло Орсини и Лебофору.

Неутомимые старания Альфонсо разузнать что-либо об участии Фиаммы оказались безуспешны, и ему хотелось продолжать поиски ее, однако это было невыполнимо: он не видел возможности отклонить почетное поручение де Латремуйля, тем более что оно было принято с жаром его соперниками, а мощь морского вооружения и упорное сопротивление гарнизона Искьи делали этот поход одним из опаснейших предприятий в ту войну.

Едва Цезарь ушел со своими войсками от Неаполя, разнеслась весть, что Борджиа дали перехитрить себя дворянам. Дело в том, что вскоре после прибытия герцога в Рим город Ареццо восстал против Флоренции, а в то же время почти все войско дворян вторглось в Тоскану для поддержки восстания и восстановления дома Медичи. Хотя Цезарь со своим войском осадил Камерино, один из городов, на которые заявил притязания папа, однако взятие его и полная удача всего завоевательного плана Борджиа составили

бы ничтожный противовес громадному превосходству, которого достигли бы дворяне восстановлением власти Медичи. Между тем война в Неаполе велась вяло. Начались переговоры, и хотя приготовления к нападению на Искию продолжались, однако три рыцаря — участники турнира были обречены оставаться при этом безучастными зрителями.

Ни шумная походная жизнь, полная всевозможных случайностей, ни разлука не изгладили, однако, впечатления, которое произвели на Альфонсо прелести Лукреции; несмотря на то что он старался не поддаваться опасному обаянию, роскошный климат Неаполя, заставлявший забывать все на свете, кроме любви, лукаво поддерживал чары воспоминаний, преследовавших его, и его постоянно мучили опасения по поводу планов Орсини — брака Паоло с Лукрецией. В довершение всего он узнал о внезапном отъезде Паоло в Рим; когда же вскоре после того стало известно об отречении от престола несчастного неаполитанского короля, то все военные силы Орсини, переданные им под начальство Лебофора, чрезвычайно поспешно выступили из лагеря в Рим.

Альфонсо не захотел подражать подобной поспешности и, хотя горел нетерпением увидеть Лукрецию, все же отправился в Неаполь, чтобы проститься с французскими военачальниками и передать им командование вверенной ему частью. Только там дошли до него удивительные известия, несомненно, послужившие поводом к поспешному возвращению Орсини.

Цезарь победоносно осуществил великий замысел, посредством которого хотел обеспечить громадное расширение своих владений. Для этого он решил опять использовать войска дворянства, действовавшие в Тоскане. Как будто одобряя их желание захватить Флоренцию, чтобы вернуть ее Медичи, он стал во главе их, даже наперекор французам, и этот маневр обманул дворян. Затем он заявил, что для обеспечения победы необходимо, чтобы им оказал помощь герцог Урбинский со всеми своими военными силами, а главное — со своей артиллерией, доведенной до высокой степени совершенства. Герцог Гвидобальдо попался в эту ловушку и выслал свое войско, приказав ему примкнуть к Цезарю под Камерино. Однако, когда это случилось, Цезарь стянул вместе свои гарнизоны в Романье, двинул их против Урбино, а одновременно сам внезапно свернул со своего пути в Камерино с отборным военным отрядом и вторгся с огнем и мечом в беззащитную область своего нового союзника,

герцога Урбинского. Вскоре же все богатое герцогство Урбино оказалось во власти Цезаря, а герцогу Гвидобальдо и его брату не без труда удалось бежать в Венецию. Добившись такого крупного приращения своих владений, Цезарь отсекся от всякого участия в походе против Флоренции; в то же время французы отправили на помощь республике сильный отряд, и это принудило Вителли отказаться от завоевания Флоренции и удалиться из Тосканы. Таким образом, союзники были одурачены. Так как папа Александр VI, не забывая о завоевании Камерино, послал туда подкрепление, то союзные дворяне совершенно перепугались, и их предводитель даже старался вступить в переговоры с Цезарем. Последний начал их, но, усыпляя союзников мирными предложениями, распорядился произвести внезапное нападение на Камерино, овладел городом и казнил его правителей как изменников.

Подобная военная удача, гибель верного друга Феррары и внезапное соседство такого бессовестного властителя, каким являлся Цезарь, сосредоточивший много земель в своих руках, были настолько зловещи, что заставили Альфонсо поспешить в Рим, где его давно ожидали с нетерпением. Это было видно из того, что, едва успев прибыть, он получил через Бембо приказание папы явиться к нему, отдохнув с дороги, а до тех пор снова занять свои прежние комнаты в Ватикане. Казалось бы, это было благоприятным признаком, однако тайные опасения Альфонсо немало усилились, когда Бембо, ревностный защитник Лукреции в былое время, совершенно отступился от нее теперь и заявил, что не сомневается более в ее необузданной страсти к Лебофору, так как она не могла скрыть свой восторг при свидании с ним даже в присутствии грозных соперников, ревниво следивших за нею.

К тому же и политическое положение сложилось неблагоприятно для Феррары. Партия Борджиа торжествовала вполне, потому что французский король как будто предоставил им беспрепятственно предаваться грабегам и мщению, а вместе с тем его герольды приказали повелителю Болоньи передать этот громадный город роду Борджиа. Союзники так растерялись, что даже не протестовали и беспрекословно предоставили военные силы на поддержку этого предприятия Цезаря. Ввиду всего этого Бембо настоятельно советовал принцу Альфонсо, во избежание неминуемого и крайне опасного открытия его инкогнито, немедленно уехать из Рима в Феррару, не повидавшись ни с папой, ни с Лукрецией.

Однако Альфонсо не принял этого совета, а запальчиво заявил, что он не хочет осуждать Лукрецию, не имея достаточных улик против нее, и что у него выработан план, ограждающий его от непосредственной опасности, соединенной с его мнимой ролью посланника, на тот случай, если бы действительно оказалось, что склонность Лукреции к Лебофору переступила границы простого кокетства. «В момент победы, — прибавил он, — должно обнаружиться, были ли искренними уверения папы». Бембо упорно стоял на своем, но не мог поколебать решимости Альфонсо, и тот поспешил в Ватикан.

Едва он вошел в свое прежнее помещение и приказал доложить его святейшеству о своем прибытии, папа лично вошел к нему в сопровождении начальника своей канцелярии. Александр так спешил, что только простер руки над коленопреклоненным Альфонсо вместо того, чтобы произнести обычное благословение, и тотчас заговорил о деле, занимавшем его мысли.

— Теперь, — воскликнул он, — повелители Феррары поневоле поверят нам, даже если бы они были недоверчивы, как апостол Фома. Ты видишь, сын мой, как Господь помог нам преодолеть козни врагов и мятежников; мы намерены раздавить их, как стекло, своими сапогами, с помощью союза, который задумали заключить с Феррарой. Теперь мы хотим говорить так ясно, чтобы у ваших дворян не оставалось более повода к сомнению. Подойди ближе, Джиан Баттиста, затвори все двери и будь начеку!

Усевшись в одно из высоких резных кресел, Александр с омрачившимся лицом и тяжелым вздохом оглядел великолепные украшения комнаты. Эта комната была ненавистна также и Альфонсо, так как еще недавно являлась брачным покоем Лукреции; под влиянием своего подозрения относительно преступных отношений между Александром VI и его дочерью, принц подумал, что и утрюмость папы вызвана подобной же ненавистью. Однако он не встал с колен, пока ему не подали знака подняться.

— Вы — посланник нашего вассала, которого мы намерены, однако, сделать независимым государем, — заговорил папа. — Церковь, конечно, простит нам, когда мы обменяем ее формальное обладание Феррарой на фактическое господство, предоставленное нами ей вновь в стольких странах и богатых городах, тем более что, по нашему мнению, святейший престол обязан Ферраре возвращением ему Болоньи, находившейся столько лет под незаконной властью. Но если бы мы, напротив, уступили убедительным

просьбам нашего племянника и предоставили независимое войско в распоряжение столь молодого и честлюбивого вождя, то, наверно, вместо блага сотворили бы зло. Так пусть же все итальянские властители поймут, что наш отказ предоставить Цезарю могущественное орудие, которого он домогался, содействует более их выгоде, чем нашему величию. Да, повторяю еще раз: если этот союз нельзя заключить, не припугнув хорошенько дворян, то я должен согласиться на это. Пусть не воображают, что я отдамся во власть людей, кощунственно выражавших намерение объявить нас недостойными занимаемого нами престола и посадить на наше место враждебного нам и непокорного мятежника, Юлиана делла Ровере. Наша племянница также не примет предложения Орсини, и мы не желаем теперь вступать в столь тесную дружбу с наглыми разбойниками, уничтожение которых с каждым днем становится все справедливее и необходимее.

Альфонсо был смущен такой откровенностью, приподнимавшей завесу, под которой скрывалась далеко не успокоительная политика Цезаря.

— Но, ваше святейшество, достоинство моего повелителя требует предварительной гарантии в том, что он не рискует получить отказ от донны Лукреции, — сказал наконец Альфонсо в надежде выпутаться таким образом из затруднения или хотя бы получить отсрочку.

— Сын мой, — ответил Александр, — она совершенно подчинилась моей воле и обещала мне дать вам гарантию, что, как только вы официально попросите ее руки от имени своего повелителя, она официально даст свое согласие.

Альфонсо был так поражен этим известием, что не нашелся что ответить, а папа, не заметивший в своем волнении этого странного молчания, с жаром заговорил о своих планах. Его щедрые обещания относительно приданого Лукреции и освобождения Феррары от подчинения и уплаты податей церкви показывали серьезность его намерений, однако не могли соблазнить Альфонсо. Ему не давала покоя мысль, что Лукреция нарочно поставила его в такое затруднительное положение, чтобы разоблачить его мнимую миссию или принудить его к поспешному бегству из Рима, которое избавило бы ее от его шпионства и дало бы ей возможность предаваться на свободе своей страсти к Леббифору.

К счастью, папа был настолько поглощен своими собственными планами, что не заметил чувств, обуревавших Альфонсо, и заключил свою речь приглашением отпра-

виться прямо к Лукреции, чтобы услышать из ее собственных уст подтверждение своих обещаний. Альфонсо боялся, что роль, которую он играл, опасна и что он рискует получить резкий ответ от Лукреции. Однако невозможно было отклонить предложенную честь, а потому он, волнуемый странной смесью чувств, отправился с папой в покои Лукреции.

При входе в зал, где сидела Лукреция, феррарский принц почувствовал сначала большое облегчение, увидев там многочисленное общество. Но жало ревности снова уязвило его сердце, когда он заметил, что молодая женщина играла в шахматы с Лебофором в отдаленной тесной нише окна. Нежный взор Реджинальда был так пристально устремлен на нее, что он почти машинально передвигал фигуры на шахматной доске. Лукреция бойко и самоуверенно беседовала с англичанином, когда вошли папа с Альфонсо, и проворно сделала ход, которым надеялась взять верх над своим партнером. В этот же момент Лебофор украдкой запечатлел пламенный поцелуй на ее руке. Лукреция, побледнев, поспешно отдернула руку, но тотчас поднесла ее к своим губам и нежно промолвила:

— Лукавый рыцарь, поцелуй жжет даже мои губы, и следовало бы утолить их боль!

Досада придавала твердости Альфонсо, и он стоял холодно и гордо перед Лукрецией, когда она поднялась навстречу своему отцу, как будто почти не замечая присутствия Альфонсо. Александр с улыбкой отошел в сторону; когда же она увидела иоаннита, на глазах ее навернулись слезы. Хотя она старалась скрыть свое волнение, но не делала попытки смахнуть их с ресниц и произнесла несколько холодных традиционных слов приветствия с многозначительным взглядом на группу людей, находившихся на балконе. Там, прислонившись спиной к балконным перилам, стоял Цезарь и смотрел в зал, продолжая для вида разговаривать с несколькими дамами и молодыми придворными.

— Мы не забыли несколько серьезного и неприступного рыцаря-иоаннита, — небрежно сказала Лукреция, когда Александр многозначительно назвал его имя, и, лукаво улынувшись, обратилась к Лебофору: — Теперь и вашему другу Орсини следовало бы явиться к нам, чтобы выслушать решение относительно нашего турнира. Мы просим вас прийти к нам завтра сюда в обычный час нашего вечернего приема, и тогда вы все дадите нам отчет о своих подвигах, а мы вынесем свое решение в один из следующих дней.

— Не окажете ли вы мне милость назначить для этого послезавтрашний день, так как мое пребывание в Риме на сей раз будет весьма непродолжительно? — сказал Альфонсо.

— Хорошо, я согласна, — ответила Лукреция и отвернулась.

— А, тебе хочется отвезти в безопасное место свою добычу! — тоном добродушной шутки воскликнул Цезарь, подходя к кружку разговаривающих. — Уж не боишься ли ты, славный рыцарь, что я вздумаю отнять у тебя возлюбленную принца Джема?

— Боюсь, ваше высочество, что вы уже сыграли со мною эту шутку, — с непринужденной веселостью подхватил Альфонсо, радуясь случаю уколоть гордую Лукрецию.

— В чьи бы руки ни попала несчастная Колонна, — заметила она, — будем, однако, надеяться, что они лучше тех, от кого она вырвалась. Довольно того, что мы изъявили нашу волю, а теперь я буду продолжать прерванную партию в шахматы с рыцарем Лебофором.

Иоаннит вскоре удалился, не желая долее оставаться свидетелем торжества своего соперника. Придя к себе, он приказал Бембо распорядиться, чтобы подготовить все для отъезда тотчас после приговора дам, и Бембо беспрекословно подчинился приказу.

Пока он занимался своими приготовлениями, Альфонсо проводил время в неприятном беспокойстве. На закате солнца к нему вошел с хитрой улыбкою паж и доложил, что какая-то женщина под густой вуалью, которой он спас в Капуе честь и жизнь, хочет повидаться с ним, чтобы изъяснить ему свою благодарность. Альфонсо тотчас вспомнил Фиамму и приказал допустить к нему незнакомку.

На пороге показалась женщина, закутанная в черный плащ; когда же она откинула вуаль, Альфонсо увидел бледное, скорбное и решительное лицо Фиаммы Колонна.

— Как, — с удивлением спросил он, — вы рискуете явиться в Рим, в лагерь своих врагов?

— Более того — в их крепость, — ответила Фиамма, опираясь лбом на судорожно стиснутые руки. — В эту безумную ночь в Капуе я бросилась к Цезарю Борджиа, чтобы скорее испытать самую горькую чашу, чем продолжать терзаться страхом, и погибнуть от его руки, чем доставить ему повод подумать, будто я была обесчещена другими. Не удивляйтесь!.. Ведь даже ваша честность не спасла бы меня от его подозрений. Поэтому я решилась

лучше умереть. Однако он пощадил меня и спрятал. Я воображала, что злодей опомнится, но в действительности ему хотелось только повредить вам в глазах Лукреции и жестоко уязвить ее гнусной клеветой, которую он возвел на вас.

— Ну, ей все равно: она занята теперь совсем иным.

— Но осталось еще мщение, мщение за все содеянное, — сказала Фиамма, скрежеща зубами. — Нет, не за все! Он был так несправедлив ко мне, что никакая месть не будет для него достаточной карой. Что же касается вас... Ведь для вас все еще важно получить те достоверные сведения, ради которых, как уверяют, вы были посланы сюда своим повелителем?

— Да, и какой бы то ни было ценою, — ответил Альфонсо.

— Ну, тогда вы можете сообщить ему, что Лукреция питает преступную любовь, и в этом я убедилась, беседуя с ее духовником.

— Патером Бруно, заключенным теперь в замке Святого Ангела?

— Вот именно. С ним обращаются с неслыханной строгостью, к нему не допускают никого, и он сидит в такой темной камере, что надо удивляться, как этот несчастный может, без сверхъестественного озарения, читать книгу, над которой он вечно размышляет. Однако я все же добилась свидания с ним, чтобы переговорить о Лукреции. Я упростила Мигуэлото устроит мне это свидание, ссылаясь на мучения совести. Жестокий каталонец по-своему набожен и, оттачивая нож, чтобы перерезать тайком мне горло, способен позаботиться о спасении моей грешной души. Не стану докучать вам передачей своего разговора с Бруно — он был ужасен, однако монаху не удалось запугать меня никакими карами и он не мог побудить меня ни к какому раскаянию, потому что моя душа так изнурена, что я могу питать одну только надежду на месть. Однако с помощью хитрости и намеков на перенесенные оскорбления я добилась смутных, но дьявольских подтверждений своей догадки, причем вынесла убеждение, что и Цезарь, и Лукреция пока еще только втайне питают чувство преступной любви друг к другу, так что есть еще возможность предотвратить роковой шаг. В конце беседы Бруно удалось как-то склонить меня к тому, чтобы я, поставив на карту свою жизнь, помогла ему выйти тайком из замка, положившись только на его обещание вернуться назад, прежде чем успеют заметить его отсутствие.

— Я угадываю остальное! Бруно бежал! Но ради чего же вы доставили ему возможность к побегу? — в сильном волнении воскликнул иоаннит.

— Чтобы он посетил свою духовную дочь, вывел ее из преступной беспечности и с помощью своих ужасных обличений и чудесного бегства из Рима вырвал ее из той мрачной бездны, в которую она готова броситься.

— Ну а что же Бруно, скрылся?

— О нет, он честно сдержал слово и добровольно вернулся в свою кошмарную темницу. Из его слов я узнала, что ему удалось переговорить с Лукрецией наедине в гроте Эгерии. В суеверном испуге при его неожиданном появлении она покаялась в том, что любит безумно и не может противиться своему безумию, что ее страсть греховна и отчаянна, однако никакие устрашения и угрозы не помогли вырвать у нее имя обожаемого ею человека, так как инстинкт любви подсказывал ей, что это сопряжено с опасностью. Бруно пылает страшным гневом на ее упорство и обещал открыть мне ужасные намерения и страшные преступления Цезаря Борджиа.

— Да, но с помощью какой волшебной силы? — воскликнул иоаннит. — Впрочем, имя возлюбленного Лукреции известно и без того. Это — Реджинальд Лебофор!

— Волшебная сила? — промолвила Фиамма и в смущении взглянула на рыцаря. — Действительно, никто, кроме мертвецов, не может открыть все ужасы злодейств, совершенных Борджиа, и если у вас хватит храбрости выдержать их страшное присутствие, то вы сможете лично удостовериться в том, ради чего вы присланы сюда повелителем.

— Присутствие смерти? Достоверность? — содрогаясь, повторил Альфонсо, потому что в те времена наивно верили в возможность подобных вещей.

— Монах не решался на это, я же связана нерушимой клятвой, — сказала Фиамма, отирая со лба холодный пот. — Слыхали ли вы когда-либо про мага дона Савватия?

— Я слышал на юбилее, что ему по приказу Цезаря были обещаны большие награды, — ответил Альфонсо.

— Говорили, что нужна его помощь при подготовлявшихся торжественных процессиях, на самом же деле к ней прибегали, чтобы спровадить непрошеного гостя, — объяснила Фиамма. — Если вы рискуете отправиться со мною в катакомбы сегодня ночью, то мы увидим убийцу в присутствии его жертвы и услышим, как он будет открывать тайны своей черной души.

— Возможно ли? — спросил иоаннит. — Неужели есть средство заставить могилу выпустить на волю ее страшных обитателей?

— Если колдовство не удастся, то преступная совесть подействует сильнее всякого чародейства и мы услышим истину от того, кто менее всего желал бы разгласить ее.

— Но неужели мрачная тайна должна обнаружиться в столь священном месте, как катакомбы, где покоилось столько святых мучеников? — воскликнул Альфонсо.

— Разбойники и убийцы в Риме, превратившие катакомбы в свое убежище, давно изгнали из них все священное. Дьяволы ходят въявь по галереям, где в минувшие времена шествовали ангелы между останками мучеников и начерчивали на скалах их страдания. Впрочем, как тебе угодно: подумай сперва, если не решаешься сразу, и отпусти меня теперь; ведь мне пора вернуться в место своих мучений, как грешной душе при первом проблеске рассвета над могилами кладбища. Если же ты согласен на попытку, которая навсегда избавит тебя и твоего господина от мучительной неизвестности, то говори; тогда я встречу тебя у ворот Святого Севастьяна, переодетая нищенствующим монахом, и проведу к месту свидания; оно произойдет в полночь.

Подстрекаемый желанием, всецело поглотившим его, Альфонсо дал торжественную клятву пренебречь любой опасностью, какая могла угрожать ему при этом приключении, и встретиться с Фиаммой в назначенный час. Условившись между собою, они расстались.

Решимость принца поддерживалась надеждой, что подтверждение преступлений Лукреции вернет ему душевное спокойствие, но вместе с тем его беспокоили и сомнения. Разве не могла Фиамма, при всех поводах к мщению, все-таки послужить орудием Цезаря с целью погубить его? Но в конце концов он решил, что такая отвратительная неблагодарность просто невероятна, и, вспоминая искренний тон Фиаммы, решил довериться ей.

V

Поглощенный своими переживаниями, Альфонсо не заметил, как наступила ночь, и занялся необходимыми сборами. Он по возможности скрыл свое вооружение и лицо под плащом и капюшоном и, отпустив оруженосца и Бембо, собирался уже выйти из комнаты, как вдруг в дверь

тихонько постучали. Он отворил, и перед ним при свете маленькой серебряной лампы появилась Фаустина.

— Благородный синьор, простите меня!.. — с большим волнением сказала старуха, поспешно входя. — Я — несчастнейшая, старая дура, которой уж, верно, так на роду написано пропадать от своей глупости. Мое счастье послужило мне на гибель. У меня ничего не было, кроме румяных щек, но из-за них я попала в кормилицы к прелестнейшему ребенку в Риме, дорогой Лукреции. И вот теперь я пришла умолять вас, благородный синьор: если можете, поспешите спасти ее, иначе мы все погибнем, а с нами не сдобровать и красивому молодому рыцарю из страны на далеком море. О, ведь он был вашим другом, и, что бы ни произошло после того между вами, я со слезами умоляю вас: спасите нас всех!

— Да в чем же дело? Говорите яснее!

— Я не смею идти к герцогу Цезарю и рассказать о том, что задумал этот рыцарь, — ответила старуха. — Ведь герцог убьет нас всех до единого, а мое сердце обливается кровью за этого бедного безумца. О, горе, горе мне!.. Неужели я должна отдать на растерзание своих детенышей? А это непременно случится! Если вы не удержите его, то я вынуждена буду провести его дальше. Ведь еще никогда в своей жизни Лукреция не стремилась так упорно поставить на своем! Поэтому умоляю вас, спешите!.. Вы найдете его на террасе, где он ожидает меня. Сделайте все что возможно, чтобы удержать его, иначе все погибнет, и ему несдобровать, как шершню в пчелином улье, хотя бы там было меда через край.

— Кого же я найду на террасе? — с замиранием сердца спросил Альфонсо.

— Вы найдете там молодого рыцаря Реджинальда, которого донна Лукреция велела позвать под предлогом того, что ей необходимо поговорить с ним наедине о деле Орсини. Да сами посудите! Возможно ли это в столь поздний час и к тому же в ее собственных комнатах!

— Неужели это правда? — спросил Альфонсо, пошатнувшись, будто от смертельного удара. — А если так, то что мне за печаль? Какое мне, в конце концов, дело до этого, спрашиваю еще раз! Да лучше пусть пронзят мне сердце! Убирайся вон, беги, старая сводня, и предупреди герцога. Он знает старинный обычай.

— Нет, сын мой, неужели нам всем зараз рехнуться умом? — зарыдала старуха. — Так вы не хотите? Ну, тогда я должна исполнить свой долг повиновения! Ведь донна

Лукреция вскормлена моей грудью, стала родной мне, как дочь, и, что бы ни грозило потом, я сделаю то, что она повелела.

— Мона Фаустина, остановитесь! Я пойду, я выслежу этого негодяя до его преступного эдема! — воскликнул Альфонсо, когда старуха, хотя медленно и нерешительно, приблизилась к порогу. — Веди меня, но молчи; мне нечего больше тебе сказать.

Фаустина привела его в большой зал, отделявший занимаемую Лукрецией часть дворца от комнат иоаннита. Отворенная дверь вела отсюда на террасу, примыкавшую с одной стороны к высокой голой стене дворца, а с другой — к возвышенности, поросшей померанцевыми деревьями и миртами. Фаустина сказала шепотом, что английский рыцарь должен ожидать ее здесь, и просила иоаннита, если можно, удалить его от опасного места, после чего ускользнула со своей лампой, оставив Альфонсо одного в темноте.

Он поспешил к высокой сводчатой двери и, пытливо осмотревшись, тотчас заметил закутанную фигуру, сидевшую на перилах с поднятым вверх взором, так что он скоро при свете восходящей луны без труда узнал прекрасное, разгоревшееся лицо Реджинальда Лебофора.

Альфонсо медленно направился вдоль террасы, как будто в задумчивости, не узнавая Лебофора, затем остановился неподалеку от него и, внезапно посмотрев на него так пытливо, что рыцарь счел себя узнанным, с притворным хладнокровием воскликнул:

— Реджинальд Лебофор! Возможно ли это? Да разве ты тоже проживаешь в этом дворе? Или, может быть, тебя привела сюда какая-нибудь надобность?

— Благородный синьор, вы узнали меня, и я не намерен прятаться от вас и умалчивать о том, что привело меня сюда. Дамы при здешнем дворе красивы, и одна старая ведьма шепнула мне, чтобы я подождал здесь восхода луны, если хочу получить приятную весть.

Кровь с такой силой прихлынула к сердцу Альфонсо, что он едва переводил дух. Холодный пот выступил у него на лбу, он несколько секунд молча смотрел на раскрасневшееся лицо Реджинальда, а затем пробормотал сквозь зубы:

— Развратница! Но нет! Возможно ли, чтобы воздух Италии мог побуждать к черному предательству даже такие натуры, как твоя? Реджинальд, этому невозможно поверить! Лукреция... Лукреция! Ведь ты идешь к ней?

— Лукреция! — повторил Лебофор, внезапная бледность которого служила уже достаточной уликой, а затем продолжал со смесью гнева и смущения: — Ну а что, если Лукреция устаивает выслушивать и других тайных послов, кроме уполномоченного феррарского двора? Ты отлично знаешь, что все твое старание по-прежнему направлено на то, чтобы оправдать перед светом свою ненависть к этой особе. Между тем ты в то же время изменчески выдаешь себя за тайного посла, отправленного сюда для устройства свадьбы, и этим тебе удалось довести Орсини до отчаяния. Положим, я не рассчитывал на высокую честь разоблачить тебя; но как осмеливаешься ты осуждать меня или мои действия? Каковы бы ни были они, я готов отвечать за их последствия.

— Ты подчинился роковому обаянию, — с жаром возразил Альфонсо, — опасным чарам алых и пурпурных цветов, под которыми распевает сирена возле гниющих трупов своих жертв. Но тебе не следует слушать ее голос, Реджинальд, иначе ты погибнешь. Уйдем отсюда прочь. Покинем вместе этот дворец и Рим, нет иного спасения от соблазнов чародейки.

— За все царства под солнцем не откажусь я повиноваться милостивым приказаниям своей царицы! — ответил Реджинальд. — Я — свободный английский рыцарь, а не твой наемник; поэтому не командуй мною, я не обязан тебе подчиняться.

— Конечно нет, — сказал Альфонсо, скрестив руки и горько смеясь, — но по воле судьбы я обязан твоей дружбе тем, что достиг цели своего путешествия и могу дать удовлетворительный ответ своему повелителю. Блаженствуй в своем раю, пока не надоешь Лукреции, а тогда она предаст тебя смерти, если ее отец или брат еще раньше не избавят ее от этих хлопот.

— О чем бредите вы, синьор? — яростно возразил Реджинальд. — Ведь если вы обвиняете меня из-за Орсини, то действительно донна Лукреция соизволила мне приказать, чтобы я присутствовал при обсуждении всех дел, касающихся этих людей. Я повиновался ей и буду повиноваться, если бы даже все духи преисподней и мечи десятых Альфонсо старались преградить мне дорогу.

— Реджинальд, прошу тебя, выслушай меня, — воскликнул Альфонсо. — Говорю тебе, чародейка подбивает тебя предать своего друга, побуждает тебя к измене верности и чести. Ты не можешь сомневаться в степени ее любви к

тебе! Ведь при ее испорченности эта любовь будет мимо-летнее, чем у самых развратных и непостоянных мужчин. И ты не должен ходить к ней, не должен увеличивать груды ее жалких, обманутых жертв.

— Рыцарь, пусть вам доставляет удовольствие копаться в тине грязного Рима, отыскивая там то, что дает возможность забрызгать грязью прекраснейшую и добродетельнейшую женщину, но, пока я еще в силах владеть мечом, ты не будешь делать это! — воскликнул Реджинальд, дрожа от стыда и ярости.

— Ты видишь, я смиренно молчу; ведь меч был дан тебе для того, чтобы сделаться защитником ее чести! — со смехом подхватил Альфонсо и презрительно щелкнул по рукоятке меча молодого англичанина.

— За это и за другие вещи ты еще заплатишься! — запальчиво воскликнул Реджинальд.

— Да хоть сейчас, хвастливый юнец! Не хорохорься, однако, теперь ты не снаряжен для такого поединка. Ступай и попроси Лукрецию вооружить тебя на ее защиту! Впрочем, погоди! Ты предназначен для более верного мщения. Ступай и скажи ей, что посланник из Феррары, баламутящий в Тибре ил, чтобы забрызгать ее, — есть не кто иной, как сам принц Альфонсо д'Эсте.

— В самом деле? Ну, теперь я открою твою хитрость! Ты влюблен в совершенство, которое покрыл вечным позором. Мне следует выдать тебя Борджиа, чтобы они заставили тебя жениться на дивной представительнице их рода, — сказал Лебофор, и его ревность прорвалась наружу, несмотря на все усилия скрыть ее. — Ступай, ступай! Я не такой глупец, каким ты меня, пожалуй, считаешь, и, клянусь, согласен скорее убить тебя, чем обречь на сладкую участь обладания Лукрецией.

— Разве жизнь и смерть до такой степени во власти нормандских вырожденков из-за моря? — возразил Альфонсо и прибавил, вздрогнув всем телом: — Но это — неправда! Твоя возлюбленная хуже последней продажной женщины из прокаженных французских лагерей, она возбуждает во мне отвращение и презрение, и, чтобы доказать это, я оставляю тебя невредимым сегодня вечером. Предоставляю тебя твоему блаженству, сам же я покину Ватикан и буду безмолвен, как его мрак, если... ты попросишь Лукрецию дать тебе сегодня венок за победу на турнире, что послужит мне благовидным предлогом вырвать у тебя из груди сердце на рыночной площади у всех на глазах. Она не откажет тебе в такой ничтожной награде, как моя опала и

унижение, а если понадобится и дальше обманывать Орсини, то ты можешь вздыхать и клясться, что тебе было бы приятней, если бы награда досталась ему вместо тебя, хотя бы в действительности ты заслужил ее.

— Нет, что бы ты ни говорил, я останусь здесь и буду ожидать своего счастья, — запальчиво ответил Лебофор, хватая в ярости Альфонсо за плач.

Однако иоаннит вырвался от него, вошел в тень крытой аллеи и тотчас исчез.

Вне себя от волнения, Альфонсо машинально покинул дворец, не зная хорошенько, куда направляется. Смертельный поединок был бы для него более желанной переменой, и, когда он внезапно вспомнил о своем уговоре с Фиаммой, он с удовольствием подумал об опасностях, сопряженных с этим приключением; вместе с тем его на минуту утешила мысль, что оно должно привести его к полному раскрытию преступлений Лукреции.

Было уже довольно поздно, и Альфонсо поспешил к месту свидания. У ворот святого Севастьяна ему встретилась фигура, также закутанная в рясу и капюшон, но это не помешало ему узнать в ней по условному знаку Фиамму. Они молча прошли в ворота и быстро пошли по равнине. Вскоре перед ними показалась древняя церковь святого Севастьяна, откуда ветер доносил звуки духовных гимнов. Однако Фиамма повернула на пустырь, покрытый глубокими ямами и поросший тернием и можжевельником, спустилась в одно из углублений, вырытых в песчаной почве, и они приблизились к месту, где было высечено в скалах несколько пещер, наполовину заваленных обломками камней и заросших сорной травой.

Фиамма юркнула с проворством змеи в одно из этих отверстий, Альфонсо же невольно замешкался, припомнив все слышанное о запутанных извилинах катакомб. Но пока он стоял в нерешительности, он услышал удары стали о кремь и увидел при свете вспыхнувшего пламени, что Фиамма, стоя на коленях, раздувает огонь в куче сухих листьев, чтобы зажечь факел. Устыдившись своей трусости, Альфонсо углубился в пещеру и стал помогать своей спутнице. Когда факел был зажжен, он по ее требованию воткнул в расселину скалы заготовленный ею кол, просверленный насквозь; в это отверстие Фиамма продела конец шелкового шнура и тщательно прикрепила его, после чего, вложив клубок в руку иоаннита и взяв факел, сказала с грустной улыбкой:

— Ну, как-то бьется твоей сердце? Ты готов следовать за мной?

— Решаюсь, хотя бы путь пролегал по черным ехиднам, — ответил Альфонсо, но снова поколебался, угадав намерение своей путеводительницы.

Он видел, что они стояли в низкой пещере из песчаника, откуда разветвлялось много сводчатых ходов по разным направлениям. Фиамма вступила в один из них, настойчиво внушая Альфонсо крепко держать клубок и разматывать его, подвигаясь вперед. Факел тускло светил в окружающих потемках, но рыцарь чувствовал, что путь идет вверх. Подземная галерея была едва достаточной ширины, чтобы можно было ощупью продвигаться по ней, и с обеих сторон завалена мусором. Молча и поспешно шли они дальше, причем клубок так быстро разматывался, что шелковый шнур постепенно опускался все ниже. Иоаннит убедился, ощупывая стены, что они вступили в другую пещеру, откуда шло три узких хода, спускавшихся так круто и глубоко, что в иных местах их высота едва достигала человеческого роста, а в других они суживались до размера трещины, произведенной землетрясением. Фиамма изредка произносила какое-нибудь слово, но иногда поднимала на ходу свой факел, и тогда он освещал мрачные отверстия, откуда разветвлялись новые ходы, но чаще высвечивал на стене древнюю надпись или грубый барельеф, высеченный в память страданий христианских мучеников, погребенных в нишах по стенам.

Путаница лабиринта, куда углубился Альфонсо, и недоверие к путеводительнице поколебали его твердость и мужество. Конечно, он тщательно соблюдал наставления Фиаммы при разматывании клубка, который, очевидно, был важнее для их безопасности, чем какое бы то ни было знакомство с лабиринтом, и при этом заметил, что к шнуру были привязаны через определенные промежутки маленькие свинцовые шарики, чтобы он снова слегка натягивался при спусках. Необходимость прибегнуть к помощи шнура стала еще очевиднее, когда подземный ход, опустившись на большую глубину, затерялся в таком множестве извилин, точно тянулся по самым внутренностям земных недр. Остальные неудобства еще увеличились. Струи холодного воздуха, сырость и зловоние доносились порою из пещер, обломки песчаника отваливались от каменных сводов, точно злой дух пытался преградить дорогу смельчакам, тогда как в отдалении внезапно раздавался странный вопль, переходивший наконец в слабый, таинственный шепот.

Длинный путь, пройденный в этих галереях смерти, удивлял и беспокоил Альфонсо. Но вот Фиамма остано-

лась и, направив на иоаннита свет своего факела, устремила на него внимательный взгляд, после чего сказала почти с оттенком презрения в голосе:

— Ваш лоб влажен, рыцарь. Вернитесь назад, если мужество покидает вас, потому что мы подходим теперь к месту, где начинается иску́с, и вы должны остаться один и без света в этом уединении до прихода действующих лиц, которые собираются исполнить жуткое представление.

— Какому бы риску я ни подвергался, ничто не заставит меня отступить, — ответил Альфонсо.

— Тогда будем продолжать свой путь, — сказала Фиамма и пошла дальше.

Подземный ход все расширялся и наконец уперся в арку, которая вела в пещеру, устроенную в прежние времена для добычи песчаника. На стенах уцелели примитивные рисунки и глубоко высеченные надписи, которые не могло стереть время. Естественные столбы, оставленные для поддержания свода, были кое-где украшены грубыми архитектурными изваяниями в виде неуклюжей резьбы по камню, а пыль на полу была такой густой и белой, точно ее посыпали нарочно, чтобы духи могли беззвучно скользить по ней.

— Вот та сцена, где предстоит разыгаться, пожалуй, еще более ужасной драме, — сказала Фиамма и показала своему спутнику внутренность пещеры, насколько мог осветить ее факел. — Если верить сказаниям, то в этих подземельях погребено больше мертвецов, чем найдется теперь живых людей во всей Италии. При этом большая часть их — умерщвленные, изувеченные жертвы человеческой жестокости! Эта белоснежная пыль состоит из их истлевших костей, эти стены созданы из их остовов, которые обнажаются каждым отпавшим осколком скалы перед нечестивыми взорами, потому что сюда приходят ведьмы и колдуны справлять свой шабаш и тешить своего владыку и повелителя осквернением этого священного приюта. Сюда явится Цезарь, такой же мрачный дух! Но для того, чтобы увидеть все, оставаясь невидимкой, хватит ли у вас мужества спрятаться вон в ту нишу, там, над аркой у входа?

— В ней очень тесно! Это могила? — спросил, содрогаюсь, Альфонсо и осветил факелом узкую, но глубокую впадину в скале над входом.

— А если бы и так? — возразила Фиамма. — Разве вы не видите полуистершейся надписи: «*Nil miseriùs vita!*»¹?

¹ Нет ничего более жалкого, чем жизнь!

Чем угрожает нам смерть, чего мы не выстрадали бы уже на земле? Впрочем, время не затянется для вас до моего возвращения. Вот та галерея ведет с несколькими извилинами в часовню, куда явится Цезарь с колдуном. Благочестивые монахи считают их богомольцами, желающими поклониться праху мучеников, и ждут от меня только условного знака.

— Время? Что значит оно в этих жилищах мертвецов? — спросил Альфонсо, все еще не решаясь, так как мужество покинуло его при мысли остаться одному в этом страшном уединении.

Однако пылкость чувства к Лукреции пересилила страх. Выступы, выдолбленные в скале, давали возможность подниматься в могилу, и, крепко держа клубок, рыцарь полез вверх. Но тут опасение предательства так сильно овладело им, что он остановился.

Брошенный им на Фиамму взгляд открыл ей без слов его мысли, и она с нетерпением воскликнула:

— Предать тебя! Но с какою целью? Пусть эта гора обрушится мне на голову и раздавит меня, если я злоумышляю против своего благодетеля.

Эта страшная клятва развеяла сомнения рыцаря, и он поднялся в пещеру, откуда ему предстояло наблюдать за своим врагом. Судя по ее глубине, она была вырублена для погребения; действительно, в ней, по старинному обычаю, был помещен стоямя длинный ряд трупов, но, вероятно, богатство наружных украшений соблазнило грабителей, и они сорвали мраморную облицовку гробниц. Трудно сказать, принесло ли это преступление хорошую добычу, но теперь в могиле не было ничего, кроме пыли и мрака.

Альфонсо был принужден пятиться в своем убежище задом, не имея возможности повернуться в тесноте, и отступал все дальше от входа, пока Фиамма не убедилась, что снизу его нельзя разглядеть. Тогда она кивнула ему на прощанье и поспешно скрылась в один из подземных ходов противоположной стороны пещеры. Альфонсо невольно подался вперед, чтобы проводить взором последний отблеск факела, после чего воцарились непроглядная тьма и такое ненарушимое безмолвие, как будто все звуки замерли навек.

Предоставленный своим мыслям, рыцарь снова принялся размышлять о событиях мира живых, причем забыл на некоторое время свое положение и сопряженные с ним опасности. Наконец, внезапно опомнившись, он испугался и был готов счесть окружающее нелепым сном. Но холод

могильных стен убедил его, что это — страшная действительность, возмущая, сулившая ему мало хорошего.

Поскольку отсутствие Фиаммы продолжалось уже довольно долго, то мучительные предчувствия и опасения стали вновь одолевать принца. Вошедшее в поговорку коварство Борджиа, жестокое мщение, которому они подвергали своих врагов, навели его на мысль, что его обрекли ужасной участи быть заживо погребенным в этом неизмеримом лабиринте. Несколько секунд несчастный не решался потянуть за шнурок, боясь, что тот, пожалуй, отвязан от кола у входа в подземелье, а в таком случае едва ли было возможно найти выход отсюда, и оставалось только погибнуть от голода и отчаяния. Однако томительная тоска неведения казалась ужаснее всякой уверенности, и Альфонсо поспешил разрешить свои сомнения. Потянув за шнурок, он убедился, что его страх напрасен, и в этот же момент показался свет в галерее, где он не ожидал его увидеть, и эхо невнятных голосов донеслось до него по гулким стенам раньше, чем разговаривавшие появились перед ним.

Впереди шел человек в плаще и в маске, в надвинутой на глаза широкополой шляпе с пером. За ним следовал другой, в форме испанского солдата, на лицо которого свешивались длинные спутанные волосы, вылезавшие из-под шлема. Третий нес в руках факел. Судя по сгорбленной фигуре и медленной походке, то был старик преклонных лет, но под черной одеждой кающегося монаха его совершенно нельзя было рассмотреть. Монах опирался на длинный посох, искусно украшенный фигурами и звездами, и нес на своей сгорбленной спине красный мешок, вероятно скрывавший в себе какие-нибудь орудия его искусства.

VI

— Священный воздух кажется мне удивительно промозглым, дон Савватий, между тем ему следовало быть сухим и теплым, так как мы спустились чуть не в самое пекло, — произнес мужчина, шедший впереди, и по его веселому голосу в нем не трудно было узнать Цезаря Борджиа. — Как глубоко надо еще нам спуститься, для того чтобы злые духи услышали наш зов?

— Настоящее место удобно для этого. Мы можем начертить достаточно широкий круг, — ответил колдун, голос которого хотя был старчески слаб и хрипл, но казался

иоанниту знакомым. — Однако мне нужна помощь, и я хочу пригласить двух своих товарок по ремеслу. Мы всегда оказываем друг другу взаимные одолжения.

Савватий отошел в сторону, вытащил острый нож из своего узла, царапнул им себе руку, спустился в отдаленную подземную галерею, брызгая по дороге кровью, и стал громкой скороговоркой произносить странные слова, точно призывая кого-то издалека. Ему нестройно откликалось многократное эхо. Вдруг послышался шум вихря и, когда он усилился, две сухопарые старухи спустились в галерею и вошли в пещеру, приговаривая:

— Мы идем!.. Идем! Идем!..

— Прекрати свое бормотанье святым угодникам, Мигуэло, иначе ты помешаешь колдовству! — с досадой сказал Цезарь. — Разве ты не видишь? Ведь это — твои старинные приятельницы, ведьмы из гетто.

Колдуньи приветствовали герцога фантастическим поклоном, указали своими костлявыми пальцами на дрожащего каталонца и дружно рассмеялись.

— Конечно, черти не пугают вас, ведьмы, потому что вы день и ночь находитесь в их компании, — сердито огрызнулся Мигуэло, — но, по-моему, вам не следовало бы смеяться после того, как ваша внучка навлекла опасность на всех нас своею безумной выходкой.

— Молчи, дурачок! Матери были бы в неменьшей опасности, но монашеский рыцарь, вмешавшийся в дело, пожалуй, имел причину раскаяться в том про себя, — мрачно заметил Цезарь. — Ну, дон Савватий, так как твои сестры по колдовству налицо, что же ты мешкаешь и смотришь на меня?

— Я хотел бы в точности знать вашу волю. Ведь до сих пор вы лишь смутно намекали мне на свои желания, — спокойно и самоуверенно ответил чародей.

— Я убедился, что тебе дана власть вызывать мертвых. Разве не показал ты мне в волшебном зеркале Карла Великого? — сказал Цезарь после краткого, несвойственного ему колебания. — Но теперь ты должен вызвать мне духа, который, пожалуй, не требует столь сильного колдовства, потому что, вероятно, еще блуждает между этим миром и тем, куда возвращается все существующее, или Вечностью, как истолковывает нам духовенство. Как бы то ни было, я хочу узнать от него, что ему нужно, чтобы он успокоился и не заслонял мне больше солнца, не становился на каждом шагу поперек дороги.

— Какого же духа должен я вызвать? — спросил колдун.

— Очерчивай свои волшебные круги и произноси заклинания, тогда я тебе скажу, кого мне желательно увидеть, — ответил Цезарь.

Чародей схватил свой посох и начертал им в воздухе какие-то таинственные знаки на три стороны пещеры, в то же время бормоча слова на неведомом языке. Потом он отбросил от себя посох, который извивался и шипел перед глазами испуганных зрителей наподобие огненного змея. После этого, выступив вперед, колдун начертал три магических круга, центром которых служил упавший жезл, и велел своим помощницам нагрести песка к магическим кругам медными лопатками, которые они держали в руках. Те принялись за дело, произнося вслед за ним какие-то еврейские слова, и кричали во все горло, хлопая в ладоши: «Учитель Каббалы, учитель!» Затем чародей выкопал много обломков костей и черепов и обложил ими третий круг.

— Теперь скажи, сын мой: был ли вызываемый нами дух насильственно изгнан из его тела, а если так, то где и когда это совершилось? — спросил колдун и стал продолжать свою работу.

Цезарь, словно томимый усталостью, опустился наземь и, роя песок и пропуская его между пальцев, промолвил:

— Зачем это нужно знать?

— Магический круг должен быть огражден от ярости духа. Если же круг не окажет ему сопротивления, то спрашивающий рискует быть растерзанным на куски или взорванным адским огнем...

— Насильственная смерть? Ну да, действительно, так было, но эти добрые женщины могут сказать, почему пал герцог Джиованни Гандийский.

— Он обесчестил чистую кровь нашего отца, чистую со времен Эноха¹, — ответила Нотте, отбрасывая назад свои спутанные черные волосы и поднимая взор от работы.

Ее сестра, седая Морта, также приостановила свои занятия и прибавила с горьким смехом:

— Но она была так прекрасна, Нотте!

— А за что он был убит? — спросил Савватий. — Ведь не ты же, благородный синьор, нанес удар в отместку за кровь Эноха?

¹ Энох (Енох) — «посвященный» (др еврейск) — по иудейской и христианской религиям один из патриархов, потомок Адама в седьмом поколении. Ему древние иудеи и арабские ученые приписывали изобретение письменности, математики и астрономии.

— Я не предназначен к тому, чтобы быть младшим братом, — ответил Цезарь. — Свет Джiovанни был моей тенью. Но ведь ты давно слышал эти истории.

— А не было тут другой причины, другого греховного пятна на душе твоего брата, которым мы могли бы воспользоваться, как чарами против злобы духа?

— Да, — ответил Мигуэлото, с возраставшим волнением следивший за приготовлениями к колдовству, — я дал склонить себя к убийству герцога Гандийского, так как мой господин уверял, будто смерть его брата послужит тому наказанием за преступную страсть к донне Лукреции.

— Молчи, глупец! — остановил его Цезарь. — Теперь не время для лживого бормотанья! Эти рассказы были отголоском моего шепота, и если бы душа Джiovанни не имела на себе иного пятна, кроме этого, приписанного ему блаженства, то она действительно была бы недоступна власти вашего колдовства. Как вы полагаете? Ведь это Лукреция убила его, а не я, когда она рискнула пожаловаться на брата за мимолетное безумие, после чего надменный мальчик пригрозил мне своим мщением.

Глаза чародея засверкали в прорезях его черного капюшона, и он снова принялся за свою работу, бормоча:

— Мы должны трижды повторить колдовство, потому что обиженные одарены властью, какая и не снилось обидчикам.

Ни единое слово этой неожиданной исповеди Цезаря не ускользнуло от напряженного слуха иоаннита.

Пока ведьмы нагребали новый вал по краям магических кругов, колдун поставил в первый круг низкий треножник, поместил на нем медную сковороду и развел под ним огонь. После того он взял часть трав, принесенных ему еврейками, и прибавил к ним других из своего мешка, чтобы составить курение. Цезарь как будто занимался некоторое время разглядыванием скульптурных украшений и надписей в этой подземной часовне, а затем произнес:

— Твои духи подобны женщинам, которые или являются непрощеными, или не приходят, когда их зовут.

— Дух может иметь власть противиться моим чарам, — ответил колдун. — До сих пор я еще не произносил своих заклинаний, но время близится к тому. Сестры, садитесь в первый круг и повторяйте за мною имена. Но с какой стати дрожит этот воин? Дух явится только своему убийце, вот и все. Перестань творить молитву, иначе все мы попадем во власть злых духов, — предостерег Савватий бледного Мигуэлото, щелкавшего от страха зубами. — Сту-

пай в круг, если хочешь остаться невредимым, и не бойся, пока наступит твой час. Герцог Цезарь, войди во второй круг!

Мигуэлото машинально повиновался приказанию чародея, а Цезарь, смело выступив вперед, прыгнул в круг и, скрестив руки, остановился там с решительным или, скорее, скептическим видом.

Чародей вошел в крайний круг, опустил на колени, вынул из-за пазухи восточную книгу, разрисованную волшебными знаками, схватил единственный принесенный им факел, сунул его в песок и потушил.

Пещеру теперь освещал лишь слабый свет, распространившийся от огня под жаровней колдуна, от которой поднимался густой благовонный дым. Альфонсо наблюдал за всем происходившим и под влиянием веры в силу колдовства, распространенной в те времена, чувствовал робость, которую может возбуждать ожидание пришельца из неведомого мира. Что касается Цезаря, то, несмотря на страх, возбуждаемый своим преступлением, он с мужеством ожидал результата страшного опыта и лишь несколько раз бессознательно пробормотал:

— Пусть бы он принял любую форму, только бы не эта темнота! Тогда я не стану ничего бояться!

— Тише, тише! Не мешайте сестрам слушать мою речь, — с досадой произнес колдун и продолжал чтение своей книги, понятой только ему и колдуньям.

Вскоре послышалось рокотание, похожее на отдаленные раскаты грома и постепенно приближавшееся, а по песчаному полу и могилам в стенах пещеры забегали огненные иероглифы. Между тем чародей спокойно читал, не поднимая головы, а ведьмы продолжали петь, причем их голоса уподобились вскоре вою морских волн во время бури.

Вдруг жаровня с курениями вспыхнула и зашипела, точно в ней клокотали пестрые змеи, извивавшиеся в пламени. Пещера наполнилась одуряющим дымом, который вызвал странную истому даже у Альфонсо. Это ощущение продолжалось недолго, но вызвало мечтательное забытие. Вскоре Альфонсо показалось, что он видит легионы отвратительных призрачных фигур, мелькавших вдоль стен пещеры, реявших в ней. Большинство этих призраков делали презрительные жесты или насмешливо ухмылялись, кивая на молчаливые человеческие фигуры, находившиеся в магических кругах.

— Все напрасно, — тихо пробормотал Савватий. — Духи пренебрегают вашими посулами, не хотят принимать

ничего, кроме свежепролитой крови детей и юных дев, и не согласны отвечать. Ведьмы, заклинайте своего отца, жестокого старого чародея, чтобы он подал нам помощь, потому что он наверняка находится между этими духами.

— Это неправда! — закричала Морта. — Эти духи не похожи на детей нашего племени, а твои соплеменники были всегда хуже чумы ненавистны нашему отцу.

— Прибавить мандрагоры! — поспешно сказал Савватий. — О, наша ворожба еще сильна. Пот с правой руки убийцы в пламя! Говори, Цезарь. Напомни им об ужасных деяниях, которыми ты заслужил их благоволение и помощь. Говори, иначе у меня не достанет власти удержать их или принудить к повиновению.

— Страданиями, пожирающими мою душу, невестою Христовой, взятой мною от Его алтаря, диким проклятием принца Джема, кровью своего брата заклинаю вас! — воскликнул Цезарь и при виде постепенного исчезновения призрачных сонмов продолжал с возрастающей яростью: — Демоны и духи, слушайте меня! Ради отвратительной клеветы, взведенной мною на верховного главу ненавистной мне церкви, велите явиться предо мною духу, которого я требую.

Наступило жуткое безмолвие, а потом раздался общий крик, вырвавшийся у всех зрителей, не исключая колдуна, кроме Цезаря, стоявшего неподвижно, как статуя, когда из галереи над противоположной стеной пещеры показался тусклый, призрачный синеватый свет и в нем слабый очерк доспехов, плаща и роскошного одеяния, обгаренного кровью. Среди них едва различались расплывчатые черты лица.

— Ангел или дьявол... кто бы ты ни был! — прохрипел Цезарь. — Да, да, это он, каким мы оставили его в склепе церкви Пресвятой Девы!.. Джиованни!.. Брат!.. Нет, я не хочу называть тебя братом, — продолжал он тоном безумца, бредящего в своей камерке. — Останься!.. Говори, или моя душа разорвется среди этого молчания. Говори: оттого ли мучишь ты меня так жестоко, что был убит в смертном грехе, в объятиях женщины из проклятого племени? Разве твоя душа не может найти покоя, и не в том ли состоит твое адское мучение, чтобы ты создавал мне ад на земле? О, говори, скажи мне: какое покаяние, какие молитвы, сколько бесчисленных обеден могут принести мне прощение, а тебе загробный покой?

Наступило глубокое молчание.

— Цезарь! — послышался наконец тихий неземной голос, словно выходявший из глубины могилы, но звучащий кроткой скорбью.

— Я здесь! — в отчаянии крикнул братоубийца.

— Сбрось это платье, в котором ты уподобился Каину, первому убийце, оденься снова в свое священническое одеяние, предоставь свою сестру каждому, кого изберет ее любовный каприз, хотя бы последнему из твоих слуг!.. Проводи свои дни в покаянии, молитве и богоугодных делах, в непрерывном старании загладить и опровергнуть отвратительные наветы, распространенные твоей испорченностью, тогда Небо еще может умиلسердиться над тобою.

— Никогда! Никогда! Никогда, дьявол! Ты нарочно принимаешь этот дружеский облик, чтобы терзать меня! — безумствовал Цезарь. — Скажи мне, что, сделавшись повелителем Италии, я должен освободить Гроб Господен из рук неверных или погибнуть в этой борьбе, и одарять Божие храмы, чтобы в них совершались моления за твою душу, отошедшую не в мире. Да, сделай самое худшее, что ты можешь, уничтожь меня, я все-таки стану противиться тебе. Мальчик, ты был так любим и так прекрасен! Да, хоть ты и дух, я также хочу помучить тебя. Удались в свой могильный мрак, когда венец первого Цезаря будет возложен на меня, когда Лукреция, как императрица, в величии своей красоты воссядет со мною на трон, когда весь свет — из любви или страха, мне все равно, — воскликнет: «Хорошо сделано! Хорошо сделано!»

Но едва он произнес эти слова, видение исчезло во мраке, испустив протяжный и скорбный вопль, звучащий как прощание со всякой надеждой.

Тусклый багровый свет под жаровней, померкший было при неземном сиянии, показался теперь снова, и Альфонсо, остававшийся в полубеспамятстве, почувствовал, что наступило продолжительное молчание.

— Дон Савватий, — заговорил наконец Цезарь удивительно твердым голосом, — дай-ка нам свет! Это странное мороченье. Слышал ли ты, что говорил красиво наряженный дьявол?

— Цезарь, послушай меня, — прохрипел чародей, — ты видел настоящего духа. Мое колдовство не могло вызвать его. То был дух с небес, хотевший напомнить тебе о раскаянии, и я умоляю тебя: покаяйся и спаси свою душу от палящего огня, который пожрет ее.

— Ты подаешь мне добрый совет! — с диким хохотом воскликнул герцог. — Раскаяние! Постричься в монахи?

Не так ли? Бормотать обедни и толкнуть Лукрецию в объятия первого встречного нищего, который приглянется ей, — пожалуй, сумасбродного молодого англичанина или бесчувственного шпиона из Феррары? Вздор! Разве ты забыл, что сам же показывал мне потомство Лукреции в виде венценосцев и с крестами, перед которыми меркли короны цезарей?

— Помню, — простонал чародей.

— Ну, значит, ты получил мой ответ, — задышавшись произнес Цезарь. — Но дай мне испытать еще раз силу твоего столь могущественного искусства. Прикажи своим духам показать мне образ мужчины, которого Лукреция любит или должна любить, чтобы мы, повинувшись воле духов, не ошиблись в ее женихе.

— Напрасная попытка! Злые духи утомлены и не захотят больше повиноваться моей ворожбе, — ответил Савватий, медленно выпрямляясь и осмотревшись вокруг с нервным содроганием.

Иоаннит впервые заметил удивительную перемену в голосе колдуна; этот голос стал теперь сильным, печальным, благозвучным и поразительно напоминал голос Бруно.

— Я говорю тебе, что они согласятся! Произнеси слово заклинания! — с лихорадочной торопливостью настаивал Цезарь. — Спроси только, не иоаннитский ли это рыцарь? Но нет, этого не может быть! Разве не пыталась Лукреция отравить его в день турнира?

— Нет, я могу доказать тебе это! — воскликнул Савватий. — Я сам приготовил напиток для одного соперника, хотевшего навлечь на него позор в тот злополучный день. Но не принуждай меня! Раздраженные духи послушаются только тех слов, которые поколеблют гору над нашими головами.

— Можешь поколебать весь мир, только исполни мое желание! — воскликнул Цезарь.

— Хорошо, я сделаю, что смогу, но думаю, духи не послушаются. — И Савватий начал произносить свои заклинания, но слабым голосом и с видимой неохотой.

Альфонсо находился в не менее мучительном беспокойстве, чем герцог. В своем нетерпении забыв всякую осторожность, он вышел из своего убежища, чтобы посмотреть, что произойдет. Хотя в пещере было совершенно темно и пламя под жаровней отбрасывало лишь небольшой круг света, в котором виднелась согбенная фигура колдуна да сверкал в багровом отблеске край одежды Цезаря и кончик его султана из перьев, однако на беду огонь внезапно

вспыхнул и отбросил яркий отблеск на иоаннита. Еврейки, в страхе отвернувшиеся от призрака, пронзительно вскрикнули, а Цезарь и чародей в испуге оглянулись и на одно мгновение ясно увидели Альфонсо, прежде чем он успел спрятаться. Рыцарь вспомнил потом, что Цезарь кивнул ему с удовольствием и насмешкой, как будто узнал его, а Савватий, застонав от страха, рухнул наземь без чувств.

Иоаннит напряженно прислушивался с минуту, убедился, что испуганные зрители приняли его за приведение, а затем увидел, что Цезарь вступил в круг колдуна и приподнял его, но с возгласом, скорее отзывавшимся презрением, чем жалостью.

— Мигуэлото, — сказал он вдруг под влиянием какой-то новой мысли, мелькнувшей у него в голове, — ведь мы почти не видали сегодня ночью лица дона Савватия. Я хочу хорошенько рассмотреть его. — С этими словами он разрезал кинжалом пояс монашеской рясы, откинул капюшон и внезапно воскликнул: — Бруно!

От изумления все точно окаменели.

Наконец, Цезарь разразился диким хохотом и, хватая каталонца за грудь, крикнул:

— Мигуэлото, тешился ли над нами нечистый, или ты — изменник?

— Это — несомненно монах Бруно Лафранки, но я не знаю, каким чудом ускользнул он из крепости Ангела, — ответил Мигуэлото.

— Мы узнаем это, когда увидим, каким образом он туда вернется, — задумчиво промолвил Цезарь. — Но ведь монах давно уже слыл чародеем! У меня порою мелькало подозрение относительно его, и теперь мне припомнилось все это. Смотрите, не смейте проговориться, что я видел его. Загаси огонь, Мигуэлото. Обманщик должен вывести нас из этого лабиринта, иначе нам пришлось бы долго ждать другого проводника.

Сильные подергивания членов колдуна доказывали, что он очнулся от беспамятства. Цезарь опрокинул жаровню, так что последнее мерцание света угасло, а потом поднял мнимого дона Савватия с земли. После кратких переговоров тот принялся шарить впотьмах, отыскивая свои книги и принадлежности чародейства, а затем, собрав их, принял на себя роль проводника, и вся достойная компания последовала за ним.

Когда шум их шагов совершенно замер в отдалении, Альфонсо опомнился, собрался с мыслями и стал думать о собственном положении. Итак, Лукреция невиновна ни в

одном из взведенных на нее преступлений! С минуту все душевные силы Альфонсо были поглощены этим блаженным сознанием. Но тотчас у него мелькнула мысль, что ведь Лукреция — возлюбленная Реджинальда, и это мгновенно отогнало наплыв блаженных чувств. Однако затем ему вспомнились прежняя любовь Лукреции к нему и блестящие обещания, связанные с его женитьбой на ней. Он кинулся вон из своего убежища, точно в надежде, что еще не поздно вырвать Лукрецию из объятий соперника, избавить от неслыханного позора, и, лишь спустившись на пол подземной часовни, спохватился, что забыл о шелковом клубке. Он потерял его, поспешно прячась от взоров чародея.

Вне себя от испуга, Альфонсо поспешно поднялся опять в склеп над входом и стал тщательно шарить в потемках по всем углам, но все поиски были напрасны. Наконец ему пришло в голову, что клубок упал в пещеру, и он долго отыскивал его там, бродя ощупью во мраке. Вспомнив о жаровне, он с трудом добрался до места, где происходила ворожба, но Цезарь так основательно затушил огонь, что в золе не нашлось даже искры.

После этой новой неудачи Альфонсо пытался уверить себя, что сумеет без труда найти дорогу, по которой пришел сюда, и пошел, как ему казалось, по прямому направлению вперед, но подземная галерея внезапно сузилась до размеров трещины, в которой можно было подвигаться дальше лишь с усилием, протискиваясь между стен, а этого, насколько помнил Альфонсо, не встречалось ему по пути в пещеру. Все тревоги стушевались теперь перед убийственной мыслью, что он, пожалуй, безвозвратно погиб в этом темном лабиринте. Вернувшись опять назад, он принялся громко звать о помощи, но только гулкое эхо отзывалось на его зов в этом городе мертвых.

Альфонсо по-прежнему находился в обширном пространстве и хотя не мог различить в густом мраке ни одного предмета, однако у него блеснула мысль, что если бы найти ощупью вход, приведший его в пещеру, то было бы не трудно отыскать и клубок, который, конечно, откатился недалеко от того места. Он совсем не отдавал себе отчета в том, сколько времени провел он в этих поисках, но убедился, что попал в одну из длинных подземных галерей. Тут ему припомнилось, что Бембо читал в одной старинной книге, будто бы эти ходы простираются до самой Остии¹ и

¹ Остия — город в устье реки Тибр, гавань Древнего Рима.

до такой степени перепутываются под землею, что едва ли возможно напасть в них на настоящую дорогу.

В приливе отчаяния Альфонсо схватился за свой кинжал, желая убедиться, что у него осталось еще средство избежать страшной участи, на которую он был обречен в этом лабиринте. Однако минуто спустя он ободрился и стал пробираться наудачу вперед, рассчитывая, что если идти все время прямо, то перед ним должен открыться выход из подземелья. Эта надежда подкрепилась еще тем, что подземная галерея заметно шла кверху, как будто обещая вывести заблудившегося на поверхность земли. Но вдруг он наткнулся на скалу, совершенно преградившую ему путь.

Несколько мгновений Альфонсо старался уверить себя, что все виденное и слышанное им было только сном; он даже громко рассмеялся при мысли, что мог пойти на подобный риск, положившись на сомнительные уверения Фиаммы, возлюбленной Цезаря Борджиа, и убедил себя, что сам вложил в уста призрака Цезаря подозрение, давно таившееся у него в душе. Страшный пришлец из неведомого мира, принявший облик несчастного герцога Гандийского, конечно, также мог быть лишь порождением фантазии. Превращение колдуна в монаха Бруно являлось, несомненно, плодом сонной грезы, так же как и необъяснимое исчезновение Фиаммы с арены действия, где она играла важную роль, и все подробности ворожбы, появление ведьм в бурном вихре, демоны и ухмыляющиеся призраки. Однако вскоре мысль о сне отпала, и Альфонсо осознал действительность окружавших его ужасов. Телесные и духовные силы покинули иоаннита при этом открытии; мысли вихрем кружились у него в голове, сердце стачало, как молот, пот крупными каплями выступил на лбу, и он шатаясь удалился на несколько шагов от каменной стены. Сделав отчаянное усилие, он оправился от слабости и попытался продолжать свой путь назад, как вдруг его заставили остановиться оглушительный треск и грохот посыпавшихся кругом каменных обломков и песка. Земля словно опустилась под ним, и, потеряв сознание, он в глубоком обмороке упал на каменистый грунт.

Альфонсо не отдавал себе отчета, сколько времени пролежал он таким образом, но наконец внезапно очнулся, с онемевшими членами, томимый мучительной жаждой. Его язык и горло были покрыты густым налетом пыли, и он не сразу опомнился, после чего с трудом поднялся и растерянно уставился взором в темноту. Сначала ему померещилось, будто он смертельно ранен на поединке с Лебофором

и делает последнее усилие, чтобы вырвать Лукрецию из объятий соперника, но когда действительность предстала перед ним в смутных образах, он снова лег на землю, стараясь успокоить себя мыслью, что его по-прежнему преследует страшный сон. Обломки камней, на которых он лежал, и отвратительное зловоние, доносившееся издали, помешало ему забыться; когда же сознание окончательно вернулось к рыцарю, он едва не сошел с ума.

Однако врожденное мужество и чувство самосохранения оживили его угасшие силы. Вдобавок у него мелькнула спасительная мысль: ему ясно представился обидный контраст между его положением и положением Реджинальда. Тогда как ему угрожала жестокая участь безвестной гибели под землею, его соперник упивался радостью и торжеством. Безумная жажда мести вернула силы Альфонсо, и он стал усердно подвигаться ощупью вперед, пытаясь найти обратный путь. Но вот он наткнулся на неожиданное препятствие — груды камней, которые осыпались под его руками. Он припомнил оглушительный грохот подземного обвала, предшествовавший его обмороку, и еще неизведанный ужас овладел им при мысли, что обрушившиеся позади него камни навсегда преградили ему выход. Каждое усилие, которое он делал, подтверждало эту догадку. Тогда Альфонсо крикнул так громко, что его голос, казалось, должен был проникнуть сквозь расселины скал и дойти до чьего-либо слуха. Конечно же, никто не откликнулся. Тогда Альфонсо, немного помолчав, снова повторил свой зов, а затем стал горячо молиться, чтобы Провидение умилосердилось над ним или поразило его мгновенной смертью. Увы, лишь эхо отзывалось ему в вышине.

Тут Альфонсо вспомнил, что ведь некоторые пещеры были очень высоки, а в подземных галереях зияли трещины, и у него мелькнула надежда выбраться из темной западни. Он поднял руки и, хотя не нащупал ими свода над своей головой, все же выпрямился, прижимаясь к тесным стенам. И тут, вне себя от восторга, он почувствовал, что трещина, в которой он пробирался, постепенно расширялась, и наконец его могучая грудь могла свободно вздохнуть. Он стал подниматься дальше, упираясь спиною и ногами в стены, и через несколько мгновений его нога нащупала острые края пещеры. С невыразимым восхищением он спрыгнул в открытое пространство.

Отдохнув, Альфонсо стал ощупью пробираться в потемках, все еще сознавая, что у него нет иной надежды, как высмотреть какой-нибудь выход. Рискуя всевозможными

опасностями, он шел вперед, понимая, что каждый шаг может привести его к гибели, и с трудом переводил дух в спертом воздухе подземелья. Но он преодолевал изнеможение и страх, спеша дальше, пока, наконец, измученный усталостью и отчаянием, остановился на минуту.

Внезапно до его слуха донесся собачий лай.

В приливе сил Альфонсо кинулся вперед, по возможности в том направлении, откуда слышались эти звуки; к счастью, собака продолжала лаять, точно почуяв приближение чужого человека. Спустя немного времени, Альфонсо заметил слабый свет, выходящий из низкого, но широкого отверстия. В некотором отдалении показались глыбы скал, облитые багровым отблеском, очевидно, собачий лай доносился с той стороны. Идя дальше, иоаннит убедился, что находится в пещере; последняя становилась все ниже и ниже и наконец превратилась в извилистую расселину в скале, откуда виднелся свет. Альфонсо пришлось пробираться ползком в этой трещине до края обрыва, и здесь перед ним открылась пещера внизу, где расположились группами спящие мужчины, тогда как собака, потеряв надежду разбудить их своим лаем, с ворчаньем смотрела вверх. Альфонсо только что хотел позвать на помощь, как, на его счастье, один из прятавшихся здесь людей поднял голову и крикнул: «Куш, бестия!». То был злобный голос бандита Джиованни из катакомб.

Альфонсо понял, что ему нечего ждать добра от этих разбойников. Все эти люди, теперь мирно спавшие в подземелье, были вооружены самострелами, кинжалами и стальными или кожаными щитами.

Конечно, было опасно отдаться в руки головорезов, и Альфонсо решил выждать их ухода, рассчитывая, что они поднимутся рано, чтобы отправиться на свой промысел. Он убедился, что ему не составит труда спуститься в пещеру, так как камни в стенах из песчаника образовывали естественные уступы, а разбойники, несомненно, имели легкий доступ в свое укромное убежище.

Успокоенный этой надеждой, Альфонсо прилег, стараясь собраться с силами. Однако назойливые воспоминания не давали ему забыться сном, а все передуманное и выстраданное им в эту жуткую ночь стояло перед его глазами в живых образах. Но все телесные страдания, вынесенные им, казались ничтожными по сравнению с душевной мукой, терзавшей его при мысли о преграде, возникшей между его любовью к Лукреции и ею самою. В его ушах все еще звучало признание Цезаря в преступной страсти к се-

стре, а при этом воображение, подстрекаемое ревностью, рисовало ему сцены сладострастного торжества его юного соперника — Лебофора, и, видя перед собою точно наяву все прелести Лукреции, он чувствовал прилив ненависти и жажду мщения англичанину.

Силы Альфонсо были до такой степени истощены, что он постепенно погрузился в сон, смущаемый странными грезами, не имевшими, впрочем, прямой связи с его недавними страданиями. В заключение ему пригрезилось, будто его душа заключена в мраморную статую, лишенную способности двигаться, и навсегда обречена оставаться в этом состоянии; когда же он наконец избавился от этого оцепенения и с трудом перевел дух, то заглянул во сне в какую-то пропасть, где Лукреция с Реджинальдом покоились на дерновой скамье, окруженной розовыми кустами, причем красавица прижималась румяной щекою к плечу рыцаря.

Наконец, он проснулся и услышал голос Дживанни, по-видимому, рассказывавшего о странном лае собаки в ночную пору.

— Цербер не пойдет сегодня со мной, — сказал он. — Кажется, пес почуял целую стаю крыс. Меня несколько не удивило бы, если бы они спустились со скал целыми сотнями: ведь Бог весть что скрывается в этой зияющей пасти. Я спущу собаку с цепи и принесу ей на ужин бычье сердце.

Разбойник говорил это единственному товарищу, оставшемуся в пещере; последний правил, как бритву, острооточенный кинжал о свои кожаные сандалии и утвердительно кивал головой, не отрывая глаз от своей работы. Альфонсо решил выждать ухода бандитов; те действительно вскоре покинули пещеру. Но собака, по-видимому, осталась недовольна этим и попыталась последовать за своим суровым хозяином; однако последний гнал ее прочь и наконец проводил назад пинками. Животное покорилося нехотя и долго с тоскою смотрело ему вслед, пока бандит удалялся по песчаной тропинке, вероятно, ведущей из подземелья на поверхность, а затем принялось уныло лизать себе лапы, чутко прислушиваясь по временам, точно до него все еще доносился отдаленный шум шагов хозяина.

Альфонсо опасался тонкого слуха собаки и, лишь когда она свернулась калачиком, рискнул спуститься в пещеру. При его первом движении Цербер насторожился, а едва рыцарь начал выползать из трещины скалы, разразился злобным лаем и подпрыгнул так высоко, что Альфонсо понял опасность, грозившую ему от этого нового противника. После неудачного прыжка собака стала карабкаться на выступ

скалы, и Альфонсо, считая опасным ее нападение в узком пространстве, выполз из расселины с обнаженным кинжалом. Достигший подножия обрыва пес подпрыгнул до него, но тотчас замертво покатился наземь с кинжалом в горле.

Теперь предприятие Альфонсо уже не было сопряжено с большими затруднениями. Подземная галерея, служившая выходом из пещеры, была прямой и заканчивалась углублением в почве, так густо заросшим терновником и другими кустами, что только знавшие эту лазейку могли найти дорогу в подземелье в их запутанной чаще. За нею простиралась открытая равнина. Альфонсо наконец выбрался на свободу.

VII

Когда миновала та страшная ночь, первый слабый отблеск рассвета, проникнув в комнату пыток в крепости Святого Ангела, осветил бледное с свинцовым оттенком лицо Цезаря Борджиа, искаженное гневом. Он вел жаркий спор с Фиаммой Колонна. Та, сидя на крестообразном приспособлении для пыток, спокойно опровергала его подозрение, по-видимому, приведшее герцога сюда в такую пору, и решительно отрицала, что суеверный Мигуэлото разрешил монаху Бруно выходить из тюрьмы, когда ему вздумается.

— Да я видел его своими глазами! — воскликнул Цезарь, с досадой перебивая ее. — Я проследил за тем, когда он возвращался в крепость, и хочу знать, кто дал ему возможность выйти отсюда, так как, по твоим же словам, Мигуэлото начисто отрицает свое участие в этом деле. Я хочу знать это, иначе орудие пытки, на котором ты сидишь, не в первый раз будет пущено в дело.

Взглянув с презрительной усмешкой на ужасный предмет, Фиамма равнодушно ответила:

— Неужели только телесные мучения покоряют людей?

— А ты хочешь показать, будто твои женские нервы не содрогаются перед этим испытанием?

— Я ношу в самой себе пытку, которая несравнима ни с какими орудиями, вызывающими страх и мучение, — ответила Фиамма как раз в ту минуту, когда в комнату входил Мигуэлото со своим узником Бруно.

— Простите, падре, что я потревожил вас до петухов, — серьезно промолвил герцог. — Я не сомневаюсь, что нарушил ваш сон, не так ли, Мигуэлото?

— Я застал святого отца на молитве, — почтительно ответил каталонец.

— Я ненадолго отвлеку вас от нее, если на мои прямые вопросы последуют столь же прямые ответы, — продолжал Цезарь. — Скажите мне, ведь вы — тот монах, которого я видел во время своего учения у Савонаролы, когда дожидался аудиенции в приемной Пиетро Медичи?

— Да, и именно мне вы сказали: «Когда я сделаюсь римским императором, то помогу вам довести церковь до истинно апостольской бедности и подчинения, о каких вы только можете мечтать», — ответил доминиканец.

— Значит, вам еще памятна та мальчишеская болтовня?

— Да ведь и вы сами, думается мне, не забыли о ней.

— Нет, не забыл, — согласился Цезарь, — и время исполнения моего обещания, пожалуй, ближе, чем полагают многие из вас. А кого, более достойного, могло бы избрать Небо для подобного дела, как не вас, своего святого и мученика? Вдобавок мне известно, что вам я обязан неоцененной милостью. Вы сняли с вашего духовного сына, дона Савватия, наложенное на него проклятие и позволили ему помочь мне в одном деле, весьма близком моему сердцу.

— Нет, я позволил ему помочь вам в одном деле, весьма близком моему сердцу, в котором вы играете роль избранного, хотя и слепого орудия, — спокойно ответил монах. — Я не надеялся так скоро улучшить удобный момент, но когда был призван к тому, то молился, чтобы мне поскорее избавиться от всяких плотских уз и приступить наконец к заранее предназначенной работе. Я позволил дону Савватию ослепить вас обманчивым явлением духов в катакомбах, а теперь вы должны узнать, что жалобному замогильному голосу вашей жертвы подражала ваша сестра Лукреция.

— Монах, ты, кажется, бредишь! — воскликнула Фиамма тоном предостережения и угрозы.

— Нет, это правда! — воскликнул Бруно. — Да, герцог, Лукреция Борджиа была свидетельницей вашей исповеди, вызванной у вас вашим собственным сознанием вины и хитростью заклинателя. Отныне вы во власти Лукреции, и так как вы не смее погубить любимого ею человека, а злой дух, преследующий вас, не позволяет вам вредить ей самой, то в вашем распоряжении остается единственное средство: вы должны разрушить ту силу, вследствие которой Лукреция опасна для вас... да, да, вы должны свергнуть с папского престола своего отца, Родериго Борджиа.

— Монах!.. Дьявол!.. Должно быть, я вижу сон! — задыхаясь, произнес Цезарь и откинул со лба влажные волосы. — Судьба изменяет мне. Возможно ли, что маг Савватий на самом деле — только низкий подкупленный шпион, согласившийся на предательство?

— Нет, — возразил доминиканец, — он лишь существо, действия которого заранее предопределены роком и кто сам, мороча тебя ворожбою, получил ясное указание свыше, когда, вызвав призрак иоаннитского рыцаря, убедился, что его догадка оказалась верной и что Лукреция любит этого посланника из Феррары.

— Однако ты великолепно осведомлен обо всем! — воскликнул Цезарь, чувствуя холодный пот на лбу и нервную дрожь. — Если это — правда, то у тебя были сообщники среди нас. Уж не колдун ли и ты? Не сам ли Савватий? Да, да, я уверен в этом! Ведь я видел твое проклятое лицо, когда ты от трусости упал в обморок в катакомбах.

— В таком случае, ты напрасно утруждал себя расспросами, — спокойно ответил монах.

— Откуда такая отвага? — с яростью воскликнул герцог. — С небес или из преисподней? Признайся, кем ты приставлен так упорно играть эту странную роль, после того как тебе удалось разжечь огонь в моей душе своими привидениями и пророчествами? Сознайся, или я сумею принудить тебя к тому.

— Тащи сюда орудия мучения, пробуй пытки — раскаленное железо, кипящее масло, расплавленный свинец или все вместе, ты не сможешь причинить мне боль, — ответил Бруно. — Теперь я спокоен. Я слышал голос, и теперь наградой мне служит уверенность, что Лукреция не может совершить грех и что ваше адское отродье должно отныне стремиться к собственному уничтожению. Моя смерть уже не в вашей власти.

— Ты годишься на то, чтобы содействовать моим планам, и если бы наступила пора... — воскликнул Цезарь. — Впрочем, я не подвергну тебя пытке, если ты сознаешься, какими средствами располагаешь для того, чтобы уходить из этого укрепленного замка, и каким образом совершил ты невозможное, о котором ведешь свои безумные речи?

— Я тверд как гранит и перенесу все мучения, но не отвечу тебе, Борджиа.

— Цезарь, — сказала Фиамма, удивленная опасными признаниями доминиканца, — ты мог убедиться сам, что монах располагает чудесной силой, и не все ли равно, исходит она от ангелов или от злых духов.

— Но именно ангел на моих глазах отворил ему потайной вход в могилу Адриана и даже имел твой облик, — промолвил Цезарь, внезапно хватая молодую женщину за руку и устремив на нее пристальный взор. — И ты, ты предала меня! — продолжал он, с гневом отбросив ее руку. — Теперь я прозреваю все. Твой друг и союзник, посланник из Феррары, не был призраком. Он также находился в катакомбах и по твоему наущению. Ты была замаскированным венецианцем, приходившим к нему. Однако я еще не совсем погиб, как вы все воображаете, и мною приняты меры даже против этой ловкой затеи предательства и неблагодарности.

— Предательства и неблагодарности? — подхватила Фиамма, вскочив с места и став перед Цезарем с видом ожесточенного упорства. — Чудовище! Ты не хочешь, чтобы рассеялся мрак, которым ты окутал имя своей сестры, и чтобы благородный посланник из Феррары увез ее как невесту своего государя от твоей пагубной близости. Да, я была венецианцем, которого выследили твои шпионы! Но кто ты сам? Каин, братоубийца, оболститель, душегуб. Насыть, пытая меня, всю свою жестокость; я не боюсь ее; меня радует мысль, что, по крайней мере, твоя сестра предупреждена против нее и твои козни бессильны погубить ее.

Наступило долгое, жуткое молчание, причем Цезарь зорко всматривался в своих узников.

— Уведи их прочь, — приказал он наконец Мигуэлото, словно очнувшись ото сна. — Моя голова в огне, а так как они смеются над этими жалкими орудиями пыток, то надо придумать для них нечто совсем иное. Долой их с моих глаз! Да, им придется прибегнуть к колдовству, если хоть один из них захочет вновь выйти живым из этих стен.

— Тогда прощай, — сказала Фиамма, ярость которой внезапно утихла. — Впрочем, нет, казнить меня следовало бы здесь; ведь гибель от твоей руки была бы справедливостью, способной принести отраду, искупление для меня. Убей меня здесь, Цезарь! Я могу умереть от твоей руки так же безропотно, как ягненок, который дает мяснику тащить себя на убой.

— Вот потому-то этого и не будет! — в бешенстве воскликнул герцог. — Прочь их отсюда! В темницу под валами!

Мигуэлото поспешно повиновался и вернулся в смущении, дрожа всем телом. Погруженный в глубокую задумчивость, Цезарь не скоро заметил его присутствие.

— Ваша светлость, неужели все пропало? — заговорил наконец каталонец.

— Пропало? Что пропало? — рассеянно переспросил герцог. — Лукреция знает лишь то, что она всегда подозревала, но не осмелится выдать меня папе. Вздор! Ничего не пропало, пока я остаюсь самим собою. Сестра будет держать этот секрет про запас, как колдовство, для защиты своего возлюбленного, как она полагает... устрашающее колдовство! Уж не воображаешь ли ты, что мы с тобой сидим в темницах Александра? О нет!.. Говорю тебе, что все идет превосходно; я уже всех одолел, осуществил все свои планы, — с внезапным воодушевлением продолжал Борджиа. — Не бойся союза с Феррарой — он не состоится. А теперь мне нужно всего одно доказательство для разбойников Орсини, чтобы принудить их дать мне тот рычаг, которым я хочу приподнять мир. И знаешь, кто должен послужить мне свидетелем? Поверенный Лукреции и правая рука Паоло — беспорочный английский рыцарь. Ты думаешь, что я брежу? Успокойся!..

— Вот если бы мы могли узнать от наших узников про все, что нам угрожает! — промолвил Мигуэлото, обводя взором сожаления орудия пытки.

— Ты ошибаешься, — поспешно возразил Цезарь. — В их теперешнем безумии эти мучения бессильны развязать им языки. Знаешь, даже сама злоба Фиаммы против меня вызывает во мне... что-то непонятное, так что я не желал бы калечить и терзать ее прекрасное тело пыткой.

— Голод и жажда могли бы также сделать свое дело, не нанеся ей непоправимого вреда, — снова начал Мигуэлото. — Я убедился, что жажда причиняет невыносимые мучения.

— Не отказывай Фиамме ни в чем, — серьезно промолвил Цезарь. — Мы должны действовать на дух, а не на тело. Ну, теперь принеси мне мой еврейский костюм и бороду и достань рыбацкий челнок, который должен отвезти меня в гетто, а сам оставайся тут и стереги хорошенько крепость Ангела. В худшем случае, я могу вступить в союз с Орсини и разрушить все планы мщения.

Прошло несколько часов, и уже обнаружились первые плоды козней Цезаря, этого неумолимого гения коварства, который был принужден прибегнуть к крайним средствам, напрягая все свои силы. Лукреция лежала на кушетке в своей комнате, делая для вида распоряжения относительно праздника, назначенного ею на вечер, но часто забывая, с кем и о чем она говорит. Наконец, ей доложили о приходе двух старух, смиренно умолявших об аудиенции. По словам дежурного, это были две еврейки из гетто, вероятно

желавшие принести жалобу на несправедливые притеснения, которым часто подвергались угнетенные евреи. Когда назвали их имена, Лукреция вздрогнула; подумав немного, она велела своей свите удалиться и приказала ввести просительниц.

Нотте и Морта предстали перед нею с низкими поклонами, но затаенное презрение в складках синих губ Нотте и ехидный блеск во взоре Морты встревожили Лукрецию. Взглянув со смешанным чувством отвращения и испуга на старух, преклонивших перед нею колени, она приказала им изложить свою просьбу. Они заговорили обе разом, но вскоре рассказом овладела Морта и, хотя путанно и многоречиво, объяснила Лукреции, что римский сенатор Орсини потребовал их к себе на суд по обвинению в том, будто они, несмотря на преклонный возраст, посредством любовных напитков и ворожбы привлекали духов грешить с ними, невзирая на то что за подобные преступления им грозит смертная казнь на костре.

Лукреция с невольным недоверием взглянула на евреек, однако Нотте таким тоном, который тотчас возбудил ее любопытство, воскликнула:

— Правда, наш отец научил нас искусству готовить волшебные напитки, которые действуют так сильно, что преодолевают всякое равнодушие, всякую холодность и придают такое постоянство любви ветреных и легкомысленных людей, что она становится несокрушимой, как столбы в храме Соломона. Но взгляните на нас, прекраснейшая синьора: каждой из нас недостает немногого до ста лет; мы видели три поколения людей от колыбели до могилы.

— Да, сестрица, но скажем правду, потому что существуют доказательства! — сказала Морта. — Высокая госпожа, ты видела наше дитя, Мириам. Кто посмеет утверждать, что мы умертвили ее соблазнителя или посягнули на его жизнь, когда, чтобы образумить изменника и сделать его счастливым, мы дали ему выпить вина, которое возвратило вероломного к его первой любви и к позднему раскаянию?

— Ведьмы!.. Исчадие ада!.. Это неправда! — воскликнула Лукреция, и ее глаза сверкнули яростью. — Или вы смеете утверждать, что извлекли его из могилы, куда он... Впрочем, я могу отчасти верить вашему искусству, так как слышала кое-что об этом. Не вы ли приготовили чары для дочери Колонна?

Колдуньи с удивлением переглянулись, но ответили утвердительно на этот пылкий вопрос.

— Если бы вы, синьора, не были слишком прекрасны, чтобы нуждаться в подобных средствах, то мужчина, над которым вы вздумали бы испытать силу моего волшебного напитка, сделался бы счастливейшим из сынов Адама, — сказала Морта.

— Я слышала, вы владеете темным и страшным искусством, — продолжала Лукреция, — и было бы презабавно зажечь в некоторых холодных и переменчивых сердцах божественный пыл, вызвать восторги, над которыми можно посмеяться, как в былые времена люди хохотали над прыжками хмельных рабов. Такое потешное зрелище могло бы разогнать грусть, напавшую на меня с некоторых пор. Я позабочусь о том, чтобы Орсини прекратил против вас обвинение; если же вы в состоянии приготовить мне эликсир такой замечательной силы, то я награжу вас так щедро, как неизлечимо больной король награждает врача, возвратившего ему жизнь и здоровье.

— Вы недостаточно цените наши знания! Любовный эликсир представляет собою лишь ничтожнейшую из тайн, которыми мы владеем, — сказала Нотте.

— У нас есть тайны, способные превратить в красавца и самого черта, — прибавила младшая колдунья, желая поддержать хвастовство сестры.

— В таком случае... — начала было Лукреция, но тотчас запнулась.

Однако это не помешало Морте угадать окончание недоговоренной фразы и она воскликнула:

— Но ведь мы не можем влить свежую силу в старые кости! Наш отец умер как раз в то время, когда был близок к тому, чтобы открыть эссенции, содержащиеся в соках древа жизни.

Лукреция сидела некоторое время погруженная в глубокую задумчивость, тогда как колдуньи внимательно наблюдали за нею; когда же она, внезапно вскинув глаза, увидела злобный блеск во взоре Морты, то отшатнулась, и мрачное подозрение, казалось, овладело ее душой.

— Не расточайте своего красноречия, — сказала она. — Я готова верить в ваше искусство, но вы, сестры, должны хорошенько проверить, что составные части вашего волшебного напитка безвредны; я предварительно испробую его сама. И если меня постигнет беда, то придется плохо вам и всему вашему племени, и не только в Риме, но и во всем христианском мире, в чем вы, конечно, не можете сомневаться.

Морта на один миг впала в недоумение и нерешительность, а затем воскликнула:

— Но ведь тогда вы сами испытаете страсть, которую хотите внушить, и, пожалуй, она не угаснет до гроба.

— Этого я и желаю, — ответила Лукреция.

Ведьмы еще раз с удивлением переглянулись между собою, услышав слова, совершенно несогласные с установившимся мнением о непостоянстве Лукреции. Однако Морта низко склонилась к мраморному полу и произнесла с восточным бесстрашием:

— Дети твоего народа рождены для господства, а дети моего племени — для повиновения.

VIII

Дамский суд происходил в большом зале дворца со всей подобающей пышностью и торжественностью. В приготовлениях к нему Лукреция, казалось, исчерпала все богатство своей блестящей фантазии. Стоял дивный вечер; музыка, звучащая из укромных уголков, пробуждала сладкую грусть, а цветочные ароматы были подобраны так искусно, что от них веяло как будто нежностью прощания.

Красота Лукреции в глазах ее наиболее горячих поклонников еще никогда не блистала так ярко, как в тот вечер, и даже томность и легкая бледность только усиливали ее очарование. В отличие от прочих дам, избранных ею в число судей, она явилась в платье сицилийского покроя и в простом венке из мирта и ярко-красных цветов.

Альфонсо первым из троих соперников получил доступ в зал вместе с влиятельными придворными и наблюдал поодаль, но без особенного интереса, за появлением прочих гостей. Однако, когда вошел Паоло Орсини со своими друзьями, иоаннит подался вперед и заметил необычайную горячность и интимность в приветствии Лебофора, а также яркий румянец Лукреции, милостиво ответившей на поклон англичанина. Зато, когда перед нею предстал сам Альфонсо, она побледнела и ее взор печально и как бы с мольбою остановился на нем. Упрямая твердость, с какою он избегал встречаться с ее глазами, видимо, удивила молодую женщину, но вместе с тем помешала ему заметить злобный взгляд, брошенный на него Орсини из-за кресла папы.

Лукреция оправилась с видимым усилием и тотчас объявила заседание суда открытым. Трое соперников получили приказ предстать перед своими прекрасными судьями на

указанном им месте, и два герольда взяли с них клятву рыцарской чести и подобающего почтения к дамам правдиво рассказать о своих подвигах на войне, где между ними происходило состязание из-за победного венца.

Паоло, как знатнейшему, предоставили говорить первому, причем ему подложили подушку из золотой парчи. Преклонив колени, он начал говорить, но, вопреки установившемуся мнению о его красноречии, его доклад отличался сбивчивостью, вялостью; он сказал только, что проник в Капую вместе с Цезарем в передовом отряде участников штурма, но совершенно умолчал о храбрости, проявленной им при первом отчаянном приступе. Лебофор напомнил ему об этом, но Паоло заметил только вскользь, что лишь засвидетельствовал в данном случае доблесть и славу молодого англичанина.

— И вы называете это славой? — спросила Лукреция. — Такой прекрасный город превращен теперь в развалины! Но, так и быть, послушаем теперь рассказ рыцаря Реджинальда.

Альфонсо казалось, что красивый англичанин еще никогда не был очаровательнее, чем в тот момент, когда он радостной и легкой походкой поспешил вперед и преклонил колени перед Лукрецией, как бы в порыве обожания. Однако, вероятно, для отвода глаз присутствующим, Лукреция проявила холодность и даже неудовольствие. Это мгновенно охладило кипучую радость рыцаря, и так как подробности похода были достаточно известны, то он возбудил всеобщее восхищение весьма скромным описанием своих подвигов и явным старанием выставить на вид отвагу Орсини. По его словам, хотя он и вступил в Капую первым, но в качестве пленника, тогда как Орсини вошел в осажденный город с мечом в руке.

— Вы забыли сообщить нам, что великодушно старались избавить от произвола грабителей прекрасную возлюбленную принца Джема, доставшуюся в подарок иоаннитскому рыцарю, — сказал Цезарь, незаметно появившийся на собрании.

Лукреция была поражена и устремила непроницаемый взгляд на Альфонсо. Единственным возражением на это обвинение со стороны иоаннита был откровенный рассказ о своих приключениях в Капое. Как будто желая при этом снять с Цезаря всякое подозрение в нежных побуждениях к Фиамме, он подробно сообщил об усилиях и распоряжениях герцога погубить ее. Сам папа содрогнулся и с удивлением посмотрел на сына, который улыбаясь поигрывал драгоценной рукоятью своего кинжала.

Что касается Лукреции, то она слушала Альфонсо с истинным сочувствием и, видимо, так увлеклась его рассказом, что даже не замечала, что он говорил стоя, скорее как король, возвещающий свою волю, чем как проситель, отстаивающий свое дело. Со своей стороны, Альфонсо, вопреки своему предубеждению к Лукреции, был невольно тронут ее слезами, подавленными вздохами, взорами, полными пылкого восхищения, волнением прекрасной груди, румянцем и бледностью, чередовавшимися на ее лице при волнующем рассказе, и у него внезапно возникла мысль, что ее прежняя склонность к нему воскресла вновь и горячая страсть вспыхнула с прежней силой.

Когда Альфонсо спокойно рассказал об освобождении Фиаммы и о своем почтительном обхождении с нею до момента ее бегства из-под его защиты, Цезарь разразился громким хохотом и спросил дам, неужели они верят подобной басне.

— Я верю этому, как собственному существованию, — с жаром ответила Лукреция и бросила на Цезаря взгляд, смутивший его. — Достойнейшие синьоры, — продолжала она, — я нисколько не желаю нарушать права вашей мудрости, которой предстоит судить эти благородные подвиги, но мы можем выразить рыцарю-иоанниту наше одобрение тем, что разопьем с ним кубок превосходного вина.

Паоло, стоявший в небрежной позе, с притворной беззаботностью, вздрогнул всем телом, но по знаку Цезаря, поданному тайком, сохранил наружное спокойствие. Реджинальд также побледнел.

— Моя сестра слишком коротко узнала непреклонность рыцаря, чтобы не поверить его монашеской легенде, — со смехом сказал герцог.

Лукреция кивнула стоявшему за ее стулом негритенку с золотым подносом в руках, на котором стояли кубок и бутылка драгоценного вина, и, покраснев, взглянула на Альфонсо.

Этот взгляд пробудил в нем магические воспоминания, и, поддавшись им или иному необъяснимому побуждению, он впервые преклонил колени и воскликнул, обращаясь к Цезарю:

— Нет, было бы против человеческой природы придерживаться дольше моей ереси перед лицом такой дивной красоты, какой обладает донна Лукреция! Я преклоняюсь перед ее господством и признаю себя ее рабом.

— Значит, игра окончена, — промолвил Цезарь, бросая таинственный взгляд на Паоло Орсини.

Последний усмехнулся.

Сияя радостью, осветившей ее красоту словно невидимым солнечным лучом, Лукреция посмотрела на своего побежденного противника, и хотя его лицо хранило выражение не поддавшееся ее пытливому взору, однако новый поток слов подтвердил ее радость. Папа торжествующе засмеялся, когда она дрожащей рукой наполнила кубок до краев дивным красным вином. В то же время пажи и слуги стали обносить гостей фруктами и винами. Орсини машинально взял с подноса персик, не спуская глаз с Лукреции. Она поднесла полный кубок к губам, дрожа, сказала Альфонсо: «За твое здоровье!» — и взглянула на него. Этот взгляд глубоко проник ему в сердце.

Лукреция отпила из кубка, а затем, нагнувшись к рыцарю, поднесла к его губам. Тихий вечерний ветерок, шевеливший ее золотистые локоны, почти смешал их с густыми темными кудрями рыцаря, и в восхищении, с которым встретились их взоры, оба не заметили терзаний, исказивших черты Паоло, удивления Реджинальда и дьявольской усмешки Цезаря.

Папа подозвал к себе Паоло и Лебофора и со смехом сказал им несколько шуточных слов насчет пристрастия женщин к делам милосердия даже наряду с громкими подвигами воинской доблести. Паоло понял, что его отозвали нарочно, однако притворялся веселым и довольным. Хотя его страдания усиливались с каждой минутой, но это не мешало ему сохранять наружное спокойствие. Самый крепкий любовный напиток не мог бы оказать более сильное влияние на Альфонсо, чем вино, которое он распил с Лукрецией; ему показалось, что вся его душа, все чувства совершенно подчинились чарам ее красоты.

Папа наконец как будто нашел странным продолжительность и таинственность их разговора и приказал Бурчиардо доложить Лукреции, что им пора удалиться. После этого Альфонсо еще раз преклонил колено, чтобы поблагодарить за оказанную ему честь, и выразил свою благодарность почти шепотом, от которого зарделось лицо молодой женщины. Она потупилась под его пламенным взглядом, а когда он поднялся, отвернувшись, вспыхнула еще ярче, пробормотала в смущении несколько слов и протянула руку, которую Альфонсо несколько раз прижал к своим губам и сердцу.

Уход Лукреции с папой и обычной свитой послужил сигналом к закрытию заседания суда. Цезарь сам проводил Паоло и пригласил Лебофора к себе во дворец.

Альфонсо удалился в свою комнату. Бембо, вскоре следовавший за ним, нашел его прохаживающимся взад и вперед в большом волнении.

Несколько запинаясь, он поздравил своего повелителя с возвращением к нему благосклонности Лукреции, но принц, перебив его, обрушился на молодую женщину с жестокими обвинениями и оскорбительной бранью. Бембо был ошеломлен и встревожен, но его негодование запылало почти так же сильно, когда Альфонсо сообщил ему об открытой им близости Лукреции с Реджинальдом, а в доказательство ее нравственной распущенности прибавил, что, когда он с умыслом возобновил свои ухаживания, она опять возобновила свои прежние предложения по его адресу. С безграничным удивлением слушал Бембо рассказ о приключении в катакомбах и с величайшей радостью принял приказание принца готовиться в путь, чтобы можно было на другой день внезапно и тайно покинуть Рим.

Волнение Альфонсо несколько не улеглось после этих вспышек, и когда при наступлении сумерек он остался один, то напоминал своим расстроенным видом человека, приговоренного к казни и в сильнейшем смущении ожидающего своей участи. Вдруг вошедший слуга доложил о прибытии посланца из Ломбардии с важными вестями, и, прежде чем Альфонсо успел изъяснить согласие на его прием или уклониться от него, этот человек вошел в комнату. Альфонсо почти не взглянул на вошедшего, но когда тот приблизился и, откинув свой капюшон, снял накладную бороду, он увидел перед собою Паоло Орсини.

— Орсини!.. Вы здесь! — воскликнул Альфонсо, не веря своим глазам.

— Да, и по делу, от которого зависит ваша жизнь, — ответил тот. — Я отчасти обязан вам своею жизнью и хочу отплатить вам за это, хотя признаю, что жизнь — лишь бедствие. Покиньте как можно скорее этот убийственный дворец и этот город: герцог Романи обрек вас на гибель, но отсрочил ее лишь потому, что поручил назначенное мщение мне, как наиболее обиженному вами.

— Завтра в этот час я рассчитываю оказаться далеко за стенами Рима, — ответил Альфонсо. — Раньше я не могу... нет, скорее, не хочу уехать и желал бы иметь для этого более уважительную причину, чем неопределенную угрозу или предостережение.

— Чтобы привезти своему государю прекрасную невесту, с которой вы распили сегодня чудесный эликсир для

подтверждения вашего договора? — сказал Паоло, язвительно смеясь.

— Какую прекрасную невесту? Какой любовный эликсир? Вы бредите!..

— О, не притворяйтесь!.. Мне известно ваше предательство, а вскоре оно станет известно и вашему повелителю, и папе. Отвечайте же мне, непорочная невинность! Ведь вы прибыли в Рим в качестве тайного шпиона герцога Феррарского, чтобы добыть невесту для его сына? И, пожалуй, не позже, чем сегодня ночью? Постойте, постойте, выслушайте меня! Тот любовный напиток, который Лукреция распила с вами, чтобы укрепить вашу преступную любовь, обнаружил ваш умысел даже перед Цезарем, который хотел только удостовериться в вашем вероломстве, чтобы уничтожить вас... Ведь ведьмы — эти старые еврейки Нотте и Морта, — продавшие вашей возлюбленной волшебное снадобье, служат лишь его орудием.

— Эликсир в питье, выпитом мною? Мне и в самом деле показалось, будто бы неуловимый огонь... Неужели то был яд? Но этого не может быть, Лукреция сама отпила из кубка, и так много, что я даже удивился. Любовный напиток!

— Так полагала она, воображая, что ваша взаимная любовь станет вечной, если вы разопьете с нею это вино, — ответил Паоло. — Но в нем не было иного эликсира, иного яда, кроме того, который оставили в напитке уста этой прекрасной змеи, этой женщины. Будьте уверены, тут не было предательства; ведь колдуньи, варившие зелье, отлично знали, что заказчица предварительно попробует его сама.

— И выпьет из кубка так много! О, значит, она намеревалась разделить мою участь, если бы в питье было что-нибудь смертоносное, или просто предвидела вашу хитрость и хотела провести вас. Но может быть, вы и правы! Неужели она действительно рассчитывала с помощью адского колдовства овладеть мною?.. Но она ошиблась — это только должно закалить мое сердце для заслуженного наказания за ее низость! Клянусь, если бы она осталась верна даже своей лживости, это не наполнило бы мою душу таким отвращением и презрением, какие я испытываю сейчас. Но довольно об этом!.. Вернемся к вашему тяжкому обвинению. Я отвечу на него признанием, и его может подтвердить вам Реджинальд. Знайте, я — вовсе не посланник, которому поручено добиться руки Лукреции Борджиа для принца Феррарского.

— Да, Лебофор не раз говорил, что вы ищете улики против нее, чтобы оправдать отказ вашего принца от брачного союза с нею, — ответил Орсини, — но он также заблуждался. Сам Цезарь сообщил мне тайну вашей миссии, открытую им случайно. Не правда ли, ведь Лукреция при сегодняшнем разговоре приказала вам от имени своего отца изложить папе на завтрашней аудиенции цель вашего прибытия в Рим?

— Я не опровергаю этого, — ответил Альфонсо, — и вдобавок признаюсь, что, если бы не случилось того, что последовало дальше, меня удивила бы уверенность, с какой Лукреция рассчитывала на мое предпочтение; ведь ей, как и Цезарю, известна настоящая цель моей миссии. Выслушайте меня терпеливо, и я открою вам тайну, а все мое поведение пускай подтвердит мои слова.

Для Альфонсо стало крайне важно помешать опасному сближению между родом Борджиа и Орсини, и он без колебания приступил к рассказу о приключении в гроте Эгерии, причем его слова в такой точности согласовались с воспоминаниями Паоло, что он почти не сомневался в их истинности.

— Значит, Цезарь вконец одурачил меня! — свирепо воскликнул Орсини. — Ведь он как раз в ту ночь сообщил мне о цели вашего приезда сюда, и теперь я вижу, что для вас было сверх человеческих сил противиться искушениям, которыми вас окружали.

— Уверяю вас, Цезарь присутствовал при том, но вы еще не знаете всей его гадости. Припомните все последующее, и вы больше не усомнитесь в моей правдивости. Но я торжественно заявляю вам: все, что я узнал, снимает с Лукреции постыдные обвинения, для подтверждения которых я намеревался собрать улики. Только один факт, к несчастью, подтвердился, а потому лучше пусть земля похоронит под собою последний отпрыск великого дома Эсте, чем его незапятнанная честь погибнет в союзе с безнравственной женщиной.

— Поищите доказательств тому, что она заслуживает этого наказания, но будете ли вы в силах доказать? Горе вам, если вы не сделаете этого!.. Тогда вам придется иметь дело со мною!.. — запальчиво сказал Паоло. — Говорите же откровенно, в чем заключается ваше обвинение против Лукреции Борджиа.

— Спросите у Реджинальда. Он может сообщить вам, куда он последовал за посланницей Лукреции, Фаустиной, и где и как провел ночь, — ответил Альфонсо, бледнея от собственных слов.

— Он в самом деле не был дома и уклончиво отвечал на мои расспросы, — задыхаясь, подтвердил Паоло. — Но ведь не хотите же вы сказать, не можете же...

— Думаю, вам станет понятно, если я скажу, что застал Реджинальда врасплох на тайном свидании в Ватикане, и он сознался мне, что приглашен для интимного разговора с Лукрецией о ваших делах.

— Это ложь, чистая ложь, — воскликнул Паоло, — все тогда уже миновало, и ему это было известно лучше всякого другого! В тот же день изменник сказал мне, будто решил покинуть Рим, чтобы вернуться в свое отечество; он часто усыплял в последнее время мою подозрительность подобными уверениями, я же полагал, что он отложил отъезд ради меня, так как я сообщил ему все свои планы и сказал, что он может оказать мне большие услуги, помешав намерениям Цезаря.

— Ну, тогда будьте настороже; ведь Лебофор мог открыть ваши замыслы Лукреции, своей любовнице! — сказал Альфонсо, вне себя от досады на такую измену. — Я могу сообщить вам более того, — прибавил он и рассказал, как ему случилось застать Реджинальда в лабиринте Минотавра в момент признания в страстной любви к Лукреции.

— О, как мало подозревал я его и все сваливал на вас! — воскликнул сбитый с толку Орсини. — А между тем Реджинальд как будто вечно боялся вас. О, неужели он, мой друг, любимый мною всем сердцем, мог по отношению ко мне стать таким мрачным злодеем? Нет, я не могу верить этому!.. Нет, нет, все, сказанное вам, — лишь обман.

— С какой стати мне вас обманывать? — возразил Альфонсо. — Ведь мне достаточно возвысить голос, чтобы вас схватили и чтобы вы очутились во власти своих заклятых врагов! Но, когда я публично заклеймлю Лукрецию, неужели вы все-таки не измените своего решения соединить старинную славу своего имени с ее позором?

— Неужели мне могут приписывать такое недостойное безумие? — воскликнул Орсини. — Я хотел выждать завтра вашего предложения и согласия папы, чтобы разоблачить вероломное поведение Лукреции, а затем покинуть Рим и снова восстановить наш союз... А, Реджинальд оставался у изменницы Борджиа!

— Ну если так, то мы дадим взаимную клятву мести! — сказал Альфонсо, сверкая от ярости глазами. — Действительно, ввиду опасного положения дел Борджиа,

Лукреция, должно быть, помышляет о том, чтобы запугиванием и ласками склонить меня к измене моим повелителям или, если я в состоянии доказать ее непорочность, воспользоваться данным мне полномочием просить ее руки. Скажите, зачем пожелала она говорить со мною об этом деле наедине, зачем согласилась со мною, когда я, смутно наметнув на боязнь шпионства, осмелился высказать просьбу, чтобы наш разговор, если можно, происходил ночью и без свидетелей? Зачем Лукреция обещала, что Фаустина проведет меня к ней в комнату в такой час, когда нам нечего бояться нескромных ушей?

— А, это случилось как раз в тот момент, когда она покраснела и кинула на вас пламенный взор, — пробормотал Орсини, оправясь от потрясения, вызванного словами Альфонсо.

— Но будь что будет, я пойду, — продолжал иоаннит, — я хочу воочию убедиться в ее низости, потому что все прочее могло бы оказаться обманчивым. Не смотрите на меня так свирепо! Клянусь, я иду лишь с намерением усилить свое презрение, чтобы оттолкнуть от себя ее, красавицу Борджиа, даже в тот момент, когда она унижится до того, что станет задабривать меня, когда она будет заранее уверена в своей победе. Именно с этой целью я прикинулся сегодня, будто поддался ее чарам.

Его речь прервал едкий смех Орсини, и затем, внезапно перейдя к серьезности, Паоло заговорил опять:

— И неужели вы действительно воображаете, что один из всех прочих людей можете похвастаться такой сверхъестественной стойкостью? Или вы надеетесь уйти живым из Рима после того, как нанесете женщине, да еще Борджиа, столь тяжкое оскорбление?

— На что осмелится она посягнуть, когда у меня в руках такая тайна? — краснея, возразил иоаннит. — А искус я уже выдержал. Вдобавок Лукреция обманула и своего отца, так что не решится пожаловаться ему на меня. В худшем случае она пошадит меня до завтрашней аудиенции. А теперь потолкуем о мщении. Если вы обещаете мне свою могущественную защиту для того, чтобы я мог покинуть этот дворец и Рим, то завтра я публично объясню настоящую цель своей миссии и скажу, что я достиг ее, открыв страсть Лукреции к Лебофору. Этим я нерасторжимо заключу ваш союз с могущественным государем Феррары.

— Доставьте мне это мщение и берите за него все, что я имею, даже мою жизнь! — в порыве ярости воскликнул Орсини. — А для того чтобы ваши повелители не обвинили

вас в необдуманной поспешности, узнайте, какого рода планы построены родом Борджиа относительно Феррары.

И в пылу разыгравшихся страстей Орсини открыл заговор против Феррары, в который вовлек его Цезарь своими вероломными клятвами. Эти неизвестные ему факты утвердили Альфонсо в мнении, что для него было бы выгодно довести до явного разрыва между его врагами, так как всякая надежда на супружество с Лукрецией исчезла. Он возобновил свои обязательства и привел столько новых доказательств, что в душе Паоло не осталось больше никакого сомнения. Кроме того, он знал, что Альфонсо не мог избежать мести Цезаря после открытия, вызванного любовным напитком. Они расстались, взаимно поклявшись неукоснительно выполнить свой договор.

IX

Приближалась полночь; Альфонсо сидел один в комнате дворца Лукреции; Фаустина привела его туда и удалилась, чтобы доложить своей госпоже о приходе посетителя. Альфонсо находился в комнате, называемой «Каприччио мадам». Любовь и роскошь приложили здесь свои силы, чтобы украсить это святилище, казавшееся созданием волшебниц. Стены были украшены красочными арабесками, с террасы под окнами доносился аромат цветов. Кроме яркого лунного сияния, смягченного шелковыми занавесями, свет струился от прекрасной мраморной группы, представлявшей Психею, нашедшую спящего Амура. Повсюду виднелись принадлежности женского рукоделья или утонченных занятий Лукреции: тут были позолоченное веретено, драгоценные вышивки, ноты, музыкальные инструменты, рукописи с прелестнейшими миниатюрами. Тишина ночи, мелодичный плеск фонтана вдали, сочетавшийся с пением соловьев, мечтательный лунный свет, таинственный шепот листьев в мягком воздухе — все это затрагивало нежнейшие струны любви и желания в груди Альфонсо. Но даже в такой соблазнительной обстановке тревога и ярость, казалось, с каждой минутой только сильнее овладевали им, и все его помыслы сосредоточились, наконец, на мрачной решимости отомстить ненавистной женщине, чтобы навсегда избавиться от жестокой ревности, терзавшей его душу, вырвать красавицу Лукрецию из объятий счастливого соперника, даже обречь ее на смерть. Эти черные думы обуревали принца,

когда отворилась дверь и в комнату вошла Лукреция в сопровождении Фаустины.

Альфонсо, ожидавший встретить ее в ослепительном наряде, был невольно обезоружен при виде соблазнительно-скромного белого платья и бледности ее прекрасного лица, которое лишь слегка зарумянилось, когда она почувствовала устремленный на нее взор рыцаря. Ее глаза оставались потупленными, а на длинных ресницах трепетали слезы; но ее голос дрожал от волнения, когда она перебила смущенное приветствие посетителя и приказала своей кормилице удалиться, чтобы ее гость мог без стеснения высказать волю своего повелителя.

С улыбкой, не выражавшей особенной благосклонности к рыцарю, Фаустина повиновалась, однако не затворила за собою дверь, из которой открывался вид на анфиладу комнат; смежная из них была та самая, где Альфонсо видел раньше альков, задрапированный золотистым атласом, и расписной потолок с изображением Авроры, встречающей Ночь. Его глаза снова обратились к Лукреции, и он едва сдерживал свою страсть. Между тем молодая женщина следила за фигурой удалявшейся кормилицы; когда же та исчезла в отдаленной прихожей со своей лампой, сказала:

— Фаустина будет наблюдать, чтобы не поднялась тревога из-за необычного часа этой аудиенции. Садитесь, прошу вас.

Лукреция указала рыцарю на место, довольно далекое от дивана, на который села сама, причем приняла позу скорее королевы, собирающейся выслушать просителя, чем женщины, оказавшей опасное снисхождение влюбленному. Альфонсо, успев оправиться от своего первоначального замешательства, поблагодарил ее низким поклоном, но остался на прежнем месте, гораздо ближе указанного ему.

Протекло несколько секунд смущенного молчания. Принц, мучимый ревнивыми помыслами, не решался начать разговор, так что Лукреция заговорила наконец сама.

— Вы пожелали, чтобы наша аудиенция была тайной, — сказала она, — и я согласилась на это, зная, что ваши настоящие побуждения и ваша миссия совершенно противоречат тому, о чем думает папа и что ожидает он завтра услышать от вас. Я не забываю, что обязана вам жизнью, и хотела бы воздать вам тем же, а потому прошу вас принять средства к безотлагательному бегству, которые я приготовила и отдаю в ваши руки.

Альфонсо был глубоко тронут этой великодушной заботливостью, однако, поддавшись ревнивым нашептывани-

ям своей фантазии, не отступил от задуманного плана мщения.

— Синьора, — ответил он вкрадчивы тоном, — даже падшие ангелы не были так внезапно изгнаны из рая, как вы удаляете меня из Рима, ставшего раем для всех благодаря вашему присутствию. К тому же ангелов не осудили, не выслушав сначала, а кто же обвинил меня настолько, что я должен понести столь суровую кару?

— Помните танцовщицу-сицилианку? Так вот она соznалась мне во всем, что произошло между вами. Не служит ли это для вас достаточным ответом?

— На свою беду, я оскорбил эту женщину, оттолкнув ее нежность. Не могла ли она после того выставить мой проступок в ложном свете или преувеличить происшедшее? — спросил рыцарь, устремив взор на Лукрецию при воспоминании о гроте Эгерии.

— Значит, вы сознаетесь, что с вашей стороны было проступком подумать обо мне что-нибудь столь дурное? — спросила Лукреция, устремив на Альфонсо испытующий взор, но тотчас в смущении отвела его в сторону, когда встретилась с ним глазами.

— Я еще раз требую, чтобы мне сказали, в чем меня обвиняют! — воскликнул он.

— Хорошо, я буду с вами откровенна, — ответила Лукреция с явной досадой. — Для меня невозможно усомниться в словах танцовщицы.

— Танцовщица? Ах, почему она относится так враждебно к тому, кто, имея все основания питать к ней совершенно противоположные чувства, даже при слабом воспоминании о ее дивных прелестях пылает и всегда будет пылать страстью к ней? — с пылом и искренностью воскликнул принц.

Лукреция как будто почувствовала ревность к сопернице, потому что поспешно ответила:

— Нет, она не питает к вам враждебных чувств, не оклеветала вас, и вы не осмелитесь утверждать это, когда я вам скажу, что та танцовщица была я, Лукреция Борджиа.

— О, эта несравненная прелесть! И я знал о том! — воскликнул Альфонсо.

— И вы осмеливаетесь спрашивать про то у меня, у меня самой? — запальчиво продолжала Лукреция. — Как могли вы решиться на это даже здесь? Ведь будь я тигрицей, как вам хотелось выставить меня, то каким образом могли бы вы осмелиться стоять перед Лукрецией Борджиа, подтверждая свои обвинения?

— На моих устах все еще горит огонь, оставленный на них танцовщицей. Как я, считая себя смертным, мог бояться, если пережил блаженство той минуты? — горячо промолвил Альфонсо.

Этот порыв отозвался в любящей душе Лукреции, одна-ко ее черты выражали только стыд и досаду, когда она ответила:

— О, даже теперь вы льстите мне! Однако вы не сомневались, что вы смертны, когда говорили сестре милосердия, будто я, Лукреция, прибегла к яду, покушаясь на вашу жизнь. О, Пресвятая Дева, покушаться на вашу жизнь! Впрочем, дело не в том! Возвращайтесь на свой суровый север и берегитесь страшного гнева моего отца! — ответила Лукреция.

— Да с какой же стати мне бояться этого гнева, если с помощью доказательств, добытых мною путем огромного риска, я убедился, что вы не заслуживали всех тех обвинений, которые со слезами были выслушаны танцовщицей? — возразил принц. — С какой стати мне бежать? Почему не исполнить поручения моего повелителя и не просить для него перед целым светом вашей руки?

— Я сейчас объясню вам, — с живостью ответила Лукреция. — Герцог Феррары, кажется, — весьма гордый человек, и, как я слышала, вы не хотели подвергнуть его унижению отказа, который последует с моей стороны на ваше сватовство, если вы рискнете заявить о нем вопреки моему предостережению. Клянусь этим священным изображением Богородицы. — И она, почти забывшись, показала на серебряное изображение Богородицы, висевшее над альковом в смежной комнате.

Иоаннит был поражен, однако в нем тотчас шевельнулось ревнивое подозрение.

— Очевидно, вы обещали кому-нибудь, кто имеет над вами больше власти, чем интересы политики или честолюбия, отказаться от этого брака с принцем Феррарским, обещали, пожалуй, на этом же месте, — запальчиво воскликнул Альфонсо. — Ведь не могли же до такой степени вооружить вас против моего повелителя его сомнения и попытки разведать...

— Нет, я скорее уважаю его за благородное нежелание связывать себя с позором, — ответила Лукреция. — Но позвольте спросить вас, удовольствовался ли бы он ларчиком драгоценностей любви, откуда вынут драгоценный камень?

— Что вы хотите этим сказать? Что вы полюбили другого? — в волнении воскликнул Альфонсо и прибавил с

горечью и скорбью: — Ах я глупец! Ведь я мечтал, что вы любили, но не так, как мне пришлось увидеть, когда я был в гроте Эгерии, следя за вами, пока вы поджидали кого-то, вместо которого явился герцог Романьи.

— Вы... вы видели меня? — воскликнула Лукреция и закрыла руками лицо, вне себя от стыда, но в то же время ее губы нежно прошептали: — Да, я любила однажды... но любовь обменивает свой товар, а не продает его... Все это миновало.

— Ну, если любовь обменивает, — пылко подхватил принц, опускаясь к ее ногам, — то люби меня всей силой любви своей женственности, как я люблю тебя всей силой своей страсти. Лукреция, ты обманула меня, я же не переставал обожать тебя с первой минуты, как увидал твою красоту, и даже в тот момент, когда мне казалось, что ты хотела отнять у меня жизнь и честь, когда я считал тебя злым чудовищем, хотя на самом деле ты была только чудом доброты и прелести.

— Да, да, я некогда любила вас, но теперь вы оскорбляете меня хуже моих самых ожесточенных клеветников, если думаете, что я любила мужчину, а не героя!.. Как же я могу любить вас теперь, когда вы изменяете таким образом своему государю и повелителю? — сказала Лукреция, резко отнимая руку, которую Альфонсо покрывал поцелуями. На один миг ее лицо выразило презрение и досаду, однако они неожиданно были смыты потоком слез, и она, тщетно стараясь сдержать их, воскликнула: — Нет, я не могу не признаться вам во всем. У меня было намерение довести вас до этого взрыва страсти своими ласками, чтобы потом насладиться удовольствием, которое мы, Борджиа, как уверяют, находим в мщении... Да, да, я хотела добиться этого, чтобы презрительно оттолкнуть вашу любовь и подвергнуть вас упрекам совести за то, что вы обманули оказанное вам доверие и опозорили свою до сих пор незапятнанную честь. Впрочем, нет, это не то: проклятый любовный напиток в вине, выпитом мною за ваше здоровье, действует в ваших жилах! Оставьте меня... бегите! Вы видите, я такая дурная, что вы не можете себе представить.

— Нет, — пылко возразил Альфонсо, — хотя в моих жилах течет огонь, но мою душу заполнили божественные и нежнейшие чары твоей красоты. Цезарь сам подослал к тебе двух колдуний, Нотте и Морту, чтобы возбудить во мне смертельную ненависть к тебе и открыть настоящий предмет твоей любви. Но, кажется, то был обман, и ты

выпила за мое здоровье с единственной целью позабавиться и посмеяться над моим безумием.

— Нет, нет! Оставьте меня, но я готова дать самую страшную клятву в том, что любила только раз в жизни, любила именно тебя! — плача сказал Лукреция, поникнув прекрасной головкой.

— Но если ты любила меня, то неужели мы должны расстаться так навсегда? Я хочу вернуть тебе тот твой поцелуй, яд которого остался в моей крови! — пылко воскликнул Альфонсо, заключая ее в жаркие объятия.

— Да, я люблю тебя, действительно люблю, но не пугай меня! — воскликнула она. — Прости меня только на этот раз. Ведь я не оскорбила тебя, признавшись в своем злобном колдовстве. Но поклянись, что ты немедленно оставишь меня!..

Но в этот момент Альфонсо в порыве ревности воскликнул, почти швыряя ее из своих объятий, которым она отдалась в порыве страха и нежности:

— Чародейка! Перестань! Будь по крайней мере верна своей измене. Эти губы еще не остыли от лобзаний, перед которыми мои покажутся слишком холодными!.. Ты велишь мне покинуть тебя! Но для чего? Конечно, для того, чтобы нашелся лучший преемник Реджинальду Лебофору, когда он успеет наскучить тебе.

— Преемник? Реджинальду Лебофору? — почти машинально пролепетала Лукреция, подавленная стыдом и удивлением.

— Нет, нет, тебе не удастся увлечь меня к гибели, прекрасная змея, — с отчаянием продолжал Альфонсо. — Моим намерением было склонить тебя к сегодняшнему свиданию, вырвать у тебя признание в любви ко мне, но лишь для того, чтобы я мог высказать тебе, до какой степени противна мне твоя нечистая любовь, как я презираю ее и насколько бессильны надо мною ее искушения.

— Искушения... преемник... — в раздумье промолвила молодая женщина, как будто сознание медленно возвращалось к ней, и вдруг сказала самым спокойным тоном, но со скорбной улыбкой: — Значит, ты не заметил, что Фаустина если и не может нас слышать, то все-таки видит? — И она указала на свою старую кормилицу.

Последняя, находясь в конце анфилады комнат, прикидывалась спящей, но на самом деле зорко следила за ними.

— Это лишь твоя мастерская уловка, вероломная женщина! — воскликнул иоаннит. — Своими лживыми отпирательствами, своим притворным целомудрием ты думала

склонить меня к тому, чтобы я связал сияющую и незапятнанную честь дома Эсте с твоим позором.

— А ты все еще притворяешься, что не веришь моей невинности! — воскликнула Лукреция с досадой и запальчивостью.

— Невинность! Ну, значит, мои чувства обманули меня, когда я слышал в лабиринте Минотавра, как лицемерный английский рыцарь признавался тебе в любви и не навлек на себя этим ни порицания, ни отпора с твоей стороны. А Бембо описал мне вашу трогательную встречу после войны.

— Реджинальд! — промолвила Лукреция со странным злорадством, мелькнувшим на ее лице, мрачном, как грозовая туча. — Нет, я не оставляю тебе ни малейшей лазейки для самооправдания. Припомни свою суровость ко мне, несмотря на то что я любила тебя. Ты сам довел меня до кокетства с Лебофором. Ведь я полюбила тебя с первого мгновения, когда на меня упал твой гордый и презрительный взор, а страх, внушенный мне твоим резким и непримиримым нравом, еще сильнее подчинил мою рабскую натуру женщины. Я готова была плакать при воспоминании об этом, но так как малодушие порадовало бы тебя, то я не пролью ни единой слезы! Однако если действительно было хитростью с моей стороны с помощью ревности разжечь в пламя ту искру любви, которая, по твоему признанию, запала в твое холодное сердце, то обвиняй природу, создавшую меня женщиною. Ты слышал, как бедный Реджинальд признался мне в своей любви, но знай — к этому я привела его против его собственного желания. Я хотела только помучить тебя его присутствием, но не поколебалась резко охладить его, и он не замедлил принести мне свои извинения. Великодушная натура этого юноши благородно боролась до тех пор с моими жестокими ухищрениями, но как же зато горька моя расплата за них!

— Ну, это — отлично придуманная басня! — сказал Альфонсо. — Твой импровизаторский талант признан всеми. Но какой убедительной ложью оправдаешь ты то обстоятельство, что Реджинальд был тут прошлой ночью и имел тайное свидание с тобою в этих самых комнатах, причем свидетелями его были лишь звезды на небе да заспанные глаза Фаустины?

— Здесь, в этих комнатах? Простой ночью? Кто из нас сошел с ума: я или ты? — бледнея, спросила Лукреция.

— Хочешь знать подробности? Ну так слушай! — сказал Альфонсо, пылко хватая руку молодой женщины, кото-

рая отвернулась, точно готовая обратиться в бегство, а затем рассказал ей о встрече с Реджинальдом прошлой ночью.

— Как, даже моя старая кормилица предает меня? — воскликнула Лукреция, внезапно залившись слезами. — Но это невероятно! Лебофор не способен оклеветать меня таким образом... Нет, нет! Не имея в запасе иной клеветы, чтобы окончательно очернить меня, ты выдумал эту в угоду своему повелителю!

— Ну, если у тебя нет другой выдумки, поинтересней, то этой ты нам не отведешь глаз, — с горькой иронией возразил иоаннит, выпустив ее руку и скрестив на груди свои, точно в знак бесповоротного решения.

— В таком случае, я действительно поплатилась за свою жестокую игру, но Реджинальд все же сделался жертвой низкого обмана! — воскликнула Лукреция, ловя несомненные признаки жестокой душевной борьбы в чертах Альфонсо.

Однако он с горьким смехом и язвительной иронией стал откланиваться и сделал шаг назад.

— Остановись! — воскликнула Лукреция, кинувшись вперед и удерживая его за рукоятку меча. — Да как же могло это случиться, если те часы, когда, по-твоему, у меня происходило свидание, я провела не в этих комнатах и не с Реджинальдом, а с тобою в катакомбах, где я сыграла ужасную роль в ужасном зрелище и где ты сам получил бы полное подтверждение моей невиновности, если бы на твою суровость могла подействовать хотя бы сверхъестественная клятва?

Альфонсо смотрел на нее с величайшим изумлением.

— Я не хочу, чтобы у тебя оставались хотя бы малейшая отговорка и сомнение, — с жаром продолжала она. — Когда я плакала втихомолку из-за твоего мнимого увлечения возлюбленной Джема и из-за окружавших меня угроз и ужасов, кто-то пожелал видеть меня. Мне доложили, что это — несчастная просительница, пострадавшая в Капуе. Оказалось, что это — Фиамма Колонна. Она рассказала о всех перенесенных ею оскорблениях, о твоём великодушии, о клевете Цезаря на меня, о его преступлениях, которые, впрочем, и без того мерещились мне, как страшные призраки. Далее я узнала от Фиаммы о той роли, которую она сыграла по приказу Цезаря во время карнавальных празднеств, чтобы очевидными фактами подкрепить его поношения моего доброго имени. Она упомянула также о том, что моя невиновность будет до-

казана, и Цезарь понесет заслуженное возмездие, а твои подозрения будут рассеяны, вследствие чего мне достанется герцогская корона твоего повелителя. Но, поверь, у меня была только одна побудительная причина, давшая мне мужество повиноваться Фиамме и рискнуть тем, чем я рискнула. Это не было жадным стремлением женщины к господству, потому что, если не совершится невозможное и ты не окажешься самым герцогом Ферраским, никакая сила, никакие просьбы не заставят меня разделить его корону, будь она даже императорской!

— Ну, это так же удивительно, как и прочее, — задыхаясь ответил иоаннит. — Расскажи мне, однако, все без утайки, чтобы мой сладостный сон не рассеялся раньше, чем я успею почерпнуть в нем достоверное утешение.

— Фиамма каким-то образом подкупила колдуна, пользующегося доверием Цезаря, чтобы он действовал в твоих интересах, а вместе с тем в это дело был замешан и ты. И вот в своем безумном отчаянии и досаде, под влиянием надежды пресечь козни против меня моего врага Цезаря, а также настойчивых убеждений Фиаммы я решилась помочь колдуну. Может быть, тут и прежде действовало колдовство, но вернее всего, чародеи достигали своей цели при помощи диковинных зеркал, а также чудесного портрета моего покойного брата Джиованни, висевшего до тех пор вот в этой комнате. Для того чтобы устранить Цезаря, решено было устроить все в катакомбах, и я, подчиняясь указаниям дона Савватия, согласилась при вызове тени моего погибшего брата Джиованни подражать его голосу и произнести слова, которые Цезарь поднял на смех, хотя и поверил, будто могила отверзла уста, чтобы обличить его. Неужели ты и теперь не веришь мне?

— О, не давай мне проснуться от этого сна, иначе я могу умереть! — воскликнул иоаннит, не решаясь верить даже при этом избытке радости, охватившей его душу. — Лукреция! Моя Лукреция!.. Моя жизнь, мое счастье! Но скажи, когда ты требовала, чтобы Цезарь предоставил тебе свободу выбирать мужа, думали ли ты обо мне?

— Я знала, что это невозможно, — ответила Лукреция, — и хотела только навсегда избавиться от любого сватовства, чтобы без тебя влачить свои дни без любви, в одиночестве...

В ответ на это Альфонсо воскликнул:

— Ты любишь меня, я обожаю тебя. Будь же моею и — клянусь всем, что есть святого и дорогого для человека, — ты сделаешься также супругой Альфонсо д'Эсте.

— Что ты говоришь, изменник? — воскликнула Лукреция, с гневом отталкивая его. — Эти слова разрушили чары, против которых оказались бессильны и голос чести, и гордость, и всякое оскорбленное чувство моего сердца. Оставь меня навсегда сию же минуту, иначе твой повелитель узнает, каким послом выказал ты себя!

— Как бы не бранил меня Альфонсо, он все-таки будет любить меня больше самого себя, а тебя еще в десять раз сильнее, — возразил иоаннит, отказавшись теперь от всех своих сомнений и всей своей ревности. — Узнай же, дорогая: ведь я — сам Альфонсо д'Эсте!

Лукреция смотрела на него, словно боясь, что он внезапно помешался, но тотчас же убедилась в справедливости его слов, когда в ее памяти промелькнули все противоречия в его поведении. Однако вместо того, чтобы обрадоваться, она мгновенно побледнела, как мертвец, и, если бы Альфонсо не заключил ее в объятия, когда она опускалась на диван, она упала бы на пол.

— О, теперь небеса карают в моем лице греховную кровь нашего рода! — тихо и боязливо промолвила она. — Я приучила себя к терпению, считая невозможным когда-нибудь принадлежать тебе в честном супружестве, а теперь... О, ты не знаешь того, что проклятие тяготеет над теми, кого я люблю, а также и надо мной! Падре Бруно был чудесным образом освобожден из своей темницы, чтобы возвестить мне это.

— Отец Бруно? Успокой свою тревогу, отгони страх! Бруно — всего лишь обманщик, или, в лучшем случае, сумасшедший, — возразил Альфонсо. — Разве ты не заметила, что колдун Савватий и Бруно — одно и то же лицо? Цезарь обнаружил это, когда Бруно лежал без памяти, лишившись чувств, когда они случайно увидели меня как раз в момент вызова ими злого духа, чтобы он показал им образ человека, любимого тобою.

Услышав это, Лукреция сообразила, что ей это было не известно, так как она сама в тот момент упала в обморок и была унесена Фиаммой, а потому дальнейший ход ворожбы был для нее новым чудом. Тогда Альфонсо высказал свое подозрение насчет страстной любви к ней Бруно и изложил свои доводы против несчастного монаха. Досада Лукреции достигла крайних пределов, когда она услышала от него, что монах, ее духовник, свидетельствовал против нее и пытался отстранить Альфонсо от участия в турнире с помощью сонного напитка, в то же время свалив вину на нее. Однако принц не дал ей задуматься над этим, а при-

ступил к рассказу о своей душевной борьбе и о тех опасных хитростях, на которые он пускался, чтобы разрешить свои сомнения. Лукреция слушала его с улыбкой и слезами на глазах и не раз под влиянием искреннего сострадания ласково поглаживала его своей рукой, на что он отвечал жаркими поцелуями.

Наконец, Альфонсо перешел к обсуждению дальнейших действий и высказал смелый план разоблачения Цезаря перед папой.

Однако Лукреция не одобрила этого; по ее словам, такое разоблачение могло привести папу в яростный гнев. Вдобавок для обвинения не хватало неопровержимых улик, и можно было опасаться, что доведенный до отчаяния Цезарь, пустив в ход свое тайное влияние, свою силу и всю редкую изворотливость своего коварного ума, устроит какую-нибудь гибельную провокацию. Единственным триумфом для жениха Лукреция допускала его радость от конфуза рода Орсини, которое он мог вызвать, неожиданно выступив на следующий день открыто с предложениями повелителя Феррары. Правда, она тут же высказала тревогу о его безопасности, однако Альфонсо удалось успокоить ее клятвенным обещанием, что он уедет тайком в Ломбардию, а потом официально попросит ее руки и займется необходимыми приготовлениями, чтобы оказать поддержку папе, если в ней возникнет надобность. Альфонсо настойчиво желал тотчас открыть свое имя и титул и немедленно обвенчаться с нею; однако это возбудило в Лукреции страх, как бы Цезарь не погубил его так же, как он сделал со многими, павшими жертвой его противоестественной ревности; она успокоилась лишь после того, как Альфонсо дал слово отказаться от своего рискованного намерения. Она даже не разрешила ему сообщить папе об истинном положении дел, прежде чем Альфонсо окажется в полной безопасности, и указала ему на многочисленных шпионов Александра, донесения которых оказывали на папу сильное влияние.

Наконец, Лукреция стала уговаривать Альфонсо для доказательства того, что он оставил всякую ревность, предложить ей самой выразить порицание Реджинальду; она высказала убеждение в том, что Лебофор был обманут предательством Фаустины точно так же, как сам Альфонсо в долине Эгерии, привела много трогательных примеров тому, как честно боролся Реджинальд со своей страстью, как сама она жестоко пользовалась ею, чтобы наводить его подозрения на ложный след.

Однако все эти доводы Лукреции вместо того, чтобы успокоить Альфонсо, только вновь пробудили его ревность, и он наконец воскликнул:

— Нет, моя Лукреция, пока я не получу уверенности, на которую может положиться моя душа, я не потерплю, чтобы кто-нибудь завидовал мне в обладании таким сокровищем, как ты!.. Будь вполне моею, и я призову в свидетели землю и небо, что ты — моя невеста, моя супруга, моя душа, вся моя жизнь. Только будь моею, и тогда я поверю тебе даже против свидетельства ангелов.

— Нет, нет, мой любимый, теперь ты доказываешь мне, что не любишь меня, а ненавидишь и глубоко презираешь, — со слезами ответила Лукреция, в испуге стараясь вырваться из объятий Альфонсо и обращая на него молящий взор.

— Не бойся! Ты — моя супруга, Лукреция, моя жизнь! Оставь всякий страх! Я хочу только возвратить тебе поцелуй, полученный мною в гроте Эгерии, мимолетный, как молния.

— Тогда поклянись тотчас оставить меня! Я твоя вполне, но не бесчесть меня, чтобы я не сделалась такой, какой выставляют меня враги! — воскликнула Лукреция и, вырвавшись из объятий жениха, опустилась перед ним на колени.

— Ты, — воскликнул он, — ты на коленях предо мною, тогда как мне самому следовало бы не вставая лежать у твоих ног! О, тебя оклеветали, потому что — я знаю — ты любишь меня. Но подари мне еще одно мгновение, чтобы я смог забыть отвратительное воспоминание о долине Эгерии. Одари меня еще одним прощальным небесным взором, и я уйду теперь от тебя! — воскликнул Альфонсо, после чего с нежностью поднял молодую женщину и, прильнув губами к ее устам, впился в них страстным поцелуем.

Лукреция в первом упоении своей нежности также крепко обняла его и стала горячо отвечать на его ласки, но затем, словно вспомнив о пылкости его натуры, вырвалась из его объятий и, позвонив в серебряный колокольчик, крикнула:

— Фаустина!

Через несколько мгновений кормилица вошла в комнату. Делая вид, будто она протирает глаза и старается скрыть зевоту, старуха молча указала головою на окно, за которым первые лучи рассвета уже пересиливали лунное сияние.

Лукреция и Альфонсо тотчас приняли, хотя не слишком успешно, чопорный вид, подходивший к их мнимым отношениям, а затем в полной уверенности, что старая кормилица расслышала очень немного из их разговора, Альфонсо ушел, унося в душе последний взгляд своей возлюбленной, — веселый и страстный, сиявший любовью, гордостью и благодарностью.

Х

Зал Реджиа был украшен по случаю праздника, на котором должно было состояться присуждение приза за турнир; однако все смутно догадывались, что со всей роскошью и блеском этого зрелища связывались мрачные предчувствия. Было замечено, что папская стража во дворце необычайно многочисленна, а военные смотры, производимые Орсини как будто бы в честь их молодого вождя, отличались также большой внушительностью. Вообще праздник носил несколько воинственный характер. Папа был удивлен, когда, вступив в зал с Лукрецией и своим придворным штатом, заметил, что большинство гостей явилось в доспехах; Паоло Орсини и Реджинальд Лебофор пришли в полном вооружении, только с непокрытой головой. Бледное лицо Орсини выражало буйную веселость, которая сразу бросалась в глаза, составляя резкий контраст с мрачной миной Реджинальда.

Паоло твердо устремил взор на Лукрецию, несомненно в надежде заметить в ее чертах следы страданий и унижения, которым, по его мнению, должен был подвергнуть ее Альфонсо своим презрением. Но в душе его вспыхнула досада, когда она вошла с довольным и радостным лицом, причем все ее движения были проникнуты каким-то внутренним блаженством. При входе же иоаннита, впервые явившегося в дорогом придворном костюме, придававшем истинное величие его царственной фигуре, смущение Паоло еще усилилось, особенно когда он заметил, что рыцарь и Лукреция не бросают друг на друга гневных взглядов, а всячески стараются встретиться взорами, причем глаза Лукреции сияют ярким блеском, на ее устах играет загадочная улыбка, а щеки рдеют густым румянцем.

Бембо последовал за своим повелителем, но с печальным выражением лица, так как Альфонсо осудил его платонические поползновения и поставил ему на вид опасное положение, в которое он рисковал попасть.

Соблюдалась соответствующая случаю торжественная церемониальность, пока наконец трое претендентов на награду не предстали перед возвышенным креслом, которое занимала Лукреция в качестве председательницы суда, окруженная прекрасными ассистентками. Они были обязаны помогать своей повелительнице или, по крайней мере, подтвердить ее решение. На этих светских празднествах было в обычае не особенно замечать присутствие папы, и потому Лукреция начала свое обращение к присутствующим только приветливой улыбкой отцу и легким поклоном собравшимся, на который они ответили с глубокой почтительностью. Хотя в ее речи и сказывались отчасти ораторские приемы того времени, но ее гармонический голос был способен придать ей силу убеждения помимо формы.

— Любезные дамы и уважаемые синьоры, — начала она после краткой паузы, — герольд нашего высокого суда уже возвестил вам, с какой целью собраны вы здесь, а именно чтобы решить под озаряющим покровом Пресвятой Девы и по законам рыцарства, кто из этих замечательных своей храбростью рыцарей отличился более всех. Хотя мы — женщины, и потому, пожалуй, не все считают нас способными вынести суждение по столь важным вопросам, однако природа, отказавшая нам в телесной силе и храбрости, вселила в нас такое глубокое восхищение этими качествами и сделала их столь нужными нам, что мы уподобляемся любителям искусств, которые, не ведая ни предрассудков, ни соперничества, часто оказываются более беспристрастными судьями в этой области, чем сами художники. Но мы вдобавок — художницы по этой части, потому что именно женщины обратили грубый металл силы и храбрости в великолепие рыцарства, расплавив его в огне любви, облагородив великодушием, смирением и всеобъемлющим милосердием, выковав его в ледяной холодности целомудрия и воздержания, отшлифовав нежностью, грацией, чувством чести и вежливостью и только этим превратив его в истинную религию в стальных доспехах. Но, как бы то ни было, мы — женщины и будем судить по-женски. Поэтому вы должны знать, благородные синьоры и храбрые рыцари, что наше суждение будет относиться не к одной храбрости, но также к достоинству подвигов тех лиц, которыми они совершены. На этом основании благородный синьор Орсини простит нам, что с нашей точки зрения его участие в нападении на Капую не может затмить заслуги его соперников; это нападение пролило потоки крови жен-

щин и детей. Но между вашими судьями нет матерей, благородный синьор Орсини!

— Да, донна Лукреция, но самая обыкновенная счастливая случайность может привести их к материнству, — перебил ее Паоло тоном такой угрюмой насмешки и с таким ударением на имени, что в собрании водворилось всеобщее безмолвие, вызванное удивлением.

— Рыцарь Реджинальд из Англии, — продолжала Лукреция, повернувшись с огненным взором, но с умоляющим выражением к Альфонсо, который схватился за меч, — рыцарь Реджинальд, выслушайте меня, моя речь обращена только к вам. Все мы согласны с тем, что награду следовало бы назначить вам, так как вы в открытом бою, с мечом в руке, первый и притом единственный проникли в Капую. Но на вашем щите появилось пятно, которое нужно сначала смыть. Вы сделали себя недостойным какой бы то ни было рыцарской награды, низко опозорив доброе имя благородной женщины и, подобно Тарквинию¹, обвинив ее в преступлении, к которому вы нечестно и безуспешно старались склонить ее.

— Это справедливо, как евангелие, исключая безуспешность, — с громким смехом подхватил Орсини. — Расскажи-ка нам, друг неподкупной правдивости, Расскажи, где и как ты провел ночь после судейского разбирательства. Скажи это хотя бы в такой мере, в какой ты можешь признаться в этом, не заставляя краснеть целомудренную Лукрецию.

— Отвечайте ему, рыцарь, не только перед лицом всех присутствующих, но и Того, Кто над нами, — с жаром сказала Лукреция. — Отвечайте ему, потому что я также обвиняю вас в несправедливой и вероломной клевете.

— И вспомните, — вмешался Альфонсо, — что вы похвалялись предо мною, будто эта высокопоставленная особа назначила вам в ту ночь тайное свидание в Ватикане.

— Не робей, юноша, — внезапно подхватил Цезарь, — тебе надо сознаться лишь в мальчишеском хвастовстве.

Не доставало только этого, чтобы ярость Реджинальда переступила всякие границы.

— Нет, герцог Романьи, нет, мнимый рыцарь и вероломный государь! — воскликнул он. — Я скорее согласен открыть перед всеми присутствующими то, в чем ты уверял меня вчера с целью припугнуть и выведать от меня тайны рода Орсини. Ты сам подкупил лживую ведьму, и она за-

¹ См. прим. на стр. 200. Имеется в виду Сект Тарквиний.

манила меня в одно место, куда я пошел с трепетной надеждой, не смея сознаться самому себе в руководивших мною чувствах. Но все это было одно безумие, предательство, низость, и я поплатился за свое легковерие горькой насмешкой обманутого ожидания в ту ночь или готов заплатить теперь так тяжело, как вы прикажете, благородная синьора.

— Молчать! Все ли ты рассказал о глупой шутке, затеянной мною, чтобы показать тебе твою собственную нелепую глупость? — со смехом сказал Цезарь, наполовину удивленно, наполовину весело.

Но он смеялся один.

— Как, Цезарь, ты осмелился позволить себе такую, как ты говоришь, шутку со мной, с добрым именем своей сестры? — воскликнул папа, ярость которого, казалось, была готова переступить все пределы, но, к счастью для Цезаря, она нашла себе другой исход.

— Пусть так, — подхватил Паоло, выпучив глаза, будто одержимый злым духом. — Но ты, иоаннит? Разве тебе нечего сказать относительно того, почему даже отвергнутый Орсини с удовольствием отказывается теперь от всякого притязания на руку этой сиятельной синьоры.

— Да, нечего, и я падаю здесь на колени от имени Альфонсо Феррарского и смиренно предлагаю ей жениха, которому никакой Орсини не осмелится стать поперек дороги, — ответил Альфонсо, почтительно склоняясь к ногам Лукреции.

— Во имя всех святых, замолчим и постараемся очнуться от этого странного сна! — воскликнул Цезарь, вне себя от изумления. — Скажите, синьор Бембо, не дурачат ли нас этими красивыми речами? Какого рода полномочия имеет этот человек от государя Феррары?

— Неограниченные, какие ему только потребуются, — ответил Бембо.

— Ну, а ты, Лукреция, что скажешь на это? — воскликнул Цезарь с нескрываемой тревогой и удивлением.

— Говори откровенно, Лукреция! Ведь, не правда ли, мы согласны с тобою в этом деле, и я охотно разрешаю тебе вступить в брак с принцем Феррарским? — спросил папа, поглядывая на Орсини, как лев, готовый к прыжку.

— Это так же верно, как то, что я принимаю это кольцо; в нем я желала бы найти бриллиант, который может сокрушить одна смерть, — ответила Лукреция. — Я и все эти прекрасные синьоры, заседающие на судейских местах, единодушно находим, что истинную рыцарскую славу стя-

жал только этот благородный и безупречный рыцарь, и ему присудили мы венок за турнир в Колизее.

С этими словами она приняла от коленопреклоненного иоаннита драгоценный бриллиантовый перстень, а герольд увенчал его чело давно оспариваемым венком победы. Папа тотчас поднялся и с торжеством, которое и не думал скрывать, благословил обрученных.

— Все это очень хорошо, но бесповоротного решения пока еще не последовало! — с диким хохотом воскликнул Паоло. — Посланник образцовой верности, я позабочусь о том, чтобы похвала вашему посредничеству раньше вас достигла Феррары. Если же тем временем милостивейшему повелителю Романьи интересно узнать, почему мы не заведем принцу, удостоенному награды, то я скажу ему под видом загадки сфинкса, почему соучастие в вине доказывает невиновность.

— Так вот вы с союзными вам дворянами и сделаетесь соучастниками вины и приметесь доказывать свою невиновность, немедленно приступив к осаде Болоньи! — запальчиво сказал папа. — При этом, в случае надобности, вас поддержит оружие нашего могущественного и послушного сына, герцога Феррарского, и мы повелеваем вам тотчас выступить из Рима под предводительством нашего хоругвеносца со всеми своими военными силами, герцогу же Романьи поручаем исполнить наш приказ в течение двух дней. Что же касается тебя, дерзкий молодой англичанин, то, если завтра до заката солнца ты или кто-либо из твоей свиты замешкается еще в Риме, вы не выйдете отсюда до тех пор, пока стены замка Святого Ангела будут достаточно крепки, чтобы удержать вас.

Без дальнейшего формального прощания и не замечая Цезаря, папа оперся одной рукой на плечо Альфонсо, подал другую своей дочери и удалился, а все собравшиеся переглядывались в величайшем смущении.

— Нет, не отступай с ужасом предо мною, — сказал наконец Паоло, когда пристыженный Реджинальд медленно отвернулся. — Вместо того чтобы мстить тебе, я желаю только услышать от тебя что-нибудь, подлежащее огласке. Ваша светлость, — обратился он к Цезарю, — с вами, как хоругвеносцем церкви, я могу, по крайней мере, обсудить вопрос, много ли своего войска намерены вы вести на осаду Болоньи? Одолжите мне свое оружие, верные друзья и союзники!

При этих словах он с непонятным волнением подхватил под руку Цезаря и Реджинальда, чтобы увести их почти

против воли на другой конец зала. Как ни был поражен английский рыцарь всем происшедшим, все-таки было удивительно, что он не сказал ничего, но удалился со вздохом, как был в безмолвном отчаянии. Зато Цезарь дал волю буждевавшему в нем чувствам; он был так разъярен, что дрожал всем телом и, видимо, не мог овладеть собою. Подобное душевное волнение, пожалуй, даже выходило за пределы всего, что должен был чувствовать брат при открытии, которое в освещении, приданном ему Орсини, являлось непоправимо позорящим честь Лукреции.

А тем временем принц Феррарский, равнодушный ко всем последствиям, какие могло повлечь за собою сближение его врагов, проводил папу в его гостиную и там, к своему величайшему удовольствию, получил приказ провести остаток дня с ним и с невестой.

Это был первый счастливый день любви Альфонсо, счастливейший день в его жизни, и он миновал с поразительной быстротой. Папа одобрил его план отправиться на другой день обратно в Феррару с донесением о благоприятном результате своей миссии и с величайшим удовольствием обсуждал все мелочи предварительных распоряжений. Когда Альфонсо остался с Лукрецией и ее дамами, то все они предались своим радостным чувствам. Желая твердо запечатлеть в сердце любимого человека воспоминание о себе, Лукреция так щедро расточала чары своей красоты и ума, что привела Альфонсо в совершенное упоение. Наконец, Лукрецию позвали к папе, желавшему переговорить с нею наедине, и ее прощание с Альфонсо продолжалось так долго, что пришел второй нетерпеливый приказ, прежде чем она последовала на зов отца. Вскоре придворных дам потребовали к их повелительнице, Альфонсо же дали понять, что Лукреция не покажется больше в этот день.

Принц стал бродить по садам Ватикана, с наслаждением предаваясь сладким надеждам и мечтам о любви. Вдруг, повернув в одну из уединенных аллей, он услышал позади себя чьи-то ковыляющие шаги и, обернувшись, увидел старуху в еврейском одеянии; это была Морта. Она тотчас догнала его, склонилась к его ногам, а затем, поднявшись, промолвила:

— Послушайте, сын мой, я пришла к вам по одному тайному делу... Но прежде всего — чтобы вы поверили мне — вот амулет назареев; узнаете ли вы его? Он дан мне тою, которая научилась доверять вам в Капуе.

— Да, я видел его раньше, — ответил Альфонсо, подозрительно поглядывая на старуху, показывавшую ему

простой серебряный крест, один из тех, какие носят монахини, и вспомнив, что Фиамма Колонна с суеверной бережностью носила его на шее, как единственное воспоминание о прошлом, причем отдавала ему предпочтение перед всеми своими драгоценностями.

— Госпожа из вашего народа, которой принадлежал этот крест, очень ловка, но, несмотря на это, часто обращалась за помощью к нашему могуществу, — продолжала Морта. — Теперь она нашла пристанище у нашего очага в гетто и полагается на нашу верность и благодарность, так как ей угрожают различные враги, опаснее шипящих змей. Она посылает вам этот талисман и заклинает вас немедленно посетить ее тайком, потому что ей надо посоветоваться с вами насчет того, как избежать вражеских козней. Если же ее гибель неизбежна, то она хочет, по крайней мере, сообщить вам по секрету нечто такое, от чего зависит сама жизнь дочери первосвященника, носящей имя Лукреция Борджиа.

Альфонсо не имел оснований доверять еврейке, но переданное ею поручение было так правдоподобно и настолько подтверждалось обстоятельствами, которые могли быть известны Мorte только через саму Фиамму, что едва ли можно было сомневаться в искренности старухи. Последние ее слова усилили до крайности подозрения и опасения Альфонсо, отлично знавшего как бессовестность Цезаря, так и обуявшее теперь его отчаяние. Однако чувство благодарности и жалости громко заговорило в нем, когда он услышал об опасности, которой подвергалась из-за него молодая женщина, а его основательные сомнения в надежности людей, приютивших ее под своим кровом, пожалуй, еще увеличивали эту опасность. Он мигом сообразил, что Фиамму было бы нетрудно увезти на другой день тайком из Рима в числе прочих лиц, составлявших его свиту; когда же убедился в правдивости сообщения старой ведьмы, явно опасавшейся, чтобы их свидание не было обнаружено, то решил сопровождать ее в убежище Фиаммы.

Нося обыкновенно темную одежду, Альфонсо не опасался быть узнанным в придворном костюме, тем более что на нем были еще надеты общеупотребительная черная маска и широкий плащ, без которых никто не мог обходиться в ту эпоху бесчисленных раздоров. Принц подвигался вперед, не упуская из виду свою проводницу; он не сообщил о своем намерении покинуть Ватикан ни одному из дворцовых слуг, которые могли выдать его, вышел с Морттой через заднюю калитку на берег Тибра и окликнул лодочника.

Перевозчиком служил им уже известный читателям Джордж Чиавоне. Старик как будто постарел еще больше или сделался молчаливее; он почти не взглянул на своего пассажира и, вероятно, не узнал его.

Когда они причалили к гетто, Морта подбежала к Альфонсо и стала просить его не выдавать ее, если она поведет его по кратчайшей дороге вместо той, которая огибала стены, потому что они рисковали не попасть в этот обособленный квартал, так как положенные для посещений часы давно миновали. Альфонсо со смутным предчувствием опасности выслушал предложение еврейки следовать по открытому им раньше водному потоку, настолько мелкому, по уверению старухи, что в нем едва было можно замочить подошвы. Однако он согласился избрать этот путь и пошел за колдуньей при тусклом свете, проникавшем из промежутков между стенами. Вскоре они, по мнению Альфонсо, уже приблизились к жилищу Морты, как неожиданно он услышал позади себя оглушительный треск и не успел оглянуться, как потоки света хлынули из множества отверстий в высоких стенах, откуда выглядывали теперь бесчисленные еврейские физиономии, искаженные злобой и яростью. Град ругательств посыпался на непрошенного пришельца; поднялись крики, угрозы мести. На него со всех сторон были направлены мушкеты и самострелы, и, наконец, он заметил, что вода протока быстро прибывала, а между ним и выходом была спущена толстая железная решетка.

Эту страшную минуту распахнулась дверь жилища старых евреек и Мириам выбежала оттуда с безумным воплем: «Джиованни!» Морта крикнула иоанниту, чтобы он спасался, схватила Мириам в объятия и увлекла ее насильно прочь. Альфонсо одним прыжком очутился позади нее в подвале, где было совершенно темно, и вдруг почувствовал, что его хватают со всех сторон. Он пытался обнажить меч, однако оружие было вытасчено у него из ножен сзади, и в тот момент, когда он, обезоруженный, считал себя близким к гибели, подземелье озарил яркий свет, и Альфонсо увидел, что он окружен толпой евреев, большинство которых было вооружено; все они выкрикивали яростные проклятия.

«Предательство» и «Цезарь» — два слова, одновременно мелькнули в уме Альфонсо, который теперь не ожидал ничего, кроме неминуемой смерти. Однако, к его изумлению, разъяренная толпа внезапно стихла, и какой-то старый еврей, трясаясь и кашляя, выступил вперед и крикнул:

— Сдавайся, проклятый назарянин, изменник дочерей нашего народа! Свяжите его и не мешкая отведите к сенатору, как было приказано, через ворота, ведущие на площадь Орсини, где бодрствуют его чиновники и проклятый инквизитор.

Альфонсо испытал некоторое облегчение, убедившись, что его не собираются умертвить на месте. Тем не менее, тревожась о дальнейших последствиях допущенного им промаха, он стал с жаром уверять в своей невинности и обратился за поддержкой к Морте, сестра которой вышла с Мириам.

— Презренный сын нечестивого рода, собака моего врага! — яростно завопила Морта. — Я должна заступиться за тебя, предавшего позору кровиночку нашего отца и привлекшего ее к суду?! Будь ты проклят со всем своим племенем, и да будет благословен тот, кто поможет уничтожить тебя вместе с ним!

— Долой его! Он — козлище отпущения назарея!¹ — гневно подхватил старик-еврей. — Нет ему чести во Израиле. Пусть судят христианина по христианским законам!

— Пусть посадят его живым на кол, как моего сына, моего Рувима! — закричал другой старый еврей. — Пусть обождут совершения казни до солнечного заката, как было с моим сыном; к тому времени коршуны до того проголодаются, что перестанут робеть. Назарей не допустил меня отгонять их, не дал мне смочить каплею воды запекшиеся, почерневшие уста моего Рувима.

Это ужасное напоминание о горе старика до такой степени распалило ярость людей, карауливших пленника, что только строгий запрет старейшины удержал их от немедленной кровавой расправы с ненавистным врагом. Альфонсо чувствовал сам, что может надеяться на спасение только подчинившись силе, но, пока он вел переговоры со своим караульным, явилась стража алебардистов, состоявшая на службе у сенатора. Ее появление дало рыцарю некоторую надежду, тем более что между этими солдатами он увидел юного Фабио Орсини. Альфонсо тотчас объяснил, что он — посланник повелителя Феррары и от имени папы требует защиты. Однако единственным ответом знатного юноши был наглый хохот, звучавший насмешкой и ненавистью. Он приказал евреям тотчас предстать со своей жалобой и с

¹ Назареи — так в деяниях апостолов именуются первые христиане еврейского происхождения

пленником на суд его брата, и это приказание было неукоснительно исполнено.

Между тем ни один добрый или злой дух не шепнул об этих событиях Ватикану. Упоенная нектаром страсти, провинившаяся требованию папы, потребовавшему ее к себе, и ее удивление еще возросло, когда она увидела, что он крайне взволнован и расстроен. С мрачной серьезностью, какой она никогда не замечала в нем раньше, Александр сообщил дочери, что из-за слуха, пущенного Орсини, ей не следует больше видаться с феррарским посланником. Лукреция вспыхнула ярким румянцем и принялась с жаром возражать против такого странного распоряжения. Впрочем, молодая женщина не решалась расспрашивать о неприятном слухе из боязни, что это поведет к опасным расспросам со стороны отца. Ее молчание и замешательство не говорили в пользу Лукреции и еще более усилили подозрение папы, так что он, приказав сообщить двору, что Лукреция не выйдет больше в этот вечер, задержал ее при себе до позднего часа, как будто совершенно углубившись в шахматную партию, которую умел, по своей испанской ловкости, затягивать почти на любое неопределенное время.

В Ватикан пришло известие о беспорядках в гетто и об аресте христианина, явившегося туда проведать свою возлюбленную еврейку, однако на это не обратили внимания, так как смута между евреями была усмирена самим сенатором, который нарядил следствие по этому делу. Но, когда Лукреция получила наконец позволение удалиться, папа в ее присутствии отдал приказ доложить феррарскому посланнику, что завтра утром он сделает ему визит, чтобы сообщить свои последние распоряжения. Тут у молодой женщины мелькнуло тревожное подозрение, и она остановилась в нерешительности у входа в свои покои, спрашивая себя, не вернуться ли ей назад и не открыть ли всего отцу; однако выражение, подмеченное ею в глазах начальника папской канцелярии, честность которого казалась ей сомнительной, удержало ее от этого.

Беспокойство Лукреции усилилось еще более, когда она, войдя к себе, заметила отсутствие кормилицы, против обыкновения не дожидавшейся ее в тот вечер, причем на все расспросы прислуга отвечала ей, что не знает, куда девалась Фаустина. Вконец расстроенная, молодая женщина даже не подумала о том, чтобы лечь в постель, и отпустила своих служанок, отказавшись от их обычных услуг. Забрезжившее утро застало ее все еще погруженной в за-

думчивость, которая, несмотря на свою сладость, вызывала слезы на ее глаза. Тишина рассвета успокоила утомленное тело женщины, и она задремала, не вставая с кресла. Но вдруг ее потревожил посол от папы; последний немедленно требовал к себе дочь, желая видеть ее одновременно с феррарским посланником.

Лукреция была удивлена, но ей не хотелось показаться перед своим возлюбленным истомленной и бледной после бессонной ночи, а потому она извинилась перед отцом, велев сказать ему, что не сможет прийти. Однако на это последовал еще более настоятельный приказ явиться в папские покои, и Лукреция поспешила к отцу, даже не переодевшись. При входе к нему ее крайне поразил и встревожил его первый вопрос о том, куда девался иоаннит; с солнечного заката накануне он исчез из своих покоев, и перепуганный Бембо подтверждал это известие.

Страх и замешательство Лукреции при этом известии, казалось, усилили до крайности гнев папы. Александр высказал намерение отправиться лично на поиски иоаннита, чтобы узнать, по какой причине тот спрятался во дворце, но затем без видимой связи с предшествующими словами приказал позвать Фаустину. Лукреция, запинаясь, сообщила, что и кормилица куда-то запропастилась.

Это явно усилило волнение папы, и он воскликнул своим грозным голосом, испугавшим даже Лукрецию:

— Ну, так где же он? Это невероятно, хотя до нас дошли недавно странные рассказы о его лицемерном распутстве. Фиамма... молодая еврейка... ты слышишь?..

— Клянусь своей жизнью и честью, — с большим жаром возразила Лукреция, — все это — отвратительная клевета, вымышленная его врагами, чтобы восстановить вас против него.

— А кто сказал нам не далее как вчера вечером... Слушай, Лукреция, твоя Фаустина — так мне сообщили — искала защиты у Орсини. Нет ли и у нее на языке чего-нибудь такого, о чем охотно послушали бы враги? Несчастная, где иоаннит?

— Клянусь всеми святыми, я сама желала бы знать это, чтобы успокоиться относительно его безопасности, — ответила женщина с горячностью и искренностью, поколебавшей подозрение папы.

— Однако что означает твой румянец? — продолжал он после некоторой паузы. — Послушай, Лукреция, я хочу узнать самое худшее, и, пожалуй, это необходимо, чтобы спасти наше имя от величайшего позора. Мне говорят, буд-

то иоанниту было поручено разузнать здесь нечто такое, что могло бы беспрепятственно содействовать твоему браку с его повелителем. Английский рыцарь подтверждал это раньше, да и меня уверяют, Лукреция... Но если ты в самом деле такая презренная, какую я не хочу тебя называть, то сознайся, по крайней мере, вовремя, чтобы я успел помешать предателю вернуться со своими хвастливыми речами в Феррару и покрыть нас вечным стыдом и позором, выставив всеобщим посмешищем.

— Отец, что значит все это? — спросила до крайности пораженная Лукреция.

— У тебя осталось только одно средство спасти свою жизнь: выдай мне иоаннита без всяких условий! Или ты хочешь заставить меня предать все огласке и ворваться в твои покои с моими швейцарцами, чтобы найти в них этого рыцаря?

Лукреция молчала от досады, стыда и горя. Однако это молчание подтверждало догадку ее отца; он был жестоко потрясен и опустился в кресло, точно силы покидали его и ноги отказывались ему служить. Закрыв лицо руками, он воскликнул:

— Вот истинная небесная кара!

— Умертвите меня, но не подозревайте в подобных вещах, — произнесла наконец Лукреция задумчивым тоном, словно ей не хотелось верить тому, что она слышала, и ее томило смутное предчувствие непоправимого несчастья.

В этот момент вошел Бурчиардо; он, дрожа от страха, доложил о приходе двух убогих старух из гетто, которые такими странными словами добивались доступа к Лукреции, что он пришел спросить, как она прикажет поступить с ними.

Не дав дочери распорядиться, чтобы евреек удалили, папа велел немедленно ввести их. Бурчиардо тотчас явился назад с Мортой и Нотте. Не замечая папы или не обратив на него внимания, они бросились к Лукреции, ухватились за ее платье и принялись вопить, колотя себя в грудь.

— Мы снабдили тебя чудесным питьем, которое доставило тебе любовь твоего возлюбленного, — закричала Морта, — будь же и ты сострадательна к нам! В нашем доме схватили назарея. Но ты пожалела наше дитя и сказала, что было бы святым делом показать бедняжке соблазнителя ее юности, чтобы успокоить ее отчаяние, так как в своем безумии обманутая считала его мертвым, убитым предательской рукой. Мы сделали только это, но не более.

— Да, он богат и расточает свое богатство, как приличествует воину, — подхватила Нотте, ехидно ухмыляясь. — Но, прекраснейшая синьора, если ты согласна оказать милость ему и нам, то вот великолепнейший из его даров — эти драгоценные камни, доставшиеся ему при разграблении Капуи; возьми их себе.

— Венок с турнира! — воскликнула Лукреция, вне себя от испуга и удивления, когда старая ведьма, с плачем и жалобными стонами, положила к ее ногам венец из превосходных бриллиантов. — Что это значит? Не похитил ли арестованный в гетто христианин этих дивных драгоценных камней, чтоб подарить их своей возлюбленной?

— Нет, нет, только ты молчи, — возразила Нотте, и остальные слова были сказаны сестрами в один голос, как будто эти ведьмы не хотели уступить одна другой такого сладостного мщения. — Не разглашай о том, ведь пойманный синьор — рыцарь-монах, рыцарь Белого Креста Иоанна, которого назареи называют святым.

У Лукреции вырвался полуподавленный стон, и, растерянно взглянув на папу, она крикнула:

— Так его нет в вашем доме? Где же он, адские женщины?

— Его увезли узником из Рима, — отвечала Морта. — Сенатор сам судил его, и мы не можем узнать, что случилось с ним и с нашим детищем — Мириам.

— Сенатор? Орсини? Узник! — задыхаясь, воскликнула Лукреция, а затем пошатнулась и упала без чувств к ногам папы.

Когда молодая женщина снова пришла в себя, то ее взор упал на Цезаря, который суетился, подавая ей помощь.

— Он умерщвлен! Не ты ли убил его, палач? — закричала она. — Говори! Разбей мое сердце! Он умер?

— Этот бред действительно подтверждает рассказ Орсини, приведший меня в смущение, — ответил Цезарь, содрогнувшись перед злобой, которою сверкали глаза его сестры.

— Убийца! Убери прочь твою окровавленную руку! Но скажи мне, жив ли он? Если ты не скажешь, то заговорю я и покажу перед небом и землею, какое ты чудовище! — воскликнула Лукреция в сильнейшей ярости.

— Он не умер и ему не причинено никакого вреда, — поспешно ответил герцог. — Еврейка бредит. Просто нечестивые похоти иоаннита отдали его во власть Орсини, а последний воспользовался случаем для нашего позора и

отправил его в цепях в Феррару к его оскорбленному повелителю с неопровержимыми доказательствами его измены, если только это не было выдуманной шуткой. О, какой злополучный день!.. Он покрыл нас таким позором!

Лукреция крайне изумилась этой поразительной цепи событий, которые так быстро содействовали всем намерениям зачинщиков, и долго смотрела перед собою, погруженная в молчание. Цезарь не понял значения одолевавших ее мыслей и не мог удержаться от горького смеха, что, к его удивлению, встретило отклик в его сестре.

— А, так, значит, поймали соблазнителя еврейской девушки, которого, говорят, убил злодей, не имевший себе равного на земле со времен Каина! — сказала Лукреция, скрывая, насколько хватало ее сил, подлинную скорбь под видом другой, мнимой. — Прошу вас, — продолжала она, обращаясь к папе, — если вы любили меня когда-нибудь, то прикажите вернуть негодяя и подвергнуть его заслуженной каре за его чудовищное преступление.

— Можно предоставить наказание иоаннита его повелителю, — возразил Цезарь, — вернуть же его нет возможности, если посланный за ним вдогонку не помчится с быстротой ветра. Теперь светает, а он был увезен из Рима час спустя после солнечного заката на самой быстрой лошади, какую только удалось сыскать.

— Ах, догнать его решительно невозможно? — сказала Лукреция, причем ее прекрасное лицо удивительно просветлело. — Пусть он стремится к своему наказанию в Ферраре, а я подожду своего в Риме. Не осуждайте меня, однако, не выслушав предварительно моих оправданий. Пошлите за сенатором Орсини, и пусть он предъявит свое обвинение; если же мне не удастся опровергнуть его явными для всех доказательствами, то пусть я погибну, не оплаканная даже родным отцом.

— Сенатор в замке Святого Ангела, куда явился по моему желанию, — сказал Цезарь. — Но какой прок удовлетворять жажду мести и радовать этого человека видом нашего отчаяния?

— Все равно, пусть придет, — возразила Лукреция.

Цезарь посмотрел на нее, как на помешанную, однако ей не противоречил, и за Паоло Орсини был отправлен послол.

— Никого не выпускать отсюда! — распорядилась Лукреция, заметив, что еврейки, стоявшие на коленях, хотели потихоньку ускользнуть ползком. — Вы не должны возвращаться в гетто с половинчатыми вестями обо мне: ведь и

так ходит слишком много слухов; вам следует составить более справедливое мнение о вашей внучке, прежде чем вы опять вернетесь к приготовлению своих ядовитых снадобий. Не удивляйся, Цезарь! Дай мне только убедиться в справедливости рассказа этих старух, и тогда я с радостью разделю любую участь, какая постигнет феррарского посланника. Бембо был его товарищем; пусть же он будет свидетелем его разоблачения. Пошлите также и за ним!

Сам папа начал думать, что страх отнял рассудок у его дочери, однако твердый и спокойный тон Лукреции опровергал подобное предположение.

Орсини явился вскоре в сопровождении трех чиновников — членов его суда, двух инквизиторов и одного писца. Радость мщения, которую он испытывал, носила спокойный характер, поскольку теперь Паоло чувствовал себя удовлетворенным с избытком; он вошел со смиренной церемонностью, обычной при появлении перед папой.

— Господин сенатор, — заговорила Лукреция, — как вы осмелились нарушить законы Рима, в то время как вы призваны перед всеми строго требовать их соблюдения? Как вы осмелились избавить рыцаря-иоаннита от возмездия, положенного законом за то преступление, в котором он был изобличен?

— А неужели вы разгневались так сильно из-за того, что к числу заблудших римлянок присоединилась и нечестивая еврейка? — со страшной ухмылкой спросил Орсини. — Но у римского сенатора есть обязанность поважнее соблюдения законов, потому что общественная безопасность превыше всего. Союз с Феррарой представляет политический вопрос такой важности, что я был совершенно прав, удалив мошенника, который испортил бы нам все дело.

— Славная шутка! — возразила Лукреция. — Но объяснитесь точнее.

— Как вам угодно, сиятельная синьора! Нотариус, прочтите нам то, что показала в нашем присутствии мона Фаустина, прежде чем была отправлена в качестве свидетельницы в Феррару, — сказал Орсини, дрожа от нетерпения и радости.

Нотариус вздрогнул и в испуге посмотрел на папу, но Лукреция подала ему знак читать документ, и он, опустившись на колени повиновался ее воле.

Фаустина, бежавшая из помещения Лукреции, несомненно, вследствие угрозы Цезаря или по его приказанию, открыла все, что она знала о свидании Альфонсо с Лукре-

цией, или видела своими глазами, или подозревала. Хотя в ее словах не было прямого обвинения, но они указывали на опасность, грозившую в будущем. Кормилица утверждала, что, судя по обстоятельствам и жалобам своей повелительницы, она до последнего времени думала и знала, что феррарский посланник пользовался своими полномочиями, чтобы действовать против Лукреции, но во время того свидания они как будто заключили между собою договор, результатом которого явилось предложение посланника на другой день. Затем Фаустина рассказала все о ночном свидании и только не передала слов их разговора.

Подробности ее рассказа бросили в краску Лукрецию, а у папы вызвали громкий стон.

— Поэтому-то я и опасался, — сказал Орсини, — что союз с Феррарой не состоится, если не удалить своевременно этого человека. Если же я выследил его до самой потайной лазейки, то лишь исполнил свою обязанность.

— О, какой же негодяй и отвратительный изменник этот иоаннит! — воскликнул Цезарь, будучи не в силах дольше сдерживать свое торжество. — И самым подлым из всех преступлений я считаю то, что он пользовался своей возлюбленной еврейкой, чтобы распространять гнуснейшие сплетни на мой счет; надо сознаться, я постоянно замечал, как все его стрелы направлялись втайне против меня.

— Теперь, ваше святейшество, вы можете усмотреть, что я, не помышляя о предательстве, вправе сложить с себя навсегда свое презренное занятие, — сказал Орсини со спокойной улыбкой скрытой мстительности.

— Да, я усматриваю здесь карающую десницу, — простонал папа, удрученный скорбью. — Мой Джiovанни убит, Цезарь помышляет о восстании, а Лукреция... О, ты, худшая из всего твоего злого рода, что ты такое?

— Ваша дочь и невеста Альфонсо Феррарского, — спокойно ответила та. — Вся эта история, хотя и раздутая болтовней старых баб, справедлива. Совершенно верно, что вплоть до продолжительного свидания со мной наедине феррарский посланник был против моего брака с его принцем, но затем он объявил о нем на следующий день. До той поры я не знала о клевете, возводимой на меня родным братом, и о том позоре, который навлекла на мое имя его шутка над английским рыцарем.

— Нам пока неизвестно, одобрит ли Альфонсо Феррарский те средства, которые были выбраны иоаннитом для доказательства вашей невинности, синьора, — заметил Паоло Орсини.

— Презренная, неужели ты сама сознаешься в своей виновности? — тоном отчаяния воскликнул папа.

— Если любовь — провинность, то я, разумеется, страшно виновна, — ответила Лукреция. — Но разве мне не приходилось слышать очень часто, что вы сами признаете за Альфонсо Феррарским высокое геройство и все достоинства правителя? Неужели он захотел бы сочетаться с позором? Неужели согласился бы дать своим детям мать, имя которой должно было вызывать на их лицах краску стыда? Чтобы показать вам, отец, что я ни словом, ни делом, ни помышлением не виновна в том, что мне приписывают; чтобы убедить вас, Орсини, что посланник, отправленный вами в Феррару, — не изменник, а тебя, Цезарь, что эти старые бабы не сделали, по крайней мере, ничего, чтобы опровергнуть обвинения, которые ты усмотрел в бреду их внучки, я скажу вам всем... нет, только вам, отец мой: иоаннит — это сам Альфонсо Феррарский.

Солнечный луч, внезапно проникший во мрак, не так быстро освещает все, что было темно и загадочно, как быстро действовало это открытие на пораженных слушателей. Водворилась тишина, как после потрясающего громового удара.

Цезарь опомнился первым и пробормотал:

— Если так, то после происшествия прошедшей ночи мы не скоро услышим что-нибудь о Ферраре!

— Мы должны немедленно отправить посла за ним вдогонку, чтобы принудить его к исполнению обещанного, — сказал папа, бросая на Лукрецию растерянный взгляд.

— Слава Пресвятой Деве, потому что благодаря заботливости Орсини его теперь невозможно догнать, — со вздохом промолвила Лукреция. — Ни под каким видом принуждения не приняла бы я его руки. Только дай Бог ему благополучно прибыть в Феррару. А ты, Цезарь, вспомни катакомбы! Немедленное прибытие посла от Альфонсо должно подтвердить или опровергнуть мои слова, принести мне славу или бесчестие.

— Как давно знала ты обо всем этом, Лукреция? — спросил Цезарь, смущенный зловещими словами сестры. — Ведь в долине Эгерии я сам слышал, как он признался тебе, что его намерения враждебны нам.

— Ну, тогда я — величайший глупец, обманутый лукавством Борджиа! — воскликнул Орсини при таком неожиданном разоблачении интриги Цезаря.

— Удалитесь все, — в сильнейшем замешательстве сказал папа. — Мы должны узнать всю правду, Лукреция.

Что же касается вас, Орсини, то если звание, которым мы вас облекли, причиняет вам столько забот и труда, то мы снимаем его с вас, чтобы отдать этот столь неприятный пост одному из ваших врагов.

Вслед за этим Лукреция обратилась к брату:

— Не смотри так дико, Цезарь! Уведи этих ведьм, так дерзновенно поносивших имя моего Господа, в твои темницы в замке Святого Ангела и успокойся на том, что мы не хотим причинить тебе дальнейший вред, если сам ты не замышляешь ничего дурного против нас.

Лукреция произнесла эти слова с твердостью, но даже ее смелый дух поколебался от яростного взгляда Цезаря, и, отвернувшись с содроганием от брата, она упала в распростертые объятия папы.

XI

Лебофор покинул Рим в назначенный ему срок, к великой радости своей свиты и особенно старого оруженосца Бемптона. Предполагаемой целью его путешествия была Венеция, но туда он направился несколько необычным путем, а именно через Урбино, после того как получил перед отъездом через неизвестное лицо письменное удостоверение от папы, что ему разрешено жениться на своей двоюродной сестре. Как слышал Бемптон, рыцарь избрал этот путь, чтобы миновать область Феррары и сесть на корабль в одной из гаваней Умбрии, но, будучи незнаком с тайнами союзных дворян, в которые Орсини посвятил английского рыцаря, недоумевал, почему его юному повелителю вздумалось остановиться в Урбино, в городе, все еще сильно волновавшемся после предательского нападения Борджиа. Хотя многочисленная свита ограждала Лебофора от опасностей и оскорблений, однако пребывание в Урбино не представляло ничего приятного, и Бемптон беспокоился до тех пор, пока Лебофор не решил продолжать свое путешествие.

Приближаясь к границам Урбино, Реджинальд прибыл со своею свитой на плоскогорье под диким горным проходом в Романью, над которым господствовала крепость Сан-Лео, главная твердыня в области Умбрии. По дикой тропе, вившейся к горному перевалу, шло множество поселян, гнавших волов, овец, везших на возах зерно, а также группы горцев, нагруженных произведениями своей скудной почвы. Реджинальд оставался безучастен к происходившему, но Бемптон узнал, что по всей окрестности производят-

ся насильственные поборы на удовлетворение нужд гарнизона в крепости Сан-Лео, что не было редкостью при разбойнических наклонностях наемного войска Борджиа. Лишь когда путешественникам повстречалась повозка с тяжелыми бревнами, Реджинальд стал собирать сведения и вступил в разговор с крестьянами — погонщиками волов, предводителем которых был коренастый горец по имени Пальтрони.

Собиралась гроза, когда английские стрелки приблизились к вершине горы Сан-Лео, на которой была сооружена крепость. Подъемный мост через пропасть был спущен и ворота открыты для пропуска крестьян с их кладью и убойным скотом. Гарнизон держал себя до крайности нагло, а его начальник, с красным от пьянства лицом и яростным голосом, сидя верхом на лошади, вместе со своими офицерами производил приемку привезенных припасов по списку, который он держал в руке, и ругал, даже бил несчастных крестьян, не исполнивших, по его словам, своих повинностей. Когда осмотр был окончен, крестьян пропустили через подъемные решетчатые ворота башни во внутренний двор крепости, где они выгрузили свою кладь и получили подобие квитанций.

Реджинальд, приблизившись к подъемному мосту, приказал своим людям остановиться и, по обычаю, дать сигнал, что означало желание вступить в переговоры. Однако начальник крепостного гарнизона, услышав звук трубы, в первый момент замешательства крикнул: «Измена!» — а затем приказал немедленно поднять спущенный мост.

Реджинальд увидел, что его просьба не будет уважена. Впрочем, этого и следовало ожидать, как ввиду суровости коменданта Пиетро Овиедо, так и ввиду того, что было опасно впустить в крепость вооруженный отряд, потому что гарнизоны Цезаря были в Урбино малочисленны, а частью и вовсе отозваны, чтобы послужить подкреплением для союзных дворян при осаде Болоньи. Однако Лебофор двинулся на своем коне к подъемному мосту и очень вежливо попросил приюта и ночлега в Сан-Лео себе и своим спутникам. Тем временем подоспел и Пальтрони со своими бревнами и, понукая волов, обогнал рыцаря, так что волы и бревна очутились между комендантом и его непрошеными гостями.

— Прочь с дороги! — заорал Пиетро Овиедо. — Мы ответим на эту просьбу пушками, если нарядный господинчик не избавит нас от своего присутствия. Чего вы рыщете по владениям моего господина, герцога Романьи?

— Если ты хочешь знать, то не угодно ли тебе пожаловать сюда со своим копьем! — ответил Реджинальд. — Чего ты лжешь? Этот замок принадлежит не герцогу Романьи; он лишь отнял его, как вероломный и бесчестный грабитель.

Горцы и крестьяне, столпившиеся позади Реджинальда, одобрили этот ответ громким криком, да и в крепости он нашел себе бурный сочувственный отклик, так что комендант, сильно обеспокоившись, вторично приказал запереть ворота. Несколько солдат принялись гнать своими копьями волов дальше; однако, когда бревна очутились как раз под опускными воротами крепости, Пальтрони внезапно схватил топор и, размозжив голову ближайшему из неприятелей, кинулся вперед с криком: «Бог и мой государь, герцог Урбино!» Этот возглас был немедленно подхвачен тысячью грозных и нестройных голосов внутри и снаружи крепости. Реджинальд со своими воинами тоже поскакал вперед с криком: «Святой Георгий!» В один миг Пиетро Овиедо был сброшен сильным ударом наземь, а затем Реджинальд, выхватив меч, вступил в рукопашную схватку с солдатами Борджиа.

Бой был жесток, но непродолжителен, потому что неприятеля практически удалось захватить врасплох. Этим был осуществлен план Паоло Орсини оживить мужество союзников, отвоевав обратно Урбино и возвратив эту страну ее законному герцогу. Крепость Сан-Лео, имевшая важное стратегическое значение, пала; из всего ее гарнизона только немногие и между ними комендант, спасенный Реджинальдом, избегли мщения народа, которое они навлекли на себя своей неоправданной жестокостью и вымогательствами.

Но теперь возникла проблема, каким образом удержать за собой дорого доставшуюся добычу. Реджинальд занял крепость со своими воинами, а Пальтрони распространил весть об одержанной победе и поднял восстание во всей стране. В то время как Лебофор после побоища распоряжался уборкой бревен с моста, через него поспешно перешел человек, изнуренный усталостью, и кинулся к его ногам. Это был негр с запекшимися от страшной жажды губами; едва владея силами, он вытащил из-за пояса письмо и затем потерял сознание. Бемптон узнал в нем скорохода Цезаря, носившего кличку Душитель. Реджинальд созвал солдат в свидетели того, что письмо, принесенное негром, было адресовано коменданту, и вскрыл конверт. Однако послание было написано тайным шрифтом. и, же-

лая узнать его содержание, Лебофор приказал привести Пиетро Овиедо и предложил ему прочесть письмо. Тот отказался, ссылаясь на свою неграмотность, и с письмом удалось ознакомиться с помощью духовника коменданта, знавшего ключ к тайному шрифту. В письме заключалось сообщение об аресте феррарского посланника и о тех причинах, по которым Борджиа было необходимо разрушить план Орсини, хотевших доставить виновного посла в Феррару. Поэтому комендант крепости получил приказ во что бы то ни стало захватить пленника Орсини, если же они уже проехали через Сан-Лео, то отправиться за ними в погоню и скорее перебить конвой, чем пустить их дальше, причем в случае, если узник будет привезен обратно в Сан-Лео, держать его под строгим караулом до дальнейших распоряжений. Щедрая награда, обещанная Цезарем, доказывала, какую важность придавал он исполнению этого поручения.

Реджинальд тотчас поспешил расспросить негра и, узнав, что тому действительно удалось опередить путников, хотя и не на большое расстояние, разослал во все стороны разведчиков, которым было приказано привезти Орсини с их пленником в Сан-Лео.

К вечеру вся компания прибыла в крепость. Хотя Орсини слышали дорогой о восстании и нападении на крепость, однако рассчитывали на дружбу урбинцев и на них ненависть к роду Борджиа, а потому были убеждены, что им дадут свободный пропуск, чтобы повредить интересам Цезаря. Конвоем командовал Фабио Орсини, причем его сопровождали стойкие приверженцы рода Орсини и свита из закаленных в боях опытных воинов.

Реджинальд нарочно не показывался, пока все прибывшие не сошли с коней, а пленник был отведен в приготовленную для него комнату, но наблюдал через бойницу башни за прибытием всей партии, и его сердце волновалось противоречивыми чувствами, когда он увидел иоаннита, который в грубом плаще с надвинутым капюшоном сидел связанным в седле, не теряя, однако, своей царственной осанки и спокойного достоинства. В отряде всадников оказалась и женщина; всмотревшись в ее печальные черты, Реджинальд узнал Фаустину.

Фабио Орсини несколько удивился, встретив в лице завоевателя Сан-Лео английского рыцаря, однако не почувствовал ни малейшего беспокойства, воображая, что Реджинальд кипит непримиримой враждой к Цезарю, которая была вызвана поступком последнего. Со своей стороны,

Реджинальд удивился перемене, происшедшей в душе Фабио. Молчаливый юноша, обращавший прежде на себя внимание только своей скромностью и кротостью, пылал теперь дьявольской жадой мести и ненавистью к вероломному, как он думал, посланнику Феррары. Фабио, должно быть, воображал, что узника ожидает страшнейшая кара со стороны его ожесточенных повелителей, и у него самого являлось искушение лично покончить с ним; наконец юноша, приведенный в ярость собственным рассказом об успехе Альфонсо у Лукреции и о разбитых надеждах его брата Паоло и вспомнивший, что Реджинальда постигло такое же горе, неожиданно кинулся в объятия последнего и сознался ему, что и он сам уже давно сделался жертвою страсти к Лукреции.

Лебофор намеревался сначала объяснить молодому человеку опасность принятого на себя поручения и освободить пленника, но внезапное признание Фабио, а также уверенность в том, что урбинцы захотят оставить в своих руках заложником столь важное лицо, если обнаружится его звание, удержали его от этого необдуманного шага. Он быстро составил в уме план и посвятил в него лишь нескольких своих людей, без помощи которых не мог обойтись.

Около полуночи Альфонсо был разбужен светом факела и, вскочив с постели, узнал Реджинальда Лебофора.

— Не удивляйтесь, синьор Альфонсо, — заговорил англичанин мягким, но дрожащим голосом. — Не знаю, рассказали ли вам ваши стражи о том, что произошло в этой стране, но я считаю нужным сообщить вам, что я отбил и занял этот укрепленный замок для герцога Урбино.

— А теперь явились сюда, чтобы сделаться убийцей? Да, действительно, ваш кроткий нрав совершенно переменялся, — сказал Альфонсо, выпрямляясь и с отчаянием взглянув на свои крепко стянутые руки.

— Этот горький упрек совсем не заслужен мною, а потому я перенесу его, — ответил Лебофор. — Но, клянусь, если бы кто-нибудь убил меня, когда я предался обманчивой надежде на райское блаженство, то я не изведаль бы жестоких упреков совести. Не страшитесь, однако! Я пришел освободить вас, избавить от рук Орсини. Да, вы получите свободу, но при одном условии, в исполнении которого вы должны поклясться мне своей рыцарской честью и словом государя.

— Назовите условие, — сказал Альфонсо, — и тогда я отвечу вам.

— Судя по вашему странному поведению в Риме, по аресту в гетто, словом, по всему, вы стали равнодушны к Лукреции, и если бы... Впрочем, довольно! Поклянитесь мне, что вы не заплатите неблагодарностью за ее слишком расточительную любовь, что вы не покинете ее, чтобы осуществить тем низкую надежду Цезаря и Орсини, добивающихся того, чтобы она была покрыта стыдом и позором. Поклянитесь, что вы сделаетесь ее супругом, согласно принятому на себя обязательству.

Несколько мгновений Альфонсо молча смотрел на Лебофора, почти завидуя его рыцарской преданности и бескорыстия его любви, но все же запальчиво ответил:

— В таком случае предоставьте меня моим врагам! Вы бесчестите и Лукрецию, и меня таким принуждением. Я отвечу вам вполне откровенно. Клянусь, если бы Лукреция уступила моей безумной страсти, в приливе которой я осыпал ее мольбами, находившими поддержку в ее собственной любви ко мне, я никогда не сделал бы ее — мою любовницу — своей супругой. Если же вы отпустите меня теперь на свободу, а я не попрошу из Феррары ее руки, то вы вправе счесть Альфонсо Феррарского малодушным изменником, и я согласен на то, чтобы наши мечи решили, справедливо ли я поступил или нет.

— Я удовлетворен и готов поверить вам, потому что всегда высоко ценил ваше благородство и ваш возвышенный образ мыслей, подобающий царственному лицу, — ответил Реджинальд, после чего распилил железные обручи на руках своего соперника.

Будучи безоговорочно побежден великодушием англичанина и горя желанием оправдать себя и Лукрецию во мнении Реджинальда, Альфонсо правдиво рассказал ему обо всем, что привело его в гетто. Этот рассказ разоблачил еще много других вещей и между прочим принц открыл Реджинальду большую часть обстоятельств, убедивших его в невиновности Лукреции и в чудовищной преступности Цезаря. Для Реджинальда подобное открытие было благотельно, так как оно убедило его в горячей любви Лукреции к своему жениху и в безнадежности его собственной страсти.

Избавив своего бывшего соперника от оков и веревок, Реджинальд дал ему вооружение и плащ одного из своих стрелков и затем беспрепятственно вывел из крепости, где изнуренные тяжелой дорогой стражи Орсини бражничали или спали. Одна из лучших лошадей Лебофора стояла оседланной по ту сторону крепостных валов. Тут Реджинальд

протиснулся с Альфонсо и дал ему в дорогу два паспорта: один, подписанный Пиетро Овиедо, — для партии Борджиа, а другой, изготовленный Пальтрони, — для урбинцев, на случай, если бы принцу пришлось столкнуться в пути с людьми того или другого лагеря. Феррара находилась лишь в нескольких часах езды от Сан-Лео, и, будучи хорошо знаком с местностью, Альфонсо, снабженный такими надежными документами, едва ли рисковал чем-нибудь, так как ему не угрожало более преследование Орсини. Вскоре бывшие товарищи по оружию расстались.

Побег иоаннита был обнаружен только на следующее утро. Все были изумлены и стали подозревать здесь измену, пока Лебофор не сознался открыто, что он сам освободил феррарского посланника. Он указал изумленным Орсини на ту опасность, какую они навлекли бы на себя, доставив в Феррару подобного узника, а урбинцам указал на явно выгодную для них возможность заручиться дружбой столь могущественного соседа или, по крайней мере, избежать открытого разрыва с ним, который мог явиться следствием какого-нибудь насилия со стороны Орсини. В заключение он сообщил, что иоаннит — сам Альфонсо Феррарский.

Это сообщение подтвердилось в тот же день. Немного времени спустя в крепость прибыл епископ д'Энна; он был преданным слугою Цезаря и, вероятно, получил от последнего известные распоряжения, однако счел нужным умолчать о них, когда увидел, как сложились обстоятельства, и когда сам сделался пленником. Однако он подтвердил вполне то, что произошло в Риме, причем ложно сообщил, что прислан с приказом об освобождении столь высокопоставленного пленника и о почетном обхождении с ним.

В приливе упорства и ненависти Реджинальд отправил негра, епископа д'Энну и Фаустину в ближайшую крепость Цезаря в Романье, приказав им как можно скорее явиться к своему повелителю с докладом о том, что его распоряжения несколько запоздали. Фабио Орсини поневоле согласился с этим.

XII

За взятием Сан-Лео последовало восстание по всей области Урбино, и герцог Гвидобальдо быстрее, чем лишился своего герцогства, снова получил его в свое владение, за исключением некоторых крепостей; конечно, он поспешил

немедленно осадил их. Реджинальд под влиянием жажды мщения Цезарю остался и сделался главной опорой восстания, и оно, благодаря его пылкому усердию и храбрости, вскоре произвело полный политический переворот.

Последствия событий в Урбино оказались чрезвычайными. Римское дворянство оправилось от внезапного испуга, в который повергли его отпадение Франции и победы Цезаря. Вассалы церкви не приняли предложения последнего выступить с ним вместе на осаду Болоньи, предписанного ему папой, но на заседании в Маджione составили между собою союз против партии Борджиа и обязались помочь всем изгнанным из своих владений дворянам водвориться в них снова. После такого решения герцог Гвидобальдо, Вителлоццо и Оливеротто ди Фермо выступили со всеми своими боевыми силами в Урбино, чтобы отразить нападение значительного военного отряда, высланного туда Цезарем под предводительством Мигуэлото.

Сам Цезарь находился в Имоле, когда пришла первая весть о том, что счастье изменило ему. Он получил письмо, сообщавшее о захвате крепости Сан-Лео и об освобождении Феррарского принца. Для Цезаря в политическом отношении было бы неизмеримо важнее, если бы Альфонсо оказался в его власти, и на этом обстоятельстве основывалась большая часть его планов, задуманных им после того, как он попал в немилость у папы. Однако события в Сан-Лео разрушили все его замыслы и поощрили дворян к решению воспротивиться его предложениям, и они приводили свои силы в полную готовность, намереваясь открыто сопротивляться господству рода Борджиа, а их главный советчик Паоло Орсини помышлял только о мщении.

Цезарь понял, что запутался в собственных интригах и окружен опасностями. Вся Италия с изумлением узнала, что он заперся с ничтожным гарнизоном в Имоле, на близком расстоянии от повелителей Болоньи, снаряжавшихся для нападения на него, тогда как в Перуджии дворяне южных итальянских владений собирали под предводительством ожесточенного Паоло Орсини свои войска, наводившие ужас на Рим и не намеревавшиеся отступать отсюда. Умбрия находилась в волнении; Романья колебалась; Феррара была раздражена, а на французов в Милане Цезарю было трудно рассчитывать, так как их вице-король был личным врагом Цезаря; венецианцы тоже были его заклятыми врагами; флорентийцы колебались между двумя почти одинаковыми антипатиями. Одним словом, положение Цезаря представлялось почти безвыходным, а поражение,

нанесенное Мигуэлото под Кальи герцогом Урбино, Орсини и Реджинальдом, еще ухудшило и без того незавидное положение римского полководца.

Победа союзников поразительно сказывалась в том беспокойстве, которое овладело всеми, имевшими причину бояться. Это особенно относилось к Флоренции, которая чуяла в этом повороте военного счастья торжество своих изгнанных тиранов — Медичи. Смущенная столь быстрым ходом политических событий и озабоченная тем, как бы Цезарь, отрезанный от Рима, не сдался Орсини, она решила отправить к нему посла с предложением убежища в своей области. Эта миссия была возложена на Никколо Макиавелли.

Посол могущественной Флоренции был принят в Имоле с почетом, и ему было отведено помещение в обширном здании, походившем на крепость. В нем жил Цезарь, и в виде особого благоволения здесь же отвели комнаты послу. Готовясь к аудиенции, Макиавелли только что переменил свое дорожное платье на простой черный костюм, из которого обычно состоял его чисто республиканский гардероб, как вдруг за зеркалом отворилась потайная дверь и в комнату вошел Цезарь.

— А, Никколо! Неужели старейшины вашей республики не могут дать тебе ничего, кроме платья из черного генуэзского бархата? — спросил он.

— Республиканцы не любят тратить свое золото на позументы, а мое личное достояние заключается преимущественно в виноградниках, которые сильно опустошены недавними набегами Вителли, — не без замешательства ответил посланник. — Однако я весьма рад видеть вас таким здоровым и веселым и спешу сообщить, что имею поручение от имени своих повелителей предложить вам во Флоренции защиту и убежище от окружающих вас врагов.

— Неужели полагают, что я нахожусь в таких тисках? — воскликнул Цезарь с несколько рассеянным выражением лица. — Впрочем, я с удовольствием выслушаю твое предложение, так как знаю, что дворяне просили тебя вступить в союз против тирана, каким считают меня. Не правда ли?

— И весьма убедительно, но, пока Орсини и Вителли состоят в родстве с Медичи, — безуспешно, — ответил флорентинец.

— Но, конечно, тебе поручено предложить мне благоволение и защиту твоих повелителей на тяжелых условиях?

— Нет, мое поручение и воля республики будут исполнены, если я склоню вас принять ее помощь и не подчи-

няться власти ваших наглых мятежников, — возразил Макиавелли.

— Ну, я не сомневаюсь, — заметил в раздумье Цезарь, — что если мы заключим мир, то основным условием его будет восстановление могущества Медичи.

— Но ведь это стало бы для вас окончательной гибелью, — с беспокойством подтвердил посланник.

— Ваше собственное участие ко мне убеждает меня в безвыходности моего положения, — сказал герцог со странной улыбкой, в которой таился загадочный смысл. — Вашей республике не мешало бы последовать благоразумному примеру прочих, не заботясь о поддержке моего закатившегося счастья, как это делают французы; ты видишь, мне не шлют ни одного копья из Милана.

— Наше желание помочь вам сильнее нашей власти, но ведь теперь у вас новый могущественный союзник в Ферраре, который не покинет вас в крайности, — возразил Макиавелли.

— Как же, наслышан! Его посланники проследовали вчера через Болонью. Но ведь они едут свататься, а не воевать, и нашлись злоумышленники, которые убедили их, что безопаснее сидеть дома, пока мои гарнизоны стоят у границ Феррары. Правда, перед его святейством они ссылаются в данном случае на венецианцев, будто бы мешающих им явиться со своей миссией в Рим, и папа принимает во внимание эту отговорку. Пусть будет так — до поры до времени. Но я благодарен им; они сделали мне больше добра, чем хотели. Паоло Орсини соблаговолил наконец внять моим убедительным просьбам и, как только мои заложники придут в его лагерь, великодушно намеревается прибыть в Имолу, чтобы сообщить мне приказ о тех моих действиях, которые могут вернуть мне благосклонность как его самого, так и его сообщников по мятежу.

— Ну, тогда я прошу вас не соглашаться ни на какие условия, могущие нанести ущерб нашей республике.

— Можешь быть уверен. Ну, а теперь, друг Никколо, скажи откровенно, по-дружески, что думаешь ты о моем теперешнем положении.

— Прежде всего, я диву даюсь, как это вы, столь мудрый государь, могли оказаться в такой ситуации, — поспешно ответил Макиавелли, — а вспоминая наши частые разговоры, удивляюсь тому, что вы не постарались организовать свое собственное войско, вместо того чтобы по-прежнему полагаться на союзников и наемных солдат.

— Никколо, Никколо! Ведь если бы не сумасбродство проклятого Лебофора, внезапно раскрывшего мои планы, то почти все обстоятельства благоприятствовали бы моим замыслам и желаниям, потому что только испуг и гнев, вызванные могущественной коалицией дворянства, могли бы заставить папу и Лукрецию раскошелиться, чтобы я смог наберечь войско, как ты часто советовал мне. Но это не помешало мне все же позаботиться о важном для меня деле, и сейчас я тайком собираю войско в своих укрепленных замках, а также купил всю артиллерию бывшего неаполитанского короля Федерико. Таким образом, мои силы растут, и мне даже выгодно, чтобы мои враги думали, будто я нахожусь в опасном положении. Чем дольше оно будет продолжаться, тем лучше для меня. Мне нужно только время, и в конце концов победа останется за мною. Дворяне против меня; но и что ж из этого? Я неслышно забиваю клинья, однако они раскалывают вражескую коалицию по всем направлениям. Почему, например, Бентифольи не решается пойти на приступ Имоля? Да потому, что я болтаю о том, будто намерен уступить им Болонью, взяв в вознаграждение золото и солдат. Орсини, в свою очередь, прислушиваются к моим удивительным замыслам против Феррары, начиная с насильственного брака Паоло с Лукрецией; Вителли довольны тем, что я беру Сиену, а Перуччи — моими заявлениями о том, что герцог Урбинский Гвидобальдо не нуждается в восстановлении своей власти.

Макиавелли с восхищением взглянул на своего великого ученика, или теперь, скорее — учителя, и воскликнул, словно пророчествуя:

— Тогда я по-прежнему рад видеть в моем Цезаре предназначенного судьбою освободителя Италии, который должен изгнать варваров из прекрасной, но опустошенной страны!

— Да, я стану так славен, что мои недостатки покажутся изумленным взорам людей не темнее пятен вон там, на солнце, которое лучезарно закатывается над горами и долинами Италии, где мое имя должно быть так же вечно, как имя первого Цезаря, — сказал Борджиа с восторгом честолюбия. — Орсини проложили мне путь, и никакие просьбы, даже просьбы Лукреции не смогут укротить гнев папы против них, потому что они открыто заявляют о необходимости низвержения его.

— Но, когда мои повелители услышат, что Паоло Орсини был у вас, что мне сказать им в утешение? — жалобным тоном спросил Макиавелли.

— Передай им только одно, что в теперешнем промедлении вся моя надежда, а переговоры — скучное занятие. Прибавь еще, что я внимательно слежу за всем и выжидаю благоприятного момента.

Так закончился первый деловой разговор между Борджиа и посланником, и последний с меньшим беспокойством ожидал теперь прибытия Паоло Орсини на следующий день. Это свидание Орсини с Цезарем состоялось, и Паоло вышел от герцога с мертвенно-бледным лицом, без той твердой и надменной осанки, с какой прибыл в Имолу. Очевидно, он убедился, что шансы дворянской коалиции вовсе не столь блестящи, как это могло казаться, что вскоре и подтвердилось.

Правда, все союзники энергично продолжали одерживать победы, и престиж партии Борджиа висел на волоске. Но Цезарь прикидывался таким покорным, а несомненная опасность, до которой они его довели, была так несомненна, что они поверили, будто достигли всего, и охотно уступили его просьбам предписать ему условия. Паоло Орсини сделался его послушным орудием, но, едва ослабела общая опасность, оказалось столько поводов к невозможности выполнить обещанное, и Борджиа умел так ловко пользоваться ими, что не только затянулись переговоры, но постепенно возникли недоверие и раздоры между союзниками. Вдобавок по настойчивым требованиям папы Цезарь получил наконец подкрепление, состоявшее из отряда французского войска, который вместе с набранными им самим боевыми силами уже давал ему существенный перевес над его противниками.

Смушение последних было велико, но Цезарь не показывал намерения отступить от принятых им условий, и даже Вителлоццо поверил в его искренность, когда возобновились переговоры о всеобщем мире. Борджиа даже отказался от своих видов на Болонью и вместо ее подчинения соглашался удовольствоваться порядочным количеством войска и денежной помощью. Зато он совсем не хотел выслушать условия союзников в пользу герцога Урбинского, но, чтобы усыпить их опасения, намеревался отпустить французских солдат, если ему обещают поддержку при повторном завоевании герцогства Урбинского. Паоло Орсини особенно настаивал на этом. Вместе с тем, вновь был поднят вопрос о командовании армией союзников. Наконец, было решено во избежание недоверия, что всеми военными силами будет предводительствовать один из вождей лишь под главным начальством Цезаря. Паоло выразил готов-

ность принять на себя эту почетную и опасную должность, и роковой договор был наконец заключен.

Несчастный герцог Урбинский, окруженный наступающими врагами и вероломными союзниками, счел всякое сопротивление напрасным и снова бежал в Венецию, предварительно разрушив большую часть крепостей, чтобы ими нельзя было снова воспользоваться для угнетения его верных вассалов. Он освободил своих приверженцев от всех обязательств и уговорил Лебофора принять под свою защиту Синигалию, пока его сестра, повелительница этого города, успеет подготовить свое бегство.

Макиавелли был чрезвычайно обрадован таким оборотом дел и старался подсказать Цезарю различные коварные способы, чтобы сокрушить вконец могущество союзных дворян. Цезарь согласился, и его отряд, состоявший преимущественно из французских солдат, действительно выступил для нападения на дворян, но по прибытии их в Фано было объявлено о заключении мира и о роспуске французского войска.

Это крайне удивило всех, особенно французов, однако Цезарь оправдывался истощением страны и невозможностью вернуть себе иным способом доверие дворян. Французы удалились в большой досаде, радость же союзников была, напротив, безгранична, и они по просьбе Паоло позволили стянуть их боевые силы к Синигалии, чтобы снова отвоевать этот город для герцога Романьи, но с тем условием, что он не появится среди них лично, — настолько еще силен был их страх перед ним.

Повелительница Синигалии организовала свое бегство с помощью Лебофора, и были получены известия, что он будет занимать этот город лишь до тех пор, пока не придут галеры, которые герцог Урбинский обещал прислать из Венеции, чтобы доставить туда Реджинальда с его солдатами. Но со времени бегства Альфонсо из Сан-Лео Паоло Орсини был так озлоблен против Лебофора, что ему очень хотелось утолить свою жажду мести, и Цезарь, вероятно, подстрекал его, чтобы довести дело до нападения. Дворяне выдвинули условие, чтобы Цезарь оставался в Фано, а их знатнейшие союзники, полководцы: трое Орсини, Вителлоццо и Оливеротто ди Фермо, выступили во главе своих военных сил против Синигалии.

Реджинальд, увидев многочисленное войско, понял, что может оказать ему лишь слабое сопротивление: город не был укреплен, население было недовольно или парализовано страхом, а гарнизон едва достаточен для защиты валов.

Однако, несмотря на это, он не упал духом, когда явившийся Паоло Орсини стал требовать сдачи города, а, заметив недоверие между дворянами и Цезарем, заносчиво ответил, что так как ему предлагают сдать город церкви, то он может вручить ключи Синигалии только ее представителю — герцогу Романьи.

— Ну, тогда прощай, военачальник Синигалии, и если мы увидимся вновь, то один из нас будет стоять на краю вечности! — воскликнул Паоло.

Начались приготовления к штурму, но жители города покинули крепостные валы, а так как собственные военные силы Реджинальда были слишком слабы, то он решил запереться в крепости и выговорить себе как можно более выгодные условия для почетного ухода из нее. Горожане тотчас вступили в переговоры с осаждающими, и знамена последних к вечеру уже развевались на городских валах.

Два дня непрерывных приступов внушили осаждающим уважение к мужеству врагов. Однако крепость была окружена со всех сторон, а Цезарь прислал для поддержки своим союзникам несколько орудий, и те принялись обстреливать крепостные валы. У Лебофора не было особенных причин затягивать оборону крепости города дольше того, сколько требовала честь, и он решил предложить сдачу крепости с условием, чтобы его солдаты могли беспрепятственно уйти в Венецию.

Когда пришло это предложение, дворяне совещались между собою, но о другом предмете; однако Паоло Орсини тотчас присоединил и его к настоящему делу.

— Синьоры, — сказал он, — в данном случае я должен по требованию герцога Цезаря выразить его настоятельное желание лично переговорить с защитником Синигалии. Может быть, он помышляет отомстить вероломному чужеземцу или просто насладиться унижением его гордости, когда заносчивый юноша будет принужден вручить ключи от города полководцу церкви. Так или иначе, но было бы нелюбезно с нашей стороны отклонить его просьбу. Да и чего нам опасаться, раз он отпустил французов, а флорентийцы из-за его союза с ним питают к нему страх и недоверие, мы же примем его среди наших победоносных войск?

— С какой это стати вздумалось Цезарю отдаваться в наши руки? — подозрительно спросил Вителлоццо, потряхивая длинной седой бородой.

— Ну, почтенный Вителли, не станем спрашивать «почему», а лучше воспользуемся случаем, — перебил Оливеротто ди Фермо. — Говорю вам, пусть он пожалует, тогда

мы поднимем вопрос о Тоскане, а если Борджиа заартачится, то мы перережем ему глотку и бросим его труп собакам.

— Замолчи, бульдог, ведь ты способен опровергать хоть соломонову мудрость, — возразил Вителлоццо. — Впрочем, нет, Паоло, ведь между нами было условлено, что только один из нас должен одновременно плясать в силках Цезаря, и ты сам добровольно принял на себя эту обязанность.

— Совершенно верно, — ответил Паоло, — но подумал ли ты, Вителли, также и о том, как опасно оставить все здешние войска без предводителей, подвергнутыми влиянию серебряного языка Цезаря?

— Его серебряный язык будет звучать напрасно перед моей суровой немецкой конницей, — с хриплым смехом возразил Оливеротто.

— Ну, а что ты скажешь насчет золотого? — подхватил Паоло. — Папа хотя и стонет, что вынужден тратить приданое своей дочери, однако со страху сыплет деньгами обеими руками. Цезарь заранее предвидел нашу отговорку и потому соглашается, чтобы мы расквартировали своих солдат по ближайшим городам и замкам, а сами остались в лагере с одними нашими наемниками.

— Я полагаю, что у него не наберется при себе в Фано и трехсот копий, тогда как я занял полгорода целой тысячей, — сказал Оливеротто. — Должно быть, страх, который мы на него нагнали, отшиб у него разум.

— Нет, я не полезу в яму, которая так глубока и открыта и откуда так заманчиво несет трупным запахом, — решительно возразил Вителлоццо. — По-моему, мнимое намерение Цезаря уничтожить малейший повод к зависти и раздору между нами есть не что иное, как лакомая приманка. Нет, клянусь честным крестом, я не дамся ему в когти!

— Ну, Паоло, будем откровенны с ними, — порывисто сказал герцог Гравина. — Синьоры, что может быть для нас опаснее союза Борджиа с Феррарой? Да и Цезарю грозит гибель, если папа вздумает сделать имя детей своей дочери знатнейшим в Италии. Кому не известно, что Урбино и Феррара граничат в горах! Но пусть папа справляет великолепное бракосочетание своей Лукреции с Альфонсо Феррарским. Мы тоже соберемся на него, и что может нам помешать тогда, — конечно, в согласии с Цезарем — посадить его на трон? Ведь этот трон станет для него обузой на всю жизнь, лишит его навсегда благоволения Франции и папы и поставит в полную зависимость от нас! Я не утвер-

жду, что Цезарь вынашивает именно такое намерение; но что, если это именно так?

При всем желании достичь своей цели, Паоло Орсини почувствовал зловещее волнение в душе, хотя отец высказал лишь мысли, внушенные им же самим, и, прерывая наступившее молчание, сказал:

— О чем же мы беспокоимся? Ведь мы получим от Цезаря чрезвычайно важный залог его искренности. Дело в том, что Лукреция, как помолвленная невеста, должна проехать по владениям герцога Романьи, и Цезарь поклялся мне, что не потребует от нас ни малейшей помощи в ратном деле, пока собственноручно не отдаст мне Лукрецию как невесту, давно обещанную нам его вероломным отцом.

Все совещавшиеся оживленно заговорили; многие оспаривали предложение Орсини, но в конце концов он убедил союзных дворян разрешить Цезарю желаемое свидание.

Упоенный своей победой, Паоло призвал посланного Реджинальда и велел ему передать своему господину, что осаждающие предоставляют ему возможность вручить на следующий день ключи от города герцогу Романьи.

— Да скажите славному рыцарю, — угрюмо прибавил Вителлоццо, — что я предлагаю ему побрататься со мною и позабочусь о безукоснительном соблюдении его условия, если останусь до тех пор жив.

ХІІІ

Заключение мира и уход французов удивили Макиавелли, а затем он был крайне озабочен слухом, что Цезарь хочет присоединиться к войску союзников в Синигалии. Наконец его тревога еще усилилась тем, что герцог, против своего обыкновения, отказывал ему в аудиенции до утра следующего дня, причем назначил ему прием перед самым своим отъездом в Синигалию. Макиавелли явился к нему на рассвете и был введен в маленькую комнату, где Цезарь находился в обществе Мигуэлото и некоторых важнейших офицеров.

— Доброго утра, мессир Никколо Макиавелли, — с улыбкой приветствовал его Цезарь. — Простите, что я побеспокоил вас еще до петухов. Позавтракайте у меня. Но разве кто-нибудь сказал вам о путешествии, что вы нарядились в дорожный костюм?

— Если вы по собственной воле предаете себя в лапы Орсини, то посланнику Флорентийской республики совершенно нечего у вас делать, — ответил Макиавелли.

— Неужели ты испугался медведя в наморднике, Никколо? — в раздумье спросил Цезарь. — Э, полно!.. Как ни силен и ни увертлив Паоло Орсини, однако он делается столь же безобидным, как этот укрощенный зверь, между двумя силачами Савелли, у которых его дядя отнял ленное владение на Тибре. Бычок Вителлоццо буен, но при нем есть люди, которые удержат его на крепком недоуздке.

— Да какой же в том прок, раз они окружены войском, которое им легко созвать буквально в один час? — возразил Макиавелли.

— Между жизнью и смертью нет и минуты, Никколо, — мрачно заметил Борджиа. — В один час? Да этого срока было бы достаточно для уничтожения всего человеческого рода, если бы они имели к тому средства, как я имею их, чтобы паразитить своих противников. Думаю, тебе известны правила, следуя которым я в ярости устраняю строптивых или наношу внезапный удар и истребляю своих недругов под корень, вместо того чтобы обрубить им ветви. Тебе ли удивляться, если сегодня я навсегда избавлюсь от помех на пути к своему величию, как избавилась ваша республика от своих смертельных врагов, и отниму у своих противников в Риме их единственный припасенный против меня козырь, принудив их ради собственной защиты и спасения отхлебнуть из кубка кровавой мести?

Макиавелли бросил тревожный взгляд на своего страшного воспитанника, но он был политик, лучше всех иных посвященный в правила итальянской государственной хитрости, да к тому же патриот и республиканец, не желавший забывать набегу Орсини и Вителли на Тоскану и их намерения восстановить блестящую тиранию Медичи, а потому, овладев собою, он произнес:

— Флоренция, разумеется, устроит торжественную иллюминацию, когда услышит утешительные вести вместо удручающих, которых ожидали от меня. Позвольте мне оставаться в вашей свите, чтобы я мог сообщить во Флоренцию столь приятные новости. Однако, сознаюсь, мне непонятно, как можете вы помышлять об уничтожении своих врагов, когда они окружают вас своим многочисленным победоносным войском?

— Слушайте, мессир Никколо: что бы ни случилось, я должен идти вперед, я не могу и не хочу отступить! Сегодня все будет приобретено или все потеряно, и я ни за что на свете не намерен расставаться со своей надеждой. Осуши же со мною бокал, пока солнце не успело взойти над нашими головами!

Сумрак еще не рассеялся, когда герцог и Макиавелли с восемью офицерами и прикрытием, состоящим из небольшого отряда всадников, выехали в Фано. Одно из опасений флорентийца рассеялось, когда он увидел выстроенное на берегу реки Метавро войско Цезаря, собранное им втайне из захваченных крепостей.

Переправа через реку была произведена немедленно. Остальная часть пути пролегла по унылой местности, вдоль морского берега, по пустынным песчаным холмам у подножия горного хребта. Бесперывный монотонный рокот моря подбивал оживляюще на душевное настроение Цезаря, и он даже часто кидался на лошади в пенящуюся воду, как будто плеск пенящихся волн доставлял ему огромное удовольствие.

Наконец Цезарь прибыл в Синигалию. Между ним и союзниками был подписан договор, по которому дворяне обязались передать город ему и его свите, а свои собственные военные силы расквартировать по окрестным селениям. Однако Оливеротто ди Фермо, чтобы предохранить себя от всякой опасности, занял предместье, лежавшее по дороге в Фано и отделенное от городских валов рекой, через которую был перекинут узкий мост. Когда авангард войск Цезаря подъехал к этому мосту, он внезапно остановился, как будто хотел вступить в город, сделал поворот и разомкнул свои ряды.

Тем временем союзные дворяне усаживались на коней, чтобы приветствовать гостя. Веселость Паоло бросалась в глаза; он явился в великолепных доспехах с белым султаном. Вителлоццо, напротив, снова приуныл. Его костюм был поразительно небрежен, он не надел доспехов, а голову покрывала лишь зеленая бархатная шапочка. Заметив спешивших к городу многочисленных копыеносцев, лица и вооружение которых были ему чужды, он упорно отказывался следовать дальше, если Оливеротто со своими немецкими ландскнехтами не останется в предместье Борго для предохранения от возможной измены. Напрасно пытался Паоло убедить его, что большой отряд движется вполне мирно, а это само собой исключает всякую мысль о каком-либо злом умысле.

Вителлоццо упорно стоял на своем. Оливеротто, его воспитанник и горячий приверженец, принял его сторону, и наконец было решено оставить его в Борго.

С небольшим конным отрядом герцог Гравина рядом с Вителлоццо и Паоло поехал дальше. Когда они переехали реку и Цезарь уже приближался к ним, Вителлоццо задрожал всем телом, как в лихорадке, и его лицо покрыла

мертвенная бледность. Паоло, тревожно наблюдавший за ним, сказал, улыбаясь:

— Вы дрожите, Вителлоццо, потому, что на вас нет доспехов. Я видел вас во многих сражениях, но никогда не замечал, чтобы вы дрожали.

— У меня на душе точь-в-точь так, как будто у моего брата Паоло в тот день, когда мы возвращались во Флоренцию, где неблагодарные злодеи убили его, — едва слышно ответил Вителлоццо. — Тем не менее, клянусь всеми святыми, я охотнее пошел бы навстречу целому городу Флоренции и его женщинам с их острыми ногтями, чем Цезарю Борджиа.

— Это пустая тревога, Вителлоццо! Знаешь ли, сегодня мне немного грустно, а между тем я точно несусь на крыльях со своим конем, — возразил Паоло и заставил свою лошадь сделать высокий прыжок.

Увидевший в тот момент подъезжающих всадников, Цезарь сказал в свою очередь Макиавелли:

— Ну, Никколо, кажется, ты улавливаешь на лицах этих людей тень вечного мрака, на грани которого они стоят? Клянусь небом, твое лицо имеет свинцовый оттенок моря, по берегу которого мы проезжали.

Макиавелли улыбался, но его сердце сильно билось.

Цезарь радостно махнул рукой, когда полководцы приблизились, и прищипорил своего коня.

— Я снова счастлив, мои паладины возвращаются! — воскликнул он и обнял Паоло, ехавшего впереди, после чего приветствовал обоих старших воинов с большею почтительностью, но необычайно сердечно. — Сиятельный Гравина, которого я вправе называть своим отцом, потому что он — отец Паоло... Вителлоццо... о, мне так не доставало твоей гигантской фигуры в моем боевом строю! Но где же храбрый Оливеротто?

— Он собирает нашу маленькую свиту, чтобы приветствовать вас, — поспешно ответил Вителлоццо.

— Хорошо, — сказал Борджиа, и его взор обратился на Мигуэлото, который понимал взгляды не хуже слов.

Цезарь спокойно ехал дальше, не переставая рассыпаться в любезностях перед полководцами, пока Мигуэлото, по его расчету, успел исполнить указания своего повелителя. Тогда он прикинулся чрезвычайно утомленным и попросил своих хозяев, как он их называл, проводить его на отведенную ему квартиру.

Тем временем Мигуэлото поехал на площадь предместья, где Оливеротто выстраивал своих солдат, и заявил:

— Я послан просить вас о том, чтобы вы отослали своих солдат по их квартирам. Герцог опасается, как бы его люди — народ грубый и неотесанный — не напали на них, видя их праздными, а это могло бы повлечь за собою незапный и опасный бунт. Поэтому я прошу отправить немцев на место их стоянки и пожаловать со мною к герцогу, который поклялся мне, что ему недостает только вас в такую радостную минуту.

Эта льстивая речь и мирное прибытие Цезаря заставили Оливеротто немедленно исполнить желание герцога, и он беззаботно поскакал к нему. Навстречу ему выехал дон Уго, и между ним и Мигуэлото Оливеротто продолжал свой путь. Вскоре показался Цезарь. Он ехал, беседуя с Паоло; за ним следовал герцог Гравина, беседовавший с епископом д'Энной и дворецким герцога Романьи; Вителлоццо замыкал кортеж в сопровождении двоих здоровенных швейцарцев. Последние кидали на него внимательные взгляды, но Вителлоццо не обращал на них внимания, так как обдумывал свое решение остаться в Синигалии, очутившись среди солдат Оливеротто. Поэтому можно представить себе, насколько усилились его опасения, когда он увидел, что предместье Борго совершенно покинуто солдатами, а Оливеротто слез с коня, чтобы приветствовать герцога.

— О, ты снял свой траур? — с улыбкой спросил Цезарь, заметив изысканное одеяние ди Фермо.

— Это старое платье, то самое, в котором я присутствовал на банкете, когда вспыхнуло восстание, повлекшее за собою смерть моего несчастного дяди; но с той поры миновал целый год, — в некотором замешательстве ответил Оливеротто.

— Очень рад, очень рад, что у вас есть теперь друг в раю, который будет там вашим заступником; я слышал, что он был предобрый старик, — сказал со странным ударением Цезарь. — Поезжайте, однако, впереди, сегодня вечером вы должны все отужинать у меня.

— Прошу извинения, — возразил Вителлоццо. — Меня как-то странно знобит; должно быть оттого, что сегодня я впервые после долгого перерыва выехал без доспехов.

— Но прошу вас всех проводить меня на мою квартиру. Мне хочется посоветоваться с вами о том, как нам поступить с молодым сорвиголовой, который осмелился отнять у меня Сан-Лео.

С этими словами Цезарь поскакал дальше и почти не слушал, что говорил Вителлоццо, пока не настиг арьергарда обреченных на гибель воинов, въезжавших в ворота Синигалии.

— Я дал слово, Вителлоццо, — сказал тогда Цезарь, — это правда, и если вы сдержите свое, то я последую вашему примеру. Но где же Фабио?

— Мы не можем отучить его от книг, но я готов биться об заклад, что он представляется, будто изучает немецкий строй у солдат Оливеротто, — угрюмо ответил герцог Гравина. — Монахи сбили меня с толка, уговорив сделать из него ученого. Теперь, будь у меня хоть сотня внуков, ни один из них не станет долбить латынь.

— Моя сестра — ученая особа, — с лукавой улыбкой заметил Цезарь. — Она не допустит, чтобы вы исполнили свое намерение. Но что скажете вы, однако, насчет того англичанина, Оливеротто?

— По моему мнению, ему место на зубах вон той башни, — ответил ди Фермо и показал на замок, зубчатые стены которого возвышались над дворцом, отведенным под жилье Цезарю.

— В самом деле, его предательство по отношению к моему сыну не заслуживает ничего лучшего, — сказал герцог Гравина.

— Измена за измену! — серьезным тоном подтвердил Цезарь. — Значит, вон то мрачное здание должно служить мне жилищем? Ну, так как вы все, кажется, утомлены, то выпьем только за прочность любви и доверия между нами из одной кружки, а потом простимся до утра.

— Прошу извинения, но я опасаясь распри между солдатами, а потому хотел бы отправиться к ним, чтобы понаблюдать за порядком, — сказал Вителлоццо, хотя приглашение выпить из одной чаши устраняло всякую возможность отравы.

— Я смотрю на себя просто как на вашего гостя в Синигалии, — довольно решительным тоном возразил Борджиа. — Если вы не хотите приветствовать меня на моей квартире, то я провожу вас в вашу, чтобы уличные зеваки не сказали, что мы расстались холодно.

Вителлоццо осмотрелся, увидел целый лес копий между собою и предместьем Борго и с тяжелым вздохом последовал за остальными, которые сошли с коней, чтобы ввести герцога Романьи в его апартаменты. Когда они вступали в вестибюль, Цезарь с удрученным видом замешкался на пороге и, поспешно подойдя к Макиавелли, произнес:

— Мессир Никколо, я очень рад видеть вас здесь. Прошу покорно, отужинайте сегодня вечером с нами, и я надеюсь, что тогда у вас рассеется всякое подозрение относительно наших намерений.

— Боже меня сохрани разделить сегодня вечером с вами трапезу! — возразил Макиавелли, испугавшись собственной мысли, мелькнувшей при этом приглашении, скорее похожем на требование.

Беседуя таким образом, они вошли в большую мрачную комнату с железными решетками на окнах. У Вителлоццо немножко отлегло от сердца, когда он увидел, что тут не было никого, кроме негра Зейда, который уставился на вошедшего огромными белками своих злых глаз с удивительно кровавым выражением.

— Вина! Вина! — воскликнул Цезарь.

К нему проворно подлетел негр с золотым кубком и большой хрустальной бутылкой и подал их герцогу, опустившись на колени.

— Как это вышло, что ты являешься моим виночерпием? — спросил Борджиа, наполняя кубок до краев, и посмотрел на группу, почтительно окружившую его. — Мы выпьем за здоровье друг друга, — продолжал он, причем послушные исполнители его воли следили за ним нетерпеливым взором охотничьих собак на своре.

В этот момент он заметил, что Вителлоццо вздрогнул, причем его глаза были устремлены на носок сапога, видневшегося из-под стенного ковра. Нельзя было терять ни секунды, а потому, подняв кубок, Цезарь крикнул: «Смерть изменникам!» — и подбросил кубок к потолку. В тот же миг каждый из полководцев почувствовал, что его оружие схвачено с обеих сторон, а когда кубок зазвенел, упав на пол, ковер был сорван со стены, и не успел никто пикнуть, как вся группа была окружена вооруженными людьми с копьями наперевес.

— Да, смерть всем изменникам, а тем более таким низким, как вы! — воскликнул Цезарь, хохоча в безумном ликовании над испугом своих гостей.

— Ведь я говорил тебе, Паоло! — воскликнул Вителлоццо с отчаянием.

— Нет, этого не может быть! Это невозможно! Цезарь не в состоянии осуществить без нашей помощи ни одного из своих планов.

— Тогда Цезарь навеки сделался бы вашим рабом! Но — увы! — он должен приступить к делу без вас и не теряя времени, — возразил герцог с насмешливой свирепостью. — Нет, Вителлоццо, не оглядывайтесь назад: там вы не увидите никого, кроме своего палача.

— Убедительно прошу вас, вспомните, что все, чем я провинился перед вами, сделано мною из благодарности за

множество великих милостей, оказанных мне Вителлоццо, — сказал Оливеротто и со страхом перевел глаза со своего повелителя на своего неумолимого стража.

— Негодяй! А какую благодарность выказал ты своему старому дяде, когда разможил ему голову на пиру, который он давал в твою честь? — возразил Цезарь. — Взгляни, ты еще не износил башмаков, которыми топтал седые волосы почтенного старца, и тебе суждено умереть в них. Отведите его на молитву, пока я расправляюсь с мятежными рабами, которые оказывают им поддержку.

— Но выслушай меня!.. только одно слово, Цезарь Борджиа! — в отчаянии взмолился Паоло. — Да, ты должен выслушать меня! К какой позорной смерти не приговорил бы ты меня, пощади только моего отца и младшего брата, попавших из-за моего безумия в эту страшную беду. Пощади их, и я стану молиться о прощении тебе перед престолом Судии, к Которому ты хочешь послать меня.

— Было бы действительно делом великой мудрости обрубить сучья и оставить ствол, — насмешливо возразил Цезарь. — Между вами нет ни одного — старого или молодого, — кто не был бы отвратительным изменником, угнетателем, опустошителем и убийцей, достойным лютой смерти.

— Тогда да постигнет тебя мое проклятие на вершине твоих сбывшихся надежд и твоего могущества, и пусть тяготеет оно над тобою тяжелее крови твоего брата и поразит тебя хуже Каина, твоего первообраза! — в ярости воскликнул Паоло Орсини, порываясь кинуться на своих предателей, но Савелли крепко держали его.

— Я спокойно спал под грузом целой горы проклятий, которыми осыпали меня Колонна, и не думаю, чтобы проклятия рода Орсини скорее достигли неба, — возразил Цезарь, после чего повелительно повторил: — Прочь их отсюда!

— Исполните только одну мою просьбу, которая касается моей души, а не тела, — робко взмолился Вителлоццо. — Его святейшеству было угодно отлучить меня от церкви. Обещайте, Цезарь, исходатайствовать мне от него прощение и отпущение грехов хотя бы в загробном мире.

— Клянусь Пресвятою Богородицей, я сомневаюсь, простит ли он тебя даже там. Ведь это ты болтал о том, что необходимо лишить его папского пурпура и сжечь живым под предлогом, который оставляет тебе мало надежды на заступничество Лукреции, — ответил Цезарь и крикнул еще раз грозным голосом: — Увести их прочь!

Каждому из обреченных на гибель людей было строго приказано его стражем идти вперед. Паоло сделал машинально несколько шагов и посмотрел с разрывавшим сердце выражением на своего отца. Старый герцог стоял все время, словно окаменевший от ужасной неожиданности, но взор сына заставил его опомниться и вернул ему врожденную гордость и злобу.

— Адский Борджиа, священник-расстрига! Смеешь ли ты помышлять о пролитии крови Орсини и Вителли? — воскликнул он, дрожа больше от бешенства и слабости, чем от страха. — Учти, негодяй, рожденный вне брака изменник, что за каждую каплю моей крови восстанет мститель, который прольет до последней капли всю свою кровь, чтобы отомстить за предательство, подобного которому не бывало с сотворения мира.

— Старик, ты — мастер грозить, но я должен добратся и до Фабио, — спокойно возразил Цезарь. — А чтобы ты был доволен, я не пролью ни капельки вашей благороднейшей и вполне законной крови, но прикажу удавить вас, как заурядных воров, грабителей и опустошителей, какими вы всегда были и остались до сих пор.

Яростные возгласы старого герцога и унижительные мольбы Оливеротто вскоре замолкли, когда осужденных поспешно увели прочь; но зловещее молчание и взор, кинутый Паоло Орсини на изменника Цезаря Борджиа, когда он покидал комнату со своим стражем, долго тревожили одинокое раздумье Макиавелли.

— Вот мщение, которому я, как обещал тебе в Имоле, задумал подвергнуть врагов твоих повелителей, — сказал Борджиа своему бывшему наставнику, хохоча в избытке своего торжества. — В Риме у меня собственные враги; они с содроганием услышат об этих событиях и запляшут теперь в свою очередь. Если у тебя хватит духа видеть воплощение в жизнь твоих уроков, то пойдем посмотрим, как будут уничтожены эти варвары в Борго.

Во время описанных происшествий в городе Синигалии Реджинальд был занят приготовлениями к уходу из крепости, но ответ на его предложение сдаться разбередил его душу, он надеялся, что его раскаяние и старания в пользу союзников должны смягчить Паоло Орсини. Однако бегство было невозможно для него, а потому он был бы принужден настаивать на своих прежних условиях; его беспокойство усиливалось при мысли, что он унизился перед своим заносчивым врагом — герцогом Романьи, и что ему нельзя рассчитывать на свою безопасность.

С зубцов своей башни он видел прибытие Цезаря с дворянами, а когда они скрылись во дворце, продолжал свои сборы к выступлению, которого, как ему казалось, от него должны были вскоре потребовать. Поэтому Реджинальд не заметил, как Цезарь немного погодя снова вышел из дворца, сел на коня и со всем своим конным конвоем поскакал в предместье Борго. Немецкие солдаты Оливеротто были захвачены врасплох, а потому, не будучи в силах оказать значительного сопротивления, были почти все перебиты. Тем временем войско, назначенное действовать против Синигалии, выступило под предводительством Мигуэлото для нападения на прочие места стоянок союзных дворян, а оставшиеся в городе воины Цезаря принялись за грабеж, считая себя вправе поживиться добычей по примеру своих грабивших предместья соратников.

Лебофор снова поднялся на зубцы, слышав шум в городе, и подумал, что дело дошло до стычек между горожанами и победителями. Это предположение подтвердилось, когда Цезарь наконец снова появился среди поднявшейся сумятицы и в гневе собственноручно прикончил на месте нескольких грабителей. Наступила ночь, и шум как будто затих, но неожиданно Реджинальд был извещен герольдом, что герцог Романьи ожидает получения ключей. Рыцарь не счел нужным передать ключи в золотой чаше, данной ему с этой целью повелительницей Синигалии, но просто положил их в свой шлем и поехал в замок в сопровождении лишь одного стрелка. Впрочем, Лебофор предусмотрительно дал Бемптону приказ не сдавать крепости, пока сам он не вернется назад.

Реджинальд ожидал, что противники встретят его насмешками за веселым пиром, и был явно удивлен, когда его ввели в пустую комнату, где только что произошло предательское нападение на трех вождей дворян. Цезарь спокойно прохаживался взад и вперед.

— Добро пожаловать, Роланд... добро пожаловать, Ланселот или, скорее, все рыцари Круглого стола, соединенные в одном лице! — воскликнул он и схватил руку Реджинальда в железной перчатке.

— Я — ни тот, ни другой, а комендант Синигалии и принес вам, как уполномоченному церкви, ключи от крепости, потому что не могу долее сопротивляться вашему оружию, — холодно возразил Лебофор и поднес Цезарю свой шлем с меньшими изъявлениями почтительности, чем можно было ожидать от побежденного.

— Ну конечно же, и ему следует поучиться манерам в моей школе! — сказал Цезарь вслух, как будто рассуждая с самим собою. — Впрочем, твое напоминание еще не уязвило моего самолюбия. Дело в том, что я научился ценить тебя высоко, даже когда ты вредил мне; если ты захочешь сделаться моим полководцем, то подвесишь сегодня ночью к своему поясу ключи более приличного города, чем это скопище рыбацких хижин.

— Я не намерен служить господину, стоящему ниже королевского величества, — гордо возразил Реджинальд.

— Вот именно это и было у меня на уме. Ты должен служить более высокому повелителю — императору, римскому императору, — ответил Борджиа, кинув сверкающий взор на удивленного воина, — да, императору, который должен взойти на трон с помощью таких испытанных и верных мечей, как твой, и который вознаградит по заслугам всех, потому что он обязан всем.

— Римский император? Как, разве Максимилиан¹ и немецкие гибеллины² призваны в Италию? — спросил крайне изумленный Лебофор.

— Что за бред ты несешь? Взгляни на мою секиру: ею я только что лихо крошил толстые черепа немецких копейщиков Оливеротто, — ответил Цезарь, поднимая окровавленное оружие, на которое он опирался.

— Я видел, как понесли заслуженную кару несколько грабителей. Но какой же еще может быть император, разве что только римский король явится в Рим требовать себе императорскую корону? — спросил Лебофор, в душе которого шевельнулось подозрение.

— Ах, ты не желаешь поверить в другого императора, кроме того, который носит на голове корону? — презрительным тоном ответил Борджиа. — Должен поговорить с тобой откровенно. Павшие от моей руки мародеры принадлежали к моему собственному войску, но из немецких ландскнехтов Оливеротто лишь немногие избежали своей участи. Однако ты говоришь, что императорская корона находится в Риме, и вот туда-то направится за нею император, имя, а может быть, и деяния которого обещают сделаться наследием великого Цезаря.

¹ Максимилиан I (1459—1519) — австрийский эрцгерцог, император Священной Римской империи с 1493 г., из династии Габсбургов.

² Гибеллины (ит. *ghibellini*) — политическая группировка в Италии в XII—XV вв., поддерживавшая германских императоров в их борьбе с папством за господство на Апеннинском полуострове; в основном гибеллины выражали интересы крупных феодалов.

Реджинальд некоторое время молчал, пораженный непомерностью честолюбия Цезаря Борджиа, но затем заговорил с явным недоверием:

— Вы опять подшучиваете над моей недогадливостью северянина. Хотя его святейшество очень вас любит, но какой же папа потерпит в Риме императора?

— А если поставить вопрос иначе: какой император терпит папу? — спокойно возразил Цезарь. — Я же думаю, что так может выйти, когда я вступлю со своими могучими и победоносными итальянскими легионами в Рим, примерно через месяц.

— Чтобы низложить с престола папу? Нет, нет! Только проклятый турок и язычник может замышлять что-нибудь подобное! — воскликнул Реджинальд.

— Ах ты, суеверный северянин! Но действительно дело касается папы Александра VI, отца моего, Лукреции и твоего, если ты захочешь и посмеешь, — пылко ответил Борджиа. — Ведь я говорю не о низложении, а только о занятии вновь императорского трона, который так долго присваивали себе священники. Пусть они на самом деле облекутся в свое прежнее смирение и святость, от которых у них уже столько веков сохранялось всего лишь пустое звание.

— Но что скажут Орсини, Вителли и прочие ваши союзники? Предпочтут ли они сильное господство солдата слабому правлению священника? — спросил еще более изумленный Лебофор.

— Я надеюсь, по крайней мере, на их молчаливое согласие! Или ты позабыл, что Паоло любит Лукрецию и готов предать опустошению весь мир, лишь бы вырвать ее из объятий ее возлюбленного Альфонсо?

— А разве вы дали свое согласие? — воскликнул Реджинальд бледнея, что не укрылось от внимания герцога.

— Я поклялся Паоло задержать Лукрецию на ее пути через Романью к своего обрученному жениху, к которому она уже отправилась. Она обещана мною Паоло в виде награды и залога его помощи в моем предприятии.

— О, если так, то, клянусь, я не стану помогать вам, и скорее готов сражаться до смерти с вами, с Орсини и со всеми вашими вероломными союзниками! — воскликнул Лебофор.

— Ты ведешь слишком опасные речи, — спокойно, даже с оттенком удовольствия сказал Цезарь. — Разве ты не знаешь, что я хитер в своем могуществе и слишком многое доверил бы тебе, если бы ты не был вполне в моей власти?

— Орсини, Вителли и даже неистовый Оливеротто обещали исполнить мои условия, — возразил Реджинальд, несколько встревоженный намеком Цезаря.

— А я — нет, — серьезно произнес герцог. — Вителли не изъявляют большой готовности помочь тебе, тогда как Орсини и Оливеротто, по-моему, замыслили нарушить ваш договор, прикончив тебя.

— Вероломные! Дайте мне, по крайней мере, возможность отомстить им, умирая, и дозвоьте вызвать их всех на поединок, чтобы я мог хотя бы с честью пасть от их руки! — с яростью воскликнул Реджинальд.

— Да, ты будешь отомщен согласно твоему желанию, но двое из твоих противников вскоре сделаются недоступными тебе, очутившись, как я надеюсь, в лучшем месте, чем наша жалкая земля, — весело сказал Цезарь. — Прислушайся, однако: как будто слышится предсмертная молитва отходящей христианской души?

В смежной комнате внезапно раздались крик, топот и суетливая возня, после чего как-то разом наступило глубокое молчание.

— Убийца Оливеротто отправился на тот свет, на встречу со своим старым дядей, — спокойно объявил герцог. — В моих действиях правосудие идет рука об руку с политикой. Вот теперь кто-то с грехом пополам бормочет «Отче наш». Не знаком ли тебе этот голос?

— Вителлоццо! — воскликнул Реджинальд.

— Молчи, не то ведь он подумает, что его зовет злой дух, потому что этот мерзавец подпал под церковное отлучение.

Снова наступила тягостная тишина. Потом дверь приотворилась, и высунулась отвратительная голова негра; негр кивнул герцогу и тотчас скрылся.

— Мир их предательским душам, хотя я и не завидую ему, — промолвил Цезарь.

Мужество Лебофора поколебалось. Волосы стали дыбом, а колени непроизвольно затряслись, когда он спросил:

— Что там творится? Неужели Вителли убит?

— Пойдем посмотрим! — ответил Цезарь, взял со стола лампу и поспешно пошел, чтобы отворить дверь туда, откуда только что выглядывал негр.

Эта дверь вела в маленький, обсаженный высокими деревьями дворик, здесь возился Зейд, а Мигуэлото раздевал труп. Свет лампы упал на неимоверно искаженные черты лица человека, на шею которого был особенным образом скрученный платок — орудие убийства. Невдалеке валя-

лось другое мертвое тело, наполовину засунутое в мешок, что не мешало с первого взгляда опознать в убитом великана Оливеротто.

— Неужели Паоло Орсини также нет в живых? — хрипло вымолвил Реджинальд.

— Я решил отложить расправу над Орсини до тех пор, пока не получу известие из Рима о поимке всего их отродья, включая и Фабио Орсини, который, к несчастью, замечтался над своим обожаемым Петраркой, — мрачно ответил Борджиа. — Когда кардинал и прочие будут схвачены, я покончу с теми, которые в моих руках, потому что не жалею их точно так же, как и ты, и не имею причин благоволить к ним. Если ты воображаешь, что я все еще веду переговоры с человеком, мечтавшим получить руку Лукреции, то пойдем со мною.

Герцог пошел через двор к башне и поднялся по узкой лестнице в комнату, запертую изнутри на замок и охраняемую снаружи солдатами. Он постучал и вошел, когда ему отворили; Лебофор машинально последовал за ним.

Первое, что бросилось здесь ему в глаза, был Паоло Орсини, сидевший в цепях, устремив взгляд на лампу, которая за неимением стола была поставлена прямо на пол и отбрасывала мрачные тени кверху, на его бледное лицо.

— Вот и палач, — сказал Паоло, не оглядываясь назад.

— Ему и следовало бы, по-настоящему, прийти, но это — комендант Синигалии, явившийся с ключами, — весело возразил Цезарь, и Паоло, обернувшись, увидел своего бывшего друга. — Ты желал, чтобы он погиб от моей руки; желаешь ли ты теперь, чтобы он простился с жизнью, или поменялся с тобой участью?

— Какой участью он должен поменяться со мной? — поспешно спросил Паоло, хватаясь за последнюю надежду.

— Вот видишь, Реджинальд, как охотно он предоставляет тебя твоей судьбе! — продолжал герцог. — Но я говорю не о той участи, которая постигла сейчас сообщников твоей измены, а о другой, которую назначил ты себе сам в Фазнце, мечтая о несравненных прелестях Лукреции и не думая о ее ненависти и отвращении, которых нечего особенно опасаться этому красавцу-рыцарю.

— А, изменник! Лютый зверь в человеческом обр-азе! — яростно завопил Орсини. — Я не обращаю внимания на твои дьявольские глаза и хочу сказать тебе, англичанин, что он увлекает тебя на гибель этой приманкой, которая завлекла и меня самого сюда. О, я глупец, непроходимый

дурак! В Фаэнце он хотел поймать Лукрецию и не допустить ее брака с Альфонсо.

— А где найду я более мужественное сердце для исполнения этого замысла, чем то, которое бьется в груди Реджинальда? — спокойно возразил Цезарь. — Знаменитый воин, с обширными связями в Англии, откуда я могу привлечь к себе храбрые мечи, не родня могущественным мятежникам д'Эсте или Орсини, не совсем безразличный для Лукреции — я высказываю мысль, давно засевшую у меня в голове, — он из всех претендентов, которых имеет или имела Лукреция, был наименее опасным, а для меня наиболее желанным. Клянусь небесами, если он согласится, я немедленно назначу его комендантом Фаэнцы!

— Говори же, Реджинальд, в силах ли ты устоять против такой соблазнительной приманки? — с хриплым смехом спросил Паоло.

— Да, рыцарь Лебофор, ты должен узнать, что я так же нуждаюсь в тебе, как ты нуждаешься во мне, — сказал Борджиа, кидая взгляд смертельной ненависти на свою скованную жертву. — Лукреция не должна прибыть в Феррару, а между тем, пока Рим еще не оказался в моей власти, я не могу задержать ее в Фаэнце. Твоя любовь к ней, Лебофор, известна, и многие уверены, что Лукреция неравнодушна к тебе. В Риме я смогу свалить всю беду на твое наглое упорство, а свету и Альфонсо Феррарскому поведаю такие вещи, которые наверняка охладят его чувство даже к такой красавице-невесте, как Лукреция. Твоя храбрость и кое-какие оскорбления, нанесенные тебе мною, послужат оправданием тому, что я доверяю тебе теперь самую важную крепость в своей стране. После всего этого показалось бы странным, если бы ты в блеске своей славы не добился успеха у Лукреции, потому что я буду покровительствовать твоему уходу за ней, а достигнув абсолютной власти в Риме, пожалуй, даже заставлю сестру принять твою руку.

— Если ты хоть на миг заслушаешься этой сиреной, твоя гибель неизбежна, — сказал Паоло, невольно с бешеной ревностью переведя взгляд с искусителя на Реджинальда. — Предоставь мне умереть даже без малейшей надежды на то, что тебя будет мучить совесть за мою гибель. Ведь это ты привел меня сюда!.. Если ты хотя бы чуть-чуть намекнул мне на герцога Феррарского, то я приучил бы свою душу к отчаянию и благополучно избег бы западни коварного Борджиа. Что я тебе сделал, что ты хочешь пролить кровь своего друга и охранять своего соперника и врага от невзгод?

Реджинальд Лебофор был глубоко растроган этим высказыванием, однако чувствовал необходимость прибегнуть к лицемерию и ответил Цезарю с притворным видом радостного смущения:

— Если бы я мог уверенно счесть обещаемое тобою счастье не пустым посулом, то я и в самом деле сделался бы твоим рабом навек!

— Теперь ты — комендант Фаэнцы и сделаешься ее государем в тот день, когда Рим увидит меня коронованным императором, — сказал Цезарь.

Упоенный своим триумфом над самыми тонкими политиками Италии и знакомый с всесильной страстью, влияние которой на Реджинальда было испытано им, Цезарь больше не сомневался в успехе своей хитрости. Однако большую часть следующей ночи он употребил на то, чтобы вызывать в воображении Лебофора самые блестящие картины честолюбия и любви, а также сообщить ему кое-какие сведения о своих чудовищных планах на будущее. Он с притворной искренностью уверял рыцаря, что главным препятствием его намерению достичь безраздельной власти в Риме послужил бы союз папы с могущественным домом Эсте, и помешать ему для него столь важно, что успех сватовства Реджинальда к Лукреции он счел бы вернейшим залогом своей собственной победы. Он обещал Лебофору всевозможное содействие и старался разжечь в нем самые пылкие страсти, представляя ему ожидающий его громадный триумф, когда он отобьет у своего гордого соперника прелестную невесту, да еще с ее собственного согласия.

— Лукреция, — сказал Цезарь, — вероятно, уже убедилась, что ошибочно приняла робость и обидчивость, вызванные в ней наглым обращением иоаннита, за любовь, которую в действительности заронила в сердце твоя родственная ей натура, и в этом она, конечно, успела удостовериться к настоящему времени. Волнения, которые неминуемо вызовет в Риме весть об уничтожении мятежников, — прибавил Цезарь, — должны вызвать обратно меня туда. Когда же мне удастся овладеть городом и несметными сокровищами, накопленными папой, то уже в моей власти будет принять в зятя человека, пришедшего по сердцу и мне, и Лукреции.

Когда лукавый герцог отпустил наконец молодого рыцаря, он был вполне уверен, что рассеял все его недоверие и сделал из него, безусловно, послушное и необходимое оружие своей коварной авантюристической политики.

XIV

На другой день Реджинальд был уже на пути в Фазнцу, в сопровождении собственных стрелков. Однако Пиетро Овиедо и хитрый епископ д'Энна также ехали возле него с многочисленным отрядом солдат, состоявших на службе Цезаря. Эти люди и гарнизон Фазнцы составляли внушительную военную силу, вполне достаточную для того, чтобы не выпустить из рук ожидаемой добычи.

Борджиа не слишком-то полагался на верность своего нового приверженца и обставил дело так, что Реджинальду было немудрено убежать или уклониться от исполнения предначертаний Цезаря. По прибытии в Фазнцу англичанину отвели помещение в старинном замке под бдительным надзором д'Энна, он был окружен солдатами Овиедо и не имел возможности сообщить о своем положении даже старику Бемптону.

Выполнив эту часть своего замысла, Цезарь пустил в ход все рычаги и колеса, бывшие у него давно наготове. Мигуэлото покинул Синигалию и отправился в Рим под благовидным предлогом доставить туда известие о поражении Орсини, на самом же деле с целью осуществлять замыслы Цезаря. Между прочим он был обязан, сообщая о беспокойном состоянии страны, покрытой рассеянными, но пока еще не подавленными приверженцами Орсини, задержать отъезд Лукреции до тех пор, пока план задержки ее в Фазнце станет исполнимым.

Получив донесение Цезаря, папа немедленно велел арестовать всех членов дома Орсини, находившихся в Риме, и завладел всеми их укрепленными замками, предварительно разграбив их. Он объявил весь их род лишенным имущественных прав и приказал опустошить их владения. Однако возвращение Фабио и необычайная храбрость, проявленная им, внезапно воскресили мужество и решительность приверженцев их рода. Сам Цезарь был удивлен победоносными успехами юноши и, казалось, отложил принятые им решения, потому что щадил жизнь своих пленников или, скорее, откладывал смерть Паоло и его отца, герцога Гравины. Он повсюду таскал их за собою в цепях, тогда как папа ограничился тем, что заточил свои жертвы в замок Святого Ангела, где доставлял им всевозможные льготы и даже публично заявил, что не посягнет на их жизнь.

Тем временем Цезарь не терял ни минуты для осуществления своих планов. Он пока соблюдал заключенный им договор с Болоньей и только принудил повелителей города

доставить ему оговоренное подкрепление, составлявшее значительную военную силу. В области Сиены, где он также воевал, до него дошла весть о победах Орсини, которые овладели всей Кампаньей и угрожали даже Риму. Тогда Цезарь поспешил к Вечному городу и тем помешал отчаянной попытке Фабио, замышлявшего захватить в плен папу с Лукрецией, чтобы держать их заложниками для обеспечения безопасности своего отца и брата. Это вызвало сильнейший гнев папы, и когда Орсини после нескольких кровопролитных сражений были изгнаны превосходящими силами Цезаря из Неаполя и принуждены искать убежища в своих укрепленных замках, он отдал приказ осадить Браччиано, где нашел себе приют Фабио. Политика Цезаря принесла ожидаемые плоды и в Неаполе, где французы после неудачных сражений с испанцами стали более зависеть от произвола папы, последний же пренебрегал теперь их просьбами и даже угрозами переметнуться на сторону Орсини.

Весть о подавлении восстания Орсини и об отчаянном положении их юного вождя только что успела дойти до Фаэнцы, как там стало известно, что Лукреция приближается к этому городу, последнему из значительных городов в области Борджиа, через которые лежал ее путь. В Фаэнце делались блестящие приготовления к ее приему, но на самом деле они должны были послужить только средством к тому, чтобы задержать ее. Фаэнца отстоит всего на какой-нибудь день пути от Феррары, и хотя город, обнесенный крепкими стенами и защищаемый значительным гарнизоном, мог дать отпор всякому нападению, однако Цезарь желал по возможности убедить герцога Феррарского, что его невеста не была задержана здесь против ее воли. Кроме устройства празднеств, от участия в которых Лукреция, конечно, не могла уклониться, был пущен еще слух, что Вителли бежали в окрестности, и до их изгнания оттуда проезд в Феррару представляет крайнюю опасность. В то же время были пущены в ход все ухищрения, чтобы доставлять удовольствия Лукреции с ее свитой, причем Реджинальду дали понять, что в отношении влияния на Лукрецию Цезарь рассчитывает преимущественно на него.

Борьба в сердце Лебофора была бы еще сильнее, если бы, зная о недостойной страсти Цезаря, он не был уверен, что этот лицемер ни в коем случае не мог желать успеха его собственной любви. Рыцарь видел, что в Фаэнце следят за каждым его шагом и вовсе не намерены предоставлять ему реальную власть, которая находилась фактически в руках епископа д'Энна и Овиедо. Вдобавок Реджинальд

был уверен в любви Лукреции к своему жениху, а также в том, что брачный союз с таким могущественным государем льстил ее гордости и честолюбию. Сам же Лебофор считал совершенно невозможным предостеречь Лукрецию от представленной ей западни, не рискуя при этом внезапной и бесполезной гибелью. Он мог только питать пустые надежды и строить неисполнимые планы разрушения коварных замыслов Цезаря, беспрекословно и терпеливо исполняя в то же время все предъявленные ему требования, чтобы усыпить подозрение своих врагов.

Наконец, приближение поезда невесты принесло ему некоторую свободу, а поутру в тот день, когда ожидалось прибытие Лукреции, Реджинальд получил официальное назначение комендантом Фазнцы; однако епископ д'Энна заявил, что для рыцаря было бы рискованно выступать публично в своем новом звании, пока Лукреция не прибудет в город, причем отсутствие при встрече можно было извинить опасностью, которой угрожали собравшиеся здесь беглецы из партии Вителли.

В жаркий летний день появились два герольда, возвестивших о приближении поезда невесты. Любопытство жителей, собравшихся на рыночной площади, было несколько отвлечено прибытием нового коменданта, который выехал из замка со своими английскими стрелками на встречу ожидаемых гостей. Горожане были разочарованы, потому что он не поднял своего забрала, но его великолепные доспехи возбуждали всеобщее восхищение.

Поезд вступил в город и двигался по главной улице, приветствуемый оглушительными криками, звуками труб, литавр и ружейными залпами войска, выстроенного двумя рядами. Лебофор был удивлен и несколько успокоен при виде многочисленных, с молодецкой выправкой испанских стрелков и всадников, составлявших охрану Лукреции. Епископ д'Энна был заметно озадачен такой неожиданностью. Они открывали шествие, а за ними следовало множество хорошо вооруженных и великолепно одетых слуг, что заставило епископа еще более призадуматься. Далее ехали украшенные роскошными покрывалами повозки, нагруженные гардеробом невесты и драгоценными подарками, полученными ею от отца, а главное — ее денежным приданым из трехсот тысяч золотых. Потом показался мул с мягким сиденьем на спине, устланном белыми атласными подушками, под балдахином из золотой парчи; он предназначался для Лукреции, однако она предпочла вступить в город на своем белом коне. Лицо красавицы было почти совершен-

но закрыто вуалью невесты, ниспадавшей до ног, но ее похорошевшие черты различались под нею, а ласковая улыбка, которой молодая женщина благодарила за шумные и радостные приветствия народа, сияла подобно солнечному лучу сквозь прозрачную ткань, прикрывавшую ее лицо.

Рядом с Лукрецией ехал кардинал д'Эсте, брат Альфонсо, в алом одеянии, а их сопровождали множество придворных дам, знатных дворян, рыцарей и пышная свита из Рима и Феррары. Однако, несмотря на столь многочисленную и великолепную свиту, Лукреция вздрогнула, увидев на рыночной площади внушительное войско под знаменем Цезаря. Но в этот момент возле нее очутился епископ д'Энна, чтобы принести ей приветствия и поздравления от города.

Внимание Лукреции тотчас привлекла личность коменданта, едва он приблизился к городу. Реджинальд произнес несколько слов таким тихим и невнятным голосом, что епископ д'Энна в оправдание его указал на иностранное происхождение рыцаря.

— Синьор, — перебила епископа Лукреция, обращаясь к Лебофору, — я не могу ошибаться так сильно: ваш голос, безусловно, знаком мне, а между тем вы на службе герцога Романьи! Прошу вас, откиньте забрало, чтобы я могла удостовериться в столь волшебном превращении.

Лебофор повиновался с низким поклоном. Лукреция вздрогнула при виде бледного и взволнованного лица, которое она привыкла видеть юношески-цветущим, но все ее черты просияли радостью, и она сказала с восторгом, больно кольнувшим в сердце Реджинальда, как упрек:

— О, теперь я вполне спокойна и очень... очень счастлива!

Молодая женщина протянула ему руку с такой доверчивой улыбкой, что Лебофор почти не мог преодолеть свое волнение, когда наклонился поцеловать ее. Вероятно, она почувствовала трепет его губ, потому что тотчас бросила на него взор, в котором сосредоточилось почти все ее прирожденное кокетство.

Въехав в замок, Лукреция сошла с коня с помощью Реджинальда, а входя в мрачные залы, взглянула на англичанина с содроганием и попросила его оставаться при ней; однако она произнесла это таким тоном, что беспокойство Реджинальда лишь усилилось. Должно быть, его нерешительные и мрачные ответы встревожили Лукрецию, потому что она, садясь за парадный обед, сказала низко кланявшемуся ей епископу, что намерена на следующий день продолжать свой путь.

Кардинал д'Эсте, отличавшийся более остроумием, чем святостью, смеясь заметил, что не мешало бы немножко отдохнуть с дороги, прибавив, что надо обождать еще известия, все ли готово в Ферраре к приему нареченной невесты герцога. Лукреция, краснея, улыбнулась, и ее лицо опять повеселело. Однако новое беспокойство овладело ею, когда она спросила Реджинальда, правда ли, что Вителли опустошают окрестности. Дон Уго предупредил его ответ и нарисовал яркую картину опустошений, чинимых мятежниками, и их планов кровавой мести.

Лукреция побледнела и стала убедительно просить Лебофора посетить ее и кардинала рано поутру для обсуждения необходимых мер безопасности.

Взор молодого рыцаря при его ответе на это приказание, очевидно, имел особенное выражение, потому что она покраснела снова, а кардинал многозначительно улыбнулся. Лукреция несколько мгновений исподтишка наблюдала за Реджинальдом, а потом задала ему вопрос, каким образом очутился он в Фаэнце. В разговор немедленно вмешался один из бдительных приспешников Цезаря, а епископ д'Энна поспешил произнести блестящий панегирик английскому рыцарю, сказав, что его несравненная храбрость заставила герцога Романьи не только простить ему поддержку, оказанную мятежникам, но и убедительно просить его поступить к нему на службу.

— Подвиги рыцаря Лебофора превозносят его больше ваших слов, — ответила Лукреция, наблюдая за борьбой страстей на лице Реджинальда. — Однако я надеюсь, что воспоминание о старой дружбе окажется сильнее любых посулов и уверений герцога Романьи.

К этому моменту Реджинальд достаточно овладел собою, чтобы искусно играть свою роль, однако он выдал себя, когда ответил:

— В Синигалии, конечно, понадобились иные чары, чтобы склонить меня к содействию, но Орсини искали случай, чтобы погубить меня, а потому какое же мне дело до их собственной гибели!

Содрогнувшись при этих словах и вызванных ими воспоминаниях, Лукреция дала другой оборот разговору, и он вскоре сделался общим и очень оживился. Кардинал д'Эсте был сам остроумный собеседник, отличавшийся острой наблюдательностью, а в его свите находилось много превосходных поэтов, придворных и ученых людей, которые сделали Феррару знаменитой. Между всеми выдавался Лодовико Ариосто, молодой человек, состоявший на службе

кардинала и приобретший благосклонность Лукреции приятным характером и веселостью.

Реджинальд очень хотелось узнать, какие выводы сделали шпионы Цезаря из событий этого знаменательного дня, и он с удовольствием услышал, что они не на шутку встревожены численностью и силою свиты невесты. Хотя Пиетро Овiedo разместил прибывших солдат отдельными группами там, где его превосходящие силы могли одолеть их без труда в случае надобности, однако приверженцы Цезаря обнаружили свое беспокойство, единодушно согласившись с мнением епископа д'Энна, что Лебофору следует повидаться с Лукрецией отдельно, в отсутствие кардинала д'Эсте. В разговоре наедине он мог скорее напугать ее опасностями, грозившими со стороны Вителли, и склонить к тому, чтобы она воспользовалась этим предложением для остановки в Фаэнце. Реджинальд, сделав вид, будто не заметил иронии епископа, когда тот обратился к нему, принял его предложение с радостью, как и следовало ожидать от счастливого влюбленного. Так как Лукреция предложила епископу привести к ней Лебофора, как только кардинал д'Эсте будет готов принять участие в совещании, то, следуя своему плану, он уговорился с Реджинальдом, что проведет его одного в ее комнаты, как будто по недоразумению. Однако Реджинальд заявил, что если за ним должен следить шпион, то ему будет невозможно коснуться воспоминаний, которые могут привести к возврату благосклонности Лукреции к нему, и дал епископу совет оставить его с Лукрецией вдвоем, как только представится удобный случай. Епископ, по-видимому, не был расположен согласиться на это, однако Овiedo и Уго одобрили требование англичанина.

Епископ был немало удивлен, когда его позвали очень рано утром к Лукреции; по его мнению, она не могла рассчитывать на то, что кардинал д'Эсте будет готов в столь ранний час; вдобавок весьма подозрительным казалось и то, что ей вздумалось принять рыцаря в маленьком саду при дворце. Однако он поспешил к ней с Реджинальдом. Последний, видимо, был взволнован особыми обстоятельствами этого свидания и едва мог владеть собою, когда Лукреция, наскоро поздоровавшись с ними, взяла его под руку и, отпустив епископа приветливым кивком головы, увела Лебофора к террасе, подальше от группы своих приближенных.

— Злое орудие моего злого брата, — сказала она, провозжая взглядом д'Энну, который в свою очередь следил за ней и Реджинальдом мрачным взглядом сыщика. — Но я

знаю, вы — не орудие злобы, мой рыцарь, вы стали полководцем Цезаря потому, что в противном случае он стал бы вашим палачом.

— Действительно, я скорее могу назваться узником, чем комендантом Фазнцы, — ответил Лебофор и оглянулся с беспокойством, испугавшим Лукрецию, которая знала, что такой храбрый человек, как он, не станет беспокоиться без причины.

— Тогда мой супруг может отплатить вам хотя бы отчасти за неоценимую услугу, оказанную вами ему. Ведь я знаю все... все, так же, как и ваше беспримерное великодушие, — сказала она со слезами на глазах. — Послушайте, вам не могут запретить проводить меня, когда я поеду из этого города, а ведь стоит мне очутиться за его стенами, и вы сами можете стать вольной птицей. Тогда только от вашей воли будет зависеть, вернуться ли вам назад или сопровождать меня в Феррару, где герцогский дворец станет вашим родным кровом, повелитель страны вашим братом, а его супруга — вашей признательной, неизменной, даже любящей приятельницей. Пусть Италия сделается вашим отечеством, и позвольте Лукреции д'Эсте расположить к себе паладина Лукреции Борджиа.

— О, неужели вы считаете это возможным? Неужели мыслимо, чтобы я, завидующий каждому взору, который любит меня помимо меня вашей несравненной прелестью, мог видеть вас в объятиях другого, мог слышать, как ваши дети станут называть его своим отцом? Нет, нет, я не в силах выдержать это и остаться в живых! — воскликнул Реджинальд, однако, заметив беспокойство Лукреции, прибавил с печальной улыбкой: — И неужели вы после всего происшедшего все же уверены, что герцогу Альфонсо понравится такой провожатый?

— Чего же ему опасаться, когда он сам будет среди нас? — возразила Лукреция с боязливой улыбкой, причем в ее глазах отразилась сильная тревога. — Об этом-то я и хотела потолковать с вами. Так как мне говорят об опасностях, которыми будто бы угрожают нам Вителли, то я должна сознаться вам, что мой супруг не хочет дольше ждать моего прибытия в Феррару, а явится сюда сам на закате солнца в своем прежнем одеянии иоаннита, поэтому я прошу вас, вышлите отряд своих солдат навстречу ему — я лично не могу отпустить ни одного воина из своего конвоя, — охраняйте дороги и доставьте Альфонсо невредимым в Фазнцу. Если же это невозможно, тогда я, пренебрегая всякими опасностями, должна пуститься сама навстречу моему супругу.

— В таком случае, все погибло, и теперь я вижу, почему вероломный герцог Борджиа выбрал именно этот город на границе Феррары. Да, да, все погибло! — ожесточенно воскликнул Реджинальд. — Ад посвятил Цезаря во все свои хитрости, и теперь нам действительно нет спасения.

— Что значит ваша тревога? — спросила сильно взволнованная Лукреция. — Если меня начнут так пугать, то я немедленно покину ваш город. Или вы не верите, что я старалась уклониться от этого безрассудного визита сюда?

— Верю, но — увы! — вы же не знали, как это сделать, — ответил Реджинальд, с отчаянием поднимая взор на высокие, зорко охраняемые стены. — Неужели нам не вырваться из этой громадной западни? С виду кажется, будто довольно одного прыжка, чтобы очутиться на свободе, а между тем мы заперты в бойне и ожидаем только топора убийцы.

— Я хочу уехать, не дожидаясь завтрака, — сказала Лукреция, мрачно нахмурившись, но дрожа всем телом. — Прощайте, если вам доставляет удовольствие пугать меня, и пусть ваш Цезарь один пользуется этим дворцом.

— Вам не удастся так просто выйти отсюда! — возразил Лебофор. — Выслушайте меня и, если хотите, попробуйте выбраться из этого проклятого заколдованного места, где, пожалуй, вас стерегут, чтобы отдать в жертву ужасам, какие не снились самим чертям, тогда как я и ваш жених наверняка погибнем здесь лютой смертью.

— Говорите откровенно, иначе страх убьет меня! — воскликнула Лукреция, опускаясь на подножие статуи, обросшее вьющимся растением в цвету.

— Как раз теперь Цезарь со своим громадным войском, наверно, находится в Риме, повелевая всем и дерзая на все! — сказал Реджинальд.

— Последними словами моего отца перед разлукой было торжественное обещание, что он ни под каким видом не впустит в город шайки Цезаря, пока его жизни или господству не будет грозить опасность, — возразила Лукреция, зорко наблюдая за действием своих слов.

— Тогда, пожалуй, и жизнь, и власть его святейшества в крайней опасности, — ответил Лебофор.

— Как так? Разве вы опасаетесь влияния приверженцев Цезаря в консистории? — продолжала Лукреция. — Но эти времена миновали: сторонники мира в Италии, друзья Феррары и мои получили теперь там перевес.

— Все напрасно! Консистория, составленная даже из ангелов, едва ли спасет нас в данное время, — торопливо ответил рыцарь, а затем рассказал Лукреции о том, что

говорил ему Цезарь в Синигалии, сообщил его план, для осуществления которого он сам был послан в Фаэнцу, и не умолчал даже о назначенной ему при этом роли.

Лукреция понимала свое опасное положение и после долгого жуткого молчания заговорила вновь:

— Если таков его чудовищный план, то небо, конечно же, воспротивится его осуществлению. Пресвятая Дева защитит нас. Пожалуй, это она внушила мне сию минуту благую мысль. Нет ли у вас кого-нибудь, кого вы могли бы отправить как надежного гонца по настоящему важному делу?

Лебофор ответил:

— Каждый из моих всадников пригоден на это, да беда в том, что ни один человек в одежде моих слуг не имеет права покинуть город.

— Хорошо; тогда мы сумеем обратить затеянное предательство против самих же предателей, — продолжала Лукреция. — Так как они пожелали воскресить нашу дружбу, то передайте им, что я примирилась с вами, благодаря вашему красноречию, тем более что принц Феррарский, к моей досаде, отказался от своего обещания прибыть за мною в Фаэнцу. В качестве ревнивого соперника или влюбленного, желающего обеспечить за собою полную победу, подайте им совет, каким способом они могут еще захватить Альфонсо. Ведь им было бы слишком обидно, если бы от них ускользнула столь лакомая добыча. Скажите, будто вы уговорили меня написать в пылу гнева письмо Альфонсо с приглашением повидаться со мною тайком в Фаэнце. Можете прибавить, что я соглашаюсь доверить свое поручение только человеку, не знающему местного языка, чтобы он не разболтал о нем дорогой, — именно одному из ваших преданных слуг. О, если бы ему удалось еще своевременно застать моего супруга дома и привести сюда, но не одного, а с военной силой, которой всегда должен быть окружен государь! Этого отряда вместе с моей свитой будет вполне достаточно для того, чтобы изменники побоялись осуществить свой злодейский умысел.

Лебофор охотно принял это предложение, ставшее первым лучом надежды, мелькнувшим перед ним во мраке.

XV

Во время этих событий в Фаэнце политические дела в Риме так же быстро приближались к развязке. Мигуэлото под ночь угрюмо бродил по одному из обширных залов

замка Святого Ангела, осматривая затворы у дверей и окон и чутко прислушиваясь по временам, как вдруг чья-то рука неожиданно опустилась ему на плечо. Он вздрогнул и увидел перед собою фигуру мужчины в грубой одежде ратника. Каталонец схватился было за кинжал, однако незнакомец приподнял с одной стороны широкие поля своей шляпы, так что Мигуэлото узнал Цезаря Борджиа.

— Не удивляйся тому, что видишь меня в Риме, — сказал Цезарь, — ведь официально я нахожусь в лагере под Браччиано и сплю у себя в палатке. Что новенького?

— Начальник папской канцелярии внезапно заболел весьма опасной резью в животе, — с серьезным видом ответил Мигуэлото.

— И странные мысли высказал на этот счет его святейшество, как довелось слышать одному из моих друзей, — мрачно заметил Цезарь. — Говорю тебе, нам нельзя терять времени. Лукреция в Фазнце, и мои замыслы осуществляются так удачно, что Альфонсо, благодаря предательству влюбленного английского рыцаря, должен скоро очутиться в моей власти. Но негодай не воспользуется плодами своего преступления, — продолжал Цезарь, — его ожидает заслуженное возмездие!

— Удивительно, как вы умеете подойти к любому человеку! — промолвил Мигуэлото несколько укоризненно, дрожащим голосом. — А вот я так думаю, что для меня будет весьма душеспасительным поступком сделать из бедняжки Мириам христианку.

— Для тебя? — со смехом воскликнул Цезарь.

— Она еле жива, потому что тюремный воздух быстро подтачивает силы в юношеском возрасте, а назойливые мысли втайне гложат ее разум. Когда мы освободили монаха Бруно от пытки и дали ему опять немного отдышаться, я позволил ей посещать его, и он привел девушку в такое мирное, благочестивое настроение, что она проливает слезы, и на нее просто отрадно смотреть.

— Значит, и ты осмелился нарушить мои приказания? — злобно спросил Цезарь.

— Нет, ваша светлость, потому что, как только был получен ваш приказ, мы ни на миг не прекращали пыток.

— А еврейка чуть жива? Но это не может происходить от тюремного воздуха; ведь остается же здесь в живых Фиамма!

— Да, но Фиамма черпает утешение в твердой надежде, хотя последняя исходит не от неба, потому что она

смеется, когда я увещаю ее опомниться и обратиться к покаянию, — возразил каталонец.

— Ну, если ты до сих пор веришь в разоблаченного обманщика, то чернь будет поклоняться ему, — шутливо промолвил Борджиа. — Проводи меня в его темницу, мне надо поговорить с ним.

Мигуэлото немедленно повиновался и повел герцога в подземелье под садом замка, настолько глубокое, что свет не проникал туда, а воздух там был душный, как в могиле.

Цезарь взял лампу Мигуэлото, приказал ему дожидаться за дверьми и вошел один в темницу Бруно. Даже при свете огня, тускло горевшего в этом удушливом воздухе, он не мог сначала ничего различить вокруг; лишь постепенно его глаза освоились с темнотой, и он увидел монаха. Тот был прикован к стене такою короткой цепью, что едва мог отойти от кучи соломы, служившей ему ложем, и покоился на ней в полусидячем положении, с закрытыми глазами; его громкое бормотание нарушалось лишь монотонным капаньем воды, которая сочилась из отверстия в стене и медленно падала на каменный пол с однообразным звуком.

Уверяют, будто необычайное мучение, вызываемое этим неизменным звуком, нередко преодолевало упорство преступников у которых не могли вырвать признания самые изощренные пытки.

Цезарь прислушался и наконец уловил несколько слов из разговора Бруно с самим собою:

— Дьявол, ты лжешь, потому что я верю в это! Я молю только о том, чтобы получить знамение, устраняющее всякие сомнения. Тик-так! Да, постоянно и вечно! О, если бы то был хотя бы одинаковый звук: «тик-тик» или «так-так»! Пусть капли падали бы лишь чуточку поскорее! Но нет, тик-так во веки веков в этом непроглядном мраке преисподней!

— Вот тебе знамение! Пробудись и воспрянь! — воскликнул Цезарь, внезапно направив свет прямо на доминиканца.

Тот вскочил, загремев цепями, но тусклое пламя лампы ослепило его в первый момент, и Бруно не своим голосом воскликнул:

— Я вижу свет твоего присутствия, но не твой образ! Ангел ли ты с неба, или насмешливый злой дух, который давит на мой мозг множеством невыносимо тяжких дум?

— Я далеко не ангел, — возразил Цезарь, — хотя женщины находят, что я недурен собою. Неужели ты не можешь припомнить меня?

— Прочь, дьявол! Не ради того ли принял ты этот облик, что в ее облике тебе не удалось довести меня до богохульства? — в ярости завопил монах. — Я плюну тебе в лицо, оттолкну тебя из своих объятий, хотя бы ты обладал всей ее прелестью и старался соблазнить меня самым нежным тоном ее голоса.

— Дьяволом я, пожалуй, могу быть, но и злые духи порой принуждены способствовать благим целям небес, — спокойно ответил Борджиа. — Я пришел избавить тебя от твоих оков и твоего невыносимого «тик-так» и снова послать тебя проповедовать людям, которые уже давно видят в тебе чудотворца. Скажи им, что ты послан небом исправить церковь, вернуть ее к первоначальному смирению и святости апостольских времен, и прибавь к тому, что существует избранный, предназначенный служить твоим мечом в этом великом деле, имя же ему — Цезарь Борджиа.

Во время этой речи монах смотрел во все глаза на говорившего, как будто не понимал смысла его слов. Он повторял их странным тоном удивления, видимо, напрасно стараясь вникнуть в суть сказанного.

Цезарь терпеливо ждал результата и старался помочь усилиям доминиканца, повторяя свою речь.

— Внимание Александра скоро будет поглощено его собственными делами. Колонна хлопочут в Риме, чтобы извлечь выгоду из нашей войны с Орсини за пределами города. Но, как бы то ни было, клянусь помогать тебе во всех твоих трудах. Этот замок должен стать твоим убежищем, а всякий раз, когда ты будешь показываться народу, пусть твое появление считают чудом.

— Ты, Цезарь Борджиа, станешь помогать мне в этом деле? — спросил Бруно, выпучив на него глаза.

— Можешь поверить мне на слово. Тигр и волк живут в одном логовище. Говорю тебе, скоро в Риме появится император. И разве ты не обличал перед небом и землею замужество Лукреции, как незаконие?

Эти слова возымели немедленное действие. Наполовину притупившаяся у монаха способность восприятия внезапно оживилась; блуждающие мысли получили определенное направление, и со злобным взором, заставившим содрогнуться даже Цезаря, он воскликнул:

— Кто отрекается от своих слов, тот обрекает сам себя на осуждение!

— Я не отрекался, — возразил Цезарь, — потому что отважился на очень опасный шаг, чтобы помешать этому браку. Лукреция поручена наблюдению одного моего упол-

номоченного и как раз теперь она — моя пленница в Фаэнце.

Эта весть, видимо, изумила доминиканца, и он переспросил:

— Твоя пленница? В Фаэнце?

— Мне нет надобности говорить тебе, духовнику, что я скорее согласен погибнуть, чем допустить, чтобы Лукреция вступила в брак с Альфонсо Феррарским, которого она так страстно любит, — сказал герцог с дьявольским выражением лица. — И позволь сказать тебе, что хотя ты устоял против всех моих пыток, однако я знаю, почему ты так жестоко ненавидишь меня: ведь ты сам страстно любишь Лукрецию.

Бруно поник головой, и даже на его бледном, как у приведения, лице выступила краска; но после долгой паузы он спросил:

— Так она захвачена тобой в Фаэнце на пути в Феррару?

— Да, на пути к супругу, герцогу Феррарскому! — подтвердил Цезарь. — Разве ты не знаешь, что герцог Альфонсо — тот самый человек, который добивался ее любви под видом иоаннита?

— Я давно догадался об этом, но судьба сильнее людей, и вот Лукреция — твоя пленница в Фаэнце, — поспешно ответил доминиканец.

— И, прежде чем она убедится в том или ее отец получит весть о ее пленении, я должен овладеть Римом или искать себе убежище. Ты спросишь — где? Его может предоставить мне только могила. Поэтому ты должен возвестить об этом предстоящем событии среди суеверной черни, а с помощью волнений, вызванных мною, и восстания рода Колонна папа будет принужден призвать меня с моими войсками в Рим. Когда я сделаюсь властелином, тогда ты приступишь к исправлению церкви и приведешь ее к такой бедности и убожеству, какие только подскажет тебе твоя фантазия монаха-босняка. Да, я припас тебе такое чудо, что самые закореневшие в неверии должны поверить, что ты послан небом.

— Какое чудо? Есть вещи гораздо чудеснее тех, которые чернь называет чудесами, — промолвил Бруно, очнувшись наконец от своего экстаза.

— Когда мой план созреет, я задам новым кардиналам пир, — только это между нами. Их девять, все они, как на подбор, богаты, все — мои заклятые враги, а их наследство весьма желанно и очень пригодится моему новому государству. Ты также появишься на пиру с прочими зрителями.

Обличи во всеуслышание кардиналов в симонии, а в доказательство их виновности и своей миссии призови внезапное мщение небес на их головы. И говорю тебе: ни один из них не встанет живым из-за стола на этом пиршестве.

— Несчастье делает людей недоверчивыми, — сказал после краткого молчания Бруно. — Как же произойдет это чудо?

— Смеешь ли ты усомниться в том, что небо поможет тебе превратить твои проклятия в разящие молнии? — спросил Цезарь.

— Да, потому что ты стоишь предо мною здрав и невредим, — ответил монах. — Видишь, я не лицемерю.

— Да мне этого и не нужно. Женщины из гетто, также томящиеся в этой могиле, помогли мне закупорить несколько бутылок превосходного вина, — сказал Цезарь, спокойно скрестив руки на груди.

— Но разве ты не боишься, что в дело неожиданно вмешается ангел, и отравленное питье случайно попадет в твой собственный кубок? — спросил Бруно, поднимая мрачный взор на Борджиа.

— Смотрители погребов — мои верные слуги, а у всех превосходных вин, предназначенных для моих друзей, имеется особый признак, которого никак нельзя не заметить, — ответил Цезарь смеясь, но все-таки слегка раздосадованный уже одним предположением о таком непозволительном промахе.

— Но что за святой был бы я, если бы вызвал одно чудо, а за ним не последовало бы другого? — в глубоком раздумье сказал монах. — Цезарь, я понимаю тебя; но знаешь ли ты достоверно, что тот яд смертелен, что он не имеет вкуса и приготовлен так тонко, что нельзя распознать его присутствия?

— Вот я сейчас произведу пробу, — задумчиво ответил Цезарь. — Мне до смерти надоели старые ведьмы, гнусные проделки которых могут со временем обратиться против тех, кто использовал их, и потому я обещал им свободу. Да если сами составительницы вина выпьют его, ничего не подозревая, то кто же сможет обнаружить в нем тогда примесь ядовитой эссенции без вкуса и без запаха?

— Ну, в таком случае это будет только правосудием, — с восхищением заметил Бруно. — Значит, ты хочешь выпустить колдуний не только из каменной тюрьмы, но также из ветхой, презренной темницы их плоти?

Цезарь самодовольно усмехнулся:

— Разумеется.

— Тогда я избавлюсь от своего вечного «тик-так». Я узнаю знамение свыше! Я согласен исполнить поручение! — воскликнул доминиканец с некоторым воодушевлением, которое возбудило подозрительность вечно бдительного Борджиа, и он сказал:

— Да, но помни: за каждым твоим шагом будет следить некто, умеющий владеть тем, что он держит в руке.

— Ты называл меня колдуном, но, кажется, не веришь сам в мое колдовство? — со зловещей улыбкой возразил доминиканец. — Так и быть! Я согласен продаться дьяволу, то есть тебе.

XVI

При всей своей хитрости епископ д'Энна все-таки поддался на обман. Его сбили с толку лукавое предложение Лукреции, уверенность в том, что Лебофор действует под влиянием ревности и ненависти к счастливому сопернику, а также собственное усердие в стремлении угодить своему повелителю, изловив Альфонсо д'Эсте. Старик Бемптон стал тем гонцом, которого, с согласия д'Энны, отправили с письмом в Феррару. Ради поддержки затеянного обмана Лукреция усилила по отношению к Реджинальду свою показную нежность и якобы близость с ним, и, конечно, это вызвало в душе влюбленного и измученного ревностью Лебофора самую жестокую борьбу, какой он еще не испытывал во время всех перипетий своей страсти к Лукреции.

Наступила ночь, но герцог Альфонсо не явился; между тем он мог бы уже прибыть в Фаэнцу, если бы не получил спасительного предостережения. Благодарность за это поощрила Лукрецию отнести к Лебофору с еще большей нежностью, что доводило Реджинальда до невыразимой тревоги и отчаяния, поскольку он знал ее истинную причину. Минутами под влиянием ревности к счастливому сопернику он готов был отказаться от дальнейшей помощи Лукреции и склонялся к тому, чтобы исполнить поручение Цезаря, но тотчас же в его честной душе раздавался голос совести, и он неуклонно принимался за поставленную себе трудную и опасную задачу. Он внушал епископу, будто бы его ухаживание увенчалось поразительным успехом, и это даже удивляло самого прелата, который начал уже слегка опасаться, как бы молодые люди не зашли в своей любовной игре дальше, чем этого желал великий заговорщик. Реджинальд даже заявил, что его окончательная победа вне

сомнения, если только Лукрецию удастся уверить, что жених проявляет к ней пренебрежение, а с этой целью необходимо захватить Альфонсо тайком и тщательно скрывать от нее поимку герцога, пока она сама не найдет повод радоваться такому обороту дел. До тех же пор ее следует держать в уверенности, будто к ее приглашению жених отнесся пренебрежительно, или — еще того хуже — с недоверием, оскорбительным для ее гордой души. Под предлогом очистить окрестности от бродячих шаек Вителли, по совету Лебофора, были разосланы по всем дорогам, ведущим к Фаэнце, сильные конные отряды с приказанием схватить иоаннита и доставить его при наступлении ночи к одним из городских ворот, которые взялся стеречь сам Реджинальд со своими стрелками.

Таков был план Лебофора.

Епископ, видимо, окончательно попался в западню, и Лебофор заметил, что на другой день большое число самых опытных и решительных солдат Цезаря покинуло город, чтобы рыскать по всем направлениям в местности, примыкавшей к Ферраре. В то же время радость, с какою Лукреция ждала прибытия Альфонсо, невольно причиняла Реджинальду такие мучительные страдания, что молодая женщина заметила странную перемену в его обращении, и ее подозрения стали еще мрачнее. В ее душу закрались сомнения в его честности, и она терзалась мыслью, что сама придумала план, посредством которого ее жених будет предан врагам. К тому же ее письмо к Альфонсо, написанное таким образом, чтобы его можно было показать епископу, содержало в себе непреодолимую приманку для влюбленного жениха и было доверено приверженцу его соперника. Подозрения молодой женщины еще усилились при исчезновении Реджинальда около того времени, когда ожидалось прибытие Альфонсо. Лукреция узнала, что рыцарь находится на валу для встречи посланных разведчиков, о чем он умолчал в беседе с нею, потому что часть плана, которую предстояло теперь выполнить, была связана с большим риском для него. Но Лебофор признал необходимым держать свиту Лукреции наготове и потому решил довериться Бембо. Содействие последнего не могло возбудить особенных подозрений, и он смог тайком предупредить свиту герцогини о предстоящем прибытии принца, который хотя путешествовал инкогнито, но должен был рассчитывать на встречу, подобающую его сану.

Вскоре после того как Лебофор со своими стрелками занял наблюдательный пост на валу, он был удивлен нео-

жиданным визитом. Лукреция в сопровождении своей свиты и стражи телохранителей приблизилась к нему, когда он с печальным видом смотрел вдаль, ожидая солнечного заката, потому что Альфонсо мог прибыть именно в эту пору. Рыцарь пошел ей навстречу и был удивлен переменной, происшедшей с нею в такой короткий срок, а именно странным выражением гнева и озабоченности, занявших место обычной приветливости и веселого оживления в ее чертах, к которым привык рыцарь.

— Я пришла сторожить вместе с вами, рыцарь, — то-ропливо сказала она. — Время тянется невыносимо во дворце, являющемся для меня тюрьмою, а свежий вечерний воздух, может быть, освежит меня и разгонит печальные мысли, не дающие мне покоя. Вдобавок мне еще необходимо поговорить с вами наедине.

При этих словах спутники герцогини Борджиа отошли в сторону, а Лукреция приблизилась к Реджинальду и заговорила с нескрываемым волнением:

— Я доверяла вам и буду доверять, наперекор нашептываниям злого недруга, пока не увижу своими глазами вашего вероломства. Ко мне приходил епископ д'Энна и предостерегал меня от слепого доверия к вам. Он сообщил, что вы подняли мятеж среди гарнизона и склонили на свою сторону солдат Цезаря, чтобы они оказали поддержку вашему предательству, так как вы замышляете захватить меня в плен. Да, епископ опасается, что вы намерены отрезать мне всякое сообщение с моими друзьями, и говорит, будто сам слышал, как вы давали своим разведчикам приказ убить какого-то иоаннита, который должен явиться сюда с вестями из Феррары, причем прибытие окровавленного тела иоаннита к городским воротам должно послужить сигналом к открытой измене, имеющей целью лишить меня жизни.

Услышав это, Реджинальд воскликнул:

— Так вот на что надеялись и рассчитывали эти гнусные злодеи!

— Выслушайте меня! — продолжала Лукреция. — Я приказала своей свите в полном составе дожидаться меня внизу, у ворот. Моя безрассудная жалость и доверие дали вам надежду и средства исполнить ваш жестокий замысел. Но знайте, я хочу дожидаться здесь прибытия Альфонсо. Если он жив и невредим, то я буду благодарна вам за свое существование, в противном же случае я отомщу вам за его смерть собственной рукой. Да, я намерена убить вас за ваше бесчестное предательство; я отдам вас на расправу

моим солдатам без всякого сожаления, не задумавшись ни на секунду.

Пораженный этими словами, Реджинальд не мог вымолвить ни слова, а только показал на заходящее солнце и поник головой в тягостном раздумье.

Лукреция сделала бы еще попытку разрешить свои мучительные сомнения, если бы на валу не показался епископ. Он сделал вид, будто не замечает волнения Лукреции и Реджинальда, и с намерением усилить подозрения молодой женщины выразил удивление, что ни один из всадников, посланных в направлении Феррары, не вернулся назад.

— Быть может, они проводили что-нибудь о рыскающих по окрестностям Вителли и соединились в один отряд, — возразил Лебофор с притворным спокойствием.

Епископ пристально взглянул на Лукрецию. Она же печально смотрела на своих воинов, собиравшихся у крепостного вала, и думала:

«Так вот в чем заключался злодейский умысел! Альфонсо намеревались убить, его смерть приписать содействию Реджинальда, меня же заставить или покончить с ним, или разделить позор приписанного ему преступления!»

Нетерпение и тревога молодой женщины возрастали с каждой минутой. Солнце уже закатилось, но на горизонте не появлялось еще ни одного копья, и ничто не возвещало приближения избавителей Лукреции. Она слушала епископа, явно не понимая, что он ей говорил, и часто ее взгляд с беспокойством останавливался на Лебофоре. Мучения рыцаря становились почти невыносимыми; сам епископ тоже, видимо, волновался и снова осведомился о разведчиках. Убедившись наконец, что Альфонсо не едет, Реджинальд пришел в бешенство от окружавшего его вероломства и стал подумывать о насильственной расправе с злоумышленниками. Он мог надеяться овладеть городом с помощью Лукреции, если бы ей внезапно стала грозить опасность, но его удерживало от этого шага только опасение, что мятеж, который неминуемо должен последовать за тем, мог бы оказаться пагубным для нее. С наступлением сумерек он стал убедительно просить герцогиню отправиться на покой. Однако его мрачная озабоченность усилила ее сомнения и опасения, и вместо того чтобы последовать его совету, она вскочила и воскликнула, точно в припадке безумия:

— Нет, предатель, прежде чем я уйду отсюда, я хочу дожидаться здесь окровавленного трупa Альфонсо и увидеть, как падет твоя голова в расплату за предательство!

Во время этой гневной тирады епископ внезапно воскликнул:

— Чье это знамя там внизу? Ведь мы не высылали своих главных сил?

— Это знамя Альфонсо д'Эсте и его войска, — ответил Реджинальд, посмотрев по направлению, указанному епископом, и обратился к Лукреции: — Ну, зовите своего папача: его удар не так жесток, как ваши слова.

— Где же дон Уго?.. Вот странное дело! — воскликнул епископ д'Энна и внезапно повернулся, как бы намереваясь уйти.

Однако Реджинальд Лебофор проворно схватил его и воскликнул:

— Ни с места! Иначе, несмотря на твой святительский сан, я докажу тебе, что я — комендант Фаэнцы и требую повиновения от всех, кто находится в ней! Ни с места, или эта секира разможжит твой предательский и полный кознями череп! Наконец-то обыкновенная простая честность одолела тебя.

— Реджинальд... мой герой... мой спаситель! Неужели вы не простите меня? — воскликнула Лукреция, и ее мучительное нравственное напряжение разрешилось потоком слез.

— Отпирайте ворота, стрелки! Спешите навстречу нашим друзьям! Трубите в рог, приветствуя их! — воскликнул Лебофор.

Войско уже настолько приблизилось к Фаэнце, что солдаты услышали звуки военных труб и прищипорили своих усталых коней. Лебофор сам направился к воротам, чтобы приветствовать всадников, во главе которых ехал иоаннит.

Однако Реджинальд не присутствовал при свидании влюбленных, и только когда вся свита Лукреции вернулась во дворец, а сам принц в сопровождении своих знатнейших офицеров и рыцарей пошел искать его, Лебофор показался приехавшим. Но эта холодность была почти побеждена искренним и долгим объятием, которым Альфонсо приветствовал своего бывшего друга. Принц сказал ему, что велел своим солдатам расположиться на ночлег по соседним деревням, чтобы не отягощать обывателей Фаэнцы своим неожиданным визитом. Реджинальду было не особенно приятно провожать жениха к Лукреции, однако его неудовольствие растаяло от сердечного волнения, когда красавица бросилась им навстречу и, схватив руки Реджинальда, стала просить у него прощения за свои несправедливые подозрения. Она заметила бледность, почти моментально сменившую яркий ру-

мянец на его лице, когда Альфонсо смеясь заявил, что в нем заговорила ревность, и сказала:

— О, простите меня, чтобы я могла спокойно заснуть сегодня ночью, иначе совесть не даст мне сомкнуть век!

Теперь замысел Цезаря был уже не страшен. Военные силы герцога Феррарского не уступали в численности гарнизону Фазнцы, а на рассвете к ним должен был присоединиться еще более многочисленный отряд, по прибытии которого принц со своею невестой намеревались выступить из города. Оба они убедительно просили английского рыцаря сопровождать их в Феррару, однако он отклонил их просьбу. Странное дело: Лукреция вспыхнула и со вздохом отвела взор, избегая взгляда своего жениха.

Тут Реджинальд объявил о своем решении вернуться тайком в Рим, чтобы спасти Орсини, разоблачив заговор Цезаря.

Лукреция не желала огорчать отца разоблачением вероломства и предательства своего брата, однако необходимость предостеречь его заставила ее сделать это. Вместе с тем Лебофор в Риме мог подвергнуться смертельной опасности, и мысль об этом внушила Лукреции настоящее желание послать туда другого гонца; однако ей не удалось поколебать решимость англичанина, к тому же в конце концов ее пылкие настояния вызвали неудовольствие Альфонсо.

Реджинальд доказывал, что никто, кроме него, не проявит такого усердия в данном случае, поскольку им руководит желание загладить свою несправедливость перед Орсини, и никто лучше его не сумеет привести неопровержимые доказательства виновности Цезаря. Но Лукреция не соглашалась с ним, пока наконец Лебофор, заметивший внезапную мрачность принца, не обещал проводить ее для вида по дороге в Феррару, как будто с намерением отправиться туда, а потом возвратиться переодетым в Рим, чтобы избежать мести Цезаря.

Их совещание затянулось до рассвета, и Альфонсо стал просить свою невесту дать себе отдых.

— Я должна привыкать повиноваться, — сказала Лукреция, — но хочу поставить одно условие. Я по-прежнему дрожу от страха, и вы должны обещать мне, что будете бодрствовать со своим боевым товарищем.

Реджинальд чувствовал, что теперь ему будет труднее всего заручиться согласием Бемптона на предстоящее дело. Верный оруженосец, рискуя жизнью, по воле своего господина успешно исполнил поручение к Альфонсо, надеясь,

что приключения Реджинальда в Италии окончатся с освобождением Лукреции.

Поэтому Бемптон крайне разочаровался, узнав о намерении Реджинальда возвратиться в Рим и, получив приказ, отвести его стрелков в Феррару, куда обещал явиться в скором времени сам Лебофор, чтобы вслед за тем отплыть в Англию из Венеции.

— Я так и знал, что мне не суждено больше увидеть дочь и белокурых внуков, — сказал старик со слезами на глазах. — Если вы допустите мысль, что я способен отпустить вас теперь одного, то лучше назовите меня лукавым и бесчестным негодяем. Нет, нет, я последую за вами в самую пасть смерти.

Реджинальд знал упорство своего старого оруженосца и напрасно старался отговорить его от такого опасного решения. Бемптон был непоколебим, и рыцарю пришлось наконец уступить верному слуге.

При восходе солнца военная свита, которой предстояло сопровождать герцога Альфонсо с его невестой в Феррару, получила значительное подкрепление. Однако оно едва ли было нужно, потому что Лебофор не позволил никому покидать Фаэнцу, чем отнял у заговорщиков всякую возможность собрать военные силы, которые могли бы оказать сопротивление провожатым Альфонсо.

Прежде чем могла дойти весть до соседних гарнизонов, свадебный поезд в сопровождении Реджинальда со стрелками покинул город.

По прибытии в Равену всякая опасность миновала, так как тут началась уже хорошо оберегаемая граница Венецианской республики.

Когда путешествие подходило к концу, Лукреция была так поглощена разговором с женихом, что несколько минут не замечала отсутствия Лебофора, но вдруг она увидела всадника в темной одежде иоаннита и в сопровождении одного старого воина. Когда же рыцарь сошел с коня и, подняв забрало, опустился на колено у ее стремени, она узнала в нем Реджинальда, который спросил ее дрожащим голосом, нет ли у нее поручений в Рим.

— Его святейшеству мой всенижайший привет, — ответила она также в сильном волнении и вынула из-за корсажа письмо. — Я прошу его святейшество оказать вам безусловное доверие и как можно усерднее позаботиться о вашей безопасности. В знак удостоверения представьте папе вот это кольцо. Я получила его от отца с обещанием, что всякая моя просьба, при которой оно будет предъявлено

ему, должна быть уважена. Возьмите же этот перстень, добрый, храбрый и честный рыцарь, и пусть ваше теперешнее одеяние принесет вам столько же счастья, сколько принесло оно моему супругу, как он сам утверждает.

— Тогда оно должно принадлежать мне навек, — сказал Реджинальд, напрасно стараясь придать своему голосу внятность и твердость.

— Нет, нет, Лебофор, — возразила Лукреция, наклонясь, чтобы скрыть свое волнение, но не в силах сдержать хлынувшие слезы. — Обещайте мне привезти к нам вашу милую английскую невесту, чтобы она могла познакомиться с вашими друзьями в Италии. Благодарность не может вознаградить вас, поэтому я не говорю о ней. А между тем, — прибавила Лукреция с одной из своих очаровательнейших улыбок, — мой супруг простит мне, если я подумаю о том, что ваш первый поцелуй был принят приветливо; пускай же этот наш последний поцелуй унесет с собою пчелиное жало.

— О, никакое время не изгладит в моей памяти этого мгновения, и, чтоб оно длилось вечно, я не хочу прощания! — воскликнул Реджинальд и расстался с Лукрецией и принцем Альфонсо.

XVII

Реджинальда воодушевляли теперь надежда и цель спасти Орсини и отомстить за себя Цезарю, которого он хотел показать во всей его низости, чтобы разрушить все его смелые и честолюбивые планы.

Рыцарь позаботился о том, чтобы ни один гонец не мог покинуть Фазнцы перед его отъездом оттуда, и имел повод рассчитывать, что приверженцы Цезаря употребят все средства, чтобы поправить беду, прежде чем осмелятся послать ему известие о постигшей их неудаче. Путешествие Лебофора совершилось настолько быстро, что на другой день он был уже у берегов Тибра. Когда он сошел с коня в лесной долине, чтобы переправиться через реку на пароме, его догнал чернокожий пешеход и, кинув беглый взгляд на обоих всадников, поспешил дальше с невероятной быстротой.

Погруженный в задумчивость, Реджинальд Лебофор почти не заметил этого человека, принятого за беглого мавританского раба.

Но Бемптон схватил свой лук, наложил стрелу и нанес смертельную рану быстрого гонцу.

Реджинальд только тогда опомнился от изумления, когда узнал в убитом, который с диким воплем скончался, быстрейшего скорохода Цезаря, Зейда. Они с Бемптоном утащили мертвое тело в лес и тщательно обыскали его, думая найти при нем какое-нибудь важное письмо, но нашли лишь несколько строк, составлявших краткое донесение епископа д'Энна герцогу Романьи о том, что весь план в Фаэнце был разрушен изменой английского рыцаря, и Альфонсо со своею невестой благополучно достиг Феррары, и что сам он с целью принятия мер на случай опасности намерен собрать все военные силы и поспешить с ними к Риму для присоединения к Цезарю.

Лебофор поспешно продолжал путь, нигде не останавливаясь, пока не приблизился к городу Браччиано. Он нарочно замедлил свой проезд через окрестности этого города до наступления ночи, чтобы не наткнуться на бродячие шайки осаждающих, и на одном холме ему попало печальное шествие. Несколько вооруженных людей с факелами в руках, одетые в цвета Орсини, под караулом головорезов Мигуэлото, среди которых бросался в глаза известный разбойник и наемный убийца Джиованни из катакомб, сопровождали высокую колесницу, драпированную черным бархатом и украшенную гербами. На ней стояли носилки, где под алым бархатным покровом покоилось два тела.

Это зрелище, естественно, подстрекнуло любопытство Реджинальда; он приблизился к предводителю отряда, сообщил полученный в Фаэнце пароль: «Цезарь император», и узнал, что на носилках лежали тела Паоло Орсини и его отца, герцога Гравини, которые были задушены по приказу Цезаря в их замке Пиеве. С целью устроить юного Фабио с его приверженцами зрелищем кары, постигшей их родственников, и принудить их к подчинению тела убитых торжественно препровождались в Браччиано, где должно было состояться погребение.

Лебофор не решался поверить этому, хотя разбойник уверял его, что сам собственноручно совершил над пленниками акт «правосудия», наконец перед его глазами откинули погребальный покров, причем рыцарь узнал при свете факела лица обоих Орсини. В душе Реджинальда снова вспыхнуло чувство мести Цезарю, но он, затаив его, двинулся в путь, предварительно сказав разбойнику:

— Передай герцогу Романьи, что тебе повстречался гонец из Фаэнцы в вооружении, некогда принадлежавшем одному иоанниту, и доложи его светлости, что в Фаэнце все идет как нельзя лучше.

Лебофор прибыл в Рим очень рано, так что не мог тотчас представиться папе. Известия, полученные им по приезде, только увеличивали его гнев и опасения. Уничтожение всего дома Орсини казалось делом решенным. Приверженцы этого несчастного рода были доведены до открытого восстания ожесточенными преследованиями, которым они подвергались.

Род Колонна волновался в южной Кампанье, встречая тайную поддержку испанцев. Но еще зловещее было появление пресловутого монаха Бруно Ланфранки. Ходила молва, будто он обладает сверхъестественной властью покидать, когда ему вздумается, подземную темницу, где его держит в заточении Цезарь Борджиа, и эти нелепые бредни поддерживались красноречием доминиканца; он собирал вокруг себя несметные толпы народа и возвещал, в качестве посланника небес, страшные пророчества относительно папы и его правления. Бруно при этом проявлял такую горячность, что всех удивило равнодушие папы, не принимавшего никаких мер для прекращения шумных сборищ вокруг этого обличителя. Между тем в данный момент было крайне рискованно допускать волнения среди фанатичной и жестокой римской черни, так как папские войска отсутствовали, занятые подавлением попыток сопротивления Колонна, а затянувшаяся осада Браччиано, наряду с охраной новых владений Борджиа, требовала содействия всех военных сил Цезаря.

Наконец Реджинальд явился в Ватикан и после доклада о том, что он привез письмо от герцогини Феррарской, был тотчас принят папой. Александр сидел, погруженный в мрачные думы, но тотчас повеселел при появлении гонца своей дочери.

— Ну, что? Какие новости? — с нетерпением спросил он. — Как поживает молодая герцогиня? Присутствовали вы при ее торжественном въезде? Что говорили феррарцы при виде красоты невесты своего государя? Ах, им досталось все, чего лишились мы!

— Ваше святейшество, привезенные мною вести предназначены только для вашего слуха, — ответил Реджинальд, не открывая своего лица, причем его голос показался папе знакомым, хотя и измененным.

— Вы говорите каким-то замогильным голосом, — заметил Александр. — Почему не откинете своего забрала? Неужели вы воображаете, что я доверюсь незнакомцу с опущенным забралом?

— При мне письмо, которое должно служить достаточной порукой за меня, — возразил Лебофор и, преклонив колено, подал послание Лукреции.

— Да, это — рука нашей любезной Лукреции, — сказал папа и, распечатав письмо, принялся читать его. Вдруг он побледнел как смерть и, торопливо приказав своей свите удалиться, обратился к Реджинальду: — Значит, это вы одурачили Цезаря, благородный английский паладин, наделавший нам столько вреда? Говорите смело! Мы уважаем вашу храбрость, хотя она и была нам опасна. В этом письме сообщается, что я должен доверять вам, как бы ни были удивительны ваши сообщения и каких бы ужасов ни передали вы мне относительно поступков герцога Романьи. Но прежде всего скажите, где оставили вы нашу племянницу? Лукреция, конечно, в безопасности, в объятиях ее августейшего супруга?

— О да, в безопасности, по ту сторону Равенны, за пределами Фаэнцы.

— За пределами Фаэнцы? Важнейшей крепости ее брата? Неужели вы осмеливаетесь повторить ложные слухи, за которые понесли кару неаполитанские поэты?

— Судите о том сами, когда услышите, с помощью каких средств и с какою целью герцог Романьи назначил меня комендантом Фаэнцы, — ответил рыцарь и весьма спокойно изложил свою беседу с Цезарем в Синигалии относительно захвата в плен Лукреции.

Папа часто прерывал его возгласами, выражавшими недоверие, гнев и удивление; однако сомнения взяли наконец перевес над всем остальным.

— Какое безумное вранье! — воскликнул он. — Пожалуй, вы придумали эти небылицы, чтобы потешить свою ненависть к герцогу и отомстить за своих друзей-изменников? А между тем это — рука Лукреции. Но я понимаю, в чем тут суть. Вы позавидовали тому величию, которого добился Цезарь с таким трудом, подвигами храбрости. Мятежное отродье Орсини скоро будет истреблено, и мы сделаемся повелителями Италии. И вот являетесь вы со своей ложью! У Лукреции нет больше сердца Борджиа, она стала теперь настоящей д'Эсте. Она разлюбила своего отца; да, да, ведь любящая дочь не решилась бы терзать мне сердце подобными выдумками. Прочь с моих глаз, клеветник! Или не отослать ли мне тебя в замок Святого Ангела, чтобы мой сын мог разделаться с тобою по заслугам за твою клевету?

— Может быть, вот этот знак защитит меня! — сказал Реджинальд, подавая кольцо Лукреции. — А если нет, то пусть герцог Цезарь на честном поединке докажет мне, что я лгу, и я буду удовлетворен.

— Это, несомненно, ее кольцо, — промолвил папа, смягчив свой гневный тон. — Но если в вашем рассказе есть хоть тень правды, то как же могло случиться, что Лукреция очутилась в Ферраре, а вы — здесь?

— Меня хотели сделать убийцей ее благородного супруга и найти предлог для моего устранения, когда наступит благоприятное время. Поэтому я не ставлю себе в заслугу, что помог разрушить подлые замыслы, — ответил Лебофор и продолжал тем же твердым тоном рассказывать дальше свою историю.

Папа слушал его в боязливом молчании.

— Это неправда! Этого не может быть! — воскликнул наконец Александр, сжимая кулаки и подняв глаза к небу, точно хотел в избытке своей скорби умолять Провидение изменить в его пользу даже законы нравственности и справедливости.

— В таком случае, прочтите вот эту перехваченную мною депешу шпиона Цезаря; смерть помогла мне добыть это вещественное доказательство, — возразил Реджинальд и подал папе забрызганное кровью Зейда послание епископа д'Энны.

— А что, если все это — правда? Но нет, вы неверно трактуете дело, — сказал папа после долгого разглядывания этой неопровержимой улики. — Герцог Романьи дорожит нашим благоволением, но не любовью своей сестры, и придумал средство удержать ее в дороге, за что вам-то уж не следует быть неблагодарным по отношению к нему.

— Соболаговолите, ваше святейшество, обратить внимание на заключение депеши, где епископ обещает прислать военные силы герцога Романьи в Рим, — продолжал умолимый мститель. — Вам следует еще узнать, для чего именно явятся они сюда.

— Да, герцогиня пишет о предательстве, замышляемом против меня, о разоблачениях, которые я слышу от вас, и предлагает мне помощь своего супруга против своего брата. Ну, она слишком рано вздумала разыгрывать из себя королеву! Святейший престол под нашим господством еще не дошел до того, чтобы нуждаться в помощи ломбардского герцога.

Невзирая на муку, причиняемую им, Реджинальд продолжал свой рассказ, излагая последствия замысла в Фаэнце, которых Цезарь, несомненно, будет добиваться в Риме и которые, вероятно, приведут к свержению папы или, по крайней мере, лишат его реальной власти.

— Мне дурно, добрый рыцарь, воздуха, воздуха! — произнес Александр и шатаясь сделал несколько шагов, но, прежде чем Лебофор подоспел ему на помощь, он уже оправился и резко продолжал: — Это — ложь, это должно быть ложью! Если бы Цезарь замыслил измену против нас, зачем лишил бы он себя поддержки, которую мог дать могущественный союз с герцогом Феррарским?

— Он руководствуется здесь тем же самым побуждением, которое довело его до убийства родного брата, герцога Джiovанни Гандийского, — ответил Реджинальд, и его взор встретился с полубезумным взором Александра.

— Джiovанни убит? — повторил папа, причем на его лице проступил холодный пот и он одно мгновение даже навалился всей своей тяжестью на плечо молодого англичанина. Однако он оправился после энергичного усилия над собою и промолвил: — Это ничего, мы только становимся стары. У меня на секунду потемнело в глазах. Но где же вы оставили мое дитя? Где моя Лукреция? Ах, я близок к смерти, и она подумает, что убила меня! Скажите ей, что это — неправда, добрый рыцарь. Но чтобы Джiovанни пал от руки Цезаря? Нет! Это выдумки, это ложь!

— А разве вы уже забыли безумную молодую еврейку из гетто?

— Это послужило бы, конечно, заслуженной карой для меня, более тяжким жребием, чем участь грешника, обреченного на вечные мучения в неугасимом пламени геенны, — простонал папа. — Но этот страх, по крайней мере, не основателен; вот ты сейчас услышишь сам. — С этими словами он дернул серебряный звонок, прикрепленный к его скамеечке, и, приказав вошедшему слуге ввести доминиканца, опять обратился к Реджинальду: — Встаньте в тени вон того балдахина; монах видит плохо и не заметит вашего присутствия.

Лебофор повиновался.

В комнате вскоре появилась тучная фигура монаха Биккоццо, который, приблизившись к папе, опустился перед ним на колени.

— Не бойтесь! Великая услуга, оказанная вами, согласно вашему обещанию, конечно, может заставить забыть дикие безумства человека, с которым мы поступили несколько сурово и который только что выпущен из нашей тюрьмы, — заговорил Александр. — Верный своему долгу, монах Бруно не откроет того, что было доверено ему на исповеди, но, разумеется, назовет нам убийцу герцога Гандийского.

— Да, если новообращенной еврейке будет дозволено явиться сегодня вечером на торжественный пир, на котором будет присутствовать убийца, — ответил монах.

— На празднестве в Ватикане? Но разве ему известно, что герцог Романьи прибудет сюда из лагеря под осажденным Браччиано?

— Патер Бруно поручил мне просить вас послать за ним, чтобы он мог разделить радость открытия, которое, судя по слухам... Впрочем, я должен молчать обо всем, кроме того, что мне велено сказать!

— Хорошо. Тогда ступай и скажи Бруно, что если он исполнит свое обещание, то его капюшон может превратиться в красную шляпу кардинала, — многозначительно добавил папа.

— Патер Бруно хочет, чтобы вы, ваше святейшество, соблаговолили послать за ним, когда он будет всенародно крестить молодую еврейку на площади Святого Петра; но только для этого понадобится значительная военная сила. Появление большого отряда воинов послужит в глазах черни извинением его покорности. Вдобавок солдаты должны быть под командой надежного человека, на которого вы можете полностью положиться в том, что он не отступит ни перед каким сопротивлением, так как убийца обладает большой властью.

Папа выразил знаком свое согласие.

— Патер Бруно, — продолжал доминиканец, — боится могущества тех, кого он должен предать в жертву вашему мщению, и ради собственной безопасности умоляет вас послать ему в залог вашей защиты золотой ковчежец, который вы всегда носите за пазухой.

— Ковчежец со святыми дарами? — удивился папа. — Один астролог говорил мне, что я не умру, пока ношу его при себе. Но вот он! Передайте Бруно, что он должен держать его у себя, пока сам не попросит выкуп за него.

Биккоццо взял святыню и почтительно приложился к ней, после чего был отпущен молчаливым жестом папы и удалился.

— Ну вот, вы слышали? — торжествующим тоном воскликнул Александр, когда Реджинальд вышел из своего укрытия.

— А это поручение исходит от самого Бруно? — спросил рыцарь также радостным тоном, хотя сначала лишь смутно припомнил странные истории, слышанные им от герцога Альфонсо.

— Разумеется, от него, — подтвердил папа, превратно истолковавший себе выраженное Лебофором удовлетворение. — Послушайте, к какому решению я пришел. Цезарь сам даст сегодня вечером праздник примирения вновь назначенным кардиналам, хотя немногие из них считаются его друзьями. И вот, чтобы опровергнуть все злые помыслы и отвлечь его от зависти счастью сестры, приглашенные должны столкнуться со мною относительно того, чтобы превратить герцогскую корону Цезаря в королевскую. Да, он должен сделаться королем Романьи, потому что небо даровало нам власть раздавать и отнимать все мирские господства на земле, особенно в пределах нашего отечества. Не бойтесь за себя! Ваша безопасность дорога нам, как наша собственная, и мы полагаем, что на этом празднике будет положено начало всеобщему примирению. Вы назначены способствовать благому делу и быть тем послом, которого мы намерены отправить за Бруно и новообращенной еврейкой. Вы должны стать свидетелем всего, а потом вернуться к нашей племяннице с радостными новостями и докладом, что мы желаем видеть ее на троне в Ферраре.

С этими словами папа сделал жест, означающий, что аудиенция Реджинальда Лебофора окончена, и рыцарь удалился.

XVIII

Приблизительно около того часа, когда Реджинальд встретил носилки с прахом обоих Орсини, из одной тюремной камеры замка Святого Ангела выскользнула фигура черного кающегося монаха и, пройдя мимо нескольких часовых, которые пропустили ее без оклика, затерялась в длинном коридоре, который вел в подземелье, где находилась Фиамма.

Монах — то был дон Савватий — спустился туда по винтовой лестнице в колонне, зажег факел и осмотрелся. Первый предмет, который он различил перед собой, была фигура женщины, прикованной к стене и распростертой на соломе.

— Тик-так! Фиамма, час мщения наступил, — сказал монах. — Нотте еле жива и смогла лишь с трудом вымолвить в агонии, что ты видела, куда спрятали отравленное вино. Говори: где мне найти его?

Не отвечая ни слова, узница лишь указала исхудавшей белой рукой на сводчатую галерею. Савватий тотчас после-

довал по указанному направлению и вошел в нишу, служившую как бы винным погребом. Там была навалена большая куча снега, из которой торчали красные бутылки, закупоренные пробками с серебряными колпачками. Другие бутылки, точно такой же формы и цвета, но со свинцовыми колпачками на пробках, лежали поодаль от первых. Доминиканец подошел к первой груде, вынул из кармана инструмент и осторожно вытащил пробки из всех бутылок, не повредив печатей. Потом он откупорил такое же количество бутылок, закупоренных пробками со свинцом, заткнул бутылки пробками с серебряными колпачками, а каждую из первых бутылок снабдил свинцовыми пробками. Произведя этот обмен, он поставил всю посуду на прежнее место, в том же порядке.

— Фиамма, — сказал он, вернувшись в тюремную камеру узницы, — Морта сообщила человеку, обречшему тебя на медленную смерть, что лишь тебе одной из всех ее учениц известно противоядие той тонкой отраве. Смотри, никому не выдавай его!

Молодая женщина засмеялась чуть слышно и заслонила лицо ладонью, как будто свет резал ей глаза.

Колдун с тяжелым вздохом загасил свой факел и пробормотал:

— Тебе следовало бы, по крайней мере, сохранить сознание настолько, чтобы ты понимала, что отомщена и являлась свидетельницей мучений твоего убийцы.

Когда около полудня сигнальная пушка в замке Святого Ангела возвестила прибытие Цезаря, Мигуэлото немедленно представился ему.

Герцог выслушал его донесения с большим вниманием и интересом, причем в его чертах против обыкновения сквозило беспокойство.

— Нам некогда много разговаривать, — сказал он. — Каждая минута дорога. Но монах, надеюсь, не сомневается более в действии нашего волшебного напитка, так как он видел своими глазами старых ведьм в предсмертной агонии?

— Они все еще ползают, — возразил Мигуэлото. — Если бы старухи не питались впроголодь и не были так подозрительны, то не прожили бы и получасового срока, который они предоставляют каждому, кто хлебнул их снадобья. Вот послушали бы вы, как эти колдуньи неистовствуют, ругаются, как они сулят мне все свои сокровища, припрятанные в гетто, если я доставлю им то, что необходимо для изготовления противоядия. Но я доберусь до их богатств более простым способом. Однако сильнее собствен-

ной участи сокрушает евреек обращение в христианство их внушки.

— Я только рад этому, — сказал Цезарь, — потому что это — дело справедливое, а когда мы достигнем своей цели честными средствами, то должны радоваться. Не понимаю, однако, почему меня одолевает такое уныние? Обыкновенно я бываю всегда тверд духом и бодр при каждом своем предприятии, а это — величайший замысел моей жизни, завершение и венец всего. Между тем мне не на что пожаловаться. Все идет отлично; Орсини парализованы страхом и заняты теперь лишь погребение своих мертвецов. Хотя Фабио непреклонен, однако их приверженцы уже тайком переговариваются о сдаче, которую я, однако, отклоняю, потому что откажусь от Браччиано, только получив взамен его Рим. Если грянет гром, то старик не посмеет отказать мне в этом, хотя он и обещал все своей любезной Лукреции, которая мечтает подчинить своему господству нас всех, заняв герцогский трон в Ферраре. Самые утешительные известия приходят из Фаэнцы. Лукреция попала в западню, и последний гонец привез мне весть об одном замысле, который должен погубить обоих моих врагов. Герцог Альфонсо д'Эсте и упрямый английский рыцарь, вероятно, уже сложили головы; иначе что могли бы значить переданные мне Джиованни слова одного незнакомца, встреченного им в Браччиано? Человек в черной одежде иоаннита у трупов Орсини! Конечно, он скоро будет здесь, так как пушка возвестила о моем прибытии в Рим.

— Но не странно ли, что он не явился со своими вестями к вам в Браччиано? — спросил каталонец.

— Это мы раз узнаем. Конечно, епископ д'Энна послал его, чтобы изобразить в благоприятном свете пребывание Лукреции в Фаэнце, согласно моему требованию, — возразил Цезарь. — Но это обстоятельство действительно кажется немного странным. Где же, однако, монахи? — спросил он после некоторой паузы.

— Я как раз слышу его бормотанье — неизменное «тик-так», — ответил Мигуэлото. — Одинокое заключение несколько помутило его рассудок, но так бывает со всеми. Фиамма тоже сделалась очень странной.

— Тик-так! Как удивительно вертится мир, не зная ни покоя, ни отдыха! — бормотал про себя Бруно, входя в комнату, но его тон сделался рассудительнее и спокойнее при виде герцога Романьи. — Ваша светлость, — продолжал он, — еврейки находятся в предсмертной агонии и умрут без покаяния и отпущения грехов.

— Туда им и дорога! — заметил Цезарь. — Их гибель — дело правосудия.

— Герцог Романьи говорит так, и это — вещие слова, — промолвил Бруно с особым выражением в глазах.

Последнее не ускользнуло от подозрительного Борджиа и он пригрозил:

— Назови это мщением, а не правосудием, если хочешь, но смотри, как бы та же участь не постигла тебя самого! Соучастники твоего колдовства еще живы и могут поведать всем, кто ты таков, если ты прогневишь меня. Но я тебе доверяю; отныне ты должен стать нашим единственным чудотворцем. Вопреки заявлению Мигуэлото, вопреки мольбам евреев, ты должен сдержать слово, данное черни, и появиться со своей новообращенной на площади Святого Петра. Ты должен опровергнуть перед папой слова евреев, утверждавших, будто бы Мириам помешанная; да, ты должен опровергнуть их своими чудесами, хотя твое обвинение навлечет гибель на князей церкви, симонистов, имена которых ты найдешь вот в этом списке. А если тем временем Мириам придется выдать по высочайшему повелению евреям и вся христианская чернь поднимет из-за этого бунт, если Колонна и Орсини затеют открытое восстание, а простонародье признает твою чудодейственную силу, то Александру останется искать себе защиты только в моей крепости, и мечи солдат сделаются для него единственной надеждой на спасение. Когда же он очутится у меня, в замке Святого Ангела, а она — в Риме, то я стану императором, ты — святым, а Лукреция...

— А она?.. — спросил доминиканец.

— Ну кем же она может стать, подавленная ужасной молвой, которая должна последовать за нею сюда из Фаэнцы, и после гибели обоих своих возлюбленных? — спросил Цезарь, кидая на Бруно пронзительный взгляд.

— Монахиней самого строгого ордена, — холодно ответил тот.

— Разумеется, чтобы тем лучше подходить тебе! — с мрачным смехом подхватил Борджиа. — Доведенная до отчаяния, изнемогающая под бременем своих преступлений, чем же иным может сделаться она? Ведь не думаешь же ты, что мы станем умолять ее разыгрывать роль императрицы в Риме или помогать тебе в деле исправления ее любезного родителя? Однако пора браться за дело, — продолжал Цезарь. — Наш властелин пьет на испанский манер, но погода стоит жаркая. Мигуэлото, шести бутылок того же сорта, как те, чудодейственные, будет вполне достаточно, а мы

оба удовольствуемся свинцовыми пробками, хотя они не так престижны, как бутылки с серебряными коронами, предназначенные для наших гостей.

— Никакого подозрения не может возникнуть, — сказал Мигуэлото.

— И все-таки нам следует подать смотрителю погребов знак, когда он должен поднести превосходный напиток нашим друзьям. Кроме того, пусть он пришлет мне тарелку с персиками по числу осужденных, теми самыми, что были собственноручно сорваны мною. Ну, теперь ступай и ты, берись за свое дело, монах! Минуты бегут.

Бруно вздрогнул, словно очнувшись от забытья, но тотчас повиновался и вышел с низким поклоном.

— И до тебя дойдет очередь, — промолвил Цезарь, провожая его долгим, тревожным взглядом. — Когда твое дело будет сделано, я постараюсь узнать, почему помогал ты мне с таким рвением. Мигуэлото, смотри, чтобы все было готово, а если сюда придет иоаннит — посол из Фанцы, то направь его немедленно ко мне во дворец.

Роковые часы быстро проходили один за другим, и приглашенные на праздник гости собрались в большом числе в зеленеющих крытых ватиканских аллеях. Папский двор направился в зеленый зал из ильмовых деревьев, переплетенных между собою побегами виноградных лоз. Здесь находились папа и герцог Романьи с блестящей свитой из кардиналов и дворян, среди которых можно было заметить рыцаря со спущенным забралом.

Волнение в чертах лица папы возбуждало всеобщее внимание. Цезарь также казался расстроенным, в особенности когда увидел иоаннита; но в ответ на его испытующий взор со стороны рыцаря последовал многозначительный кивок головою, что снова успокоило и ободрило герцога.

Папа был погружен в глубокую задумчивость и делал вид, что благосклонно выслушивает любезности, которые Цезарь расточал кардиналам по мере того, как Бурчиардо представлял их с обычными формальностями.

— Церковь в вашем лице получила превосходное пополнение по наитию свыше, — говорил герцог. — Хотя мы и не принимали участия в вашем повышении, высокочтимые синьоры, однако сердечно радуемся ему и даем этот праздник в знак нашего удовлетворения.

— Племянник, — сказал папа, — признавая, что ваша радость настолько же политична, насколько и благородна,

прошу вас выслушать нас. В доказательство того, что всякие слухи о нашем нерасположении к вам или о забвении ваших заслуг были несправедливы, святая коллегия с нашего согласия единодушно решила в воздаяние ваших трудов заменить ваш герцогский титул королевским и сделать вас королем Романьи.

Сам Цезарь был так поражен подобной неожиданностью, что не сразу опомнился.

Однако он скоро пришел в себя и поразительно кратко и холодно выразил свою благодарность.

— Романья! — воскликнул честолубец. — Мы боимся, что это имя скоро сделается настолько нестерпимым для нашего слуха, что ему не поможет даже королевское достоинство. Не по приказу ли вашего святейшества герцогиня Феррарская остается в Фаэнце?

— Уж не боишься ли ты, Цезарь, что она отнимет у тебя город? — возразил озадаченный папа.

— Нет, не то, но я назначил Реджинальда Лебофора комендантом Фаэнцы за его храбрость, а вашему святейшеству известно, что герцогиня Феррарская по некоторым причинам не должна оставаться там, где повелевает он. И... я принужден позволить себе смелость просить вас заставить ее поторопиться с отъездом во избежание дурной молвы, вредной для всех нас.

— Вина! Мне нездоровится! Но это правда, Цезарь, мы слышали о том. Набеги Вителли пугают Лукрецию, однако при ней теперь супруг, который придаст ей мужества, — ответил папа с заметным содроганием.

Это было не без удовольствия замечено Цезарем, и он воскликнул:

— Ну, тогда наполним кубки и дружески чокнемся! Я нашел в Урбино запасы превосходного вина и хочу сегодня на радостях угостить им знатоков. Скажите мессигу Антонио, чтобы он прислал мне алые бутылки вместе с персиками, собранными мною собственноручно в садах Лукреции.

В эту минуту из многочисленной толпы придворных выступил Мигуэлото, опустился перед папой на колени и замер в ожидании позволения заговорить.

— Что с тобой? — спросил его Цезарь. — На тебе лица нет. Чем ты так напуган?

— Ваша светлость, — ответил каталонец, — монах, бежавший из замка Святого Ангела и уже давно мутивший народ, крестит теперь, вопреки моему запрещению, еврейку на площади Святого Петра, да еще произносит возмущи-

тельные речи перед уличным сбродом. Еврейка помешаная, и ее родные утверждают, что доминиканец старается только присвоить себе ее наследство; это берутся доказать богатыишие и самые почтенные из ее соплеменников.

— Ступайте, передайте еврейку ее близким и схватите монаха именем его святейшества! — повелительным тоном распорядился Цезарь. — Народные волнения становятся опасными.

— Нет, монах и новообращенная должны предстать перед нами! — внезапно вспылив, воскликнул папа. — Евреи должны быть заслушаны, и мы сами рассудим, в здравом ли уме та женщина, или такая же помешанная, как некоторые люди среди нас, разгуливающие, однако, на свободе.

— К чему же это, если нам известно, что дело идет о той самой сумасшедшей девушке, которая вела странные речи против нас в день юбилея? — с беспокойством возразил Цезарь.

— Так должно быть, или мы посмотрим, кто властелин в Риме, — ответил папа более строгим тоном и, тяжело вздыхая, оглянулся на Реджинальда, после чего прибавил: — Рыцарь, мы можем вполне положиться на вас. Возьмите с собою наших швейцарцев, которых мы отдаем под вашу команду.

— Может вспыхнуть бунт, а у нас в Риме не найдется достаточно военных сил для отпора мятежникам, — сказал Цезарь, — в особенности если еврейка будет схвачена с целью предания ее в руки родственников, жаждущих мести.

— Пусть этот рыцарь предотвратит насилие, — возразил папа со вздохом.

Цезарь истолковал это в благоприятном смысле, тем более что посол из Фазнцы ответил на его испытующий взор низким поклоном, и обратил все свое внимание на смотрителя погреба, появившегося с вином в красных бутылках. Реджинальд поспешил выйти, а Цезарь так зорко следил за смотрителем погреба, откупоривавшим вино, что Мигуэлото напрасно ожидал условного знака с его стороны; лишь заметив, что кубки, предназначенные для него и папы, наполнены из бутылок со свинцовыми, а все остальные — из бутылок с серебряными головками, Цезарь, подняв глаза, произнес:

— Теперь у нас тревожные времена, и мы должны подготовиться к самому худшему! Окружи виноградник моими телохранителями, Мигуэлото, чтобы чернь не последовала сюда за своим предводителем-прорицателем. Отвори ворота в замке Святого Ангела и вели своим солдатам выстроить-

ся, чтобы мы могли доставить его святейшество в безопасное место в случае возникновения беспорядков.

Волнение Александра явно усиливалось, но, будучи уверен, что его приказ поспешат исполнить и монах с еврейской сейчас предстанут перед ним, он повеселел. Рассыпаясь в похвалах, он вторично заявил о своем намерении возвести Цезаря в королевский сан и предложил присутствующим выпить за здоровье короля Романьи.

Между тем Мигуэлото явился с великолепно вооруженными солдатами Борджиа, после того как Реджинальд отправился исполнять данное ему поручение. Тут Цезарь впервые высказал свою благодарность, хотя пожаловался со смехом, что ему самому нельзя отведать превосходный напиток. Когда же все собрание поднялось и каждый из вновь произведенных кардиналов взял в руки наполненный кубок, ожидая знака со стороны папы, чтобы поднести его к губам, лицо Цезаря озарила радость.

Зато на лице папы виднелось совсем иное выражение. Его нервная рука дрогнула, когда он поднял кубок, и после минутного колебания он снова поставил его на стол, стал шарить у себя за пазухой, а затем сказал молодому епископу Караффа:

— Ступайте во дворец и принесите мне мой ковчежец. Впрочем, нет, нет, я позабыл, что отдал его сам в залог нашей защиты одному человеку!

Однако епископ успел уже удалиться, чтобы исполнить полученное поручение.

Папа осмотрелся с некоторым смущением вокруг, поспешно схватил кубок и осушил его, не произнеся никакого тоста.

— Ваше святейшество, вы забыли провозгласить тост за здоровье короля Романьи, — с улыбкой сказал Цезарь, но взглянул с видом обманутого ожидания на гостей, которые смотрели друг на друга во все глаза, не решаясь пить.

— Да, это правда, — поспешно подтвердил папа, — однако мою забывчивость легко исправить. Пусть наполнят еще раз бокалы. Я позабыл, нет, не позабыл, но мои мысли смешались, рассеяны; не знаю, как это произошло. Мне все чего-то недостает, и я сам не свой с той поры, как не стало солнечного света, навсегда покинувшего нас. Моя старость становится крайне одинокой. Но это должно предостеречь нас на будущее время, чтобы мы не опустошали сердца других. Кротость подобает старцу, и отныне я намерен более прислушиваться к ее голосу, чем к строгому призыву правосудия. За здоровье короля Романьи!

Папа вторично осушил кубок, и все последовали его примеру, к безграничному удовольствию Цезаря.

После этого он поднялся с места и выпил за здоровье новых кардиналов. Папа присоединился к нему, в надежде успокоить свое все усиливавшееся волнение. Цезарь осушил кубок до дна, не оставив в нем ни единой капли, и приказал смотрителю погреба, принесшему персики, снова наполнить кубки его превосходным вином, чтобы все присутствующие могли выпить за благополучное и скорое прибытие герцогини Феррарской в ее новую столицу.

Александр с жаром присоединился к этому тосту и, обураваемый своими затаенными помыслами, вероятно, впервые по восшествии на папский престол нечаянно назвал Лукрецию своей любезной дочерью, сестрой короля Романьи.

Кардиналы переглянулись, несколько раздосадованные обмолвкой папы, но Цезарь вдруг воскликнул с затаенной насмешкой:

— Да, никто не может отрицать, что его святейшество всегда обращался с моей сестрой, как с дочерью, со своей любимой дочерью!

Александр взглянул на герцога с неописуемым и страшным выражением, так что тот едва смог выдержать молнию этого гневного, испытующего взгляда и отвернулся в сторону, глядя на дверь, откуда должен был появиться монах Бруно.

Последний действительно показался минуту спустя между двух швейцарцев, но без Мириам, в сопровождении лишь доминиканца Биккоццо.

Внимание всех гостей тотчас сосредоточилось на Бруно и, когда он остановился перед группами участников пира в пышных одеяниях и гордо выпрямился без малейшего признака почтительности к папе, с мертвенно-бледным лицом, выражавшим жестокую, хотя немую страсть, всем невольно сделалось жутко.

Только герцог Романьи оставался спокойным. Он кивнул монаху и бросил многозначительный взгляд на опорожненный бокал.

Бруно отлично понял этот взгляд, и зловещая улыбка тронула черты его изможденного лица.

— Где же твоя новообращенная? — спросил монаха папа. — Мы приказали представить ее нам, чтобы мы могли разрешить спор между тобой и евреями, которые объявляют ее помешанной.

— Она с моими прочими верующими и ругающимися евреями задержана у ворот стражей герцога Романьи, —

спокойно ответил доминиканец. — Черный рыцарь, посланный вашим святейством, просит приказания впустить их или позволения проложить себе дорогу среди сопротивляющихся.

— Бурчиардо, ступайте и прикажите от моего имени, чтобы никто не препятствовал пропуску иоаннита, евреев и Мириам; мы сами учиним здесь суд, — сказал папа с порывистой запальчивостью.

Это заставило Цезаря воздержаться от открытого сопротивления отцу, и он произнес с притворным равнодушием:

— Хорошо! Я не вмешиваюсь в обращение неверных, хотя, говорят, эта еврейка хороша собою. Однако, монах, ведь я — знаменосец церкви и имею право спросить тебя, какого рода учение проповедуешь ты; ведь оно подстрекает народ к мятежу и еретическому неверию.

— Мое учение не подлежит вашему суду, — спокойно возразил монах, — судить о нем подобает только церкви.

— Тогда изложи мне его; я есмь церковь, — приветливо, но все еще в сильном волнении сказал папа. — Познакомь меня со своими планами, и если они хороши и полезны, то я буду усердно способствовать им, так как чувствую, что слишком долго медлил с этим делом.

— Вот мои планы! — ответил монах. — Я хочу искоренить симонию Родериги Борджиа, ложно именующего себя папой Александром Шестым. Симония распатала столпы церкви в глазах всего мира, так что небесная твердь колеблется над нашими головами, готовая рухнуть и ввергнуть землю опять в первозданный хаос. Я хочу уничтожить все его проклятое отродье. Я хочу очистить церковь от грязи и вернуть заблудшие человеческие племена в ее стадо; я хочу показать небесное правосудие во внезапном, страшном и окончательном падении нечестивой шайки, которая осмелилась похитить даже молнии Господнего гнева, чтобы только опустошить землю!

— Он сумасброд, совершенный сумасброд, — сказал после долгой паузы Александр, опомнившись наконец от изумления, — но, как безумец, этот монах может неистовствовать безнаказанно.

— У него есть мужество и, пожалуй, миссия пророка, — возразил Цезарь, причем в тоне его голоса сквозил, может быть, не совсем притворный страх. — Взгляните, как почернели ступени Ватикана от приведенного им уличного сброда. Надеюсь, что нам, по крайней мере, не преградят дорогу в замок Святого Ангела и мы успеем доставить этому чудотворцу наш ответ из-под Браччиано.

— Я вспомнил, Цезарь, что имел намерение посетить наши тюрьмы в замке Святого Ангела ради дел милосердия и помилования преступников, — произнес папа. — Между прочим, я обещал Лукреции навести справку, содержится ли там Фиамма Колонна как узница, или живет у вас в качестве гостя.

— Ваш зять великодушно принял ее во Флоренции под свою защиту; после взятия Капуи мы не слыхали ничего больше о ее судьбе, — не без тревоги ответил Цезарь. — Дай Бог, чтобы она не натворила бед в Ферраре! Однако, монах, древние пророки имели видимые знаки своего призвания свыше. А где доказательства, что ты послан Богом? — насмешливо спросил герцог, но с многозначительным взглядом, который был понятен Бруно.

Последний ответил на него взглядом, полным отвращения и торжества, и воскликнул:

— Может ли быть знамение более явное, чем то, что Цезарь Борджиа, братоубийца, превзошедший жестокостью Каина, тиран, гнуснее Нерона, неверующий, перещеголявший Фому, помышляет об исправлении церкви? Право, я удивился бы гораздо меньше, если бы покрывающие пустыри семи римских холмов развалины внезапно воздвиглись вновь во всем их минувшем великолепии!

— Послушай, монах: хотя ты и помешанный, но твои бредни полны злобы, отличающей тебя от прочих безумцев, — заметил Цезарь.

— Я ссылаюсь на защиту его святейшества, которая была обещана мне при этом знаке, — с горькой усмешкой ответил Бруно и показал ковчежец папы.

— Это правда, — подтвердил Александр глухим, мрачным тоном. — Цезарь, поскольку ты считаешь этого монаха пророком, то оказывай ему почет, который подобает пророку.

— Но ведь вы требуете доказательств, — поспешно продолжал доминиканец, — и я даю вам ответ. Разве я здесь не на свободе? Разве я не принудил камни в замке Святого Ангела возратить мне мою новообращенную? Да, и я отвратил твою приносящую несчастье дочь, Александр, от прелюбодеяний в Фаэнце, и она должна повиноваться.

— В каких прелюбодеяниях ты обвиняешь нашу дочь? — воскликнул папа и перевел взгляд с монаха на Цезаря, который, очевидно, был его сообщником.

— Симонист! — запальчиво воскликнул Бруно. — Ты противозаконно и безбожно расторг помолвку своей дочери с сыном человека, который спас тебе жизнь и которым ты

пренебрег, возгордившись своим нечестиво достигнутым господством. Это он называет супругу Альфонсо Феррарского прелюбодейкой, ту самую, которая милуется с Реджинальдом Лебофором! Это он через посредство отвратительного чудовища, твоего сына Цезаря, возвращает ее теперь обратно в Рим!

— А где же он, этот удивительный первый жених Лукреции? Глупец, ты бредишь! — воскликнул Цезарь не своим голосом и схватился за кинжал, но отпрянул назад перед гневным взором, который метнул на него папа.

— Он здесь, — ответил монах. — Я — Бернардо Ланфранки, которого жалкая гордость и тирания Родериго Борджиа лишила обрученной невесты, чтобы принудить его к монастырской жизни.

— Если ты — Бернардо Ланфранки, то зачем ты так долго скрывался от моей благодарности, хотя, правда, она не зашла бы так далеко, чтобы принести тебе в жертву мое дитя? Ты должен получить все необходимое для своего благосостояния, только перестань бредить Лукрецией. Узнай, что твое требование пришло слишком поздно в Фазнцу, а сюда явится сейчас некто, принесший нам весть, что она благополучно избежала расставленной ей западни, встретилась со своим супругом, Альфонсо Феррарским, и прибыла в его укрепленную столицу. Приветствуй его, Цезарь! Это — твой военачальник в Фазнце, Реджинальд Лебофор.

В этот момент Реджинальд вошел в зеленый зал в сопровождении Бурчиардо и новообращенной Мириам, которая была в длинном белом одеянии и шла, устремив взор на мотылька, порхавшего перед ней. Услышав слова папы, рыцарь тотчас откинул забрало и предстал перед изумленным Цезарем.

Появление Лебофора еще сильнее действовало на доминиканца; он несколько мгновений смотрел во все глаза на молодого англичанина, потрясенный неожиданной новостью.

— По крайней мере, я требую мщения, — воскликнул он, после чего подтолкнул новообращенную вперед и, сорвав с нее покрывало, воскликнул: — Мириам, вот награда, обещанная тебе мною за твою веру, — месть убийце твоего Джованни! Оглядишься вокруг, Мириам, и скажи нам — кто он.

Наступило напряженное, глубокое молчание; Мириам озиралась кругом, пока ее взгляд не упал на Цезаря, лицо которого пылало, искаженное дьявольскими страстями и страхом. С воплем, который, казалось, должен был достичь до неба, молодая еврейка указала на него:

— Вот он, вот он! О, окажи мне правосудие, судья, и умертви убийцу Джиованни!..

Она стремительно подбежала к папе и бросилась перед ним на колени.

Цезарь вскочил, как дикий зверь, потревоженный в своем логовище, и, казалось, был готов кинуться на несчастную еврейку; однако не на шутку встревоженный папа сам поднялся с места и воскликнул:

— Проклятие тебе, Каин! Подойди ближе, и моя собственная рука... Гвардейцы, копьа вверх!

Меч Реджинальда тотчас сверкнул над головою колено-преклоненной еврейки.

— А теперь выслушай мое проклятие, — сказал Бруно, стоявший перед блестящим собранием в суровом величии зловещего пророка древних времен, с горевшими гневом глазами. — Выслушайте меня, Родериго и Цезарь Боржиа! Небу стали наконец нестерпимы ваши преступления, — земле и небу! Тираны, угнетатели, изменники! Час суда, справедливого возмездия и разрушения близок! Повелеваю вам через час предать свои отвратительные души праведному мщению, и пусть ответ на мое требование решит, пророк ли я, посланный Богом, или лживый обманщик из ада.

— В самом деле, со мной поступают ужасно! Отцеубийца, ты отравил мое вино? — воскликнул Александр, побледнев, как мертвец, пошатнулся и был отведен Реджинальдом к своему креслу.

— Мое сердце в огне, но в этом я не повинен, Александр. Адский колдун, ты отравил меня? — сказал доминиканцу Цезарь, в организме которого уже начал действовать яд.

— Нет, я только заменил головки на бутылках серебряными ради почетного отличия, подобавшего вашему сану и вашим заслугам, — со злобной улыбкой ответил ему монах.

— Унесите меня прочь отсюда! Я умираю! Рыцарь, в Ватикан, не в замок Святого Ангела, — простонал папа и, бросив ненавидящий взгляд на Цезаря, прибавил: — Это — правосудие!

После того он без сознания склонился на руки подоспевших к нему Реджинальда и Бурчиардо.

— Противоядия! Противоядия! Нотте и Морта! Тысячу золотых тому, кто приведет сюда одну из них! — крикнул Цезарь.

— Ваша светлость, они обе умерли, когда я покидал крепость Святого Ангела. Епископ д'Энна прибыл со страшными вестями, — сказал Мигуэлото, только что вбе-

жавший в зал пиршества и с ужасом смотревший на потрясающее зрелище.

Мириам, увидав его, с испуганным криком выскочила из-за кресла папы и опрометью кинулась в одну из крытых аллей виноградника.

— Никакой надежды на спасение! — кричал Цезарь, шатаясь и бледнея как смерть. — Все пропало! Отрава горит в моей груди! Мщение! Мигуэлото, хватай колдуна! Он отравил нас. Отец, не считайте, по крайней мере, меня своим убийцей! Помогите!.. Фиамма!.. О, Фиамма! Противоядия! Огненная фигура! Черная в сверкающей чалме! Прочь его! Он вырывает у меня сердце своими раскаленными щипцами! Все эти чудовищные образы. Пламя... пламя! Так это и есть ад? Ужас! Ужас! Помогите... спасите! Фиамма, помоги!

И герцог Романьи рухнул без памяти на пол.

Когда с поразительной быстротой по Риму распространилось известие, что папа находится при смерти в Ватикане, а герцог Романьи в таком же состоянии в замке Святого Ангела, в городе тотчас возникли беспорядки, грозившие перейти во всеобщее волнение.

Еще неделю томился папа в жестоких предсмертных страданиях, пользуясь до самого конца заботливым уходом Реджинальда Лебофора.

Об участии Цезаря не знали ничего достоверного. Ходила только смутная молва, что он еще жив и что какая-то колдунья избавила его от действия отравы разными диковинными снадобьями. Однако телесные муки, казалось, не сломили силы и энергии его духа, и, как только стало известно, что папа скончался, его солдаты заняли Ватикан, откуда Реджинальд успел своевременно ускользнуть. Фабио выступил с сильным войском в Рим и угрожал смертью всем Борджиа. Реджинальд поспешил ему навстречу и скрежетал зубами от ярости, когда услышал, что Паоло Орсини в последние минуты просил передать английскому рыцарю просьбу уехать в Англию не ранее того, как он отомстит за его смерть уничтожением тиранов.

Относительно участи, постигшей Мириам, не удалось получить достоверных сведений, но, когда мстители проезжали по мосту в замок Святого Ангела, старый лодочник Чиоване причалил к берегу с женским трупом, который он вытащил из речной тины. Это было тело Мириам. Однако добровольно или насильственно нашла она свою смерть в волнах Тибра, осталось навсегда неразгаданною тайной.

Фабио Орсини и Реджинальд решили отомстить Цезарю, но значительные боевые силы, которыми герцог Романьи занял Ватикан и крепость Святого Ангела, а также приказы кардинальской коллегии, взявшей на себя управление городом и старавшейся удалить оттуда все враждующие партии на время выборов нового папы, сильно затрудняли эту задачу. Тогда Фабио решил подстрекнуть фанатичное безумие народа, прося помочь ему освободить проповедника Бруно из рук Цезаря. Народная ярость вспыхнула при этом с такой мощью, что римляне потребовали оружия, собираясь идти на приступ крепости Святого Ангела. Однако этот замысел был внезапно разрушен встречным народным движением, вызванным партией Борджиа. Было объявлено, что колдун в монашеской рясе потребовал, чтобы Божий суд огнем доказал непреложность его пророческой миссии и несправедливость взведенного на него обвинения, и Цезарь разрешил произвести это торжественное испытание всенародно на площади Святого Петра.

Любопытство и фанатизм черни были возбуждены до предела. Фабио с Реджинальдом решили присутствовать на этом зрелище, чтобы воспользоваться каждым благоприятным случаем для возмущения народа, в надежде, что доминиканец потребовал Божия суда лишь с целью найти защиту у своих приверженцев и врагов Борджиа.

Костер на площади был воздвигнут. Лебофор и Фабио с конным отрядом отборных солдат приготовились действовать, едва только представится удобный момент. Бруно Ланфранки явился, окруженный многочисленной стражей; Мигуэлото шел с ним рядом с обнаженной головой. Бруно шел, откинув капюшон и потупив взгляд; ни в его поступи, ни в чертах сурового лица ничто не указывало на то, что он страшится грозного Божиего суда. Вдруг Биккоццо, проложив себе дорогу в густой толпе, кинулся в ноги Ланфранки и стал умолять монаха сказать только слово, после чего народ немедленно освободит его. Запрудившая площадь несметная толпа заволновалась, загудела. Но Бруно мановением руки водворил тишину и обратился к народу с проникновенной речью, в которой изъявил свое непоколебимое намерение предать себя пламени.

Реджинальд был склонен освободить его насильно, но Фабио Орсини поддался общему суеверному волнению и присил своего друга дожидаться результата.

Костер подожгли, и пламя взвилось высоко кверху. Реджинальд намеревался предпринять еще одну попытку под-

стрекнуть толпу к освобождению монаха, как вдруг возглас Бемптона: «Берегитесь! Измена!» — заставил его вздрогнуть. Верный старый оруженосец кинулся к нему и успел вовремя заслонить его собою, приняв в грудь смертельную пулю, предназначавшуюся молодому рыцарю.

Увидев, что его покушение не удалось, Мигуэлото приказал своим конным солдатам поспешить обратно в крепость Святого Ангела, но Лебофор яростно поскакал за ним вдогонку и настиг каталонца на мосту замка. Однако у Мигуэлото не возникло желания померяться силами с разъяренным противником, да и не было времени: испуганная лошадь Мигуэлото прыгнула вместе с ним самим через перила в реку. Бемптон скончался в объятиях своего юного повелителя с предсмертными словами:

— Домой! Домой!

Кардиналы употребили все средства, чтобы восстановить спокойствие в городе перед избранием нового папы, и по соглашению с посланниками иностранных держав было решено, что Цезарь, Орсини и Колонна должны оставить город со всеми своими войсками. Реджинальд не хотел уезжать, пока партия Борджиа не выступит из Рима, и остановился у городских ворот. Вскоре появились носилки, в которых двенадцать алебардистов несли некогда столь могущественного властелина. Реджинальд выразил желание переговорить с Цезарем, но неожиданно подскочил юный паж в надвинутом на глаза берете и поднял свою секиру, готовый оказать должный отпор, если бы английский рыцарь вдруг проявил враждебные намерения. Реджинальд передал ему свою железную перчатку с просьбой доложить Цезарю о вызове.

— Оставьте, рыцарь, свою перчатку при себе, — ответил юноша. — Это бесполезно, он не в состоянии ответить вам. Некогда столь могучий ум потрясен, и не осталось больше ни одного столпа, чтобы подпереть падающее здание.

В это время Цезарь сам отдернул занавеску своих носилок, свирепо и упрямо посмотрел на своего противника и воскликнул:

— Поддай мне перчатку, Фиамма! Я хочу жить, хотя бы только для того, чтобы отомстить этому рабу, разрушившему все мои планы создания могучей империи.

Реджинальд, хотя и обманулся в своем расчете расквитаться с заклятым врагом и потерял надежду на все, все же не мог заставить себя вернуться в Англию и однажды, в

момент полного уныния, решился отпустить домой своих стрелков и хлопотать о принятии его в орден иоаннитов. Покинув Рим, он отплыл на остров Родос, в то время главное владение ордена. Однако некоторое время спустя молодой англичанин был так возмущен распущенностью иоаннитских рыцарей, что изменил свое намерение.

К тому же произошло событие, подавшее ему новую надежду удовлетворить свою жажду мщения.

Падение Цезаря Борджиа было так же стремительно, как и его возвышение, а после того как физическое действие отравы было ослаблено, больного постиг душевный недуг. Ярость его врагов несколько утихла, когда они отняли у него всю власть и все его владения. Испанцы отправили некогда победоносного вождя в качестве пленника в свое отечество, где он просидел два года в одном укрепленном замке, пока не вырвался на свободу с помощью своего верного паж Фиаамы, делившей его заточение. Цезарь бежал в Наварру, король которой, его зять, принял его с распростертыми объятиями. В войне между королем и его вассалами Борджиа стяжал вновь свою былую военную славу, и молва о ней побудила Реджинальда оставить свое намерение поселиться на Родосе. Вновь обуреваемый жаждой мщения, англичанин отправился через Францию в Наварру и прибыл в город Виенну, осажденную королем наваррским и Цезарем Борджиа. Лебофор поступил добровольцем на службу владетельного князя Виенны, и прибытие знаменитого английского рыцаря вдохнуло новое мужество в осажденных. Они отважились на вылазку; последовала ожесточенная битва, осажденные потерпели в ней поражение и обратились в бегство. Когда Цезарь слишком рьяно бросился преследовать беглецов, ему внезапно преградил дорогу рыцарь в ненавистном и зловещем для него одеянии иоаннитского ордена.

— Цезарь Борджиа, — громко воскликнул Реджинальд, — я явился к тебе за своей перчаткой!

Через минуту, думая, что противник успел приготовиться к битве, он взял копье наперевес и кинулся на герцога. Тот как будто внезапно обессилел, и Лебофор ощутил, что оружие врага лишь слабо скользнуло по его груди, тогда как его собственное копье, пробив доспехи Цезаря, вонзилось в его тело, и кровь хлынула из раны. Цезарь еще твердо держался в седле, пока наконец не упал навзничь на руки паж, поспешно соскочившего с лошади и едва успевшего подхватить его. Тяжесть герцога пригнула верного слугу к земле; тогда Реджинальд в свою очередь также

спрыгнул с коня, чтобы поспешить ему на помощь. Паж снял шлем со своего раненного господина.

Опершись на локоть, Цезарь уставился на Лебофора полубезумным взглядом, а юноша-паж старался унять кровь, лившуюся из глубокой раны.

— Не суетись, не суетись, Фиамма, все напрасно! Видишь, он явился за мной, — произнес Борджиа глухим, дрожащим от ужаса голосом. Это Джиованни!

— Нет, я — Реджинальд Лебофор и явился, чтобы заставить тебя поплатиться за все твои преступления! Жалею только, что тебя не постигла смерть злодея.

— Реджинальд Лебофор! Ну, тогда, человеческое ли ты существо, или... порождение ада... Фиамма,пусти меня! — воскликнул Цезарь и оттолкнул руку, зажимавшую ему шарфом рану.

Он с нечеловеческим усилием вскочил на ноги, чтобы кинуться на своего врага, но снова рухнул наземь возле коленопреклоненной Фиаммы.

Много лет не мог позабыть Реджинальд вопль испуга, вырвавшийся у объятый горем Фиаммы, когда она увидела предсмертную бледность окровавленного возлюбленного, голову которого несчастная еще старалась безуспешно приподнять.

Приближение отряда наваррских всадников вынудило английского рыцаря подумать о собственной безопасности, и он покинул пажу, припавшего к груди своего страстно любимого, жестокого повелителя, этого гения коварства, наконец-то покинувшего земной мир, который он осквернял своими бесчисленными преступлениями. История занесла их на свои бесстрастные, правдивые страницы, и имя Борджиа сделалось вечным позором всего человечества.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Часть первая</i>	5
<i>Часть вторая</i>	152
<i>Часть третья</i>	300

М. Линдау
ЗЛОЙ ГЕНИЙ КОВАРСТВА
роман

Редактор
С. Ермолаев

Художественный редактор
И. Марев

Технический редактор
Г. Шитова

Корректор
В. Антонова

ЛР № 030129 от 02.10.91 г.
Подписано в печать 26.02.96 Уч.-изд. л. 29,95
Цена 21 000 р.

Издательский центр «ТЕРРА».
113184, Москва, Озерковская наб., 18/1, а/я 27.
Оригинал-макет подготовлен ТОО «Макет».
141700, Московская обл., г. Долгопрудный,
ул. Первомайская, 21.

ТАЙНЫ

Стоит услышать фамилию Борджиа, как в памяти всплывают три печально известных, очерненных людской молвой представителя знатного рода: Родриго, Чезаре, Лукреция. Родриго Борджиа, папа Александр VI — темное пятно в истории папства, он прославился убийствами своих врагов и приближенных, продажей церковных должностей, расточительностью, развратом, многочисленными любовными связями. Однако Чезаре превзошел отца. В этом бесспорно незаурядном человеке органически сплелись все пороки и добродетели эпохи средневековья.

К златоволосой очаровательной Лукреции судьба отнеслась более благосклонно. Вторая половина ее жизни искупает грехи первой и даже в какой-то мере опровергает возводимые на нее чудовищные обвинения.

Исторический роман «Злой гений коварства» не только красочно отображает быт и нравы описываемого времени; под пером талантливого беллетриста оживают и сквозь дымку времени четко выделяются люди средневековой Европы — простолюдины, аристократы, политики, отцы церкви и замечательные гуманисты эпохи Возрождения.

ИСТОРИИ

в романах, повестях и документах